

А. И. Соловьев

ПОЛИТОЛОГИЯ

Политическая теория. Политические технологии

*2-е издание,
переработанное и дополненное*

*Рекомендован Министерством образования
Российской Федерации в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений*

АСПЕКТ ПРЕСС
Москва
2009

УДК 32.001
ББК 66.0
С60

Р е ц е н з е н т ы :

доктор философских наук, профессор

А. Ю. Мельвиль;

доктор философских наук, профессор

В. И. Коваленко

Соловьев А. И.

С 60 Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов / А. И. Соловьев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2009. — 575 с.

ISBN 978–5–7567–0522–5

В учебнике раскрываются ключевые проблемы современной политической науки, отражающие мировой опыт изучения политики и традиции университетского образования. Во втором переработанном издании использованы материалы, демонстрирующие новейшие интерпретации политических явлений в условиях формирования информационного общества, освещающие общепринятые и альтернативные подходы к различным политическим проблемам. Наряду с теоретическими представлениями в книге освещены базовые технологии и практики политического процесса, отражающие его современную динамику. Учебник позволяет создать целостное представление об актуальном состоянии политической науки, понять тенденции и перспективы развития политической сферы в современном мире.

Для студентов гуманитарных факультетов университетов и высших учебных заведений, всех, интересующихся политическими проблемами.

УДК 32.001
ББК 66.0

ISBN 978–5–7567–0522–5

© Соловьев А. И., 2009

© Оформление. ЗАО Издательство
«Аспект Пресс», 2009

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте

www.aspectpress.ru

Введение

С незапамятных времен политика была и остается важнейшим источником и механизмом организации совместной жизни людей, мощным орудием целенаправленных преобразований как в отдельных странах, так и жизни человеческого сообщества в целом. Вместе с тем она и поныне является едва ли не самым таинственным и многоликим явлением, многие парадоксы и противоречия которого человек так и не смог расколдовать за многие тысячелетия своей истории.

Еще древнегреческие мыслители говорили об «обреченности» человека жить в политическом пространстве. В справедливости этих мыслей придется убеждаться и сегодня, поскольку в современном мире ни один из живущих на Земле людей не может прямо или косвенно не включаться в сложные и противоречивые процессы перераспределения общественных ресурсов или изменения социального положения различных слоев населения, совершаемые государственной властью. Но, по-своему регулируя социальные процессы, политика демонстрирует обществу не только свой гуманизм, облик власти, заботящейся о своих гражданах и судьбах отечества. Нередко она предстает и как весьма жесткий механизм борения и конкуренции людей за жизненные ресурсы, не брезгающий при этом ни принуждением, ни насилием.

Люди всегда пытались рассекретить историческое движение политики, разобраться в ее хитросплетениях и противоречиях, изучить законы ее развития и на этой основе понять собственные возможности управления этой социальной материей. Пройдя долгий путь развития, наука накопила множество бесценных наблюдений, открыла важнейшие зависимости в сфере формирования государственной власти. Этот корпус научных знаний, бесценный опыт человечества, запечатленный в учениях и доктринах, не раз становился основой множества социальных и политических преобразований.

Современная политическая наука — вечно развивающееся знание, процесс бесконечного обновления и уточнения тех представлений, которые человек обрел, изучая мир власти. Здесь нет заскоруждлых истин, справедливых для всех времен и народов, сконструированных раз и навсегда, отныне и до веку. Политология — это сложный и подвижный корпус представлений, где накопленный опыт переплетается с поисковым и опережающим знанием, выводами экспериментального характера. В ней постоянно сосуществуют множественные подходы, с разных сторон описывающие политическую динамику. Пытаясь глубже высветить ее закономерности, наука постоянно обновляет теоретические образы власти, способы объяснения поведения людей в сфере распределения государственных ресурсов и полномочий. От описания жизни царей, правителей, героев и иных лиц, многие века находившихся на авансцене политической жизни, политическая мысль постепенно сосредоточилась на изучении поведения групповых субъектов, норм и институтов власти, своеобразии политических культур, психологических настроений и поведения людей. Благодаря усложнению своего научного инструментария, эта отрасль научного знания стала столь же сложной и одновременно такой же подвижной, как и сама политика.

Но постоянное обновление корпуса научных знаний — не самоцель политологии. Без научных представлений о политическом мире и сам человек не может не только приспособиться к жизни в сложноорганизованном мире, но и лучше понять свои гражданские права и свободы, осознать свою ответственность перед государством, увидеть возможности использования силы государственной власти для реализации собственных интересов, умножения и обогащения потребностей. Поэтому политическую науку мы вправе рассматривать и как необходимое условие политической социализации личности, средство ее включения в сложный мир властных отношений.

Не случайно в развитых демократических странах политическая наука давно стала не просто органической частью научного знания как такового, но и неотъемлемым элементом организации всей духовной жизни общества. Она является не только авторитетной научной дисциплиной, которая читается практически во всех сколько-нибудь крупных университетах, но и мощным орудием формирования гражданского общества.

В России политическая мысль долгое время развивалась, как и в остальном мире. В XIX — начале XX в. многие имена российских ученых стояли вровень с выдающимися умами того времени. Но советская власть надолго устранила политическую власть из предметной области научного знания. Идеологемы, социальные миражи коммунизма, обелявшие диктатуру большевиков и корыстных правителей, заняли это место. И сегодня еще немало тех, кто желает под видом реформ лишить людей и особенно молодежь возможности систематически изучать законы обустройства власти в современном обществе, разбираться в механизмах принятия решений, больше узнавать о своих гражданских правах и средствах их обеспечения.

Сегодня российская политология интенсивно развивается, преодолевает традиции, унаследованные ею от тоталитарного прошлого, органично включается в мировую науку. Уточняется ее предмет, отношения с философией, социологией, юриспруденцией, другими гуманитарными науками. Политическая наука и политология как учебная дисциплина неуклонно сближаются, кристаллизуя в своих выводах самые ценные и значимые выводы и наблюдения.

Данный учебник ориентирован на студентов университетов и других высших учебных заведений. В нем автор использовал наиболее распространенные идеи и подходы, употребляемые при построении учебных курсов в зарубежных университетах, а также в МГУ им. М. В. Ломоносова. В подготовке книги принял участие ряд специалистов, работающих в разных областях политической науки. Так, гл. 24 написана доктором политических наук ГВ. Пушкаревой, а § 2 гл. 20 и § 3 гл. 23 кандидатом политических наук С. Г. Туроном.

Автор выражает благодарность коллегам с кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор благодарен также профессорам А. Ю. Мельвилю и В. И. Коваленко за ценные замечания, высказанные при обсуждении данной работы.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. Процесс формирования политической науки

Структура политического знания

Люди издавна интересовались политикой, не одно тысячелетие постигая устройство государства и партий, поведение правителей и масс, проведение выборов и многие другие аспекты и проявления этого сложнейшего общественного феномена. Даже в трудах древних китайцев, индийцев и греков, отдаленных от нас более чем 2,5 тыс. лет, можно найти рассуждения о проблемах, сходных по существу с теми, которые занимают умы наших современников: о способах организации публичной власти, условиях достижения общественной стабильности, признаках совершенного способа правления, поведении ответственных управляющих и т. д.

Однако в зависимости от уровня развития общества, характера собственных потребностей, а также уровня развития знаний люди отображали политический мир с разной степенью глубины и в разных формах, в частности в форме мифов, идеологий, религиозных и научных воззрений. Многовековая история человечества выкристаллизовала три основных уровня постижения человеком мира политики.

На **обыденном**, интуитивно-образном уровне познания, где наряду с рациональными оценками в достатке присутствуют и различные иррациональные представления, рядовой гражданин, «человек с улицы» создает тот первичный, фоновый облик политики, который позволяет ему приспособливаться к политически организованному сообществу, находить совместимые с собственными целями способы взаимоотношения с властью и государством. Формирующийся на этом уровне сознания образ политики, представленный в виде различного рода метафор, чувств и других простейших способов выражения мысли, представляет собой результат ее фактографического созерцания, не претендующего на какое-либо специализированное отношение к действительности. Обыденное сознание рисует «естественную» картину политики на основе индивидуально-эмпирического опыта и традиционно сложившихся идей, обычаев, стереотипов. Очень часто такие воззрения приносят в этот образ политики оттенки определенной хитрости, коварства, нечистоплотности, т. е. тех проявлений политического взаимодействия, с которыми люди нередко сталкиваются в повседневной жизни и которые запоминаются чаще всего.

Особой формой отражения мира политики является **технологическое** сознание, характерное для людей, сделавших политику своей

профессией. В данном случае такие политические воззрения формируются применительно не ко всей политической сфере, а к решению конкретных проблем. По этой причине данные представления «нагружены» сугубо частными и практическими соображениями относительно средств решения конкретных задач. В конечном счете профессионалы смотрят на политику через призму тех приемов и технологий, которые используются ими в той или иной ситуации. Такие прикладные и одновременно фрагментарные воззрения и составляют особый образ политики в целом.

Высшей формой специализированного отражения политики является ее **научно-теоретическая** картина. Специфика отображения мира политики в данном случае состоит в рационально-критическом осмыслении данного явления в целом. По сути — это форма абстрактного мышления, с помощью которой человек выстраивает в своем сознании представления о внешних и внутренних связях политики на основе обобщения и систематизации не индивидуального, а интергруппового и универсального опыта. Основным внутренним механизмом выработки таких представлений является теоретическое познание, стремящееся отобразить источники и формы развития политической жизни человека и общества в форме определенной логической (описательной, нормативной, типологической, прогностической и т. д.) **модели**, увязывающей ее основные черты с представлениями об обществе и мире в целом.

Моделируя политику как объект исследования, научно-теоретическое знание использует разнообразные когнитивные (познавательные) инструменты (парадигмы, концепты, понятия, категории, гипотезы и пр.), по-своему обобщающие различные факты и проявления политики. По сути теория может создавать бесконечное количество трактовок политики, каждая из которых претендует на преобладание собственной трактовки происхождения. Однако, благодаря своим неограниченным способностям формировать интеллектуальные картины политики, теория может отрываться от действительности, превращаться в способ ее необоснованной идеализации, создания умозрительных картин происходящего. Поэтому в ряде случаев политическая теория способна превратиться в «вербальный произвол» исследователя (И. Хеттих), утратив какую-либо смысловую связь с реальностью. Механизмом, препятствующим возникновению таких риск-рефлексий, выступают процедуры научной **валидации** (использования понятий, соответствующих тем или иным областям политики) и **верификации** (соотнесения теоретических оценок с практикой).

Благодаря использованию различных интеллектуальных приемов отображения мира политики, теория представляет собой «самореферентную» систему, способную к «самоограничению» (от других способов отражения) и «самоописыванию» (Н. Луман). В этом смысле наука обладает собственной жизнеспособностью (*viability*), отражающей нали-

чие особого языка, описывающего политику и устанавливающего коммуникацию ученых с внешним миром, утверждающую исследовательские ценности, приоритеты и другие ее атрибуты.

Несмотря на то что все названные формы отображения политики имеют свои отличительные черты, они обладают и некими общими параметрами. Так, все они обладают — хотя и в разной степени — **нормативным и оценочным** характером. Но если у обывателя это проявляется в вынесении им морально-этических оценок тем или иным политическим событиям (обозначении их «хорошими» или «плохими»), то у исследователя это проявляется в приоритетности его концептуальных подходов к политическим явлениям. Все формы политических воззрений способны также **воплощаться** в действительности, служить основой для принятия решений, урегулирования конфликтов и т. д. Тем самым политика как область жизни обретает характер **артефакта**, т. е. социального явления, принципиально открытого для сознательного построения и переустройства своих институтов, ролей, отношений.

Развитие всех форм отражения политики зависит как от эволюции самой политики, так и развития научного знания в целом. В этом плане политическая наука быстрее и адекватнее других форм знания о политике реагирует на усложнение форм организации публичной власти, уточняет **способы и средства** познания, совершенствует свои интеллектуальные и организационные формы.

Функции политической науки

Функционирование и развитие политической науки в общественной жизни сочетаются с выполнением ею целого ряда определенных функций, связанных не только с познанием политики, но и с реальной практической деятельностью в сфере публичной власти. Это прежде всего **дескриптивная** функция, предполагающая необходимость всестороннего и полного описания внутренних и внешних связей политических явлений, их характерных признаков. Осуществление данной функции неразрывно связано с изменением и обогащением способов и приемов познания, требования к которым определяются состоянием объекта, потребностями общества в получении достоверных знаний о политических изменениях, наличием профессиональных исполнителей и некоторых других условий.

Политическая наука выполняет и **оценочную** функцию, предполагающую вынесение суждений о политических объектах (и их свойствах) с точки зрения их приемлемости или неприемлемости для того или иного общественного субъекта. Иначе говоря, политические явления подвергаются со стороны ученых обязательной ценностной оценке, являющейся непременной составляющей научного анализа. И это не «пристрастность», а особенность процедуры познания, проявляющаяся в виде приписывания событиям тех или иных субъективных значений, кото-

рое и превращает событие в политический **факт**. Не случайно ученые, придерживающиеся, к примеру, демократических воззрений, видят в фашистском путче содержание, противоположное тому, которое видят в нем сторонники такого рода действий.

Политическая наука выполняет также **сравнительную** функцию, предполагающую обязательное сопоставление различных политических явлений (систем власти, режимов правления, типов политической культуры и т.п.), прежде чем будут сформированы выводы и оценки относительно тех или иных явлений, тенденций их развития, типологий, закономерностей и т.д.

Весьма важна и **преобразовательная** функция политической науки. Она вызвана потребностью общества в формировании таких знаний, которые, будучи включенными в практическую деятельность в сфере власти, смогут снизить издержки государственного управления, способствовать достижению большего соответствия результатов намеченным целям и т.д. Таким образом, политическая наука в той или иной степени связана с практическими преобразованиями в сфере власти, вплетена в целенаправленные действия разнообразных политических сил.

Составной, но весьма специфической частью решения указанной задачи является **прогностическая** функция политической науки. Она выражает потребность в разработке вероятностного знания, предвосхищающего возможные последствия предпринимаемых действий и пытающегося гипотетически определить изменения, сопутствующие достижению целей. Благодаря реализации данной функции политического знания формируется некий первичный облик политики будущего, способный скорректировать актуальные действия сил, борющихся за власть.

Функция **социализации** направлена на формирование политического сознания у людей, включающихся в сферу властных отношений. Сопровождая жизнедеятельность индивидов, чья жизнь в той или иной мере затрагивают политические процессы, наука способствует рационализации их политических представлений, повышению уровня их компетентности при выполнении различных ролей в сфере власти, уточнению собственных возможностей при использовании политической власти для защиты своих интересов.

Давая логический перечень основных функций политической науки, мы не касаемся вопроса о реальном весе каждой из них в конкретном государстве и обществе. Скажем, в советские времена сторонники марксизма, исповедующие кредо основателя этого научного направления (а К. Маркс полагал, что задача ученых состоит не в объяснении, а изменении мира), рассматривали в качестве ведущей преобразовательную функцию. В то же время многие консервативно мыслящие ученые, напротив, негативно относятся к преобразовательным свойствам научного знания, отдавая предпочтение его описательным функциям. Таким

образом, следует признать, что значение и роль тех или иных функций могут меняться в зависимости от конкретных политических условий, уровня развития научных знаний, чуткости правящей элиты к рекомендациям ученых, приоритетов ведущей группы политических исследователей и ряда других факторов.

Этапы развития научно-теоретического знания

Исторически политическая наука формировалась в процессе постепенного перехода от способов обыденно-

го восприятия политики к методам ее систематического специализированного изучения и получения все более упорядоченных представлений о ней. С самого зарождения политическая наука формировалась как междисциплинарная отрасль знания. Ее становление и развитие тесно переплетались с философскими, этическими, историческими, а впоследствии социологическими и правовыми исследованиями. К изучению политики постоянно привлекались и методы, характерные для естественных наук. В процессе исторического развития она не раз меняла свое наименование (политика, научная политика, политология, политическая наука, *political science*, *science politique* и т. д.).

Развиваясь как органическая составная часть гуманитарного знания и в более широком понимании — духовной культуры общества, политическое знание постоянно стремилось к влиянию на механизмы руководства и управления обществом. Сегодня уже невозможно представить себе политическое развитие мирового сообщества без наложивших на него неизгладимый отпечаток идей Н. Макиавелли, Дж. Локка, МВебера, И. Бентама и многих других политических мыслителей. Причем судьбы многих государств существенно изменялись под влиянием не только макрополитических концепций (например, марксизма), но и частных технологических теорий типа «разделения властей» и др.

Решающее воздействие на эволюцию научного знания оказало развитие политики как самостоятельной социальной сферы с присущими ей механизмами поддержания интеграции общества, институтами, способами властного общения людей. В конечном счете, именно эта эволюция предопределила превращение совокупности накопленных о политике знаний в самостоятельную академическую дисциплину с собственными предметом и средствами познания. Сегодня она занимает почетное место в системе обществензнания.

Американский ученый Р. Даль полагал, что с логической точки зрения становление политической науки прошло три основных этапа: *философский* (на нем преобладали нормативно-дедуктивные подходы в толковании политической жизни), *эмпирический* (на этом этапе непосредственный анализ данных превратился в основной источник пополнения знаний и доминирующий способ анализа политических реалий) и этап *ревисии эмпирического знания* (этап критического переосмысле-

ния источников развития теории, обусловивший разнообразие методов исследования). Однако исторически этот процесс занял не одно столетие. Если ретроспективно посмотреть на него, то можно выделить **три** самых общих этапа эволюции политической науки.

Первые формы специализированного (протонаучного) отображения и осмысления мира политики сформировались 2,5 тыс. лет назад и существовали преимущественно в религиозно-мифологической форме. Их основу составляли идеи о божественном происхождении и организации власти. Позже, примерно в середине I тысячелетия, обнаружилась тенденция к большей рационализации политических представлений, появлению отдельных систематизированных учений. Так, в цивилизациях Древнего Востока доминировали идеи об устройстве отдельных государств, искусстве управления людьми. Например, Конфуций (551–479 до н.э.) разрабатывал учение о «гуманном управлении»; в нем государство трактовалось как средство перевоплощения идеальных семейных отношений и насаждения таким способом в обществе справедливости, любви к людям, благодарности к старшим. Наиболее видные представители древнегреческой мысли Платон (427–347 до н.э.) и Аристотель (384–322 до н.э.) в качестве основного объекта познания рассматривали конкретные государства, формы господства отдельных правителей, наиболее отчетливые проявления публичной власти. Они пытались более целостно и систематично представить себе мир политики. Так, Аристотель, развивая представления об идеальном государстве и политике как высшей форме социального общения, рассматривал политическую форму существования в соотнесении с основами человеческой жизни в целом.

Такие идеи основывались на практическом отождествлении политики и государства, нерасчлененном восприятии государства и общества, предполагая интегрированность организации человеческой жизни и публичной власти. Это оставляло теоретические трактовки политики в русле философии и даже частично естествознания. Однако нарастание рационального описания все усложнявшихся политических явлений привело в XIII в. к созданию на основе схоластики уже специфической политической науки, именуемой то «*ars politica*», что означает «политическое искусство» (Альберт Великий), то «*scientia politica*» — «политическая наука» (Аквинат), то «*doctrina politica*» — «политическое учение» (Л. Гвирины) и даже «*sanctissima civilis scientia*» — «божественная гражданская наука» (С. Брент). Несмотря на достаточно идеалистическую трактовку политики, она символизировала коренной поворот в сторону формирования специализированных знаний об этой области жизни. Причем данная совокупность представлений стала и неременной составной частью гуманитарного образования того времени.

Новое время (XVI–XIX вв.), положившее начало **второму** этапу развития политической науки, существенно изменило и формы, и темпы

формирования политической теории. Усложнение политической сферы, постепенно выявлявшее зависимость государственной власти от области частной жизни человека, способствовало пониманию ее как определенной социальной сферы со своими специфическими основами и механизмами. Итальянский мыслитель Н. Макиавелли первым совершил этот прорыв, разделив представления о политике и обществе. Введя в научный лексикон термин *stato*, он трактовал его не как отображение конкретного государства, а как особым образом организованную форму власти. В духе такого подхода Ж. Боден поставил вопрос о разработке методических оснований особой политической науки. Громадный вклад в развитие этой отрасли знания внесли Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Д. Милль, И. Бентам, А. Эквиль, К. Маркс и ряд других выдающихся мыслителей, разрабатывавших идеи рационализма, свободы, равенства граждан.

В конце XIX — начале XX в. появилось множество специализированных теорий, посвященных исследованию демократии, систем политического представительства интересов, элит, партий, неформальных, психологических процессов. Эта эпоха дала миру имена А. Бентли, Г. Моски, В. Парето, Р. Михельса, М. Вебера, В. Вильсона, Ч. Мерриама и других выдающихся теоретиков. Конечно, в разных странах развитие научного знания о политике шло неравномерно. Однако и в России труды Б. Н. Чичерина, П. А. Новгородцева, А. И. Строгина, М. М. Ковалевского, М. Я. Острогорского, Г. В. Плеханова и других ученых явились достойным вкладом в процесс формирования политической науки.

Мощный теоретический подъем на рубеже веков привел и к конституционализации политической науки в качестве самостоятельной дисциплины в учебных заведениях США (1857), а впоследствии в Германии и Франции. В 1903 г. была создана первая Американская Ассоциация политических наук, объединившая в своих рядах ученых, профессионально исследовавших сферу политики. Все это позволяло говорить о становлении политической науки в качестве особой отрасли знания, занявшей свое место в структуре гуманитаристики.

С первой четверти XX в. начинается **современный**, продолжающийся и поныне, этап развития политической науки. Теперь ее развитие идет на основе все более усложняющихся политических связей, дальнейшей политизации социальной жизни в целом, на фоне развития всего общественнознания, способствующего постоянному обогащению методов политических исследований. Неуклонное усложнение социального мира привело некоторых теоретиков к идее о том, что «политическая теория современности должна <...> сфокусировать внимание на фрагментированности общества»¹. Мир стал еще более политизированным, а число субдисциплин, изучающих грани политического, стало неуклонно расти,

¹ *Beyme K. von. Politische Theorie // Staat und Politik. Neue Hagen, 1995. S. 546.*

демонстрируя громадное разнообразие специализированных исследований, методов и приемов анализа политики. Расширение областей, подвергающихся специализированным и систематическим исследованиям, привело Г. Лассуэлла в 1951 г. к мысли о необходимости введения термина «политические науки» (political science).

Основной вклад в развитие современной политической науки внесли западные теоретики: Т. Парсонс, Д. Истон, Р. Дарендорф, М. Дюверже, Р. Даль, Б. Мур, Э. Даунс, Ч. Линдблом, Г. Алмонд, С. Верба, Э. Кэмпбелл и др. Современная политическая наука — авторитетнейшая академическая дисциплина; соответствующие курсы читаются во всех сколько-нибудь крупных университетах мира. В мире действует Международная Ассоциация политологов (IPSA), систематически проводятся научные конференции, симпозиумы. Мнение профессиональных политологов-аналитиков является постоянным компонентом разработок и принятия важнейших решений в национальных государствах и в международных организациях.

2. Особенности и структура политической науки

Особенности политической науки

Ход исторического развития, фундаментальные свойства политики, а также особенности процесса познания в

этой сфере придают политической науке целый ряд специфических черт

Прежде всего политическая наука представляет собой **открытую** систему знаний, развивающуюся на основе постоянного уточнения и обновления теоретических образов политики, расширения исследований ее социального пространства. Процесс политических изменений непрерывно дополняется появлением новых частных и общих определений, интерпретаций явлений политики в русле новых теоретических координат. Именно поэтому в современной науке нет единого теоретического направления, которое сформировало бы однозначные подходы и общепризнанные оценки мира политики. Наверное, ни в одной другой отрасли научного знания не привлекаются на постоянной основе методы познания из других — в том числе естественных — дисциплин, как в политологии. Потому-то в ней сравнительно невелика область общепринятых понятий и категорий. И хотя динамика политологических исследований способствует постоянному обновлению понятийно-категориального аппарата (использованию, к примеру, таких понятий, как «поле политики», «политоид», «политический дизайн», «политоценоз», «политический ландшафт» и т.д.), все же отношение к ним со стороны профессионалов-политологов не всегда едино.

Сложность политического объекта обуславливает и сложность строения научного знания. Политическую науку характеризует многообразие

вый характер организации ее знаний. Она включает в себя **общую (фундаментальную)** политологию, изучающую глубинные сущностные связи и отношения в мире политики, механизмы формирования и развития данной сферы во взаимосвязи с общей картиной мира; теории **среднего** уровня, формулирующие принципы и установки, рассчитанные на ограниченную сферу применения и исследование отдельных областей политики (например, теории малых групп, бюрократии, организаций, государственного управления, политической элиты и др.); а также **прикладные** теории, которые формируются в связи с необходимостью решения типовых проблем, обеспечивающих практические изменения в текущем политическом процессе (например, в области принятия политических решений, партийного строительства, урегулирования конфликтов, переговорном процессе и т.д.).

Высокий динамизм изменений в политике, разнообразие действующих в ареале публичной власти субъектов обуславливают неоднозначность теоретических выводов и оценок. В силу этого политические истины больше привязаны к конкретной ситуации, не всегда обладают всеобщностью и потому весьма подвижны и релятивны. Более того, в некоторых случаях, в сравнительных (компаративистских) теориях, они исключительно быстро становятся банальными. Так что многие выводы политической науки зачастую недолговечны и значительно менее универсальны, чем в других областях знания. Однако недолговечность выводов политической науки компенсируется ее высокой чувствительностью к реальным изменениям, интенсивностью проводимых исследований, постоянным обновлением теоретических подходов. В настоящее время область политических исследований простирается от изучения неформальных отношений лидеров в процессе принятия решений до глобальных проблем современности.

Проблема предмета политической науки

Особую сложность политической науке придает специфический **предмет** ее исследования. В первом приближении

можно сказать, что общественная наука в самом широком плане может изучать как **тенденции** и закономерности развития той или иной области жизни, так и ее **отдельные** институты, проблемы, факты, формы явлений.

Традиционно ценность общественных наук, в том числе политической науки, определялась их способностью вскрыть причинно-следственные связи в социуме и на этой основе уловить повторяемость событий, в результате определив некие «объективные», постоянно воспроизводящиеся формы взаимной зависимости политики с другими областями жизни, типы человеческого поведения в этой области жизни, способы организации государства и т.д. Сторонники такого подхода считают, что найденные наукой закономерности дают возможность получить истинное знание и сформировать строгую систему универсальной политической науки.

В то же время многие ученые придерживаются противоположной точки зрения, полагая, что нет особых оснований для открытия «вечных» истин и «неизменных» политических законов. В принципе они не отрицают, что в отдельных областях политического пространства могут складываться относительно устойчивые зависимости. Однако этого явно недостаточно для того, чтобы признавать существование закономерностей функционирования и развития политического мира в целом.

Многовековая практика действительно демонстрирует относительно устойчивые и повторяющиеся зависимости между различными компонентами политического, что отражено, к примеру, в так называемом железном законе олигархии Р. Михельса (фиксирующем тенденции к олигархизации массовых партий); некоторых взаимозависимостях избирательной и партийной систем, описанных М. Дюверже; в открытых К. Марксом «законах классовой борьбы», характеризующих известную зависимость политических позиций крупных социальных групп от их материального (экономического) положения; в прослеживаемых транзитологами зависимостях реформаций эпохи модерна от типа национальной политической культуры; в отмечаемых связях государственного правления с контролируемой им территорией (Ш. Монтескье) и т.д. Правда, и эти зависимости в силу исключительной динамичности и сложности политической деятельности имеют характер скорее относительно жестких связей (генерализаций), нежели универсальных законов.

Сторонники поиска политических законов не учитывают главного — того, что политические явления в принципе не могут быть подвержены однозначному толкованию и оценке. То, что один теоретик рассматривает как «прогресс», для другого оказывается «регрессом». По справедливому замечанию С. Липсета, «при многовариантности любой причинно-следственной связи любые политические переменные неизбежно будут давать противоречивые результаты»¹. В силу этого невозможно объяснить все «конечные» факторы, которые определяют повторяемость человеческих действий, лежащих в основе закономерностей. И это тем более невозможно, поскольку политическое поведение граждан формируется в сложнейших сочетаниях причинно-следственной и функциональной зависимостей, круговых и линейных, волновых и циркуляционных типов политических изменений. Все это существенно снижает возможности формирования устойчивых зависимостей и тем более открытия универсальных закономерностей в политике.

Конечно, на практике сформировались отдельные локальные зависимости, демонстрирующие, к примеру, наиболее оптимальные пути строительства партий или организации избирательных кампаний, дос-

¹ Lipset S. M. The Social Requisites of Democracy Revisited // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. P. 12.

тижения успехов на переговорах или в разрешении конфликтов и т. д. Но даже эти не столько закономерности, сколько правила оптимальной деятельности складываются в ограниченных сегментах политического пространства, причем тогда и постольку, когда и поскольку там удастся обеспечить **рациональное** поведение и взаимодействие субъектов. А обеспечить это, как мы увидим далее, не всегда удается.

Статус политической науки

По существу, отмеченные особенности предмета политической науки свидетельствуют об особом, промежуточном

характере ее **статуса** как особой отрасли обществензнания. Так, В. Виндельбанд и Г. Риккерт, классифицируя научное знание как таковое, выделяли **идеографические**, изучающие единичные явления, и **номотетические** науки, ищущие общие законы отдельных классов явлений, среди которых выделяются чистые науки — математика и символическая логика и науки, имеющие целью подтвердить свои законы эмпирическим путем.

Политология по своим возможностям относится к классу номотетических наук, к их второй разновидности. Однако сфера политики, в которой поступки человека в значительной степени зависят от таких факторов, как приверженность долгу, следованию традициям, групповой идентичности, подверженности неосознанным соображениям и т.п., нередко разрушает рациональные основания его поведения, тем самым увеличивая непрогнозируемость его действий. В силу этого даже действия, осуществляемые людьми в типичных условиях, могут существенно отклоняться от типичных стандартов, изменяться без видимых на то причин. Такая ситуация превращает политическую науку в систему научных знаний, которая вечно стремится обрести определенность номотетического статуса, но каждый раз дает повод сомневаться в основательности подобных претензий.

Объект и предмет политической науки

Большинство социальных наук исходит из различения **объекта** (области изучаемых явлений) и **предмета** ис-

следований (особых содержательных черт, тех или иных аспектов соответствующего типа явлений). В политической же науке подобное традиционное разделение имеет существенные особенности, что, в свою очередь, отражается на структуре данной области научных знаний.

В целом, под объектом политической науки понимается вся совокупность политических явлений, существующих как в практической, так и в виртуальной форме (в виде идеологий, мифов, концепций, массовом сознании и пр.). При этом важно учитывать, что политика как определенная область жизни помимо своего «ядра» (строения государственной власти, отношений государства и общества и т.д.) обладает способностью «захватывать» те общественные явления в различных — эко-

номической, правовой и др. — сферах жизни, которые обретают принципиальное значение для применения и использования политической власти. Такое постоянное «проникновение» в иные сектора социальной жизни и «захватывание» явлений, эпизодически приобретающих (и утрачивающих) политическое значение, придает объекту политической науки подвижный характер, делая его объем непостоянным и весьма динамичным. В силу того что приобретающие политический характер социальные институты и отношения включаются в содержание объекта политических исследований, возникает возможность привлекать к исследованию этих компонентов и «смежные» дисциплины. Таким образом складывается широкий круг разнообразных, причем не только гуманитарных, дисциплин, несущих на себе отпечаток политического знания.

Такие внешние контакты политики определенным образом влияют и на содержание ее разнообразных **внутренних** граней (отношений, механизмов, компонентов и т. п.), отражающихся в предмете политической науки. Определение предметных областей политической науки может происходить **историческим и системным** способами. Первый способ предполагает, что внимание исследователей устойчиво концентрируется вокруг изучения тех сторон политической действительности, познание которых обусловлено настоятельными практическими потребностями. Так, начиная с 1948 г. Международная Ассоциация политических исследований выделяет наиболее крупные сложившиеся субдисциплины, изучающие мировую политику, политические институты, теоретико-методологические проблемы и пр.

Системный метод позволяет более объемно представить себе спектр научных дисциплин, изучающих разные предметные области политики. Этот спектр предметных областей знаний исходит из понимания органических связей политики с другими областями жизни, отражающими место этой области жизни в системе мироздания в целом.

На рисунке 1 политика представлена как составная часть всего мироздания. Взаимодействуя с космосом, природой, обществом и различными сферами последнего, политика тем самым обозначает те свои важнейшие внешние связи, которые являются основанием для возникновения специфических форм научного отображения ее определенных черт и граней.

Так, политика, рассмотренная в качестве органической составной части **всей** совокупности социальных, природных и космических (символизирующих специфическую часть природных) явлений, изучается **политической философией**. Эта и сопутствующие ей дисциплины (политическая глобалистика, политическая гуманистика, политическая антропология и др.) раскрывают наиболее общие и глубинные связи политически организованного сообщества с различными сферами и уровнями жизни человека, выявляя значение политики для его существования и развития.

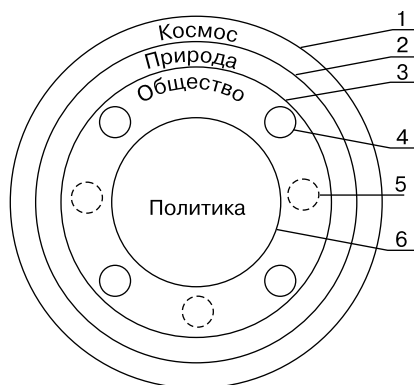

Рис. 1. Место политики в мире как основа систематизации политических наук:

1 — космос; 2 — природа; 3 — общество; 4 — отдельные сферы общества (экономика, право, мораль и др.); 5 — отдельные общественные явления; 6 — политика.

Связи политики со сферой космоса изучаются и описываются **политической астрологией**, пытающейся установить зависимость политических явлений и изменений (в поведении масс, стиле лидерства и др.) от расположения небесных светил, изменения солнечной активности, звездных катастроф, галактических трансформаций.

Политика в ее взаимоотношениях с **природой** описывается целой группой наук — **политической географией, политической экологией, биополитикой, электоральной географией, геоурбанистикой** и др. Политику как составную часть **социума**, разновидность общественных отношений исследует **политическая социология**, которая изучает воздействия разнообразных социальных структур на политическую жизнь, а также обратное влияние норм и институтов власти на общественные отношения. Взаимосвязи политики с **отдельными сферами социального** — экономикой, правом, моралью и др. — изучаются соответствующими дисциплинами: **политической экономией, политико-правовой теорией, политической этикой** и др. **Отдельные** социальные явления (язык, средства массовой информации, реклама и т. д.) в своих отношениях с политикой порождают целый круг субдисциплин: **политическую лингвистику, политическую информатику** и др.

Внутренние связи и отношения, механизмы и институты политической жизни изучаются **политологией**, или политической наукой в узком смысле слова. В ее рамках формируется целый круг дисциплин, занятых сравнительным исследованием политических систем (сравнительная политология), механизмов формирования политики (теория государственного управления, принятия решений) и политических изменений (политическая конфликтология, транзитология), неинститу-

циональных аспектов политической жизни (теория политической культуры, политической идеологии, теория международной политики и тд.). Взятая же в своем временном протяжении и рассматриваемая в качестве хронологической последовательности событий, политика является уже предметом **политической истории**.

Такой подход помогает увидеть и то, что политические субдисциплины помимо предметных особенностей имеют и только им присущие специфические **концептуальные подходы** (парадигмы) к изучению политики, используемые ими **методы** исследований, а также сложившийся **понятийно-категориальный аппарат** и некоторые другие, более частные особенности присущего им познавательного процесса. Все эти особенности позволяют отличить не только политические субдисциплины друг от друга, но и политическую науку от социологии, юриспруденции, философии и других обществоведческих дисциплин.

Конечно, в этом спектре политических знаний явным приоритетом обладает **политология**, которая не только изучает **внутреннее** строение политики, но и дает ее **целостную** интерпретацию, интегрируя все наиболее значимые результаты исследований других субдисциплин. Именно поэтому она была и является неразмываемым **ядром** этой широкой и постоянно меняющей свой облик системы научных знаний о мире политики. Для того чтобы подчеркнуть ее особое значение, обычно различают политическую науку в **широком** смысле слова, как объединяющую все политологические субдисциплины, и политическую науку в **узком** смысле, т.е. как отрасль знаний, интегрирующую сведения об этой сфере жизни и изучающую ее внутренние характеристики. Не случайно известный американский теоретик Дж. Ганнел полагает, что следует различать политическую теорию как «особую отрасль политической науки» и политическую теорию в качестве «более общего междисциплинарного образования»¹.

В конечном счете, системный взгляд на политическую науку позволяет рассматривать ее как **интегративную** область знаний, собирающую под свои знамена все дисциплины, которые в той или иной мере исследуют разнообразные предметные грани политического мира. В таком случае она выступает в качестве совокупности различных (гуманитарных и естественных) дисциплин, некой меганауки, объединяющей и одновременно создающей возможность для расширения класса политических объектов. Такое понимание политической науки позволяет и увидеть возможности постоянного расширения теоретических представлений о политике, а также зафиксировать внутренние демаркации между ее отдельными дисциплинами.

¹ Ганнел Дж. Г. Политическая теория: Эволюция отрасли // Вестник МГУ. Серия 12. 1993. № 1. С. 66.

3. Методы политических исследований

Сущность и основные этапы эволюции методов изучения политики

Основным средством построения теоретических моделей, объясняющих сущностные черты политических процессов, является **метод**. «Теория без

метода, контролирующего и расширяющего ее, — писал К. Бойме, — бесполезна, а метод без теории, которая приводит к его осмысленному использованию, бесплоден»¹. В принципе не существует строгого соответствия теории и метода. Так, один и тот же метод может лежать в основе множества теорий, а одна теоретическая конструкция способна использовать множество методов описания и анализа политических явлений. В то же время существуют теории, формирующиеся по преимуществу на основе какого-то определенного метода.

Понимаемый в самом общем виде как **способ познания**, метод чаще всего включает в себя две переменные: определенные **принципы**, выражающие то или иное понимание политики и тем самым обуславливающие основные подходы к постановке и решению политических проблем, а также сумму определенных **приемов, техник и процедур** познания, применение которых зависит от уровня и характера изучаемых явлений, от стоящих перед учеными задач и условий текущего исследования. В силу сложности и многомерности политических объектов при их изучении, как правило, применяется не какой-то один, а определенное сочетание, комбинация различного рода методов, которые совпадают друг с другом лишь в самом общем толковании природы политики. В свою очередь, способы и приемы, используемые при описании и изучении политических явлений, служат одним из важнейших показателей развития политической науки в целом.

Несколько упрощая положение вещей, можно сказать, что история становления политической науки продемонстрировала вполне определенную эволюцию методов познания, выявив широкие исторические этапы, на каждом из которых доминировали определенные способы политического анализа. С этой логико-исторической точки зрения хорошо видно, как политические исследования постепенно переходили от одного этапа своего развития к другому. Так, безраздельно господствовавшие на протяжении I тысячелетия **философско-нормативные и теологические** способы познания, основанные на метафизических и априорно-дедуктивных подходах, постепенно утратили свою лидирующую роль к наступлению Нового времени, уступив место более рационализированным **формально-юридическим, институциональным и историко-сравнительным приемам** познания политики. Последние со второй половины XIX столетия стали активно использоваться наряду или вме-

¹ *Boyne K. von. Politische Theorie // Staat und Politik. S. 542.*

сте с **социологическими** приемами изучения политической жизни, в основе которых лежали разнообразные правила и принципы индуктивной логики. В конце прошлого столетия это инициировало так называемую «бихевиоральную революцию», возвестившую ориентацию политических исследований на исключительно эмпирические методики, занимавшие практически монопольные позиции в науке с 20-х по 60-е гг. XX в. Во второй половине XX столетия, ознаменовавшей наступление **постбихевиорального** периода, было предложено более сложное сочетание традиционных и новых, количественных и качественных способов исследования политики.

Конечно, с содержательной точки зрения динамика методов никогда не была прямолинейной. Так, еще Аристотель наряду с этико-философскими способами познания политики использовал и элементы сравнительного (компаративного) анализа, который стал одним из ведущих исследовательских принципов во второй половине XX столетия. В то же время и современные исследователи постоянно используют аристотелевскую методику дистрибутивного (ценностного) анализа.

Противоречивость методов изучения политики

Нелинейный характер эволюции способов познания политики сформировал в современной политической науке несколько точек внутреннего напряжения, свидетельствующих о взаимном оппонировании самых разнообразных методов познания политики. Эти методы таковы:

- **количественные** (эмпирико-аналитические, сциентистские) и **качественные** (нормативно-онтологические, делающие акцент на феноменологической природе политических явлений);
- **рациональные** (рассматривающие рациональные мотивы в качестве единственного источника поведения человека) и те, что настаивают на доминировании подсознательных мотивов в человеческом поведении;
- **персоналистские** (их сторонники рассматривают политику как отношения личности и государства)¹ и **институциональные** (рассматривающие институты и нормы в качестве основных единиц политической деятельности человека);
- **социально ориентированные** (утверждающие социальную природу фактов политики) и **технократически ориентированные** (рассматривающие технику как основу создания институтов власти).

¹ Как считает, к примеру, Г. Тиндер, «политическая теория должна быть формой активности, которая фокусируется на взаимоотношении "я" и "политической жизни"» (What Should Political Theory be now? / Ed. by J. Nelson. N.Y., 1983. P. 338).

Среди многих причин, лежащих в основе противоречивости методов, прежде всего необходимо выделить изменение научной картины мира, произошедшее в последние полтора столетия. Так, многие методы, сформировавшиеся в прошлом веке, были неразрывно связаны с идеей прогресса, линейного развития государства и общества в истории. Сегодня же преобладают более сложные картины социального и политического миров, которые однозначно отрицают понятия какого-то определенного вектора в политической эволюции человека и общества и утверждают понимание политики как сложно организуемого социального равновесия.

В научном процессе многие способы толкования и изучения политической сферы, вытекающие из того или иного понимания мира, не только конкурировали между собой, но и пытались занять доминирующие позиции в научных исследованиях. Желание создать теоретические концепты, претендующие на монопольные позиции в науке, заметно прежде всего в столкновении двух, возможно, ведущих тенденций в современной политической науке: **позитивистской** (техничко-рационалистской, в конечном счете ориентирующей исследование политики на количественные методы и тяготеющей к превращению политологии в точную науку) и **политико-философской** в широком смысле слова (теоретической, ориентирующейся на разнообразные исторические, социокультурные, психологические, антропологические и иные аналогичные подходы и методы исследований).

Бихевиоризм

В этом смысле крайне показательна борьба указанных тенденций в XX столетии, первые два десятилетия которого знаменовали бурный натиск **бихевиоризма**, пришедшего в политическую науку из психологии. А. Бентли, Э. Торндайк, Ч. Мериам, Г. Лассуэлл и их единомышленники пытались на этой основе вытеснить господствовавший до того времени теоретический формализм, институционально-юридические ограничения исследований политики. Их «научный метод» предполагал необходимость эмпирического подтверждения данных в качестве единственного основания конституционализации науки. Главным объектом исследования объявлялось поведение человека, а в качестве условий превращения теоретических исследований в научные предлагались приемы **верификации** (интерсубъективной, т.е. доступной для других ученых, проверки полученных выводов), **квантификации** (количественного измерения) и обеспечения **операциональности** исследований (соблюдения последовательности в применении познавательных операций).

С методологической точки зрения в основе такой теоретической заявки по сути дела лежало стремление не просто минимизировать пристрастность и субъективность анализа, а элиминировать (исключить)

фигуру ученого из процедуры научных исследований. Иными словами, признавалось, что ценностные суждения ученого, его философско-мировоззренческая позиция так или иначе влияют на получаемые им выводы, препятствуя получению объективной, научной оценки явления. Таким образом, жестко разделялись политические факты и ценности.

Оценочные суждения легче всего вытеснялись из научных исследований при изучении тех областей политики, в которых можно было дать количественную интерпретацию событиям. Поэтому основным предметом исследований сторонников бихевиоральной методологии стали выборы, деятельность партий или — в более широком смысле — индивидуальное и микрогрупповое поведение политических субъектов (акторов). Однако основополагающая формула сторонников бихевиоризма «S (стимул) — R (реакция)», утверждавшая жесткую зависимость между побуждением и характером действия индивида, оказалась слишком упрощенной для того, чтобы разгадать загадки человеческого, чрезвычайно субъективного поведения в сфере политики. Более того, данная методология была неспособна объяснить механизмы взаимодействия крупных социальных групп, дать концептуальную оценку политики в мире в целом. Возникнув как антитеза чистому теоретизированию и умозрению, бихевиоризм породил новые трудности познания, одновременно продемонстрировав и ограниченность сугубо количественных измерений политического.

Стремление подвергнуть все проявления политического количественному измерению П. А. Сорокин называл «квантофренией», которая отвлекала теорию от решения важнейших проблем и создавала методологический тупик. «Квантификация, — писали американские ученые Г. Алмонд и С. Генсо, — несомненно внесла вклад в крупные достижения в политической науке и других социальных науках. Но она также породила значительное количество псевдонаучных опытов, выпячивающих форму, а не содержание исследования...»¹.

Основные современные методы изучения политики

Уже в 1930-х гг. американский теоретик Т. Парсонс, критически оценивая возможности бихевиоризма, выступил

против чрезмерного эмпиризма данного метода и направления исследований политики, настаивая на том, что наука прежде всего должна руководствоваться определенной теоретической мыслью, способной объяснить совокупность фактов на основе каузальной (причинной) и нормативной зависимостей. Другой видный американский ученый Д. Истон считал, что в силу чрезвычайной сложности политики теоретическое описание событий должно базироваться на предварительных гипотезах,

¹ Almond G., Genco S. Clouds, clocks and the Study of Politics // World Politics. 1977. Vol. XXIX, № 4. P. 506.

опирающихся на общее видение ситуации. Он подчеркивал также, что для ученого крайне важно истолковывать факты, наблюдая их в широком социальном контексте.

В этих условиях была востребована и философско-нормативная традиция, дававшая критику ценностно нейтрального отношения к политике. В рамках данной традиции были заново осмыслены идеи Р. Михельса и М. Острогорского, утверждавших, что деятельность политических институтов невозможно исследовать без анализа их неформальных связей; представления Дж. Уоллеса, Дж. Коуэлла и Г. Лассуэлла о принципиальности психологических компонентов для понимания политического поведения; мысли У. Эллиота и Ч. Бирда о наличии «идеальных целей» в государственном управлении; посттехнократические идеи Б. Турнера, настаивающего на дополнении техницистских подходов нравственными соображениями, и т.д.

Такая методологическая установка, ориентированная на формирование новых способов объяснения политики, объективно стимулировала массовый приток в политическую теорию разнообразных способов и приемов познания не только из общественных, но и **естественных** наук — географии, математики, системной теории, кибернетики, герменевтики и др.

В русле этой же традиции во второй половине XX столетия были концептуализированы важнейшие методы **структурно-функционального анализа** (Т. Парсонс, М. Леви, Р. Мертон), **системного** (Д. Истон), **информационно-кибернетического** (К. Дойч), **коммуникативного** (Ю. Хабермас) и **политико-культурного** (Г. Алмонд) исследования политики.

Совокупность приемов исследования политики чрезвычайно усложнилась. Так, ученые, использовавшие **структурно-функциональный** метод, рассматривали политику как скоординированное взаимодействие элементов, составляющих ее сложную структуру и обуславливающих выполнение ею определенных функций в рамках общественного целого. Признавалось, что на характер ролей, позиций, стилей поведения политических субъектов существенное воздействие оказывает назначение каждого из элементов. Изменения и развитие политических явлений интерпретировались как результат усложнения структурно-функциональных элементов, расщепления старых и возникновение новых, более адаптированных к вновь возникшим условиям. **Системный** метод ориентировал исследователей на рассмотрение политики в качестве определенной саморегулирующейся социальной целостности, постоянно взаимодействующей с внешней средой. Ее точки контакта с внешней средой, так называемые подсистемы «входа» и «выхода», фиксировали качественные особенности поведения граждан при выражении ими требований к власти, а также при выполнении ее решений. **Политико-культурные** методы заложили в основание исследований политики субъективные ориентации элитарных и массовых субъектов на политические объекты, которые в соответствии с ними видоизменяли формы

своего поведения, характер деятельности политических институтов и другие параметры функционирования власти.

Благодаря **кибернетическим** методам политика анализировалась через призму информационных потоков, построенных на принципе обратной связи, и сети целенаправленных коммуникативных действий и механизмов, обеспечивающих отношения управляющих и управляемых на всех уровнях взаимоотношений внутри общества и с внешней средой. Методы **коммуникативного** подхода требовали раскрывать свойства политики через изучение складывающихся в политическом пространстве способов общения людей, формирующихся между ними смыслозначимых контактов и т.д.

Наряду с указанными методами, способами изучения политики важное значение имеют также **социологические** (объясняющие политические действия людей с точки зрения различных параметров их общественного положения — социальных ролей, статуса и т.п.), **антропологические** (интерпретирующие политические события в качестве разнообразных проявлений человеческой природы), **психологические** (абсолютизирующие эмоционально-чувственную детерминацию политических действий человека), **институциональные** (квалифицирующие организационные структуры как основные звенья политики) и некоторые другие методы.

Особенности современного этапа исследования политики

Современный период еще более усложнил сочетания и комбинации использования всех этих методов анализа политики, введя новые единицы их измерения, способы обобщения сведений. Но в целом все же можно выделить **две** главные тенденции в развитии современных методов изучения политики.

Во-первых, в видоизмененном виде продолжают действовать основные тенденции и подходы к исследованию политических явлений, сложившиеся в предшествующий период. В частности, в русле обновления теоретических образов политики продолжилось развитие *позитивистского, утилитаристского* направления (в виде усиления различных форм структурирования объектов, усиления количественных форм описания политической динамики, развития методологии Public Choice (общественного выбора) и прежде всего в виде теории «рационального выбора»). Утверждая постоянство ориентации человека в политической сфере на сугубо рациональные соображения, ее сторонники свели всю политику к взаимодействию материальных интересов людей, осознанно преследующих свои эгоистические цели и постоянно стремящихся к выгоде. По сути дела такое откровенное пренебрежение духовными ценностями, личными привязанностями, традициями и убеждениями человека претендовало на совершение не менее крупной революции, чем бихевиоризм. Однако интерпретация политики как совокупности исключительно разумных (рациональных) и эгоистических форм человеческого поведения не спо-

способствовала получению существенно новых результатов об этой сфере человеческой жизни. Правда, отдельные ученые пытаются более гибко использовать данную методологию, рассматривая, к примеру, рациональность применительно к анализу массового сознания как минимально значимую величину, зато применительно к поведению элитарных кругов — как фактор, способный принести достоверные результаты¹.

Наряду с совершенствованием различных подходов в русле утилитаристской тенденции идет и чисто *техническое* совершенствование способов познания мира политики; в частности разрабатываются: методики многомерного статистического анализа, способы имитационно-математического моделирования, стохастические методы, пат-исследования (изучающие альтернативы деятельности в рамках статического равновесия), векторный анализ, методика социальной экологии, динамические и стохастические модели политики, техники искусственного интеллекта, когнитивной психологии, составляются политические экспертные системы и базы данных и др.

Во-вторых, неспособность сугубо рациональных воззрений раскрыть значение чисто *человеческих, неинституциональных* факторов политической жизни усиливает потребность в привлечении разнообразных аксиологических подходов, которые пытаются проинтерпретировать политическую жизнь через «матрицу человека». Иными словами, наряду с утилитаристскими методами совершенствуются и методы, способные вложить в понятие «цель политической деятельности» смысл, убеждение, ценность, отразив тем самым чисто человеческие свойства политического взаимодействия, не постигаемые количественными методами. Качественные методы не отрывают ценность от факта, а интегрируют его в рамках исследовательской парадигмы, обобщают на ее основе добытую эмпирическим путем информацию. Причем в постмодернистских теориях сегодня, как правило, абсолютизируются не общесоциальные стандарты, а **индивидуальные** ценности и приоритеты, которые становятся точкой отсчета для рассмотрения и интерпретации всего пространства политики. Такие постсовременные подходы, по сути, отрицают наличие каких-либо универсальных истин, отдавая каждому индивиду право на формирование собственной и непререкаемой картины политики. Таким образом, когнитивные (познавательные) основания политических исследований предельно расширяются, превращая научные истины в исключительно подвижные, реляционистские суждения.

Наиболее показательным примером качественного обновления исследовательских программ и методов в этом направлении изучения политики является формирование так называемого **нового институционализма**, который «сочетает прежний институционализм с теориями

¹ Fiorina M. P. Congress: Keystone of Washington Establishment. New Haven (Conn.): Yale University Press, 1989.

развития»¹. Его основная установка такова: разум, интеллект представляют собой ограниченный ресурс в политической сфере, а следовательно, политическая эволюция не укладывается в эволюцию только институтов власти. Новые институционалисты понимают политические институты как не тесно связанные группы, пронизанные собственными неформальными традициями и обладающие локальной солидарностью. Поэтому характер их функционирования принципиально зависит от национального характера личности, действующих в обществе традиций, реально сложившегося порядка вещей. Но, иницируя девиантное (отклоняющееся от ролевых стандартов) поведение людей, институты, тем не менее, не в состоянии урегулировать его. Признается, что сферой главного интереса человека являются не глобальные, а местные проблемы.

Показательно, что формирование методики «нового институционализма» демонстрирует и **вторую** важнейшую тенденцию в развитии современных методов исследования политики, а именно тенденцию к **синтезу** исследовательских методик и техник, способствующему снятию антагонизма интересов и ценностей, акторов и институтов, поведенческих и организационных схем, идеализма и материализма. При этом идет как бы разделение сфер применения методов: одни из них больше приспособляются к объяснению локальных ситуаций, другие — к концептуальному изучению политики. Одни исследователи используют по преимуществу константные величины, другие — переменные. Но в целом большинство современных ученых уже не ведет споров о том, что первично — рациональность или иррациональность, и не мыслит по принципу «или—или». Меняется сама атмосфера, дух научных исследований.

В то же время следует учитывать, что объединение методологического инструментария и достигаемое на этом пути согласие между учеными в объяснении явлений не ведет к согласию сторонников различных теоретических представлений во взглядах на политику, на методы ее исследования. Согласие относительно методов имеет ситуативный характер: оно достигается на основе объяснения группы явлений, отдельных событий. Иными словами, методы универсализируются, а концепции дифференцируются. Интеграция политической науки осуществляется на базе дифференциации разного рода теорий.

Роль традиций в изучении политики

Эволюция теоретических представлений и методов изучения политики самым непосредственным образом опре%

деляется условиями, в которых идет накопление научных знаний. Проще говоря, политическая наука формировалась и формируется прежде всего как **способ саморефлексии конкретного общества**, переживающего

¹ Антер Д. И. Сравнительная политология: Вчера и сегодня // Политическая наука. Новые направления / Под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С. 374.

и описывающего свои конкретные конфликты, сталкивающегося с теми или иными проблемами. Даже современные информационные возможности, качественно новый уровень международного сотрудничества, все более и более проявляющиеся зависимости взаимосвязанного мира не меняют страновых, национальных приоритетов в политической науке.

Так, в государствах Европы, в США, Индии и ряде других стран политическая наука сделала (после Второй мировой войны) качественный скачок в своем развитии. В то же время в России, других бывших социалистических странах власти длительное время не только не поощряли политические исследования, но и всячески препятствовали беспристрастному анализу властных отношений. Не удивительно, что в нашей стране прервалась традиция развития политической науки, заложенная исследованиями Ю. Крижанича, учеными «государственной школы», русскими анархистами во главе с П. Кропоткиным, а также И. Ильиным, Н. Бердяевым и другими выдающимися философами, правоведами, социологами. Только со второй половины 80-х гг. XX в. политология стала утверждаться в России в качестве самостоятельной дисциплины.

Специфические условия, задачи, стоящие на пути демократизации нашей страны, заставляют отечественных ученых уделять большее внимание проблемам организации власти, формирования политической системы, а также механизмам обеспечения перехода к демократии. В то же время страны, уже совершившие переход к таким политическим порядкам, сегодня в большей степени сосредоточены на изучении политического поведения личности, отношений между различными группами, становления нового мирового порядка.

Тот факт, что в основе теоретических исследований всегда лежит уникальный страновой опыт, говорит и о том, что выводы и оценки, полученные в одной стране и в одно политическое время, нельзя механически транслировать в совершенно иные социальные и политические, культурные и экономические условия. Например, для ускоренной демократизации российского общества подходит не все не только из политического наследия древнегреческих республик, но и из современного опыта преобразований в ряде западных и восточноевропейских стран.

Традиционно в странах Континентальной Европы, чьи общенаучные, познавательные устои опирались на философские и исторические исследования, развитие политической науки в большей степени ориентировалось на формирование разнообразных теоретических, политико-философских конструкций. В то же время в США, где сложились традиции психологических и социологических исследований, приоритет остался за поведенческими методиками. Как считал, например, один из выдающихся американских теоретиков Ч. Мерриам, «статистическое наблюдение» и более точное измерение «фактов и сил» является главным направлением в развитии политической тео-

рии¹. В России большое значение до сих пор уделяется качественным методам анализа, философским, социокультурным, этическим методам исследования, нацеленным на более концептуальное отображение политики, выявление ее скрытых интериорных (внутренне присущих) оснований.

Специфика и традиции политических исследований в разных странах проявляются и на семантическом уровне. Так, в лексиконе науки некоторых стран существуют особые термины, которые сохраняют свою уникальность и не имеют синонимов в других научных языках. Например, русский термин «соборность» не имеет аналогов в языках народов других стран. Или, скажем, в русском языке существует одно слово «политика», в английском же — несколько терминов, раскрывающих область политики как сферу, политический строй и политическое поведение.

Соответственно в американской науке сформировалось, а впоследствии получило широкое распространение изучение политических явлений в рамках трех функциональных направлений: *polity* изучает строение власти, ее институты, структуру, нормы, организацию; *polisy* делает акцент на характере функционирования этих институтов, типе изменений, динамике политического процесса; *politics* раскрывает политическое поведение различных акторов, их мотивацию, установки, субъективный контекст политики, механизмы ее формирования.

При всем этом общемировой процесс формирования политической науки неизбежно приводит к постоянному заимствованию учеными одних стран терминов из научного лексикона других стран. Так, в мировой науке, где по-прежнему основной вклад в ее развитие принадлежит западным странам, довольно много понятий, вошедших в научную лексику в англоязычной форме. Например, «актор», «маркетинг», «менеджмент» и др. Даже при наличии аналогов в русском языке они постоянно используются в политическом анализе. В некоторых странах, как, например, во Франции, пытаются запретительными мерами бороться с иноязычными терминами, но это не останавливает такие заимствования и словоприменения.

Объективную основу данного процесса составляют **универсализация** научного знания, стремление к **расширению конвенциональности** понятийного аппарата, т.е. те тенденции, которые свойственны развитию политологии как мировой науки. В этом процессе просто неизбежны семантические заимствования, позволяющие профессионалам лучше понимать друг друга. Такая солидарность в использовании языковых структур особенно сильна среди сторонников тех или иных научных школ и направлений: она стирает национальные границы и упрощает внутринаучную коммуникацию. Однако этот процесс нельзя форсировать искусственно, памятуя о том, что развитие науки в каждой отдельной стране опирается прежде всего на семантические структуры родного языка.

¹ Merriam Ch. The Present State of the Study of Politics // American Political Science Review. 1921. № 15. P. 174.

Глава 2

ПОЛИТИКА

1. Теоретические подходы к изучению и трактовки политики

Основные парадигмы политологии

Несмотря на развитие научного знания, содержание политики постоянно интерпретируется и переинтерпретируется, на каждом историческом этапе предлагая ее различные теоретические модели. Такая «открытость» политики отражает как **полисубстанциональность** этой области жизни, так и невозможность ее однозначных интерпретаций. Политическая наука не терпит претензий на выражение «единственной» истины в знаниях о политике.

Термин «политика» возник еще в Древней Греции (от греч. *polis* — город) и первоначально означал различные формы государственного правления. Так, название одного из первых произведений, посвященных изучению политики, трактат Аристотеля «*La politika*» дословно так и переводится: «То, что относится к государству». Впоследствии за политикой закрепилось множество смыслов: отдельная сфера, линия поведения, способ урегулирования конфликтов, характер человеческих отношений и т.д. В настоящее время, учитывая имеющийся опыт постижения политики, можно говорить о наличии таких теоретических конструкций, которые **концептуализируют** самые принципиальные направления в этих исследовательских усилиях. Эти основополагающие представления дают возможность более или менее однозначно интерпретировать природу и сущности политики, ее источники и масштаб распространения данных явлений, обобщить наблюдения и выводы о разнообразных формах государственного устройства, отношений между элитарными и неэлитарными слоями общества, деятельности структур институтов власти и т.д. Такие основополагающие воззрения, которые задают направленность исследованию данной области действительности, служат критерием выбора методов ее исследования и отбора фактов, выступают основанием для соответствующих обобщений и классификаций политических явлений, можно условно называть «парадигмами» (Т. Кун).

Задавая основные единицы измерения политики, подобные теоретические конструкты формируют целостные, концептуально оформленные представления о политической сфере, одновременно давая возможность вписать сформированный теоретический образ политики в более широкие идейные рамки, раскрывающие сложившиеся у той или иной группы исследователей представления о картине мира. Все это придает

таким парадигматическим представлениям статус и значение основополагающих теоретических конструкций, которые организуют все политическое знание и дают начало целым классам доктрин, развивающих их основные идеи.

Такие интеллектуальные конструкции превращают политологию в **мультипарадигматическую** науку, в отрасль знания, допускающую различные способы теоретической интерпретации политических явлений. Обладая разными познавательными достоинствами, в своей совокупности они способствуют необычайно богатому и всестороннему описанию данного общественного явления.

Предельно обобщая основания классификации основополагающих идей, интерпретирующих природу политики, можно выделить **теологическую, натуралистическую и социоцентристскую** парадигмы. Такая классификация не только исчерпывает все возможные варианты истолкования политики, но и демонстрирует непрекращающийся характер попыток увидеть природу политики за рамками социального, объяснить источники и механизмы ее развития, не прибегая к помощи общественных факторов.

Так, теологическая парадигма в своем самом принципиальном значении демонстрирует сверхъестественную природу политики, ее зависимость от неподконтрольных человеку сил. Исторически такой подход базировался на понимании божественного происхождения человеческой жизни, на неизбежности управления Богом (демиургом, абсолют) любыми формами поведения «царей» и «народов». В средние века провиденциализм Фомы Аквинского несколько ослабил такую интерпретацию политики (в этом варианте Божественный промысел формировал только самые общие установления власти, а ее реальные формы определялись самими людьми), но не изменил принципов ее видения. В настоящее время сила Божественной воли нередко подменяется действием других, но столь же неподконтрольных человеку сил (вселенского разума, космического компьютерного организма и пр.), которые, как и прежде, определяют содержание власти и политики. В силу того, что в основе такого подхода лежат не присущие научному знанию принципы веры, такие подходы не получили широкого распространения в теории. Однако — прежде всего в эпоху господства тоталитарных режимов — они весьма точно копировали логику политических взаимоотношений людей и власти, предложенных средневековым философом: строгую иерархичность, наличие высших авторитетов, способных «правильно» истолковать все политические и властные коллизии, недоступные для понимания непосвященных, и т.д.

Свою лепту в развитие взглядов о политике внесла и **натуралистическая** парадигма, с помощью которой ученые пытаются объяснить природу этого явления, исходя из доминирующего значения факторов **вне-**

социального характера. В своей совокупности такие идеи обосновывают приоритетность природных источников политической жизни, выступающих в виде физико-географических, территориальных, климатических, биологических и других аналогичных явлений. Так, принципы географической детерминации политической жизни были заложены в идеях Гиппократа, Платона, Аристотеля, а также ряда мыслителей XVI–XVII вв. (Ж. Бодена и Ш. Монтескье), сформулировавших теорию влияния климата на политическое поведение людей и связавших форму государственного устройства с размером занимаемой ими территории. Существенное развитие этих идей произошло в геополитических теориях (Ф. Ратцель, Г. Маккиндей, К. Хаусхофер и др.). Например, Ш. Монтескье писал: «Если небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины — подчиняться монарху, а обширные империи — состоять под властью деспота, то отсюда следует, что для сохранения принципов правления государство должно сохранять свои размеры и что дух этого государства будет изменяться в зависимости от расширения и сужения пределов его территории»¹.

Свою версию происхождения политики выдвигает **биополитическая** теория, опирающаяся как на ряд классических естественно-научных идей (в частности, на теорию естественного отбора Ч. Дарвина и «смешанного поведения» Н. Тинбергена, на исследования агрессивности животных К. Лоренца, доктрину итальянских ученых Ц. Ламброзо и М. Нордау о биологической природе господствующего класса, психологизаторские концепции Г. Тарда, Г. Лебона, А. Дильтея др.), так и современные данные физиологии, генетики, биологии поведения, экологии и эволюционистской философии. Например, как писал, например, Г. Тард, все общественные движения можно однозначно свести «к первичным психологическим элементам, возникающим под влиянием примера и в результате подражания»².

Сложившись в 70-х гг. XX в. в американской науке, биополитическая концепция рассматривает в качестве ведущего источника политического поведения человека физиологические, инстинктивные (уль тимативные, первичные) факторы, отражающие видовое своеобразие человека как живого существа и играющие решающую роль в его адаптации к внешним условиям. Эта первичная причинность создает у человека различного рода «склонности», «влечения», «предрасположенности», которые впоследствии опосредуются разнообразными вторичными (проксиматичными) причинами — культурными обычаями, традициями, моральными нормами и др., но при этом они ничуть не теряют своей ведущей роли.

Признавая наличие общих для человека и животного поведенческих начал (хотя и не утверждая абсолютной схожести всех физиологических

¹ Монтескье Ш. Е. Избранные произведения. М., 1955. С. 266.

² Тард Г. Законы подражания. СПб., 1982. С. 38.

признаков животного и человека), биополитика настаивает на возможности разгадывания всех загадок политики на основании формулы «стимул—организм—реакция» (К. Лоренц), обуславливающей жесткую связь человеческих поступков с их генетической первоосновой. При таком подходе акцент в изучении политики делается на изучении чувств человека (например, «политического здоровья», которое испытывает подчиненный вблизи своего вождя, или чувства «обреченности» лидера, лишенного ожидаемой им массовой поддержки, и т. д.), механизмах «передачи настроений» от одного политического субъекта к другому, а также других аналогичных способах побуждения человеческой активности.

Надо признать, что рациональные установки биополитики могут довольно точно отображать гендерные (половозрастные) особенности политического поведения (В. Рудал, Е. Михан, А. Руш), расовые и этнические архетипы человеческого мышления и другие аналогичные параметры. Однако, поскольку всю гамму мотивов человеческого поведения в политике невозможно редуцировать к его биологическим основаниям, такие идеи не вправе претендовать более чем на статус частной методики изучения политической жизни.

Наряду с вышеотмеченными подходами в науке сложилась **исоциоцентристская** парадигма, объединяющая самую широкую группу теоретических представлений, признающих ее **общественное** происхождение и природу. Иначе говоря, во всех этих теоретических построениях политика рассматривается как та или иная форма социальной организации жизни человека, определенная сторона жизни общества. Ретроспектива этой интеллектуальной традиции показывает, что природа политики описывалась самым различным образом. В самом общем виде можно говорить о трех картинах политики: на **макросоциальном** уровне, уровне **теорий среднего уровня** и **дескриптивном** уровне.

Так, на **макросоциальном** уровне политика, как правило, описывалась через различные субстанции, чаще всего **государственность** (в силу чего политика рассматривалась по преимуществу как особая форма управления и способ интеграции общества, совокупность институтов и механизм правления разнообразных групп и индивидов) или **власть** (где политика предстала в качестве способа обеспечения господства и доминирования определенных социальных сил, макросоциального механизма регулирования общественными процессами и отношениями)¹.

Понятно, что различные ученые по-своему использовали эти базовые концепты для построения собственных теорий. Так, немецкий ученый К. Шмитт, связывавший существование политики с государством,

¹ «Кто занимается политикой, — писал Вебер, — тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти ради нее самой», чтобы «наслаждаться чувством престижа, которое она дает» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 646).

полагал, что политика не имеет собственной основы, черпая свою энергию из всех других областей жизни. Не составляя специфической сферы, политика формируется как результат нарастания человеческих противоречий, повышения их интенсивности до стадии отношений «врагов» и «друзей» как общественных противников. «Политическая противоположность, — писал он, — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем больше, чем больше она приближается <...> к разделению на группы “друг/враг”»¹. Такой характер взаимодействия заставляет рассматривать политику как результат разъединения (диссоциации) противников и отражения угрозы со стороны «чужаков», а также объединения (ассоциации) и интеграции «своих» людей.

Существенным значением для объяснения природы политики обладали и идеи, раскрывающие ее свойства через взаимосвязи государства и гражданского общества (Б. Спиноза), межгрупповые отношения (А. Бентли), деятельность элит (Г. Моска), механизмы межгрупповой интеграции (Б. Крик), разворачивающиеся на политическом поле конфликты (М. Крозье, Г. Зиммель, К. Маркс, А. Бентли, К. Боулдинг) или консенсус (Э. Дюркгейм, М. Вебер, Д. Дьюи, Т. Парсонс).

В современных условиях большое распространение получили подходы, делающие акцент в понимании политики на методах сознательного регулирования общественных отношений, «игровых» и «турбулентных» (Д. Розенау) формах взаимодействия, особом типе коммуникации и его «текстовом» выражении, ценностном и культурологическом содержании политических контактов. Так, сторонники культурологического подхода (М. Шеллер, Ф. Боас, Э. Канетти, Х. Арендт и др.) рассматривают политику как продукт смыслополагающей деятельности людей, а ее главным назначением признают осуществление творческой функции человека. С позиций такого подхода к интерпретации отношений общества (государства) и личности политика рассматривается не как сфера реализации социальных интересов или, например, регулирования межгрупповых конфликтов, а как область свободного самовоплощения и самоосуществления человека. По мысли Х. Арендт, человеческая «свобода и политика <...> совпадают и соответствуют друг другу как две стороны одного и того же предмета»². Таким образом, политика понимается как область вероятностного, поливариативного, венчурного (рискового) развития, постоянно сохраняющая возможность изменения человеком своих целей и методов действий. Но при всем при том в этой сфере отношений человек должен оставаться самим собой и следовать

¹ Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. Т. 1. С. 41.

² Arendt H. What is Freedom? // Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. N.Y., 1993. P. 149.

хорошо известному принципу «homo homini homo» («человек человеку человек»).

Примечательно, что на макроуровне сформировалось и так называемое «универсалистское» направление, в русле которого политику в значительной части отождествляют с другими явлениями, такими как авторитет (Ж. Мейно), управление (П. Дюкло), влияние (Р. Даль), контроль (Ж. Бержерон), целенаправленные общественные действия (Т. Парсонс, А. Этциони), борьба за организацию человеческих возможностей (Д. Хелд), классовые отношения (А. Миронов), организация (Ю. Аверьянов) и т.д. Опасность таких идей, растворяющих политику в других социальных явлениях, состоит в том, что они неизбежно ведут к утверждениям об отсутствии у нее «самостоятельной экзистенции» (существования) и признанию за ней лишь формы мышления и говорения (М. Хеттих).

На уровне теорий **среднего** уровня политика предстает как прагматичный механизм перераспределения ресурсов, способ социального регулирования, особый организационно-технологический инструментарий. Например, «сетевая» теория (Р. Родес) интерпретирует политику как форму руководства, основанную на авторитете и особых позициях операторов власти. На данном уровне широко распространены и разнообразные функциональные трактовки политики, рассматривающие ее как определенный вид рационально организованной деятельности, не испытывающей на себе существенного влияния макросоциальных факторов. Одним словом, здесь преобладает прагматичный, прикладной характер рассмотрения политики, свойственный для политико-управленческих наук. Весьма показательно, что известный американский ученый Г. Лассуэлл даже книгу, посвященную изучению политики, назвал следующим образом: «Политика: кто, что, когда и как получает».

На **дескриптивном** уровне политика описывается как разнообразные практики, формы человеческой активности, по сути, не имеющие качественных отличий по сравнению с другими проявлениями жизнедеятельности человека и не требующит каких-то особых обобщений.

Своеобразную позицию в истолковании политики занимают ученые, которые исходят из принципиальной неразрешимости вопроса о ее истинной сущности. Сторонники такой позиции в объяснении политики абстрагируются от детерминирующего влияния тех или иных «внешних» (природных, социальных и т.д.) по отношению к ней факторов. Так, один из видных современных социологов П. Бурдьё рассматривает политику как определенное социальное пространство («поле политики»), которое одновременно и детерминирует разнообразные виды политических «практик» (событий, способов бытия) разнообразных акторов, и вбирает в себя относительно автономный ансамбль политических отношений. Под влиянием практик, воплощающих разнообразные статусы, пространственные

«позиции» («топосы») и «капиталы» (контролируемые ресурсы) акторов, это политическое пространство динамично изменяется.

В результате политика предстает как постоянный процесс взаимодействия предшествующих и актуальных, воплощенных и субъективных, институциональных и символических элементов. При этом «практики» представляют собой не форму «рациональных» или как-то иначе определенных по характеру действий акторов, а некий итог воплощения реального сознания, формирующегося при активном взаимодействии личности со средой и рождающего как осознанные, так и неосознанные мотивации. Поэтому «практики» нельзя однозначно объяснить ни прошлым, ни будущим, ни рациональным, ни иррациональным образом.

Такой характер толкования политических «практик» снимает не столько односторонность, сколько определенность в объяснении сущности политики. Будучи понята таким образом, политика становится открытой самым широким истолкованиям ее источников, причин, форм и способов существования.

2. Сущность и отличительные черты политики как общественного явления

Принципы и факторы спецификации политики

Рациональное отношение к политике как особому способу обеспечения людских интересов позволяет увидеть

как причины ее возникновения, так и основные черты этой сферы общественной жизни, выполняющей определенные функции в развитии социума. С этой точки зрения политика возникла на пересечении целого ряда тенденций в развитии общества, востребовавших этот метод решения назревших проблем.

Основным источником ее возникновения стало усложнение социальных взаимосвязей, нарастание конкуренции различных демографических, территориальных, религиозных и иных групп общества, а равно неспособность обычаев, нравов и религиозных догматов решить нарастающие противоречия между ними (и прежде всего сгладить непримиримые интересы, грозившие нарастанием социальной напряженности и дезинтеграцией человеческого сообщества), наладить устойчивый механизм распределения общественных ресурсов. Такая возможность стала реальностью в связи с образованием института **государства**, создавшего общеобязательные формы социального поведения для всех слоев населения. Неоспоримое доминирование государственной мощи не только обеспечило стабильность и целостность общества, но и сделало ненужным постоянное применение силовых, принудительных методов для урегулирования межгрупповых конфликтов. Таким образом, политика стала средством приведения разрушающих общество конф-

ликов к необходимой для выживания общества форме и его продвижения вперед за счет повышения уровня *межгруппового согласия*. Наличие единого центра власти и принуждения стало устранять насилие из арсенала урегулирования внутри социальных противоречий, поставив всех групповых акторов перед необходимостью поиска взаимных компромиссов по отношению друг к другу. В этом смысле политика стала важнейшим ненасильственным методом решения крупных общественных конфликтов, сопровождавших столкновение интересов. Однако, показав эффективность ненасильственных методов достижения социальных интересов, государство одновременно превратилось в самую привлекательную цель деятельности различных социальных групп, стремящихся за счет контроля за этим центром власти получить преференции при распределении ресурсов и статусов.

В этом смысле **политику** можно определить как **совокупность отношений, складывающихся в результате взаимодействия групп по поводу завоевания, удержания и использования государственной власти в целях реализации своих общественно значимых интересов**. Другими словами, политика в таком случае понимается как пространство борения (конкурентной игры, маневрирования) разнообразных групп, соперничающих друг с другом (а также с правительством как своеобразной группировкой во власти) в целях получения дополнительных преимуществ за счет контроля за государством как центром силы.

Межгрупповая конкуренция за государственную власть, с одной стороны, предопределила необходимость возникновения **механизма представительства** гражданских интересов: особые ассоциации в виде партий, лобби, групп интересов и др. В этом плане политика «уводит» общество от тех форм социальной организации жизни, что поддерживали целостность и интеграцию человеческих связей на основе структур локальной солидарности, «местечковых» нравов и физического превосходства одной части населения над другой. Впоследствии это привело к образованию специальных общественных институтов, поддерживающих **публичный** диалог населения и властей. С другой стороны, само государство, вовлеченное в межгрупповую конкуренцию за власть и вынужденное так или иначе принимать участие в достижении различного рода компромиссов и соглашений, стало постепенно обретать особый стиль поддержания коммуникаций с обществом. В частности, это нашло свое выражение в поиске государством **приоритетных** отношений с определенными общественными группами, создании для них особых преференций при решении тех или иных общественных проблем. Институализировав асимметричную по отношению к разным группам стилистику взаимодействий, государство превратило применение **различных стандартов** по отношению к общественным группам в атрибут политической сферы. Поскольку же для сглаживания таких непропорциональных отно-

шений государство стало прибегать к различным способам информационного прикрытия своего явного и неявного фаворитизма, оно со временем институализировало и технологии налаживания «связей с общественностью» (PR), также ставших атрибутом политической сферы.

Постепенная институализация такого типа регулирования общественных отношений не только сохранила многообразие общественных интересов и укрепила статус несиловых, рационально-договорных методов их реализации, но и позволила сохранить целостность общества, обеспечить порядок и стабильность социальной жизни. Благодаря политическим методам управления обществом, государство обрело возможность концентрации ресурсов на наиболее перспективных направлениях развития общества. Например, независимо от экономической обоснованности использования материальных ресурсов государство может перераспределить их в пользу наиболее нуждающихся членов общества или в силу политической целесообразности поддерживать убыточные предприятия, строить или разрушать рыночные связи и т.д. С этой точки зрения политика представляет собой способ **упрощения** конфликтов, когда все их многообразное содержание подводится под общий знаменатель государственной воли.

При этом политика регулирует не все групповые интересы, а лишь те из них, которые затрагивают властно значимые потребности людей и предполагают вовлечение в конфликт «третьей» силы в лице государства. Из-за стихийного характера такой конкуренции К. Мангейм называл политику «самостийной» величиной, т.е. явлением, не способным возникнуть в результате искусственной реконструкции. И сегодня импульсы политической жизни исходят оттуда, где различные общности, стремясь к реализации собственных целей, влияют на положение (цели, статусы, интересы) других слоев, вовлекая государство как (заинтересованного) посредника в урегулирование этих споров.

Политика сформировалась как *механизм перераспределения* важнейших материальных, информационных, духовных и иных ресурсов, находящихся в распоряжении не только государства, но и всего общества в целом. Она преобразовала разрушительные последствия межгрупповых противоречий в созидательные импульсы общественного развития. Благодаря политике общество освободилось от варварского способа удовлетворения групповых интересов — борьбы на уничтожение. С политикой люди обрели возможность вести конкурентную борьбу по правилам, согласовывая свои интересы с интересами социального целого. В то же время политика была и остается формой двусторонних отношений, исключающей игнорирование конкурентов. В противном случае она вырождается в монополизацию власти, превращающую политическую «игру» за власть в форму административного диктата.

Конечно, политика как механизм изменения и «перевортывания» статусов групп допускает возможность ошибки, возможность неверного оп-

ределения и интересов общества, и возможностей отдельных групп. По мнению Р. Даля, политика представляет собой обширное поле для ошибок, преувеличения одних интересов и преуменьшения других, для принятия одних решений и непринятия других. В произвольном выборе объектов политического регулирования либо в использовании неадекватных средств и методов регулирования кроется огромный потенциал напряженности. Как верно заметил французский ученый Г. Эрме, «...лучший правитель это тот, кто наилучшим образом защищает интересы граждан от посягательств государства, которое хотело бы против воли граждан осуществлять то, что оно неоправданно считает интересами общества»¹.

Позже мы увидим, как политика компенсирует свои генетические слабости, сейчас же важно подчеркнуть, что политика как способ постоянного выбора приоритетов, поиска и сознательного определения наиболее перспективных направлений общественных изменений и развития является своеобразным **искусством** налаживания и поддержания социального диалога.

Функции политики

Формируясь в процессе регулирования межгрупповых противоречий, поддержания целостности социума и сохранения общественной стабильности, политика в своем развитии получила статус важнейшего социального механизма, без которого ни одно сложноорганизованное общество не способно воспроизводить и развивать свои социальные порядки. В настоящее время роль и значение политики зависят от выполнения ею следующих функций:

- выражения и реализации властно значимых интересов групп и слоев общества;
- рационализации конфликтов, придания межгрупповым отношениям цивилизованного характера, умиротворяющего противоборствующие стороны;
- распределения и перераспределения общественных благ с учетом групповых приоритетов для жизнедеятельности общества в целом;
- управления и руководства общественными процессами как главного метода согласования групповых интересов посредством выдвижения наиболее общих целей социального развития;
- интеграции общества и обеспечения целостности общественной системы;
- социализации личности, включения ее в жизнь сложноорганизованного государства и общества. Через политику человек приобретает качества, необходимые ему для реалистического восприятия действительности, преодоления разрушающих послед-

¹ *Hermet G. Le peuple contre la democratie. P., 1989. P. 20.*

ствий подсознательных реакций на политические процессы, препятствующих рациональному отношению к жизни. Конституируя личность как самостоятельное, активное существо, политика способна осуществлять и человекотворческие задачи;

- обеспечения коммуникации. Политика создает особые формы общения между конфликтующими по поводу власти группами населения, формируя или используя для этого специфические институты (СМИ), способы поддержания контактов между властью и населением (политическую рекламу), стратегии информирования населения и борьбы с конкурентами (пропаганду, агитацию, политический паблик рилейшнз — особые техники связи с общественностью);
- созидания действительности (проективная функция). Политика способна формировать новые отношения между людьми и государствами, преобразовывать действительность в соответствии с планами различных политических субъектов, создавать новые формы организации социальной жизни, формировать возможности для новых отношений между человеком и природой.

Более частные, разнообразные функции политики складываются при взаимодействии ее с отдельными конкретными сферами жизни (например, со сферой формирования общественного мнения, создания органов власти и т.д.). Политика может обладать как явными, так и скрытыми (латентными) функциями, например, при согласовании интересов в сфере принятия государственных решений.

В целом же функции политики могут трансформироваться в зависимости от времени, места и субъектов политической деятельности. Это говорит не только о том, что отдельные функции способны осуществляться в более или менее развитых формах, но и о том, что в ряде случаев они могут приобретать противоположный своему назначению характер (когда, к примеру, жесткость конкуренции за власть может десоциализировать человека, оттолкнув его от активной политической жизни). Далее мы увидим, какие качественные изменения происходят с функциями политики в рамках тоталитарных обществ, на поздних стадиях развития современных индустриальных государств, в переходных процессах, во время острых кризисов государственной власти.

Структура политики

Выполнение политикой столь специфических функций предполагает и наличие у нее соответствующей *внутренней структуры*, которая, собственно, и предопределяет возможность исполнения ею перечисленных задач. Эти структурные элементы в своей совокупности обеспечивают формирование политики как *целостной* и качественно определенной области социальной жизни.

К несущим опорам политики относится прежде всего ее **политическая организация**, которая представляет собой совокупность институтов, транслирующих властно значимые групповые интересы в сферу полномочий государства и поддерживающих конкуренцию их субъектов в борьбе за власть. Партии, лобби, разнообразные политические движения, средства массовой информации, профсоюзы и другие политические ассоциации и объединения вкупе с представительными и исполнительными органами государства составляют этот организационный фундамент политики.

Важнейшим элементом структуры политики являются **неинституциональные** элементы, отражающие всю совокупность идеальных явлений (форм сознания). В самом общем виде они характеризуют зависимость политического регулирования от разнообразных программ, идеологий, утопий, мифов и других идеальных образов и целей, которыми руководствуются субъекты борьбы за власть. С этой точки зрения политика предстает как общественный механизм, специально приспособленный для реализации разнообразных идейных проектов.

Воплощенная (объективированная) часть человеческих замыслов и представлений существует в формах практической деятельности людей, институтах, механизмах и процедурах борьбы за власть, даже в архитектуре государственных учреждений и прочих материализованных формах. В то же время не выявленный мир политического сознания «живет» в поле публичной власти в виде ценностей, идеальных побуждений, оценок, мотивов поведения и т. д. С точки зрения зависимости от политического сознания политика может быть представлена как постоянный переход, преобразование различных способов мышления из духовной формы в материальную, и наоборот.

Еще одним структурным элементом выступают **политические отношения**. Они фиксируют специфические особенности деятельности, направленной на государственную власть, а также устойчивый характер взаимосвязей общественных групп между собой и с институтами власти. В этом смысле политические отношения раскрывают специфические особенности конкурентных связей, складывающихся между всеми участниками «игры» за власть и определяющих внутренний ритм существования политики как таковой. Например, политические процессы могут формироваться в рамках обостренной борьбы сторонников противоположных целей или свидетельствовать об установлении в обществе прочного консенсуса по основным целям общественного развития. Не случайно Дж. Сартори считал, что политика может существовать либо в виде «войны», в которой стороны не считаются со средствами достижения целей и ведут борьбу на уничтожение, либо в виде «торга», где свои позиции в государственной власти конфликтующие стороны укрепляют на основе сделок и договоров.

Уровни организации политики

Политика как особая сфера жизнедеятельности человека обладает способностью организовывать свои порядки на различных уровнях социального пространства. Так, регулируя межгосударственные отношения или связи национальных государств с международными институтами (ООН, Евросоюзом, НАТО и др.), политика выполняет роль своеобразного глобально-планетарного механизма регулирования мировых конфликтов и противоречий. Здесь ее субъектами и агентами выступают национальные государства, различные региональные объединения и коалиции, международные организации. В этом случае политика выступает в качестве наиболее высокого по уровню способа регулирования мировых и внешнеполитических отношений, или как **мегаполитика**.

Конфликтные взаимоотношения внутри отдельных государств формируют уровень **макрополитики**. Это наиболее распространенный и типичный уровень организации межгруппового диалога. **Мезополитика** характеризует связи и отношения группового характера, протекающие на уровне отдельных регионов, локальных структур, институтов и организаций. И наконец, властно значимые отношения индивидов могут воплощаться в **микрополитике**, представляющей наиболее низкий (но отнюдь не самый простой) уровень межличностных или внутригрупповых отношений, регулируемых институтами государства.

На каждом уровне своего протекания политические процессы формируют специфические институты, отношения, механизмы и технологии рационализации конфликтов и регулирования споров. Причем каждый уровень обладает известной самостоятельностью, и его особые механизмы не могут «автоматически» использоваться для разрешения конфликтов на ниже- или вышестоящем уровне. Поэтому, например, международные институты зачастую не способны урегулировать политические конфликты внутри страны. А действия федеральных властей нередко бессильны для разрешения какого-нибудь регионального (в частности, межэтнического) конфликта.

Свойства политики

Определенность политики как особой сферы человеческой жизнедеятельности непосредственно выражается в наличии у нее *специфицирующих* черт и характеристик, позволяющих отличить политику от иных сфер общества, увидеть границы ее существования. Прежде всего следует отметить **онтологические, морфологические и процессуальные** свойства политики.

Так, к онтологическим (раскрывающим сущностные черты данного типа человеческой активности) относятся свойства **конкурентности** (демонстрирующей, что политическое взаимодействие является результатом столкновения различных групповых интересов и сопутствующих им норм и правил, ценностей и традиций, одним словом, самых разных компонен-

тов властного противоборства); **асимметричности** (выражающей невозможность постоянного поддержания баланса сил в политических отношениях), преимущественной **рациональности** поддержания деловых коммуникаций в политике; **рисковости** (венчурности) характера данного вида деятельности; **инклюзивности** (проникновения политики в иные сферы общественной жизни, отражающего необходимость решения тех или иных вопросов при помощи использования государственной власти)¹; **топологичности** (раскрывающей политику как совокупность местосвершений, т.е. политических явлений, неравномерно расположенных на том или ином географическом пространстве и метрические свойства которого создают пределы и возможности людей в борьбе и конкуренции за власть); **темпоральности** (отражающей временное измерение политики и демонстрирующей протяженность существования ее институтов, взаимоотношений правящей и оппозиционной элит, индивидуальных и групповых акторов, государственных и международных организаций).

К **морфологическим** свойствам политики относятся те параметры политики, которые отражают ее строение и источники формообразования. В этом смысле наиболее важным свойством является **наличие элитарных и неэлитарных кругов** (как основных субъектов политики, чьи акции (поступки) и интеракции (взаимодействия) в сфере публичной власти и формируют всю сферу политической жизни); **институциональных и неинституциональных** параметров; наличие **системы представительства** социальных интересов (соединяющих государственные и гражданские структуры); **технологии** осуществления различных политических действий.

К **процессуальным** свойствам политики следует отнести изменчивость формы и содержания политических явлений, осуществляемых в режимах **развития, функционирования и упадка**; опосредованность важнейших политических решений различными **качественными** интерпретациями целей.

3. Взаимоотношения политики с другими сферами общества

Характер отношений политики с другими сферами общественной жизни

Понимание природы и специфических свойств политики неизбежно предполагает осознание ее связей и отношений с другими сферами общественной жизни. Испытывая влияние экономики, морали, права, художествен-

Понимание природы и специфических свойств политики неизбежно предполагает осознание ее связей и отношений с другими сферами общественной

¹ Как писал Ф. Брауд, «ничто по своей природе не является политическим и все им может стать» (*Braud Ph. La science politique*. Р., 1992. Р. 11). По этой причине, полагает Н. Фразер, «политизация социального» — неотъемлемый процесс в сложноорганизованных обществах (*Fraser N. Unruly Practices*. University of Minnesota Press, 1989).

ной культуры, политика и сама оказывает на них определенное воздействие, обретая при этом новые свойства и качества.

В политической мысли далеко не сразу удалось отличить политику от иных форм организации социальной жизни. Со времен Древней Греции вплоть до XVII столетия господствовали взгляды, интерпретировавшие политику как всеобъемлющую форму человеческой активности, включающую в себя все формы взаимоотношения человека и общества. Только разделение политики и гражданского общества, которое произвели Н.Макиавелли, Дж. Локк, Т. Гоббс и ряд других мыслителей Нового времени, положило начало более точному пониманию ее отношений с другими областями жизни. Благодаря этим и более поздним теоретическим разработкам политика предстала как одна из областей человеческой жизнедеятельности, обладающая специфическими внутренними особенностями, возможностями влияния на другие сферы человеческой жизни.

Однако и в настоящее время в политической науке предпринимается немало попыток утвердить **одностороннюю** зависимость политики от иных сфер общественной жизни или данных сфер от политики. В связи с этим можно вспомнить позицию Аристотеля, рассматривавшего политику как «публичную мораль», или Платона, расценивавшего ее в качестве формы умножения блага или управления в соответствии с познанной справедливостью. Например, сторонник такого подхода русский мыслитель В. Соловьев писал, что «здравая политика есть лишь искусство наилучшим образом осуществлять нравственные цели в делах праведных»¹. Таких же по сути концептуальных подходов придерживался и К. Маркс, объяснявший природу и происхождение политики детерминирующим воздействием отношений производства, обмена и потребления. Таким образом, политика (политическая надстройка) полностью подчинялась тенденциям, господствовавшим в материальной сфере, обладая лишь некоторой степенью самостоятельности.

Известное распространение получили и попытки представить право в качестве порождающей политику причины. Со времен Дж. Локка, И. Канта и некоторых других провозвестников такого подхода именно право расценивается целым рядом зарубежных ученых (Р. Моором, Дж. Гудменом, Г. Макдональдом и др.) как системообразующая сфера общества, обеспечивающая равновесие властных институтов, контроль за их деятельностью и, в конечном счете, предотвращающая все, в том числе политические, конфликты. С их точки зрения, не политика, а право должно формировать общую властную волю общества, которой должны руководствоваться как государство, так и отдельные индивиды.

Одним из решающих аргументов в данном случае является ссылка на конституцию как основную форму высшего права, ограничивающую

¹ Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 260.

власть своими установлениями. Особенно сильна привязанность к подобного рода аргументам у представителей классического западного консерватизма, усматривающих в конституции наличие высших, чуть ли не божественных начал, обуславливающих содержание всех политических процессов.

И все же в большинстве своем ученые предпочитают учитывать **двойственный** характер взаимоотношений политики с другими областями жизни — **причинно-следственный** и **функциональный**. Так, **причинно-следственные** отношения раскрывают степень детерминированности политики (как в целом, так и ее отдельных сторон и аспектов) экономическими, правовыми, нравственными или иными факторами. Эти каузальные (от лат. *causa* — причина) зависимости были подмечены еще в Древней Греции. Однако, как уже говорилось, нередко такие связи абсолютизировались. Так, например, И. Кант и следующие его ученикам современные теоретики О. Хеффе, Дж. Роулс и др. утверждают, что политика должна «всегда <...> применяться к праву»¹. А фундаменталистски настроенные приверженцы К. Маркса доводят его идею об обусловленности политического процесса способом производства материальной жизни до одностороннего экономического детерминизма, считая тем самым, что политика целиком и полностью определяется материально-хозяйственными факторами.

Характерно, однако, что, наряду с такой гиперболизацией причинных связей политики, в научной мысли сформировались и идеи ее самодетерминированности, т.е. практической независимости от других областей жизни. Такие подходы присущи, в частности, ряду элитаристских концепций, авторы которых видят в «правлящем классе» самодостаточный источник формирования политических отношений.

В свою очередь, **функциональные** связи и отношения политики с другими сферами жизни отражают их взаимозависимость как определенных регулятивных подсистем общества, обладающих собственными средствами разрешения конфликтов, стабилизации социальных порядков, интеграции общества. Иначе говоря, политика, наряду с другими общественными подсистемами, рассматривается как специфический способ решения социальных проблем, предлагающий для этого собственные приемы, техники, процедуры. Например, решение тех или иных конфликтов возможно не только военными средствами, но и путем применения политических методов; при этом поиск компромисса, который способен устранить острые формы противоборства, может осуществляться и под влиянием экономических факторов и осуждения противоборствующих сторон общественным мнением и т.д.

¹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1990. С. 294.

Эти политические, правовые и прочие регулятивные системы в зависимости от конкретной ситуации, характера той или иной проблемы или других причин могут иметь разную эффективность применения норм, санкций, форм стимуляции требуемого поведения и т.д. Преимущественное же использование обществом то моральных, то экономических, то политических методов регулирования общественных противоречий как бы задает известные приоритеты в отношениях между сферами общественной жизни. Этот временно установленный характер связей между ними и свидетельствует об усилении или ослаблении социальной роли той или иной сферы.

Политика и экономика

Политика, как уже сказано, формируется на пересечении ряда исторических тенденций, и потому сущностные причины ее возникновения не могут быть объяснены исключительно экономическими причинами. В целом экономические процессы не являются «прародителями» политической сферы. Зависимость от них сказывается на содержании деятельности конкретных политических систем и режимов правления. Так, слабо развитая экономика, как правило, предполагает централизацию власти и усиливает авторитарные тенденции. Экономический же рост, повышение доходов на душу населения в целом способствуют развитию демократических тенденций.

В основном экономика оказывает то или иное воздействие на политику через социальную сферу, т.е. определяя материальное положение разных социальных групп и обуславливая тем самым дифференциацию социальных статусов их членов. Таким образом, люди, в зависимости от экономического содержания своих интересов, вытекающих из занимаемого ими общественного положения, могут обращаться к различным политическим формам их удовлетворения: выдвижению требований к государственной власти, формированию политических движений и партий, выражению своего мнения на выборах и т.д.

В свою очередь, политика, сформировавшаяся значительно позже возникновения производственных и обменных процессов, тоже не может рассматриваться как основополагающий фактор развития экономики. В то же время как разновидность властно-государственного принуждения политика сохраняет значительные регулятивные способности воздействия на экономические процессы. И прежде всего в тех ситуациях, когда та или иная хозяйственная проблема приобретает значительный социальный масштаб и начинает затрагивать интересы значительной части населения или всего государства. В этом смысле характер политического влияния на экономику может быть тройным: позитивным, негативным или нейтральным.

Так, в настоящее время в России без целенаправленной помощи государства в принципе невозможно сформировать прочный рыночный сектор в экономической жизни страны, сделать его системообразующим сегментом всей экономической сферы. Вместе с тем политическое влияние определенных оппозиционных сил направлено на придание противоположного характера деятельности государства, которое, по их мнению, призвано заниматься преимущественно непосредственным регулированием экономических связей, вытесняя тем самым рыночные структуры на периферию экономических отношений.

Потребности современного общественного развития, необходимость демонополизации и демилитаризации российской экономики, борьба с коррупцией и теневой экономикой однозначно требуют повышения роли политических методов регулирования этих сторон экономических процессов. В то же время в зоне мелкого и семейного бизнеса, в сфере развития предпринимательства и других секторах экономики, где сегодня можно руководствоваться внутриэкономическими стимулами, принципами самоорганизации, государственно-политические методы должны уступать свое место иным формам социального регулирования. В любом случае политические методы регулирования должны использоваться лишь в тех секторах экономики, где не хватает внутренних источников самодвижения или требуются серьезные трансформации сложившихся порядков.

Политика и право

Как относительно самостоятельные сферы общественной жизни политика и право формируются на основе влияния множества общественных факторов и не могут зависеть лишь от взаимного воздействия друг на друга. По сути дела, их взаимоотношения определяются особенностями присущих им способов регулирования социального порядка и технологий применения государственной власти.

Так, политика генетически сориентирована на обеспечение **групповых** приоритетов в организации государственной власти. То есть тех интересов, которые ни при каких условиях не могут быть проигнорированы, даже при соединении их с общесоциальными запросами населения на государственном уровне. Ведь политика по существу «работает» на согласование и продвижение интересов наиболее жизнеспособных социальных (национальных, территориальных и др.) групп с общеколлективными целями. Поэтому государство как политический институт прежде всего заинтересовано в укреплении позиций группы, контролирующей власть, предполагая использование для этого всех имеющихся у него ресурсов. Следуя данной цели, государство может практически выходить за рамки действующих законов (особенно в кризисных условиях) и даже имитировать соблюдение конституции страны (как это де%

лал сталинский режим, осуществлявший репрессии под покровом самой демократической и гуманной конституции того времени).

По существу политика как средство упрочения публичной власти по природе своей рассчитана на некое превышение законодательных полномочий субъектов, выступающих от лица государства. Эта способность политики поддерживается возможностью ее структур и институтов опираться не только на правовые механизмы, но и на непосредственную поддержку населения, его отдельных слоев, способных собственными средствами поддерживать правительство, партии, лидеров и т. д. Подобная неформальная поддержка населения, являясь показателем соотношения политических сил, и заставляет власти зачастую считаться с ней больше, чем с нормами законов.

Такое положение свидетельствует о том, что политика всегда учитывает влияние *реальных*, а не формальных социальных центров, тех сил, которые способны практически воздействовать на перераспределение ресурсов и принятие решений. Иными словами, политика прежде всего ориентирована на реальные ресурсы и силу участников, оспаривающих власть, а не на их формальные статусы. Поэтому, например, находившиеся в «розыске» чеченские авторитеты в свое время признавались почти что официальными партнерами федерального Центра, а регионы, нарушающие российскую конституцию, не испытывают правовых последствий таких действий, обладая должным весом при принятии важных для Кремля решений, и т. д. Соответственно и политический контроль распространяется не на все социальное пространство, находящееся под юрисдикцией государства, а лишь на его наиболее острые и проблемные зоны, способные изменить соотношение участвующих в отправлении власти сил.

Коль скоро множество групп, претендующих на контроль за государственной властью, помимо общепринятых норм предлагают собственные цели и правила использования власти, то политическое пространство переполняется различными идеологическими целями, программами и прогнозами, авторы и сторонники которых пытаются идейными средствами и способами подчинить себе большинство населения, расширить базу своей политической поддержки. В силу этого в политике всегда складывается *множество логик* властного взаимодействия, подразумевающих столкновения разных целей и ценностей, норм и стандартов. И, как следствие, конкуренция между неравновеликими претендентами на власть придает политическому процессу крайне неравномерный, а порой даже скачкообразный характер.

В свою очередь, система правового регулирования изначально сориентирована на регулирование **всего** социального пространства в целом, без выделения каких-либо групповых приоритетов. Право «снимает» групповую заостренность политической конкуренции, предъявляя однозначные требования всем гражданам общества, независимо от их партийной

принадлежности, симпатий и антипатий. За счет этого право фиксирует тот нижний предел взаимных требований групп к установлению общественного порядка, который необходим для их совместного проживания и осуществления власти. Не случайно главной регулятивной установкой в правовой сфере выступает равенство всех слоев населения и граждан перед законом. В этом смысле для права ничего не значат ни групповая солидарность, ни статусные интересы, ни локальные ценности, ни реальное влияние того или иного субъекта на власть. Право избегает каких-либо теневых форм регулирования общественных отношений; именно публичность, открытость, демонстративность применяемых им средств регулирования является подлинной протоматерией правового поля власти.

Для права главным принципом деятельности является диспозиция «закон — отклонение от закона» (а не «формальное — реальное влияние», как в политике), поэтому его регуляторы редко действуют в режиме предупреждения (переубеждения субъектов), полагаясь в основном на технику санкционирования. В силу этого государство как **правовой** институт регулирования и контроля закрепляет применение всеобщих стандартов оценки общественных целей и противоречий. На страже этого порядка стоят специальные органы (конституционный суд и др.), снимающие все недомолвки, иносказания и подтексты в толковании конфликтных ситуаций, добиваясь тем самым полной и однозначной интерпретации правовых норм и санкций в процессе их использования.

Таким образом, можно видеть, что политика — это отнюдь не «конструирование публичного права для свободного действия человека», как считают некоторые ученые, в частности Х. Арендт¹. Политика ориентируется на закрепление приоритетов общественного развития, соответствующих интересам групп, и потому зачастую пренебрегает правовыми средствами, мешающими достижению цели. В свою очередь, право, утверждая режим власти, легализует положение доминирующей в обществе силы.

Это объясняет, почему, по мере закрепления тех или иных политических целей, а следовательно, и оппонирования уже сложившегося социального порядка с новыми, предлагаемыми политикой приоритетами, две регулятивные системы — право и политика — постоянно оказывают противоречивые влияния друг на друга. Так, право сужает поле политики, накладывая ограничения на деятельность политических акторов: запрещает партии, ориентированные на антиконституционные способы захвата власти, ограничивает деятельность экстремистских организаций, определяет процедуры использования властных полномочий государственными структурами и т. д. В свою очередь, политические инициативы стимулируют изменение отдельных законодательных актов, вступая в противоречие с уже сложившимся порядком. При этом

¹ Цит. по: Косич И. В., Мишкелене Ю. Б. Х. Арендт: Философия и политика // Вестник МГУ. Серия 7. 1991. № 6. С. 84.

отдельные законодательные нормы используются в качестве определенного ресурса борьбы с соперниками.

Опыт многих стран показывает, что правящие круги не только не подчиняются законам, но и активно используют их для борьбы с политическими соперниками. Например, в нашей стране политические противники сталинского и брежневского режимов объявлялись уголовными преступниками, испытывая на себе всю мощь репрессивного аппарата. И лишь в правовых государствах, где существуют мощные механизмы предотвращения произвола правящих кругов, исключена монополизация власти той или иной группой населения, в них сложились традиции гражданской активности, право выступает основным ориентиром политической деятельности, фактором, накладывающим ограничения на неприемлемые для большинства общества приемы политического противоборства, борьбы за власть.

Политика — это своеобразный поисковый механизм социального развития, разрабатывающий его проекты, а право — механизм придания таким проектам общезначимого характера. В целом добиться соответствия этих двух сфер и механизмов общественного регулирования — значит сформировать законодательную базу, закрепляющую основные цели и ценности политически лидирующих групп. В результате такого соединения регулятивных возможностей обеих сфер государственная власть приобретает необходимую стабильность, предотвращая общество от крайностей политической конкуренции.

Политика и мораль

Проблема соотношения политики и морали занимала и занимает умы мыслителей на протяжении не одного тысячелетия. Данная проблема ставилась еще легистами в Древнем Китае, Платоном, Н. Макиавелли, Т. Гоббсом и другими учеными. В центре проблемы всегда стояли вопросы нравственного воздействия на власть, способности общества к одухотворению политической конкуренции. В процессе эволюции политической мысли выкристаллизовались **три** крайних позиции по этим вопросам.

Так, одна часть теоретиков (Н. Макиавелли, Г. Моска, Р. Михельс, А. Бентли, Г. Кан и др.) стояла на позиции отрицания возможностей сколько-нибудь серьезного влияния морали на политику. Вторая часть ученых (Платон, Аристотель, Э. Фромм, Л. Мэмфорд, Дж. Хаксли и др.), напротив, практически растворяла политические подходы в морально-этических оценках, считая последние ведущими ориентирами для любой, в том числе политической, деятельности. Третья группа ученых (А. Швейцер, М. Ганди, А. Эпштейн и др.) настаивала на необходимости облагораживания политики моралью, соединения тех и других стандартов при осуществлении государственной власти. Как же в действительности решается эта проблема?

Практический опыт показал, что в политике, как и в любой другой сфере общественной жизни, понимание и реализация человеческих интересов изначально связаны с этико-мировоззренческим выбором человека, с определением им собственных позиций относительно справедливости своих притязаний на власть, допустимого и запретного в отношениях с государством, политическими партнерами и противниками. Таким образом, в осознании политической реальности у человека всегда присутствуют этические ориентиры. Потому-то в мотивации его поведения в сфере государственной власти, как правило, всегда переплетаются *две* системы координат, оценок и ориентаций — нравственная и политическая.

Несмотря на то что и моральное, и политическое сознание имеют в принципе групповое происхождение, тем не менее они представляют собой два различных способа понимания людьми своей групповой принадлежности (идентификации), которые базируются на различных способах чувствования, оценивания и ориентации в социальном пространстве. Так, политическое сознание в целом имеет логико-рациональный и целенаправленный характер. При этом оно неразрывно связано с оценкой конкретной проблемы, а также той ситуации, которая сопутствует ее достижению. В отличие от такого способа отражения действительности моральное сознание представляет собой форму дологического мышления, базирующегося на недоказуемых принципах веры, оно перемещает жизнь человека в мир идеальных сущностей. Как писал С. Франк, не существует никакого единого постулата, «исходя из которого можно было бы развить логическую систему нравственности <...> чтобы она охватывала все без исключения суждения, подводящие под категории “добра” и “зла”»¹.

Мораль представляет собой дихотомический тип мышления, которое побуждает рассмотрение всех социальных явлений сквозь призму двоичных, взаимоисключающих оценок: благородство—низость, верность—предательство, сострадание—равнодушие и т.д. В конечном счете эти противоположные образы-ценности концентрируются в понятиях «добро» и «зло» — конечных для человеческого сознания представлениях о положительных и отрицательных ограничениях возможного поведения людей. Человек неизменно стремится к положительным самооценкам своих действий, поэтому моральное сознание максимизирует его внутренние требования к исполнению целей. С одной стороны, это превращает моральное сознание в мощный источник самосовершенствования индивидуального и группового поведения, а с другой — делает его безотносительным к ситуациям, в которых действует человек, и к содержанию конкретных целей в сфере власти.

Таким образом, если политика подчиняет человека приземленным целям и понятиям, то мораль ориентирует на возвышенные смыслозна-

¹ Франк С. Соч. М., 1990. С. 11.

чимые идеи и представления. В то время как политическое сознание заставляет человека оценивать события и поступки с точки зрения вреда или пользы, выгоды или убытка, которое принесет то или иное действие, моральное сознание помещает эти же вопросы в плоскость взаимоотношений абстрактного Добра и Зла, сущего и должного.

Взаимодействие этих двух разных способов отношения к жизни приобретает в политике неоднозначное выражение. Так, при рутинных действиях, связанных с осуществлением повседневных гражданских обязанностей, не требующих обостренных размышлений о сути происходящего, нравственные критерии не являются серьезным внутренним оппонентом политических стандартов. Но данные противоречия существенно обостряются, когда люди принимают принципиальные решения, связанные, к примеру, с выбором перспектив социального развития, применением или неприменением насилия. Это говорит о том, что не все процессы использования государственной власти в равной степени испытывают на себе сложность соотношения морального и политического выбора, а следовательно, конфликт политики и морали проявляется не во всех, а лишь в некоторых зонах формирования и перераспределения государственной власти.

Нельзя забывать и о том, что в отдельные периоды жизни, например, во время длительных политических кризисов, люди могут утрачивать способность к нравственной рефлексии, становясь безразличными к различию Добра и Зла (но не утрачивая при этом способности формально проводить различия между ними). В таком случае нравственная деградация, помешательство, затмение разума расчищают дорогу режимам, превращающим личные и узкогрупповые интересы правителей в цели, в мерило нравственности, возводя цинизм и человеконенавистничество в ранг норм и правил государственной деятельности. Политика в подобных ситуациях становится проводником антиобщественных целей, способствуя криминализации управления государством, разжиганию ненависти между людьми, поощрению насилия и произвола.

Вместе с тем качество используемых в политике моральных требований также бывает различным. Например, значительные слои населения руководствуются в сфере государственной власти только общеморальными оценками происходящего или, как говорил М. Вебер, являются носителями «этики убеждения», рассматривающей политику в качестве пространства воплощения неизменных принципов и идеалов.

Такой гиперморализм может придать колоссальную силу политическим движениям или решениям власти. Но чаще всего он вытесняет политические критерии оценки проблем, заменяя их абстрактными, оторванными от жизни идеями, желая подчинить веления государственной власти неосуществимым целям, способствовать нерациональной растрате ресурсов. Наслаивающиеся же на эти требования наблюдения

разнообразных конфликтов, расходящихся с их идеалами интересов, множественных злоупотреблений и других несовместимых с возвышенными идеями фактов порождают массовые представления о политике как о «грязном» и недостойном деле. В элитарной же среде данное противоречие между «этикой убеждения» и политической реальностью нередко вырождается в демагогию лиц, умеющих только критиковать власть, но не решать практические проблемы.

В то же время в политике создаются условия для формирования иной разновидности морального сознания, или (опять пользуясь веберовской терминологией) «этики ответственности». Содержание этих моральных оценок и требований во многом предопределяется осознанием того, что достижение «хороших» целей во множестве случаев связано с необходимостью их примирения с использованием «нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств и <...> с вероятностью скверных побочных последствий»¹. Поэтому перед политиками, руководствующимися этой формой моральных требований, стоит проблема выбора «меньшего зла», т.е. достижения целей средствами, смягчающими неизбежные издержки регулирования конфликтных ситуаций. Формирование данной формы политической этики символизирует потребность общества в людях, чувствующих последствия своих действий, руководителях с «чистыми руками», приспособленных для «нечистых дел» (Н. Лосский). Реальные, а не вымышленные добродетели таких политических деятелей — это умеренность и осторожность в обращении с властью, желание действовать так, чтобы причиняемое ими зло не было больше зла исправляемого.

Таким образом, люди, руководствующиеся «этикой ответственности», делают свой политический и моральный выбор, перенося акценты с оправдания целей на оправдание методов их достижения. Более того, носители такого рода этических воззрений интерпретируют моральную оценку, соотнося ее и с целями, и с ситуацией. Например, даже насилие получает здесь моральное оправдание, если применяется в ответ на действия агрессора или связано с пресечением деятельности режимов, открыто попирающих общечеловеческие принципы морали.

Как можно видеть, характер противоречий политики и морали зависит от содержания конкретных процессов осуществления государственной власти. И не каждый политический акт требует морального выбора со стороны человека. Содержание же нравственных устремлений человека зависит от того, руководствуется ли он *общечеловеческими принципами* (*не убий, не укради* и пр.), нормами **общественной морали**, признаваемыми большинством населения, или же групповыми нормами (интеллектуалов, молодежи, городских жителей и пр.).

¹ Вебер М. Избранные сочинения. С. 697.

С политической точки зрения проблема заключается в соотношении этих типов нравственной рефлексии, оказывающих приоритетное влияние на поведение людей в сфере власти. И самая, пожалуй, острая проблема связана с ролью различных моральных групповых норм, поскольку высшие для группы этические идеалы могут претендовать на замещение общественных моральных норм. При этом отдельные группы могут признавать право представителей других групп на собственные идеалы, а могут и не признавать. В последнем случае представители таких групп могут руководствоваться убеждениями о возможности принуждения людей «для их же блага» (поскольку они-де невежественны, слепы и не понимают истинных целей) или могут расценивать любые контакты и компромиссы с политическими оппонентами как проявление недопустимой слабости и предательства и т. д.

Иными словами, крайне опасным для общества оказывается возведение групповых ценностей в ранг общественной морали. Это приводит к нравственной дегенерации и дегуманизации политики. Так, российские большевики, полагая нравственным «лишь то, что служит...[делу] пролетариата, созидającego <...> общество коммунистов»¹, открыто пренебрегли общечеловеческими ценностями, спровоцировав кровавую вакханалию Гражданской войны. В сталинские годы доноительство на друзей, родственников открыто поощрялось советскими властями. Вспомним и крайне жестокое, бесчеловечное обращение с конкурентами в полпотовской Кампучии, в маоистском Китае и некоторых других странах. Как справедливо сказал священник А. Мень, релятивизация морали, претенциозность и непроницаемость групповых стандартов для более общих нравственных ценностей неминуемо ведет к насилию и «плюрализму из черепов».

Однако когда групповые нравственные ориентиры **совпадают** с принципами общечеловеческой морали, тогда создаются иные возможности для формирования нравственной политики. В случае если нравственные убеждения правящих кругов соответствуют основным этическим нормам общества, можно говорить о форме соучастия общественного мнения и власти. Такая политическая этика будет сохранять положительные предписания общественного мнения, делать акцент на приемлемых для населения способах реализации политических целей. Выбор наилучшего из того, что позволяет ситуация для достижения цели, будет щадящим для общественных нравов, позволяя одновременно гуманизировать политику и рационализировать мораль. Таким образом достигается минимальный компромисс между объективной необходимостью в политическом принуждении и его положительным общественным восприятием. Это превращает политику в этически

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 311.

одухотворенную деятельность, снимает основные, самые глубокие противоречия морали и политики.

Антиподом такому характеру отношений является состояние, когда политическая этика элиты отрицает доминирующие в обществе моральные нормы в качестве элемента властной мотивации. В принципе подобные нравственно-политические идеи могут даже опережать состояние общественного сознания, превосходя их по своей гуманистической силе (учение М. Ганди). Но чаще всего в политической практике встречаются примеры противоположного характера, когда оторванные от народных принципов нравственные мотивы политического управления углубляют разрыв между населением и властью, способствуя нарастанию напряженности. Вслед за Н. Макиавелли можно сказать, что на основе стяжательства и вероломства нечестивая власть может приобрести все что угодно, но только не авторитет и славу у своего народа ¹.

Итак, пока существуют политика и мораль, окончательно разрешить их противоречия, определив оптимальные способы их взаимовлияния, попросту невозможно. Нельзя поставить политику по ту сторону Добра и Зла, как нельзя лишить мораль возможности воздействовать на политическое поведение людей. В то же время их вековечному конфликту можно придать цивилизованную форму, поощряя гуманизацию политических отношений и способствуя рационализации моральных суждений. Резервы такой стратегии действий находятся прежде всего в русле формирования государственного курса, исключая привилегированное положение правящих элит или какой-нибудь иной социальной (национальной, расовой, конфессиональной и т. д.) группы, постоянного поиска консенсуса между политическими конкурентами. Усиление позитивного влияния моральных требований на политику возможно и за счет их институционализации, закрепления основных нравственных принципов в системе правового регулирования, а также создания специальных структур, контролирующих в государственном аппарате этическое поведение публичных политиков и чиновников (например, вводящие ограничения на подарки, предупреждающие проявления семейственности во власти и т. д.). Громадным влиянием обладает и организация контроля за деятельностью властей со стороны общественности (в лице СМИ, обнародующих факты коррупции, уличающих политиков во лжи) и т. д.

Обеспечение такой политической линии должно сопрягаться и с формированием в стране морального климата, при котором ни лидер, ни рядовой гражданин не должны перекладывать груз моральной оценки на какие-то коллективные структуры (семью, партию, организации). Только нравственная самостоятельность личности может служить фундаментом для формирования политически ответственных граждан, под-

¹ См.: *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990. С. 26.

держивать мораль как гуманизирующий источник политического управления, формирования и использования государственной власти.

4. Основные тенденции эволюции современной политики

Предпосылки и тренды современной политики

Сообразно ходу человеческой истории постепенно эволюционирует и политическая сфера жизни. По мере социально-экономических и культурных изменений в политике перестраиваются различные институты и нормы, обновляются и изменяются функции, распадаются старые и появляются новые механизмы регулирования общественных отношений. В целом эволюция политики как особой сферы жизни неразрывно связана с выработкой государством особых методов взаимодействия с обществом, вовлечением населения в выработку правительственного курса, принятие государственных решений. Такое положение нашло выражение в образовании институтов, организующих публичный дискурс, в выработке механизмов представительства гражданских интересов, развитии переговорных технологий между элитарными и неэлитарными группами, выстраивании политико-административных иерархий и гуманизации правил конкуренции за высшую политическую власть. Коротко говоря, эволюция политики была неразрывно связана со становлением и постепенным совершенствованием *публичной* сферы как арены конкурентной борьбы за власть. При этом свой отпечаток на эволюцию политической сферы накладывали те или иные социокультурные и цивилизационные факторы. Тем самым институциональный дизайн политики постоянно менялся с течением времени, по мере развития социальных отношений в различных регионах и странах мира. Неудивительно поэтому, что ее современный вид существенно отличается от тех форм, которые существовали, скажем, в Древней Греции или средневековом Китае.

Для понимания современных тенденций в эволюции политики следует учитывать как особенности переживаемой человечеством эпохи (а следовательно, и те формы, в которых политика отвечает на эти исторические вызовы), так и то, что свои новые исторические очертания политика может демонстрировать только в тех странах, где устойчиво использовался и используется ее регулятивный потенциал. Ведь, как известно, в ряде стран политика до сих пор нередко подменяется и вытесняется силовыми и административными способами урегулирования общественных конфликтов, а публичные механизмы соучастия граждан во власти обладают показным характером, прикрывая реальную монополизацию властей, нечестную конкуренцию и сокращение возможностей населения в части выбора своих представителей и выдвижения собственных интересов. В этих случаях политика остается мало

функциональным и, по сути, слабо неразвитым регулятивным механизмом, свидетельствуя о приоритете внутри элитарного соперничества над всеми формами общественного диалога и широком использовании силовых, мобилизационных технологий при управлении общественными отношениями. В таких странах политика остается механизмом закрытого, прикрываемого риторикой и разветвленными манипуляциями, корпоративного присвоения общественных ресурсов.

Как показывает мировой опыт, на сегодняшний день социальным пространством, обладающим самыми развитыми, институализированными формами использования публичных инструментов применения государственной власти и вовлечения гражданского общества в принятие государственных решений, являются развитые демократические государства Запада. Ключевыми предпосылками развития в этих странах политической сферы прежде всего следует считать решение двух крупнейших социально-экономических проблем, ставших на повестку дня еще на заре их индустриального развития. К таким проблемам, требовавшим массового включения населения в диалог с властью, можно отнести: обеспечение людей широкими гражданскими и политическими правами, а также создание условий для устойчивого повышения их экономического благосостояния. В настоящее время вопросы расширения прав населения в этих странах переместились в правовое поле, демонстрируя необходимость применения не групповых приоритетов, а общегражданских, универсальных норм и подходов. Другими словами, гражданам достаточно — в индивидуальной форме — опираться на законы (а не групповую солидарность, использование методов политического давления на власть), чтобы исправить существующие изъяны в области регулирования своих прав и свобод. Что же касается решения социально-экономических проблем, то наличие благополучного «среднего класса», составляющего порядка 70% населения этих стран, говорит само за себя.

Немаловажно, что попутно решению такого рода задач здесь неуклонно укреплялись формы гражданской самоорганизации, совершенствовались институты и формы контроля рядовых граждан за правящим классом, повышалась ответственность политической элиты. На этом историческом фоне публично-политические методы управления общественными процессами отдавали все больше прерогатив административно-правовым и морально-этическим рычагам урегулирования социальных конфликтов, управления обществом. Как бы то ни было, но решение обозначенных выше задач в основном утратило необходимость постоянного применения политических инструментов. В свою очередь, это повлекло снижение массовой политической активности граждан, появление «демократического конформизма» (свидетельствующего о нарастающем стремлении граждан соглашаться с предлагаемыми властью решениями социальных вопросов), увеличение абсентеизма, гражданской пассивности.

Параллельно с этими явлениями политические системы западных стран оказались вынужденными приспособлять свои институты и нормы к качественно новым событиям и тенденциям общественного развития. В частности, этим государствам первыми пришлось столкнуться с необходимостью поиска политических форм, способных ответить на вызовы постиндустриальной фазы развития общества (postmodern), демонстрирующей принципиально возросший уровень открытости глобального мира; возникновение интернет-экономики (e-economics) и геокультурных коммуникаций; появление сверхконкурентности между различными странами на международной арене; существенное снижение суверенных возможностей национальных государств в рамках нового мирового порядка. Реалиями сегодняшнего дня, предполагающими поиск новых форм политического управления, становится также существенное повышение удельного веса постматериальных интересов граждан, усиление разнообразия культурных и цивилизационных стилей мышления и поведения, нарастание сетевых, полицентрических форм организации общества и государства.

В рамках национальных государств все эти тенденции оказались сопряженными с повышением роли частной сферы в жизни человека (и, как следствие, со снижением роли групповой идентификации личности при поиске ею своего места в обществе); ослаблением влияния партийных идеологий и институтов и — на этом фоне — расширением роли СМИ как посредников в отношениях власти и населения; повышением зависимости политических позиций граждан и общественного мнения от качества массовой информации; усилением предпосылок сознательного конструирования политических процессов при помощи медиаинститутов и создания имиджей различным политическим товарам и т.д.

Коротко говоря, в условиях становящегося информационного общества и виртуализации публичного пространства сама применимость и тем более эффективность политических инструментов управления общественными отношениями стали зависеть от плотности **коммуникаций** государства и общества, качества **дискурса** населения и власти, способности правящего класса вовлечь людей **в общение** с институтами власти и управления. Это предопределило совершенно новое отношение к содержанию информационных связей в публичной сфере, способностям государства к переработке и форматированию (трансграничных) информационных потоков, усилило внимание к творческим и оригинальным методам налаживания контактов элитарных и неэлитарных слоев. Одновременно такое положение существенно ослабило влияние многих прежних политических институтов (например, массовых партий), их идеологические методы работы с населением. Не случайно У. Бек писал, что сегодня «открытие политического» означает формирование «творческой» и «самотворящей» политики, «которая не культивирует и воспроизводит старое противостоя%

ние, извлекая из него средства власти, а выковывает и развивает новое содержание, формы и коалиции»¹.

Превращение коммуникаций между властью и обществом в подлинный эпицентр современной политики означает, что поддержка гражданами того или иного политического решения зависит не только (и даже не столько) от признания ими правомерности поставленных целей, сколько от своевременного и удобного по форме получения человеком информации, способной побудить его к налаживанию контактов с властью. В более широком смысле успешность налаживания целевых контактов зависит от того, комфортно ли гражданам жить в этой стране, уверены ли люди в том, что власть прислушивается к их мнению. Таким образом, публичное пространство политики неизбежно обретает *проективный* характер, отражая как нарастающее непостоянство гражданской поддержки тем или иным целям развития общества (которые выдвигаются политическими акторами, но не всегда получают одобрение населения и тем более сочетаются с его вовлеченностью в реализацию поставленных задач), так и ее зависимость от качества формируемых в обществе коммуникаций.

Одним словом, *коммуникативная* природа современных политических связей резко повышает значение отдельной личности, ее требований к содержанию политико-управленческой информации и качеству решений. Сталкиваясь с таким возросшим значением каждого человека как информационного контрагента, власти переходят к качественному расширению *развлекательной* (привлекающей внимание человека) составляющей в политической информации, массовому использованию методов *театрализации* политического диалога, *использованию технологий шоу-бизнеса* (призванных увеличить привлекательность того или иного политического проекта), а испытывая дефицит убеждающей коммуникации, и к различным *манипулятивным* технологиям.

Названные причины обуславливают качественно иную, более высокую роль в построении политического пространства *медиаструктур*, а также других институтов, способных управлять и регулировать информационные потоки, манифестировать гражданские интересы, усиливать ценностно-индивидуализированные подходы к созданию публичных коммуникаций. Высокая роль СМИ, определяющих управленческую емкость политической сферы, позволяет многим теоретикам говорить даже о формировании новых, «медиакратических» порядков. Такие обстоятельства качественно повышают и роль лидеров, в большей степени способных и заинтересовать человека в той или иной целевой программе, и «очеловечить» предлагаемые политические решения. «Звездный» политический менеджмент становится значительно более эффективным методом нала-

¹ *Bech U.* Die Erfindung des Politischen. Zu einer Theorie reflexiver Modernisierung. Baden-Baden, 1993. S. 210.

живания публичных коммуникаций и управления общественным мнением, нежели традиционные институты власти.

Такая персонализация управленческих усилий, а также индивидуализация информационных запросов граждан свидетельствует о постепенном переходе от традиционной, основанной на достижении групповых интересов «политики институтов», к «политике политиков» и «общественности», базирующихся на всемерном учете персональных запросов «обычных» граждан. Такое «очеловечивание» политических контактов власти и общества превращает политику в более тонкий инструмент общественного регулирования, предполагающий точечное и адресное применение политических технологий при регулировании все более усложняющихся отношений государства и общества. Более весомую роль политика играет и в процессе социализации граждан, освоения ими всей социальной вселенной.

В то же время названные тенденции эволюции политики в развитых демократических странах сосуществуют сегодня с иными состояниями этой области жизни в менее развитых государствах. И уж тем более особые тренды развития политика демонстрирует в масштабах мировых, трансграничных отношений (см. гл. 14).

Современный дискурс о роли политики в обществе

Отражение различных состояний политики как в мировом масштабе, так и в рамках отдельных государств стимулирует научный дискурс относительно понимания перспектив развития этой сферы жизни. В теоретической мысли высказываются разные точки зрения относительно будущего политики, оценки ее нынешних состояний. При этом развиваются как традиционные подходы, так и предлагаются некоторые новые идеи.

Так, наследуя (по сути, анархические) традиции, оживают идеи либо о неприемлемости властно-политического регулирования общественной жизни в современных условиях, либо качественного изменения природы таких механизмов. В рамках последнего подхода политика нередко интерпретируется как форма не властно-иерархических, а горизонтальных (сетевых, коммуникативных) взаимоотношений, распространяющихся на все сегменты общества и образующих локальные контакты акторов с множественными центрами «руководства». Такие идеи (тесно связанные, к примеру, с моделями «управления без правительства», «рассеянного управления» и пр.) трактуют будущее политики не в связи с достижением каких-либо интересов или конструированием определенных общественных порядков, а со стабильным поддержанием человеческих взаимоотношений как таковых, обеспечением самовыражения граждан ит.д. Близки к такого рода воззрениям и идеи «исторического засыпания» политики в силу преодоления крупных общественных конфликтов и достижения социумом высокой моральной зрелости.

В то же время, делая акцент на сложностях современной стадии развития и одновременно крайне оптимистично оценивая технический прогресс, технократически ориентированные мыслители предлагают отказаться либо существенно ограничить возможности социальных методов управления обществом. Взамен ими предлагаются модели «электронного» или «кибер»-урегулирования общественных конфликтов или же иные способы сугубо технического управления социумом и решения всех его проблем. Таким образом, политика вообще вытесняется из арсенала современности.

Не менее активны и сторонники либеральных мыслителей (А. Смита, А. Бентама, Дж. Милля и др.), полагающие, что политика, как и прежде, должна быть ограничена сравнительно небольшой сферой жизни, сохраняя себя как особую систему представительства гражданских интересов. Поэтому сторонники таких воззрений заранее ограничивают область применения политического регулирования интересами и прерогативами независимого от государства гражданского общества. Мало меняют такие методологические установки и модели «глобального гражданского общества». Наиболее же последовательные сторонники этих идей, утверждая неизбежность развития каждого государства по пути либерального развития, предрекают «конец истории» (Ф.Фукуяма), свидетельствующих об универсализации политической организации социума. И тем самым о лишении политики какого-либо качественного разнообразия.

В противоположность таким воззрениям в научной мысли предлагаются такие модели общественной эволюции, где политика обладала бы уникальными и неповторимыми — цивилизационными, куль турными, ментальными и прочими — очертаниями, организуя диалог национального государства и населяющих его граждан. В этом случае динамика политических отношений, а равно и будущее этой сферы общества определялись бы исключительно самобытными причинами и факторами.

Особую позицию относительно будущего политики занимают сторонники усиления государственного вмешательства в общественную жизнь. С их точки зрения, поле политики (как договорной, публичной методики согласования интересов и действий) не может распространяться на систему власти и управления и потому оптимальной моделью эволюции политики является ее срастание, а в перспективе и поглощение административными механизмами регулирования жизни социума. В таком случае политическая власть вырождается в административный произвол властей, а политика как специфическая сфера жизни растворяется в администрировании, утрачивая свою специфику и назначение.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

1. Природа и сущность политической власти

Власть и ее исторические формы

Вся жизнь людей неразрывно связана с властью, которая является наиболее мощным средством защиты человечес-

ких интересов, воплощения планов, урегулирования противоречий и конфликтов между людьми. Ключевая разновидность власти — власть политическая — обладает колоссальными конструирующими способностями, представляет самый мощный источник развития общества, орудие социальных преобразований и трансформаций. Однако, наряду с созидательными возможностями, политическая форма власти может не только созидать или объединять общество, но и разрушать те или иные социальные порядки, дезинтегрировать человеческие сообщества. Она может быть жестокой и несправедливой силой, этаким злым демоном общества, потрясающим его устои и обрывающим судьбы с тран и народов.

По своей природе и происхождению власть — это социальное явление. Складываясь и существуя в различных областях человеческой жизни, она способна проявляться в самых различных **сферах** общественной жизни и в разных формах: то в качестве морального авторитета, то в виде экономического или информационного господства, то в форме административно-правового принуждения и т.д. При этом власть может различаться и **по методам осуществления** (предполагая преимущественное использование силовых, манипулятивных или иных средств), и **по форме применения** (демократическая, бюрократическая, деспотическая и т.д.), и **по объему** (проявляясь, к примеру, в семейной или международной области), и по другим признакам.

Будучи неотъемлемой стороной социальной жизни, власть развивается в процессе эволюции человеческого сообщества, приобретая те или иные формы в зависимости от различных этапов исторической эволюции и общественных изменений. Как неперенный спутник развития общества власть возникла задолго до появления государства и политической сферы. Приблизительно 40 тыс. лет она существовала в **догосударственных** и **дополитических** формах, выступая как способ поддержания баланса внутриклановых отношений и существуя в виде господства вождей, шаманов и других лидеров первобытных обществ.

С момента образования государства, т.е. в течение последних 5 тыс. лет, власть существует и в своей **политической**, в том числе и в **публичной**, форме. Причем начальные, патриархальные (традиционные) фор-

мы политической власти серьезно отличались от ее современных форм. В частности, в политическом пространстве того времени отсутствовали какие-либо посредники между населением и государственными структурами, институт разделения властей или какие-либо иные элементы организации сложной межгрупповой конкуренции. По сути дела власть, механизмы принуждения в значительной мере основывались на примитивных отношениях «дарообмена» (М. Мосс), кумовства, протекционизма, постоянном соскальзывании политических отношений к силовым методам взаимодействия элитарных и неэлитарных кругов.

В настоящее время в современном обществе складываются устойчивые формы **надгосударственной** политической власти, сосуществующие с аналогичными способами регулирования социальных отношений внутри отдельных (национальных) государств. Так, ООН формирует всемирную систему международных, а Евросоюз — региональную систему властных отношений, в рамках которых отдельные государства несут определенную ответственность за соблюдение ими прав человека, выполнение межгосударственных договоренностей, за охрану природы и т. д. Их соответствующие институты — Совет Безопасности и Еврокомиссия — контролируют исполнение отдельными государствами и частными организациями обязательных для них решений, применяя для этого систему конкретных мер воздействия: от торговых санкций и приостановки членства в международных организациях до экономической блокады и проведения военных акций в отношении отдельных государств.

Сложный и даже таинственный характер властного принуждения превратил власть в один из самых притягательных для человека объектов изучения. С древнейших времен в доступных им формах люди пытались осознать загадки и закономерности этого явления. Так, еще в древнеиндийском эпосе (в кн. «Архашастры») власть описывалась в простейших метафорических образах: «большая рыба ест маленькую». В Древней Греции и Древнем Риме власть в основном трактовалась в рамках универсалистских концепций «архэ» — «анархэ» (порядок — беспорядок), связывавших ее природу с упорядочением и регулированием социальных связей и отношений, установлением согласия между людьми, обменом и распределением благ в рамках конкретного государства. Так, Платон рассматривал власть как силу, основанную на знании правления. Аристотель в 5-й книге «Никомаховой этики» трактовал власть как «распределение почестей, имущества и всего прочего, что может быть поделено между согражданами определенного государственного устройства»¹. Этим самым он трактовал власть как активный инструмент, способный менять общественные формы.

¹ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1983. С. 150.

Длительное время власть рассматривали не как самостоятельный феномен, а как один из элементов государства (наряду с населением и территорией) или средство доминирования в межличностных отношениях. Только с XVI в. в социальной теории стали дискутироваться вопросы о том, кто имеет, а кто не имеет право на власть, каковы ее источники, пределы, атрибуты, средства измерения. В средние века схоласты обогатили представления о власти пониманием ее различных — светских и религиозных — источников и форм существования (теория «двух мечей»). В Новое время власть стала рассматриваться в рамках каузальных (причинно-следственных) отношений (при этом особое внимание уделялось ее конкретным носителям — правителям и государям), что наложило отпечаток практически на все последующие изыскания в этой области. «Власть агента, — писал Т. Гоббс, — и эффективная причина — это одно и то же»¹. В последнее время накопление теоретического материала стало проявляться в попытках создания единой науки о власти — кратологии.

Впрочем, до концептуализации этой междисциплинарной отрасли знаний еще далеко. Сложность же этого явления и по сей день рождает множество метафорических и мифологических представлений о власти, стремлений найти ее источники в живой и неорганической природе. Неудивительно, что в науку постоянно проникают и аллегорические представления о «власти природы над человеком» или «власти человека над природой», а также постоянно возникает разочарование исследователей в попытках поймать ее ускользающую сущность. Например, ряд ученых, в частности С. Луис отвергает саму попытку создания концепции власти, считая необоснованным само стремление к выделению ее общезначимых свойств и атрибутов.

Современные теоретические трактовки политической власти

В сфере политической науки власть превратилась в тот концептуальный фокус, через который изучаются и описываются практически все политические процессы и явления: деятельность элит, организация системы правления, принятие решений и т.д. В настоящее время в научной литературе можно насчитать более 300 определений власти, каждое из которых делает акцент на ее разнообразных сторонах и аспектах, то представляя ее как особый тип поведения (бихевиоральные концепции) или способ организации целенаправленной деятельности (структурно-функциональные подходы), то подчеркивая психологические свойства ее носителей, то указывая на функциональное значение принуждения, то выделяя способности власти к силовому воздействию на объект и контролю над ресурсами и т.д.

¹ Цит. по: *Ледяев В. Г.* Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 26.

В самом общем виде можно выделить два основных направления изучения политической власти: первое — **атрибутивно-реляционистское направление** (Т. Гоббс, М. Вебер, Г. Лассуэлл, Р. Даль, С. Луис) — рассматривает власть как конфликтное, асимметричное отношение между людьми, реализующими свои интересы (и которое дает возможность одному из соперничающих акторов достигать своих целей за счет другого). При таком понимании власти ее источниками являются различные свойства человека или же многообразные стороны его индивидуальной (микрогрупповой) деятельности. По своей сути такой теоретический подход развивает своеобразную «философию человека», заставляя его приверженцев усматривать сущность власти в волевых (Г. Гегель, Ф. Энгельс), силовых (Т. Гоббс), психологических (Л. Петражицкий) и прочих свойствах и способностях индивида или в использовании им определенных средств принуждения (инструменталистские теории) и поведенческого взаимодействия (Г. Лассуэлл).

В качестве типичных примеров такого подхода можно назвать теорию «сопротивления» (Д. Картрайт, Б. Рейвен, К. Леви), согласно которой власть возникает в результате преодоления одним субъектом сопротивления другого. Такова же по существу и «теория обмена ресурсов» (П. Блау, Д. Хиксон), авторы которой предполагают, что власть формируется в результате обмена одним субъектом своих (дефицитных для контрагента) ресурсов на необходимое ему поведение другого. Показательна и теория «раздела зон влияния» (Дж. Ронг), интерпретирующая власть в качестве результата взаимодействия социальных зон, находящихся под контролем различных субъектов. В это же направление вписывается и телеологическая концепция Б. Рассела (в которой власть рассматривается как форма целенаправленной деятельности человека), и идеи школы «политического реализма», делающие акцент на силовом воздействии контролирующего ресурсы субъекта (Г. Моргантау), и некоторые другие.

Различаясь в деталях, все теории этого типа интерпретируют власть в качестве асимметричного социального отношения, которое складывается и развивается на основе обмена деятельностью между различными субъектами, в результате чего один из них изменяет поведение другого. Представая в качестве формы реализации человеческих свойств и устремлений, формы воплощения интересов (намерений, целей, установок и т.д.) индивидуальных или групповых субъектов, с присущими им разнообразными средствами, ресурсами и институтами властеотношений, политическая власть возникает лишь в определенных точках социального пространства. При этом формируемые ею связи и зависимости господства и подчинения всегда дают возможность ответить на вопрос: кому принадлежит политическая власть, для кого, в чьих интересах используются полномочия и возможности субъекта власти?

Второе направление исследований власти рассматривает ее как над-персональное, *анонимное* явление, своеобразный коллективный ресурс, принадлежащий не отдельным личностям или группам, а всему обществу в целом. Другими словами, это **интерперсональное** направление (Х. Арендт, Ю. Хабермас, М. Фуко, Л. Алвуссер) интерпретирует власть как неотъемлемое свойство самой социальной системы, форму существования обезличенной воли обстоятельств, принципиально несводимой к характеристикам индивида или группы.

Это направление также представлено многочисленными теоретическими конструкциями. Например, представитель структурно-функционального подхода Т. Парсонс трактовал власть в качестве «обобщенного посредника» в социальном (политическом) процессе, а К. Дойч видел в ней аналог денег в экономической жизни или «платежного средства» в политике, который срабатывает там, где отсутствует добровольное согласование действий. К данному направлению относятся и информационно-коммуникативные трактовки власти (Ю. Хабермас), рассматривающие ее как глобальный процесс многократно опосредованного и иерархизированного социального общения, регулирующего общественные конфликты и интегрирующего человеческое сообщество.

Наиболее ярко суть такого подхода выражена в постструктуралистских теориях (М. Фуко, П. Бурдьё). В крайних вариантах они интерпретируют власть как некую модальность общения, «отношение отношений», изначально присущее всему социальному, не локализуемое в пространстве и не способное принадлежать кому-либо из конкретных общественных субъектов. Как пишет, к примеру, М. Фуко, «власть везде не потому, что она охватывает все, а потому, что она исходит отовсюду»¹. При таком подходе политическая власть по сути отождествляется не только со всеми политическими, но и со всеми социальными отношениями в целом. Ни в обществе, ни в политике не признается никаких явлений, которые могли бы выйти за рамки власти. При этом признается, что не люди обладают способностью присваивать власть, а сама власть присваивает на время того или иного субъекта для осуществления им тех или иных функций (президента, судьи, полицейского).

Таким образом, в рамках такого рода теорий власть объявляется имманентным свойством любых социальных систем (общества, группы, организации, семьи), а внимание сосредоточивается на сложившихся в каждой из систем политических статусах и ролях, механизмах принуждения, применяемых позитивных и негативных санкциях. Поэтому авторы и сторонники этих теорий легко дают ответы на вопросы, «как?» и «над кем?» осуществляется властное доминирование, но скрывают при этом источники его происхождения.

¹ Foucault M. The History of Sexuality: An Introduction. Harmondsworth, Penjuin, 1980. P 94.

Сущность политической власти

Исходя из понимания политики как межгрупповой конкуренции за государственную власть, наиболее право-

мерно трактовать власть как определенное **средство, инструмент** достижения такого рода целей. В этом смысле власть выступает как функционально необходимое общественное явление, которое порождается самой социальной зависимостью между конкурирующими группами и одновременно выражает их асимметричные (по отношению друг к другу) диспозиции, возникающие в силу наличия у них различных ресурсов, компетенций, умений, знаний. Власть всегда означает доминирование одного субъекта над другим, форму навязывания им своих целей и интересов. Это тот **тип взаимодействия**, который превращает взаимные влияния людей друг на друга в форму **преобладания** одного над другим. Это положение, где одна сторона подчиняется другой, М. Вебер называл «господством», дающим возможность одной стороне **навязывать** конкуренту собственные намерения, цели и желания, создавая ей, таким образом, дополнительные возможности для достижения собственных целей.

Итак, можно видеть, что власть возникает лишь в тех формах человеческого взаимодействия, которые исключают сотрудничество, партнерство и аналогичные способы общения между людьми (т. е. те, которые обесценивают самую установку на превосходство одного субъекта над другим). Очевидно и то, что властвующие или подвластные позиции субъектов в политической сфере зависят от их ресурсной оснащенности, эффективности предлагаемых стратегий, персональных умений и компетенций. Важно подчеркнуть, что власть, выражая позицию субъективного доминирования в политической сфере, опирается не столько на «возможность» актора «проводить <...> собственную» линию¹, как считал М. Вебер, сколько на реальное преобладание у него тех или иных свойств и умений, которые позволяют ему переводить гипотетически перспективную позицию в практическую плоскость. Другими словами, власть основывается не столько на потенциальных возможностях того или иного субъекта или его формальных статусах, сколько на реальном использовании им средств и ресурсов, которые обеспечивают его практическое доминирование над другой стороной. Политика как никакая другая сфера дает многочисленные примеры того, что люди подчиняются не тому, у кого более высокий формальный статус, а тому, кто может использовать свои возможности для практического подчинения своего конкурента. Поэтому, даже заняв выгодную позицию, субъект должен **уметь** использовать свой шанс, реализовать новые возможности. Таким образом, политическая власть как устойчивая форма взаимоотношений предполагает наличие субъекта, наделенного не

¹ Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology. Vol. 1. N.Y., 1968. P. 53.

формальными статусными прерогативами, а умениями и реальными способностями к установлению и поддержанию отношений своего властного доминирования (со стороны партии, лобби, корпорации и др.) в условиях непрерывной конкуренции.

Поскольку власть исходит из практического умения субъекта реализовывать свой потенциал, то ее сущность неразрывно связывается с **волей** субъекта (способствующей перенесению его намерений из сферы сознания в область практики) и его **силой** (обеспечивающей необходимую для навязывания своих позиций интенсивность воздействия). Таким образом, и сила, и воля субъекта в равной мере являются неизменными атрибутами власти, а ее сущность является воле-силовой (сило-волевой). Такое понимание сущности власти в конечном счете дает возможность рассматривать ее как разновидность каузальных отношений или, по мысли Т. Гоббса, отношений, в которых «один выступает причиной изменения действий другого». Чтобы удержание власти было более длительным и стабильным, господствующая сторона, как правило, **институционализирует** свои доминирующие позиции.

Учитывая, что в политической сфере главным субъектом власти является группа, **политическую власть** можно определить как систему институционально (нормативно) закрепленных социальных отношений, сложившихся на основе доминирования той или иной группы в использовании ею прерогатив государства для распределения разнообразных общественных ресурсов в интересах и по воле своих членов.

Согласно такому пониманию, власть не способна распространяться по всему политическому пространству, концентрируясь в основном лишь в наиболее сложных и проблемных для господствующих сил участках. Таким образом, власть всегда используется людьми (в том числе и правящим классом) наряду с другими средствами достижения своих целей. При этом власть в политической сфере выступает не только средством, но и предпосылкой для более полной реализации групповых интересов. Так, завоевав высшую политическую власть, та или иная социальная группа обретает позиции, дающие ей возможность для управления государством и обществом, определения вектора общественного развития. И в таком случае ресурсов и компетенций, достаточных для завоевания и удержания государственной власти, может оказаться недостаточно для осуществления эффективного государственного управления. К примеру, отечественные коммунисты убеждением и террором в течение 70 лет удерживали власть в советском обществе, однако неумение использовать свои позиции для управления государством привело их во второй половине 1980-х гг. к политическому поражению и уходу с высших властных позиций в стране.

Учитывая разнообразие ситуаций, в которых люди используют власть для достижения своих целей, можно констатировать широкое

разнообразие **методов** достижения (и поддержания) ими своего доминирующего положения. К таким методам можно отнести — убеждение, контроль, поощрение, авторитет, принуждение, руководство, управление, насилие, стимулирование, манипулирование, игровые методы и тд. Американский исследователь Дж. Най делает акцент на использовании различных методов информационного, репутационного, культурного влияния (что составляет, по его мнению, понятие «гибкой власти», наиболее эффективной при решении сложных проблем мировой политики). По-особому оценивается и потенциал насилия, которое, по мнению Ф. Нойманна, «есть самый эффективный в краткосрочной перспективе метод», но который «малоэффективен в течение длительного периода, поскольку принуждает (особенно в современных условиях) к ужесточению приемов властвования и к их все более широкому распространению». Поэтому «самым эффективным <...> методом остается убеждение»¹.

В зависимости от использования тех или иных методов могут меняться формы исполнения и распределения власти, ответственность субъекта за применение властных полномочий, осуществляться директивное или рекомендательное принуждение к действию. От этого, в свою очередь, будет зависеть то, насколько эффективными окажутся применяемые субъектом средства поддержания своего доминирования, а в конечном счете будет ли его власть сохраняться, усиливаться или, уравнившись с активностью другой стороны, достигать равновесия с влиянием объекта власти (состояние безвластия). Достижение такого баланса сил будет стимулировать соперничающие стороны к тому, чтобы заново ставить вопрос либо о решении их спора путем сотрудничества и компромисса, либо о вовлечении их в новый виток конкуренции для завоевания позиций доминирования.

Процесс властвования

В политической жизни отношения властвования представляют собой сложный процесс взаимодействия вовлеченных в них разнообразных структур, лиц, механизмов, которые отражают различные проявления доминирования/подчинения в процессе конкуренции различных социальных групп. При этом властные взаимосвязи — независимо от типа политической системы — всегда обладают некими универсальными способностями воздействия на поведение граждан. В политической науке их принято называть «ликами власти».

«Первое лицо» власти означает ее способность **побуждать** людей к **определенным действиям**, заставлять их совершать поступки в русле тех интересов и целей, которые исходят от господствующего субъекта.

¹ Neumann F. L. Approaches to the Study of Political Power // The Political Science Quarterly. 06.1950.

Так, правящие партии, контролируя основные государственные структуры, побуждают граждан придерживаться установленных ими законов и правил, заставляют их действовать в направлении решения поставленных задач.

«Второе лицо» власти демонстрирует ее умение **предотвращать нежелательные действия** людей. В частности, правящие круги могут запретить экстремистские и радикальные организации, вытеснить нежелательные партии на периферию политической жизни, предотвратить контакты граждан с населением других государств. Власти способны искусственно ограничить поле политических дискуссий, запретив контролируемым ими СМИ обращаться к определенной тематике или введя строгую цензуру для прессы и телевидения. Особенно ярко запретительный характер власти проявляется в условиях чрезвычайного положения или ведения страной военных действий, а также при тоталитарных и деспотических режимах.

«Третье лицо» власти характеризует ее возможность осуществлять господство определенных сил при **отсутствии** видимого и даже смыслового контакта властвующих и подвластных. Например, авторитет политического лидера может стимулировать действия его сторонников в духе определенных заветов и после его смерти или тогда, когда он находится в заключении и его никто не видит.

Невидимое воздействие власти имеет место и при манипулировании общественным (групповым) мнением. Это происходит тогда, когда люди становятся участниками иницилируемых властями процессов, не осознавая ясно истинных целей и замыслов правящих кругов. Например, власти могут проводить определенные эксперименты над группами военнослужащих или жителей страны, не ставя их в известность об опасности этих действий для здоровья людей. Иначе говоря, манипулирование есть кратковременная форма властвования, которая заканчивается, как только объект власти приобретает нужную ему информацию.

«Четвертое лицо» власти демонстрирует ее **тотальность**, т.е. способность существовать в виде повсеместного принуждения, исходящего отовсюду и не сводящегося к действиям какого-либо конкретного лица. Власть выступает здесь как некая предписывающая поведение людей матрица и даже демоническая сила, которая «никогда не находится в чьих-то руках, никогда не присваивается»¹. В этом случае власть не осознается людьми как чье-то персональное господство. Чаще всего такая форма принуждения отображает господство действующих в стране законов, норм, правил, традиций. Здесь очень распространены методы символического принуждения, привычки, стереотипы, предрассудки и пр.

¹ Foucault M. Disciplinary Power and Subjection // Power / Ed. by S. Likes, Oxford: Blackwell, 1986. P. 234.

Показательно, что русские анархисты М. Бакунин, А. Г. ордин и др. полагали, что власть политических норм и законов есть особая власть, требующая специфических способов отображения и обращения с нею. Если эти нормы исходят от верхов и не учитывают интересы рядовых граждан, то такая власть должна уничтожаться. Однако если эти порядки и правила иницируются самим населением, то такая устанавливаемая власть, напротив, должна последовательно укрепляться и развиваться.

2. Свойства политической власти

Универсальные черты политической власти

Как относительно самостоятельное и качественно определенное явление политическая власть обладает целым на-

бором присущих ей свойств и характеристик. Среди них можно выделить ряд **универсальных** черт, объединяющих политическую власть с другими разновидностями социальной власти — экономической, нравственной, правовой, информационной и др., а также **специфические** черты, присущие исключительно ей как собственно политическому явлению.

Среди универсальных, базовых, первичных свойств политической власти прежде всего следует отметить свойство **асимметричности**, которое характеризует как неравенство статусов доминирующей и подвластной сторон, так и отражает качественные различия их возможностей, ресурсов, прав, полномочий и других параметров жизнедеятельности. По сути дела это свойство показывает, что в политике борьба за обладание властью и удержание ее мотивируется не столько соображениями престижа, идеями, ценностями и другими идеальными сущностями, сколько стремлением конкретных людей к обладанию необходимыми им ресурсами и правами, которые расширяют их социальные возможности.

Изначальная несбалансированность отношений доминирования/подчинения превращает политическую власть во внутренне неравное явление. В этом смысле политическая власть обладает свойством **инверсионности**, которое свидетельствует о постоянных попытках со стороны подвластных изменить свое положение на более выгодное. В результате таких непрекращающихся попыток (свидетельствующих о сохранении у подвластных собственных интересов и неустраивающем их положении) их статусы могут — при ослаблении ресурсов властвующих сил или недостаточном внимании последних к попыткам конкурентов — превратиться в прямо противоположные, т.е. подвластные станут властвующими, а прежде властвующие подвластными (таким образом субъект и объект власти могут поменяться местами).

Постоянно существующая возможность обратимости власти показывает, что властное взаимодействие имеет **комбинированный** характер, т.е. власть формируется на пересечении усилий, воле не только доминирую%

щей, но и подчиненной стороны. Отношения властвующих и подвластных простираются в широком диапазоне: от ожесточенного сопротивления и готовности умереть, но не сдаться на милость победителя, до добровольного, с радостью воспринимаемого повиновения. Однако при всем том власть всегда представляет собой некое среднеарифметическое сочетание влияния субъекта и силы сопротивления объекта власти.

Принципиально важным свойством власти является и ее **ресурсность**. В самом общем виде ресурс — это определенное основание власти или все те средства, которые позволяют субъекту добиться доминирования. В качестве таких ресурсов могут выступать знания и информация, материальные ценности (деньги, земля, техника и др.), утилитарные средства (социальные блага, используемые для обеспечения текущих нужд человека), правовые нормы и законы (предполагающие судебные санкции, меры административного характера и тп.), организационные, принудительные средства (военная и физическая силы или угроза их применения), территориальные (определенные территории, находящиеся в распоряжении субъекта власти), демографические (люди с их определенными качествами) средства и др.

В зависимости от характера политической системы или сложившейся ситуации те или иные ресурсы становятся либо эффективными, либо дисфункциональными, что может либо усиливать, либо уменьшать силу властного воздействия господствующих сил. Многие столетия, к примеру, главным ресурсом государства была военная сила. Сегодня же сбываются предсказания американского футуролога О. Т. оффлера, считавшего, что в XXI в. важнейшим ресурсом станет информация. Это приведет к «смещению [традиционной. — А. С.] власти» и усилит позиции тех сил, которые окажутся способными создавать информационные потоки и управлять ими, конструировать различные виды коммуникаций, формировать те или иные формы общения между «свободными и автономными индивидами». И именно такие способности политических акторов станут основанием для распределения ими общественных ресурсов и статусов.

Власть обладает также свойством **кумулятивности**, означающим, что в сфере властных отношений господствующий актор ориентируется прежде всего на собственные интересы (а не на потребности партнера), пытаясь при этом непременно расширить зону влияния и контроля за подвластными. Это показывает, что изнутри, т. е. со стороны господствующего субъекта (и при условии неизменности его устремлений), власть по существу не имеет никаких ограничений. Тем самым динамика власти всегда сопряжена со стремлением доминирующей стороны к постоянному расширению зоны своего влияния, к тому, чтобы вовлечь в отношения господства/подчинения все имеющиеся в политике субъекты и связи.

Сугубо практической точки зрения признание такого рода свойства показывает, что властные претензии и амбиции тех или иных лиц (групп) можно предотвратить только извне. Иначе говоря, власти может быть

поставлен предел только с внешней стороны — со стороны объекта. Вот почему, например, гражданам, голосующим за очаровавшего их претендента на какой-либо государственный пост, следует больше рассчитывать не на достоинства лидера, а на создание системы сдержек и противовесов, способных контролировать, а в известных случаях и предотвращать его действия, направленные на превышение данных ему полномочий.

Власть обладает также и **конструкторским** свойством. Иными словами, она является источником (если не всех, то большинства) социальных преобразований, осознанного проектирования и корректировки общественных отношений. Символизируя ресурсные преимущества господствующей стороны, власть является не просто регулятором тех или иных общественных отношений, но и конструктором, инструментом преобразования политического пространства. Другими словами, господствующий актор всегда использует свое положение для целенаправленного изменения внешней среды, создания более благоприятных условий для удовлетворения своих потребностей. В этой связи можно вспомнить, как правящий в России режим с 2000 г. целенаправленно формировал устойчивую монопартийную систему, создавал централизованную «вертикаль власти» в системе государственного управления.

Специфические свойства политической власти

Специфические свойства политической власти раскрывают то ее содержание, которое отражает базовые характеристики соответствующей сферы общественной жизни. В этом смысле прежде всего следует принять во внимание, что политическая власть формируется в условиях **межгрупповой** конкуренции субъектов, их взаимодействия с институтом **государства**. Это связывает политическую власть с функционированием системы представительства групповых интересов, т.е. определенными структурами (партиями, СМИ, лобби и др.), функционированием системы организационных норм и правил поддержания межгруппового соперничества, действием лиц, интерпретирующих «интересы народа», публично озвучивающих их, формулирующих оценки и лозунги политической борьбы.

Государство — придающее политической власти правовую обоснованность использования силы на определенной территории и публичный характер — олицетворяет ее моноцентричность, т.е. наличие единого центра принятия решений, который формирует цели развития всего общества. В то же время попытки различных групп контролировать деятельность государства или его отдельных органов, а равно и «ответы» государства на эти устремления способствуют появлению различных центров влияния в политической сфере, выстраивают многомерные формы (межпартийных, медиагосударственных, центр-региональных и пр.) властных политических отношений и их соответствующие иерархии.

В конечном счете, институализированные отношения межгрупповой конкуренции за государственную власть становятся для отдельного человека той объективно сложившейся системой политического властвования, которая господствует над ним. Это означает, что политическое властвование неизбежно демонстрирует форму институционально-нормативного, надперсонального давления на граждан, за хитросплетениями которого обыватель с трудом может различить интересы реально доминирующей в политическом пространстве группы.

Политическая власть обладает также свойством **полиресурсности**, которое свидетельствует о том, что государство как политический актор обладает доступом практически ко всем ресурсам, имеющимся в распоряжении общества. Так, государство может использовать и меры экономического стимулирования работников (например, с целью создания нетипичных для традиционного общества рыночных отношений), и организационно-правовые способы перестройки партийной системы, и принудительное вытеснение оппозиции с политического рынка, и массу иных методов конструирования политического пространства и поддержки своих решений.

Политическая власть обладает также дополнительным источником социальной **энергетики**, заложенным в амбициозных устремлениях элитарных кругов. Как показывает практика, именно им органически присуще врожденное, иссушающее человека стремление к власти, тот «властический инстинкт» (М. Бакунин), который побуждает их к нестандартным и решительным поступкам. То, чего нельзя утверждать относительно всех людей (а именно — съедающее людей желание властвовать), в полной мере применимо к ее политической сфере. Если, например, в каком-нибудь коллективе властью может обладать вполне случайный человек, волею случая поставленный на место лидера, то в политике функции политической элиты (может быть, за исключением известной доли чиновников, по долгу службы исполняющих ряд высших функций государственного управления), как правило, исполняют люди, желающие и добывающиеся власти. Политическая история изобилует примерами того, как эгоизм, амбиции, неумное честолюбие лидеров становились причинами крупных политических событий, оказавших влияние на историю целых государств и народов.

Принципиальное значение для атрибутивной характеристики политической власти имеют и различные **информационно-духовные** компоненты (доктрины, идеологии, имиджевые конструкции и пр.), которые превращают все реализуемые в политике интересы в форму приемлемого для общества или отдельных слоев населения обоснования того или иного способа принуждения. Таким образом, эти компоненты придают позициям и целям конкурирующих за власть групп целенаправленный и идейно обоснованный характер. Тем самым разрозненные

потребности представителей той или иной группы собираются в единую систему требований, а отдельные цели освящаются наиболее общими перспективами политического движения.

Еще одной специфической чертой политической власти является ее многоуровневый характер, а точнее — наличие **публичной (явной), полутеневой и теневой** (Н. Боббио) форм ее внутренней организации.

Так, в **публичной** форме власть представляет собой форму деятельности государственных структур и институтов, ориентированных на открытое (видимое) взаимодействие с населением или другими политическими субъектами. Власть в таком случае осуществляется в виде явных и очевидных для населения действий государственных органов, вырабатывающих на виду у всего общества согласованные решения; политических лидеров, которые обсуждают с общественностью принятые меры; оппозиционных партий и СМИ, которые критикуют действия правительства, и т.д. Таким образом, политическая власть публично демонстрирует заинтересованность политических игроков в общественной поддержке своих решений. Тем самым она принципиально повертывается к обществу, демонстрируя, что политические решения принимаются во имя интересов населения и под его контролем. Публичная форма властвования характеризует политику как взаимодействие властвующих и подвластных, которые придерживаются взаимно выработанных норм и правил и у каждого из которых есть свои права и взаимные обязательства.

Наряду с этим в политическом пространстве складываются и формы **полутеневого** (частично скрытого от общественности) правления. Эти формы отражают приоритетное влияние на формирование политических целей различных неформальных группировок элиты или каких-либо отдельных структур государства (ведомств, секретных служб и т.д.) и общества (лобби), формально не обладающих решающими правами и привилегиями. Наличие такого рода властных процессов показывает, что толкование государственных задач или выработка правительственных решений на деле является процессом значительно менее формализованным, чем это объявляется официально или видится со стороны. Полутеневой характер данного процесса демонстрирует и то, что принятие определенных государственных решений, требующих тонких и деликатных действий, не только не нуждается в широкой огласке, но и принципиально скрывается от общественности.

Теневая (скрытая) форма власти (криптоправление) демонстрирует, что различные структуры государства и общества используют статусные возможности центров принятия решений не в интересах общества, а в собственных, зачастую корыстных интересах. Другими словами, теневая форма власти характеризует способ приватизации официальных структур различными коррумпированными сообществами, криминальными группами, превратившими государственные институты в разновидность ма-

фиозных объединений. Эти примеры показывают, что в структуру политической власти отдельных государств могут входить институты и центры влияния, которые действуют против самого государства.

3. Легитимность политической власти

Понятие легитимности политической власти

Одним из основных специфических свойств политической власти является **легитимность**. В науке под этим термином понимается общественный порядок подчинения власти, процедуры признания господства, толерантность и терпимость по отношению к господствующим слоям, диалоговые технологии разрешения конфликтов, способ достижения согласия между государством и обществом и др. явления. Однако наиболее распространенным значением этого понятия является **поддержка и оправдание (со стороны различных акторов) правомерности применения власти** и осуществления (конкретной формы) правления либо государством в целом, либо его отдельными структурами и институтами.

Этимологически слово «легитимность» ведет свое начало от латинского *legalis* — законность. Однако легитимность и законность не являются синонимами. Поскольку политическая власть не всегда основывается на праве и законах, но всегда пользуется той или иной поддержкой хотя бы части населения, легитимность, характеризующая опору и поддержку власти реальными субъектами политики, отличается от **легальности**, свидетельствующей о юридическом, законодательно обоснованном типе правления, т. е. о признании его правомочности всем населением в целом. В одних государствах политическая власть может быть легальной и нелегитимной (например, при правлении метрополий в колониальных государствах), в других — легитимной, но нелегальной (скажем, после свершения революционного переворота, поддержанного большинством населения), в третьих — и легальной, и легитимной (к примеру, после победы партий, поддержанных большинством населения на выборах). В то же время если в рамках национального государства возможны различные соотношения между легальностью и легитимностью, то в контексте мировой политики легитимность проверяется только нормам международного права.

В истории политической мысли высказывалось немало разноречивых взглядов относительно самой возможности легитимации власти. Так, ученые, стоящие на антропологических позициях и платформе естественного права, исходят из того, что легитимность возможна и реальна, поскольку в человеческом обществе наличествуют некие абсолютные, общие для всех ценности и идеалы. Это и дает гражданам возможность поддерживать власть.

В то же время немало ученых полагает, что как раз отсутствие таких общих для всех идей в сегментированном обществе является причиной невозможности возникновения легитимности. Так, по мнению австрийского ученого Г. Кельсена, человеческое знание и интересы крайне релятивны, а потому все люди свободны и в конструировании своей жизни, и в отношении к власти. Вместе с тем сторонники договорных теорий утверждают, что поддержка власти возможна до тех пор, пока существует совместная договоренность граждан относительно ее целей и ценностей. Поэтому «любой тип легитимности предполагает существование минимального социального консенсуса относительно тех ценностей, которые приемлет большинство общества и которые лежат в основе функционирования политического режима»¹.

Иной подход еще в XVIII в. предложил английский мыслитель Э. Берк, который разделил теоретические и практические аспекты легитимности. Легитимность он анализировал не саму по себе, а связывал ее только с конкретным режимом, с конкретными гражданами. По его мнению, только положительный опыт и привычка населения могут привести к построению такой модели власти, при которой она удовлетворяла бы интересы граждан и, следовательно, могла бы пользоваться их поддержкой. Причем этот опыт и соответствующие условия должны формироваться, накапливаться эволюционно, препятствуя сознательному конструированию легитимности.

Источники легитимности

В настоящее время в политической науке принято более конкретно подходить к понятию легитимности, фиксируя значительно более широкий круг ее источников и форм. Так, в качестве основных источников легитимности, как правило, рассматриваются три субъекта: население, правительство и внешнеполитические структуры.

Легитимность, которая означает поддержку власти **со стороны широких слоев населения**, является самой заветной целью всех политических режимов. Именно она в первую очередь обеспечивает стабильность и устойчивость власти. Положительное отношение населения к политике властей и признание им правомочности правящей элиты формируются по любым проблемам, оказывающимся в фокусе общественного мнения. Одобрение и поддержка населением властей связаны с разнообразными политическими и гражданскими традициями, механизмами распространения идеологий, процессами формирования авторитета разделяемых «верхами» и «низами» ценностей, определенной организацией государства и общества. Это заставляет относиться к легитимности как к политико-культурной характеристике властных отношений.

¹ Легитимность и легитимация власти в России / Под ред. С. А. Ланцова. СПб., 1995. С. 19.

Население, как уже отмечалось, может поддерживать правителей и тогда, когда они плохо управляют государством. В силу этого такая легитимность может формироваться даже в условиях снижения эффективности правления. Поэтому при такой форме легитимности во главу угла ставится не зависящая от формально-правовых установлений фактическая расположенность граждан к существующему режиму.

В то же время легитимность может инициироваться и формироваться не населением, а самим **государством** (политическим режимом, правительственными политическими институтами). Такая линия чаще всего проявляется в разворачивании массовых пропагандистских кампаний, замещающих оценки государственной политики со стороны населения положительными суждениями самих властей, игнорирующих реальное общественное мнение и вытесняющих оппозиционные оценки из медиапространства. Такая легитимность базируется уже не на свободе и праве граждан формировать собственное понимание справедливости и оптимальности действий политических институтов, а на способности властей контролировать деятельность СМИ, подавлять оппозицию и насаждать в массовом сознании самокомплиментарные суждения. Нередко подобные формы легитимности оборачиваются нормативно-правовым закреплением, позволяющим считать любые формы правления узаконенным правом властей на применение принуждения. Таким образом, легитимность по сути отождествляется с легальностью, законностью, юридической закреплённостью данной формы государственной власти.

Легитимность может формироваться и **внешними политическими центрами** — дружественными государствами, международными организациями, международным общественным мнением. Такая разновидность политической поддержки часто используется при выборах руководителей государства или в условиях международных конфликтов.

Категория легитимности применима и для характеристики отдельных политиков, институтов, норм и органов государства. Иными словами, и внутри государства различные политические субъекты могут обладать разным уровнем поддержки общественным или международным мнением. Например, институт президента в России пользуется поддержкой не всех парламентских партий; в то же время второй Президент РФ обладал более широким общественным признанием внутри страны, но менее однозначной поддержкой со стороны зарубежных политических сил. Нередки примеры, когда население в том или ином государстве может поддерживать парламент и протестовать против деятельности правительства, а может поддерживать президента и негативно относиться к деятельности представительных органов. Таким образом, легитимность может обладать как высоким уровнем дифференциации, так и неоднозначным характером и интенсивностью.

Типы легитимности

Многообразие возможностей различных политических субъектов поддер-

живать систему правления предполагает столь же разнообразные типы легитимности. В политической науке наиболее популярна классификация, составленная М. Вебером, который с точки зрения мотивации подчинения выделял следующие ее типы:

— **традиционная** легитимность, формирующаяся на основе веры людей в необходимость и неизбежность подчинения власти, которая получает в обществе (группе) статус традиции, обычая, привычки к повиновению тем или иным лицам или политическим институтам. Данная разновидность легитимности особенно часто встречается при наследственном типе правления, в частности, в монархических государствах. Длительная привычка к оправданию той или иной формы правления создает эффект ее справедливости и законности, что придает власти высокую стабильность и устойчивость;

— **рациональная** (демократическая) легитимность, возникающая в результате признания людьми справедливости тех рациональных и демократических процедур, на основе которых формируется система власти. Данный тип поддержки складывается благодаря пониманию человеком наличия сторонних интересов, что предполагает необходимость выработки правил общего поведения, следование которым и создает возможность для реализации его собственных целей. Иначе говоря, рациональный тип легитимности имеет по сути дела нормативную основу, характерную для организации власти в сложноорганизованных обществах. Люди здесь подчиняются не столько олицетворяющим власть личностям, сколько правилам, законам, процедурам, а следовательно, и сформированным на их основе политическим структурам и институтам. При этом содержание правил и институтов может динамично меняться в зависимости от изменения взаимных интересов и условий жизни;

— **харизматическая** легитимность, складывающаяся в результате веры людей в признаваемые ими выдающимися качества политического лидера. Этот образ непогрешимого, наделенного исключительными качествами человека (харизма) переносится общественным мнением на всю систему власти. Безоговорочно веря всем действиям и замыслам харизматического лидера, люди некритически воспринимают стиль и методы его правления. Эмоциональный восторг населения, формирующий этот высокий авторитет, чаще всего возникает в период революционных перемен, когда рушатся привычные для человека социальные порядки и идеалы и люди не могут опереться ни на бывшие нормы и ценности, ни на только еще формирующиеся правила политической игры. Поэтому харизма лидера воплощает веру и надежду людей на лучшее будущее в смутное время. Но такая безоговорочная поддержка властителя населением нередко оборачивается цезаризмом, вождизмом и культом личности.

Помимо указанных способов поддержки власти ряд ученых выделяют и другие, придавая легитимности более универсальный и динамичный характер. Так, английский исследователь Д. Хелд наряду с уже известными нам типами легитимности предлагает говорить о таких ее видах, как: **«согласие под угрозой насилия»**, когда люди поддерживают власть, опасаясь угроз с ее стороны вплоть до угрозы их безопасности; легитимность, основанная на **апатии** населения, свидетельствующей о его безразличии к сложившемуся стилю и формам правления; **прагматическая** (инструментальная) поддержка, при которой оказываемое властям доверие осуществляется в обмен на данные ею обещания тех или иных социальных благ; **нормативная** поддержка, предполагающая совпадение политических принципов, разделяемых населением и властью; и наконец, **высшая нормативная** поддержка, означающая полное совпадение такого рода принципов.

Некоторые ученые выделяют также **идеологический** тип легитимности, провоцирующий поддержку властей со стороны общественного мнения в результате активных агитационно-пропагандистских мероприятий, осуществляемых правящими кругами. Выделяют и **патриотический** тип легитимности, при котором высшим критерием поддержки властей признается гордость человека за свою страну, за проводимую ею внутреннюю и внешнюю политику.

Кризисы легитимности и способы их урегулирования

Легитимность обладает свойством изменять свою интенсивность, т.е. характер и степень поддержки власти (и ее институтов), поэтому можно говорить о **кризисах легитимности**. Под кризисами понимается такое падение реальной поддержки органов государственной власти или правящего режима в целом, которое влияет на качественное изменение их ролей и функций.

В настоящее время не существует однозначного ответа на вопрос: есть ли абсолютные показатели кризиса легитимности или это сугубо ситуативная характеристика политических процессов? Так, ученые, связывающие кризис легитимности режима с дестабилизацией политической власти и правления, называют в качестве таких критериев следующие факторы:

- невозможность органов власти осуществлять свои функции или присутствие в политическом пространстве нелегитимного насилия (Ф. Били);
- наличие военных конфликтов и гражданских войн (Д. Яворски);
- невозможность правительства адаптироваться к изменяющимся условиям (Э. Циммерман);
- разрушение конституционного порядка (С. Хантингтон);

- отсутствие серьезных структурных изменений или снижение эффективности выполнения правительством своих главных задач — составления бюджета и распределения политических функций среди элиты¹. Американский ученый Д. Сиринг считает: чем выше уровень политического участия в стране, тем сильнее поддержка политических структур и лидеров обществом; указывает он и на поддержание социально-экономического статус-кво². Широко распространены и расчеты социально-экономических показателей, достижение которых свидетельствует о выходе системы власти за рамки ее критических значений.

Сторонники ситуативного рассмотрения причин кризисов легитимности чаще всего связывают их с характеристикой социокультурных черт населения, ролью стереотипов и традиций, действующих как среди элиты, так и среди населения, попытками установления количественной границы легитимной поддержки (оперируя при этом цифрами в 20–25% электората). Возможно, такие подходы в определенной степени опираются на идеи Л. С. Франка, который писал: «Всякий строй возникает из веры в него и держится до тех пор, пока хотя бы в меньшинстве его участников сохраняется эта вера, пока есть хотя бы относительно небольшое число “праведников” (в субъективном смысле этого слова), которые бескорыстно в него веруют и самоотверженно ему служат»³.

Обобщая наиболее значимые подходы, можно сказать, что в качестве основных источников кризиса легитимности правящего режима, как такового, можно назвать **уровень политического протеста населения**, направленного на свержение режима, а также свидетельствующие о недоверии режиму **результаты выборов, референдумов, плебисцитов**. Эти показатели свидетельствуют о «нижней» границе легитимности, за которой следует распад действующего режима и даже полная смена конституционного порядка. К факторам, определяющим ее «верхнюю» границу, т.е. текущее, динамичное изменение симпатий и антипатий к властям, можно отнести: функциональную перегруженность государства и ограниченность ресурсов властей, резкое усиление деятельности оппозиционных сил, постоянное нарушение режимом установленных правил политической игры, неумение властей объяснить населению суть проводимой ими политики, широкое распространение таких социальных болезней, как рост преступности, падение уровня жизни и т.д.

¹ New Direction in Comparative Politics. San Francisco, Oxford, 1991. P. 111.

² *Searing D.* Theory of Political Socialization Institutional Support and Deradicalization in Britain // British Journal of Political Science. 1996. Vol. 16. Part. 3.

³ *Франк С. Л.* Из размышлений о русской революции // Новый мир. 1990. № 4. С. 218–219.

В целом же урегулирование кризисов легитимности должно строиться с учетом конкретных причин снижения поддержки политического режима в целом или его конкретного института, а также типа и источника поддержки. В качестве основных путей и средств выхода из кризисных ситуаций для государства, где ценится мнение общественности, можно назвать следующие:

- поддержание постоянных контактов с населением;
- проведение разъяснительной работы относительно своих целей;
- усиление роли правовых методов достижения целей и постоянного обновления законодательства;
- уравнивание ветвей власти;
- соблюдение правил политической игры без ущемления интересов участвующих в ней сил;
- организация контроля со стороны организованной общественности за различными уровнями государственной власти;
- укрепление демократических ценностей в обществе;
- преодоление правового нигилизма населения и т. д.

ИНДИВИД КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР

1. Человек и власть

Понятие и структура основных политических акторов

В своем реальном, повседневном выражении политика всегда представляет собой совокупность различного рода действий (акций) и взаимодействий (интеракций) конкретных акторов (субъектов) в сфере их конкурентной борьбы за государственную власть. Чаще всего в качестве критериев выделения политических субъектов называются либо их конкретные действия в данной сфере, либо степень их реального влияния на принятие политических решений и их реализацию и государственную политику в целом, либо степень их организационной оформленности.

Если руководствоваться наиболее широким и прагматичным подходом, то под **акторам политики** можно понимать всех тех, кто принимает реальное участие во властном взаимодействии с государством, независимо от степени влияния на принимаемые им решения и характер реализации государственной политики.

Каждый из политических акторов способен применять специфические способы и методы воздействия на центры принятия политических решений, а следовательно, обладает собственными возможностями влияния на власть и относительно самостоятельную ролью в формировании и развитии самых разных политических процессов. Как известно, в политике действует множество всевозможных акторов. Однако к основным можно отнести акторов трех типов: **индивида, группу и институт**.

Акторы всех трех типов внутренне структурированы, их содержание отличается большим разнообразием. Так, к группам относятся различные общности и коллективы (от неформальных до официальных, от временных до устойчивых, от локальных до транснациональных объединений). Институты также включают в себя целый круг организаций, выполняющих представительские и исполнительские функции в политической системе (партии, движения, лобби, неправительственные и международные организации и т.п.). К числу индивидуальных акторов некоторые ученые, например Д. Розенау, причисляют три вида акторов: **рядового гражданина**, чье участие в политике в основном обусловлено групповой принадлежностью; **профессионального деятеля**, выполняющего в государстве функции управления и контроля, а также **частного индивида**, действующего независимо от групповых целей и не выполняющего при этом каких-либо профессиональных обязанностей.

Все основные субъекты политики находятся друг с другом в определенных иерархических отношениях. Например, сторонники формально-правовых подходов в качестве основополагающего субъекта рассматривают институт и, соответственно, поддерживаемую им систему нормативного регулирования. В то же время приверженцы бихевиоральной методологии и теории рационального выбора считают, что основополагающим значением обладает все же индивидуальный актор, из совокупности действий которого строится вся политическая реальность и для формирования которой принадлежность индивида к группе не имеет решающего влияния.

Поскольку уже говорилось об основаниях подхода, авторы которого интерпретируют политику как сферу межгрупповой конкуренции за власть (и что, естественно, заставляет рассматривать в качестве основополагающего политического субъекта группу), то в данном случае мы не будем повторять критику в адрес противоположных воззрений. Отметим лишь, что пафос выдвижения индивида на первый план при объяснении политики имеет безусловные основания, которые свидетельствуют о его особом статусе в этой сфере общественной жизни.

Особенности индивида как политического актора

Роль индивида в политике крайне специфична. Конечно, он не может затмить значение групповых объединений для формирования политического пространства в целом. Однако

его статус, характер отношений с государством влияют на характер развития любой политической системы. По этой причине недостаточно рассматривать индивида лишь в качестве одного из специфических акторов политической сферы.

Будучи исходными социальными атомами, из совокупности действий и отношений которых складывается самое общество, индивиды — точнее, их права и свободы — могут выступать *особой целью* деятельности любой системы правления и власти. По сути дела, олицетворяя статус человека как относительно самостоятельного и свободного существа, чьи интересы и возможности так или иначе противостоят обществу, государству и власти, индивид (личность) символизирует смысл и ценность любой коллективной деятельности. В этом плане отношения государства и индивида выражают отношения власти и человека — этих двух противоположных начал социальной жизни и двух *самостоятельных источников политической власти*.

Организуя совместную жизнь людей, государство тем не менее всегда выступает как начало подавления и принуждения людей к поддержанию определенных политических порядков и форм поведения. Государство — это символ повиновения и принуждения человека к обязательному для него поведению и в этом смысле является агентом

неизбежного ограничения его свободы и прав. Со своей стороны, индивид выступает как начало свободного и естественного волеизъявления. Имея определенные притязания к государству, связывая с ним возможности реализации своих интересов и перспективы, человек все же остается тем существом, которое обладает собственной программой жизнеутверждения и самовыражения. И если государство способно избрать любой путь своей эволюции, то человек всегда будет стремиться к защите собственного достоинства и свободы, счастья и жизни.

Наличие этих неистребимых человеческих стремлений, неизменность жизнеутверждающих потребностей личности к свободе и счастью составляют стержень гуманизма. Приобретая характер высших моральных принципов, данные требования становятся источником гуманности законов, поднимаясь по своему значению выше социальных отношений в конкретной стране, выше потребностей различных групп. Они не меняются в зависимости от этапов и типов развития общества, становясь мерой человечности всех социальных образований, критерием, используемым при оценке всех социальных явлений, в том числе универсальной мерой оценки человечности любой политической системы. Так что, оценивая человека как «меру всех вещей» (Протагор), эти гуманистические принципы способны задать совершенно определенные цели и принципы государственной политике, выступив гуманистическим ориентиром саморазвития власти.

Иными словами, государство и индивид взаимодействуют между собой как два взаимосвязанных и одновременно в известной степени *взаимно оппозиционных* начала социальной жизни. Каждый из них не только обладает различными правами и возможностями, но и олицетворяет два различных источника и принципа организации власти в обществе. Конечно, человек и власть меняются, меняются и их интересы, а главное — возможности в преобразовании социума. И все же сложившаяся практика говорит о том, что принципиальные отношения между ними сохраняются. Государство остается внешней для индивидуальной жизни силой, обладающей по отношению к личности важнейшими принудительными прерогативами, правами и полномочиями. Однако и человек в ряде демократических стран становится высшей социальной ценностью политических отношений, направляя государственную политику. Как же в целом соотносятся возможности государства и личности?

Исторические модели взаимоотношений власти и человека

В истории политической мысли в основном представлены **три** основные модели взаимоотношений государства и личности. Первая из них в основном представлена **патерналистскими** (Конфуций) и **этикетскими** (Платон, Аристотель, Заратустра) теориями, обосновывающими системы влас %

ти, в которых государство обладает неоспоримым приоритетом и преимуществом перед человеком.

Так, еще легисты (IV–II вв. до н.э.) говорили о необходимости сильного деспотического государства, которое контролировало бы все стороны человеческой жизни и опиралось на жестокие законы, призванные регулировать неизбежную и постоянную войну между правителями и подданными. Конфуций, также отстаивавший доминирование государства, предпочитал трактовать его как большую патриархальную семью, в которой аристократия, чиновничество и тем более простой люд обязаны безропотно повиноваться властителю. Индивид же рассматривался как подданный, не имеющий особых прав. По сути такие же принципы отстаивал и Платон, идеализировавший общесоциальные функции государства и оправдывавший его верховенство над индивидом. Аристотель тоже едва ли не обожествлял государство, считая его высшей (после общения в семье) формой социального общения.

Характерно, что комплиментарность в отношении государства у Платона и Аристотеля подкреплялась идеями его очищения от неугодных, т.е. тех, кто мог подорвать мощь и нарушить спокойствие государства, от тех «варваров», которые не достойны «государственной жизни». Понятно, что утверждение главной идеи — полного доминирования государства — исключало возможность постановки вопроса о политических правах и свободах человека, признании индивида в качестве гражданина и полноправного партнера государства. Государство, как утверждалось, должно полностью определять статус и права человека, каналы его политической активности.

В дальнейшем такого рода идеи воплотились в понимании государства как реального воплощения общественного разума, источника и гаранта прав человека. Законы государства объявлялись высшим проявлением мудрости и силы, выражением народных интересов. Со средних веков утвердились представления о государстве как единственном источнике человеческих прав и обязанностей. Свою лепту в обоснование государственного доминирования внес и марксизм, рассматривавший человека в качестве элемента системы господства класса, чей внутренний мир и права обуславливаются, определяются интересами целого. Обоснование всевластия господствующего класса дополнил образ одномерного (экономического) человека, чья личность растворена в группе, а его права целиком и полностью зависят от коллективных пожеланий.

В политической истории такие теоретические конструкции наиболее ярко подтвердились в практике деспотических и тоталитарных государств, где были полностью подавлены права и свободы личности. Причем до сих пор многие, например, азиатские страны подвергают критике любые попытки признания внегосударственного происхождения прав человека и утверждения их универсалистской природы.

Другая модель отношений государства и человека основывается на признании того, что в основе государства и его политики должны лежать права и природа человека. **Либеральные** мыслители (Дж. Локк, Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон и др.) настаивали на том, что высшей социальной ценностью является личность, на основе потребностей которой и должна строиться вся государственная система власти. Государственному господству противопоставлялись свободные граждане. Признавалось, что совместная и индивидуальная жизнь человека не должна строиться на политическом принуждении со стороны центров власти. Эти ученые и их единомышленники развивали возникшие еще в афинском полисе и римском праве идеи суверенитета личности. И хотя они говорили о взаимной ответственности индивида и государства, все же главный упор делали на ограничении и обуздании политической власти, на утверждении ее зависимости от личности. Провозгласив политическое равенство, либералы считали необходимым, чтобы люди получали гражданские права независимо от происхождения, владения и других статусных и социальных характеристик.

Таким образом, государство объявлялось результатом соглашения свободных индивидуумов, граждан, которые ограничивают его возможности вмешательства в их частную жизнь. В силу этого, выполняя лишь те функции, которыми наделяют его граждане, государство становилось подконтрольным народу, гражданскому обществу. Главной же сферой реализации человека считалось гражданское общество, т. е. область независимых от государства горизонтальных связей индивидуумов, межличностного общения, деятельности общественных объединений. Иначе говоря, либералы признавали личность скорее источником, чем участником власти.

В различных модификациях такая модель взаимоотношений государства и личности установилась в ряде современных стран Запада. И хотя до идеальной модели демократии там еще далеко, тем не менее эти государства показали, что личность может стать реальным источником и целью государственной политики.

Третья, **среди́нная** модель отношений человека и власти также имеет древнее происхождение. Еще семь греческих мудрецов (VII–VI вв. до н.э.) отстаивали идею компромисса и меры в отношении прав того и другого субъекта власти. Свой вклад в развитие идеи срединности внесли и некоторые другие древнегреческие мыслители — сторонники правила «золотой середины» во взаимоотношениях этих полюсов, т. е. все те, кто призывал к установлению гармоничных отношений между государством и личностью. По-своему решали данный вопрос и русские философы, один из которых, Н. Ф. Федоров, говорил, что человеку «нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех» ¹.

¹ Федоров Н. Ф. Соч. М., 1982. С. 400.

Наиболее ярко эта позиция проявилась в христианско-демократической идеологии, которая критикует не только патернализм, но и либерализм за его излишний индивидуализм и преувеличение прав личности по сравнению с правами государства. Эта теория исходит из того, что жизнь человека как творение Божье духовна и уникальна, но ее духовность и уникальность не могут изменить такой политический институт, как государство. Индивид — главный источник его деятельности, объект защиты гражданского достоинства и опекуна. Но и государство — не столько источник принуждения, сколько орган, действующий в интересах всеобщего блага, сглаживания социальных контрастов, поддержания слабых. Государство есть средство совершенствования совместной жизни, согласования интересов и упрочения справедливости.

В силу этого государство и индивид должны действовать в соответствии с принципами **солидарности** и **субсидарности**. Первый принцип предполагает, что благо (и горе) каждого неразрывно связано с процветанием (или ослаблением) целого, с заботой каждого друг о друге и о государстве как воплощении гражданских уз. Второй принцип означает, что государство обязано оказывать помощь тем, кто не в состоянии самостоятельно организовать достойную жизнь, у кого нет для этого необходимых средств и духовных сил. Но такая помощь должна иметь избирательный и адресный характер, не вырождаясь в поддержку иждивенчества.

Иными словами, не отвергая приоритета индивида и его прав, сторонники такого подхода настаивают на сохранении серьезных социальных функций государства. Причем его социальный облик ставится ими в большую зависимость от уровня политической культуры граждан.

2. Права человека

Понятие прав человека

Конкретным выражением значимости для политических систем гуманистических принципов и ценностей применения власти являются права человека.

Права человека представляют собой совокупность норм и принципов, которые закрепляют систему политических отношений, гарантирующих предоставление индивиду определенных свобод и социальных благ.

Права человека имеют **нормативное** и **институциональное** содержание. В первом своем качестве они выступают в виде универсальных требований к организации любой политической системы, которые могут применяться как критерии оценки международных и внутриполитических отношений. С этой точки зрения права человека существуют как система универсальных политических норм и стандартов, которые действуют независимо от характера режима правления и конституции.

онной системы конкретной страны. Это некая планка требований, к которым должна приспосабливаться каждая система власти. Особенно показательное действие этой нормативной системы в международных отношениях. Например, в документах ОБСЕ соблюдение прав человека рассматривается *выше* принципа невмешательства во внутренние дела отдельных государств. Это заставляет все страны, стремящиеся быть членами Евросоюза, соответствующим образом изменять свои конституционные и политические порядки, стиль деятельности на международной арене. В целях защиты данных принципов Европейское сообщество осуществляет коллективные (в том числе вооруженные) акции против стран, где имеют место массовые нарушения прав человека. К примеру, на этой политико-правовой норме была разработана стратегия «гуманитарной агрессии» стран НАТО при вторжении их войск в югославскую провинцию Косово для решения там этнического конфликта.

Несмотря на стремление западных демократических государств утвердить универсальный характер прав человека, в ряде таких стран, как Китай, Сингапур, Иран, Бангладеш, Сирия и Малайзия, отрицают существование абсолютных прав и свобод личности, за исключением тех, которые предписаны и действуют в рамках законодательства отдельных государств. Нередко для обоснования этого положения политики ссылаются на неприменимость «индивидуализированных» прав человека к странам, где господствуют коллективистские ценности или наличествуют острые политические конфликты, распространены социальные болезни.

Однако к таким заявлениям следует относиться как к сугубо политическим позициям. Ведь личность всегда есть порождение конкретного общества, и потому стремление ограничить ее права и свободы по преимуществу говорит о недостаточной демократичности этих стран. В настоящее время появляется все больше оснований утверждать, что формирование отношения людей к себе как к полноценным гражданам, требующим уважения их прав и достоинства, является поистине общемировым процессом. Об этом же свидетельствует и нарастание демократических настроений и движений в названных странах, что указывает на расширение и усиление потребности людей в свободе, уважении человеческого достоинства и личном самовыражении. Все это говорит о том, что национальные особенности не являются препятствием для реализации прав человека.

Вместе с тем права человека фиксируют реальную защищенность и гарантированность прав и свобод в конкретном государстве. Таким образом, выступая как реальный политический *институт*, права человека свидетельствуют о наличии в конкретном государстве конституционных и законодательных норм, специальных учреждений по охране прав и свобод, ресурсов, идущих на обеспечение данных целей, и т.д. Иными слова-

ми, в качестве политического института права человека фиксируют ту или иную степень реализации универсальных требований в конкретной стране. В целом институциональное содержание прав человека зависит от уровня демократичности существующих политических порядков, сложившихся традиций и обычаев населения, от наличия материальных ресурсов страны, степени ее вовлеченности в систему мировых хозяйственных и политических отношений. Например, даже в некоторых демократических странах Запада равные права женщин были признаны лишь после Второй мировой войны (в Японии и Франции — в 1940-х, в Швеции — в 1974-м, а в графстве Лихтенштейн — в 1981 г.).

В настоящее время в отдельных странах этот институт власти все еще не укоренен, в некоторых странах он способен обеспечить выполнение лишь определенной части прав человека. Например, в Российской Федерации права человека закреплены в виде конституционной нормы, существует должность постоянного представителя Президента по правам человека, полномочия которого дают ему возможность применять санкции к любым политическим структурам и лицам в случае нарушения ими соответствующих норм и законов. Но, несмотря на наличие таких политических инструментов, в России имеются многочисленные факты преследования и дискриминации людей по этническим мотивам, применение в тюрьмах и отделениях милиции пыток и т. д.

Трудности исторического развития прав человека как политического института в значительной степени определялись тем, что идеи и практика утверждения равноправия граждан складывались на фоне фактического неравенства людей в области владения материальными и духовными ресурсами. В силу этого борьба за гражданские и политические, социальные и культурные права, за равноправие рас и народов, мужчин и женщин, людей разных национальностей была неразрывно связана с противоречивым воплощением принципа социальной справедливости. Революции XX в. показали, что государственной политике нельзя чрезмерно разводить требования равноправия с сохранением фактического равенства, что абстрактные требования равенства перед законом не должны усложнять и обострять реальные отношения людей.

Впервые свое юридическое выражение права человека получили в 1776 г. в Вирджинской Декларации, которая впоследствии была положена в основу Билля о правах (конституции) США и французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. В настоящее время права человека закреплены во Всеобщей Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Генеральной Ассамблеей ООН (1948), в Европейской конвенции о защите прав и свобод человека (1950), Международном Пакте о гражданских и политических правах (1966), Декларации прав ребенка (1959), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации (1981), Конвенции против пыток и других бесчеловечных видов

обращения и наказания (1984) и ряде других международных документов. В статье 2 Конституции Российской Федерации провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью в нашей стране, а их соблюдение и защита — первостепенная обязанность государства.

Все названные международные и внутриполитические документы исходят из того, что происхождение прав и свобод человека не связано с волей конкретного государства. Их базой являются неотъемлемые свойства людей, лежащие в основании свободы, справедливости и всеобщего мира. Таким образом, человек признается равноправным с государством субъектом власти, при этом его права неразрывно связываются с определенными видами гражданских обязанностей.

Основные теоретические трактовки прав человека

Проблема прав человека как самостоятельная политическая проблема актуализировалась по мере развития об-

щества и усложнения взаимоотношений между обществом, государством и индивидом. Впервые представления о правах человека сформировались в VI–V вв. до н.э. в рамках теорий **естественного права**, которые развивали китайские мыслители Мао Цзы, софисты, Аристотель и др. Их основные идеи состояли в признании равенства людей от рождения и справедливости наделения их одинаковыми, обусловленными человеческой природой правами. Такое естественное право утверждалось в качестве основания условного (позитивного, писаного) права, предполагающего его законодательное закрепление. В то же время сторонники этих идей осознавали изменчивость юридических установлений, способных и не утвердить равенства всех людей в конкретном государстве. Поэтому впоследствии свои важнейшие надежды они связывали с договорным характером государственности.

В средние века сложились основы **юридически-позитивистского** подхода, приверженцы которого отрицали всякое негосударственное происхождение человеческих прав. Они исходили из рациональной природы государства, его неизменности и независимости от социально-экономических предпосылок, не различали право (человека) и закон (государство), а права личности не имели в их глазах никакого приоритета над правами государства. По их глубокому убеждению, права граждан должны были изменяться в зависимости от целесообразности и государственных потребностей.

Творцы **либеральных** теорий настаивали на том, что естественные, священные для человека права существуют независимо от государства. Более того, сам этот институт власти несет, по их мнению, угрозу социально обретенным качествам и правам личности. В качестве основных они рассматривали политические и гражданские права индивида, не придавая особого значения его социально-экономическим возможностям. Но, видя свою главную задачу в ограждении человека от внешней

агрессии со стороны государства, либералы чрезмерно изолировали личность от общества и государства, не замечая, что формальное равенство лишает наименее защищенные слои населения возможности реально пользоваться его плодами.

В рамках **современных** концепций прав и свобод человека также утверждается их неотъемлемый и универсальный характер. Однако, несмотря на признание противоречивости отношений индивида и государства, в них допускается частичное изменение его прав и свобод содержания. И все же, даже временно подавляя некоторые из прав, государство не в силах отнять их у человека. Поэтому современные политологи приводят аргументы против чрезмерной концентрации прав «наверху», а тем более против группового диктата правящей элиты в вопросах определения объема и характера предоставляемых человеку прав и свобод. Но и при этом особый упор делается все-таки на взаимную ответственность человека и государства за гарантированность и использование прав.

Вообще считается, что в настоящее время в процессе налаживания отношений индивида с уже зрелым, правовым и социальным государством политические права утрачивают свой былой приоритет. Они становятся вторичными и служат в известной степени предпосылкой осознания гражданами всего спектра прав и форм их реализации. Но наибольшее внимание уделяется нарастающей индивидуализации в понимании и реализации прав человека. Постепенно утверждается идея, что человек волен сам определять формы реализации своих прав и свобод. Государство — лишь средство поддержания индивидуальных инициатив, орудие создания наиболее благоприятных условий для развития личности.

Эволюция теоретических воззрений не всегда коррелирует с наличием конкретных стандартов в предоставлении человеку прав, принятых в конкретных политических системах. Теоретические воззрения могут оставаться сугубо интеллектуальной величиной, а могут постепенно влиять на практику реализации прав человека. В значительной степени такое проникновение зависит от характера правящего режима и присутствия у него определенных материальных ресурсов. Так, в СССР наряду с ресурсным обеспечением ряда социально-экономических прав гражданам длительное время не только не предоставлялись реальные политические права, но и под флагом борьбы с «мещанством» и «бывательской психологией» постоянно снижался авторитет индивидуальных жизненных ценностей, прав на личную, неподконтрольную государству жизнь. В то же время в современных постиндустриальных, постмодернистских обществах индивидуализация прав и свобод становится центральной политической идеей, на которую работают по сути дела все политические институты. В ряде случаев права и свободы лич-

ности даже начинают властвовать над особыми правами государства, порождая дезинтегративные тенденции в обществе и создавая новые, неведомые миру проблемы в отношениях свободного индивида и государства.

Типология прав человека

Длительная борьба человечества за соблюдение прав и свобод личности,

динамика представлений о ее месте и роли в политически организованном сообществе, а также многообразие исторических условий породили богатую палитру прав человека. В самом широком понимании права человека распадаются на **негативные** и **позитивные**.

К первым из них относятся такие права и свободы, которые основаны на препятствовании необоснованному вмешательству государства и других лиц в суверенные дела индивида, это права, лежащие в основе индивидуальной свободы личности. Они не требуют от государства накопления и распределения материальных и иных ресурсов и вообще каких-либо специальных созидających действий, кроме исключения несправедливого вмешательства в дела и интересы личности, посягательства на ее свободный выбор. Негативные права ограждают личность от ограничений и принуждения со стороны государства, мешающих ей действовать самостоятельно. К таким правам можно отнести практически все либеральные права человека. Они абсолютны и не зависят от уровня развития конкретной страны, предполагая лишь признание суверенности человеческой личности и уважительное отношение к ее самостоятельному выбору со стороны государства.

В свою очередь, **позитивные** права основываются на ответственности государства за предоставление личности определенных социальных благ, например, прав на образование, охрану здоровья, доступ к культурным ценностям и т.д. В данном случае гарантированность этих прав непосредственно зависит от уровня социально-экономического развития государства, от заинтересованности правящих кругов в реальном проведении соответствующей государственной политики и, что немаловажно, от профессионализма государственных служащих, способных обеспечить такой характер управления обществом. Ведь понятно, что для обеспечения права человека на охрану здоровья необходимо иметь развитую инфраструктуру лечебных учреждений, страховые компании и соответствующие материальные средства. Вместе с тем, даже имея в наличии подобные ресурсы, провозглашение права на этот вид социальной помощи может остаться формальной декларацией, если в государстве нет заинтересованности правящих слоев или госслужащие не обладают должной компетенцией для проведения такой государственной политики.

В силу ограниченности большинства государств в материальных ресурсах, а также неодинаковой потребности различных слоев населе-

ния в тех или иных общественных благах обеспечение позитивных прав неразрывно связывается с перераспределительной политикой государства. В частности, ее осуществление предполагает первостепенное обеспечение теми или иными благами наиболее нуждающихся слоев населения, предоставление определенных льгот и преимуществ отдельным категориям граждан (например, пенсионерам, матерям-одиночкам и др.), сохранение социальной адресности в предоставлении тех или иных благ призванной исключить иждивенчество и паразитизм.

С более содержательной точки зрения права и свободы человека разделяются на гражданские, политические, социально-экономические, культурные и экологические.

Гражданские, или личные, права — это тот круг присущих человеку от рождения прав, которые конституируют его автономность и индивидуальность, достоинство и самобытность, предохраняют его от посягательств и произвола власти. К ним, как правило, относят право на жизнь и достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность. Обеспечение данных прав государство гарантирует на основе законодательного закрепления презумпции невиновности, публичного и независимого суда, неприкосновенности жилища, тайны переписки, свободы передвижения, выбора места жительства, а также свободы любых действий, не противоречащих закону.

Политические права обеспечивают возможности участия граждан в управлении делами государства и общества. К такого рода правам относятся свобода слова, печати, совести, право на получение информации, право на объединение с единомышленниками (создание политических ассоциаций), свобода избирать и быть избранным в представительные органы государства, свобода союзов, демонстраций и т. д.

Гражданские, а равно и политические права первоначально были основным предметом борьбы человека и власти, государства и общества. Именно благодаря утверждению этих прав «первого поколения» личность постепенно обретала новые возможности в обществе, усиливала свое влияние на государство и проводимую им политику. Вехами на этом историческом пути стали: утверждение всеобщего избирательного права, конституционные гарантии прав в демократических государствах, включение их в международные документы. Огромный гуманистический заряд несет с собой и отмену в большинстве современных европейских стран смертной казни.

Социально-экономические права — это права и возможности граждан в сфере производства, обмена и потребления материальных ресурсов, в области распоряжения продуктами своего труда и факторами материальной деятельности. Их называют правами «второго поколения», которые стали результатом борьбы за социальные гарантии и защиту личности в сфере производства, активно начатую еще со второй поло-

вины XIX в. Во второй половине XX в. под влиянием социалистических партий на Западе, а также стран бывшего социалистического блока, первыми закрепившими в своих конституциях широкий спектр социальных и экономических гарантий населения, эти права получили и международное юридическое признание, войдя в 1948 г. во Всеобщую Декларацию прав и свобод человека и гражданина.

К таким правам относятся право на собственность, свободу экономической деятельности, индивидуальные трудовые права (право на труд, справедливую оплату труда, защиту от безработицы, выбор профессии) и право на коллективные действия по защите трудовых прав, а также право на жилище, охрану здоровья, образование, участие в культурной жизни. В настоящее время наиболее полно эта группа прав обеспечивается в правовых социальных государствах — Швеции, Германии, Канаде, США и некоторых других, где достигнут самый высокий уровень социально-экономического обеспечения населения.

Проблемы общественного развития последней трети XX в., связанные, к примеру, с усилением взаимозависимости государств в современном мире и, как следствие, формированием новой системы международных отношений или экологическим кризисом, вызвали к жизни права « **третьего поколения**», делающие акцент на отношения между государством и личностью в сфере культуры и экологии. К этим правам можно отнести право человека на мир и социальное развитие, здоровую экологическую внешнюю среду, приобщение к понимаемым как общее достояние человечества культурным ценностям, свободное передвижение по миру и т.д.

Обеспечение этой группы прав затруднено из-за целого ряда обстоятельств, а именно: из-за политики режимов, склонных к деспотизму и не заинтересованных в контактах своего населения с народами других стран, из-за многообразия политических, в том числе вооруженных, конфликтов; вследствие разницы в материальных ресурсах и необходимости колоссальных затрат национальных государств и мирового сообщества в целом на сохранение здоровой окружающей среды и т.д. В значительной мере реализация именно этой группы прав приближает человечество к той цели, которую предрекали его многие величайшие умы, и в частности русский ученый В. И. Вернадский, — к объединению человечества в единый — в экономическом, информационном и других отношениях — организм. Однако на этом пути сегодня еще слишком много противоречий.

Основные нарушения прав человека

В современном мире существует множество различных политических режимов с собственными моделями взаимоотношений государства и личности, своими стандартами соблюдения прав и свобод человека. Демократические режимы соседствуют с

авторитарными, либеральными с коммунистическими. Изъятия отдельных прав сочетаются с массовыми нарушениями прав человека. А как писал русский ученый М. Бакунин, всеобщая свобода присутствует лишь там, где «она распространяется на каждого», где свободное общество представлено совокупностью «массовых примеров».

В принципе в определенных условиях государство, в зависимости от своих реальных возможностей, может менять содержание экономических или социальных прав. В чрезвычайных условиях, для защиты конституционного строя оно может даже приостанавливать реализацию определенных гражданских прав, ограничивать свободы, поражать правах тех или иных лиц (например, лишать лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях, права быть избранными в органы власти) или группы (запрещая экстремистские партии и движения). Однако и здесь существуют четкие границы возможностей для государства, ориентированного на соблюдение прав и свобод личности. Например, даже при чрезвычайных обстоятельствах законодательно устанавливаются пределы и сроки действия таких ограничений. И при этом ряд основополагающих прав, к примеру, право на жизнь, свобода совести, свобода вероисповеданий, право на жилище или право на судебную защиту, вообще не подлежат отмене.

Но есть и такие способы действий режимов, которые направлены на ограничение прав как фундаментальных начал в отношениях государства и человека. К таким способам относятся, например, введение неоправданных (возрастных, материальных, территориальных) цензов, ограничивающих возможности граждан на формирование органов власти и на участие в их работе; или закрепление разрешительного вместо регистрационного порядка регулирования политической активности населения, при котором власть берет на себя правоустанавливающие функции, что в конечном счете отрицает фундаментальный характер политических прав.

В целом, с учетом мирового опыта, можно выделить следующие четыре группы нарушений прав человека со стороны государства и отдельных политических сил (в порядке значимости):

- геноцид и этнические «чистки», гражданские войны, политический терроризм;
- апартеид, расовая дискриминация, сегрегация;
- ограничение политических прав гражданина;
- уничтожение окружающей природы, введение ограничений на получение информации, сокращение доступа к культурным ценностям.

Предотвратить нарушения прав человека можно только при должной политической воле правящего режима, а в более широком плане —

при установлении в конкретных странах гарантий взаимной ответственности государства и гражданина. Современные демократические государства далеко ушли от принципов регулирования отношений с обществом по принципу Талиона («око за око», «зуб за зуб»), придя к необходимости создания системы, уравнивающей права и ответственность государства и гражданина. И подобно тому, как конкретный человек несет, к примеру, воинскую повинность, так и должностные лица государства должны отвечать за причиненный личности ущерб. Поэтому историческая траектория современного развития требует сильного демократического государства, которое стояло бы на страже прав и свобод личности.

3. Политическое участие

Понятие политического участия

Участие в политической жизни является непосредственным показателем самоопределения личности, востребованности и осуществимости ею своих прав, выражением понимания человеком своего социального статуса и возможностей. Именно участие индивида в политике в конечном счете показывает, насколько эта сфера жизни способна служить не только интересам крупных социальных групп, но также запросам и чаяниям рядового гражданина, обычного человека.

Как уже говорилось, отдельный индивид способен выполнять функции профессионального политика; лица, действующего в рамках групповых интересов и вместе с тем осуществляющего автономную линию поведения независимо от потребностей той или иной общности. Об особенностях осуществления индивидом элитарных и лидерских функций речь пойдет далее, а сейчас остановимся на характеристике политического участия рядового гражданина.

Известный американский политолог Дж. Нагель определяет политическое участие как **действия, посредством которых рядовые члены любой политической системы влияют или пытаются влиять на результаты ее деятельности**¹. В этом смысле участие в политике понимается в качестве одного из средств, используемых человеком для достижения своих собственных, индивидуально осознанных целей. Причем данная форма реализации личных потребностей формируется в процессе взаимодействия индивида с правительством, органами власти, другими политическими институтами и силами.

Благодаря такому инструментальному отношению к политике, индивидуальное «участие» характеризует только конкретные **формы практических** действий человека, независимо от их мотивации или условий

¹ Nagel J. N. Participation. N.Y., 1976. P. 1–3.

осуществления. Иными словами, к «участию» относятся только реально совершаемые в политике действия индивида. Осуществляя такие действия, индивид переступает через порог того умозрительного отношения к политическим событиям, которое выражается в эмоциях, оценках, суждениях и иных сугубо идеальных реакциях. В этом смысле политическое участие предстает как качественно иной, практический уровень включенности индивида в политическую жизнь, заставляющий его совершать там конкретные поступки.

В то же время некоторые формы пассивного отношения индивида к политическим процессам, в частности абсентеизм (неучастие в выборах), неоднозначно расцениваются политологами. Одни из них, как, например, Р. Хиггинс, называя «политическую инерцию» и пассивность граждан (наряду с перенаселением, голодом, нехваткой ресурсов и некоторыми другими явлениями) «основным врагом» человечества, исключают ее из политического участия. Другие (С. Верба, Л. Пай), в силу массовости такого рода фактов, напротив, расценивают их как одну из форм деятельного отношения индивидов к политике.

Среди практических действий людей политическим участием могут быть признаны только их **целенаправленные** поступки, т.е. те действия, которые специально и сознательно проектируются и осуществляются ими в политическом пространстве. Иначе говоря, к политическому участию относятся лишь собственно политические действия, а не поступки, которые могут вызывать политические последствия. Например, сознательно спланированный приход на митинг может быть квалифицирован как политическое участие индивида, а его случайное появление там — не может. Или если гражданин специально сообщает управленческую информацию должностному лицу, то это может рассматриваться как форма его политического участия; если же эти сведения он передаст в центр принятия решений косвенным образом, например, в ходе случайного разговора с ответственными лицами, то в таком случае их беседа не может быть отнесена к формам политического участия данного гражданина.

Практические и целенаправленные формы политического участия характеризуются **масштабностью** и **интенсивностью**. Например, индивид может участвовать в решении местных или общенациональных вопросов, заниматься постоянной активной деятельностью по организации избирательных кампаний, а может изредка принимать участие в выборах — и все это будут разные по значимости и интенсивности формы его политического участия.

Непосредственно характеризуя поступки индивида, политическое участие дает косвенную аттестацию и самой политической системе, т.е. той внешней среде, которая сопутствует или препятствует политическим действиям граждан. Так, в одних политических системах индивид имеет

возможность **практически** реагировать на затрагивающие его поступки властей, предпринимать те или иные действия в качестве реакции на сложившуюся в стране (регионе) ситуацию, а в других то же стремление действовать натывается на жесткость и неприспособленность политических структур к такого рода желаниям индивидов. Например, во многих демократических странах широко распространены судебные процессы, в которых рядовые граждане оспаривают действия правящих структур. В то же время в тоталитарных и деспотических государствах невозможны не только индивидуальные, но и групповые формы политического участия человека (в виде деятельности партий, общественно-политических движений и т.д.). Так что разнообразие форм политического участия неизменно определяется наличием условий и разветвленностью структур, способных воспринимать индивидуальные запросы граждан к власти.

Основные подходы к трактовке политического участия

Факты практического участия индивидов в политической жизни неоднозначно оцениваются представителями различных школ и направлений в политичес

ческой мысли. Например, сторонники элитистских учений полагают, что участие рядовых граждан — это аномальное явление в политике, ибо основные функции по принятию решений, формированию государственной политики могут выполняться только на профессиональной основе. В этом смысле вовлечение широких социальных слоев, массы индивидов в политику рассматривается ими как дисфункциональное и нежелательное.

Сторонники же воззрений французского просветителя XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, приверженцы марксистского учения, партиципаторной демократии и некоторых других течений исходят из того, что единственно оправданной нормой политической жизни является постоянное выполнение всеми гражданами функций по управлению делами государства и общества. В частности, В. И. Ленин писал о необходимости «прямого, обеспеченного законами (конституцией) участия всех граждан в управлении государством»¹. Правда, повсеместность выполнения таких политических функций населением связывалась марксистами лишь с определенной исторической фазой — переходом от социализма к коммунизму, т.е. с периодом отмирания государства. Однако суть подхода от этого не меняется.

Коротко говоря, в силу того, что каждый не только грамотный и активный гражданин объявлялся участником управления государством, политика трактовалась в качестве неотъемлемой стороны индивидуаль-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 106–107.

ного существования, обязательного компонента стиля жизни личности. В этом смысле профессиональным управляющим отказывалось в каких-либо преимуществах перед рядовыми гражданами (в том числе в дополнительной ответственности перед населением). Они объявлялись тем политическим субъектом, чьи функции будут постепенно передаваться всем членам общества. Не случайно марксизм негативно оценивал деятельность государственной бюрократии, т.е. чиновников-управленцев.

Другая группа ученых (Й. Шумпетер) полагает, что функции управляющих и управляемых в политике неравнозначны: если элитарные круги обязаны обладать должной компетенцией для профессиональной организации управления государством, то рядовые граждане обязаны довольствоваться «символическими» формами участия, и прежде всего голосованием. Как писал С. Пэтман, «единственным способом участия, доступным для граждан... является голосование за лидеров и дискуссии»¹. Поскольку, по мнению многих сторонников таких взглядов, сложность реальных политических проблем и конфликтов столь высока, что включение в их обсуждение массы неквалифицированных лиц только усугубит и осложнит обстановку, то более оптимально добиваться «поверхностного вовлечения» граждан в политику. В противном случае, с их точки зрения, излишняя активность населения и вовлеченность в процесс принятия решений будут угрожать стабильности системы власти. И самым страшным последствием такой массовой вовлеченности населения в политику может стать установление охлократических режимов, воцарение хаоса и беспорядка.

Практический опыт, являющийся, как известно, лучшим судьей в решении теоретических споров, показал, что для тех, кто не желает делать карьеру политика, вовлечение в эту область жизни требует дополнительных сил, знаний, психологической готовности к соперничеству и других внутренних усилий, которые не являются условиями, сопутствующими приятному времяпрепровождению. Напротив, политика нередко становится сферой выброса негативных эмоций человека, его социального перевозбуждения и духовного кризиса.

В реальной жизни большинство граждан не имеют ни времени, ни средств, ни возможностей для постоянного участия в политике. Политика для них — это область жизни, куда они добровольно вступают лишь в тех случаях, когда не могут иными путями реализовать свои интересы. И это не сфера саморазвития индивида, а область жесткой конкурентной деятельности, где правила поведения нередко противоречат законам и моральным нормам. Постоянные скандальные разоблачения, назойливая реклама лидеров и непредсказуемость их поведения, поли-

¹ *Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge, 1970. P. 5.*

тический терроризм — все это создает ту напряженность, которая пре %
вращает политику в отнюдь не благоприятствующую для жизни форму
существования индивида. По сути дела участие в политике есть форма
критического социального поведения граждан.

В то же время неразрывная связь политики с жизненно важными
для индивида интересами показывает, что и излишняя вовлеченность в
данную область жизни, и длительное отчуждение от нее крайне опасны.
В частности, это чревато либо искусственной политизацией обществен-
ной жизни и ростом напряженности человеческого существования,
либо — из-за отсутствия у людей навыков поиска компромиссов, веде-
ния дискуссий о проблемах общества и т. д. — воцарением конфронта-
ционного стиля политической конкуренции, нарастанием экстремизма
и радикализма в общественной жизни.

Факторы политического участия

Степень и характер включения лич-
ности в политическую жизнь непосред-
ственно определяются значимыми

для нее причинами, факторами участия. Последние крайне разнообразны и напрямую связаны с **ролями**, которые индивиды играют в политической жизни. «Роль», по Г. Алмонду, — это разновидность («часть») политической деятельности, свидетельствующая о том, что индивид может быть избирателем, активистом партии, членом парламента и т.д. И при этом каждая политическая роль имеет свою функциональную нагрузку, предполагающую соответствующие возможности и обязательства (ответственность) личности перед государством (партией, обществом).

Понимание факторов политического участия играет принципиально важную роль в толковании его природы и роли индивида в политике. В самом общем плане факторы политического участия традиционно рассматриваются через два его глобальных механизма: **принуждение**, которое делает упор на действии внешних по отношению к индивиду сил, в том числе на разумность власти и ограниченность необходимых для самостоятельного участия в политике свойств индивида (Т. Гоббс), а также **интерес**, который, напротив, ориентируется на внутренние структуры действия индивида и сложную структуру личности (А. Смит, Г. Спенсер).

Так, в XIX в. основное внимание уделялось надличностным, объективным факторам, например, наличию институтов, тем или иным социально-экономическим условиям жизни людей, духовной атмосфере общества и другим аналогичным показателям, которые должны были дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, что заставляет человека включаться в отношения с публичной властью. В своих крайних формах эта социальная детерминация растворяла личность в общественных отношениях, делала ее безликим исполнителем воли класса, нации, государства.

В нынешнем же столетии, наряду с признанием определенного значения общественных норм и институтов, основной акцент делается главным образом на субъективные факторы, на характеристики индивидуальных воззрений, психологические состояния конкретных лиц, наконец, на культурные традиции и обычаи населения. Сложилась даже парадигма «автономного человека» (А. Г. орц, О. Дебарль), основывавшаяся на признании несовпадения публичных норм и институтов с мотивациями конкретной личности, что якобы обуславливает принципиальную неспособность науки адекватно раскрывать подлинные причины политического участия личности. Такая гиперболизация индивидуального начала превращает политику в совокупность спорадических, случайных поступков личности.

В современной политической мысли принято различать **предпосылки** (условия) и **факторы** (непосредственные причины, обуславливающие действия индивида) политического участия. К первым относятся материальные, политико-правовые, социокультурные и информационные отношения и структуры, которые создают наиболее широкую среду для различных проявлений индивидуальной активности. В границах этой среды складываются те главные причины, к которым можно отнести **макро-** (способность государства к принуждению, благосостояние, пол, возраст, род занятий) и **микрофакторы** (культурно-образовательный уровень человека, его религиозная принадлежность, психологический тип и т. д.) политического участия. Каждый фактор способен оказывать решающее влияние на те или иные формы политического участия людей, в зависимости от временных и пространственных условий их жизни. Но наибольшее значение в науке придается психологическим состояниям личности, например, ощущению угрозы своему общественному положению (Г. Лассуэлл); рациональному осознанию своих интересов и завоеванию нового статуса (А. Лэйн); желанию жизненного успеха и общественного признания (А. Доунс); пониманию общественного долга и реализации собственных прав, страху за самосохранение в общественной системе и т. д.

В сочетании различных факторов и предпосылок выявлены определенные зависимости. Например, данные разнообразных и долголетних социологических наблюдений показывают, что чем богаче общество, тем больше оно открыто к демократии и способствует более широкому и активному политическому участию граждан. Более образованные граждане чаще других предрасположены к участию в политической жизни, у них сильнее развито чувство восприятия эффективности своего участия, и чем больше у таких людей доступ к информации, тем больше вероятность, что они будут политически активными (В. Кей).

Вместе с тем анализ политических процессов в демократических странах выявил и то, что неучастие является показателем не только

пассивности или убежденности граждан в том, что их голос ничего не изменит, но и уважения и доверия людей к своим представителям. Так, во многих демократических странах Запада широкие возможности контроля общественности за правящими кругами, традиции публичной критики действий властей в СМИ, отбор профессионально подготовленных лиц для руководства и управления снижают степень повседневной вовлеченности граждан в политический процесс. Иными словами, в условиях высокой гарантированности своих политических и гражданских прав люди весьма рационально относятся к формам участия в политике, доверяя правящим кругам осуществлять повседневные функции по управлению государством и обществом и оставляя за собой право контроля и оценки их деятельности на выборах и референдумах.

Одновременно политическая практика XX в. дала и множество примеров «кризиса личности в политике», выражающегося в распространении насилия и террора или таких явлений, как коррупция, неповиновение граждан закону и т.д. Широкое распространение и воспроизводство таких форм политического участия многие ученые связывают с кризисом базовых демократических ценностей, нарастанием интенсивности жизни в крупных городах, негибкостью политических форм для самовыражения все более усложняющейся личности, нарастанием отчужденности индивида, кризисом прежних форм его договора с государством и т.д.

Формы и типы политического участия

В самом общем виде многообразие форм и разновидностей политического участия зависит от определенных свойств действующего индивида, характера режима правления, а также от конкретной ситуации. Соответственно американские политологи С. Верба и Л. Пай выделяют следующие разновидности политического участия: пассивные формы политического поведения граждан; участие людей только в выборах представительных органов власти или только в решении местных проблем; политические действия активных участников предвыборных кампаний; деятельность политических активистов, распространяющих свою активность на всю сферу политики; профессиональные действия политиков.

Другой американский ученый Милбэрт разделяет формы политического участия на «активные» (руководство государственными и партийными учреждениями, деятельность кандидатов в представительные органы власти, организация предвыборных кампаний и т.п.), промежуточные (участие в политических собраниях, поддержка партий денежными пожертвованиями, контакты с официальными лицами и политическими лидерами и т.д.), наблюдательные (ношение на демонст-

рациях транспарантов, попытки других граждан вовлечь кого-либо в дискуссии и т.д.) и, наконец, выделяет «апатичное» отношение граждан к политике.

В самом общем виде различают **мобилизованное** и **автономное** политическое участие. Первое характеризует те формы вовлечения индивида в политику, которые исходят от власти, государства, органов принуждения, создающих условия для втягивания личности в политические отношения помимо ее воли. Следовательно, политическое участие не является тем инструментом, посредством которого люди хотят повлиять «на правительство таким образом, чтобы оно предпринимало желаемые для них действия»¹. Итак, индивид включается в политическую жизнь, становясь заложником воли лидеров, властей, их искусства манипулировать людьми.

Разновидности автономного политического участия, напротив, демонстрируют действия, которые индивид предпринимает, во-первых, самостоятельно обращаясь к политическим формам защиты своих интересов, а во-вторых, столь же автономно выбирая формы и каналы проявления своей активности. В этом смысле политическое участие наиболее полно отвечает своей природе и сущности как инструменту разрешения индивидуальных проблем.

Политический протест

Особое значение для государства имеют протестные формы политического участия населения. Политический протест представляет собой разновидность негативного воздействия индивида (группы) на сложившуюся в обществе политическую ситуацию или конкретные действия властей, затрагивающие его.

К наиболее распространенным источникам политического протеста, как правило, относятся: слабая приверженность граждан господствующим в обществе ценностям, психологическая неудовлетворенность сложившимся положением вещей, а также отсутствие должной чуткости властей к текущим запросам населения.

Однако политический протест возникает не только там, где имеют место неэффективные действия государства, как такового, но и там, где наличествует тот человеческий «материал», который способен к спонтанным или осознанным оппозирующим власти действиям. Не секрет, что, к примеру, российское население отличается долготерпением, повышенным привыканием даже к невыносимым политическим и социально-экономическим условиям (длительным невыплатам заработной платы, подавлениям демократических свобод и т.д.). В то же

¹ Verba S., Nie N. Participation in America. N.Y., 1972. P. 145.

время в других странах граждане более активно и целенаправленно пытаются корректировать неудовлетворяющие их аспекты государственной политики.

В государствах любого типа политический протест протекает в **конвенциональных** (в виде разрешенных властями демонстрациях, пикетах и прочих акциях) и **неконвенциональных** формах (деятельность подпольных политических партий, запрещенные шествия и т. д.). В этом смысле основная опасность протеста состоит в том, что он способен к нарастанию интенсивности и переходу к неконвенциональным, неконституционным (особенно революционным) формам, связанным с прямым применением силы населением (или его отдельными группами). Для того чтобы придать протесту цивилизованную форму, в демократических государствах обеспечивается свобода слова, формируется институт *оппозиции*, который представлен деятельностью неправительственных партий и движений. В ряде стран оппозиция даже создает «теневые» правительства, которые постоянно оппонируют правящим структурам по всем важнейшим политическим вопросам, публикуя собственные оценки и прогнозы, планы и программы решения тех или иных проблем.

Крайней формой неконвенционального политического протеста является политический **терроризм**, цель которого — физическое уничтожение политических деятелей, проведение силовых символических акций возмездия режиму, постоянное провоцирование взрывной ситуации в стране. В современной политической истории известны многочисленные факты убийств не только отдельных политических деятелей, но и уничтожения крупных групп населения (в 2001 г. на Манхэттене в США, взрывы жилых домов в Волгодонске и Москве и т. д.), массовые захваты заложников, взрывы в общественных местах. Помимо террористических организаций (например, «Аль-Каиды», итальянских «Красных бригад», организации басков в Испании, ряда формирований чеченских боевиков и др.) такого рода действия систематически практиковали, особенно в годы «холодной войны», и спецслужбы отдельных стран, организуя покушения на глав государств или отдельных политиков недружественных режимов. В настоящее время на международной арене существуют даже отдельные политические режимы (Ливия, Иран и др.), которые в определенные периоды своей истории открыто поддерживали (поддерживают) террористические методы в политических отношениях с другими странами. Борьба с международным и внутренним терроризмом требует громадных ресурсов, отлаженной законодательной базы, решимости властей и скоординированности действий силовых структур различных стран.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ЛИДЕРЫ

1. Возникновение и развитие элитистских подходов

Формирование элитистских представлений

Еще в древности люди заметили, что в обществе существуют две неравновесные группы: относительно самостоятельное и привилегированное меньшинство, которое властвует и управляет, и большинство, которое является объектом власти и управления. Что касается правящего меньшинства, то длительное время оно изучалось по описаниям жизни государей, вождей и других выдающихся личностей, находящихся в политике в центре внимания. И лишь в последние столетия характеристика этого слоя стала концептуально связываться со строением и характером организации политической власти и государства. С этой целью стал использоваться и термин «элита», который еще в XVII в. обозначал товары высшего качества, а впоследствии стал применяться для обозначения высшей знати общества.

Самостоятельные элитистские концепции возникли лишь в конце XIX столетия, в борьбе с, условно говоря, **антиэлитистскими** теориями и идеями. Например, сторонники французского просветителя Ж.-Ж. Руссо, исходя из неделимости народного суверенитета, считали, что сама передача гражданами даже части своих прав представителям во власти ведет к разрушению системы народовластия, отрицая таким образом целесообразность разделения функций управляющих и управляемых.

Серьезными оппонентами элитистов были ученые и мыслители, отказывавшие правящим слоям в каком-либо моральном оправдании их деятельности. Например, сторонники толстовства как социально-этического учения находились в резкой нравственной оппозиции ко всем властям, придерживаясь. Сам Л. Н. Толстой в произведениях «В чем моя вера», «Закон насилия» и некоторых других сурово порицал систему светского правления, полагая, что «государственная власть всегда принадлежит худшим и злым», государственные властители «большей частью подкупленные насильники», а сенаторы, монархи и министры — «хуже и гаже палачей», ибо прикрывают зло, наносимое людям, лицемерием.

Несколько иные аргументы в пользу отрицания этических оснований существования правящего класса в России приводил известный правовед и философ И. Ильин. По его мнению, невозможность эффективного осуществления правящим меньшинством своих функций обусловлена нравственным состоянием сознания большинства населения. Эта нравственно и политически неразвитая часть общества — или

«чернь» — напроочь лишена должного правосознания и потому «не ищет лучших людей и не хочет передавать им власть», но, даже «посадив свою власть... не умеет ей дать ни уважения, ни доверия, ни поддержки; она начинает подозревать ее, проникается ненавистью к ней». Понятно, что в таких условиях ни власть, ни государство не могут эффективно осуществляться даже профессионалами.

Характерно, что антиэлитистские подходы сохранились в политической мысли и в значительно более поздний период. Так, в первой трети XX в. испанский философ Х. Ортега-и-Гасет в работе «Восстание масс» (1930), тоже отмечая идейно-культурное разобщение высших и низших слоев общества, выдвинул идею, согласно которой в формирующемся «массовом обществе» широкие слои населения начинают перехватывать управленческие функции правящих кругов, лишая последних их привычных обязанностей.

Однако наиболее серьезным теоретическим оппонентом элитистов стало марксистское учение, в ответ на ряд положений которого, собственно, и сложились подобного рода концепции. Маркс и его сторонники, признавая, что обществом правит меньшинство (владельцы или представители владельцев средств производства), предполагали, что на определенных этапах истории, в частности, при переходе от социализма к коммунизму, такое положение сменится иной формой управления обществом, при которой каждый человек начнет осуществлять определенные управленческие функции, в результате чего большинство общества возьмет в свои руки функции социальной власти и управления, а государство, как аппарат, стоящий над обществом, будет постепенно «отмирать».

Приверженцы же становящихся элитистских подходов исходили из неизменности диспозиций и приоритета меньшинства над большинством. Причем положение правящих групп отнюдь не всегда связано с их материальным положением. С их точки зрения, исторический опыт всех цивилизаций — от первых до современных — как сложноорганизованных обществ показывает, что правящее меньшинство постоянно концентрирует в своих руках политическую власть, управляя большинством населения и обеспечивая политическое развитие государства и общества. Основоположниками данного теоретического направления стали итальянские экономисты и социологи В. Парето и Г. Моска.

Учение В. Парето и Г. Моски

В. Парето (1848–1923) в своих основных трудах «Социальные системы» (1902) и «Трактат общей социологии» (1916) сформулировал концепцию, согласно которой равновесие и динамика любой социальной системы детерминируются правящим меньшинством — элитой, проходящей определенные циклы своего развития. Элиты — это то лучшее, что создается в недрах общества; они возникают из его низших слоев, в ходе

борьбы поднимаются в высшие круги, расцветают там, а впоследствии вырождаются и исчезают. Им на смену приходят так называемые контрэлиты, которые проходят те же фазы развития и упадка, а затем тоже сменяются новыми элитарными образованиями. При этом смена элит, как правило, знаменует собой чередование у власти разных типов элит, в частности, «лис» (изворотливых, хитрых и беспринципных) и «львов» (обладающих чувством преданности государству, консервативно настроенных и не боящихся применять силу), использующих различные методы управления и властвования.

В целом элиты имеют тенденцию к упадку, а приходящие им на смену контрэлиты — к производству потенциально элитарных элементов. Этот кругооборот, циркуляцию элит Парето назвал «универсальным законом истории», который позволяет обществу накапливать и использовать все лучшее, что развилось в нем, ради собственного благополучия. Прекращение циркуляции неизбежно ведет к полному вырождению правящей элиты и накоплению в ней негативных для общества элементов, которые препятствуют переходу в элитарные слои лучших представителей общества, а также развитию последнего.

Формулируя свою концепцию, Парето исходил из того, что самым важным основанием выделения элитарных групп являются принадлежащие ее представителям определенные психологические тенденции, личностные чувства и компоненты («резидиу»), которые, собственно, и отличают их от остальной массы населения. Таким образом, Парето концептуально оформил многочисленные идеи Платона, Ф. Ницше, Т. Карлейля и других мыслителей, которые указывали на наличие определенных человеческих **качеств**, выражающих (естественное) неравенство людей и разделяющих высшие и низшие слои общества. В этом смысле элита понималась как своеобразная *меритократия*, т.е. группа лучших людей, обладавших особыми социальными качествами, независимо от того, унаследовали они или приобрели их в процессе своего развития.

Интересно, что этим особым, разделяющим людей свойствам впоследствии стали придавать не только положительное значение. Еще в XVIII столетии русский писатель П. Боборыкин (а впоследствии М. Бакунин) описал особый тип людей — так называемое «отребье», т.е. тех социальных аутсайдеров, которые занимают особую общественную позицию. А в 60-х гг. XX в. французские мыслители Ж. П. Сартр, М. Дебре и особенно Г. Маркузе развили целое учение о лидирующей политической роли в индустриальном обществе представителей «социального дна», которые в силу своего специфического и уникального опыта только и могут считаться подлинной элитой общества.

Таким образом, акцент на индивидуальных качествах лиц, обладающих интеллектуальным, нравственным или любым другим превосходством над остальными и на этом основании принадлежащих к элитар-

ным группам, позволяет считать В. Парето основоположником так называемого **аристократического** направления в элитологии. Качественно иной подход предложил еще один великий итальянец ГМоска (1858–1941), заложивший в своих важнейших работах («Теория управления и парламентское правление», 1884, и «Элементы политической науки», 1896) основы, условно говоря, **функционального** направления, рассматривавшего элиту как группу управляющих, выполняющих определенные социальные обязанности.

Правда, вместо понятия «элита» Моска больше оперировал категорией «правлящий класс», которая демонстрировала, что наряду со свойствами, отличавшими его представителей от остальных, в частности, богатством, военной доблестью, происхождением или владением искусством управления, главной причиной его властного могущества являлась высокая степень *внутренней организованности и сплоченности* данной группы. Именно это свойство и позволяет элите концентрировать в своих руках руководство обществом и государством, объединяя население в процессе перехода от одной исторической эпохи к другой.

Главная задача элиты как особого политического класса состоит прежде всего в укреплении своего господства, и даже не столько *de jure*, сколько *de facto*. Организованность правящего меньшинства непосредственно отражает так называемая «политическая формула», означающая совокупность юридических и моральных средств и методов укрепления им своей власти и положения. В то же время основной функцией государства, воплощающего эту формулу, является поддержание баланса как в отношениях управляющих и управляемых, так и внутри правящего класса. Отсутствие такого баланса Моска считал причиной формирования режимов, узурпирующих престиж легитимной власти.

Согласно представлениям итальянского политолога, в силу своей организованности политический класс по сути дела монополизирует власть, контролируя все действия большинства, в том числе избирательные кампании, которые при таких условиях не в состоянии навязать волю населения правящим группам. Вместе с тем ради сохранения искомого политического баланса высшие слои общества вынуждены оправдывать свое господство в глазах общественного мнения с помощью абстрактных и рационально не доказуемых политических образов «народа-суверена», доминирующей общей «воли народа» и т.д.

Пристальное внимание Моска уделил и процессам изменения состава и преемственности в развитии правящего класса. В частности, выделив демократическую и аристократическую тенденции в его развитии, он подчеркнул, что преобладание последней, выражающей стремление группы управляющих так или иначе стать наследственной и неменяемой, ведет к «закрытию и кристаллизации», а затем — к вырождению элиты.

Параллельно с Москвой такие же подходы развивал и немецкий ученый Р. Михельс (1876–1936), уделивший главное внимание описанию партийных элит, но сделавший при этом важные обобщающие выводы. Так, по его мнению, господство элиты непосредственно определяется невозможностью прямого участия масс в управленческих процессах и контроле с их стороны. Таким образом, организация политических взаимодействий, включающая механизмы представительства интересов граждан, неизбежно выдвигает меньшинство на руководящие позиции. Причем естественная динамика организационных процессов непременно ведет к вырождению правящих групп в олигархические объединения.

Современные элитистские теории

В современной политической теории предложенные ее основоположниками подходы получили новое развитие.

Так, последователи В. Парето П. Блау, Ж. Сорель, Э. Фромм, А. Адлер, Р. Стогдилл и другие ученые составили впечатляющие описания конкретных свойств политических лидеров и элит, раскрыв и уточнив на этой основе связь между индивидуальными свойствами управляющего класса и господствующим политическим порядком. В русле данного направления более четкие очертания обрели ценностные концепции. Так, американский ученый Г. Лассуэлл выдвинул идею, согласно которой к элите могут быть отнесены только те, кто обладает особыми способностями к производству и распространению определенных политических **ценностей** (например, обеспечения индивидуальной безопасности человека или его общественного уважения, роста доходов и т. д.), к мобилизации активности населения и формированию определенного политического порядка.

В рамках ценностных теорий получила развитие и **плюралистическая** интерпретация элит, согласно которой во власти действуют несколько элитарных группировок, каждая из которых обладает собственными механизмами и зоной властного влияния, выражает специфические интересы различных групп населения и обладает только ей присущим авторитетом.

Своеобразное теоретическое развитие получили и взгляды Моски. Так, французский исследователь Г. Дорсо обратился к учению о «политическом классе» и предложил рассматривать его как «технический инструмент» «господствующего класса», распадающийся в политическом процессе на «управляющий» и «оппозиционный» сегменты. В силу этого, как считает французский ученый, смена у власти правящего и оппозиционного слоев совершенно не сказывается на интересах и статусе правящего класса.

Оригинальную концепцию предложил Р. Миллс, исследовавший на примере американского общества политическую элиту как совокупность представителей важнейших «институализированных иерархий», т.е. выс-

ших должностных лиц в составе глав корпораций, политических администраторов и военного руководства. При этом, по мнению Миллса, наибольшим влиянием в данном треугольнике власти обладают лица (включая и часть неизбираемой, бюрократической элиты), находящиеся в неформальных отношениях друг с другом и оказывающие основное влияние на весь процесс принятия решений.

Весьма оригинально рассматривал функциональные основания политических элит и Дж. Гэлбрейт, предположивший, что важнейшее влияние на принятие политических решений оказывает так называемая **техно-структура**, т.е. та анонимная группа лиц, которая контролирует процесс обращения служебной информации и тем самым реально предопределяет характер принимаемых наверху решений. В этом смысле публичные политики только озвучивают решения, подготовленные их экспертами, аналитиками и прочими помощниками. Таким образом, была теоретически легализована роль так называемых серых кардиналов, нередко стоящих за кулисами власти и определяющих ее важнейшие решения.

Существенное развитие заложенные Москвой идеи получили и в трудах представителей **структурно-функционального** направления (Д. Бернхэм, С. Келлер), акцентирующих внимание на анализе институциональных и ролевых особенностей правящих кругов. Свой вклад в развитие этого направления внесли и так называемые **неоэлитаристы** (Х. Зиглер), делающие акцент на политических механизмах, позволяющих элитарным слоям осуществлять свою фактическую власть независимо от результатов волеизъявления общества на выборах, плебисцитах и референдумах.

Бурное развитие элитистских концепций и по сей день не привело к утверждению единых подходов к интерпретации самостоятельности элит, характеристики их отношений с массами, к определению соотношения статусных и личных свойств элитарных кругов при изменении их состава, роли управляющих в развитии демократии. По сути дела каждый исторический период серьезно изменял и обновлял такого рода оценки и идеи. Например, в своих первоначальных вариантах элитистские теории были весьма негативно расположены к демократии. Впоследствии ситуация радикально изменилась, и элитизм стал рассматриваться как элемент политики, полностью совместимый с механизмами представительной демократии. Как утверждал видный политический мыслитель XX в. Й. Шумпетер, элиты могут сделать для утверждения демократии значительно больше, чем самые широкие, заинтересованные в этих ценностях слои населения.

В то же время подавляющее большинство представителей современного элитизма рассматривают деятельность высших управляющих структур в отрыве от обуславливающих их социальных и экономических факторов. В данном случае элиты нередко трактуются как самодостаточные группы, полностью контролирурующие все политические про-

цессы. В известной степени это предопределяет расширение некоторыми теоретиками (А. Стоун) функционально-ролевых нагрузок правящих групп, рассмотрение их в качестве единственных движителей исторического процесса, массам же при этом отводится роль его пассивных наблюдателей.

2. Сущность, структура и функции политической элиты

Место и роль элит в политическом процессе

Согласуя накопленный теоретический потенциал элитизма с практическим опытом развития сложноорганизованных обществ, можно сказать, что политическая элита представляет собой социальную группу, которая прежде всего выполняет специализированные функции в сфере управления государством и обществом. Политическая элита — это группа лиц, **профессионально** занимающаяся деятельностью в сфере власти и управления государством (партиями, другими политическими институтами). На государственном уровне она концентрирует в своих руках высшие властные и управленческие прерогативы, используя их для выбора путей и способов политического развития общества. В этом смысле у большинства населения власть, понимаемая как процесс реального управления и распоряжения общественными ресурсами, по сути дела отсутствует.

В то же время политическая элита — это лишь **определенная часть** более широких элитарных слоев общества, в которые входят наиболее видные и авторитетные представители экономических кругов, гуманитарной и технической интеллигенции, других профессиональных образований. Большинство ученых сходится на том, что те немногие люди, которые принадлежат к политически властвующему кругу, не являются типичными представителями общества, формируясь по преимуществу из представителей высших социально-экономических слоев. Практика не подтвердила тезис о том, что деятельность элит непосредственно определяется интересами населения. Эти круги вообще слабо подвержены влиянию со стороны основной части населения, строя свою деятельность согласно правилам и нормам по преимуществу внутри элитарного толка. Поэтому государственную политику формируют скорее не требования масс, а интересы господствующих элитарных слоев (впрочем, не отрывающиеся абсолютно от потребностей широких социальных слоев). Перемены в политическом курсе в основном осуществляются изнутри этой управляющей подсистемы общества. Таким образом, в любом обществе могут складываться серьезные противоречия между составом и интересами элитарных и неэлитарных групп.

Пополнение или изменение состава политической элиты зависит не только от позиции населения или конкретной ситуации, при которой

представители широких социальных слоев начинают принимать определенное участие в принятии решений, но в значительной степени и от позиции самих элитарных группировок. В этом смысле элита является скорее *саморегулирующейся* общностью, которая избирательно допускает в свою среду представителей массы. Представители как правящих, так и оппозиционных элит, как правило, едины в своих представлениях относительно властных предпочтений. И их скорее объединяют, чем разъединяют основополагающие подходы к действительности и социально-экономическим ценностям. В то же время расхождения корпоративных интересов и амбиции отдельных лиц неизбежно порождают внутригрупповую конкуренцию, от степени и форм проявления которой непосредственно зависит стабильность политических отношений в обществе. Поэтому стабильность политических порядков обуславливается постепенностью внутриэлитарных изменений и установлением сбалансированных внутригрупповых отношений.

В зависимости от условий деятельности правящих кругов формируются различные типы политических элит, обладающие большей или меньшей закрытостью или открытостью, наличием гегемонистских или демократических, авторитарных или олигархических черт, той или иной степенью внутригрупповой солидарности или конфронтационности (Э. Гидденс) и т.д. При этом в рамках отдельных политических систем могут действовать уникальные элитарные образования, например, такие, как «*номенклатура*» в бывшем СССР. Столь же уникальны и *транснациональные* элиты, представляющие собой как интернационально ориентированную аристократию (представляющую торговый и финансовый капитал, капиталистические династии в национальных государствах), так и влиятельные круги глобальной политики и экономики, способные принимать стратегические для мира решения.

Учитывая сказанное, **политическую элиту** можно определить как группу лиц, подготовленных для выражения социальных интересов той или иной общности, приспособленных для продуцирования определенных политических ценностей и целей и контролирующих процесс принятия решений.

В этом смысле политическая элита представляет собой результат институционализации политического влияния различных социальных групп, структурирующей всю политическую жизнь общества по вертикали.

Основные функции политической элиты

В полном соответствии с занимаемым ею местом в общественной жизни политическая элита выполняет ряд важнейших задач и функций.

Прежде всего к ее социальным задачам относятся **принятие и контроль за реализацией решений**, раскрывающие ее центральную роль в управлении государством и обществом. В число основных функций

включается также **формирование и представление (презентация) групповых интересов** различных слоев населения. Следует указать и на необходимость **продуцирования** элитой разнообразных **политических ценностей**, способных превращать население в активных участников перераспределительных процессов в сфере власти. Формируя различные идеологии, мифы или социальные проекты, политическая элита пытается мобилизовать граждан, взять под контроль их энергию для решения необходимых общественных задач. Как свидетельствует опыт, без активного обновления элитами этих средств своего духовного господства руководящие идеи обращаются в догмы, а политическая власть начинает испытывать стагнацию.

Главным условием эффективного осуществления политической элитой ее главных функций является обладание ею **всеми** возможными в конкретном обществе способами управления и власти. В этом отношении особое значение имеют ее способность и умение использовать принудительные методы, оперативно, в зависимости от меняющейся обстановки, переходить к применению силовых ресурсов.

Показателем безусловной крепости положения политической элиты служит и ее способность к **манипулированию** общественным мнением, такому использованию идеологических и иных духовных инструментов, которые могут обеспечить требуемый уровень легитимности власти, вызвать расположение и поддержку ей со стороны общественного мнения.

В то же время опыт продемонстрировал и ряд факторов, *препятствующих* укреплению положения элитарных группировок во власти. Так, существенно подрывает позиции политических элит нарастание информационной открытости в работе институтов власти и управления, критика общественностью всяческих злоупотреблений должностных лиц. К таким же ограничителям можно отнести и растущую способность общества к контролю за деятельностью власть предержащих, неразрывно связанную с целенаправленной деятельностью общественных объединений и СМИ, активизацией контрэлит. Снижает возможности волюнтаризма в управлении государством и дифференциация элит, ведущая к росту внутриэлитной конкуренции, а равно и профессионализация аппарата управления государством (партией).

Благодаря своим функциям, политическая элита является ведущим звеном, направляющим развитие общества. Все попытки принизить ее статус и возможности и даже, как это нередко случалось в российской истории, уничтожить, принизить ее общественный авторитет в конечном счете наносят ущерб самому обществу. Накопленный обществом опыт убеждает в том, что элитарные механизмы скорее всего навсегда останутся в структуре общества, сохранив свою лидирующую роль. С течением времени, очевидно, будет меняться лишь степень и характер их соотношения с механизмами самоорганизации общественной жизни. В то же

время наиболее продуктивное поведение элитарных слоев, включение их в процесс демократизации общества возможны только при условии снятия всех искусственных границ на пути обновления ее рядов, предотвращения ее загнивания вследствие олигархизации и закоренелости.

Структура политической элиты

Строение элитарного слоя, осуществляющего в государстве и обществе функции власти и управления, чрезвычайно сложно.

Для понимания механизма формирования государственной политики уже недостаточно использовать только категории элиты и контрэлиты. Многие ученые указывают на наличие в правящих кругах общества экономических, административных, военных, интеллектуальных (научных, технических, идеологических), политических сегментов. Каждый из них выстраивает собственные отношения с массами, определяет место и роль в принятии решений, степень и характер влияния на власть.

Известный польский политолог В. Милановски предложил рассматривать структуру элитарных кругов в зависимости от выполнения их внутренними группировками своеобразных функций в сфере политического управления обществом. Своеобразной протоматерией для формирования элитарных кругов выступает так называемое **«мобилизованное сообщество»**, представляющее собой широкий круг социально активных людей, готовых при необходимости заниматься и собственно политической деятельностью. В рамках этой общественной группы выделяется **«селекторат»**, включающий в себя тех лиц, которые готовы к выполнению профессиональных функций в политической сфере. В «селекторат» входят и те, кто оказывает влияние на выдвижение различных представителей населения, и те, кто сам готовится к исполнению этих ролей. Иными словами, «селекторат» — это широкий круг политических активистов, который еще не дифференцирован на различные, более специализированные группы.

Следующим элитарным образованием выступают **«потенциальные элиты»**, представляющие собой разрозненные элитарные группировки, еще только стремящиеся к власти и соответственно проявляющие свои идеологические приоритеты и позиции, формирующие в связи с этим «команды» отдельных лидеров. В «потенциальных элитах» происходит относительное закрепление конкретных лиц на функциональных позициях (лидер, идеолог, аналитик, член штаба и т.п.), оформляются инструменты и механизмы межэлитарной конкуренции, налаживаются первичные отношения между сторонниками различных (в том числе союзных) направлений.

После выборов судьбы элитарных группировок принципиально расходятся. Те из них, которые проиграли выборы, но при этом остались в

поле публичной политики, составляют « **самодеятельные элиты**». Авторитетные в обществе представители этих кругов могут лишь косвенно влиять на принимаемые в государстве политические решения. В свою очередь, в этом сегменте формируются два основных элитарных образования: оппозиция и сторонники проправительственных сил. Т ех и других объединяет стремление укрепить свои позиции во власти, сформировать механизмы постоянного влияния на ее институты, осуществить целенаправленное воздействие на общественное мнение. Однако оппозиция нередко сопровождает свою деятельность попытками поставить под вопрос результаты выборов, посеять сомнения в правомерности проводимого правительством курса, высказать требования смены власти до очередных выборов, призвать население к выражению политического протеста.

Победившая на выборах элита приобретает статус « **правлящей политической элиты**», которая непосредственно осуществляет процесс управления и руководства обществом и государством. В силу сложности данного, крайне многогранного процесса и эта, важнейшая в обществе, группировка также разделяется на ряд составляющих. В нее входят представители центральной и региональной властей, представители высшей (по характеру полномочий), средней и низшей (местной) элиты. Наряду с избираемыми политиками непременным участником этого круга являются и определенные слои государственной бюрократии.

Тот факт, что в правящей политической элите всегда действует несколько функциональных группировок, позволяет отдельным теоретикам уточнить характер ее функционирования. Например, современные сторонники плюралистической концепции считают, что в правящей элите могут складываться строго иерархизированные отношения, когда одна группа четко контролирует деятельность других, а могут взаимодействовать несколько слабо связанных друг с другом группировок (например, контролирующих законодательную и исполнительную ветви власти и имеющих при этом различные интересы и направления деятельности). Такой «*фрагментарный элитизм*», когда реальная власть становится доступной не всем, неизбежно провоцирует появление « **группы вето**», от которой зависит окончательное принятие решений. Например, Ш. Линдблом считал, что такие группы оказывают решающее влияние на этот процесс за счет своего контроля за капиталом, а С. Файнер в качестве фактора влияния рассматривал ориентацию на поддержку профсоюзов и т. д.

Особым структурным элементом политической элиты являются «**элиты в политике**», которые представляют собой разновидность избираемой элиты, состоящей из наиболее авторитетных представителей технической и гуманитарной интеллигенции, которые за счет своего авторитета помогают укреплению позиций как правящих, так и самодеятельных элит. Видные писатели, ученые, спортсмены, представители

шоу-бизнеса могут помочь не только выиграть выборы тем или иным партиям, но и поддержать их политические требования в условиях кризисов или рутинного течения политических процессов.

Но, пожалуй, самой мощной и одновременно таинственной элитарной группировкой в структуре политической элиты является «**связанная группа**», которая представляет собой неформальное объединение политиков, оказывающее решающее влияние на принятие решений. Это анонимное сообщество может включать и чиновников, и даже лиц, не обладающих никаким формальным статусом в системе власти. Однако ядро данной группы практически всегда составляют обладатели высших властных полномочий в государстве. Они-то и предопределяют те решения, которые впоследствии могут оформлять коллективные органы (правительство или парламент), изменять политику страны, существенно влиять на международные процессы. Иначе говоря, данная группировка действует в рамках полутеневого и теневого правления, зачастую перехватывая функции официальных органов власти.

Способы определения состава правящей политической элиты

Роль и влияние элитарных кругов на политику общества в значительной степени определяются их размером, соотношением с основной частью населения.

Общеизвестна идея Н. А. Бердяева о том, что при сокращении элитарных слоев до критических значений (приблизительно 1% населения) политическая система начинает испытывать стагнацию и даже может прекратить свое существование. Таким образом, определение состава правящей политической элиты имеет важное значение.

Несмотря на обилие теоретических схем и нередко кажущуюся простоту задачи, определение состава правящих политических кругов представляет собой весьма непростую проблему. В принципе она может быть решена только при условии применения соответствующих методик. В целом состав группы лиц, контролирующих процесс принятия решений, может определяться с помощью трех основных методов. Первый, **статусный** метод предполагает, что в состав правящей элиты входят только обладатели и носители ключевых, высших властных полномочий в различных сферах государственного управления: экономической, оборонной, научной и др. Иными словами, к элите могут быть отнесены лишь те, кто, как считал Т. Дай, обладает формальной властью в политических организациях и институтах. Такой метод дает возможность выделить наиболее важные сегменты власти и управления в конкретном обществе, относя к элите вполне конкретных военных, ученых, представителей бизнеса и т.д., т.е. тех, кто обладает необходимыми официальными прерогативами. В то же время само определение этого статусного ряда представляет собой произвольный и субъективный процесс, меняющий свои очертания в зависимости от ситуации в той или иной стране.

Весьма распространенным является и **репутационный** метод, позволяющий относить к правящим кругам лиц, обладающих наиболее высоким авторитетом и престижем в глазах общественного мнения. Такая методика помогает выделить в сфере государственного управления наиболее популярных политиков, вычленять те связи государства и общества, которые легитимизируют правящий режим. Однако при всех положительных качествах данного метода следует признать, что в круг власть предержащих могут попасть и те, кто хотя и имеет авторитет, но не обладает должностными и другими возможностями влияния на институты политической власти.

Потенциально самым надежным и точным методом отбора правящих кругов является **десизиональный** (от англ. *decision* — решение) метод. Его применение позволяет отнести к правящим элитам те лица и группы, которые реально участвуют в принятии конкретных управленческих решений. Но камнем преткновения здесь является часто возникающий информационный дефицит, недостаточность сведений о том, кто же действительно принимал участие в решении вопроса. Следует также иметь в виду и то, что такого рода информация в государственных структурах нередко относится к строго охраняемой, что еще более увеличивает трудности в использовании данного метода при решении поставленной задачи.

На практике, как правило, используются одновременно все указанные методы в их совокупности, позволяющие более или менее точно определить состав правящей политической элиты.

В то же время следует иметь в виду, что на изменение состава элиты существенно влияют и процессы качественного перерождения ее отдельных групп. Как уже отмечалось, Г. Моска и Р. Михельс одними из первых указали на возможность вырождения и олигархизации правящих структур. Как показывает практика, застойность, усиление закрытости элит, их кастовость влекут за собой прекращение осуществления ими многих социальных функций. В этом случае их роль становится по преимуществу негативной, что стимулирует распад общественных связей, падение авторитета власти и т.д. Преодолеть такого рода явления можно путем активного формирования контрэлитарных образований.

Государственная бюрократия как составная часть политической элиты

Как уже говорилось, часть государственной бюрократии неизбежно входит в состав правящей политической элиты. Это определяется той ролью,

которую играет высшее и часть среднего чиновничества в управлении государством и обществом.

Исторически бюрократия формировалась как управленческий аппарат государства индустриального типа. В XIX в. складывавшаяся

буржуазная государственность послужила основанием для Г. Гегеля и М. Вебера назвать бюрократию основным *носителем рациональных форм организации власти*. Согласно выработанной ими идеальной модели этот аппарат управления отличается квалифицированностью, дисциплинированностью, ответственностью, следованием букве и духу законов, уважением к чести мундира. Негативные с точки зрения таких нормативных представлений явления бюрократизма (т. е. отступления от этих норм поведения, выражающиеся в нарастании формализма, волокиты, подчинении деятельности государственных структур собственным групповым интересам и иным негативным чертам исполнения чиновниками своих профессиональных обязанностей) рассматривались как аномальные явления, преодоление которых должно обеспечивать усиление общественного и административного контроля за их поведением, более оптимальное распределение их служебных полномочий, повышение ответственности и иерархичности системы управления и т. д.

В то же время с чисто политической точки зрения бюрократия должна была оставаться политически нейтральной и ни при каких условиях не проявлять ангажированность теми или иными властными группировками. Исполнение чиновничеством сугубо административных функций, его невмешательство в политическую борьбу рассматривались как одно из предпосылок сохранения стабильности общественных порядков. Более того, М. Вебер полагал, что перерождение государственной бюрократии в политическую таит в себе угрозу человеческой свободе и независимости.

Марксизм иначе трактовал политическую роль бюрократии, усматривая в ее деятельности разновидность политического господства аппарата управления над государством и обществом, проявление такого стиля правления, который однозначно отчуждает население от власти, не давая гражданам, прежде всего трудящимся, использовать государство в своих корыстных целях.

Динамика развития современных сложноорганизованных государств выявила ряд принципиальных тенденций формирования и развития государственной политики, которые заставили иначе подходить к оценке роли государственной бюрократии. В частности, усиление роли государства в организации социальных процессов неизбежно повысило и роль госбюрократии. Занимаемое чиновниками место в системе государственного управления давало им громадные возможности в деле реального перераспределения ресурсов.

Иначе говоря, само положение высших и части средних чиновников в системе исполнительной власти объективно придавало их должностям политический масштаб, увеличивало их роль и значение в системе принятия решений. Не случайно в ряде государств после выборов практически весь контингент высших чиновников подлежит замене в

соответствии с политическими пристрастиями вновь избранного президента или главы правительства. Например, в США действует система «spoil system», в соответствии с одним из требований которой каждый вновь избранный президент назначает на ключевые посты в правительстве из своих сторонников приблизительно 1200 новых чиновников. Это является условием обеспечения политической целостности исполнительной власти, призванной решать совершенно определенные задачи.

Усиление политических функций госбюрократии связано и с повышением роли профессиональных знаний чиновников, что дает им известное преимущество перед избираемыми на определенный срок политиками. Причем чиновничество имеет преимущество перед расколотым, конкурентным миром политиков и в силу того, что является более сплоченным социальным слоем, обладающим своей корпоративной этикой и традициями.

Несомненным фактором, повышающим политический вес и значение государственной бюрократии, являются и ее тесные связи с различными лоббистскими группировками, представляющими сегодня одну из наиболее мощных структур политического представительства интересов. Нередко происходящее сращивание бюрократических и лоббистских структур становится мощным каналом трансляции групповых интересов и влияния на центры политической власти.

Отмеченные тенденции в эволюции государственной бюрократии характеризуют ее высших и часть средних представителей как вполне определившегося в своем статусе относительно самостоятельного субъекта (актора) политической власти. Эта часть неизбираемой правящей политической элиты неизменно повышает свою роль в современном государстве, оказывая все возрастающее влияние на процесс выработки, принятия, а нередко и реализации политических решений.

3. Политическое лидерство

Основные трактовки политического лидерства

Пожалуй, важнейшим элементом политической элиты является политический лидер. Персонализируя систе-

му власти и управления, он олицетворяет собой эту власть в глазах всего общества или групп граждан.

На протяжении веков фигуры вождей, полководцев, героев, монархов, законодателей не только привлекали к себе пристальное внимание мыслителей, но и служили живым воплощением власти. Независимо от того, поклонялись, боялись или ненавидели люди того или иного правителя, в глазах населения именно он олицетворял сложившуюся систему власти. В XIX в. французский социолог Э. Дюркгейм, как, впрочем, и ряд других ученых, выдвинул идею о том, что со временем роль

личностных компонентов власти будет уменьшаться, уступая место структурам и институтам. Прогноз, однако, не оправдался. Оказалось, что и в сложноорганизованном государстве граждане легче доверяют находящимся во власти людям, а не анонимным структурам.

Явный персональный характер политического лидерства побуждал многих ученых ставить во главу угла те или иные личные свойства правителя. Беря свои истоки в трудах выдающихся философов (Конфуция, Платона, Ницше), историков (Геродота, Плутарха), социологов (Н. Михайловского), психологов (Г. Тарда, З. Фрейда), антропологов (Ф. Гальтона) и других мыслителей, такой способ описания лидерства нашел свое концептуальное воплощение в работах Т. Карлейля, считающегося основоположником «теории черт» — доктрины, рассматривавшей политического лидера как носителя определенных (аристократических) качеств, возвышающих его над остальными людьми и позволяющих ему занимать соответствующее положение во власти. Теория Карлейля является ярчайшим примером широкого круга **личностных** («волюнтаристских») концепций, ставящих политику государства в зависимость от качеств и намерений лидера. Ее основные положения, предполагающие описание разнообразных, в основном психологических, идеологических и иных качеств лидеров, в XX в. развивались К. Бэрдом, Е. Вятром, Р. Такером, Р. Эмерсоном, К. Стинером, Д. Гоу и другими учеными.

Авторитетным и распространенным способом описания политического лидерства являются **ситуационные** концепты, усматривающие природу политического лидерства не в личных, а во внешних факторах. Так, Т. Хилтон, В. Дилл и многие другие ученые рассматривали лидера как функцию ситуации, что указывало на доминирующую роль обстоятельств, внешних по отношению к его личным качествам. Не отрицая определенного значения личных качеств лидера, эти ученые ставили их в зависимость от динамики внешней среды. Они признавали, что лидер как величина зависимая вынужден демонстрировать те черты и свойства, которые программировались самой ситуацией, например, войной, экономическим кризисом, периодом благополучного для страны развития и т.д. Причем отдельные ученые (М. Шлезинджер-младший) абсолютизировали такую зависимость, рассматривая лидера не более чем «игрушку» расы, класса, нации, прогресса, всеобщей воли и т.д. Однако в любом случае, в известной степени принижая автономность и индивидуальные качества лидера, сторонники этого подхода выносили источники его активности в сферу отношений с обществом и внешней средой.

В политической теории сложилось и **лично-ситуативное** направление в оценке политического лидерства. Сторонники данного направления пытаются найти компромисс в признании роли внешних и внутренних факторов, детерминирующих деятельность лидера (Г. Гертц,

Е. Уэсбур, Дж. Браун, К. Кейс и др.). Наиболее характерной концепцией такого типа является «теория конституэнтов», гласящая, что лидер — не кто иной, как выразитель ожиданий внешней по отношению к нему группы последователей. Таким образом, соответствие лидера своему статусу определяется не столько его личными качествами, сколько его способностью удовлетворить интересы тех, кто содействовал его возвышению. В силу преобладающего внешнего влияния лидер превращается в своеобразную «марионетку», «куклу» поддерживающих его кругов, утрачивая необходимые ему как лидеру самостоятельность и инициативу. Такие подходы широко распространены в реальной политике. Например, в США огромным влиянием пользуются кланы Моргана и Рокфеллера, во Франции — наиболее богатые «двести семей», в России — известные группы олигархов (Б. Березовского, Р. Абрамовича и др.). Широко известно высказывание Круппа в 1932 г.: «Мы наняли г-на Гитлера».

Одна из наиболее показательных современных трактовок политического лидерства — «рыночная теория» (Н. Фролих, Дж. Општейн, О. Янг и др.). С точки зрения этой теории лидер выступает как своеобразный торговец особым родом благ (безопасностью, правосудием и т.п.), а его целью является получение дохода от разницы между мобилизуемыми и реально затраченными на решение определенной задачи ресурсами. Поэтому лидеры должны заботиться прежде всего об экономии средств налогоплательщиков, разумном расходовании государственных запасов, минимизации хозяйственных и политических рисков и т.д.

К влиятельным современным доктринам, объясняющим природу и назначение лидерства, относится и **реляционная** теория (Дж. Шеннон, Л. Селигмен), в которой доводы и аргументы строятся на основе комплексного, системного учета факторов, относящихся к внешней среде, индивидуальным и личностным качествам властвующего лица, а также особенностям ситуации и иным обстоятельствам, определяющим поведение лидера. В рамках данной теории создаются многочисленные методики эффективного отбора и подготовки лидеров.

Сущность политического лидерства как института власти

Характеристика политического лидерства должна исходить прежде всего из понимания того, что лидерство, как таковое, является универсальным и

неотъемлемым механизмом функционирования *любой* человеческой общности. Благодаря ему, сообщество людей получает дополнительные возможности для усиления внутренней интеграции, повышения степени целостности и, как следствие, укрепления своей жизнестойкости.

Лидерство является способом внутреннего структурирования социальной группы, выделения тех основополагающих элементов, которые способствуют реализации ими своих общих интересов. В этом смысле

лидерство характеризует не только персональные качества осуществляющего эти функции лица (группы лиц), но главным образом их отношения с основной частью населения. Лидер — это элемент поддержания отношений «верхов» и «низов», их институционализации в целях самосохранения общности и осуществления ею своих интересов. По сути дела, лидер — это институт, связанный отношением ответственности перед населением.

Учитывая социальную природу таких отношений, лидер наряду со своими статусными характеристиками отражает и наличие особых нравственно-этических отношений с населением, которые могут свидетельствовать о том или ином уровне авторитетности правления. Иными словами, деятельность любого руководящего лица неизбежно опосредована моральными оценками населения, которые отражают тот или иной уровень неформальной поддержки его господствующего положения.

Все названные общие свойства лидерства присущи и его политической форме. Однако для характеристики сущности собственно политического лидерства наиболее важное значение имеют два компонента: **статусный** и **нравственно-этический**. Первый предполагает наличие формальных (официальных) возможностей, позволяющих тому или иному лицу (группе лиц) устойчиво влиять на власть, возглавлять реальный процесс принятия решений, осуществлять определенные должностные обязанности и нести в их рамках определенную ответственность. Второй, **нравственно-этический** компонент, демонстрирует лишь моральную ответственность руководителей перед населением как условие сохранения и стабильности политической власти.

Таким образом, политическое лидерство как **институт** власти обладает **двоякой** сущностью, включающей как институциональный, так и моральный аспект. Со своей статусной стороны политическое лидерство выступает как высший сегмент власти, достраивающий пирамиду управления, как центр принятия решений, который определяет стиль и характер деятельности всех других основных управленческих структур и организаций. В то же время наличие морально-этических связей лидера с населением придает организации власти дополнительные ресурсы для решения политических задач.

Отличительные черты политического лидерства определяются и его масштабностью, органической связью с интересами социальных групп, взаимодействием с таким социальным институтом, как *государство*. Учитывая это, на деятельность любого политического лидера нельзя механически переносить те особенности поведения, мотивации или иные черты деятельности лидера, которые проявляются в малых группах (например, рассматривать его только как фокус групповых отношений или с точки зрения его искусства вызывать согласие, занимать особую ролевую позицию, оказывать постоянное влияние на власть и т. п.).

Политический лидер, особенно лидер общенационального масштаба, обладает и особым характером общения с населением, опосредуя этот процесс деятельностью особых структур — аппарата управления, специализированных политических организаций, например, партий, СМИ и др., которые создают особые социальные коммуникации власти и общества. Такие «дистанционные» информационные связи порой исключают непосредственные контакты лидеров с населением, побуждая население фетишизировать их фигуры, создавая неадекватный образ верховной власти.

Выражая интересы крупных социальных групп, политический лидер в процессе осуществления власти неизбежно решает различные социальные задачи, играя множественные роли, выполняя многообразные функции. Причем в политическом пространстве многофункциональный характер деятельности лидера, сориентированный на сбалансированность различных интересов, как правило, придает его поведению корпоративно-групповой характер.

Наряду с этими — назовем их общеполитическими — характеристиками политические лидеры обладают также особыми чертами и качествами, которые дают им возможность не только контролировать деятельность аппарата, конкурировать с другими представителями правящего класса, но и завоевывать авторитет у населения. С нормативной точки зрения эти персональные качества должны иметь *демонстрационный* характер, т.е. показывать гражданам те социальные черты, которые он оценивает положительно. Еще Макиавелли писал, что для государства главное — создавать «видимость наличия» тех качеств, которые нравятся его подданным. Только так можно обеспечить власть и «духовное княжение» над народом. Поэтому лукавство, обман населения являются необходимыми для политиков такого уровня качествами, которые позволяют им контролировать политические процессы.

Функции политического лидерства

Наиболее полно функциональные особенности политического лидерства проявляются на общегосударственном уровне. Здесь самая главная задача этого политического института состоит в осуществлении широкого круга **организационно-управленческих** функций, предполагающих многочисленные действия по выработке, подготовке, принятию и реализации решений; координации действий участвующих в этом процессе структур; согласовании интересов тех или иных звеньев и т.д.

Высшее положение лидера в структуре власти и управления предполагает его целенаправленные усилия по интеграции как общества в целом (объединения масс), так и усилению его солидарности с поли-

тическими, прежде всего государственными, структурами и формами организации жизни.

Заинтересованность лидера как представителя власти в усилении своего положения и сохранении стабильности правящего режима побуждает его стремиться к **минимизации конфликтов**, умиротворению политических дискуссий, снижению напряженности конкуренции за власть. Таким образом, политическое лидерство — это в основном фактор стабильности действующего режима правления.

Как субъект особых нравственно-этических отношений с населением политический лидер выполняет **коммуникативную** функцию, в рамках осуществления которой он олицетворяет в глазах общества персональную и политическую ответственность за гарантии прав и свобод населения и, как следствие, за совокупную деятельность режима. Следуя этим целям, лидер обязан бережно относиться к традициям и обычаям народа, достигнутому им уровню осознания и понимания политических реалий, быть терпимым к его заблуждениям и недостаткам.

Близким по значению к этой задаче является и такая задача лидера, как **мобилизация** активности населения на решение тех или иных конкретных проблем в государстве и обществе. В данном отношении первостепенную роль играет его личный авторитет, умение вдохновить население на те или иные солидарные с режимом действия.

Политический лидер, направляя деятельность государственных (политических) структур, сам по сути дела представляет собой тот институт, который обязан **творчески** отвечать на вызовы сложившейся ситуации, адекватно оценивать существующее положение, инициировать соответствующие проекты, способствовать необходимым изменениям, совершенствованию средств и методов деятельности власти.

Памятуя о том, что лидер является высшим представителем политического класса, следует указать и на его функцию **сплочения** правящей элиты, укрепления ее внутренней целостности, повышения конкурентной способности в отношениях с другими, например оппозиционными, группировками.

С учетом такого рода функций **политическое лидерство** можно определить как особый институт власти, позволяющий отдельному лицу (группе лиц) за счет обладания решающими полномочиями в процессе принятия решений в масштабах государства (партии, движения, региона) и наличия авторитета проводить определенную политическую линию.

Политический лидер способен и к изменению своих качественных характеристик, перерождению и вырождению в иные политические ипостаси. Так, в авторитарных и тоталитарных государствах хорошо видно, как лидирующая роль политика неизбежно трансформируется в поведение тирана или диктатора, который руководствуется только соб-

ственным видением ситуации и игнорирует влияние общественного мнения на политическую сферу.

Типология политического лидерства

Многообразие выполняемых политическим лидером задач, условий их осуществления, а также иных внешних и

внутренних факторов деятельности находит свое отражение в его типологии. Можно сказать, что типология политического лидерства является одним из самых развитых теоретических компонентов. Так, политических лидеров различают по уровню их контроля за властью (правлящие и оппозиционные), масштабу деятельности (общенациональные и региональные), стилю поведения (авторитарные и демократические), характеру руководства (формальные и неформальные), отношению к социальным изменениям и реформам (консерваторы, реформисты, догматики, фундаменталисты), ролевым отношениям к целям политического движения (идеологи, идеалисты, прагматики), отношениям к противникам (соглашатели, фанатики) и т.д.

Классическую типологию политического лидерства дал М. Вебер, который, в частности, выделил следующие типы:

- **традиционный**, он означает, что люди занимают лидерское место в связи с действием определенных традиций и обычаев, господствующих в конкретном (в основном доиндустриальном) обществе;
- **рационально-легальный**, при котором лидер получает свой статус в связи с действием определенных политических (бюрократических) процедур и механизмов (выборов);
- **харизматический**, предполагающий наличие у соответствующих лиц большого авторитета среди населения, которое некритически воспринимает этих лиц.

Американский ученый К. Ходжкинстон также выделяет ряд типов политических лидеров, а именно: **лидеров-карьеристов**, ориентирующихся на достижение личных эгоистических интересов во власти; **лидеров-политиков**, действующих в сфере власти в интересах представляемых ими граждан; **лидеров-техников**, умело использующих аппаратные структуры и механизмы в процессе организации власти; и **лидеров-поэтов**, действующих в политике во имя высоких целей, реализации идеологических целей и ценностей.

Весьма популярна в науке и классификация, предложенная современной американской исследовательницей М. Херманн. В частности, она указывает следующие типы: **лидер-знаменосец**, обладающий высоким общественным престижем; **лидер-торговец**, воплощающий стиль поведения, позволяющий ему вести торг по обмену услуг на поддерж-

ку; **лидер-служитель**, успешно действующий в рутинных условиях во имя интересов населения; **лидер-пожарник**, демонстрирующий умение действовать в условиях кризисов, и, наконец, **лидер-марионетка**, зависимый от воли и интересов своего ближайшего окружения.

Богатая политическая практика способствует постоянному возникновению в разных странах новых типов политического лидерства. Особенно заметны новые очертания типов лидерства в переходных обществах, где еще только выкристаллизовываются новые связи и отношения в сфере власти.

Способы рекрутирования политических лидеров и элит

Принципиальным вопросом для обеспечения жизнедеятельности любой системы власти является вопрос отбора и формирования состава правящих

элит и лидеров. Причем даже закрытые элиты так или иначе обновляются под влиянием социально-экономических сдвигов, формирования новых групп влияния, перемещения богатства из одних рук в другие и т.д. Приход к власти тех или иных людей может изменить характер самой власти, в корне изменить деятельность государственных органов, отношения государства и общества.

Отбор элитарных кругов и лидеров обычно проходит в острой конкурентной борьбе представителей различных сил, стремящихся завоевать поддержку населения. Сбои в этом важнейшем для общества процессе приводят к отбору нерепрезентативных (неадекватно представляющих интересы населения) лиц, временщиков, не подготовленных к осуществлению должных функций и ориентирующихся лишь на узкокорыстные цели в сфере власти.

В целом политическая теория описывает два класса способов рекрутирования (отбора) лидеров и элит. Это — **универсальные** способы, а также применяемые в отдельных странах в зависимости от характера сложившихся в них политических систем. Среди общих способов исследователи выделяют в основном два принципиально различающихся способа, или метода — **гильдийский** и **антрепренерский**.

Первый из них, гильдийский, характеризует систему в основном закрытого от общественности способа отбора руководящих кадров, в которой важнейшую роль играют заранее определенные критерии, правила и процедуры отбора. По сути это бюрократическая система селекции кадров, предполагающая множество институтов фильтрации претендентов на руководящие посты, иерархичность, протекционизм, медленный, эволюционный путь движения наверх. Например, в советской системе весь отбор кадров был именно таким. Там были заранее известны необходимые требования для продвижения во власть: социальное происхождение, необходимость опыта хозяйственной работы, партийное образо-

вание, работа в провинции и т. д. При этом в качестве потенциального резерва для элитарного отбора рассматривались в основном члены партии, большое внимание уделялось национальности претендентов, наличию родственников за границей и т. д.

Второй метод, антрепренерский, представляет собой по преимуществу способ демократического отбора элит, при котором оценка качеств претендентов зависит от общественного мнения и выполнения известных процедур (выборов). При этом статусные свойства людей не играют здесь особой роли.

Каждый из названных способов рекрутирования лидеров и элит имеет свои достоинства и недостатки. Даже бюрократизм и закрытость гильдийской модели обладают рядом преимуществ за счет своей легальности, прогнозируемости и формализации. Как подчеркивал французский социолог П. Бурдьё, там, где критерии профессионального отбора менее всего формализованы, там возникают предпосылки олигархизации элиты. Именно они предупреждают отбор в элиту претендентов на принципах землячества, родства, дружбы или клиентелы (В. Рейнхард).

Наряду с этими методами отбора в каждой стране могут складываться и **национальные**, присущие только ей и соответствующие особым политическим условиям механизмы отбора и выдвижения людей в структуры власти. Например, в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в России действовал целый ряд таких механизмов, одни из которых обеспечивали так называемую «смену волн» партийно-хозяйственной номенклатуры у рычагов власти; другие характеризовали процесс «конвертации» многочисленными носителями партийно-комсомольских статусов в обладание собственностью, таким образом они становились ведущими фигурами в правящем классе; третьи раскрывали особенности действий региональных элит, делегировавших на федеральный уровень своих представителей, и т. д.

В демократических государствах принципы и методы рекрутирования элит должны стараться учитывать как деловые качества людей, их приспособленность к выполнению сложных общественных функций, так и их моральные качества, препятствующие отрыву целей их профессиональной деятельности от интересов рядовых граждан.

В различные периоды политической жизни формируются особые сочетания различных методов рекрутирования. В этих исторических контекстах складываются и соответствующие темпы и характер обновления правящего класса. Так, в условиях сталинского режима только в 1937 г. было «вычищено» более 77% Центрального Комитета правящей коммунистической партии, а в первые годы перестройки в 80-е гг. XX в., потребовавшей коренного изменения политического курса, — более 86%.

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ

1. Система социального представительства

Понятие системы социального представительства

Группы как основной субъект политики обладают сложным строением и весьма специфическим образом

включаются в конкурентные отношения по поводу государственной власти. К социальным группам в науке относят множество индивидов, взаимодействующих друг с другом с определенной степенью частоты (Д. Трумэн); часто складывающиеся структуры совместного действия (М. Вебер); общности, отражающие единение и сходство людей по (врожденным и приобретаемым) признакам, обусловленным основными условиями их жизнедеятельности. По сути, при всех этих подходах у групп признается наличие неких объединяющих людей интересов. В этом смысле Д. Трумэн даже выделял *потенциальную* группу, т.е. конгломерат индивидов, обладающих общими установками, но не представляющих собой фактической группы до тех пор, пока в их деятельности не будет проявляться их общий интерес.

Не только группы обладают разными интересами, но и каждый индивид, ощущая одновременную принадлежность к множественным групповым сообществам (к примеру, являясь одновременно отцом семейства, членом профессионального сообщества, нации и др.), также обладает различными групповыми потребностями. Однако при этом у человека всегда существует какая-то приоритетная, наиболее существенная групповая принадлежность (отражающая его основное позиционирование в жизни) и, следовательно, соответствующие групповые интересы.

Люди, воспринимая действительность в соответствии с групповыми интересами и нормами, вступают в определенные конфликтные отношения с представителями других общностей, т.е. групп, имеющих иные потребности, взгляды на жизнь, возможности и ресурсы. Такие межгрупповые отношения выражают различия между людьми по определенным признакам, фиксируя тот уровень общественной дифференциации, который характерен для каждого конкретного общества в то или иное время. Как показывает опыт, именно переплетение групповых интересов и является тем фактором, который оказывает существенное воздействие на содержание всех политических процессов.

Однако *не все* конфликтные отношения между группами могут проявляться в политической сфере и оказывать влияние на институты власти. Далеко не каждая группа стремится использовать политические

средства для удовлетворения своих интересов, нередко предпочитая строить свои отношения с оппонентами на идеях сотрудничества, взаимопонимания или заключения различного рода договоров, сделок, компромиссов. В ряде случаев стремление включиться в политику для защиты своих интересов сочетается у некоторых групп с дефицитом соответствующих компетенций, неспособностью использовать институты государственной власти для завоевания новых ресурсов или достижения более высокого общественного положения. А в отдельных случаях, например в тоталитарных системах, группы и вовсе лишены возможности претендовать на политическое участие и, как правило, являются объектами, а не субъектами власти.

Таким образом, социальная группа с политической точки зрения — это только **потенциальный** субъект отношений в сфере государственной власти. Ее становление в качестве реального, действующего субъекта политических отношений, стремящегося использовать силу государственной власти для реализации своих интересов, представляет собой длительный и сложный процесс, который зависит от многих внутренних и внешних причин.

Процессы политического оформления и выдвижения (презентации) групповых интересов в сферу публичной власти, предполагающие формирование особых институтов и механизмов, оказывающих постоянное воздействие на государство в целях реализации разнообразных потребностей граждан, составляют содержание **системы социального представительства**.

С содержательной точки зрения функционирование системы представительства гражданских интересов выступает как организация обществом целенаправленных коммуникаций (в виде прямого влияния на власть и деятельность специальных институтов) с государственными структурами, направленными на распределение ими социальных статусов и ресурсов в пользу тех или иных групповых объединений.

Сущность и особенности такой системы раскрывают источники и причины политического участия групп; процесс групповой самоорганизации; формирование представительных групповых структур и их взаимодействие с государственной властью; специфику социально-политической среды.

Социальная стратификация: сущность и отличительные особенности

возможностей, прав и обязанностей людей, обусловленных их принадлежностью к конкретным общественным группам.

Наличие **источников и причин** политического участия групп обусловлено характером **социальной стратификации**, которая **выражает различия воз-**

Термин «страта» характеризует группу в качестве единицы анализа социального положения людей. Под ней может пониматься устойчивая

социальная общность, класс или постоянно складывающаяся структура совместного действия людей. В основании ее выделения лежит тот или иной фактор (ресурс), по которому сравнивается и сопоставляется положение людей в социальном пространстве. Степень обладания группой теми или иными ресурсами, с одной стороны, обозначает ее положение в обществе (статус), а с другой — позволяет ранжировать статусы, т.е. дифференцировать группы в зависимости от обладания ими конкретными ресурсами. В силу этого стратификация характеризует общественную дистанцию между людьми не только по вертикали (к примеру, между министром и рядовым служащим), но и по горизонтали (между министром и соответствующим ему по рангу генералом). Таким образом, стратификация, фиксируя все реальные **отношения равенства и неравенства** людей в конкретном обществе, которые вытекают из занимаемого группами социального положения, позволяет сопоставлять групповые статусы, права и возможности людей, выстраивать социальные иерархии.

Социальная стратификация характеризует дифференциацию общества, которая складывается под воздействием социально-экономических и всех других типов отношений и связей. По мнению В. Парето, социальная стратификация, будучи показателем асимметричности общественных отношений и изменяясь по форме, «существовала во всех обществах» и даже тех, которые «провозглашали равенство людей от рождения»¹. При этом содержание стратификации всегда определяется во взаимодействии двух основных социальных тенденций: к расслоению населения и к преодолению этого расслоения. Как писал социолог П.Сорокин, «в любом обществе в любые времена происходит борьба между силами стратификации и силами выравнивания»².

Идеи дифференциации общественного положения людей имеют долгую историю. Так, одним из первых ученых, который «мыслил в терминах классов» (К.Поппер), был Платон, констатировавший расслоение людей на богатых и бедных и полагавший, что правильное государство должно быть дифференцированным на чиновников, правителей и воинов. В XVII в. А. Смит, Э. Кондильяк и ряд других экономистов и историков ввели в научный оборот понятие «класс», которое К. Маркс и Ф. Энгельс впоследствии жестко связали с производственными отношениями. М. Вебер же, полагая, что только экономические критерии слишком узки для анализа социального положения людей, предложил рассматривать более широкий круг источников неравенства: **богатство**, определяющее положение социальной группы в зависимости от величины присваиваемых ею благ (в связи с чем он выделял «имущие» и

¹ Pareto V. Traite de sociologie rale. P., 1919. Vol. 1. P. 613.

² Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 334.

«приобретающие классы»); **престиж**, выражающий принятые в обществе оценки и стандарты относительно предпочтительного образа жизни того или иного слоя; **власть**, характеризующую способность различных групп оказывать преимущественное воздействие на сферу управления, сущность общества в усилении разнообразия.

В дальнейшем в соответствии с пониманием неизменного усиления разнообразия общества, повышения его «социальной гетерогенности» (Г. Спенсер) ученые значительно усложнили основания стратификации. Т. Парсонс и его сподвижники выдвинули идею, согласно которой стратификация представляет собой набор статусов и ролей, обозначающих гибкую, подвижную и временную принадлежность людей к тем или иным группам. Таким образом, жесткая (ригидная) принадлежность к группе стала сочетаться с гибкой, подвижной приобщенностью к ней людей.

Ряд ученых, в частности Р. Парк и Э. Богардус, интерпретировали стратификационные различия сугубо психологически: чем больше люди испытывают симпатию друг к другу, тем они более социально близки, и наоборот, люди, испытывающие взаимную неприязнь и даже ненависть, социально отдалены. У. Уорнер определял стратификационные различия на основе «репутационного метода», предполагающего самоидентификацию граждан, т.е. отнесение ими себя к определенному слою: высшему слою высшего класса, низшему слою высшего класса, высшему слою среднего класса, низшему слою среднего класса, высшему слою низшего класса и низшему слою низшего класса.

В последние годы исследователи обратили внимание на прогрессирующее значение различий в образовании людей, в их религиозной принадлежности, а также роль родственных, этнических и особенно социокультурных характеристик. Под влиянием культурных ориентиров в среде молодежи постоянно формируются группы приверженцев альтернативным, контркультурным ценностям; ряд традиционных социальных различий перестал отражаться на образе жизни отдельных групп (например, многие рабочие в силу повышения материального благосостояния стали вести образ жизни буржуазных слоев); в области семейных отношений появляются формы однополых связей, ломаются привычные стандарты поведения людей, ослабляется привязанность людей к традиционным нормам и стандартам классов, слоев, семейных групп. Причем такие тенденции устойчиво коррелируют с рядом тенденций политической жизни, например, с расширением форм индивидуального политического участия, ослаблением партийной идентичности, ростом поддержки независимых политических деятелей и т.д.

Обобщая сложившиеся подходы в определении социальных различий, способных приобрести остроту в восприятии группами своих интересов и инициировать их политическое участие, можно выделить следующие типы социальной стратификации:

- **территориальную**, отражающую различия между жителями отдельных территорий (например, Приморья и Воркуты, Башкирии и Москвы и т.д.);
- **демографическую**, характеризующую половозрастные особенности различных слоев населения (молодежи и пенсионеров, женщин и мужчин, детей из полных и неполных семей и т.д.);
- **этнонациональную**, выделяющую различия этнических и национальных (межэтнических) общностей (между теми или иными этническими группами, людьми, принадлежащими, скажем, к казахской нации и калмыцкой народности, коренной и некоренной нациям и т.д.);
- **конфессиональную**, отражающую различия между людьми, придерживающимися различных религиозных убеждений (между верующими и атеистами, представителями различных вероисповеданий);
- **социокультурную**, фиксирующую различия в стилях поведения людей, их жизненных ориентациях, доминирующих традициях и иных культурно значимых компонентах их поведения;
- **социально-экономическую**, обозначающую разницу в доходах, уровне образования, профессиональной компетенции тех или иных групп работников;
- **социально-психологическую**, отображающую различия между людьми с точки зрения общественного признания важности и значимости их статусов и форм поведения (например, в виде престижа и уважения разнообразных человеческих объединений);
- **позиционную**, указывающую на различия между людьми по степени их властного могущества, влияния на принятие управленческих решений.

Наличие разных страт непременно включает в себя и субъективное ощущение людьми своей принадлежности к данной конкретной общности (идентификацию). Она означает уровень освоения человеком групповых ценностей, норм, притязаний и потому является показателем и фактором внутренней сплоченности группы, ее целостности и интегрированности. При этом овладение нормами и ценностями группы способно выступать самостоятельным источником активности человека, его продвижения в обществе. Не случайно К. Дэвис и В. Мур видели в социальном расслоении «баланс» затрат (на которые человек идет ради завоевания притязаний) и вознаграждения (получаемого им статуса).

Каждый из перечисленных типов групповых различий свидетельствует о реально существующем расслоении населения и может стать источником политической активности граждан. Однако отдельные виды социальных различий могут быть преодолены за счет использования

группами механизмов самоорганизации, более полного применения внутренних возможностей для роста экономических показателей жизни своих членов, укрепления солидарности с другими социальными общностями и т.д. При этом мотивация к использованию политических форм урегулирования межгрупповых противоречий и, более того, социальная напряженность в поведении людей могут возникать даже при понимании одной только разницы социальных статусов. Как отмечает С. Липсет, «когда люди занимают несовместимые социальные положения, два взаимопротиворечивых статуса могут... даже вызвать к жизни... экстремистскую реакцию»¹.

Источники политической активности групп

Как показывает практика, первостепенной причиной политической активности группы выступают ее наиболее

важные, **властно значимые** интересы, которые она не может реализовать без привлечения механизмов государственной власти и управления. Наличие властно значимых групповых интересов свидетельствует как о дефиците жизненно важных ресурсов, без которых человек не способен достичь своих целей, так и об остроте потребности в этих средствах существования. Как заметил Ф. Бро, задача ученых состоит в осознании определенных объединений людей и в выявлении их специфических интересов по отношению к власти, а также в понимании «политических ресурсов», которыми они располагают, чтобы заставить государство услышать свои требования².

К другим источникам и причинам политического участия групп следует отнести разнообразные виды **социальной мобильности**, означающей процесс изменения общественного положения человека.

В целом преодоление социальной дистанции между группами означает как повышение (восходящая мобильность), так и понижение (нисходящая мобильность) их статусов. Причем данный процесс касается как изменения положения групп, занимающих различные места в общественной иерархии (вертикальная мобильность), так и функционирующих на одном социальном уровне (горизонтальная мобильность).

В принципе любые социальные перемещения могут вызвать обращение групп к государству как главному регулятору статусных отношений. Однако, как показывает практический опыт, наибольший политический потенциал заключен в *нисходящей* мобильности вертикального типа. Такие процессы, как правило, всегда вызывают рост политической напряженности, поскольку не только ведут к утрате людьми устойчивости их социального положения (маргинализации) или аб-

¹ Липсет С. Политическая социология // Американская социология. М., 1972. С. 217.

² См.: Бро Ф. Политология. М., 1992. С. 46–47.

солютному понижению и даже распаду их социальных возможностей (люмпенизации), но нередко связаны и с уничтожением конкурирующих групп (предполагающим как качественное изменение условий существования групп, так и физическое устранение представителей той или иной общности). Это вызывает массовое распространение зависти, предубежденности к другим людям и группам, повышает уровень социального сопротивления последних и даже провоцирует активизацию экстремистских сил.

Обострение политических отношений непременно вызывает и восходящая динамика слоев, находящихся на самых нижних этажах социальной лестницы. Их известная «невстроенность» в общество, отсутствие должных качеств (у принадлежащих к ним людей) для продвижения «наверх» заставляют эти группы ориентироваться на политические средства как на едва ли ни единственные механизмы улучшения своего общественного положения. Нередкая в таких случаях озлобленность по отношению к высшим, привилегированным слоям дополняет стремление к успеху с устойчивой готовностью к постоянному «перевертыванию» общественных статусов (через протестные движения, мятежи, революции).

Конечно, в обществе всегда есть группы, чье социальное положение отличается большей устойчивостью, и потому такие группы в основном политически инертны. Однако в условиях экономической конкуренции, преобразований в различных областях жизни, динамики межнациональных отношений, которые способны существенно перестроить иерархические связи в социальной сфере, «ведущее» положение даже таких групп в любой момент может стать достаточно условным. Как показали исследования, если групповые перемещения в области социально-экономических отношений не превышают привычных для общества показателей, т.е. совершаются в естественных для него пределах неравенства (или при понимании людьми «справедливого» характера установившегося неравенства), то это обходится без существенных политических потрясений. Если же экономические изменения приобретают резкий и скачкообразный характер, то политическая стабильность подвергается сильнейшему давлению, а отдельные режимы могут даже рухнуть под тяжестью таких противоречий.

Негативные последствия социальной мобильности усиливаются в государствах, переживающих распад доминирующих социальных ценностей (аномию), особенно в тех случаях, когда социальная стратификация жестко ограничивает возможности овладения людьми символами достижения общественного успеха (Р. Мертон).

Опыт свидетельствует о сильной обратной связи между неравенством в доходах и стабильностью, поэтому любое государство независимо от уровня экономического развития страны обязано последовательно стремиться к постепенному уменьшению неравенства в соци-

альной сфере. Позитивное влияние на динамику стратификации оказывают демократические институты, длительное существование которых, как показала практика, приводит к постепенному уменьшению различий в доходах.

В международной практике сформировалось понятие о минимальных социальных показателях, наличие которых свидетельствует о достаточной степени политической стабильности в обществе (так называемая «красная линия»). Например, считается, что 4–5-кратное расхождение в доходах основных групп населения служит нижней границей политического протеста и во многом является критическим показателем для существующего режима. Наличие такого расхождения должно послужить предостережением для российского общества, которое уже давно превзошло критерии среднестатистической стабильности (по ряду данных, в нашем обществе сложился 15-кратный, а в Москве почти 40-кратный разрыв в доходах между 10% самой обеспеченной части населения и 10% самых бедных слоев (так называемый индикатор Джинни).

Специфическим источником политического участия групп является и резкое расхождение между различными статусами людей, принадлежащих к различным социальным общностям (**социальная декомпозиция**). Например, люди одновременно могут принадлежать к группам, обладающим высоким социальным престижем в данной стране, но в то же время иметь не соответствующие этой высокой социальной позиции реальные денежные доходы. Или же: обладать высокими доходами, но подвергаться дискриминации в силу своей национальной принадлежности. Такое несоответствие статусов, прав и возможностей стимулирует высокую активность подобных слоев населения, заставляя их оказывать воздействие на государственную власть с целью устранения подобного разрыва.

Исключительно важным фактором, определяющим политический потенциал социальной мобильности, является поддерживаемый государством характер межгрупповых отношений. В данном случае речь идет о степени *открытости* стратификации, поощряющей или, напротив, затрудняющей перемещения отдельных граждан как внутри групп, так и между ними. Именно открытость социальных перемещений служит показателем соотношения усилий общества, создающего условия для подобных перемещений, и субъективных устремлений людей, стремящихся изменить свое общественное положение ввиду ориентации на новые ценности, жизненные планы, повышение образования и т. д.

Так, государство может стремиться к поддержанию непроницаемости, законсервированности социальных статусов, препятствуя свободному переходу людей из одной группы в другую. Например, в ряде государств власти ограничивают социальные и гражданские права людей

по национальному признаку, социальному происхождению, идеологической ориентации (вспомним, к примеру как в СССР до конца 1950-х гг. крестьянам не выдавали на руки паспорта, препятствуя их перемещению по стране). Отсутствие условий для свободной социальной мобильности может дополняться действиями по искусственному формированию социальной структуры, насильственному изменению социальных иерархий (например, проводившаяся в 1920-х гг. в СССР политика раскулачивания, уничтожения священнослужителей). В таких случаях люди лишаются возможности, благодаря собственным индивидуальным ресурсам, изменить свое общественное положение. Поэтому любые попытки к таким социальным перемещениям будут носить политический характер, способствуя нарастанию напряженности в обществе и политической «перенагрузке» государства.

Характерно, что приблизительно до середины XIX в. даже в капиталистических странах, как правило, доминировали идеи, оправдывавшие стабильность занимаемого человеком положения и тем самым ратовавшие за сохранение неизменности социальной структуры. В противовес подобным идеям К. Маркс выдвинул мысль о социальной революции, способной сломать неподвижную стратификацию буржуазного общества. Однако его последователи попытались установить на ее месте не менее устойчивую структуру, в которой представители рабочего класса обладали бы неперменными социальными привилегиями перед другими слоями населения.

В противоположность такому характеру социальных отношений открытость стратификации, неограниченность вертикальной и горизонтальной мобильности снимают значительную часть причин для возникновения политических конфликтов между группами. В целом становление подобного типа структурирования общества соответствует основным тенденциям развития индустриального общества, которое резко расширяет возможности преодоления социальных дистанций за счет поощрения государством индивидуальных перемещений людей, благодаря их способностям и активности. Такая «идеология» открытости исходит из того, что индивидуальная мобильность является неотъемлемым правом личности, утверждением политической свободы и важнейшей предпосылкой развития общества.

При государственной поддержке социальной открытости не только «победители» обретают новый общественный статус, но и не сумевшие по какой-либо причине преодолеть социальную дистанцию также не остаются «за бортом» жизни. Лишь на время смирив свои притязания, они сохраняют все возможности для социального роста на основе повышения квалификации, овладения новыми ценностями, оказания помощи со стороны институтов государства (в борьбе с безработицей, поощрением переселений в другие районы и т. д.).

Таким образом, обеспечение государством доступности ресурсов и статусов на основе открытой (групповой и индивидуальной) мобильности служит важнейшей предпосылкой политической стабильности общества. При таком условии в обществе действуют естественные механизмы образования социальных слоев, укореняются демократические ценности и идеалы. Противоположная стратегия неизбежно ведет к нарастанию политической напряженности, чреватой трудностями как для общества, так и для правящего режима.

2. Самоорганизация группы как политического актора

Артикуляция групповых интересов

Действие причин, побуждающих политическое участие группы, влечет за собой создание необходимых механизмов

и институтов, обеспечивающих ее реальное вступление в политическое пространство. Основными составляющими этого сложного и многогранного процесса являются процедуры и технологии **артикуляции** и **агрегирования** интересов, а также формирование **представительных** структур.

Процесс **артикуляции** представляет собой выражение и преобразование социальных эмоций и ожиданий принадлежащих к группе граждан в четкие и определенные политические цели и требования.

При этом, как считают Г. Алмонд и А. Пауэлл, артикуляции подвергаются не только явные, но и латентные (внешне не выраженные) интересы. Поэтому артикуляции подвергаются и рационально понятая солидарность с властями (выражающая, к примеру, удовлетворенность граждан своим уровнем жизни), и смутно ощущаемый людьми социальный дискомфорт, и чувства социального одиночества, жизненной неустроенности и т.д.

Артикуляция направлена на то, чтобы донести до принимающих государственные решения лиц пожелания различных частей населения и тем самым включить последних в политический процесс как носителей властных прав, утвердив их в качестве полноправных политических акторов. За счет артикуляции групповые интересы начинают «снизу» встраиваться в сложившиеся политические взаимоотношения. В целом, способствуя выдвижению перед правительством массы разнородных, скоординированных между собой запросов различных групп, процесс артикуляции усложняет и одновременно оптимизирует принятие государственных решений. Это связано с тем, что правящие структуры получают возможность видеть наиболее тревожащие общество проблемы и на основе этой информации определять соответствующие приоритеты в разрешении социальных конфликтов, координировать свой курс в соответствии с изменяющейся ситуацией и оценками общественного мнения.

Д. Истон разделял все артикулированные интересы на *требования* к системе и *поддержку* системы. Последняя, как правило, также различается на **эмоциональную** (отражающую общее отношение граждан к государству и правящему режиму) и **инструментальную** (отражающую обращение людей к конкретным адресатам власти — институтам, органам власти, политикам, чиновникам и т.д.). В эффективных политических системах (где политическое пространство формируется на основе и под влиянием гражданских интересов) солидарность и поддержка устойчиво преобладают над требованиями, а эмоциональная поддержка одерживает верх над инструментальной.

Способностью к артикуляции обладают практически все социальные группы, независимо от уровня их внутренней самоорганизации. В качестве субъектов групповой артикуляции могут выступать и представители данного слоя населения, и даже отдельные лица, действующие вне рамок посреднических структур. В литературе обычно выделяют следующих субъектов артикуляции: **все население** (макросоциальная группа); **корпус граждан** (особая часть населения); **компетентная группа** (посредническая структура) и **лидер**. Каждый из них обладает собственными возможностями в деле политической трансформации групповых потребностей, придания этим интересам той субъективной формы, которая наиболее точно выражает чаяния и замыслы людей.

В основе артикуляции групповых требований лежит задача вычленения наиболее значимой проблемы, которая является основным источником либо политического протеста, либо поддержки властей. Например, в качестве причины падения своего уровня жизни, заставляющего людей обращаться к государству, могут быть признаны следующие факторы: неэффективное управление экономикой со стороны центральных властей, ошибки местного руководства, внешнеполитические причины, предполагающие необходимость несения дополнительных расходов в связи с ведением военных действий за рубежом, и т. д. Понятно, что в зависимости от признания той или иной причины ухудшения своего положения люди будут выдвигать и различные требования к власти, т.е. по-разному трактовать вызвавшую их недовольство проблему.

Политические требования, как правило, связаны с наличием у группы многих нерешенных вопросов, поэтому артикуляция предполагает *селекцию* ее властно значимых потребностей, которая заканчивается выстраиванием определенных проблемных иерархий и отбором наиболее важных и значимых запросов к власти.

Политически оформленные интересы могут иметь и самые разнообразные формы выражения. Они могут быть представлены не только в виде конкретно выраженных просьб, требований, лозунгов или ясно сформулированных программных целей той или иной партии, но и в виде неопределенных деклараций.

Принципиальным требованием к артикуляции интересов является приведение выдвигаемых к власти требований в соответствие с наиболее общими, принятыми в конкретном обществе «правилами игры», нормами общепринятой политической этики. Требования соответствия групповых и общеполитических норм направлено на позитивное отношение государства к поставленным группами проблемам. В то же время для оппозиционных требований пределами конвенциональности должны служить рамки правового поля, не позволяющие властям прибегать к необоснованным репрессиям. Для тех же групп, которые пытаются осуществить полномасштабный пересмотр конституции и политических порядков (а представляющие их партии могут даже находиться на нелегальном положении), задача приведения своих требований в соответствие с правилами политической игры во многом снимается.

Таким образом, требование соответствия выдвигаемых группой требований правилам политической игры предусматривает поиск и нахождение ею такого способа оформления своих политических претензий, который заставил бы власть позитивно и практически реагировать на них, а следовательно, признать группу в качестве партнера и даже оппонента в процессе общественных преобразований. Это предполагает установление широких, но вместе с тем весьма определенных критериев оценки групповых требований. С одной стороны, они должны быть достаточно «громко» и оригинально заявлены на политическом рынке, чтобы обратить на себя внимание властей, заставить государственные органы реагировать на выдвигаемые требования. С другой стороны, они не должны переходить границы превращения протеста в такие формы социального поведения (например, в террористические), которые заставили бы государство обратиться уже не к политическим, а к административно-силовым формам ведения диалога с этой группой.

Процесс агрегирования групповых интересов

Любые группы — это общности, в которых плотность социальных отношений или субъективная приверженность людей к групповым ценностям неравномерна, поэтому внутри них всегда складываются какие-то отдельные микрогруппы. Как правило, эти внутригрупповые объединения занимают специфическое положение в группе и соответственно имеют особое отношение к общеколлективным интересам и к пониманию общегрупповых целей. Причем артикуляция властно значимых интересов чаще всего закрепляет наличие нескольких различающихся позиций, которых придерживаются микрообъединения внутри того или иного социального слоя.

Противоречивость артикулированных интересов, способствуя внутренней раздробленности группы, уменьшает ее возможности в

сфере политики, снижает ее политический вес в отношениях с властью. Как показывает практический опыт, та часть населения, которая не может консолидироваться в качестве внутренне единой и сплоченной группы, располагает весьма незначительными шансами на политической арене.

Таким образом, задача усиления внутренней сплоченности, интеграции группы предполагает дополнение артикуляции механизмами и процедурами **агрегирования**, которое выступает как процесс координации и согласования частных внутригрупповых требований, установления между ними определенной иерархии и выработку (на согласованной основе) таких целей, которые бы были поддержаны большинством ее участников.

В этом смысле агрегирование способствует сохранению целостности группы и повышению ее политического влияния на государственную власть.

В качестве наиболее характерных для агрегирования способов согласования внутригрупповых целей выступают проведение дискуссий, различных обсуждений, направленных на выяснение позиций и поиск компромиссов, «круглых столов», применение консенсусных технологий и — самое главное — поддержание коммуникаций между лидерами тех или иных внутригрупповых позиций. Как правило, агрегирование в основном касается поиска консенсуса относительно понимания первостепенных и второстепенных целей и особенно определения основных средств решения наиболее важной задачи. Это предполагает отбор не только наиболее политически значимых требований, но и таких, которые имеют наибольшие шансы для своего практического воплощения. Таким образом, в процессе агрегирования политические требования проходят дополнительный отбор по их практической целесообразности.

В силу комплексности и сложности групповых интересов их агрегирование осуществляется на различных уровнях политической системы, подразумевая налаживание непосредственных коммуникаций крупных социальных аудиторий, снятие противоречий между соответствующими элитарными кругами, а также согласование позиций различных представителей управленческих структур и политических лидеров.

В отличие от большинства политических систем, где агрегирование носит характер пусть и сложной, но технологической процедуры, направленной на организацию и продвижение групповых интересов, в ряде современных демократий их роль и статус начинают меняться. Так, опыт ряда североευропейских стран показывает, что агрегирование в своих публичных формах (в виде обсуждения общественно значимых проблем, открытой полемики лидеров, выражения мнений рядовых граждан и пр.) в известной мере становится самоцелью, призванной активизировать гражданское общество, дать людям ощущение социального смысла их

политической активности, обеспечить иной уровень коммуникаций между государством и обществом. Т аким образом, публичный диалог как индикатор агрегирования становится не сопутствующим продуктом реализации групповых интересов, а целью политической деятельности гражданского общества и правительства в целом, атрибутом демократической государственности.

Формирование представительных структур

Особым механизмом, сопровождающим артикуляцию и агрегирование и превращающим социальные группы в

политических акторов, выступает образование **представительных** органов и структур. Последние представляют собой специальные объединения, формирующиеся на основе выдвижения отдельных представителей граждан, которым передаются дополнительные права на выдвижение и отстаивание общегрупповых требований и целей, которые создаются в связи и по мере артикуляции и агрегации интересов.

Институализация этих представительных структур представляет собой формирование особых политических институтов, так называемых «вторичных ассоциаций» (А. Токвиль), посредников (медиаторов) между властью и населением. Возникновение подобных представительных образований свидетельствует о том, что широкие социальные слои в основном именно через эти специальные образования выходят на политический рынок и закрепляют свое присутствие в сфере отношений с государством. Непосредственные же формы участия населения в политике — в виде различного рода стихийных движений, бунтов, мятежей и пр. — носят эпизодический характер (являясь, по сути, исключением из правил) и зачастую не приносят положительных и тем более устойчивых результатов.

Иными словами, социальные группы как политические акторы участвуют в отношениях с государственной властью опосредованно, через деятельность особого слоя этих институциональных медиаторов. В качестве таких посредников выступают многочисленные группы организованных интересов, партии, СМИ и другие аналогичные образования. От их активности зависит эффективность трансляции и реализации групповых интересов. При этом интересы одной социальной группы могут быть представлены как одним, так и несколькими посредниками. И наоборот: какие-то одни партии или группы интересов могут выражать интересы различных сообществ.

Политические ассоциации подобного типа могут формироваться самостоятельно, за счет последовательной организации действий принадлежащих к группе граждан, например, на основе таких наиболее распространенных процедур отбора и выдвижения представителей, как **жребий, голосование, ротация, референдум, плебисцит**. Одновременно группы

могут делегировать право представительства своих интересов и ранее сформированным объединениям, действующим на политическом рынке.

В целом деятельность представительных структур способствует повышению самоорганизации группы, социальному сближению ее членов. Но существуют и негативные последствия их деятельности. Скажем, амбициозность лидеров как представителей группы может существенно усложнить процесс ее политической консолидации. Например, среди работников той или иной отрасли производства может быть создано несколько профсоюзов, каждый из которых, претендуя на выражение интересов всех тружеников, будет неизбежно способствовать росту напряженности, усилению противоречивости внутригрупповых отношений. Более того, автономность этих ассоциаций такова, что они могут защищать социальные группы, которые существуют только в пропагандистских лозунгах. В таком случае под прикрытием интересов несуществующих общностей эти объединения (и лица) реализуют в основном собственные потребности.

Формирование посреднических структур свидетельствует о трансформации социальных источников и причин групповой активности в политическую деятельность, а следовательно, дополняет социальную стратификацию **стратификацией политической**. Дифференциация внутри политической стратификации определяется следующими различиями между посредниками: степенью их влияния на власть (правящие и оппозиционные партии); различиями в идеологических ориентациях (группы, исповедующие различные — левые, правые, нейтральные и пр.— ценности и цели); функциональными различиями (наличие специфических объединений: заинтересованных групп, лобби, партий и т. д.).

Некоторые ученые, в частности, российский исследователь С. П. Перегудов, предлагают разводить статусы посредничающих институтов. В этой связи он представляет одни из них как элементы *функциональной системы представительства* (к которым он относит лобби, группы давления и корпорации, включенные в систему государственного управления), а другие как компоненты собственно *политической системы* (демонстрирующей влияние партий на органы власти через механизмы публичного дискурса). Таким образом, система представительства гражданских интересов представляется как двухуровневая, отражающая различные способы включения посреднических институтов в процесс реализации групповых интересов.

Типология систем представительства гражданских интересов

Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и Р. Далтон на основании сравнительных исследований выделяют *три типа* представительных систем. Так,

плюралистическая система отражает положение, при котором в обществе складывается соперничество различных посреднических структур,

стремящихся как к расширению числа своих членов, так и к росту влияния на структуры власти. При этом на выражение одних и тех же групповых интересов граждан претендуют различные политические медиаторы, и их разнообразие можно увидеть в любом общественном секторе. Членство в группах интересов является добровольным и ограниченным, а представители этих институтов влияют на государственные решения извне (используя при этом как легальные, так и теневые средства), что свидетельствует о четком разграничении правительства и групп интересов. Такие системы представительства сложились сегодня в США, Великобритании, Канаде, Франции, Японии и ряде других стран.

Еще один тип — это **демократически-корпоративная** (или *нео-корпоративистская* — Ф.Шмиттер) система представительства. Здесь интерес той или иной социальной аудитории, как правило, представлен одной головной ассоциацией, которая обладает централизованной внутренней структурой управления и, будучи глубоко укорененной в системе принятия политических решений, оказывает устойчивое влияние на выработку государственного курса. В каждой такой ассоциации членство является обязательным и по существу поголовным. Численность представительских ассоциаций и в обществе, и в отдельных секторах небольшая, а наиболее высокое положение в такой системе занимают представители бизнеса как самой ресурсно обеспеченной группы общества. К тому же бизнес представляет и самого главного работодателя. Таким образом, система представительства гражданских интересов представлена коммуникациями между чиновниками (представляющими не только интересы государства, но и своей собственной корпорации), бизнесменами и наемными работниками. При такой конфигурации отношений между государством и представительскими структурами парламентские и партийные институты утрачивают значительную часть своего политического влияния и вынуждены приспосабливаться к сложившемуся балансу сил. Такая система в настоящее время присутствует в Голландии, Швеции, Норвегии, Австрии и ряде других государств.

И наконец, третий тип — это **управляемая** система представительства, характерная для стран, чьи политические режимы в основном используют мобилизационные инструменты для выражения интересов граждан. Здесь численность групп интересов ограничена, а внутренняя структура каждой из них иерархически централизована. Государство осуществляет полный контроль как за количеством групп интересов в политическом пространстве, так и за их практической деятельностью. Возможности относительно свободной артикуляции интересов представляются здесь только лояльным и высоко позиционированным группам. При таких условиях в этих обществах вырастает численность институализированных и неформальных ассоциаций (в рамках правящей

партии, военной бюрократии и др.), которые, впрочем, не в состоянии представить весь спектр гражданских позиций и интересов. Такая модель существует в авторитарных государствах, в обществах «управляемой демократии» (до недавнего времени в Бразилии, Мексике, а также в Республике Беларусь, РФ и др.).

3. Динамика социальной структуры в современном мире

Социальные источники политических изменений в стабильных и переходных обществах

Многообразные тенденции развития социальной структуры в разных странах мира определяют динамику политических отношений, порождают множественные формы организации вла-

сти, активно влияют на внешнеполитические связи и контакты государств. Наиболее яркие и принципиальные различия в политических последствиях социальной дифференциации можно видеть в высококоразвитых, стабильных демократических государствах, а также в переходных обществах.

Как показывает опыт последних десятилетий, в развитых индустриальных демократических странах социальная стратификация осуществляется прежде всего на основе общего роста материального благосостояния населения, повышения уровня его жизни, усиления ориентаций людей в пользу свободного времени и освоения культурных достижений и ценностей. Существенным показателем социальной динамики, оказывающим самое позитивное влияние на динамику политических отношений в этих странах, является уравниленность межнациональных и расовых отношений.

В то же время на фоне этих общих положительных тенденций усложняется положение «негативно привилегированных» групп (И. Ваккарини), например, молодежи, женщин, неквалифицированных слоев, сексуальных меньшинств и некоторых других, для которых характерны наибольшие расхождения между ожиданиями, социальными притязаниями и реально достигнутыми в обществе результатами. Такие группы с большим, нежели другие группы, трудом встраиваются в социально-экономические отношения, достигают среднестатистических жизненных стандартов и собственных целей.

При наличии основных циклических тенденций развития капитала, дальнейшего углубления разделения труда и разработки новых производственных и информационных технологий в этих странах осуществляется качественная переструктуризация в сфере профессиональной занятости. В частности, на фоне динамичной перестройки в промышленном секторе существенно уменьшается доля населения, занятого в

сельском и лесном хозяйстве, горнодобывающих отраслях и др. При этом качественно возрастает численность работающих в непроеизводственном секторе, где увеличивается доля населения, занятого предоставлением услуг, обслуживанием информационных потоков и коммуникаций, банковскими операциями, шоу-бизнесом и т.д.

В результате интернационализации капиталистических отношений, усиления и развития мирохозяйственных связей между странами, формирования региональных и межгосударственных рынков труда практически во всех западных странах образовалась и весомая страта иностранных рабочих. С одной стороны, это способствует экономической интеграции и упрочению политических связей и контактов между государствами. Правда, представляя собой, как правило, более дешевую рабочую силу и конкурируя с местным населением на рынке труда, иностранные рабочие способствуют увеличению конкуренции, а следовательно, и усилению напряженности отношений с коренным населением. Как показывает европейский, да и российский опыт, представители ряда этнических групп плохо вживаются в социокультурную среду новых для себя стран, провоцируя множественные конфликты и противоречия. С другой стороны, статус иностранных рабочих нередко провоцирует нарушение их прав со стороны работодателей, вызывает дискриминацию по национальному и демографическому признакам. Не случайно во многих странах действуют экстремистские группировки, требующие ограничения въезда иностранцев, лишения эмигрантов права на работу. Нередко регулирование такого рода конфликтов также выходит на политический уровень и даже вызывает обострение межправительственных отношений соответствующих стран.

С 1970–1990-х гг. в ряде стран (Канаде, США, Германии, Швеции и некоторых других) неуклонно растет численность дееспособного населения, существующего благодаря социальной помощи со стороны государства (учащиеся, пенсионеры, инвалиды, безработные и т.п.). Такая внутренняя политика, означая расширение перераспределительных функций государства и, сочетаясь с ростом затрат на различные социальные программы, реализацию проектов и целей, направленных на повышение народного благосостояния, однозначно способствует упрочению и стабилизации политических порядков в этих странах.

В условиях такой социально направленной политики государства, на основе роста благосостояния населения, расширения возможностей информационных и культурных контактов между населением разных стран, стимулирующих постоянный поиск новых стилей жизни, в этих обществах наблюдается значительный рост разнообразия социокультурной специфики в жизнедеятельности групп. Формирование соседских общин, конфессиональных и неконформистских объединений моло-

дежи, досуговых объединений граждан, непрерывных культурных экспериментов в сфере свободного времяпрепровождения и иных аналогичных процессов влечет за собой образование множества различных устойчивых групп, различающихся по ценностным и стилевым особенностям жизнедеятельности.

В целом можно говорить о явном доминировании тенденций к формированию более *разносторонней* и относительно *гомогенной* социальной структуры в западных странах, сближению (с экономической точки зрения) положения групп, занятых в разных отраслях хозяйственной жизни, выравниванию различий экономических классов. Но наиболее убедительно подтверждает тенденцию к снижению социальной асимметрии положение и динамика среднего класса, представляющего подавляющее большинство населения данных стран.

Роль среднего класса в индустриально развитых странах

По существу средний класс составляет экономическую основу стран данного типа. Характерно, что его позитивную роль еще в древности отмечал Платон, который полагал, что «сред-

нее сословие» призвано прежде всего экономически обеспечивать содержание основных классов общества — как управляющих государством, так и воинов.

В настоящее время в состав среднего класса входит *часть собственников и хорошо оплачиваемые профессионалы* в различных отраслях экономики. Это те экономически независимые, с достаточно высокими стандартами потребления люди, которые относительно свободно выбирают сферу приложения своих сил и не расходуют свою энергию на добывание «куска хлеба». Напротив, это те, кто занимается самостоятельным и во многом творческим трудом, обладающим для них большим внутренним смыслом.

Таким образом, люди, относящиеся к среднему классу, — это те, которым есть, что терять, а следовательно, и защищать в своей жизни. Поэтому принадлежащие к данной социальной группе люди в основном заинтересованы в укреплении существующего строя и, как правило, придерживаются консервативных политических воззрений. Однако, благодаря стабильности порядков в своих государствах, среди них немало тех, кого причисляют к политически пассивным членам общества, электоральному «болоту», за которое идет постоянная борьба соперничающих партий.

Положение среднего класса характеризуется и определенной неравновесностью, промежуточностью, предполагающей, что принадлежащие к нему люди обладают статусом, размещающимся между высшими и

низшими слоями населения. Трактую эту промежуточность статуса средних слоев с точки зрения перехода капитализма к социализму, марксисты исходили из того, что их ждет перспектива слияния или с буржуазией, или рабочим классом либо перспектива социального распада и исчезновения. Но жизнь не подтвердила это предположение К. Маркса. В настоящее время средний класс занимает центральное место в социальной структуре западного индустриального общества. Благодаря своему положению, именно он стабилизирует политические порядки, способствует защите идеалов свободы и прав человека. Менталитет и поведение принадлежащих к данному классу граждан уравнивают крайности социально-политических противоречий между бедными и богатыми слоями населения. А его социально лидирующая роль демонстрирует, что различия в собственности или других экономических показателях жизни являются временными различиями и не способны инициировать существенные политические потрясения.

Конечно, не все процессы формирования и функционирования среднего класса имеют политически нейтральный характер. Политическим значением обладают и проблемы, связанные с поиском рабочих мест людьми, получившими добротное образование. Вызывает отдельные политические колебания и переток населения из среднего в более низкие слои общества, т.е. судьба людей, которые уже вкусили «хорошую жизнь», но не смогли удержаться на завоеванных позициях. Это нередко сопровождается возникновением массовых стрессов и разочарований, вызывающих определенные изменения в политической атмосфере общества.

Словом, высокоразвитые индустриальные общества отнюдь не бесконфликтны. Социальные противоречия, вызванные безработицей, перестройкой экономических отношений, национальными и расовыми проблемами, способствуют возникновению подчас довольно острых политических противоречий. В то же время наличие такого мощного социального стабилизатора, каким является средний класс, господство разделяемых подавляющим большинством общества идеалов и ценностей, доминирование законов и уважение традиций ограничивают уровень политических притязаний различных групп и слоев отдельными поправками к политическому курсу режимов. Политические требования групп не подрывают стабильности существующего строя, а смены кабинетов министров, парламентов, правящих партий осуществляются при незыблемой власти закона.

В противоположность этой группе стран в государствах, осуществляющих переходные преобразования, возникающие там социальные противоречия групп вызывают значительно более острые политические последствия.

Основные социальные факторы политических изменений в переходных обществах

В переходных государствах социальная дифференциация общества складывается под влиянием целого ряда противоречивых, а зачастую и взаимоисключающих тенденций и

факторов. В самом общем виде наибольшую роль здесь играют две противоположные тенденции. Одна из них связана с социальными последствиями становления и развития рыночных отношений, появлением новых источников роста доходов и завоеванием людьми высоких статусов в обществе, структурной перестройкой экономики, дальнейшей урбанизацией, расширением хозяйственных и культурных взаимосвязей с другими странами, а также рядом других аналогичных факторов. В целом их действие способствует усилению вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, укреплению открытости социальной структуры, а также распространению и укоренению в общественном сознании либерально-демократических ценностей.

Вместе с тем в переходных общественных системах большое влияние имеют и унаследованные от прошлого тенденции, в частности, к воспроизводству отношений, связанных с функционированием дотационных и неконкурентных регионов и секторов экономики, со старой инфраструктурой хозяйствования и разделения труда, привилегированным положением ряда национальных групп в системе управления и т.д. В основном такие тенденции выражаются в усилении влияния на государственную власть (и соответствующие политические решения) позиций низкодоходных групп общества (в том числе работников неквалифицированного физического труда, малорентабельных и нерентабельных предприятий и учреждений госсектора, части управленческого аппарата, пенсионеров), слабо вписывающихся в рыночную экономику, жителей малых городов и сельской местности (где менее всего заметны результаты реформ), некоторых категорий учащейся молодежи и др.

В целом их влияние усиливает требования социального равенства, укрепления порядка и усиления государственного патернализма. В конечном счете, оно способствует сохранению закрытости социальной структуры в этих странах, сдерживанию хозяйственной инициативы населения и в конечном счете направлено на усиление *перераспределительных* процессов в государстве. Неизбежным последствием такого социального влияния выступает и воспроизводство в политическом пространстве консервативных и даже реакционных идей, ценностей, институтов.

В результате взаимодействия этих двух макросоциальных тенденций в переходных обществах формируются **три** типа стратификационных противоречий, которые вызывают наиболее значимые политические последствия. К ним, прежде всего, относятся социальные конфлик-

ты: внутри *традиционной* стратификации (унаследованные от прежних общественных отношений противоречия между группами внутри дотационной сферы); внутри *рыночной* стратификации (например, между группами крупного и среднего бизнеса, отечественного и зарубежного капитала); *между* этими двумя типами социальности (к примеру, между предпринимателями и работниками государственной сферы, оказывающими населению один и тот же тип услуг).

В контексте взаимодействия этих трех типов противоречий отношения равенства и неравенства одновременно способствуют и усложнению социальной дифференциации (например, за счет возникновения противоречий между работниками, занятыми в разных отраслях и сферах), и упрощению социальной структуры (связанному, в частности, с формированием бедных и богатых слоев населения).

Наличие противоречивых тенденций ведет к маргинализации значительных слоев переходных обществ, образованию множества промежуточных социальных образований, существующих как неустойчивые, «размытые множества» не определившихся со своим положением людей. В силу этого стратификационные процессы сопровождаются множественными кризисами идентификации, освоения людьми новых ценностей и целей. В конечном счете такие социальные процессы неизменно усиливают политизацию общественной жизни, способствуют нарастанию несбалансированности групповых отношений и росту политической нестабильности.

Особенности социальной стратификации в современном российском обществе

В целом в нашей стране, как и в других переходных странах, группы, заинтересованные в рыночных преобразованиях и побуждающие государство к расширению поддержки предпринимательства, соперничают с силами, не заинтересованными в структурной перестройке экономики и стремящимися сохранить политику прямого государственного регулирования и патернализма. Номенклатурные кланы в государственном аппарате, пытающиеся поставить себе на службу ход реформ, сталкиваются с протестом широких социальных слоев, стремящихся утвердить в обществе принципы социальной справедливости и свободы. Борьба сил и слоев, связанных с криминализированной и «честной» экономикой, приобретает острейшие формы, вплоть до актов политического террора и т.д.

Формирование современной социальной стратификации в России имеет определенную специфику и историю. Так, в 1950–1980-х гг. в стране шли латентные процессы зарождения квазичастной собственности (например, в виде индивидуально-корпоративной собственности выс-

шей управленческой бюрократии, накопления ресурсов в теневой экономике), которые впоследствии способствовали формированию прото-класса крупных собственников в области промышленного производства, сфере торговли. В 1985–1991 гг. начавшаяся номенклатурная приватизация привела к сосредоточению правящим классом в своих руках значительной части государственной собственности, которой он формально распоряжался в советское время. Учреждение классом управляющих многочисленных фондов, совместных предприятий и структур на месте государственных учреждений и организаций — вот тот механизм, который способствовал перераспределению общественных ресурсов в индивидуальную собственность части управляющего класса. Обретя собственность, номенклатура сохранила и политическую власть, превратив богатейших людей страны в наиболее влиятельную часть политического класса.

В 1992–1996 гг. в стране начал постепенно складываться конкурентный капитализм (в виде директорской и чековой приватизации, обогащения чиновников за счет лицензирования и квотирования при регулировании экспортно-импортных операций, возникновения слоя мелких и средних предпринимателей). Корпоративный характер отношений власти и бизнеса привел к формированию благоприятных условий для роста крупного капитала. Например, если в США требовалось в среднем 47 лет, чтобы заработать состояние в 10 млн долл., а в Южной Корее — 13 лет, то в России в те годы это было возможно всего за 3–4 года. В дальнейшем нарастающее влияние крупного капитала привело к его тесному сближению с властью и вхождению во власть («олигархический режим»). В то же время поддержка среднего и мелкого бизнеса оставалась и остается на периферии внимания властей.

Преимущественная ориентация государства на поддержку крупного капитала и протекционистская политика в отношении представителей правящего класса привели к стремительному социальному расслоению и массовой нисходящей социальной мобильности. В стране образовалась значительная группа бедняков, по разным данным, даже сегодня охватывающая от 40 до 60% населения. Если, к примеру, минимальная зарплата в США составляет сегодня приблизительно 120% прожиточного минимума, то в РФ — порядка 20%. Такое значительное снижение уровня жизни населения показывает, что в настоящее время стратификация сохраняет тенденцию «свертывания различий» к одному политически значимому измерению — экономическому.

По мнению ряда российских ученых, в начале нынешнего столетия в стране сложилась такая стратификация: элита (крупные предприниматели и собственники, политики, высшая бюрократия, генералитет) — 0,5%; верхний слой (крупные чиновники, бизнесмены, высокооплачи-

ваемые специалисты) — 6–7%; средний слой (мелкие частные предприниматели, высококвалифицированные, работающие по найму специалисты) — 21%; базовый слой (полуинтеллигенция, работники массовых профессий сферы торговли и сервиса, квалифицированные рабочие и крестьяне) — 65%; нижний слой (технические служащие, работники без квалификации, люмпены) — 7%. И несмотря на положительную динамику роста уровня жизни населения, эти пропорции сохраняют свое значение.

Социальная стратификация российского общества выявила новые престижные группы, к которым стали относиться финансисты, банкиры, работники налоговых структур, юристы, управленцы. В то же время в ряде молодежных слоев получила широкое распространение, приобрела особый авторитет криминальная этика. И это не случайно, учитывая, что в настоящее время в теневой экономике (непосредственно и параллельно) занята значительная часть рабочей силы. По ряду данных, еще совсем недавно более 9 млн россиян принимало участие в криминальном бизнесе (охватывающем более 40 тыс. хозяйственных объектов). Массовая коррупция стала отличительным признаком и отечественной системы государственного управления. Не удивительно, что если по условиям ведения бизнеса наша страна занимает место во второй сотне государств, то по числу миллиардеров уверенно входит в число лидеров (по данным журнала «Форбс», по этому показателю в 2008г. Россия занимала второе место в мире).

В последние годы, несмотря на наличие низких потребительских стандартов и переживаемые страной сложности, отмечается постепенное складывание среднего класса. Данный процесс связан, прежде всего, с определенными преобразованиями в области культуры и здравоохранения, жилья и сельского хозяйства, с проведением административной реформы, постепенным формированием слоя мелких и средних предпринимателей.

Значительную роль в эволюции социальных отношений, неоднозначно отражающихся на политической стабильности общества и разнообразии политической жизни в стране, играют: миграция из стран СНГ, усиление региональных особенностей, усложнение культурного облика социальных групп. Опыт показывает, что смягчение политической напряженности в России, как и в других странах с переходной социальной структурой, как правило, связано с усилением социальной направленности деятельности правительства (особенно в отношении наименее защищенных слоев населения), с борьбой против преступности и привилегий госбюрократии, расширением возможностей профессиональной переподготовки граждан и рядом других мер.

НАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР

1. Нации в политическом измерении

Основные подходы в трактовке наций

Специфическим субъектом политики, придающим процессам формирования и распределения государственной вла-

сти исключительную сложность и своеобычность, является нация. Связанные с нею образы Отечества, Родины, патриотизма присутствуют сегодня в требованиях практически любых — левых или правых — партий, инициируя существенные изменения в политических процессах. В то же время, как показал практический опыт, характер формулируемых в данном аспекте целей, а также осознание способов их достижения непосредственно зависят от понимания нации как специфической общественной группы.

Исторически термин «нация» (от лат. *nascor* — рождаться) использовался еще в Древнем Риме для обозначения небольших народностей. При этом он применялся наряду с термином греческого происхождения «этнос», обозначавшим племя (общность людей), объединенных родством, внешним сходством, языком и территорией. Впоследствии термин «нация» в основном стал употребляться для характеристики результата слияния нескольких этносов, произошедшего в результате миграции, захвата территорий или объединения земель. Но такой подход к трактовке термина «нация» не остался единственным, сохранив и в теоретическом, и в практическом отношении многозначность его употребления. В разных ситуациях термин «нация» может означать и этническую общность, и все население государства, а в английском языке он может еще и характеризовать государство. Такое положение привело к тому, что в трудах некоторых современных научных школ и даже международных документах понятия «нация» и «этнос» используются как синонимы.

Современное, специализированное понимание нации сложилось в конце XVIII в. в связи с получившим политическое значение во времена Великой Французской революции требованием государственного суверенитета и начавшимся процессом формирования национального самосознания. Революционеры называли себя патриотами, и с тех пор слово «родина» (лат. *patria*) стало символом нации, которая стала непосредственно связываться с государственностью и гражданской идентичностью. Это особое проявление чувства общности, возникшее в раннебуржуазную эпоху, впоследствии обогащалось новыми смыслами под

влиянием процессов формирования национальных государств, национально-освободительной борьбы и распада колониальной системы, перекройки границ в расселении этносов на разных континентах.

Одновременно наряду с развитием теоретических представлений, признающих нацию в качестве специфического и весьма важного политического актора, в научной мысли сложилась и традиция истолкования ее как порождения обыденного сознания, не только не проясняющего, но и запутывающего анализ реальных политических процессов. Так, ряд мыслителей мистифицировали понятие «нация», придавая ей таинственный и сакральный смысл. Например, Н. Бердяев писал, что нация как «единство исторической судьбы» есть не что иное, как «иррациональная тайна»¹.

Близкие этому пониманию идеи развивали И. Ильин, Н. Лосский и ряд других ученых. В свою очередь К. Поппер полагал, что «нации, расы, лингвистические группы» представляют собой «чистый вымысел», не имеющий научного и политического значения. Его последователи, в частности К. Вердери, также считают, что использование этого понятия в научном анализе весьма затруднительно. Такого же мнения придерживается и группа российских ученых (В. Тишков, Г. Здравомыслов), отрицающих реальное существование нации и рассматривающих это понятие в качестве метафорического отображения этнокультурной реальности.

Однако большинство людей воспринимают нацию более реалистически, в основном как «идентифицируемые общности» (Э. Смит). Иначе говоря, на практике плотность культурных норм взаимного общения является для людей свидетельством существования особой, целостной, интегрирующей население (часть населения) общности. В свою очередь, осознание приобщенности к объединениям такого рода служит основой для выработки определенных политических предпочтений и выдвижения особых требований к государству, нередко ведущих к изменению форм правления и организации совместной жизни граждан, к переселению крупных слоев населения и другим масштабным политическим последствиям. Даже если обратиться к фактам новейшей политической истории, можно увидеть широкое распространение таких настроений, рождающих ксенофобию и шовинизм, активизирующих межэтнические конфликты в мире, провоцирующие сепаратистские движения, способствующих распространению всевозможных форм национализма и трайбализма (враждебных отношений родоплеменных групп).

Такие настроения постоянно подпитываются реальным неравенством этносов, их стремлением к государственному самоопределению,

¹ Бердяев Н. *Философия неравенства*, М., 1990. С. 94.

реальными или воображаемыми угрозами иных аналогичных общностей, культурной экспансией мигрантов или других слоев населения, страхом утраты базовых идентичностей, а также рядом других причин. Вто-й связи можно вспомнить кровопролитные конфликты в Нагорном Карабахе и бывшей Югославии, геноцид народности тутти в Руанде, периодические столкновения индусов и пакистанцев в индийском штате Кашмир и другие аналогичные факты. По ряду данных, в начале 90-х гг. XX в. 20 из 32 вооруженных конфликтов были неразрывно связаны с этнической дискриминацией. И сегодня агрессивный национализм, шовинизм или этносепаратизм поражает не только страны «третьего мира» или бывшие республики СССР и страны Восточной Европы, но и благополучные европейские государства, сталкивающиеся с непре-кращающимися протестами валлийцев, басков, фламандцев, корсикан-цев и других малых народов. Не помеха этим явлениям и реалии глоба-лизации. Как считает Т. Нейри, сегодня даже в глобальном мире ши-рится средневековый партикуляризм национальных государств и движений. Этот политический стиль разрушает здравый смысл их вза-имных коммуникаций и порождает непрерывную «балканизацию» меж-дународных отношений, основанную на непримиримых конфликтах и претензиях каждого на исключительность собственных интересов. Ипо-ка решить этот комплекс проблем невозможно ни на основе идей ком-мунистического интернационализма, ни демократии, ни либерализма.

Несмотря на обилие теоретических трактовок нации в социально-политической мысли, в настоящее время можно говорить о безуслов-ном преобладании двух основных теоретических подходов к ее понима-нию — **конструктивистском** и **примордиалистском**.

Конструктивистское понимание нации

Приверженцы конструктивистского направления рассматривают нацию в качестве **результата** целенаправлен-ной осознанной деятельности того или иного субъекта. В этом смысле нация трактуется либо как «воображаемая общность» (Б. Андерсон), либо как итог деятельности интеллектуальной элиты, создающей об-разы национальной солидарности (К. Касьянова), либо как следствие культивируемой властями общегосударственной солидарности (В. Ро-зенбаум).

Наиболее видный представитель этого подхода Э. Гелнер полагает, что в качестве основного продуцирующего нацию субъекта выступает государство как таковое. Только твердо признав у становливаемые им «определенные общие права и обязанности по отношению друг к дру-гу», «группы людей становятся нацией» ¹. Поэтому именно сознатель-

¹ Гелнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 35.

ные действия госструктур по формированию национальных движений и рождают нации. И хотя в мире государств значительно больше, чем наций, Гелнер настаивает на том, что главным механизмом образования этой общности является «нациестроительство». Его единомышленник Э. Хобсбаум также указывает на центральную роль в процессе формирования наций механизмов мобилизации государственными элитами этнических чувств своих граждан и переноса этнической идентичности на уровень государства.

Таким образом, в данном случае политическая деятельность, направленная на защиту воображаемой нации, признается главным фактором, созидующим нацию как определенную общность. Признается, что на формирование этой группы государство влияет больше, чем биологическая или какая-либо иная предопределенность. Но в то же время утверждается и то, что такая конструирующая деятельность государства должна сочетаться с наличием доброй воли граждан, а также с наличием необходимых предпосылок, в частности определенного уровня культурной гомогенности (сплоченности) и образованности общества.

По сути дела, исторически данное понимание национальной общности, которое предполагает объединение людей, проживающих на всей территории государства, коренится в практических образцах так называемой французской (западной) модели образования нации. Созданный в XVIII–XIX вв. во Франции образец гражданского общества исторически предопределил первое понимание нации как определенной формы *согражданства*, включающей всех проживающих на определенной территории людей и не зависящей от употребляемого ими языка, цвета кожи и религиозных убеждений. Такое либеральное понимание нации ориентировано на определенное идеологическое родство и политический выбор граждан, которые наряду с государственными институтами выступали как механизмы поощрения групповой солидарности и интеграции общества. В силу этого в основание национальных интересов закладывались главным образом материальные интересы, требующие точной и рациональной оценки. В целом же таким пониманием нации утверждалась формула «один народ — одна территория — одно государство», которая послужила первичным ориентиром формирования национальных государств в Европе XIX в.

Примордиалистские трактовки нации

Другой образец идеи и практики формирования нации, «немецкий», исходил из ее признания в качестве органической общности, спаянной общей для людей культурой. При таком понимании и способе нациестроительства особое значение приобретали *этногенетические* факторы, и прежде всего язык, традиции и обычаи, акцентирующие внимание на общности происхождения людей,

факторах кровного родства и духовной солидарности данной группы населения. В свою очередь, это неизменно стимулировало появление трудно рационализируемых интересов, активизировало у людей иррациональные эмоции и чувства, в которых слышался «голос крови», «зов предков», «дыхание почвы» и т. п.

На основе этой исторической и духовной практики постепенно сложился примордиалистский подход, согласно которому нация есть **естественным образом** сложившаяся общность (группа) людей, которая обладает вполне определенными интересами и существование которой не зависит от чьих-либо сознательных действий. В этом смысле нация стала определяться в основном через совокупность тех или иных черт, раскрывающих ее природу и сущность. Наиболее показательной в этом смысле является трактовка нации известным немецким ученым конца XIX в. О. Бауэром. С его точки зрения, нация есть группа, для которой характерна «общность территории, происхождения, языка, нравов и обычаев, переживаний и исторического прошлого, законов и религии». «Нация, — писал он, — это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы». Сходным образом рассматривал нацию и П. Сорокин, представляя ее как коллективную общность, связывающую в единое интегральное целое социальные роли и функции населения, результаты активности «символических» (идей, чувств, эмоций и пр.) и «предметных проводников» (территорий, городов и др.), а также ряд организационных структур (являющихся результатом длительного существования коллективного единства).

В дальнейшем в рамках примордиалистского подхода сложилось немало различных концепций, в которых был не только предложен свой набор свойств, присущих национальным группам, но и выдвинуты более оригинальные идеи. Так, социобиологические трактовки (В. Рейнпольдс, В. Фалгер, Я. Вин), развивавшие также расистские идеи Ж. Гоббино, Х. Мейнерса и др., делали акцент на расовой принадлежности людей, факторах их кровнородственной близости, настаивали на естественно-генетическом характере происхождения нации. В этом смысле, например, признававшиеся унаследованными человеком от рождения те или иные взгляды и стереотипы понимались как неизменяемые со временем и сохраняющие либо комплиментарное, либо негативное отношение к представителям других наций.

Русский ученый Л. Гумилев предложил рассматривать этнические (национальные) движения (общности) с точки зрения наличия в них двух форм движения. Одна из них, биологическая, включала в себя воздействия географического ландшафта, куль турных факторов, взаимо-

¹ Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. СПб., 1909. С. 139.

отношений с соседями и т.п., другая, социальная, предполагала наличие особого источника развития, так называемой «пассионарности», концентрирующей напряженность человеческой энергии и проявляющейся в поведении конкретных людей, задающих тон и направление развития данной общности.

Свое распространение получила теория «*хабитуса*» (П. Бурдьё), представляющая нацию как способ существования исторически протяженной жизни людей, спаянных единой культурой, языком и религией. Главными механизмами образования этой целостности являются долг и обязанность, формирующие не столько институциональные, сколько неформальные привычки и обычаи совместной жизни, закрепляемые даже на подсознательном уровне.

Особая позиция сложилась в марксизме, интерпретировавшем нацию как специфическую общность, обладавшую вторичным по отношению к классам значением, а национальный вопрос представлявшем в качестве составной части классовой борьбы в период капитализма. Отмечая значение интегрирующих нацию определенных экономических отношений, объединяющих ее представителей, а также присущего им литературного языка и известных духовных традиций, приверженцы этой концепции важную роль отводили государственно оформленной территории. В результате такого подхода место той или иной нации в жизни общества определялось в зависимости от степени ее политического самоопределения. Соответственно национальные группы подразделялись на те, которые способны к государственной организации (собственно нации), и те, которые еще не готовы к такого рода организации совместной жизни (народности). Поскольку на практике степень зрелости национальных и этнических общностей определялась высшей политической организацией рабочего класса — коммунистической партией, то в обществе по сути устанавливалась субъективная иерархия наций, которая усиливала социальное неравенство и закрепляла негласное лидерство людей одного происхождения над другими.

Прямо противоположные идеи предложены авторами культурологического подхода (М. Вебер, Дж. Бренд), рассматривавшими нацию как анонимное сообщество людей, принадлежащих к одной культуре. Современный сторонник данной идеи норвежский ученый Ф. Барт считает, что этничность (в данном случае как одно из проявлений нации) представляет собой форму организации культурных отличий, которые являются своеобразными «маркерами», отличающими ее (этничность) принципиальные черты; последние же, по его мнению, сложились под влиянием традиций, исторических, экономических и других факторов. Осознание этой совокупности черт проявляется в понимании людьми

своей национальной идентичности, т.е. в признании персональной значимости своей принадлежности к этому групповому объединению.

При таком понимании консолидация нации происходила по мере овладения и осознания людьми групповых ценностей в качестве ведущих ориентиров, систематизирующих их видение мира. Признание главенства языка как важнейшего носителя и условия приобщения людей к культурным ценностям, а также приоритета естественно осваиваемых людьми необходимых для жизни ценностей сочеталось с отрицанием доминирующего влияния территории, на которой проживали носители данных ценностей, на содержание культурных мотиваций, традиций, жизненных стереотипов людей. В этом смысле предполагалось, что даже представители различных этносов, освоивших и руководствующихся одной и той же системой ценностей, могут рассматриваться как представители одной нации.

Теоретические различия примордиалистских и конструктивистских подходов в известной степени сложились сугубо исторически. Первые отражали эволюцию так называемых «больших», европейских наций, формировавшихся в эпоху складывания капиталистических отношений и в значительной степени опиравшихся на естественные механизмы интеграции, действовавшие на основе не только культурных, но и территориальных, а также экономических факторов. В более поздний период, когда уже сформировался определенный опыт строительства наций, когда были продемонстрированы образцы их функционирования в рамках тех или иных государств, сознательные механизмы интеграции общества стали использоваться и в тех странах, которые еще только начинали решать задачи укрепления своей целостности, улаживать территориальные споры и т.д.

В этом последнем аспекте создание наций стало рассматриваться как реализация определенных политических проектов, ориентированных на сознательное конструирование подобных общностей и инициируемых правящими или иными кругами политической элиты. Причем такие процессы шли не только в XIX, но и в конце XX столетия. Например, в процессе образования новых государств на территории СССР и в ряде стран Средней Азии, которых «обrekli» на независимость в Беловежской Пуще (месте подписания Договора об образовании СНГ в составе России, Белоруссии и Украины), уже после получения ими государственного суверенитета начались процессы искусственного создания национальных идеологий, институтов и норм. Такой тип формирования нации *a posteriori* стал необходимым условием сплочения населения и образования полноценных государств.

Таким образом, не только примордиализм, базирующийся на констатации объективных факторов внутренней сплоченности наций, но и

конструктивизм представляет собой вполне реалистическую формулу теоретического истолкования процесса формирования наций, особенно в современных условиях.

Практическое политическое значение конструктивистских и примордиалистских трактовок наций выражается прежде всего в том, что предложенные ими идеи создают различные концептуальные рамки для формулировки требований к государственной власти от имени национальных групп, выделяют важнейшие механизмы формирования и развития наций, урегулирования межнациональных отношений. Так, конструктивистские подходы делают основной упор на возможностях государства, партий, движений и располагаемых ими ресурсах. В рамках объективистских идей акцентируются иные цели и приоритеты. Например, социобиологические подходы, базирующиеся на идеях психопатического превосходства крови, неизбежно предопределяют этногегемонистскую систему политических требований, выражающих превосходство одной нации над другой, стремление их представителей к абсолютному господству на соответствующей территории, желание утвердить стиль жизни той или иной группы за счет другой и т. д.

Марксизм, как показал практический опыт строительства социализма в странах бывшего социалистического лагеря, со своей трактовкой национального вопроса способствовал крайней политизации процесса образования и развития наций, который постоянно сочетался с политической государственного террора по отношению к народам, заподозренным «в связях с врагом» или недостаточной лояльности к властям, массовыми переселениями народов и даже геноцидом граждан определенной национальности.

В то же время принципы культа турологического подхода, базирующиеся на идее экстерриториальности, генетически отвергают требования типа «отдайте нашу землю» или «русским — русское государство», поскольку приобщение к любым — «русским», «немецким», «турецким» и прочим цементирующим нацию ценностям не зависит от территории, где проживают люди, и не предполагает какой-либо ангажированности политических структур. В этом смысле данные положения являются теми идейными предпосылками, которые наиболее пластично обеспечивают исторический характер формирования наций, их стихийную эволюцию, включающую как сближение, так и дистанцирование подобных групп друг от друга в силу сходства или различий их обычаев, религиозных убеждений, языков и т. д. В то же время ориентация лишь на сугубо культурные ценности в ряде случаев граничит с апологией космополитизма.

Наиболее полное политическое значение разного рода теоретических и идеологических подходов выражается в тех или иных формах и типах национализма.

2. Национализм

Сущность национализма

Идея нации, используемая для выражения особых требований к власти, неизбежно порождает специфические политические акции, в систематизированном виде и представляющие собой национализм.

В самом общем виде **национализм** — это политическое движение, направляемое определенной доктриной на выражение и защиту интересов национальной общности в отношениях с государственной властью.

Почти 90% современных государств полиэтничны, поэтому по своему значению и политическому весу национальные движения данного типа вполне соотносимы со стремлением людей к демократии, формированию гражданского общества. В то же время в силу специфического происхождения наций, наличия в поведении принадлежащих к ним людей множества предрассудков, иррациональных мотиваций, ложных оценок и установок национализм выступает как крайне неоднозначное и противоречивое политическое явление.

Объективно национальные движения направлены на использование политических механизмов как внутри государства, так и на международной арене для повышения уровня общности граждан одной национальности (или всего населения той или иной страны в целом) и защиты их интересов. Национализм выходит на политическую арену тогда, когда властные отношения требуют большей культурной и социальной сплоченности общества или отдельных слоев его населения. Как говорил еще Ш. Монтескье, «дух нации», любовь к Родине являются единственной основой существования «органического» общества.

В то же время практический опыт показал, что национализм не просто исходит из признания наличия нации и ее особых интересов, но и нередко претендует на *превосходство* национально ориентированных потребностей над всеми иными чаяниями и замыслами людей. Высокая оценка национальных приоритетов, как правило, всегда сопрягается с идеями независимости, что в свою очередь практически постоянно вызывает к жизни требования получения определенной части государственного суверенитета и его политико-административного закрепления. Конкретно это может означать предоставление нации определенной автономии в рамках государства и даже создание самостоятельного государственного образования.

В ряде случаев целью национализма становится и повышение эффективности деятельности государства, проведение в нем реформ, способных качественно повысить уровень культурной и социальной защищенности граждан той или иной национальности. Еще одна достаточно распространенная цель национальных движений — получение на-

циональными группами «национально-культурной автономии», гарантирующей приобретение гражданами той или иной национальности качественно иных возможностей выражения своей идентичности (например, за счет развития сети школ с образованием на родном языке, расширения возможностей отправления религиозных обрядов, развития национальных печатных изданий и т. д.), расширения прав на особые формы политического представительства, законодательные инициативы.

Учитывая высокое политическое значение национальных движений в современных государствах, их широкий общественный резонанс, в ряде случаев национализм используется как политическое прикрытие для получения власти совершенно иными социальными силами. Такая *инструментальная* форма национализма чаще всего становится орудием проникновения на политический рынок тех сил, которые не заинтересованы в публичной огласке и предъявлении общественному мнению своих подлинных целей.

Место национализма в политике

В целом положение и характер национальных движений зависит от того или иного типа (титულიной, коренной, субнациональной и др.) наций и их соответствующих интересов, а также от особенностей политического процесса. Современный национализм, по мысли Э. Гелнера, в корне отличается от старого, отражая сложное переплетение образцов культуры и власти и не совпадая с теми его формами, которые четко отделяли идентификационные модели и нормы национальных государств с XIII до середины XX в. Такое состояние было подготовлено исторически, в процессе дезинтеграции традиционных обществ и их перехода в современное состояние. В результате национализм стал составной частью как неравномерного процесса развития индустриальных государств, так и формирования основ постсовременного, информационного общества. Поэтому сегодня разнятся как причины возникновения национализма, так и его цели, давая жизнь многоликим — гражданским, этническим, культурным, мифологическим, агрессивным, реформаторским, ирредентистским¹ и прочим — типам национальных движений.

Как известно, в XIX в., по мере разложения империй и формирования политической карты мира, требования наций к власти переместились с культурных на политические цели, что привело к созданию *самостоятельных национальных* государств. В переходных процессах XX в. национальные движения в основном возникали в русле национально-

¹ *Ирредентизм* — движение по соединению «рассеянных» народов на единой территории.

освободительной борьбы угнетенных народов, многочисленные примеры которой дал опыт разрушения колониальной системы в середине прошлого столетия, что также сопровождалось формированием ряда национальных государств. Помимо задач, связанных с обеспечением государственного строительства, национализм в данных условиях способствовал внутренней консолидации общества, мобилизации его населения на осуществление целей модернизации и даже психологической компенсации страданий, вызванных отсталостью страны и резкими внутриполитическими противоречиями (Х. Винклер).

Весьма типичной причиной, инициирующей национальные движения в переходных условиях, является и динамика развития отдельных национальных общностей в процессе изменения их масштаба и роли внутри конкретного государства. Например, «малые» нации перерастают в «большие», приобретая системообразующее для государства значение, что предполагает и соответствующее перераспределение прав и ресурсов власти.

В политических же процессах *развитых* современных государств национализм в основном складывается в рамках урегулирования межнациональных конфликтов, например, на основе возникновения *нарушений прав* жителей определенной национальности или несправедливого распределения социальных благ между различными национальными группами. Существенной причиной возникновения национальных движений является и стремление «малых» наций к самостоятельности, базирующееся на преувеличении своей культурной и политической роли в обществе, что провоцирует сепаратизм и, как следствие, инициирует центробежные тенденции, ведет к дезинтеграции государства и общества, к нарастанию обособленности и изоляционизма отдельных групп населения. Помимо постоянного появления на политической карте современных государств новых национальных меньшинств, которые выступают со своими политическими требованиями, в качестве причин, провоцирующих возникновение национальных движений, могут выступать и влияние родственных *зарубежных* групп, борющихся за права соплеменников в других странах, и политика *ирредентизма* (сознательного объединения людей одной национальности в рамках единого государства), и *противоречия* между титульными и нетитульными нациями и т.п.

Столь же распространенной причиной активизации национальных движений является и *низкая эффективность* государства, не способного к должному регулированию межгрупповых отношений. Например, в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. во многих странах Восточной Европы и республиках СССР всплеск национальных движений был вызван прежде всего резким ослаблением государственного контроля за межнациональными отношениями, а равно — крайне низкой эффективностью действий властей в социально-экономической сфере, сопровож-

давшихся резким падением уровня жизни населения. Одновременно активизации национализма способствовали и возросшие на волне перемен амбиции национальных элит, что также можно рассматривать в качестве относительно самостоятельной и весьма серьезной причины политической активности наций.

Значение этой причины формирования национализма тем более велико, что деятельность элитарных кругов нередко придает ему радикальные и разрушающие государственность формы путем пропаганды идей исключительности своей нации, утверждения ее особой миссии в развитии страны, разжигания межнационального недоверия и розни. Нередко под национальными лозунгами скрывается и сознательная установка определенных элитарных группировок, в том числе поддерживаемых из-за рубежа, на дезинтеграцию государства и общества, на изменение государственных границ, нагнетание региональной и международной напряженности.

Агрессивный национализм отрицает как принципы «открытого общества» (свободы, демократии, приоритета интересов личности над государством), так и идеалы социализма, предпочитая им идеологию «третьего пути», отражающую уникальность и исключительность стратегий развития собственной нации. Такая невстроенность в мировое развитие неизбежно соседствует с апологией насилия, принудительным расчищением политического пространства для собственного развития.

Хорошей питательной средой для формирования политической поддержки такого рода целей становится низкий уровень национального самосознания гуманитарной интеллигенции «малых» наций, трансформация национальных чувств граждан в форму этноцентризма, массовое распространение межнациональных предрассудков, отсутствие у широких слоев населения склонности к компромиссам, терпимости к религиозным и иным характерным отличительным чертам жизни представителей другой национальности. В то же время надо видеть, что националистические прожекты зачастую быстрее своих идеологических конкурентов и значительно доступнее объясняют людям причины дестабилизации социальных порядков, растущей преступности, беззакония, хаотичности эмиграционных отношений и засилия чуждых им культурных стандартов.

Структура национализма

Национализм как политическое движение представляет собой крайне сложное, внутренне структурированное явление. В его структуру входит ряд компонентов, от содержания каждого из которых существенно зависят возможности реализации национальной общностью своих целей в области государственной власти.

Основополагающее значение здесь имеет национальная **идеология**, в которой отражаются принципы и формулируются цели национального движения, указываются пути и средства их достижения. Как определенная система идеально выстроенных целей она провоцирует активность недовольных, придавая целевую направленность их действиям, как правило, ослабляющим целостность государства. Но главное заключается в том, что идеология выступает идейной и духовной основой массовой национальной идентификации, т.е. осознания широкими слоями населения своей приобщенности к данной национальной группе, понимания людьми уникальности и непреходящего значения разделяемых ими групповых норм и ценностей для собственной жизнедеятельности.

Один из важнейших идеологических принципов национализма — принцип национального самоопределения. Исторически сложилось в основном политическое понимание данного принципа. Как уже отмечалось, представители ряда научных школ рассматривали государственно-политическое самоопределение наций в качестве важнейшего условия их конституализации. Однако при этом совершенно не принимался в расчет исторический и даже тактический характер выдвижения подобных требований. Иными словами, независимо от степени развития национальной общности требование государственно-политического оформления территории, на которой она проживала, рассматривалось как универсальное, внеисторическое.

Понимая, что реальные межнациональные отношения неизбежно включают в себя естественно складывающиеся процессы сближения, ассимиляции или, наоборот, взаимного дистанцирования отдельных общностей, можно утверждать, что оправдание стремления национальных групп, особенно «малых», к политическому самоопределению неизбежно подрывает целостность многосоставных в этническом плане государств. Иными словами, универсализация этого требования, его применение к национальным группам разного масштаба, веса и значения в политической жизни конкретных стран не дали бы сложиться ни одной крупной национальной группе и ни одному крупному полиэтническому государству.

На практике стремление придать первостепенное значение принципу национального самоопределения в его сугубо политической форме противоречит и некоторым другим принципам, в частности принципу территориальной целостности государства. Как показал практический опыт развития целого ряда многонациональных государств, некоторые титульные нации, получив право на самоопределение, нередко опираются на принцип территориальной целостности, чтобы не допустить возможности самоопределения национальных меньшинств в уже обретших самостоятельность государствах.

Формируя свои цели, лидеры национальных движений должны исходить из того, что по своему содержанию принцип национального самоопределения не сводится только к своей политической составляющей. Помимо этого он одновременно является и специфическим показателем культурной общности людей, и правовым принципом, и критерием достижения нацией конкретной стадии в своем развитии, и свидетельством наличия известных психологических процессов и т. д. Вот почему в зависимости от конкретной исторической и политической ситуации следует руководствоваться теми его ориентирами, которые позволяют наиболее оптимально обеспечить общеколлективные интересы представителей той или иной национальной группы.

Это требует применения соответствующих механизмов и технологий достижения целей национализма: ресурсов и возможностей партий, прокламации программ, выдвижения лозунгов, использования СМИ и т. д. В частности, конструируемые в рамках национализма действия могут способствовать эмоциональной драматизации мнимых и действительных национальных притеснений, ориентируясь на политизацию данных конфликтов, т. е. на активное вовлечение власти в решение данных противоречий. В то же время используемые способы и техники реализации целей могут помочь сделать основной упор на компенсацию морального ущерба и минимизацию национальных предрассудков, способствовать усилению внутренней солидарности и культурного сплочения данной общности без обращения к институтам власти.

Еще одним компонентом национализма является массовое **национальное самосознание**, от характера которого непосредственно зависит степень реализации идеологических целей.

Чаще всего **национальное самосознание** понимается как совокупность представлений, характеризующих реальное освоение людьми идеалов, культурных норм и традиций той или иной национальной общности, а также обусловленных ими ее интересов.

Национальное самосознание, как правило, формируется с учетом специфического влияния ряда особых коллективных представлений. В частности, на уровень осознания идеалов и интересов нации существенное влияние оказывают **этнические** приоритеты, обуславливающие коллективную идентичность на базе общности «крови и почвы», некритического освоения ряда сложившихся традиций, смыслов и ценностей. В силу своего во многом подсознательного характера эти установки могут драматизировать действительность, приобретая разрушительные для рационального отношения к жизни формы. К числу факторов, влияющих на формирование национального самосознания, относятся и **религиозные** воззрения как один из важнейших факторов народного менталитета, сплавленный с историей становления и развития данной общности и ее мировосприятием в цивилизационном контексте.

Аналогичными факторами являются **социальные** идеи, формирующиеся под воздействием более широких, чем государственные, современных экономических процессов, коммуникаций и институтов культурной жизни, а также собственно **политические чувства и представления**, отражающие отношение людей к реальным властно-перераспределительным процессам в их странах и мире в целом. Все перечисленные факторы являются компонентами структуры национального самосознания.

Значение каждого из этих компонентов зависит от конкретных условий и особенностей эволюции конкретного народа. Например, национальное самосознание большинства жителей Северной Ирландии обуславливается религиозными установками, определяющими их принадлежность к католикам и протестантам; в осознании послевоенного разделения граждан немецкой национальности, проживавших в ФРГ и Г ДР, решающую роль играли политические оценки; в понимании подавляющим большинством современных жителей Германии, стран Бенилюкса и многих других государств своей принадлежности к европейской общности главное значение имеют социальные представления и т. д.

В целом названные компоненты национального самосознания способны формировать не только позитивную идентичность, связанную с ростом межгруппового уважения и взаимответственности, наличием у людей высоких чувств долга и патриотизма. Те же, но иначе воспринятые идеи могут перерасти в шовинизм (ультранационализм, ориентированный на разжигание вражды и ненависти между народами), способствовать распространению ксенофобии (недоброжелательства к иностранцам), расистских и фашистских настроений, придавая таким образом национальным движениям деструктивный для общества характер.

Принципиальное значение в структуре национализма имеют также **институты и нормы**, упорядочивающие массовую активность представителей определенной нации, организующие и формализующие стихийные акции (практики) граждан, координируя их с сознательно конструируемыми целями и задачами на политической арене. В качестве таких важнейших институтов могут выступать национальные государства, национальные партии, соответствующие группы давления и СМИ. Нередко институциональные формы принимает деятельность вооруженных группировок и партизанских отрядов (а иногда даже террористических организаций), борющихся за специфически понятые национальные интересы.

Особое место в структуре национализма принадлежит **национальным элитам**, играющим ключевую роль в формировании политического облика движения. В силу исключительного значения субъективных компонентов для концептуализации национализма, как такового, громадную роль играют идеологические (интеллектуальные) слои

элитарного слоя. Именно они продуцируют ценности, интегрирующие национальные общности, проясняют современное значение исторических традиций и обычаев, формулируют национальные интересы, лежащие в основе повседневной деятельности этих политических сил.

Понятие национальных интересов

В конечном счете национализм представляет собой форму достижения *национальных интересов*, представляю-

щих наиболее важный ориентир политической деятельности всех участвующих в нем групп и лиц. Будучи одним из основополагающих условий обретения людьми национальной и культурной идентичности, национальный интерес в концентрированной форме выражает те цели и способы их достижения, которые закрепляют за национальными движениями тот или иной политический статус как внутри государства, так и на международной арене. Наконец, как основание деятельности национального государства национальный интерес выступает и в качестве показателя определенности внешней и внутренней политики страны.

Однако, несмотря на столь весомую роль национального интереса, в науке до сих пор не достигнуто согласия не только в его трактовке, но и в признании его существования. Например, ряд ученых (Б. Капустин) отрицает значение национальных интересов в силу их содержательной неопределенности, что, по их мнению, создает условия для навязывания социально разрозненному обществу ложной и заранее заданной общности интересов, широкие возможности для спекуляций и манипулирования общественным мнением. Тем не менее большинство теоретиков все же использует данное понятие для анализа политической реальности, расходясь, правда, в понимании его природы и назначения.

Так, одна группа ученых исходит из **идеологической** трактовки национального интереса, предполагающей формулировку политических целей в рамках заранее заданных ценностей и культурных значений. При таком понимании национальные интересы нередко выступают в виде разнообразных *духовных* конструкций — «русской идеи», «американской мечты», «духа фатерланда»; имперских установок, предполагающих создание «великой» страны (России, Боснии, Германии и т.д.); антизападных или антироссийских убеждений, рассматриваемых отдельными элитарными слоями в мусульманских и недружественных нам государствах как не подлежащие критике сверхценности.

Данная трактовка национальных интересов программирует прежде всего эмоционально-чувственные мотивации политического поведения представителей определенных наций (государств), закрепление в их политических программах и лозунгах неких вневременных оценок, подходов, стереотипов. При определенной позитивности такого понимания национальных интересов и соответствующих действий, демонстрирую-

щих, к примеру, «принципиальность» политики, ее «приверженность идеалам и принципам», подобные формы общеколлективных целей, как показывает практический опыт, только усугубляют разногласия с конкурентами и драматизируют видение политической ситуации. Более того, такое положение ставит государство как политический институт в заведомо проигрышное положение в борьбе с конкурентами, способными более гибко относиться к оценке ситуации, маневрировать, корректировать свои цели и т.д.

Другая трактовка национальных интересов предполагает **прагматическое** отношение к ним, характеризующее соответствующие цели как непременно позитивное, но содержательно разнообразное общеколлективное благо. При таком подходе не существует никаких окончательных представлений о том, что и как надо достигать. Все содержательные параметры национальных интересов зависят от обстановки. Поэтому у носителей таким образом понимаемых национальных интересов постоянно меняются и «вероятные» союзники, и «потенциальные» противники нации (национального государства), и позитивные, и негативные оценки внешней и внутренней ситуации. Однако при всем этом сохраняются две универсальные цели: *процветание граждан* и *усиление мощи государства*. Причем средствами обеспечения этих целей в основном признаются экономический потенциал и военная сила.

На примере внешней политики такой подход к пониманию национальных интересов ярко продемонстрировал известный немецкий теоретик Г. Моргентау. Он писал: «Цели внешней политики должны определяться в контексте национального интереса и поддерживаться определенной силой. При этом содержание самого национального интереса определяется самим государством и не предполагает каких-либо иных ограничений кроме силы, которой оно располагает по отношению к силе взаимодействия с ней других государств»¹.

В сфере практической политики понимание национального интереса, как правило, сочетает известные элементы прагматики и идеологических установок, которые изменяют приоритетные цели и задачи национальных движений (государств). Наряду с этим национальные интересы обладают *временным характером* (отражая долгосрочность или краткосрочность своих целей), *приоритетностью* (фиксируя первостепенность или второстепенность своих ориентиров по отношению к другим направлениям активности национальных движений), *степенью устойчивости* (констатируя постоянство или изменчивость поставленных задач), *предметностью* (позволяющей видеть их внутривнутриполитические или внешнеполитические аспекты и таким образом отражать конкретные действия, направленные на реализацию целей).

¹ Morgenthau H. G. Politics among Nations. N.Y., 1952. P. 67.

Типы и механизмы урегулирования национальных конфликтов

Наиболее важной причиной возникновения национальных движений, формулировки их целей, придания им той или иной интенсивности и продол-

жительности являются разнообразные межнациональные (этнополитические) конфликты, которые не могут быть урегулированы за счет внутренних ресурсов сторон.

Конфликты такого рода либо опосредуют разнообразные асимметричные отношения групп *социально-экономического, территориально-го (в том числе миграционного), демографического* и иного характера, либо отражают формы социального неравенства людей в зависимости от их национальной принадлежности (например, в сфере отправления религиозных обрядов, воспроизводства культурных ценностей, реализации гражданских прав и т.д.). При этом национальные аспекты, как правило, способны играть роль детонатора различных социальных противоречий, придавая противоборству чрезвычайную стремительность и остроту. Более того, различные политические силы нередко стремятся сознательно свести те или иные социальные и групповые конфликты к национальным основаниям. В связи с этим нередко любые расхождения позиций или неравенство ресурсов у национальных (этнических) общностей приводит к острым конфликтам. Однако практический опыт развития межнациональных отношений в ряде таких стран, как Швейцария, Голландия, Бельгия, и некоторых других показывает возможность установления взаимоуважительных и политически стабильных отношений между различными национальными, этническими, расовыми и иммигрантскими группами

Наиболее распространенными являются конфликты между *национальными* (этническими) *группами* в полиэтнических государствах, возникающие на основе различий во владении теми или иными социальными *ресурсами*, а также между национальным *большинством* и *меньшинством*. Как правило, причинами такого положения дел в немалой степени служат факторы естественно-исторического характера, заселенность определенных территорий, тесная связь отдельных групп с теми или иными видами хозяйственной деятельности, процессы ассимиляции и миграции отдельных наций, эволюция административно-территориальной организации государства, а также сокращение его реальных возможностей. Например, в результате формирования социально-экономической периферии в России (в частности, это относится к районам Крайнего Севера, испытывающим постоянные трудности в обеспечении ресурсами) материальное неравенство проживающих там граждан непосредственно предстает как национальное.

Специфические конфликты возникают и в результате *идентификации* этнических меньшинств с родственной общностью, проживающей

в соседних странах (например, у турок в Болгарии, венгров в Румынии, русских в Молдавии и т.д.). Примерно такие же противоречия возникают и вследствие формирования *этнических анклавов*, складывающихся в результате этнической эмиграции из соседних государств, а также воссоединения ранее раздробленных этносов и восстановления прав репрессированных народов.

Среди множества межнациональных конфликтов прежде всего следует отметить те, которые возникают на почве наиболее политически значимых противоречий между *государством* (центральной бюрократией) и *национальной группой*. Чаще всего данный конфликт связан с систематическим ущемлением прав последней (юридическим или фактическим). Такие отношения могут приобретать различные формы: немотивированного ужесточения контроля за жизнью данной части населения, создания препятствий в кадровом росте, проведения незаслуженных репрессий и т.д. Например, в СССР статус негласной государственной политики приобрело дискриминационное отношение властей к гражданам еврейской национальности, которые подвергались различным формам социального притеснения и унижения.

Во многих странах весьма распространенным типом межнациональных конфликтов является противоречие между *титульной* (коренной, дающей официальное название государству) и *нетитульной* (некоренной) нациями. Такое положение может выражаться в сужении представителям последней возможностей для вероисповедания, обучения детей на родном языке, установлении чрезмерных требований в освоении государственного языка, дискриминации по национальному признаку в области здравоохранения, образования, профессионального кадрового роста и т.д. Причем такие противоречия могут возникать даже тогда, когда нетитульная нация превосходит титульную по численности. Как свидетельствует опыт преобразований в большинстве современных Прибалтийских государств, самым серьезным последствием такой политики является масштабная социальная дискриминация и превращение представителей нетитульной (в данном случае русской) нации в «людей второго сорта».

В структуре межнациональных отношений особое место занимают и так называемые *межэтнические конфликты*. Их особенность состоит в том, что степень их урегулированности слабо зависит от рациональных действий по использованию институтов власти и преобразованию характера их деятельности, проведения согласительной политики и использования всевозможных техник примирения (этим они отличаются от других типов межнациональных конфликтов). Причина крайней степени устойчивости подобных конфликтов заключается в том, что источники их напряженности, как правило, лежат в эмоционально-чувственной сфере, органически подкрепляясь действием бытовых tradi-

ций, некритически воспринятыми, «с молоком матери» впитанными оценками и суждениями, подсознательными, в том числе религиозными, стереотипами и стандартами, выражающими трудно изменяемое некомплементарное отношение к людям другой национальности.

Этническая несовместимость, неспособность жить в мире «соприкасающихся наций» (С. Хантингтон) служит выражением куль турной дистанции, которая порой является условием самого существования этносов. Причем эта дистанция трудно преодолима как для групп, так и на индивидуальном уровне. Нередко такие конфликты выливаются в ожесточенные, в том числе вооруженные, столкновения отдельных этнических образований (тейпов, махалей), ведущих борьбу друг с другом на протяжении долгих лет. И подчас требуется жизнь не одного поколения, чтобы такое взаимонепонимание утратило свою остроту и агрессивность.

Межнациональные (межэтнические) противоречия проявляются как на уровне политических институтов (движений), так и на межличностном, бытовом уровне. На этом уровне формируются разнообразные стереотипы враждебности, недоброжелательства, провоцируются стихийные мятежи, выступления, террористические акции, самосуд и т .п. В этом отношении важнейшим фактором примирения сторон является взвешенная политика государства, направленная на выравнивание прав представителей всех проживающих на его территории национальностей и предоставление им возможностей жизни в соответствии со своими убеждениями.

Урегулирование национальных конфликтов зависит не только от применяемых механизмов и технологий, но и от исходных моделей, обуславливающих такие действия. Так, одни исследователи предпочитают рассматривать национальные конфликты как проявление социально-экономических, политико-административных или культурных противоречий и потому настаивают на применении соответствующих специализированных методов их урегулирования (например, на активизации материального стимулирования работников, перекройке границ административных районов, расширении возможностей для обучения детей на родном языке, отправления религиозных обрядов и т .д.). Другие ученые (Э. А. Паин) исходят из того, что способы предупреждения и разрешения национальных конфликтов следует применять и проектировать, учитывая неизбежное чередование активности больших и малых национальных групп (фаз колебания «этнополитического маятника»), борющихся за расширение своих прав и ресурсы.

Существуют попытки представить урегулирование национальных конфликтов и в рамках коммуникативных моделей, т .е. исходя из особенностей межнационального общения. Так, С. Татунц, интерпретируя идеи С. Додда, предлагает следующие механизмы:

- *бегство или пассивную автаркию*, предполагающую избегание прямых контактов с представителями чужой культуры. Это ведет за собой создание культурных гетто на территории страны, особенно важных для переселенцев и беженцев (Турецкий квартал Кройсберг в Берлине, Брайтон-Бич в Нью-Йорке и др.);
- *агрессивную автаркию*, сопровождающуюся борьбой и противостоянием национальных культур, что провоцирует проявления этноцентризма, критического, а то и враждебного отношения к инокультурным образцам поведения и мышления людей;
- *гибкую автаркию*, ведущую к осознанию необходимости принятия людьми новых образцов мышления и поведения. Это характеризует сокращение культурной дистанции одних от других наций и налаживание соседями более плотных контактов;
- *ассимиляцию*, т.е. отказ от прежнего узкоэтнического восприятия национальных интересов и принятие людьми нового культурного кода (чаще всего — большей нации).

3. Национальные движения в современном мире

Типы национализма

В зависимости от характера поставленных и решаемых задач, типов действующих лиц и множества других факторов в современном мире формируются различные типы национальных движений, различающихся своими внешними и внутренними параметрами.

Как уже указывалось, широкое распространение получило выделение и описание «**гражданского**» и «**этнического**» национализмов, делающих акцент соответственно либо на общеполитических, либо на кровнородственных, «почвенных» критериях групповой идентификации. Наряду с этим известный американский исследователь Дж. Брейли выделяет национализм **сепаратистский**, направленный на отделение той или иной нации от существующего государства; **реформаторский**, стремящийся придать более национальный характер структурам и отношениям уже существующего государства; **ирредентистский**, ориентированный на объединение различных частей одного и того же этноса на территории одного государства (или предполагающий присоединение одного государства к другому). Другой западный ученый Дж. Хол выделяет и описывает «**интегральный**» национализм, ориентированный на усиление монолитности как полинациональных, так и мононациональных обществ. А Б. Андерсон вычленил «**официальный**», или «**правительственный**», национализм, направленный на большее соответствие интересов нации интересам государства.

Несколько иные основания для классификации национализма предлагает российская исследовательница Л. Дробижева, которая выделяет

следующие типы национализма: **имперский** (т.е. традиционный государственный национализм крупной нации, стремящейся навязать свои ценности и установки другим национальным группам, в том числе за счет насильственной ассимиляции), **макрорегиональный** (демонстрирующий деятельность интеграционных национальных образований, например ТНК, направленную на противостояние имперской политике отдельных государств и доказательство своей самодостаточности) и, наконец, **микрорегиональный** (национализм «малых» наций и этнических групп, стремящихся обеспечить себе политические привилегии).

Весьма распространенным является также выделение различных типов национализма в зависимости от его политической программы, например: **либерального** (предполагающего сочетание национальных и государственных ценностей), **радикального** (ориентирующегося на резкий разрыв этих идеалов и даже на уничтожение части прежней элиты), **реакционного** (испытывающего недоверие к новым, демократическим ценностям и пытающегося всеми методами сохранить прежние идеалы) и т.д. Например, в России в XIX — начале XX в. национальные движения преследовали цели сохранения империи, умножения земель, руководствуясь при этом идеями «панславизма» (учения, утверждавшего превосходство славянских народов перед остальными), негативного отношения к цивилизационным ценностям западного толка.

Однако наиболее политически значимым основанием для типологизации национализма в настоящее время является его отношение к демократии. Такое основание стало особенно актуальным в последние десятилетия, когда обозначился кризис современных национальных государств, а также выявились серьезные политические противоречия в связи с резким ростом национального самосознания в посттоталитарных странах Восточной Европы и СНГ. С точки зрения отношения к демократии, как правило, выделяются три типа национализма: **враждебного** демократии, **нейтрального** и **соответствующего** ее базовым принципам и задачам.

Национализм и демократия

Выделение национальных движений, находящихся в разном отношении к демократии, безусловно, имеет под собой реальную почву. Однако теоретическая проблема заключается не столько в констатации указанных типов национализма и их распространенности, сколько в понимании путей и методов демократизации национальных движений. А это, в свою очередь, зависит от понимания совместимости национальных и демократических процессов.

Возникновение и существование принципиально нечувствительных к нормам демократии национальных движений некоторые представи-

тели многих научных школ традиционно объясняли на основе *аксиологического* подхода, выражавшего однозначно негативное отношение к этому политическому движению, как таковому. По сути дела сторонники их позиций отождествляли национализм с его наиболее гипертрофированной формой — шовинизмом, т.е. идеями и действиями, направленными на обеспечение *превосходства* прав нации над правами человека, на достижение национального превосходства, дискриминацию меньшинств и установление этногегемонизма. В настоящее время внутреннего несовместимости демократии и национализма нередко объясняется наличием острых, интенсивных этнических чувств, присущих представителям различных национальностей в плюральном обществе, которые неизбежно раскалывают гражданское общество и обрекают его на недемократизм.

Сторонники противоположных взглядов полагают, что демократия как достаточно формальная система обеспечения равенства групп не препятствует, но и не гарантирует равные статусы и возможности, к примеру, национальным меньшинствам. В то же время такие гарантии возможны только на основе дополнения формальных процедур определенными конституционными порядками, создания специальных политических механизмов, если не устраняющих, то существенно смягчающих межнациональные противоречия (например, в виде предоставления нацменьшинствам специальных квот для участия их представителей в работе законодательных и исполнительных органов власти). Существеннейшую роль в совмещении национализма и демократии играет и установление определенной избирательной системы (например, смешанной), не позволяющей нацменьшинствам трактовать результаты выборов как выражение «тирании большинства».

Важнейшее значение в демократизации национальных движений имеет и массовое распространение чувств толерантности, инонациональной терпимости, взаимоуважения представителей различных наций, пропаганда в обществе образцов культуры и достижение компромисса. При этом СМИ не должны становиться на защиту интересов только лиц определенной национальности, усугубляя различия между национальными группами, способствуя расширению чувств инонациональной неприязни, распространению националистических фобий и предвзятостей.

Но главным условием внутреннего совмещения демократии и национализма является *деполитизация* национальных отношений, утверждение в обществе принципа национальной экстерриториальности (отрицающей жесткую зависимость существования нации от территории, на которой она проживает в настоящее время) и, следовательно, укоренение общегражданского характера наций, принципа «одна нация — один народ — одна территория — одно государство».

В этом смысле политические требования отдельных наций и этносов будут неизбежно пересекать границы различных общностей. Но тогда и борьба за национальное самоопределение будет борьбой отдельных наций и этносов не за часть государственного суверенитета, а за дальнейшую демократизацию государственно единого и многообразного в этническом отношении общества, предоставляющего всем национальностям равные права для культурного и политического развития.

Центральная роль в придании демократического характера национальным движениям принадлежит государству, его целенаправленной политике в области межнациональных отношений. Государство не должно ослаблять контроль за развитием межнациональных отношений, гибко подстраивая под них свои административно-территориальные границы, принципы и задачи своей социально-экономической политики. Полиэтнизм общества должен предполагать соответствующее организационное обеспечение государством, адекватные изменения в строении его политической системы. Объективные этнообразующие тенденции должны стать для государства основой для сохранения единых, стабильных и демократических отношений. Как показал опыт Югославии (в послевоенных границах), моноэтнический национализм в полиэтнической стране, когда едва ли не каждая из национальных групп выказывала стремление к доминированию, способен разрушить даже вполне развитое демократическое государство.

В русле формирования демократизирующей национальные движения политики государство должно оперативно и радикально пресекать любые формы этнического насилия, попытки оправдания даже самого незначительного национального превосходства, исходящие от представителей любых, в том числе титульных, национальностей. При этом особое внимание следует уделять национальным «группам риска», т.е. тем группам, которые либо в прошлом подвергались незаслуженным репрессиям, либо сегодня испытывают явную несовместимость с представителями других национальностей, ущемление своих прав на культурную самобытность и активно противятся ассимиляционным процессам и т.д.

Крайне внимательное отношение государства ко всем проживающим на его территории нациям и этническим группам, последовательность его интегрирующей общество политики особенно важны для таких стран, как Россия, которая является исторической родиной для автохтонных (зародившихся в ней), но существенно различающихся религиозными или иными компонентами национального самосознания народов, земель, с которой связана их историческая память, психологическое восприятие Отечества.

ГОСУДАРСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

1. Понятие политического института

Сущность и структура политических институтов

В политической сфере всегда существуют самые разнообразные формы активности людей, преследующих свои интересы. В то же время этот исходный «хаос», совокупность самых разнообразных акций и интеракций, всегда упорядочен деятельностью институтов, которые придают политической деятельности общества упорядоченный и по преимуществу стабильный характер. По происхождению термин «институт» (лат. *institutum*) и означает у становление, учреждение, обычай.

Однако, несмотря на свою достаточно явную общественную роль, в науке политический институт трактуется весьма неоднозначно. Так, Э. Дюркгейм трактовал институт как совокупность определенных идей, верований, обычаев и социальных практик, которые индивид получает от общества в готовом виде и которые в какой-то степени навязываются людям. М. Дюверже, уточняя это слишком общее, по его мнению, определение, полагал, что институты — это те идеи и обычаи, которые представляют собой упорядоченное и организованное целое (например, брак, семья, выборы и пр.). Сохранились в науке и подходы, которые обозначают институты как те политические структуры, которые порождены либо традицией (историей, нравами и т.д.), или же правом (т.е. выступающие как прямое порождение конституционных и законодательных установлений, ограничений и запретов). Существует и, условно говоря, административно-управленческая трактовка института, интерпретирующая его как организацию (учреждение, орган, ассоциацию, объединение людей), обладающую формальным характером и содержащую структурные ограничения деятельности человека (А. Шидлер), предписывающую правила принятия решений и систему стимулов (А. Степан), а также утверждающую процедуры согласия и стандарты конкуренции (П. Холл).

Весьма распространенной точкой зрения является позиция, представляющая институт как совокупность норм взаимодействия политических акторов, комплекс формализованных правил и принципов, т.е. тех источников активности человека, которые в основном и обуславливают внутреннюю взаимосвязь и целостность коллективных действий. Как известно именно в том, «какими должны или могут быть <...> модели поведения и социального взаимодействия» людей, т.е. в нормативном содержании контактов, видел суть организаций и институтов Т. Пар-

сонс. В этом плане нормы обладают как внешними (формальными установлениями ответственности, границ поведения и пр.), так и внутренними формами существования (свидетельствующими о том, являются ли они внутренним мотивом поведения человека или нет). Как считает Д. Норт, «институты — это “правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»¹.

Обобщая имеющиеся подходы, **политические институты** можно определить как совокупность формальных и неформальных норм и организационно закрепленных установлений (принципов, правил, санкций, ограничений и прочих показателей политической активности), регламентирующих коллективные действия людей в сфере распределения власти и определяющих их устойчивость по отношению к внешней среде.

Таким образом, институты — это структуры взаимного действия, определенный коллективный ресурс и инструмент удовлетворения интересов. Иначе говоря, институты находятся в соответствии (изоморфны) с коллективными интересами и настроениями людей, они расширяют поле действия индивида и одновременно служат инструментом управления групповыми формами поведения. Не случайно П. Холл и Р. Тейлор указывают на то, что «акторы создают институты, чтобы <...> получать выгоды от кооперации»². Впрочем, существует мнение, что институты не только специально создаются людьми для координации своих действий, но и являются побочным результатом конкуренции людей за власть (дистрибутивный подход). Поэтому, к примеру, в одной стране (с одним типом конкуренции) выборы могут порождать мажоритарные, а в других странах пропорциональные электоральные институты. Таким образом, источником институтов могут стать как коллективная выгода, так и конфликт между сторонами.

Политические институты — как показатели соотношения социальных сил — являются устойчивыми образованиями, и люди не могут изменять их в любое время по собственной прихоти. Напротив, институты обладают преимущественным характером в плане определения содержания и характера деятельности людей, влияния на мотивы и стимулы их поведения в сфере власти.

Чаще всего выделяют два типа политических институтов:

- **институты-организации** (государство, партии, группы давления и другие формализованные группы людей, преследующие определенные цели и создающие для оптимизации своих решений собственные нормы и правила);

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

² Hall P., Taylor R. Political science and the three new institutional change: A note of Studies. 1996. Vol. 44. № 5. P. 140.

- **комплексные**, сложносоставные институты (выборы, принятие политических решений и прочие формы взаимодействий, которые структурируют отношения между различными участниками того или иного процесса).

На практике различают также институты «первого» (например, государство) и «второго» (отдельные группы интересов) порядка, характер взаимодействия которых определяет степень стабилизации, вектор направленности политического процесса. Достижение равновесия (эквивилибриума) между ними обеспечивает длительную и устойчивую стабильность в обществе.

2. Природа и сущность государства

Понятие и теории происхождения государства

Государство является центральным, интегрирующим общество **институтом, организующим совместную жизнь населения на определенной территории и обеспечивающим там порядок, поддержание соответствующих норм и правил человеческого общежития.**

В то же время эта **общесоциальная** природа государства обладает и **политическим** характером: во-первых, в силу того, что государство концентрирует в своих руках высшие властные полномочия в обществе и обладает способностью управлять и целенаправленно регулировать социальные отношения; во-вторых, государство обладает способностью применять специфические методы и способы урегулирования общественных отношений. Например, как и иные политические институты, государство может применять двойные стандарты при решении того или иного вопроса (т.е. опираться при выполнении своих функций на понимание реального соотношения сил и ресурсов между теми или иными слоями общества), наряду с публичными формами регулирования предпринимать теневые (полутеневые) формы применения власти, ориентироваться при решении того или иного конфликта не столько на закон, сколько на реальный уровень поддержки своих проектов со стороны населения и т.д. В этом плане именно политическая конкуренция становится главным ограничителем выполнения государством своих функций.

Долгая история формирования и развития государства сопровождалась не менее длительными и не всегда результативными попытками теоретического объяснения источников возникновения данного института, его отличительных черт, социального назначения и перспектив будущего развития. Долгое время государство практически отождествлялось с обществом, его социальной организацией. И только в XVI в., благодаря трудам Н. Макиавелли, впервые появился тер-

мин stato (от лат. *status* — положение), т.е. «государство», для обозначения особой, отличной от общества структуры власти. И хотя для отображения деятельности этого института как носителя верховной власти применялись и другие термины — *imperium*, *respublica*, *communitas politica* и др., — в науке и практике в основном закрепилось слово «государство» (англ. *state*).

Сложность и многообразие путей формирования этого института власти, его функций и назначения отразились и на объяснении причин его происхождения. В частности, в Древней Греции в основном преобладали теории **естественного происхождения** государства. Так, Аристотель полагал, что люди как социальные по своей природе существа, стремящиеся к совершенству и потому постоянно взаимодействующие друг с другом, неизбежно образуют общество и его формальную организацию — государство. При этом государство служит не только проявлением естественного стремления людей к взаимному общению, но и средством достижения ими морального совершенства. Государство состоит из людей, но оно неизмеримо сильнее любого отдельного человека или каких-либо групп и объединений. Поэтому сила, мощь и превосходство государства над человеком также должны рассматриваться как его важнейшие проявления. Интересно, однако, что эта гуманистическая логика объяснения естественного характера возникновения и назначения государства впоследствии была подхвачена сторонниками фашизма (в частности, Муссолини с его теорией «органистского государства»), сделавшими акцент на могуществе и силе этого института власти.

В средние века большое распространение получила теория **божественного происхождения** государства, творцы которой рассматривали государство как результат Божьего промысла, орудие проявления заранее предуготованного для человека божественного плана, выявление высшей воли Творца. Такое понимание природы государственной власти предусматривало, что именно Бог выбирает короля и дарует ему абсолютные полномочия по отношению к подданным, которым надлежало подчиняться земному властителю, даже если тот был тираном. Соединившись с интересами института церкви, эта идея интерпретировалась в духе теории «двух мечей», признававшей правомерность наличия центров светской и церковной власти, каждая из которых считалась дарованной Богом и обладала собственной компетенцией: одна — в мирской, другая — в духовной области.

Основываясь на этих идеях, приверженцы божественной интерпретации государства утверждали наличие некоторых народов-избранников, которых якобы благословил Всевышний. Отголоски таких традиций сохранились вплоть до настоящего времени. Например, японские власти во Второй мировой войне широко использовали мифологические идеи, утверждавшие, что первым императором Японии был внук

Богини Солнца и потому умереть за Богом избранного монарха есть высший религиозный долг.

Собственную трактовку происхождения государства дала **договорная** теория, находившаяся в оппозиции к «божественному праву королей» и основывавшаяся на идее народной власти, т. е. признания народа главным источником государственного суверенитета. Возникшая в XVII–XVIII вв. **теория общественного договора** в самом общем виде утверждала идею о том, что властители и подвластные имеют друг перед другом определенные обязательства, возникшие в тот период, когда суверенный народ согласился создать государство и передать правителям определенные полномочия. Таким образом, признавалось, что люди могут аннулировать правительство и государство, если они не служат их целям.

В то же время эта самая общая установка предполагала возможность различного истолкования форм и полномочий власти, прав властвующих и подвластных, а также иных существенных сторон общественного договора. Так, Т. Гоббс утверждал, что государственная власть предоставляется властителям, дабы сохранить общественный порядок и предотвратить «войну всех против всех». Именно монарх есть воплощение сущности государства, его суверенитета, и потому, во избежание хаоса и разрушительных последствий взаимной конкуренции граждан, властям следует иметь существенное преимущество перед народом. В противоположность таким идеям Ж.-Ж. Руссо и его сторонники отдавали решающие преимущества в государстве населению в целом, полагая, что общественный договор предполагает право и необходимость властвования народа только в непосредственной форме, не нарушающей и не ограничивающей его общеколлективную волю. В то же время Дж. Локк и его последователи настаивали на том, что государство в рамках общественного договора должно полностью контролироваться народом и быть использовано для защиты прав и свобод граждан.

Свою лепту в обоснование источников возникновения государства внесли теоретики, настаивавшие на **насильственном** характере этого процесса. Еще в древние времена возникли идеи о том, что государство было создано путем захвата и насилия сильных над слабыми. Таким образом, на протяжении тысячелетий формировалась не только установка на отрицательное отношение к государству как социальному злу, но и этическое оправдание сопротивления ему и даже уничтожения его. Такие подходы были характерны и для ранних христиан, сопротивлявшихся Римской империи, и для теологов, стремящихся подчинить церкви органы светской власти, и для многочисленных революционных группировок, боровшихся с разнообразными формами тирании и диктатуры. Наиболее яркую форму такого рода идеи получили в теориях анархистов М. Штирнера, П. Прудона, М. Бакунина, рассматривавших государство как воплощение социального зла и стремившихся освободить человека от всех разновидностей внешнего принуждения и власти.

В противоположность такой трактовке в XIX в. в теориях Г. Гегеля и Ф. Ницше сложился иной подход, согласно которому государство, имевшее силовое происхождение, есть крайне положительное для общества явление. По их мнению, государство, проявляя в своей деятельности заложенную при его рождении силу, организует власть сильных над слабыми, заявляя о себе как о самой могущественной организации в человеческом сообществе и неся таким образом благо нуждающимся в защите людям. По этой причине государство признавалось институтом, стоящим выше ограничений обыденной морали или прав отдельной личности.

Собственную трактовку происхождения государства дала **марксистская** теория, в которой указывались определенные предпосылки данного процесса (прежде всего наличие общественного разделения труда, возникновение частной собственности и классов) и непосредственная причина создания государства (непримиримость классовых взаимоотношений, вследствие чего экономически господствующий класс создает государство как инструмент принуждения своих конкурентов). Как писал В. И. Ленин, «государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены»¹.

Таким образом, в марксизме наиболее ярко выразилось отношение к государству не как к институту, выполняющему общесоциальные функции в обществе, а как к инструменту группового господства, аппарату власти, господства и управления общественными процессами в интересах определенного класса. Как подчеркивал Ленин, «государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы»².

Причины возникновения государства

Возникновение государства стало результатом усложнения общественного развития, формирования многообразной гаммы общественных интересов, неоднозначности развивавшихся связей властвующих и подвластных. Дифференциация интересов различных человеческих общностей и соответствующих им общественных отношений, поставив под вопрос былые формы сохранения целостности общества, в основном и предопределила возникновение института, способного добиться организации совместной жизни граждан на отдельной территории. Для этого государство берет у общества часть необходимых для поддержания его жизнедеятельности функций, отчуждает и даже узурпирует их. Поэтому в его деятельности существуют как *обще-*

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.

² Там же. Т. 39. С. 75.

социальные мотивы, обусловленные задачами интеграции и организации общества в целом, так и *групповые*, связанные с особыми интересами государственной бюрократии, политических элит и социально доминирующих групп общества, обладающих реальными привилегиями в использовании его ресурсов и материальной силы.

Как особый политический институт государство возникло в IV–III тыс. до н.э. Его структуры и особые функции складывались по мере развития родо-племенных отношений и обособления определенной группы лиц (вождей, видных дружинников, служителей культа, родовой аристократии, обладателей материальных богатств и их приближенных), которые, трансформируя свои статусы и социальные привилегии во власть, постепенно концентрировали в своих руках управленческие функции, закрепляя их в виде устойчивых общественных позиций и подкрепляя их традициями, верованиями и религиозными постулатами.

В зависимости от особенностей эволюции различных цивилизаций эти универсальные процессы образования государства обладали известной спецификой. Например, на Западе особенности развития материальной и духовной жизни связали образование этого политического института с формированием сословного представительства граждан, возникновением института частного права, постепенным ограничением власти правителей законом и правом, наложившим определенные ограничения на вмешательство государства в экономические процессы. На Востоке же формирование государственных структур происходило на фоне практического всевластия верхов над обществом и жесткостью форм социальной консолидации последнего (в виде господства кланов, каст, общин). Такие исторические условия, препятствуя развитию частной собственности и критической саморефлексии обществ данного типа, существенно ограничили возможности правовых регуляторов и потенциал гражданской активности населения в формировании государства.

В целом государство сформировалось как институт организации совместной жизни. Именно в этих целях оно формирует и поддерживает нормы и правила социального общежития, контролирует их выполнение властью и подданными, ограничивает влияние групповых и корпоративных структур. Как пишет немецкий ученый О. фон Гирке, государство — это «самая высшая и всеохватывающая коллективная общность... эта коллективная общность является постоянным, живым, активно действующим единством, формируемым всем народом»¹. В этом смысле государство — универсальная ценность, без властно-организующей роли которой невозможно сохранить человеческое общежитие в современном мире.

¹ Цит. по: Vincent A. Theories of the State. Oxford, 1987. P. 214.

Основные признаки государства

Как политический институт государство обладает рядом свойств, отличающих его от иных политических

структур. Прежде всего, государство выступает как институт, который действует на строго ограниченной **территории**. Законы и правила, нормы и постановления государства действуют только на определенном пространстве, обладая соответствующими ограничениями в регулировании поведения граждан. Этот признак отличает государство от всех иных политических и социальных объединений людей, формирующихся на основе их кровнородственных, этнических, идеологических, экономических или других форм связи. Причем размеры самой территории не имеют значения (государства могут быть такими крупными, как Россия, и такими «карликами», как Ватикан).

Государство представляет собой публичный политический институт, обладающий особой организацией, структурой, профессионально-кадровым составом и другими чертами, не совпадающими с характеристиками организации общества как такового. В этом смысле государство предстает в качестве особого **аппарата управления** социальными процессами, особой группы лиц, профессионально занимающихся осуществлением функций по руководству и регулированию общественными отношениями.

Государство обладает **высшей властью** (суверенитетом) на занимаемой им территории. Только оно может издавать и устанавливать общеобязательные законы, нормы, правила человеческого поведения для постоянно проживающего на его территории населения. Кроме того, государство обладает правом отменять постановления и решения частных политических структур и организаций, противоречащие его решениям. Тем самым государство устанавливает для проживающих на его территории людей гражданский статус, означающий как признание властью собственной ответственности перед ними, так и установление за гражданами известных прав и обязанностей перед государством. Обычно люди получают государственное гражданство по факту рождения на территории данного государства.

В рамках контроля за вводимыми им правилами общежития государство обладает монополией на **легальное применение силы**, на физическое принуждение отдельных граждан, групп или организаций к выполнению принятых им решений. Спектр применяемых государством средств контроля, таким образом, может простирается от сознательно-го побуждения и мотивации поведения граждан вплоть до физического уничтожения тех, кто не придерживается установленных им норм. Для такого обеспечения контроля у государства имеются особые органы — армия, полиция, службы безопасности, прокуратура, суд, а также соответствующие средства — оружие, тюрьмы и др.

Государство обладает и монопольным правом на взимание с населения различного рода **налогов и сборов**, которые используются для материального поддержания социальной организации совместной жизни: на оплату работы госслужащих, создание структур общесоциального назначения (судов, больниц, школ), а также для обеспечения целенаправленных изменений в области экономической, социальной и духовной жизни (для обеспечения реализации государственной политики в этих сферах). Тем самым государство претендует на представление интересов всех граждан, заинтересованных в позитивном развитии своей страны и общества.

Несмотря на существенную значимость всех указанных черт государства, удельный вес каждой из них, а равно их роль и влияние на повседневную деятельность государства в целом весьма различны. Например, в современных условиях в силу интенсивного развития глобальных информационных связей или развития мировых рыночных отношений, приводящих к возрастанию экономического влияния крупных фирм или ассоциаций (типа Европейского союза, Американской ассоциации свободной торговли и т.п.) по сравнению со «своим» государством, постепенно снижается значение *территориальных* параметров последнего. Иными словами, нарастание информационной и экономической проницаемости границ сокращает суверенные права национальных государств в области внутривнутриполитического регулирования соответствующих процессов. Более того, в таких регионах, как объединенная Европа, вырисовывается тенденция не просто к усилению информационной и экономической взаимозависимости государств, но и к нарастанию условности внешних границ в рамках постоянно усиливающейся межгосударственной интеграции.

Конечно, это не свидетельствует об окончательной утрате значения территориальной очерченности государств. Многочисленные конфликты в мире по поводу контроля над территориями и расположенными на них ресурсами показывают, что сохранение существующих границ до сих пор является весьма принципиальным для государств вопросом. Скажем, те же государства объединяющейся Европы укрепляют свои общие границы от проникновения нежелательных иммигрантов, беженцев, ставят заслоны на пути потоков наркотиков, международного терроризма и т.д. В то же время определенное ослабление значения государственных границ показывает необходимость развития в современных странах альтернативных государственным средств поддержания общесоциального порядка, например, путем создания механизмов регионального контроля, повышения интенсивности инокультурных контактов между народами, усиления интеграционных процессов и т.д.

3. Внутреннее устройство государства

Формы территориального устройства государства

Проявление специфических свойств и функций государства в действительности всегда зависит от формы орга-

низации власти и характера взаимосвязей высших органов государства, соотношения их функций, связей с населением и других моментов, свидетельствующих об устройстве данного политического института.

С точки зрения наиболее общих особенностей **территориально-административного** устройства государства подразделяют на унитарные, федеративные и конфедеративные.

В **унитарном** государстве все административные единицы не обладают никакими дополнительными полномочиями и представляют собой части единого целого. Органы государства — это составные части одной политической системы, функционирующей на основе единой конституции и системы законов. С точки зрения степени концентрации властных полномочий на высших этажах государства выделяют **централизованные** (Великобритания, Швеция, Дания) и **децентрализованные** (Франция, Испания) государства. В децентрализованных государственных образованиях в ряде случаев даже предусмотрена определенная автономизация отдельных областей и территорий, предполагающая наличие там собственных парламентов и исполнительных структур, обеспечивающих им несколько более высокий уровень представительства интересов. Однако такая самостоятельность отдельных частей страны ни в коем случае не подрывает унитарные черты государств данного типа.

Федерация как форма государственного устройства представляет собой форму свободного объединения отдельных государств (регионов, субъектов федерации), каждое из которых обладает определенной автономией и имеет особые отношения с центральной властью. По мнению канадского ученого Р. Уаттса, «в настоящее время около двух миллиардов человек проживает в 23 федерациях, которые в свою очередь охватывают 480 членов федерации или федеральных земель, которые могут сравниться с 180 политически суверенными государствами» ¹.

Федерация — это не просто союз государств (регионов), а форма *полного* переустройства всей государственной и общественной жизни объединяющихся субъектов, предполагающая их интеграцию, объединение в особое, но все же единое государство. По сути дела, это форма сочетания *двух государственных суверенитетов*. В рамках федеративной системы правления каждый гражданин одновременно принадлежит двум общностям: федерации в целом и ее отдельному субъекту.

¹ Watts R. Comparing Federal Systems in the 1990-s. Institute of Intergovernmental Relations. 1996. P. 4.

С точки зрения своего внутреннего строения федерация отличается:

- наличием двух уровней управления, обладающих собственной компетенцией в вопросах представления интересов граждан;
- конституционным распределением исполнительных и законодательных полномочий Центра и субъектов федерации;
- обеспечением представительства региональных интересов на федеральном уровне (чаще всего за счет образования второй палаты федерального парламента);
- верховенством федеративной конституции, которая не может изменяться односторонне и требует согласия большинства членов федерации;
- наличием третейского (независимого) суда, разрешающего споры властей разного уровня;
- наличием института межправительственного сотрудничества, регулирующего проблемы относительно предметов совместного ведения сторон.

Федерация создается для более оптимального взаимодействия и выражения национальной, культурной или территориальной специфики различных общностей. Отдельные субъекты формируются на основе либо национальных (Бельгия), либо территориальных (Германия), либо смешанных (Россия) общностей граждан. По сути дела население данного государства обладает двойным суверенитетом, определяющим распределение властно-управленческих функций между Центром и отдельными субъектами (регионами). Так, к исключительной компетенции союзных органов относятся вопросы обороны страны, денежного регулирования, таможенная политика. Определенная группа вопросов относится к совместному ведению Центра и субъектов федерации (например, налаживание внешнеэкономических отношений), а ряд вопросов является прерогативой только субъектов федерации. Такое положение закрепляется наличием двухпалатного парламента, одна из палат которого формируется по территориальному признаку.

Степень автономности субъектов федерации подчас весьма высока. Они могут обладать своей конституцией, устанавливать собственное гражданство. При этом Центр может вмешиваться в дела субъектов главным образом в случае возникновения там чрезвычайных обстоятельств. Однако в любом случае субъекты федерации не могут в одностороннем порядке выйти из состава союзного государства.

Большинство проблем развития современных федераций связано с тем, что Центр, апеллируя к сохранению территориальной целостности и повышению эффективности хозяйственного регулирования, постоянно стремится к централизации управления (в том числе органами субъектов федерации), в то время как субъекты федерации заинтересованы в расширении своей самостоятельности и автономии. Поэтому в федерациях идут

постоянные споры из-за прав регионов в проведении налоговой, бюджетной, социальной политики, из-за расширения (сужения) национальной и провинциальной юрисдикции и т.д. Таким образом, спектр отношений между Центром и регионами располагается в диапазоне от «централизованного федерализма» (практически сближающегося с унитарными государствами) до «договорного федерализма» (когда объединение государств происходит на основе строго оговоренной передачи субъектами некоторых своих прав новообразованному центральному правительству).

Практика показывает, что тенденции к автономизации субъектов федерации постепенно нарастают. Помимо расширения внутривнутриполитических прав многие регионы (в США, Канаде, России) создают постоянные внешнеторговые представительства в других странах, поддерживают международные контакты с иными государствами, являются членами международных организаций. При этом некоторые межгосударственные органы поощряют такую форму автономизации государственного устройства различных стран, формируя свои структуры по региональному принципу (Европарламент), а некоторые финансовые институты (Европейский банк) оказывают помощь кредитами не национальным государствам, а отдельным регионам.

Конфедерация представляет собой союз самостоятельных государств, которые временно передают часть своих полномочий для осуществления совместных целей (в области обороны, транспорта, связи) союзным органам. Члены конфедерации практически полностью сохраняют свой внешний и внутренний суверенитет, обладая правом свободного одностороннего выхода из состава союза. Поэтому в данном типе государств формируются только такие совместные органы власти, которые служат решению строго очерченных задач.

Законодательные органы формируются здесь не путем выборов, а представительными органами субъектов договора, и потому члены этих органов, за некоторыми исключениями (Швейцария), голосуют только в духе официальной позиции своих государств. Конфедерация в отличие от государств-членов строит всю свою деятельность на основе международного права и добровольно принятых взаимных обязательств стран-участниц. При этом последние всегда могут отказаться от выполнения решений объединенных органов власти по тем или иным вопросам, не совпадающим с их текущими интересами. Совместные органы не имеют прямых связей с гражданами отдельных государств. В конфедерации нет единого гражданства, население остается гражданами суверенных государств, входящих в конфедерацию. Общие органы власти и управления не имеют права непосредственного налогообложения граждан стран-участниц. Здесь нет союзного гражданства и отсутствует право набора воинских формирований.

К разновидностям государственных объединений конфедеративного типа относятся:

- **кондоминимумы**, представляющие собой политические союзы, осуществляющие общее управление двумя или большим числом внешних территорий, но таким образом, что население этих государств имеет большую свободу самоуправления (Андорра);
- **ассоциированные государства**, функционирующие на основе договорных союзов, которые могут быть приостановлены на заранее оговоренных условиях (Острова Кука и Новая Зеландия, Маршалловы острова и США);
- **договорные союзы**, представляющие собой такое политическое устройство, при котором большее государство односторонне влияет на меньшее, не имеющее практически никакого воздействия на управление большей частью (Бутан и Индия) и др.

Как показал международный опыт, в силу практически полного сохранения суверенитета отдельных государств их конфедеративные союзы обладают крайней неустойчивостью. История дала немного примеров существования конфедераций: США в период с 1776-го по 1787 г., Швейцария до 1848 г., Германия с 1815-го по 1867 г.

Формы государственного правления

С точки зрения формы правления, подразумевающей определенную структуру и правовое положение высших органов государственной власти, а также порядок их формирования, принято выделять монархии и республики.

Монархии (от греч. *manarchia* — единовластие) представляют собой такую форму государственного устройства, источником и одновременно высшим выражением власти в котором является одно лицо, получающее данные полномочия по наследству и потому не зависящее от выбора населения. Монархии бывают как **абсолютными**, где высшие исполнительные и законодательные функции всецело принадлежат единоличным главам государства (Саудовская Аравия, Оман, Катар), так и **конституционными**, где власть правителя, реальный механизм властвования действует в рамках конституционных норм, ограничивающих полномочия монархов функциями иных (прежде всего законодательных) органов власти. Последние, в свою очередь, делятся на **дуалистические**, где монарх наделен в основном исполнительными и частично законодательными функциями (Иордания, Кувейт, Бахрейн, Марокко), и **парламентские**, где «первые лица» в основном обладают представительскими функциями, не имея возможности существенно влиять на политические решения (Великобритания, Испания, Швеция и др.). В последнем случае монархи скорее олицетворяют собой национальные традиции, уважение граждан к власти и играют роль определенного национального символа, сплачивающего общество.

Республики (от лат. *res publica* — общественное дело) означают формы правления, отличающиеся выборным характером высших органов государственной власти. В свою очередь республики разделяются на **парламентские** и **президентские**, отличающиеся особыми отношениями между исполнительной и законодательной ветвями власти.

Так, в парламентских республиках (Германия, Италия, Греция) президент является главой государства, но при этом обладает в основном представительными функциями. Правительство же во главе с премьер-министром играет первостепенную роль в политической жизни, формируется парламентом, перед которым и несет ответственность. Глава кабинета является первым лицом в государстве.

При президентской республике (США, Бразилия, Мексика) парламент и президент занимают независимое по отношению друг к другу положение. Президент является главой исполнительной власти, главой государства, избирается всем населением и потому не несет ответственности перед парламентом. Он назначает правительство, не подотчетное парламенту, обладает высшей распорядительной властью, важнейшими прерогативами в области руководства вооруженными силами, гражданской администрацией. Парламент здесь лишен права отправлять правительство в отставку, хотя и президент не может распустить парламент, в основном обладая лишь правом отлагательного вето на законопроекты парламента, которое может быть преодолено квалифицированным большинством или $\frac{2}{3}$ парламента при повторном голосовании.

Наряду с этими устоявшимися моделями организации государственной власти в мире сложились и такие формы правления, которые трудно отнести однозначно к тому или иному типу правления. Среди смешанных форм правления можно отметить так называемую **суперпрезидентскую** республику (Боливия, Колумбия, Гондурас), где институт президентства предельно концентрирует все высшие полномочия основных ветвей власти и занимает практически бесконтрольное положение в государстве. В то же время прерогативы законодательных и судебных ветвей власти здесь резко ограничены. Другой формой смешанного правления является **президентско-парламентская**, или **полупрезидентская**, республика (Ирландия, Португалия, Франция, Финляндия). Здесь у правительства существует двойная система ответственности перед президентом и парламентом, ведущая к тому, что сильная президентская власть соединяется с контролем за правительством со стороны парламента.

4. Типы современных государств

Правовое государство

Многовековая эволюция государства как важнейшего политического института наглядно демонстрирует непрерывную модификацию его структуры, функций и других важнейших черт и параметров в зависимости от

изменения общественных отношений, постепенной рационализации способов властвования, наконец, от степени развития самого человека, его способностей и потребностей в государстве как механизме организации и поддержания политического порядка.

На начальных этапах своей истории государства воплощали политический порядок, поддерживаемый на основе сложившихся в обществе традиционных норм и верований, слабо институционализированной и практически не ограниченной власти единоличных правителей, отрицающий равенство прав и возможностей проживающих на его территории людей. Постепенно отношения властвующих и подвластных в государстве обрели более упорядоченный характер, выработав и юридически закрепив особые полномочия и прерогативы каждого из этих субъектов в управлении обществом. Основным ценностно-нормативным инструментом, закрепившим правовой порядок отношений государства и общества, а следовательно, и очертившим их взаимные обязательства, задавшим всеобщие принципы организации публичной жизни, особенности устройства государства, стала **конституция**.

Конституция, понимаемая как известный свод юридических актов, законов и постановлений, в совокупности определяющих основания государственного устройства, а также цели и основные способы формирования государственной власти, одновременно возвестила о новом положении личности в государстве. Принимаемые на основе волеизъявления безусловного (квалифицированного) большинства граждан, конституции зафиксировали тот минимально необходимый уровень общественного согласия, на основе которого стали возможными совместная жизнь граждан, налаживание взаимоуважительных отношений государства и общества. Первые правовые документы, которые имели характер конституционных актов, наложивших ограничения на деятельность монархов и возвестивших формирование нового политического правопорядка, появились в Англии в XIII в. Первые же полновесные конституции были приняты в 1789 г. в США (в 1791 г. — Билль о правах) и в 1791 г. во Франции (в 1789 г. — Декларация прав человека и гражданина).

Начавшая формироваться в эпоху Просвещения система конституционализма решила важнейшую историческую и вместе с тем *двойную* задачу. Во-первых, она придала должную юридическую форму деятельности государства, распределив полномочия и функции его различных ветвей и органов и сделав закон важнейшим ориентиром деятельности властей. Тем самым были заложены основы того политического порядка, при котором групповые предпочтения и привилегии в деятельности государственных властей уступали место общесоциальным целям и ценностям. Более того, ориентация на законодательно установленные нормы и правила устраняла важнейшие предпосылки для произвола и субъективизма в принятии государственных решений, накладывала на

действия профессиональных политиков и государственных служащих (бюрократию) наиболее существенные функциональные ограничения.

Во-вторых, огромную роль в развитии государства сыграла и ориентация конституций на ту систему ценностей, которая отобразила новое положение личности в государстве. Иначе говоря, *источником права*, воплощенного в этих конституциях, являлась *личность*, чьи права и свободы объявлялись высшим критерием деятельности всего государства. Государство не только объявлялось зависимым от индивида политическим институтом, но и должно было ограждать его личную жизнь от неоправданного вмешательства власти, гарантировать ему основополагающие права и свободы, всемерно поддерживать его стремление к свободной и творческой жизнедеятельности. Никакие законы не могли нарушить этой подчиненности государства интересам личности, оправдать нарушение властями ее основополагающих прав. Т аким образом, государство из могущественного центра принуждения и насилия над человеком превращалось в самого надежного защитника его прав и интересов. Так возникшие еще в древности великие гуманистические идеи о приоритете закона в деятельности государства, о наличии естественных прав человека, предполагавшие соответствующее политическое обеспечение, определенное строение власти, делающее ее относительно безопасной для индивида, через влияние закона стали плотью государственной политики.

Правовое государство, начавшее складываться под влиянием либеральных конституций, означало принципиально новый этап в развитии государственности как таковой. Качественной основой такого государственного устройства власти стала ориентация всех его органов на ценности прав человека, которые не могли быть изменены никакими частными законодательными актами и стилем функционирования государства. Права человека как совокупность ценностей и идеалов государственной власти обрели неоспоримый *приоритет* перед любыми законодательными актами конкретного государства.

Универсальным и предпочтительным регулятором политических конфликтов, межгрупповых и межгосударственных противоречий в правовых государствах стали право, закон, система устойчивых норм и правил поведения как государственных органов, так и отдельных лиц и частных организаций. На внешнеполитической арене правовые государства начали придерживаться норм международного права, ориентируясь не только на букву, но и на дух правового решения имевшихся конфликтов и противоречий.

Социальной основой и принципиально необходимой предпосылкой правового государства явилось гражданское общество (подробнее о нем см. гл. 11), которое олицетворяло наличие независимых и не опосредованных государством разнообразных взаимоотношений граждан и их

объединений, подчиненных реализации их интересов на основе принципов самоорганизации и самоуправления.

Приоритет гражданского общества определяет два принципа регулирования социальной активности населения и институтов власти. По отношению к гражданам в правовых государствах действует правило «разрешено все, что не запрещено законом», раскрепощающее и поощряющее инициативу, формирующее принцип свободного и одновременно ответственного поведения. Институты власти руководствуются в свою очередь правилом «разрешено только то, на что они уполномочены законом». Такой принцип устанавливает зависимость структур власти от общества и предотвращает произвол власти, спонтанность отправления властных полномочий, усиливает формальные, а значит и контролируемые действия органов власти.

Исторический опыт показал, что зрелость и развитость гражданского общества базируется на определенной духовной атмосфере, состоянии общественного мнения, в основе которого лежат разделяемые большинством населения ценности индивидуализма. Как специфическая мировоззренческая основа гражданского общества индивидуализм на *начальных* этапах становления капитализма, в условиях формирования рынка был сродни эгоизму, заставлявшему человека игнорировать интересы других. И лишь постепенно конкуренция и нарастание рационализма превратили индивидуализм в систему ценностных ориентаций, которые выражают не столько предпочтение частных интересов перед общественными, сколько понимание людьми своей гражданской ответственности за способы их достижения, а также невозможность нанесения ущерба правам других индивидов и обществу в целом. В настоящее время в развитых индустриальных странах наступил этап «нового индивидуализма», возвестившего органическое сочетание его принципиальных установок с коллективными ценностями, выводящими на первый план приоритеты всего социума в целом. Такая духовная подоплека массовых политических действий соответствует новому этапу развития правового государства, свидетельствующего не о власти абсолютной свободы, а о наличии *сбалансированной* системы прав и полномочий всех участников политического рынка (включая государство).

Разделение властей в правовом государстве

Существенным признаком правового государства является определенное разделение полномочий властей, прерогатив и функций исполнительной, законодательной и судебной властей. В целом это свидетельствует о стремлении данного типа государства предотвратить монополизацию власти и добиться наиболее оптимального соотношения функций при принятии решений. Осуществляя свой внутренний суверенитет на основе разделения властей, правовое

государство добивается сбалансированности и стабильности политического развития.

Идея разделения властей была впервые выдвинута Дж. Локком как попытка добиться компромисса между парламентом (вигами) и королем в целях установления во Франции конституционной монархии. При этом речь шла только о взаимном соотношении полномочий двух ветвей власти — исполнительной и законодательной. Ш. Монтескье, игнорируя политическую реальность того времени, придал этой идее характер политического *идеала*, связанного со становлением буржуазного государства в целом. В таком виде данная идея была перенесена за океан и утвердилась в американской конституции. В Европе же эта концепция не получила своего полного практического воплощения.

Идея разделения властей не раз подвергалась критике как противоречащая принципу национального и государственного суверенитета, не предполагающего его передачу различным ветвям власти (А. Дюги). Много претензий выдвигалось и в связи с тем, что такой подход снижает эффективность и профессионализм управления, способствуя децентрализации власти и ответственности государства перед обществом. Признавалось и то, что интенсивная динамика и усложнение объекта государственного управления требуют не только компетенции (что делает невозможным обсуждение ряда решений в парламенте, нередко ориентирующееся не на решение конкретной проблемы, а на обсуждение принципов). Концентрация управленческих усилий особенно важна и в условиях кризисов, когда требуется оперативная реакция властей на ситуацию. В этом смысле правительство должно обладать как свободой исполнительных действий, так и возможностью их правового обеспечения.

Однако, несмотря на теоретические возражения, жизнь продемонстрировала крайне важную роль разделения властей при практической организации государственной власти. Прежде всего этот принцип выражает необходимость функциональной дифференциации в организации государственных структур, препятствующей монополизации власти и узурпации принятия решений тем или иным центром влияния. Ведь, как показала практика, в современных условиях наряду с тремя основными ветвями власти существенное значение приобретает влияние «четвертая» власть (СМИ), транслирующая мнение организованной общественности. Кроме того, в отдельные периоды политического развития могут повышать свою роль и более мелкие «власти» — муниципальные, региональные, отраслевые (военные, гражданские). Таким образом, ориентация на разделение прав и полномочий различного уровня властей в правовом государстве, установление их прав и прерогатив во влиянии на государственную власть, как таковую, означают создание *системы сдержек и противовесов*, направленной на сохранение необходимого для

стабильности политического порядка, на поддержание баланса сил и постоянного нахождения компромисса между ними.

Вместе с тем закрепление за каждой из ветвей власти определенных функций, сфер ответственности, а следовательно, и установление порядка взаимодействия этих функционально разнонаправленных органов дают возможность более оптимально и взвешенно подходить к процессам выработки целей, согласования интересов, уточнения и корректировки государственных позиций. Иначе говоря, разделение властей представляет собой и самый общий технологический механизм, обеспечивающий оптимизацию процесса принятия политических решений в государстве.

Необходимость и плодотворность разделения властей в правовом государстве диктуется и необходимостью уравнивания интересов и сил влияния на власть со стороны различных элитарных группировок, которые контролируют исполнительные, законодательные, судебные и иные органы власти. Ведь даже несмотря на общность основных ценностей и целей государства, корпоративные интересы отдельных частей правящего, политического класса, амбиции отдельных политиков могут стать мощным фактором политической дестабилизации в государстве.

Признание необходимости установления разделения властей не говорит, однако, о каком-либо универсальном и жестком закреплении их взаимных прав и полномочий. Специфика функций, а главное объем прерогатив каждой из ветвей государственной власти должны определяться в соответствии с типом и характером развития государства, спецификой конкретной исторической ситуации, степенью зрелости общественного мнения.

Социальное государство

Утверждение правового государства как политической реальности не означало «завершения» исторической эволюции государственности как таковой. Несмотря на провозглашение гуманистических ценностей, реальная социальная и политическая динамика выявила ряд исторических ограничений, существенных противоречий и даже определенную нереализуемость тех норм и принципов, которые были заложены в основание правового государства. Утверждение принципов индивидуальной свободы, создание условий для равной конкуренции, а также формирование правовых условий, поддерживающих взаимную ответственность государства и общества, выведя общество на новый уровень его социального и политического развития, тем не менее не привело к всеобщему счастью и благополучию граждан.

Роль государства как политического института, не вмешивающегося в дела гражданского общества, не смогла предотвратить издержки

реального неравенства сил и способностей людей. Формально-правовое равенство индивидов не спасло общество от порой весьма существенной экономической дифференциации доходов его граждан, снижения социальных позиций групп населения, кризисов, ухудшающих материальное положение людей. Своеобразным ответом на эту историческую ограниченность правового государства явилось возникновение в развитых индустриальных странах нового типа государственности — государства **социального**.

Теоретический образ этого государства «всеобщего благоденствия», устанавливающего новые стандарты в социальном обеспечении граждан, развивался на протяжении 70–80-х гг. XX столетия параллельно с практикой утверждения его политических порядков. Предлагавшаяся обществу политическая модель установления социальной справедливости предполагала обеспечение каждому гражданину не только приблизительно равных шансов на самореализацию, но и тех минимально необходимых условий, которые обеспечили бы ему достойное существование, должный уровень защищенности от общественных катаклизмов, соучастия в управлении делами общества и государства. Устанавливаемые принципы деятельности государства предполагали сознательное выравнивание реальных социальных условий жизни граждан, формирование той духовной и общественной среды, в которой люди чувствовали бы себя не только самостоятельными и активными гражданами, но и защищенными от наиболее жестких общественных противоречий. Такая переориентация деятельности государства отразилась не столько на системе организации власти, сколько на модификации стиля деятельности его структур и органов власти, потребовав усиления ресурсного обеспечения их целей.

В целом социальное государство, возникшее в наиболее экономически развитых странах (Швеция, Германия, США), проводило политику формирования такой социальной среды, в которой кардинально повышался бы уровень социальной безопасности граждан. В рамках этой стратегии оно предлагало адресную помощь наиболее нуждающимся слоям общества, предоставляя им источники существования (работу, социальную помощь), налаживая социальные контакты, обеспечивая реализацию индивидуальных жизненных планов. Это предполагало перераспределение государственного бюджета в пользу наименее обеспеченных слоев населения, изменение политики занятости и переподготовки работников, установление новых отношений с частным сектором, направленных на усиление социального страхования, поддержку безработных, молодежи, неквалифицированных рабочих, престарелых и инвалидов.

В идеале стратегия социального вспомоществования была направлена не столько на обеспечение минимально необходимых условий для

полноценной жизни человека, сколько на его *самореализацию*, пробуждение творческих сил, раскрепощение его общественной инициативы. Решение этих задач одновременно кардинально подняло уровень общепринятых стандартов жизни в обществе, изменило представления о престижной работе и стиле проведения досуга.

Тенденции и проблемы развития государства

Развитие государства как особого политического института проявляется в изменении его места и роли в обще-

стве, трансформации его функций и внутреннего строения. С течением времени государство постоянно изменяло свой облик, демонстрируя разные формы территориальной организации социума и адаптации к вызовам тех или иных исторических эпох. К примеру, только к XVII в. государство добилось монополии на применение силы внутри своей территории, еще позже в государстве удалось структурировать разделение властей и т.д. А сегодня многие представители постмодернизма, стремясь отразить усиление роли трансграничных и персональных факторов в жизни общества, трактуют данный институт как мало значащую для человека «фикцию». Впрочем, не менее активны и «государственники», настаивая на сохранении этим институтом своего центрального места даже в условиях постиндустриального и информационного развития мира.

Как показывает опыт, современные государства сегодня вынуждены действовать в условиях возникновения целого ряда новых явлений: глобализации мировой экономики и исключительно высокой конкуренции за ресурсы, формирования основ информационного общества, масштабного экологического кризиса, усиления угроз со стороны международного терроризма, необходимости предотвращения демографической катастрофы и снижения рисков от миграционных перемещений, а также других проблем современности.

Стремление адекватно ответить на эти вызовы побуждает государство в сфере экономики сочетать характерный для индустриальной фазы развития общества принцип невмешательства властей в свободную рыночную экономику (*laissez faire*) с прямым участием государства в экономических процессах, причем не только в виде регулятора хозяйственной деятельности граждан, но и в качестве активно действующего субъекта. Глобальная сверхконкуренция и новое разделение труда втягивают национальные государства в новые и непривычные для них процессы, заставляя производить структурную перестройку своих экономик (в направлении строительства здания «экономики знаний») и де-вальвируя многие механизмы социальной защиты населения.

Новые исторические контексты заставляют государство усиливать свои социальные, сервисные (связанные с обслуживанием населения),

коммуникативные функции, расширять деятельность по обеспечению безопасности граждан и поддержанию межкультурного общения. Не случайно многие теоретики начинают рассматривать государство через призму формирования не просто «социального», но и комфортного, удобного для человека «хорошего общества». Качественно новой задачей является и встраивание государства в трансграничные информационные потоки и обеспечение населения соответствующими средствами приема и передачи сведений, повседневной качественной информацией, развитием технологий «электронного государства».

Современные тенденции демократизации общества все активнее способствуют вовлечению структур гражданского общества в разработку государственной политики, активизации роли многообразных неправительственных организаций и слоев населения. Это предполагает дальнейшее развитие системы представительства интересов населения, повышение роли публичного дискурса в формировании правительственной повестки дня (совокупности решаемых властью задач), поддержании эффективных связей с общественностью, развития межкультурных коммуникаций. В то же время в деятельности государственных органов повышается уровень использования различных манипулятивных технологий при организации публичного дискурса, попытки искусственного формирования контактов с обществом и другими национальными государствами. В силу этого государство вынуждено вмешиваться в управление многими областями жизни, которые ранее находились вне его непосредственного контроля.

Итак, сегодня можно наблюдать *противоречивые* тенденции, влияющие на государство и решение им необходимых общественных задач. В целом, в силу того, что современный мир столкнулся с рядом новых задач, государство *одновременно* испытывает как потребность в усилении своей роли при регулировании социальных процессов, так и в сокращении своего присутствия на социальной арене под влиянием различных форм самоорганизации локальных и сетевых сообществ. По этой причине можно наблюдать как определенное сокращение полномочий государства (особенно в части некоторого сужения его внешнего суверенитета и передачи части своих функций международным сообществам и организациям), так и усиление его роли в социуме (особенно по части обеспечения безопасности общества).

Разрешение подобного противоречия в настоящее время происходит как в рамках мирового сообщества, так и в границах различного типа государств. Так, в ряде демократически и экономически развитых стран эволюция государственности идет в процессе усиления роли общественности, создания разнообразных сетевых коммуникаций органов власти и населения. Здесь государство все больше становится органом граж-

данским, структурой общественности. Вместе с тем перед государствами, в силу их включенности в глобальную экономику, встают новые задачи более органичного сочетания правовых и социальных основ своей деятельности, дальнейшего разрешения противоречий между провозглашаемыми гуманистическими целями своего развития и реальным гуманистическим содержанием своих политических акций.

Современная стадия общественной эволюции в наиболее экономически развитых странах мира демонстрирует резкое усиление нестандартных и отличающихся в культурном отношении от общепринятых стандартов жизненных стратегий, что ставит под вопрос традиционные формы связи государства и общества. В любом случае такая ситуация не просто предполагает определенное время на выработку нового социального контракта власти и граждан, но и в принципе сокращает возможности государства как центра власти в культурно дифференцирующемся обществе. Таким образом, государство становится одним из центров политического влияния, который не обладает не только какими-либо преимуществами перед другими институтами власти (авторитета), но и теми должными регулятивными способностями, которые могут нейтрализовать негативные последствия поведения на политическом рынке отдельных корпоративных структур и обеспечить поддержание общесоциального порядка.

В странах, переживающих переходные процессы, во многом идет борьба за становление основных структур национального государства (включая борьбу за территориальную целостность), укрепление базовых диспропорций между ветвями власти. Проектируя будущее развитие, ряд таких государств встает перед проблемами превращения государства в своеобразную «дойную корову», порождающую социальное изживенчество отдельных групп и слоев и невольно подрывающую ряд основополагающих стимулов рыночного хозяйства, принижающую заинтересованность людей в инициативном и продуктивном труде. При этом негативные последствия такой политики стали в наибольшей степени испытывать самые квалифицированные и предприимчивые слои населения.

Все эти сложные проблемы свидетельствуют о поиске государством новых форм своей внутренней организации, о стремлении повысить адаптивность к новым вызовам времени. Однако решать эти проблемы оно должно, не утрачивая того позитивного капитала, который оно накопило за столетия своей эволюции. В частности, государство должно сочетать свои действия с общественной инициативой граждан, избегать силовых методов решений, всемерно оберегать приоритетность статуса личности, обеспечивать гарантии ее неотъемлемых прав на свободное самовыражение.

ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И ПАРТИИ

1. Группы интересов

Понятие группы интересов

Понятие «группы интересов» характеризует совокупность политических институтов, **опосредующих** отношения граждан с государством. Теоретически место и роль групп интересов были обоснованы в XIX — начале XX в. в трудах английских философов и экономистов, которые рассматривали группу как специфическую единицу общества. Американский ученый А. Бентли в книге «Процесс управления» (1908) уточнил эти представления, трактуя группы интересов уже как определенные объединения, «количество которых ограничено только одним показателем — интересами, ради которых они созданы и действуют»¹. Тем самым группы интересов стали рассматриваться в контексте системы принятия решений, процесса формирования государственной политики.

В настоящее время в научной мысли группы интересов все же изредка отождествляются с социальными общностями и трактуются, по мнению Ж. Мейно, как объединения граждан, занимающие такое место в обществе, которое затрагивает интересы других субъектов со сходными требованиями. Но все же большинство ученых проводит различия между социальными группами и ассоциациями индивидов, которые ставят своей целью оказание влияния на правительство способами, наиболее отвечающими интересам этого объединения (Р. Доуз).

Учитывая доминирующие в политической науке подходы, **группы интересов** можно определить как по преимуществу добровольные объединения, приспособленные или специально созданные людьми для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами.

Эти политические ассоциации, будучи посредниками в отношениях государства с населением, представляют интересы социальных, национальных, региональных и прочих человеческих общностей и служат формой коллективных действий их членов.

Группы интересов являются одним из основных каналов политической активности граждан. Чем шире представительство социальных потребностей группами интересов, тем разностороннее связь между обществом и государством, тем гибче властные институты реагируют на

¹ Bentley A. The Process of Government. N.Y., 1967. P. 222.

социальные запросы населения, а люди обладают большим влиянием на политические решения.

Многообразные группы интересов обладают широким набором ресурсов для воздействия на власть, для доведения нужд и запросов населения до лиц и органов, принимающих политические решения. В качестве таких ресурсов могут выступать их экономические и финансовые возможности, информация или опыт политического участия их членов, организационные структуры и т.д. В зависимости от характера той или иной политической системы группы интересов, последние обладают тем или иным весом при принятии управленческих решений. Те же группы интересов, которые, используя свои ресурсы, имеют возможность поддерживать постоянные связи с правительством, чаще всего становятся органической частью механизма управления обществом. В противоположность этому «заявки» на власть от групп интересов, транслирующих радикальные и экстремистские требования, обладают разрушительным действием для системы политического управления обществом.

Групповой интерес способствует самоидентификации граждан, пониманию ими собственного места в политической системе. Причем такое осознание определяется не риторикой, а фактической деятельностью, поведением членов группы (А.Бентли).

Действия разнообразных групп интересов способствуют *усложнению* строения политической системы. Их деятельность стимулирует возникновение партий (особенно мелких) и нарастание фракционности в этих политических институтах; дифференциацию функций органов государственного управления и рационализацию их организационного строения; обогащение системы международных отношений и т.д. Как указывал крупный американский ученый Д. Трумэн, по мере специализации различных общественных сфер в социуме автоматически возникают новые группы интересов. В свою очередь, их существование стимулирует возникновение «контргрупп», а их взаимные контакты и связи способствуют балансировке общественных отношений. Так что сужение поля действия групп интересов, создание препятствий для граждан при образовании этих ассоциаций ужесточают режим правления, изолируют правящую элиту от населения и создают предпосылки для снижения эффективности государственного управления и дестабилизации политических порядков.

По мнению Р.Даля, если множество групп интересов — даже с сильно расходящимися позициями — действует в условиях соревновательной избирательной системы, то в обществе будут устойчиво защищаться демократические права граждан, а все формы ущемления прав или политического неравенства удастся избежать благодаря использованию правовых процедур и деятельности легальных институтов власти. В политических системах авторитарного или тоталитарного типа таких усло-

вий не существует и интересы гражданского населения не могут быть адекватно представлены в политической сфере.

Соответственно занимаемому ими месту в политической сфере группы интересов выполняют функции артикуляции и агрегирования социальных интересов. В процессе их осуществления группы интересов доносят до органов власти сведения о состоянии той или иной проблемы в общественной жизни, транслируя во власть общественные настроения и мнения общественности. Выражая точку зрения какой-то части населения на определенную проблему, группа интересов дает государственным органам возможность проводить более эффективный политический курс, отвечающий реальным потребностям граждан и изменяющийся в соответствии с ситуацией.

Выдвигая политические требования и поддерживая конкретных деятелей в правительственных и иных структурах, группы интересов обладают определенной возможностью предлагать своих членов для работы в государственных органах, влиять на отбор кадров, участвующих в процессе принятия решений. Тем самым они выполняют и функцию формирования политических элит, властных структур общества.

Типология групп интересов

В зависимости от целей и методов презентации социальных интересов, используемых ресурсов и способов влияния на власть, а также других параметров своей деятельности группы интересов существенно отличаются друг от друга. Так, среди многочисленных классификаций можно отметить разделение групп интересов по **характеру деятельности** на **одноцелевые** (складывающиеся и существующие только в связи с достижением определенной цели) и **многоцелевые** (чья деятельность не ограничена спецификой отдельных задач). С подобной классификацией тесно связана и типология французского политолога М. Дюверже, выделявшего **специальные** (занимающиеся только политической деятельностью) и **частичные** (выполняющие более широкий круг социальных функций, связанных с организацией бизнеса и т. д.) группы интересов. Рассматривая правительственные институты в качестве составной части механизмов представительства гражданских потребностей, А.Бентли определял их как **официальные** группы интересов (которые должны реализовывать не только собственные, но и общесоциальные интересы).

Весьма распространено деление групп интересов по **территориальным** признакам (группы, формирующиеся и действующие только в определенных регионах), **уровню и масштабам** деятельности (например, группы давления, действующие в центральных или местных органах власти). С точки зрения **численности** Т. Дэй и Р. Зиглер выделяют **массовые** группы, способные достигать символического успеха, а также **малочисленные** группировки, благодаря своей сплоченности способные

упорно добиваться целей и «изматывать соперников». Принимая во внимание **страновую принадлежность** групп интересов, можно говорить о действующих при исполнительных и представительных государственных органах группах интересов, выражающих интересы как отечественных слоев населения, так и зарубежных, а также интересы мировых экономических и финансовых центров и прочих общностей и объединений.

Среди более сложных, систематизированных классификаций групп интересов, использующих комплексные критерии, можно назвать типологию Г.Алмонда и Б.Пауэлла, выделяющую: группы, задействующие **индивидуальные** (личные) контакты граждан, **аномические** (неупорядоченные), **институциональные и ассоциативные** (и противоположные им — **неассоциативные**) разновидности. Так, группы, поощряющие индивидуальные формы контактов своих членов, ориентированы на увеличение однотипных требований к власти со стороны своих членов и деятельность наиболее влиятельных фигур своего сообщества. Такие формы групповой активности по существу отражают патрон-клиентские отношения (где граждане — это *клиенты*, а люди, выражающие их интересы — *патроны*) и приносят успех в основном в странах с гипертрофированной бюрократической структурой; **аномические** группы — это объединения, возникающие стихийно в результате спонтанной реакции на ту или иную ситуацию (например, образование толпы, проведение демонстрации). По мысли западного политолога П. Шарана, их прежде всего отличает отсутствие постоянных организованных действий, нерегулярность включения в политические отношения с государством. Их внутренняя структура, как правило, неустойчива и нередко формируется как бы заново, без сохранения преемственности с прежними формами организации. Недостаточность же организационных возможностей не только снижает эффект их деятельности, но и предопределяет их практически постоянное стремление к использованию силы.

В противоположность аномическим **институциональные** группы — это формальные объединения с определенной организационной структурой, устоявшимися функциями и профессиональным кадровым аппаратом. Их целенаправленная деятельность более эффективна. Однако группы данного типа (например, административные органы церкви, армии, представительства автономий в федеральных центрах, военно-промышленный комплекс, земледельческие олигархии и др.) не являются специализированными политическими объединениями и, выполняя в обществе более широкий круг функций, как правило, *приспосабливают* свои структуры, созданные для других целей, к осуществлению влияния на власть.

Источником возникновения **неассоциативных** групп выступает неформальное и недобровольное объединение людей на родственной, религиозной, социокультурной основе (научные и студенческие общества,

религиозные секты). Их деятельность, как и деятельность анонимических групп, непостоянна, плохо структурирована и не всегда эффективна.

Ассоциативные группы представляют собой добровольные объединения, специализирующиеся на представительстве интересов и нацеленные на решение политических задач (профсоюзы, предпринимательские ассоциации, неправительственные организации, движения за гражданские права, этнические и религиозные объединения и др.). Их организационная и кадровая структура, порядок использования финансовых средств стимулируют достижение специальных целей. Органично встроенные в политическую систему, они обладают наибольшей результативностью.

Известный теоретик У. фон Алеманн предложил классифицировать группы интересов по **сферам** их деятельности. По этому признаку он выделял ассоциации, представляющие организованные интересы: в экономической сфере и в мире труда (предпринимательские объединения, потребительские союзы, профсоюзы и др.); в социальной сфере (объединения защиты социальных прав, благотворительные общественные союзы, группы самопомощи и т.д.); в сфере досуга и отдыха (спортивные союзы, кружки для общения и хобби и т.д.); в сфере религии, науки и культуры (церкви, секты, научные ассоциации, клубы по интересам и т.п.); в общественно-политической сфере (правозащитные объединения, экологические, феминистские и др.). Такой тип классификации не только специализирует, но и расширяет сферу деятельности групп как политических ассоциаций.

Иной подход предложил американский теоретик Р. Скиллинг, который дифференцирует группы интересов по их **участию в процессе принятия решений**. Соответственно он считает необходимым выделять: правящие фракции (группировки, оказывающие наиболее сильное влияние на принятие решений), официальные (олицетворяющие носителей формальных статусов), бюрократические структуры (образующиеся в аппарате власти), интеллектуальные группы (объединяющие носителей доктрин), социальные группы (объединения граждан) и группы общественного мнения (носители определенных оценок и позиций).

Место и роль групп давления в политическом процессе

Особое место среди различных групп интересов принадлежит группам давления. Термин «группы давления» (press groups) впервые появился в США приблизительно в середине 20-х гг. XX столетия, а первые исследования деятельности этих объединений относятся к 1928–1929 гг. (Э. Сэйт, П. Херринг, Х. Чаялд). Первоначально характеристика групп давления была связана со специфическими способами выполнения ими своих функций. Как указывает Р.-Ж. Шварценберг, они рассматривались как организации, созданные для защиты интересов и оказания давления на общественные власти с целью добиться принятия

таких решений, которые соответствовали их интересам. В немалой степени такое понимание сохраняется в определенных кругах западной науки и поныне. Как указывается в американской энциклопедии, группы давления — это «некоторое число индивидов, пытающихся оказать давление на правительство для достижения своих целей»¹.

Описывая деятельность этих ассоциаций, ученые оперировали разными понятиями, в частности, «потенциальные группы», «официальные лица», «лобби», «группировки интересов обязательного характера», «перераспределительные ассоциации» и т.д., выделяли разные грани и аспекты их деятельности. Работы Д. Фрумэна показали, что ни одна из этих групп не может полностью подчинить себе правительство. В исследованиях М. Олсона особое внимание уделяется возможности индивидуального давления на правительство, а в трудах Р. Салисбери указана роль политического организатора группы, поскольку «именно он обязан принимать решение в случае изменения ситуации... Он распоряжается капиталом, направляет его на предоставление услуг членам группы»². Тем самым определяющим фактором выполнения группой давления своих функций признавался ее организатор.

Постепенно роль и значение этой разновидности групп интересов стали исследоваться более углубленно, давление начали интерпретировать как форму деятельности, но не ее главный признак. Опыт показал, что группы давления занимают такое положение в обществе и его отдельных сферах, при котором их статус и интересы так или иначе затрагивают принимаемые в государстве решения, в силу чего они просто обязаны включаться в управление. Более того, эти группы фактически владеют важными ресурсами и потому нередко через их деятельность формальные основания власти приводятся в соответствие с властью фактической. Не случайно Р. Даль говорил, что анализ их деятельности помогает вскрыть действительные центры власти в обществе. Т ак что деятельность данных групп — это не просто давление на власть сверху, сбоку или снизу, а механизм *иерархического согласования решений, перераспределения власти* путем заключения сделок между бюрократией и ресурсно обеспеченными (в том числе и привилегированными) группами.

Ассоциации подобного рода стремятся оказать целенаправленное воздействие на политический процесс, но при этом не претендуют на прямое участие в управлении государством. Тем самым они избегают какой-либо политической ответственности за свои действия. Отказываясь от претензий на высшую политическую власть, они все свое влияние сосредоточивают на решении конкретных хозяйственных вопросов, на управлении государством. Причем если другие группы интере-

¹ The Encyclopedia Americana. Glorier Inc., 1987. Vol. 22. P. 571.

² Salisbury R. Interest Group Politics in America. Harper and Row., 1970. P. 44.

сов могут предъявлять требования друг к другу, то группы давления делают это только по отношению к органам власти.

К особенностям действий групп давления можно отнести и то, что они активны в основном только в сфере принятия (исполнительных или законодательных) решений. В силу этого их отличает малочисленность контактов с массами, связь лишь со специфическими, а не общими интересами, более узкий набор средств, применяемых в политической игре, менее публичная деятельность. Такие же формы деятельности, как отбор кандидатов на предстоящие выборы, издание средств массовой информации, образование фондов поддержки кандидатов и т. п., являются, скорее, исключением, чем правилом их взаимоотношений с обществом и властью.

В качестве основных *форм и способов* решения своих задач группы давления используют советы, рекомендации, консультации для ответственных лиц и органов управления, помощь политикам и управленцам в составлении речей, содействие им в выполнении решений, обеспечение связи с прессой, финансирование политических групп, работа в депутатских комиссиях, выступления на слушаниях, неофициальные контакты, инспирирование писем и телеграмм (поддержки или протеста), контроль за законами при сотрудничестве с администрацией и т. д. В то же время в их арсенал входят шантаж, оказание ответственным лицам незаконных услуг, угрозы, подкуп, финансовая поддержка нелегальных объединений, контроль за личной жизнью политиков в целях сбора компромата и т. д. (причем эти методы особо влияют на впервые избранных депутатов). Таким образом, характер осуществления группами давления своих функций прежде всего зависит от того, законны или незаконны способы их деятельности.

Среди разнообразных видов групп давления можно выделить, например, группы «прямого вхождения», предпочитающие оказывать давление на властные структуры с помощью отдельных представителей бизнеса; «коридорный лоббизм», означающий наличие «своих людей» в органах власти (подкупленных чиновников); «корпоративный лоббизм», выражающий различные формы (сочетания) сращивания представителей исполнительной власти и бизнеса; «продвинутые группы», частично берущие на себя решение чисто политических проблем; «кластеры связей», представляющие собой группировки, построенные на неформальных связях; «парантеллы», базирующиеся на клановых или родственных связях; «олигархии», выражающие смыкание отраслевых элит и криминальных групп, и др. Наиболее влиятельные группы давления получили название «групп вето» (Д. Рисмэн), обозначающее их способность блокировать или не допускать не устраивающие их решения.

В целом приоритет тех или иных способов деятельности групп давления определяется степенью демократичности, открытости политической системы, уровнем законодательного урегулирования. Вместе с тем

типичные способы взаимоотношений групп интересов с властями могут влиять на определенные тенденции в развитии национальной государственности, а порой и изменять их. Так, в ряде латиноамериканских государств, в Италии, частично в России и некоторых других бывших республиках СССР деятельность отдельных групп интересов способствует нарастанию теневых форм правления, коррумпированности государственных чиновников, криминализации сферы принятия решений. В ряде других государств эти политические институты, напротив, делают область государственного управления более открытой для общественности, укрепляют свои связи с другими посредниками между населением и властью (например, в США общенациональные партии представляют собой совокупность гибких ассоциаций, групп интересов граждан, сотрудничающих между собой в процессе выборов в федеральные органы власти).

В целом в мире сложились **три** основные модели взаимодействия групп давления и государства: **англосаксонская** (где деятельность этих институтов легализована и институализирована), **континентальная** (где их деятельность признается де-факто, но не имеет широкого законодательного обеспечения) и **японская** (делающая основной акцент на фискальных инструментах контроля их деятельности со стороны государства).

Как показал опыт, деятельность групп давления в рамках этих моделей может способствовать продвижению общества вперед. Эффективность же их деятельности зависит от характера связей между органами исполнительной и законодательной власти, установившейся правовой системы, наличия поддержки в разных ветвях власти и финансовой сфере, а также СМИ. Отрицательные для общества следствия деятельности групп давления будут там, где высока бюрократизация власти, отсутствует правовое регулирование лоббизма, низка степень развития гражданского общества и контроля за элитой, высока экономическая зависимость СМИ от коммерческих группировок.

2. Политические партии

Понятие политической партии

Партия — это «самая политическая» из всех общественных организаций (Р. Доуз) и по сравнению с другими посредниками между государством и обществом занимает принципиально иное место и в системе представительства гражданских интересов, и в политической системе в целом. Значение этих политических институтов подчеркивает хотя бы тот факт, что современная демократия в западном мире прежде всего является собой результат деятельности партий и межпартийной конкуренции.

Благодаря своей **общественно-политической** природе, партии об- ладают сложным процессом институализации, встраивания в полити-

ческие системы различных государств. Столь же многогранно и объяснение их сущности и назначений. Так, в период исторического зарождения партий одни ученые видели причину их возникновения в воплощении естественного для человека духа противоречия (Т. Гоббс), а другие в формировании нового «политического предприятия» (М. Вебер). По мере становления буржуазного общества и демократических институтов партии в большей степени стали рассматриваться в качестве политической ассоциации, воплощающей право человека к объединению с другими, являющей собой форму проявления его личной свободы (Аде Токвиль). Период зарождения массовых партий выявил в них носителя сплачивающих людей «идеалов», учений, доктрин (Б. Констан). В конце XIX столетия ученые подметили стремление партий к подчинению себе всех проявлений политической активности человека (М.Острогорский), а марксисты в партиях «нового типа» увидели главный источник обновления политического облика всего мира.

Однако с течением времени все же возобладали подходы, делающие акцент на организационных аспектах деятельности партий (Р. Михельс), рассмотрении их в качестве неотъемлемой части государственной системы (М. Дюверже), подходы, относящиеся к ним как к организациям, стремящимся к получению поддержки со стороны населения с целью получения власти (Дж. Лаполамбара, М. Вейнер). Правда, ряд ученых, к примеру Э. Даунс, практически пренебрегает общественными основаниями этого института и относится к нему как к «команде, стремящейся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей».

В настоящее время можно сказать, что в результате своего исторического развития **партия** сформировалась как специализированная, организационно упорядоченная группа, объединяющая наиболее активных приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и служащая для борьбы за завоевание и использование высшей политической власти.

Воплощая право человека на политическую ассоциацию с другими людьми, она отражает общегрупповые интересы и цели разнообразных (социальных, национальных, профессиональных и др.) слоев населения, их идеалы и ценности, утопии и идеологии. С помощью этого института люди выдвигают свои групповые требования к государству и одновременно получают от него поддержку в решении тех или иных политических вопросов. В то же время и государство также использует партии для целенаправленного воздействия на общество, управления общественными процессами. Таким образом партии развивают как (взаимные) прямые, так и обратные связи населения и государства.

От всех других политических институтов, в том числе групп интересов, партию отличают свойственные ей функции и характерные способы их осуществления, определенная внутренняя организация и структура,

наличие политической программы действий, та или иная идеологическая система ориентации, а также ряд других, менее значимых признаков.

Длительная история существования партий выкристаллизовала типичные для них внутренние группы и объединения. К ним относятся прежде всего лидеры партии; партийная бюрократия; мозговой штаб, идеологи партии; партийный актив; рядовые члены партии. В том случае, если партия добивается успеха на выборах, в ее составе выделяют «члены партии — законодатели» и «члены партии — члены правительства», которые нередко становятся вторым руководящим звеном партии. Существеннейшую роль в определении судьбы и политического веса партии играют и находящиеся в общем-то за ее рамками «партийный электорат», «сочувствующие» партийной программе (т.е. те, кто голосует за нее на выборах), а также «меценаты», оказывающие ее организациям определенную поддержку. Все эти группы специфически влияют на осуществление партией ее функций, способствуют усилению или падению ее авторитета, увеличивают или сокращают возможности ее воздействия на государственные органы.

Функции политических партий

Партия как звено вертикальной связи населения и государства выполняет две группы функций, захватывающих

практически все фазы политического процесса. К **внутренним** функциям партии относятся формирование партийного бюджета, выборы руководства, поддержание отношений партийной бюрократии и рядовых членов и др.

Внешние, наиболее важные функции партии прежде всего выражают ее нацеленность на борьбу за завоевание и использование политической власти в интересах поддерживающей ее группы населения. Иначе говоря, если группы интересов, как правило, пытаются решать те или иные проблемы в рамках сложившегося режима правления, то партии, выдвигая собственную программу решения внутри- и внешнеполитических вопросов, тем самым заявляют претензии и на **изменение высшей политической власти** (как в центре, так и на местах). Однако такой характер политических требований чаще всего сопровождается мирным перераспределением власти между различными общественными силами. В этом смысле партии выступают таким механизмом агрегирования групповых интересов граждан, который дает возможность избежать общественных потрясений при изменении баланса политических сил.

Выдвигая тот или иной набор властных притязаний, партии обеспечивают связь населения с государственными структурами, институционализацию политического участия граждан, они заменяют стихийные проявления общественно-политической активности населения формализованными способами, подверженными контролю со стороны с

лидеров. В этом отношении партии — одно из наиболее эффективных средств борьбы как с политической апатией людей, так и с неконституционными, неправовыми методами влияния на власть.

Одной из важнейших функций партий является **отбор и рекрутирование политических лидеров и элит** для всех уровней политической системы. Чаще всего это происходит путем выдвижения своих кандидатов на выборах. Однако публичный характер их деятельности, постоянное поддержание отношений между различными ветвями власти и разнообразными политическими институтами, использование партийных экспертов и аналитиков на различных уровнях системы государственного управления дают возможность партиям продвигать своих наиболее видных и авторитетных представителей на определенные государственные посты. Таким образом, партии *без выборов* могут частично брать под контроль те или иные участки в управлении делами общества и государства.

Еще одной важнейшей внешней функцией партий является **политическая социализация** граждан, формирование у них качеств и навыков участия во властных отношениях. Ведя борьбу за избирателя, партии по-своему интерпретируют важнейшие политические конфликты и пути их преодоления, делают ситуацию, сложившуюся в обществе, понятной для рядовых граждан. Главным средством решения этой задачи является формулирование разногласий с другими политическими силами по основным вопросам общественного развития. Как считает американский ученый Е. Шаттшейдер, «формулирование разногласий — ключевой инструмент в борьбе за власть», и партия, которая сумела четко обозначить свои позиции для общественного мнения, «имеет все шансы стать правящей»¹.

К наиболее характерным для партий **способам** решения своих политических задач относятся: выдвижение своих кандидатов на выборах, обращение партийных программ ко всем гражданам общества с целью завоевания как можно большего числа сторонников, а также определенное изменение состава правящего класса за счет своих представителей.

В силу этого наиболее ярко партии реализуют свои функции в предвыборной и избирательной кампаниях. Выдвигая кандидатов в законодательные органы государства, партии предпринимают активные действия, направленные не только на поддержку своих представителей, но и на распространение определенных идей, внедрение их в массовое сознание. И если, к примеру, небольшие партии не могут выставить конкурентоспособных кандидатов на общегосударственном (региональном) уровне, то они все же используют выборные кампании в идеологических целях, пытаясь создать в глазах населения позитивный имидж своим целям и ценностям.

¹ Schattschneider E. E. The Semisovereign People. N.Y., 1975. P. 73.

Избирательная фаза деятельности партий обычно сопровождается заключением различных межпартийных соглашений, образованием партийных коалиций, союзов и блоков победивших партий. Партии, одержавшие победу на выборах или сумевшие провести в законодательные органы своих представителей, получают возможность участвовать в формировании правящей элиты, подборе и расстановке управленческих кадров, а через них — легитимное право на участие в процессе принятия политических решений и возможность контроля за их исполнением.

Но выборы — это лишь самая активная фаза деятельности партий. После выборов они также стремятся расширить электоральную поддержку правящему или оппозиционному курсу, организуя различные кампании в средствах массовой информации, акции поддержки или недоверия правящему режиму, другие мероприятия, призванные убедить население в правильности (неверности) сделанного выбора. Они активно борются за расширение своего численного состава, за укрепление материального положения центральных и низовых организаций, за распространение своих программных целей, налаживание связей с отечественными и зарубежными дружественными партиями.

Основные этапы партогенеза

Кристаллизация партийных функций, становление структуры партий и вы-

работка их наиболее типичных способов деятельности в политической системе осуществлялись в многовековом процессе формирования и функционирования этого политического института (партогенезе). Сегодня, по прошествии нескольких столетий политической истории партий, можно выделить три его наиболее крупных исторических этапа.

Начальный этап партогенеза уходит корнями в конец XVII — начало XVIII в. Это был период, когда зарождались политические системы раннебуржуазных государств Западной Европы и Америки. Политические процессы того времени, сопровождавшиеся Гражданской войной в США, буржуазными революциями во Франции и Англии, свидетельствуют о том, что появление партий отражало раннюю стадию борьбы между сторонниками различных направлений формировавшейся новой государственности: аристократами и буржуа, якобинцами и жирондистами, католиками и протестантами. Знаменуя собой определенный этап в у сложении политической системы индустриального типа, партии возникли как инструмент ограничения абсолютной монархии, включения в политическую жизнь «третьего сословия», утверждения в обществе всеобщего избирательного права, развития представительной системы. С их помощью изменение состава политической элиты, рекрутирование правящих кругов стало постепенно превращаться в дело избирательного корпуса.

Определяющую роль в возникновении партий играли классовые, социальные, национальные и прочие конфликты. Однако свое влияние ока-

зывали и социокультурные особенности развития отдельных стран, демографические процессы и даже религиозные мотивы (например, возникновение католических партий в Германии и Бельгии в XVIII в.). По мнению М. Дюверже, в образовании партий свою принципиальную роль сыграли как **внутренние** (внутригосударственные, выражающие роль парламентских фракций, избирательных комитетов на местах, установления связей между комитетами и фракциями), так и **внешние** (отражающие активность граждан, группировавшихся в различные профессионально-цеховые союзы, общества, кружки, ассоциации и т.д.) источники.

Партии не сразу стали полноправным политическим институтом, способным оказывать существенное влияние на власть. Первоначально они представляли собой объединения знати, различного рода клубы, литературно-политические образования, являвшиеся формой общения единомышленников (например, Клуб кордельеров времен Великой Французской революции или «Реформ Клуб», возникший в Англии в 30-х гг. XIX в.).

Непосредственное же влияние на превращение партий в активных участников политического процесса оказало предоставление личности политических прав, возникновение избирательных систем и парламентов. Так, первые партии, боровшиеся против феодальной власти, были созданы сторонниками либеральных воззрений (виги в Великобритании, прогрессивная партия в Германии, Бельгийская либеральная партия и др.).

Однако, выражая групповые интересы и так или иначе проявляя свою самостоятельность и оппозиционность государству, партии в то время практически однозначно воспринимались как источник кризисов и раскола общества. Антипартизм был наиболее распространенным идейным и психологическим течением. Его основной причиной было повсеместно распространенное убеждение, что только государство является выразителем народного суверенитета (либеральная традиция) и общей воли общества (феодално-аристократическая и монархическая традиции). Не случайно многие выдающиеся ученые и политики того времени отрицательно оценивали деятельность партий как нарождающегося и набирающего силу политического института. Исключительно популярной была идея заговора партий против государства. К примеру, Ф. Бэкон писал: «...усиление партий и раздоров между ними указывает на слабость государя и весьма вредит их славе и успеху их дел». Т. Гоббс прямо указывал на то, что «...партии приводят к мятежам»², а Дж. Вашингтон в «Прощальном послании» американскому народу предупреждал об опасных последствиях «партийного духа», характеризуя партии как «готовое оружие» для подрыва власти народа и узурпации правительственной власти. И только немногие политические деятели той эпо-

¹ Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1977. Т. 2. С. 402.

² Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 109.

хи были более лояльны к партиям. Например, Н. Макиавелли, хотя и считал, что «образование партий — зло, а безнаказанность зла порождает во всех стремление разделяться на партии», все же оценивал их по своему полезными, поскольку граждане, «умудренные пагубным опытом других» (подразумевалось: тех, кто испытал порожденные партиями вражду и раздоры), «научились бы сохранять единство» ¹.

В XIX столетии партии в основном укрепили свое положение в политической системе, став важным механизмом представительства интересов общества. В то же время начавшийся с первой четверти столетия процесс формирования массовых, в основном социалистических, партий обозначил ряд качественно новых тенденций, обусловивших, в частности, изменение ведущих типов партий и их роли в политическом процессе различных стран и позволивших говорить о **втором** этапе партогенеза.

Это было время окончательного встраивания партий в политическую систему. С одной стороны, партии укрепляли свои связи с населением, предлагая ему различные организационные возможности для трансляции своих потребностей во власть. С другой, налаживая отношения с государством, партии предпринимали различные организационные стратегии (либо становясь оппозиционными, либо подпадая под полное влияние государства и действуя в основном в его интересах, либо создавая с госструктурами разнообразные властные комбинации и т.д.).

Все эти сложные процессы отражались и в теории. Так, Р. Михельс, М. Вебер, М. Я. Острогорский подметили зарождавшиеся в лоне социалистических партий тенденции к нарастанию роли партийного аппарата в ущерб рядовому членству, к бюрократизации партийных объединений, ко все возрастающему господству партийных лидеров и элит. Так, Михельс в книге «Политические партии. Социологическое исследование олигархических тенденций современной демократии» (1911) писал, что чем больше расширяется и развивается официальный аппарат партии, тем больше вытесняется из нее демократия, заменяемая всеисполнением исполнительных органов. Причины отрыва партийного руководства от рядовых членов партии он видел в технической неспособности большой массы людей к управлению, а также несменяемости руководителей, в их закоренелом негативном отношении к рядовым членам.

Подтверждая этот тезис, Острогорский указывал на то, что основная часть членов партии становится объектом манипулирования со стороны партийной элиты («кокуса»). Под ее влиянием партии пытались вырвать из рук парламента законодательную функцию, подавить спонтанное выражение политически информированных групп, разрушить либеральную демократию. Поэтому, считал он, на место партий с жесткой организацией «должны быть поставлены свободные общественные ассоциации, дви-

¹ Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1987. С. 44.

жения, ставящие перед собой более конкретные и выполнимые задачи разного рода, причем участие в одной из них не должно исключать участие в другой, так, чтобы два человека, оказавшиеся противниками по одному вопросу, стали затем союзниками по другому»¹.

Помимо нарастающей бюрократизации партий ученые подметили и то, что в связи с встраиванием партий в избирательные процессы их идейные принципы, которые ранее привлекали рядовых граждан и стимулировали их членство, стали препятствием для завоевания партийной элитой электоральной поддержки. Поэтому идеология постепенно приносилась в жертву голому прагматизму: успеху на выборах. Партийные лидеры больше ориентировались на завоевание массовой поддержки, опасаясь отождествления их партии с определенным классом и соответствующей идеологической доктриной. Партии превращались в ассоциации «хватай всех», беря на себя функцию выражения интересов большинства нации.

Усиление централизации и прагматизации деятельности партий, с точки зрения М. Вебера, позволяло рассматривать их как объединения, члены которых пытаются добиться власти для своих лидеров, способных в дальнейшем обеспечить «духовные или материальные преимущества» для их «активного членства».

Наряду с оценками этих представителей романо-германской школы в науке в то время сформировались и *другие* теоретические позиции. Так, марксисты, делавшие упор на классовых основаниях возникновения партий, возвестили о возникновении коммунистических партий (партий «нового типа»), обладавших способностью возглавить политическое движение прогрессивных классов и выступить в роли ведущей и направляющей преобразования силы. В противоположность такому пониманию сторонники рыночной теории рассматривали партии как «свободного игрока» на политической сцене, способного «вступать в сделки» в интересах «политической игры» и потому не обладавшего никакими «своими», в том числе классовыми, позициями.

Современный этап партогенеза свидетельствует о том, что партии стали не просто органическим, но и одним из основных элементов организации политического порядка и функционирования публичной власти. По мере развития парламентских, конституционных основ буржуазной государственности партии укрепляли свой политический и правовой статус. После Второй мировой войны в конституциях разных стран появились соответствующие статьи, а в 1970-х гг. сложилось достаточно развернутое законодательство, регламентирующее их деятельность. Поощряя плюрализм политической жизни, партии стабилизировали систему власти, основанную на устойчивом представительстве интересов граждан. Таким образом, в данное время партии представляют собой такой

¹ Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1997. С. 354.

институт власти, без которого не могут осуществляться выборы как основной механизм формирования государственности, легальное завоевание различными слоями населения ведущих политических позиций.

В то же время в разных странах партии играют весьма не однозначные роли. Так, в стабильных демократических государствах, несмотря на статус партий, органическую встроенность их в механизмы государственной власти, деятельность партий сочетается с активностью множества других участников избирательного процесса, причем не только многочисленных групп интересов, неправительственных организаций, СМИ, но и успешно конкурирующих с ними независимых кандидатов. Взаимоотношения населения с властью стали более непосредственными, сильнее ориентированными на индивидуальные позиции граждан. Как писал С. Хантингтон, чем быстрее росла «приверженность американцев своим политическим убеждениям», тем равнодушнее относились они к групповым формам выражения своих политических интересов ¹.

Вместе с тем многие партии, привыкнув к роли постоянного звена в процессе принятия государственных решений, зачастую стали усматривать свою главную цель в борьбе против *правительства*, а не в завоевании электората. В этом смысле, по мнению немецкого теоретика Кфон Бойме, партии, усилив свою роль в отборе политических элит, в определенной степени утратили влияние на политическую социализацию граждан. Одновременно и государство стало все в большей степени использовать партийные институты для продвижения своих интересов и целей, усиления контроля за этими организациями. В целом в развитых западных странах деятельность партий демонстрирует определенный кризис представительной демократии, потребность в использовании более адаптивных к современным условиям институтов трансляции гражданских интересов, поддержания коммуникации государства и общества. Не случайно ощутимой тенденцией во многих западных демократиях стало и снижение партийной идентификации. Поэтому, укрепив демократические ценности в политической жизни своих стран, партии кое-где начинают «уходить в тень», повышая шансы менее формализованных и гибких посредников в отношениях между населением и властью. В самих партиях эти веяния времени стимулируют тенденции к децентрализации и усилению роли местных организаций, ослаблению требований к партийной дисциплине, расширению связей с разнообразными неправительственными и неформальными объединениями граждан, различными структурами гражданского общества.

В то же время в странах, переживающих этап модернизации, получили развитие иные, весьма противоречивые тенденции в эволюции партийных институтов. В частности, в ряде посттоталитарных госу-

¹ *Hintington S. P. American Politics: The Promise of Disharmony. Cambridge, 1981. P. 191.*

дарств — в отличие от тех стран, где они полноценно выполняют свои функции, — многие партии не имеют возможности работать на политическом рынке в силу накладываемых властью ограничений; при этом во многих обществах все еще существует широкое неприятие партийного членства и низкий авторитет данного института. Одновременно в такого типа странах государство стремится использовать партии как инструмент реализации интересов правящего режима. В этих целях государство расширяет свои прерогативы в части административного контроля за деятельностью партийных институтов; выстраивает с их помощью искусственные, неконкурентные структуры представительства интересов и даже создает бюрократические организации, призванные выполнять роль этих институтов на партийном рынке (партия «Булкар» в Индонезии, «Единая Россия» в РФ и др.). В таком случае общественная востребованность политических партий, призванных влиять на выбор государственной политики, практически не реализуется.

Противоречивость данного этапа партогенеза в переходных обществах проявляется в сосуществовании тенденций к превращению партий в идеологически нейтральные организации (или же, напротив, к ужесточению идейных требований к своим членам), в усилении централизованной организации управления и авторитарной роли лидеров. Отличительной чертой развития партий в этих странах является и перманентное изменение у многих из них идейной ориентации, радикализация политических требований, укрепление связей с разнообразными группами интересов (в том числе и с криминальными структурами). В ряде случаев партии из доминирующего партнера превращаются в полностью зависимые структуры, выполняя обслуживающие функции для тех или иных групп давления. Не случайно в последнее время в ряде стран получило распространение отношение к партиям как к «слогану», используемому для поддержания общения корпоративных структур с традиционно настроенным электоратом.

3. Типы партий и партийных систем

Типология партий

Многообразие исторических и социокультурных условий политического развития стран и народов привело к возникновению различных партийных структур, отличающихся друг от друга строением, функциями, чертами деятельности. Исторически первые попытки классификации партийных объединений явно тяготели к **моральным** (подразумевавшим разделение на «хорошие» и «неблагородные» союзы) и **количественным** («большие» и «малые» партии) критериям. Современной же политической наукой разработана гораздо более сложная типологизация партийных институтов.

Наиболее часто встречающийся критерий типологизации партий — **идейные** основания их деятельности, подразумевающие деление на **доктринальные, прагматические** (патронажные) и **харизматические** (З. Ньюмен). Первые в своей деятельности в основном ориентируются на защиту своей «идеологической чистоты». Стил деятельности таких партий, направленной прежде всего на постоянную защиту идеалов и принципов, неизбежно приводит к нарастанию конфликтности политического процесса. Если же идеологии сформированы на антагонистических ценностных основах, то межпартийная полемика ведет к поляризации и резкой конфронтационности сил, участвующих в отношениях власти. В патронажных партиях идеологические ограничения не играют существенной роли и ими легко жертвуют при достижении различного рода соглашений, образовании коалиций и т.д. В конечном счете такой прагматизм всегда предполагает использование по преимуществу консенсусных технологий борьбы за власть, что повышает политическую стабильность общественного развития. В харизматических партиях люди объединяются вокруг лидера, практически полностью подчиняясь его воле.

В каждом из этих типов существует дальнейшая дифференциация партийных объединений. В частности, среди доктринальных партий принято выделять **религиозные** (как, например, Швейцарская евангелическая партия) и **идеологические** (многочисленные социалистические, национальные и др.) объединения. В противовес этим организациям выделяют сугубо **электоральные** партии (действующие по принципу «хватай всех» и ориентированные только на привлечение голосов избирателей вне зависимости от их идейных ориентаций) или **клиентельные** (предполагающие персональный патронаж лидеров и полную подчиненность членов партии аппарату управления, ориентированному только на электоральную успешность и пренебрегающему факторами внутрипартийной интеграции).

Для современной политической науки весьма характерно типологизировать партии в зависимости от **социальных** (аграрные партии), **этнических** (ультралевая баскская партия «Эрри батасуна»), **демографических** (женская объединенная партия Бельгии) и **культурологических** (партии любителей пива в Германии) оснований образования этих институтов власти. Важное значение имеет и дифференциация партий с точки зрения их организационной структуры. В данном случае принято выделять партии **парламентские** (в качестве первичных образований в них выступают территориальные комитеты), **лейбористские** (представляющие собой разновидность парламентских партий, допускающих коллективное членство, в том числе трудовых коллективов) и **авангардные** (построенные на принципах территориально-производственного объединения своих членов и демократического централизма).

Довольно распространена типологизация партий с точки зрения их отношения к правящему режиму: **правящие** и **оппозиционные, легальные** и **нелегальные, партии-лидеры** и **партии-аутсайдеры, партии, правящие монопольно или правящие в составе коалиции**. Р. Сиенфуэнтес выделяет **антисистемные** (стремящиеся к качественному изменению политической системы), **реформистские** и **консервативные** (осторожно относящиеся к реформам) партии.

Большое распространение в политологии получила классификация французского ученого М. Дюверже, выделявшего в зависимости от оснований и условий приобретения партийного членства **кадровые, массовые** и **строго централизованные** партии. Первые отличаются тем, что они формируются вокруг группы политических деятелей, а основой их организационного строения является политический комитет (лидеров, активистов). **Кадровые** партии формируются, как правило, «сверху», на базе различных парламентских групп, групп давления, объединений партийной бюрократии. Они ориентируются на участие профессиональных политиков и элитарных кругов, что предопределяет свободное членство и известную аморфность партийной организации. Такие партии обычно активизируют свою деятельность только во время выборов.

Массовые партии представляют собой централизованные образования, хорошо организованные и дисциплинированные, с уставным членством. Хотя и здесь важную роль играют лидеры и аппарат партии, большое значение в них придается общности взглядов, идеологическому единству членов. Массовые партии чаще всего формируются «снизу», нередко на основе профсоюзных, кооперативных и иных общественных движений, артикулирующих интересы определенных социальных слоев, профессиональных групп, сторонников известных лидеров и идей. Однако в отдельных случаях формирование партий подобного типа возможно и комбинированным путем — в результате соединения усилий элитарных кругов (парламентских комитетов, общественных комитетов в поддержку того или иного депутата и др.) и рядовых граждан (избирателей). Учитывая разнообразие форм деятельности, направленности и иных аспектов функционирования массовых партий, некоторые теоретики, в частности Ж. Блондель, выделяли среди них представительные партии **западного** типа, **коммунистические** и **популистские**.

И наконец, для **строго централизованных** партий характерным, по Дюверже, является превращение идеологического компонента в основополагающее, связующее эти организации начало. Для таких партий (к ним Дюверже относил коммунистические и фашистские) характерны наличие множества иерархических звеньев, строгая, почти военная дисциплина, высокая организованность действий, уважение и почитание политических вождей.

В современных условиях под влиянием политического рынка и информационных условий политической деятельности во многих странах складываются партии с новыми организационными и структурными очертаниями. Например, это **партии-движения** (формирующиеся вокруг решения одной-двух общественно значимых проблем и не содержащие различий между членами партии, активистами и сочувствующими); **картельные партии** (действующие внутри правящего класса и существующие для распределения постов между профессиональными политиками, «лидерами-предпринимателями»); **партии-холдинги** (включающие в себя узкий круг лидеров и профессиональные структуры, занимающиеся специализированной деятельностью по формированию финансовой базы, распространению рекламы, осуществлению политического маркетинга, организации массовых мероприятий и решением прочих задач, способствующих широкой поддержке партийной элиты и ее продвижению во власть); **медиапартии** (создаваемые и поддерживающие свою внутреннюю организацию при помощи инструментов СМИ) и др.

Сущность и разновидности партийных систем

Партийные системы представляют собой совокупность устойчивых связей и отношений партий различного

типа друг с другом, а также с государством и иными институтами власти. Партийные системы противостоят *апартийным*, т.е. таким формам организации политической власти, где либо совсем не существует партийных объединений, либо их наличие имеет сугубо декларативный характер (как это было, например, в СССР, Албании, а сегодня также на Кубе, в Северной Корее).

К числу **факторов**, оказывающих наибольшее влияние на формирование партийных систем, относятся: *характер социальной структуры общества, действующее законодательство* (прежде всего избирательные законы) и *социокультурные традиции*. Например, в странах, где сложились значительные крестьянские слои, как правило, возникают аграрные партии. В странах же, где определяющую роль играет какой-либо один, например средний, класс, существуют предпосылки для создания системы с доминирующей партией. Если социальная структура общества пронизана полярными противоречиями между теми или иными стратами, то и партийная система будет иметь конфликтный характер, лишь подогревая напряженность общественных отношений. Но если социальные группы ориентируются на единую систему ценностей и идеалов, то и партийная система будет характеризоваться более мягкими формами межпартийных и партийно-государственных отношений.

Законы также могут влиять на характер партийных систем, накладывая, например, ограничения на деятельность немногочисленных

партий, препятствуя допуску к выборам оппозиционных партий радикальной направленности, разрешая насильственные действия по отношению к нелегальным партийным объединениям. Там, где действуют избирательные системы мажоритарного типа (определяя одного победителя по большинству полученных голосов), как правило, формируются двухпартийные системы или системы с одной доминирующей партией. Пропорциональные избирательные системы, напротив, давая шансы на представительство в органах власти большему числу политических сил, инициируют создание многопартийных систем и партийных коалиций, облегчают возникновение новых партий.

В обществах с множеством экономических укладов, разнообразием культур и языков, многочисленными каналами и институтами артикуляции социальных, национальных, религиозных и прочих интересов, как правило, больше предпосылок для создания многопартийных систем. Именно последние, как показал мировой опыт политического развития, выступают наиболее оптимальной формой и одновременно условием демократического развития общества.

В зависимости от собственно межпартийных взаимоотношений характер партийных систем в значительной мере обуславливается типом тех вопросов («проблемных измерений»), которые становятся источником политических разногласий между ними, а также расстановкой политических сил, предопределяющей особенности борьбы отдельных партий за электорат. В настоящее время в науке, как правило, выделяют семь типов проблемных измерений, к которым относятся: культурно-этнические проблемы; противоречия между государством и церковью; городом и деревней; социально-экономические противоречия; проблемы, связанные с поддержкой режима; внешнеполитические и, на что специально обращает внимание Р. Инглхарт, распространение постматериальных ценностей¹.

Что касается межпартийных отношений по вопросам завоевания электоральной поддержки, то партийные системы складываются с преобладанием **гетерогенной** (означающей борьбу партий за различные сегменты электората) или **гомогенной** (выражающей их соперничество за одни и те же слои электората) конкуренции. В зависимости от характера межпартийной конкуренции содержание партийных систем формируется под влиянием: различного типа **смычек**, т.е. краткосрочных объединений партий для решения строго определенных задач, когда главную роль берут на себя партийные элиты, а мнение рядовых членов не учитывается; **блоков**, т.е. иерархических союзов, в которых взаимодействуют четыре вида партнеров: *гегемоны*, навязывающие всем остальным свои базовые ценности, интересы и цели; *партии «второго плана»*, входящие

¹ См.: Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995. С. 125.

в эти союзы, блоки на условиях лидеров; «*партии-реле*», еще более зависимые от основных «игроков» и придающие союзу более масштабный характер; «*статисты*», на чьи интересы практически не обращают внимания; **коалиций**, т.е. долгосрочных объединений, сформированных на основе рациональных представлений о возможностях партнеров обеспечить выигрыш и предполагающих более равноправные отношения всех участников, а также других форм объединений партий, складывающихся как в период выборов, так и после них.

В зависимости не только от межпартийных, но и иных политических отношений партий (партийно-государственных, с группами давления, гражданским обществом и т.д.) партийные системы принято классифицировать прежде всего по **качественным** характеристикам этих связей, а также по **количественному** составу партий. Так, по числу действующих в стране партий выделяют следующие партийные системы:

- **однопартийные**, внутри которых различают деспотические и демократические разновидности;
- **полупартийные**, в которых действует коалиция, состоящая из доминирующей партии и близкой ей по взглядам, но менее популярной организации;
- **двухпартийные**, с двумя относительно равноценными по популярности конкурирующими партиями;
- **двух с половиной партийные системы**, в которых наличие двух авторитетных партий сочетается с деятельностью посреднической, но одновременно альтернативной организации, играющей роль «третьей» силы, которая позволяет примирять этих двух противников;
- **многопартийной**, с числом партий более трех.

У каждой из перечисленных типов партийных систем есть свои преимущества и недостатки. Так, опыт Японии, Сирии, Испании и ряда других стран свидетельствует в пользу преимуществ многопартийной системы с монопольно правящей партией. А политически стабильное развитие Нидерландов, Дании, Бельгии, Австрии и некоторых других государств говорит в пользу многопартийности без доминантной партии. Двухпартийная модель, установившаяся в США, Англии, Ирландии, Канаде, Австралии и некоторых других странах, предоставляет гражданам возможность выбора, правительствам — смены курса, обществу — стабильности, но одновременно затрудняет появление на политическом рынке новых партий. Если же она действует в обществах с разделенными базовыми ценностями, то практически доводит социокультурные противоречия до острейшего политического противостояния. Там, где «третья» партия все же может вносить существенные коррективы в установившийся политический порядок (т.е. отбирать значительную часть

голосов у партий, которым отдают предпочтение 70–80% избирателей), в обществе складываются все предпосылки для устойчивой *центристской* политики.

Однако, несмотря на то что сложившиеся в том или ином государстве партии легко подсчитать, количественный метод типологизации партийных систем несовершенен: демонстрируя численность партийных институтов, он не выявляет, сколько партий действительно включено в процесс принятия государственных решений. Например, во Франции в избирательных кампаниях участвуют более 20 партий, в то время как реально правят одна-две, предпочитаемые обществом.

Таким образом, типологизация партийных систем по качественным характеристикам деятельности партий является более предпочтительной. В связи с таким критерием в политической науке выделяют **соревновательные** (где партия вне зависимости от итогов выборов остается в политическом пространстве) и **авторитарные** (несоревновательные, где выделяются системы полного партийного контроля над политическими ресурсами в стране, или же так называемые «инклюзивные» системы, где правящие партии пытаются не столько представлять интересы людей, сколько подавлять иные попытки артикуляции интересов, контролировать и запрещать деятельность своих оппонентов); **консенсусные** и **конфликтные** партийные системы или системы, различающиеся по **идеологическим** и **религиозным** основаниям (**исламские, буржуазно-демократические** и др.). Итальянский политолог Дж. Сартори дает более сложную классификацию, основанную на оценке идеологической дистанции («полярности») между партиями. По его мнению, существуют семь типов партийных систем, размещающихся между полюсами: «однопартийной» (моноидеологической) системы и «атомизированной» (идейно разнородной). К промежуточным типам он относит системы с «партией-гегемоном», «доминирующей партией», «двухпартийные», «ограниченного плюрализма» и «радикального плюрализма», которые выражают степень развития и варианты идеологического плюрализма в деятельности одной или нескольких партий. Сартори считает, что появление пяти и более партий создает «крайнюю многопартийность», опасную для существования государства.

Практика показала, что не существует единого стандарта в оценках эффективности тех или иных партийных систем, хотя важнейшим основанием сопоставления их деятельности считается обеспечиваемая политической системой чуткость к социальным запросам и нуждам населения, возможность включения в процесс принятия решений как можно большего числа властно значимых интересов граждан, способность населения к демократическому контролю за деятельностью правящих элит.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

1. Принципы системного описания политики

Зарождение и развитие системного анализа политики

Освещенные нами ранее наиболее общие понятия и категории политической науки отражают столь же фунда-

ментальные черты и свойства этой сферы общественной жизни как таковой. Однако для того, чтобы разобраться во взаимоотношениях различных субъектов власти, способах и формах их взаимодействия, организации политического пространства на уровне отдельной страны (или группы стран), необходимо использовать иной, более приземленный научный инструментарий. Его познавательные возможности, с одной стороны, должны превосходить исключительно эмпирические способы описания политической реальности, а с другой — выделять наиболее важные и устойчивые факторы ее внутренней организации.

Основоположником такого подхода к описанию политической жизни с помощью категорий данного уровня был Аристотель, занимавшийся анализом форм правления в конкретных странах и использовавший при этом понятие «государственное устройство». Впоследствии, правда, в целях отображения такой макрополитической организации политики длительное время применялось более распространенное понятие «государство», понимаемое в качестве основного политического института, упорядочивающего всю социальную жизнь, в том числе взаимодействия граждан в сфере власти. В XIX в. А. де Токвиль ввел в научный оборот понятие государственного и политического «порядка», характеризующего степень упорядоченности политических взаимоотношений различных общественных субъектов и впоследствии по-своему интерпретированного представителями анархистского течения (У. Годвин, П. Прудон).

В этот же исторический период немало ученых пытались описать целостность и упорядоченность политической жизни общества через механизмы циркуляции элит (В. Парето), интегрирующую роль государственной бюрократии (М. Вебер), цементирующую роль партий как центральных институтов власти (В. И. Ленин) или набор различных государственных структур (немецкие конституционалисты), влияние геополитических и территориальных факторов (Р. Ратцель), а также некоторые другие элементы политической власти.

В середине XX столетия в результате активного использования применяемых в биологии системных (Л. фон Берталанфи) и кибернетичес-

ких (Н. Винер) идей описание макрополитических связей стало базироваться на принципах *системного* анализа. Первопроходцем в применении этой методологии в политических исследованиях был известный американский социолог Т. Парсонс.

Преимущества системного подхода заключались прежде всего в том, что с его помощью выделялся ряд существенных аспектов в организации политической жизни в национальных государствах, позволявших более глубоко описать ее базовые черты и параметры. Так, основной акцент при системном анализе делался на характеристике факторов, обеспечивающих *целостность* политической сферы общества, т. е. на внутренних связях между элементами политики, превосходящих по силе ее внешние связи и тем самым представляющих ее как внутренне интегрированное, качественно определенное явление. Таким образом, можно было понять объем политических явлений в тех или иных обществах, зафиксировать факторы, превращавшие (препятствующие превращению) политику в сферу социальной жизни со своими вполне сложившимися границами. При этом в основе рассмотрения политики как организационной составной части общества (его подсистемы) лежали представления о реально выполняемых ею общественных *функциях*. То есть речь в данном случае шла не о функциях политики как таковой, а о решении ею в конкретном государстве совершенно определенных задач, которые обеспечивались именно политическими — а не военными или иными — мерами. К примеру, одни конфликты в социуме могли урегулироваться политическими методами, а другие сугубо силовыми, что в конечном счете и показывало, каким влиянием обладают здесь политические инструменты.

Еще одним отличием системного анализа политики является отражение ее *внутренней дифференциации*, т. е. характеристика тех структурных компонентов, каждый из которых обладает сущностным значением для выполнения политикой ее общественных функций. Другими словами, системный анализ выделял компоненты, без которых невозможно выполнение общественных задач собственно политическими методами. При этом совокупность свойств отдельных элементов всегда уступает свойствам системы в целом. Принципиальной составной частью системного подхода был также анализ взаимоотношений политики с ее *внешней* средой, окружением, под которым понимались не только социальные, но и природные явления и процессы. При этом предполагалось, что такие «рабочие» контакты политики с внешними — экономическими, географическими и прочими — факторами не просто осуществляются конкретными структурами и институтами, но и подразумевают создание всевозможных подсистем, обслуживающих эти коммуникации. И в том случае, если такие подсистемы не справлялись со своими обязанностями или же начинали работать на себя (к примеру, в виде разрастания здесь корруп-

ционных явлений), то политическая система в целом начинала давать сбои и в обществе возникали политические дисфункции.

Таким образом, применение системного анализа для описания политики позволило обнаружить ту внутреннюю структуру, ту организующую все взаимодействия в сфере государственной власти матрицу которая упорядочивает политическую жизнь в *конкретном обществе* и уравнивает ее отношения с внешней средой. Посредством такого рода абстракции, отражающей функционирование сложных образований, состоящих из различных частей, появилась возможность выяснять соотношение динамики и статики политических порядков в отдельных странах, связь изменений и структурной устойчивости власти, выявлять степень соответствия политических отношений экономической структуре и уровню развития общества в целом, его национальным традициям, идеологиям и ценностям. При системном подходе можно было проследивать процессы концентрации власти в определенных точках политического пространства, институционализацию и структурную дифференциацию властных отношений, характер их формализации в виде конституционных и правовых систем.

Выявление системных параметров в организации политической жизни дало возможность проводить сравнительные исследования государств и их конституционных порядков, партийных отношений и избирательных принципов, демонстрировать различия в процессах формирования политических коалиций в разных странах и регионах, выяснять особенности национального управления, политических культур и других элементов политики.

Основные теории политических систем

В современной политической науке наиболее выделяются трактовки политической системы Т. Парсонса, Д. Истона, Г. Алмонда и К. Дойча. Так, Т. Парсонс в работах «Структура социального действия», 1937, «Социальная система», 1951, и «Социальная система и эволюция теории действия», 1977, определял политическую систему через социальную, в свою очередь, понимаемую как набор социальных ролей и исполняющих их социальных акторов. Границы такой системы, находящейся в постоянном контакте со средой, прозрачны; ее внутренние компоненты составляют иерархически расположенные ценности, нормы, коллективы и организации, а также роли; в структуру социальной системы также входят процессы-функции (латентная, отражающая воспроизводство социальной организации), интеграция (предотвращающая социальную напряженность), целеполагание и целедостижение (формирующие приоритеты системы), а также адаптация (обеспечивающая распределение ресурсов). Такие

сектора общества, как семья, церковь, школа, гражданское общество, право и государство, выступают как подсистемы общества, активно обменивающиеся ресурсами.

В развитых обществах политическая система (отождествляемая Парсонсом с государством) имеет решающее значение с точки зрения регулирования обмена ресурсами, а основную роль в целеполагании играет власть (которая как символический посредник дает обществу возможность мобилизовать свои ресурсы на решение нужных задач). Политическая система зависит от гражданского общества и права и оказывает решающее влияние на экономику. При этом внутренняя структура политической системы понималась Парсонсом как взаимодействие конституционной подсистемы (отвечающей за репродукцию системы), исполнительных органов (реализующих выбор пути развития общества), а также бюрократии (адаптирующей систему к внешней среде).

Глава чикагской школы Д. Истон в работах «Политическая система» (1953), «Модель для политического исследования» (1960) и «Системный анализ политической жизни» (1965) предложил иную, вневременную модель политической системы, не зависящую от каких-либо социально-экономических или культурных детерминант и построенную путем выделения ее наиболее общих и универсальных зависимостей. Не давая возможности соотнести развитие политической системы с понятием «общественный прогресс», такой подход тем не менее позволил выявить ряд более универсальных отличий жизнедеятельности политической системы.

Чисто содержательно Истон рассматривал политическую систему как *совокупность разнообразных, взаимосвязанных видов деятельности*, которые влияют на принятие и исполнение решений. При этом сущность политической системы он усматривал в *целенаправленном распределении соответствующих ценностей*, которые и делали возможной взаимосвязь всех человеческих действий, направляя их на задачи управления. Широта признания ценностей власти со стороны общества признавалась основной предпосылкой жизнестойкости системы. В то же время задача политической системы (которая рассматривалась как аналог биологической системы), по его мнению, состояла в обеспечении *самосохранения*, поддержании собственной жизнедеятельности, стабилизации своего положения при помощи деформирующих факторов.

Процесс функционирования системы Истон описывает как процесс взаимодействия трех ее элементов: «входа», «конверсии» и «выхода». На «вход» подаются различные (экономические, культурные и пр.) требования общественности или выражения солидарности и поддержки гражданами властей по различным вопросам. Далее посредством переработки элитарными кругами этих требований в соответствии с опреде-

ленными ценностями вырабатываются те или иные решения, которые передаются на «выход» системы, где они преобразуются в различные акты государственной политики (законы, указы, символы), предназначенные для ознакомления (в том числе адресного) общественного мнения или иных субъектов (других государств и т.д.) и для реализации.

Последний элемент системы «включает» механизм «обратной связи», обеспечивающий взаимодействие «выхода» и «входа» на основе учета властью влияния внешних обстоятельств (т.е. той или иной реакции общественности, степени удовлетворения ее требований и реализации постановлений). Наличие такого механизма, отражающего ценность возвращаемой из общества во власть информации, обеспечивает самоконтроль и саморазвитие политической системы.

Несмотря на свою крайнюю абстрактность, схема Истона, построенная с использованием универсального принципа действия «черного ящика», тем не менее демонстрирует главные параметры жизнедеятельности политической системы, а именно: ее нацеленность на оптимальный для сохранения власти характер взаимодействия с обществом, а также открытость внешним влияниям, предполагающую сохранение ею постоянной приспособляемости к вызовам среды. На основе такого подхода последователи Истона, и в частности Г. Спайроу, разработали критерии, которым должна соответствовать политическая система. Для того чтобы отвечать общественным потребностям, система должна быть *устойчивой* (обладать известной продолжительностью существования во времени), *адаптивной* (обладать приспособляемостью к среде), *продуктивной* (обладать способностью позитивно откликаться на проблемы «входа») и эффективной (или — легитимной).

Последователь Истона и сторонник **структурно-функционального** подхода Г. Алмонд в течение четырех послевоенных десятилетий развивал несколько иной подход к рассмотрению политической системы. По его мнению, главным для нее является не целевой характер функционирования (т.е. распределение властных ценностей), а *обеспечение легитимности принуждения*, направленного на стабилизацию власти и общества. В этом смысле для анализа системы недостаточно рассматривать взаимодействия лишь институциональных структур. Принципиальное значение приобретают *неформальные* (неинституциональные) образования. Соединить же воедино все эти элементы и обеспечить их взаимодействие в целях стабилизации политических порядков могла только *политическая культура*, которая и занимала в структуре политической системы центральное место. Как полагал Алмонд, «политическая система состоит из взаимодействующих между собой ролей, структур и подсистем и лежащей в их основе культуры». В силу этого и ослабление политической системы наступало прежде всего вследствие

ослабления институтов, обеспечивающих социализацию граждан, воспроизводство определенной политической культуры, ввиду нарушения коммуникаций между обществом и государством.

Рассматривая в связи с таким подходом политическую систему как «набор всех взаимодействующих ролей» (понимаемых как организованная часть ориентаций субъекта), Алмонд весьма причудливо изображал и ее структуру. В политическую систему он включал и элементы, действующие на основе правовых норм и регламентаций (типа парламентов, исполнительно-распорядительных органов, судов, бюрократии и т.п.), и статусы (граждан и групп), и конкретные роли агентов (виды их практик и деятельности), и связи между ними. Такая более конкретная трактовка системы позволяла встроить в ее модель деятельность партий, групповых объединений, активность отдельных граждан.

В соответствии с выделенными элементами политической системы Алмонд определил и три группы ее функций:

- функции **системы**, к которым относились задачи социализации граждан, рекрутирования участников политики и взаимодействия с общественностью;
- функции **процесса**, включавшие в себя артикуляцию, агрегирование, выработку решений и контроль за применением норм;
- функции **политики**, предусматривавшие цели регулирования политических отношений, распределения ресурсов, реагирования на мнение общественности и мобилизацию человеческих и иных ресурсов для выполнения властных целей.

Впоследствии подобные идеи были взяты на вооружение и развиты представителями **культурологического** подхода У. Розенбаумом, Д. Элазаром, Д. Дивайном и другими учеными, рассматривавшими политическую систему как материальное воплощение политической культуры.

Принципиально иной подход в трактовке политической системы был предложен К. Дойчем, разработавшим ее **информационно-кибернетическую** модель. В книге «Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля» (1963) он рассмотрел политическую систему как сложную совокупность информационных потоков и коммуникативных связей, определяемых уровнями тех или иных политических агентов, исполняемыми ими ролями, решаемыми задачами, особенностями процессов переработки, передачи и хранения цепи сообщений, а также другими причинами и факторами.

Дойч исходил из того, что политическая система представляет собой целенаправленно организованную совокупность информационных связей, направленных в конечном счете на управление и целенаправленное регулирование политических объектов. При этом он различал личные (персональные, неформальные) коммуникации; коммуникации,

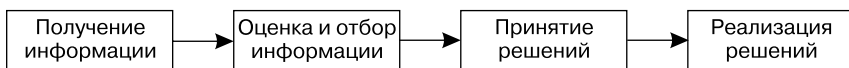

Рис. 2. Схема политической системы К. Дойча

осуществляемые посредством организаций (правительством, партиями, лоббистскими структурами), и коммуникации, проходящие через специальные структуры — печатные или электронные СМИ. В самом общем виде схема взаимодействий таких информационно-коммуникативных процессов подразделялась им на четыре основных блока (рис. 2).

В самом общем виде такая совокупность системных элементов показывала, как информационно-коммуникативные процессы последовательно дифференцируются в целях исполнения основополагающих функций государственной власти. Так, на первом этапе формируется блок данных, составляемый на основе использования разнообразных (внешних и внутренних, правительственных и общественных, официальных и агентурных) источников информирования институтов власти, сообщения которых жестко не привязаны к последующей формулировке целей государственной политики. Второй этап — переработка данных — включает в себя соотнесение полученных сообщений с доминирующими ценностями, нормами и стереотипами государства, сложившейся ситуацией, предпочтениями правящих кругов, а также с уже имеющейся в управленческих органах «старой» информацией. Далее эта отселектированная информация становится основанием для принятия решений с целью урегулирования текущего состояния системы, и эти решения, в свою очередь, на заключительном этапе обеспечивают реализацию поставленных целей. Полученные результаты уже в качестве «новой» информации через механизмы обратной связи поступают на первый блок, выводя систему на следующий виток функционирования.

Ряд ученых, в частности Ю. Хабермас, Г. Гадамер, Н. Луман, развивая идеи коммуникативной трактовки социального и политического мира, впоследствии уточнили ряд аспектов организации макрополитического порядка при таком подходе. Например, Луман дифференцировал понятие «коммуникации», полагая, что оно прежде всего характеризует *смысловой* процесс. Различая понятия «информация», «сообщение» и «понимание», можно более дифференцированно представить себе процессы передачи, хранения и усвоения информации различными политическими агентами.

Постсистемные трактовки политики

которые понимают ее то как комплекс идей, то как совокупность раз-

В современной политической науке насчитывается более двух десятков определений политической системы,

нообразных элементов, то как ряд взаимодействий политики с другими общественными сферами. Однако в 1980–1990-х гг. сложившиеся системные подходы к описанию макрополитических порядков начали утрачивать свою былую популярность. И хотя сегодня эти модели по-прежнему используются, особенно при сравнительных исследованиях, в научном пространстве стали возникать теории, которые либо используют системную методологию как всего лишь отдельный технологический прием исследования, либо предлагают заменяющие ее идеи.

Так, на волне исследования современных процессов модернизации появились попытки описания системных свойств макрополитики в условиях не стабильных, а переходных обществ. Авторы этого в самом широком понимании **«девелопменталистского»** (от англ. *development* — развитие) подхода обращали внимание на важность для организации политической власти характера «зависимостей» политики (например, от динамики социально-экономического развития), ее структурной дифференциации (обеспечивающей автономность политической подсистемы общества), а также «способностей» системы, предполагавших готовность власти к «обновлению» (т.е. к обеспечению определенной степени адаптации государства к вызовам времени), «мобилизации» (привлечения властью людских и материальных ресурсов для оперативного решения задач), «самосохранению» (недопущению к власти крайних оппозиционеров) и обеспечению тенденции «к равенству» политических участников.

Одновременно с такими интерпретациями системного метода стали возникать и принципиально новые идеи. Как уже отмечалось (см. гл. 1), Д. Марч, Д. Олсен и ряд других теоретиков выдвинули концепцию **«нового институционализма»**. Рассматривая государство в качестве основного, систематизирующего политику общества центра, они в то же время подчеркивали принципиальное значение не только организационных и процедурных, но и символических, неформальных аспектов его деятельности. С их точки зрения, взаимодействуя и дополняя друг друга, формальные и неформальные нормы и правила политической игры создают сложные, многоуровневые отношения, организующие и стабилизирующие политические порядки в обществе.

Причем, придавая столь большое значение институтам власти, ученые обращают внимание и на возможность возрастания организующей роли не только государственных, но и иных институтов власти — корпораций, клиентел, групп давления и т.д., чьи цели и нормы могут оказывать существенное влияние на всю организацию политической жизни. Такое положение, к примеру, характерно для нынешней пореформенной ситуации в России, где правила политической игры, а порой и приоритеты развития общества определяют приобретшие самостоятельное политическое значение отдельные административные структуры

(Администрация Президента); органы, входящие в систему исполнительной власти (Министерство обороны и Генеральный штаб); Православная Церковь и особенно коррумпированные и криминальные структуры (по некоторым данным, контролирующие до половины объема российской экономики).

Английский ученый А. Гидденс предложил идею «**структуризации**», заключающуюся в том, что упорядоченное воспроизводство макрополитики осуществляется при сочетании двух процессов: *структуризации* (т.е. воспроизводство субъектами сложившихся норм и правил политического взаимодействия в четко ограниченных пространственно-временных границах) и *институционализации* (т.е. закрепление постоянно возникающих индивидуальных и групповых практик, в той или иной степени соотносённых с действующими правилами отправления власти). Таким образом, в социальном пространстве субъекты и системные требования (нормы) *взаимно* конструируют здание власти, воспроизводя и обновляя политический порядок в обществе.

Концепцию, в которой по сути дела отрицается главенствующая роль некой внутренне организующей политику структуры, выдвинул современный французский социолог П. Бурдьё. По его мнению, политика, представляющая собой разновидность «социального поля», состоит из множества практик отдельных субъектов (агентов), обладающих теми или иными «капиталами» (ресурсами), «позициями» (местом в политическом пространстве), когнитивными (познавательными) и мотивационными основаниями действий («габиту сом»). Таким образом, макрополитический порядок складывается в результате сложного динамического взаимодействия этих практик, постоянно изменяющих «капиталы», «позиции» и другие присущие поведению акторов параметры.

В этих и других теоретических моделях макрополитического устройства общества отражаются те изменения, усложнения в организации власти, которые происходят в современных обществах. Данные модели расширяют возможности более точного описания разнообразных источников и механизмов формирования политических порядков.

Сущность, структура и функции политической системы

Если рационально интерпретировать рассмотренные нами теории и идеи системного отображения политики, то **политическую систему** можно опреде-

лить как **целостную и динамичную совокупность однотипных, дополняющих друг друга и взаимодействующих на основе единых норм — ролей, отношений, институтов и ценностей, обеспечивающих целостность власти и позволяющих целенаправленно влиять на положение социальных групп и конструировать общественные отношения.**

По своей сути политическая система характеризует глубинные, качественно определенные основания организации публичной государственной власти в масштабах общества, отображая базовые предпосылки и факторы воспроизводства отношений государства и социума в целом. Политическая система — это ансамбль *однородных*, однотипных структур и отношений, обладающий внутренней целостностью и воспроизводящий доминирующие позиции во власти тех или иных социальных сил. Иными словами, политическая система есть *качественная* характеристика политических порядков, свидетельство степени внутренней упорядоченности, организованности и однотипности составляющих власть базовых элементов.

Системная трактовка политики показывает, что обретение политической своей внутренней целостности, достижение ею сплоченности важнейших идей и институтов власти происходит постепенно, в результате целенаправленной деятельности правящих кругов. Будучи реальным сочетанием институциональных и неинституциональных элементов, политика может обладать *разным уровнем их внутреннего соответствия* друг другу, а следовательно, тем или иным уровнем зрелости. При этом она сохраняет и возможность утраты своих базовых свойств, упорядочивающих организацию власти.

Таким образом, с логической точки зрения эволюция политической системы может быть представлена как процесс постепенного повышения взаимосоответствия ее элементов и, благодаря этому, обретения внутренней целостности, а впоследствии — снижения качественной и функциональной определенности за счет ослабления, деградации и распада базовых элементов и взаимосвязанных отношений. Например, на начальных стадиях своего развития демократические порядки могут поддерживаться за счет доминирующего влияния государственных институтов и лишь на более поздних этапах — за счет все более полного вовлечения в эти процессы объединений гражданского общества, наработки соответствующих традиций и более тесного взаимодействия с международными демократическими структурами.

Политическая система как определенная подсистема общества испытывает постоянное влияние внутренней (интросоциетальной) и внешней (экстрасоциетальной и внесоциальной) среды. В качестве факторов внутреннего влияния могут выступать интересы разнообразных групповых и индивидуальных, элитарных и неэлитарных субъектов. Внешнее влияние на публичную власть осуществляется соответственно путем воздействия биологических, геологических, географических и т.п. факторов природного характера, а также влияния качественно иных социальных процессов (экономических, нравственных и др.) либо тех или иных международных институтов и структур (ОБСЕ, ООН и т.п.). Приспосабливаясь к влиянию всех этих факторов, политическая система призвана постоянно со-

вершенствовать свое строение, *искусственно достраивая* собственные порядки необходимыми институтами и структурами, способствуя при этом целенаправленным изменениям общественных отношений.

В качестве **основополагающих структурных компонентов** политической системы обычно выделяют следующие:

- **институциональный**, раскрывающий наиболее характерные для данного общества способы артикуляции и агрегирования социальных интересов; тип формирования политических ассоциаций, партий, групп интересов; набор институтов, структур и организаций, участвующих в конкурентной борьбе за власть; особенности электоральной системы, государственного строя и т.д.;
- **нормативный**, характеризующий устоявшийся в обществе тип принятия решений; господствующие методы политического принуждения; формы государственного контроля за принятыми решениями; технологии контроля общественности за властью; особенности конституционной и судебной систем; принципы и нормы политической этики и т.д.;
- **информационный**, демонстрирующий принятый в обществе тип культурного языка; традиции, обычаи, символы, ритуалы, используемые для обеспечения политического процесса; особенности политической семантики, форм межличностного и межгруппового общения и т.д.

Каждый из названных компонентов (элементов) является базовой характеристикой организации публичной политической власти в обществе, необходимым и минимально достаточным условием ее функционирования и развития. Эти структурные компоненты в совокупности организуют некую внутреннюю матрицу политической жизни, упорядочивающую все основные проявления политической активности элитарных и неэлитарных слоев.

Благодаря своему структурному разнообразию политическая система способна обеспечивать исполнение определенных функций в обществе, к важнейшим из которых можно отнести:

- целенаправленное регулирование общественных процессов, ориентированное на обеспечение устойчивого продвижения общества по пути социального развития;
- обеспечение оптимального взаимодействия между социальными и политическими, общественными и природными процессами и структурами;
- включение граждан в политическую жизнь на основе господствующих в государстве принципов и норм;
- обеспечение упорядоченности и стабильности политических порядков и т.д.

Выполнение функций политической системой обеспечивает целостность всего общественного организма, способствует гармонизации развития социума и природы.

2. Политический режим

Сущность и особенности политического режима

Важнейшей характеристикой политической системы является **политический режим**. В науке конкурируют в основном два подхода к трактовке режима: **юридический**, делающий акцент на формальные нормы и правила отправления власти институтом государства, и **социологический**, опирающийся на анализ тех средств и способов, с помощью которых осуществляется реальная публичная власть и которые в той или иной мере обусловлены социокультурными традициями, системой разделения труда, характером коммуникаций и т.д.

Как показал практический опыт, наиболее адекватным способом отображения политического режима является второй подход, дающий возможность сопоставлять официальные и реальные нормы поведения субъектов в сфере власти, отражать реальное состояние дел в области прав и свобод, выяснять, какие группы контролируют процесс принятия решений, и т.д. При социологическом подходе в качестве агентов власти рассматриваются не только правительство или официальные структуры, но и те, подчас не обладающие формальным статусом группировки, которые реально влияют на принятие решений. В качестве определенной характеристики правления при этом может рассматриваться и деятельность оппозиции, а также другие, в том числе *антисистемные*, компоненты политики.

Ориентируясь именно на реальное отражение процесса отправления политической и государственной власти, **политический режим** можно охарактеризовать как совокупность наиболее типичных методов функционирования основных институтов власти, используемых ими ресурсов и способов принуждения, которые оформляют и структурируют реальный процесс взаимодействия государства и общества.

Как подчеркивают Г. О'Доннел и Ф. Шмиттер, режим — это совокупность явных или скрытых структур, «которые определяют формы и каналы доступа к ведущим правительственным постам, а также характеристики [конкретных] деятелей, ...используемые ими ресурсы и стратегии...»¹. В этом смысле когда говорят о политическом режиме, то имеют в виду не нормативные, задаваемые, к примеру, идеальными целями

¹ Transition from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies / Ed. by G. O'Donnel, Ph. C. Schmitter. Baltimor, 1986. Vol. 4. P. 73.

того или иного класса, а реальные средства и методы осуществления публичной политики в конкретном обществе.

Такое понимание политического режима показывает, что он формируется и развивается под влиянием значительно более широкого круга факторов, нежели политическая система. Причем облик правящего режима зачастую определяется не только и даже не столько макрофакторами, скажем, социальной структурой общества, его нравственно-этическими традициями и т.п., но и значительно более частными параметрами и обстоятельствами, а именно: межгрупповыми отношениями внутри правящей элиты, внутри- или внешнеполитической ситуацией, характером международной поддержки власти, личностными качествами политических деятелей и т.д.

Политический режим — более подвижное и динамичное явление, чем система власти. В этом смысле эволюция одной политической системы может осуществляться по мере смены нескольких политических режимов. Например, установившаяся в XX столетии в СССР система советской власти трансформировалась в сталинский режим, затем — в режим, сформировавшийся в годы так называемой хрущевской «оттепели» (в 60-х гг.), а впоследствии — в режим коллективного руководства при Л. И. Брежневе.

Именно режимы проводят и одновременно олицетворяют собой определенную государственную политику, вырабатывают и осуществляют тот или иной политический курс, целенаправленно проводят конкретную линию поведения государства во внутри- и внешнеполитической сферах. Как показывает исторический опыт наиболее развитых индустриальных государств, с точки зрения самосохранения наиболее выгодной и предпочтительной для правящих режимов является политика *центризма*. Независимо от ее идеологической нагрузки, именно такая политика способствует минимизации конфликтов в сложноорганизованных обществах, помогает наиболее конструктивно использовать политический потенциал всего общества, поддерживает взаимоуважительные отношения между элитарными и неэлитарными слоями.

В то же время большинство режимов в качестве одного из наиболее распространенных средств укрепления собственных позиций выбирает *популизм*. Так называется тот тип политики, который основывается на постоянном выдвижении властями необоснованных обещаний гражданам, на использовании демагогических лозунгов, методов заигрывания с обществом ради роста популярности лидеров.

Однако независимо от того, режим какого типа складывается в той или иной конкретной стране или какой политический курс предлагается стране, вся деятельность властей в конечном счете подчиняется целям сохранения стабильности контролируемых ими политических порядков в стране.

Понятие политической стабильности

По мнению многих ведущих теоретиков, стабильность, позволяющая добиваться повышения управляемости об-

щественных процессов, является наиболее важной характеристикой не только политического режима, но и социального порядка в целом. Учитывая же, что политические институты, будучи своеобразным продолжением и закреплением социальных норм и отношений, в первую очередь призваны упорядочивать общественные связи, достижение ими политической стабильности приобретает исключительную значимость в деятельности режима.

Содержательно о стабильности власти можно говорить при сравнении либо различных политических систем, либо с тем режимом, который существовал ранее. В политическом мире существуют **стабильные, среднестабильные и крайне нестабильные** режимы. У каждого из них существуют свои возможности управления обществом, резервы и ресурсы регулирования общественных порядков, способности к самосохранению и развитию.

Стабильность политического режима представляет собой сложное явление, включающее такие параметры, как сохранение системы правления, утверждение гражданского порядка, сохранение легитимности и обеспечение надежности (эффективности) управления. Поэтому в самом общем виде она может означать определенный характер политических процессов (например, отсутствие войн и вооруженных конфликтов), степень адаптации правительства к социальным изменениям, характер уравниваемости отношений элитарных кругов, достигнутые равновесие и баланс политических сил. При этом критериями стабильности могут быть: срок нахождения правительства у власти, его опора на партии, представленные в законодательных органах, степень многопартийности, раздробленность сил в парламенте и т. д. Используемые для достижения стабильности средства могут располагаться в широком диапазоне: от убеждения и поощрения свободной политической активности граждан до применения насилия.

Стабильность не исключает изменений или реформ, но предполагает наличие определенных условий их осуществления. Прежде всего она предполагает отсутствие в обществе нелегитимного насилия, господства не признаваемых обществом сил. Иными словами, власть стабильна постольку, поскольку обладает возможностью предотвратить доминирование нелегитимных сил. В этом смысле стабильность как способность общества к самозащите способствует сохранению такой организации власти, которая соответствует социальной системе, адекватна настроениям общественности, обеспечивает его интеграцию в процессе социально-экономического развития, делая его более эффективным.

К факторам стабилизации можно отнести следующие: наличие поддерживаемого властями конституционного порядка и легитимность режима; эффективное осуществление власти; гибкое использование силовых средств принуждения; соблюдение общественных традиций; отсутствие серьезных структурных изменений в организации власти; проведение продуманной и эффективной правительственной стратегии; устойчивое поддержание и отношений власти с оппозицией и уровня терпимости (толерантности) населения к нестандартным идеям; выполнение правительством своих основных функций.

В противоположность стабильности **нестабильность** чаще всего сопровождает процессы качественного реформирования, принципиальных преобразований в обществе и власти. К факторам нестабильности относятся: культурные и политические расколы в обществе; невнимание к нуждам граждан со стороны государства; острая конкуренция партий, придерживающихся противоположных идеологических позиций; предложение обществу непривычных идей и форм организации повседневной жизни.

Американский ученый Д. Сандрос пришел к выводу, что нестабильность прямо пропорциональна действию таких факторов, как рост урбанизации и перенаселения; индустриальное развитие, которое разрушает естественные социальные связи; ослабление механизмов социально-политического контроля; торговая и финансовая зависимость страны от внешних источников. В то же время она обратно пропорциональна уровню легитимности режима; развитости политических институтов; повышению социально-экономической мобильности, темпам экономического развития; совершенствованию сети политических коммуникаций; консенсусу внутри элиты и прочим аналогичным факторам.

Политическая оппозиция

Одним из наиболее распространенных факторов дестабилизации политического режима является деятельность оппозиции.

Оппозиция представляет собой политический институт, имеющий целью выражение интересов и ценностей, не представленных в деятельности правящего режима.

Тем самым оппозиция выражает и консолидирует протестную активность населения, формулирует требования, оппонирующие или корректирующие поведение властей. Оппозиция — это носитель «критического духа» в политике.

Наличие оппозиции органически связано как с разнородностью общества, обуславливающей невозможность постоянно сохранять в нем устойчивость и неизменность политических отношений, так и со свойствами самого человека. Ведь в природе человека как социального су-

щества заложено стремление предлагать в затрагивающих его интересы областях жизни альтернативные проекты, осуществлять поиск нового, преодолевать установленные ограничения. Поэтому в политическом смысле наличие оппозиции означает принципиальную *невозможность* утверждения в обществе единого, монолитного, раз и навсегда установленного отношения к выдвигаемым властью целям, окончательной ликвидации всякой почвы для конфликтных отношений.

В таком положении есть как отрицательные, так и положительные стороны. Так, оппозиция предотвращает монополизацию власти. Без нее политический режим утрачивает возможности к саморазвитию и, напротив, стремится к окостенению власти. При демократических режимах наличие оппозиции является важнейшим атрибутом власти, это ее «визитная карточка». В государствах этого типа у оппозиции существует свой статус, права, возможности влияния на власть. Например, в Великобритании «оппозиция Ее Величества Королева» — это один из основополагающих политических институтов. В то же время оппозиция, как отмечалось, выступает и в роли фактора, дестабилизирующего общественные порядки.

В качестве основных *причин формирования политической оппозиции* правящему режиму, как правило, называют: социальное расслоение в обществе, национальное неравенство, несовершенство избирательной системы, разочарование населения (элит) в идеалах господствующего строя, раскол элит и неудовлетворенные амбиции отдельных деятелей.

По степени лояльности к целям и ценностям правительства обычно разделяют **проправительственную, нейтральную и непримиримую** формы (типы) оппозиции, а также **институционализированные** (включающие партии, «теневые кабинеты» и т. п.) и **неинституционализированные** (ограничивающиеся идейной критикой) формы оппозиции. Главной характеристикой любого типа оппозиции служит степень ее сплоченности, организованности, массовости, отношение к легальным и законным средствам протеста. Иногда оппозиция складывается даже внутри правящих кругов (например, на основе разочарования части правящей элиты в идеалах системы власти).

Соответственно типу оппозиции формируются и *средства, способы* ее политической деятельности: от критики режима узкой группой инкомыслящих, диссидентов (олицетворяющих духовную оппозицию власти и не прибегающих к каким-либо активным политическим действиям, организации протеста) до политического террора и насилия со стороны партий и движений, находящихся на нелегальном положении. В сочетании с реакцией властей на свою деятельность оппозиционные силы различаются степенью влияния на принимаемые в государстве решения, объемом допуска к СМИ, характером критики властей. Они могут инициировать разрушительные для государства формы нелегаль-

ного вооруженного сопротивления властям, революции, мятежи, бунты, гражданские войны. Но оппозиция может играть и роль «клапана» для «выпускания пара», снижения степени протеста в целях стабилизации власти и даже выполнять чисто декоративные функции для «облагораживания» режима в глазах зарубежного общественного мнения. Нередки случаи, когда общественный протест передается от прежнего режима и усиливается в совершенно другой ситуации, действуя независимо от позитивных, реформаторских усилий властей. В такие периоды режим может оказаться в положении частичной изоляции, а оппозиция играть роль защитницы общественных интересов.

Самые значительные проблемы для режима создает *непримиримая* оппозиция, не признающая ценностей правительства, постоянно призывающая к пересмотру итогов выборов, не считающаяся с нормами политической игры и имеющая тенденцию переходить к вооруженным формам протеста. Непримиимые оппозиционеры нередко отказываются от участия в выборах, используют провокации, ведут поиск союзников за рубежом страны, обращаются к международной поддержке своих требований, убеждают общество в том, что правящий режим является проводником чуждых зарубежных интересов и получил власть в результате противоправных действий или международного тайного заговора («массонов», «мирового сионизма» и т. д.). Характеризуя стиль поведения непримиримой оппозиции, известный политолог Х. Линц в этот арсенал средств включает: систематическую клевету на политиков, представляющих партии системной ориентации; постоянную obstruction парламенту; поддержку предложений, сформулированных специально в целях усугубления кризиса; действия, направленные на потерю правительством авторитета; выдвижение заведомо неприемлемых требований для переговоров с правительством. Такая деятельность объективно ведет к идейно-политической поляризации, фрагментаризации и даже распаду общества. Особенно большие проблемы в этом смысле создают сепаратистские движения, радикальные, экстремистские и анархистские группировки, противостоящие не только властям, но и всему обществу.

В принципе, при конкурентной демократии даже непримиримая оппозиция может встроиться в политическую систему (как, например, европейская социал-демократия в XX в.). Но она может стать и лидером сопротивления режиму, возглавить протест и добиться смещения властей (как, например, антикоммунистические силы в странах Восточной Европы в 80–90-х гг. XX столетия). В то же время непримиримая оппозиция, когда общество отказывается ей в доверии, нередко подвергается политическим репрессиям, а правительственные решения принимаются в целях ее окончательного разгрома.

Особый тип политической оппозиции представляет собой *центризм*. Формулируемые им задачи не имеют агрессивного характера, а ориен-

тированы на принципиальное соглашательство, т.е. на предпочтение стабильности перед инновациями, на рационально-прагматический учет всего позитивного, что формулируется как властями, так и на противоположных флангах политического спектра. Политические требования центризма неразрывно связаны с легальными механизмами передачи власти, отрицанием насилия, отказом от разжигающей противоречия риторики, стремлением добиться реальной ответственности властей за принимаемые решения. Однако рациональные и примиренческие позиции не всегда ясны избирателям, ориентирующимся на крайние позиции, что снижает возможности примиренческой стратегии в странах, где идет интенсивная политическая борьба.

В условиях демократических систем, как правило, осуществляется гибкая тактика по отношению к оппозиции, она определяется в зависимости от степени ее лояльности власти. При этом активно используются технологии политического *логроллинга* (заключения сделок, ведения торга с конкурентами), частичного блокирования и создания коалиций с отрядами оппозиции. Широкое распространение получают механизмы согласования интересов, образования согласительных комитетов, арбитражных комиссий парламента, проведения «круглых столов». При таком подходе оппозиция никогда не остается единой, накал противоречий снижается, а угроза для власти уменьшается, уровень интеграции общества повышается. В тоталитарных же и авторитарных режимах, которые не заинтересованы в определении степени лояльности оппозиции и однозначно негативно относятся ко всем ее слоям, расценивая как потенциально опасную любую протестную деятельность граждан, любое взаимодействие с нею чревато провоцированием насилия, усилением отчуждения граждан от политики и власти.

3. Типология политических систем

Основные типологии политических систем

Описание и сравнение конституционных порядков различных стран и их избирательных законов, соотнесение

сложившихся в тех или иных государствах прав законодательных и исполнительных органов, действующих традиций и стереотипов в общественном мнении, а также анализ других компонентов организации политической власти в различных странах позволили выделить множество типов политических систем. Их разнообразие раскрывает богатство эволюции политических порядков в мире.

Типологизация политических систем в полной мере несет на себе отпечаток различных парадигмальных и идеологических подходов, обуславливающих понимание учеными сущности политического процесса, характер интерпретации ими основных проблем общественного

развития и т.д. Так, сторонники *позитивистско-юридических* подходов политические системы нередко различают по *формальным* критериям, например, по характеру государственного правления, по наличию тех или иных институтов власти, по их нормам и функциям. Представители марксистского направления, рассматривая в качестве основного для капиталистической фазы развития человечества противоречие между трудом и капиталом, традиционно выделяют и описывают особенности **«буржуазных»** и **«социалистических»** политических систем. Сторонники классово нейтральных учений, как, например, английский ученый Д. Коулмэн, анализируя процесс становления и развития политического мира в историческом аспекте, выделяют **«традиционные»**, **«патриархальные»**, **«смешанные»** и **«современные»** политические системы. Приверженцы геополитических подходов, используя в качестве критериев типологизации территориально-пространственные факторы, выделяют, к примеру, **«островные»** и **«континентальные»** политические системы. Очень широкое распространение получила типологизация политических систем на основе характеристики правящих режимов: **тоталитарного, авторитарного и демократического.**

Весьма оригинальную точку зрения высказал известный американский теоретик С. Хантингтон. По его мнению, в современном, все усложняющемся мире основным источником политических конфликтов становится уже не идеология, отражающая социальные (классовые, этнические) групповые конфликты, а культурные компоненты. Причем «наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к различным цивилизациям»¹. Иными словами, линией разграничения политических систем будут намечающиеся или уже проявляющиеся линии «разломов» между цивилизационными структурами. В качестве таких относительно автономных и самостоятельных политических систем Хантингтон выделяет **западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, славяно-православную, латиноамериканскую и африканскую** цивилизации.

Эти цивилизации, представляющие собой самый широкий уровень человеческой общности, безусловно, обладают не только известной целостностью, но и определенной внутренней неоднородностью. И если, как, например, в случае с Японией, цивилизация может охватывать одно государство, то в большинстве других вариантов в такие политические системы могут включаться различные нации-государства. Однако цивилизационная специфика таких государств и народов будет обуславливать наиболее фундаментальные различия в организации их политических порядков.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33.

Причем, поскольку, по мнению Хантингтона, в связи с окончанием «холодной войны» подходит к концу так называемая западная фаза мировой истории, когда многие западные страны играли первостепенную роль в мировой политике, постольку следует ожидать и усиления активности со стороны государств, принадлежащих к другим цивилизациям, и обострения их противостояния с наиболее развитыми индустриальными странами западного мира. Такой характер взаимоотношений данных политических систем неизбежно будет усиливать противоречия между ними, в частности, региональный характер межгосударственной конфронтации, расширение территориальных претензий разделенных государственными границами народов и т.п.

Политическая динамика современных политических процессов дает основание для обогащения свойств и качеств политических порядков в различных странах, формирования новых типов политических систем.

Интегративная типология политических систем

Наиболее популярная и распространенная в современной политической науке классификация политических

систем предложена американским ученым Г. Алмондом, положившим в основу своей типологизации **комплексный, интеграционный** критерий. Он включает учет не только степени или форм централизации (децентрализации) власти, но и тип распространенных в государствах и обществах ценностей и политической культуры. Иными словами, в качестве базовой, синтетической характеристики политических порядков он рассматривает степень соответствия политических идеалов, на которые было сориентировано общество со сложившимися в нем основными формами организации власти. На этом основании ученый выделил политические системы **англо-американского** (США, Великобритания, Канада, Австралия) и **континентально-европейского** типов (Франция, Германия, Италия), кроме того, политические системы **доиндустриальных** и **частично индустриальных** стран (Мексика, Бразилия), а также **тоталитарные** политические системы.

Политические системы **англо-американского** типа отличают прежде всего целостность и определенность политической культуры, нормы и ценности которой разделяет подавляющее большинство общества и поддерживают государственные институты. К таким идеалам и убеждениям относятся свобода личности, ориентация граждан на рост индивидуального и общественного благосостояния, а также высокая ценность индивидуальной безопасности. Противоречия между группами здесь открыто заявляются, а действия властей оспариваются их противниками. Построенное таким образом политическое взаимодействие обуславливает четкую дифференциацию и функциональную определенность политических ролей партий и групп интересов, элитарных и неэлитар-

ных слоев. В политических системах этого типа обеспечено полное господство легальных форм политической борьбы, антиэкстремизм, что не только придает организованность политическому процессу, но и предопределяет высокую стабильность режима и политических порядков в целом.

Особенности политической системы **континентально-европейского** типа связаны с наличием менее однородных политических культур, включающих в себя не только современные демократические ориентации, но и элементы старых верований, традиций, стереотипов. В этом смысле общества такого типа более сегментированы, в них, несмотря на полное верховенство закона, действие мощных традиций гражданских свобод и самоуправления, в более острой форме идут процессы идеологической борьбы, межпартийной конкуренции, политического соперничества за власть. В этих странах типичными формами государственного устройства являются коалиционные правительства, интенсивная межблоковая конкуренция. Потому и политическая стабильность достигается в них путем более острого и сложного взаимодействия субъектов.

Страны **доиндустриального и частично индустриального уровня** развития в политической сфере отличаются весьма высокой эклектичностью политической культуры. В таких странах наиболее почитаемые населением традиции порой бывают прямо противоположными, что придает крайне противоречивый характер политическому процессу, обуславливая сосуществование едва ли не взаимоисключающих тенденций в сфере устройства государственной власти. Сильное влияние имеют воззрения, предполагающие ориентацию граждан на лидера, а не на программные цели правительства. Отдельные исполнительные структуры (армия, бюрократия) в условиях слабо дифференцированного разделения властей постоянно превышают собственные полномочия, нередко беря под контроль даже законодательные функции, открыто вмешиваются в судебные процедуры. В то же время права и свободы рядовых граждан, реальные возможности влияния общественного мнения существенно ограничены. Не удивительно, что такой характер политических отношений нередко приводит эти страны к авторитарным формам организации власти, практикующим жесткие, силовые методы регулирования общественных отношений.

Тоталитарные политические системы (жесткие гегемонии) выражают идеологическую и административную монополию власти в обществе. Власть предельно централизована, политические роли принудительны, а насилие является по сути единственным способом взаимодействия государства и общества. Политическое участие граждан здесь имеет скорее ритуальный и декоративный характер. Достижимая таким образом стабильность политических порядков существует только в интересах властвующих слоев.

АВТОРИТАРНАЯ И ТОТАЛИТАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

1. Авторитарная политическая система

Сущность и особенности авторитарной политической системы

В настоящее время в большинстве современных стран мира установились авторитарные политические порядки.

Причем немало ученых как в прошлом, так и в настоящем весьма позитивно оценивали и оценивают данный тип организации власти. Так, еще в XVIII в. французские мыслители Ж. де Местр и Л. де Бональд, рассматривая авторитет как стержень государственного порядка, видели в нем альтернативу хаосу, способ установления равновесия между борющимися в обществе группами. Испанец Д. Кортес видел в авторитарном политическом порядке, обеспечивающем святость повиновения, условие сплоченности нации, государства и общества. О. Шпенглер также считал, что, в отличие от либерализма, порождающего анархию, авторитаризм воспитывает дисциплину и устанавливает в обществе необходимую иерархию. Многие ученые и политики рассматривают данный тип властвования (как, например, И. Ильин, в виде «авторитарно-воспитывающей диктатуры») в качестве наиболее оптимальной формы политического обеспечения перехода отсталых стран к современной демократии.

Богатство и разнообразие авторитарных политических систем, по сути являющихся промежуточным типом между демократией и тоталитаризмом, обусловили и ряд универсальных, принципиальных отличительных черт этих политических порядков.

В самом общем виде за авторитаризмом закрепился облик системы *жесткого* политического правления, постоянно использующей принудительные и силовые методы для регулирования основных социальных процессов. В силу этого важнейшими политическими институтами в обществе являются дисциплинарные структуры государства: его силовые органы (армия, полиция, спецслужбы), а равно и соответствующие им средства обеспечения политической стабильности (тюрьмы, концентрационные лагеря, превентивные задержания, групповые и массовые репрессии, механизмы жесткого контроля за поведением граждан). При таком стиле властвования оппозиция исключается не только из сферы принятия решений, но и из политической жизни в целом. Выборы или другие процедуры, направленные на выявление общественного мнения, чаяний и запросов граждан, либо отсутствуют, либо используются сугубо формально.

Блокируя связи с массами, авторитаризм (за исключением своих харизматических форм правления) утрачивает возможность использования поддержки населения для укрепления правящего режима. Однако власть, не опирающаяся на понимание запросов широких социальных кругов, как правило, оказывается неспособной создавать политические порядки, которые выражали бы общественные запросы. Ориентируясь при проведении государственной политики только на узкие интересы правящего слоя, авторитаризм использует в отношениях с населением методы *патронирования* и *контроля* над его инициативами. Поэтому авторитарная власть способна обеспечить лишь *принудительную* легитимность. Но столь ограниченная в своих возможностях общественная поддержка сужает для режима возможности политического маневра, гибкого и оперативного управления в условиях сложных политических кризисов и конфликтов.

Устойчивое игнорирование общественного мнения, формирование государственной политики без привлечения общественности в большинстве случаев делают авторитарную власть неспособной создать какие-либо серьезные стимулы для социальной инициативы населения. Правда, за счет принудительной мобилизации отдельные режимы (например, Пиночет в Чили в 1970-х гг.) могут в короткие исторические периоды вызывать к жизни высокую гражданскую активность населения. Однако в большинстве случаев авторитаризм уничтожает инициативу общественности как источник экономического роста и неизбежно ведет к падению эффективности правления, низкой хозяйственной ре% зультативности власти.

Узость социальной опоры власти, делающей ставку на принуждение и изоляцию общественного мнения от центров власти, проявляется и в практическом *бездействии идеологических* инструментов. Вместо систематического использования идеологических доктрин, способных стимулировать общественное мнение, обеспечивать заинтересованное участие граждан в политической и социальной жизни, авторитарно правящие элиты в основном используют механизмы, направленные на концентрацию своих полномочий и внутриэлитарное согласование интересов при принятии решений. В силу этого главными способами согласования интересов при выработке государственной политики становятся закулисные сделки, подкуп, келейный сговор и другие технологии теневого правления.

Дополнительным источником сохранения такого типа правления является использование властями определенных особенностей массового сознания, менталитета граждан, религиозных и культурно-региональных традиций, которые в целом свидетельствуют о достаточно устойчивой гражданской пассивности населения. Именно массовая гражданская пассивность служит источником и предпосылкой терпимости большинства населения к правящей группировке, условием сохранения ее политической устойчивости.

Однако систематическое применение жестких методов политического управления, опора властей на массовую пассивность не исключают определенной активности граждан и сохранения их объединениями некоторой свободы социальных действий. Свои (пусть и скромные) прерогативы и возможности влияния на власть и проявления активности имеют семья, церковь, определенные социальные и этнические группы, а также некоторые общественные движения (профсоюзы). Но и эти социальные источники политической системы, действующие под жестким контролем властей, не способны породить сколько-нибудь мощные партийные движения, вызвать массовый политический протест. В подобных системах правления существует скорее потенциальная, чем реальная оппозиция государственному строю. Деятельность оппозиционных групп и объединений больше ограничивает власть в установлении ею полного и абсолютного контроля за обществом, нежели пытается реально корректировать цели и задачи политического курса правительства.

Авторитарные режимы формируются, как правило, в результате государственных переворотов или «ползучей» концентрации власти в руках лидеров или отдельных внутриэлитарных группировок. Складывающийся таким образом тип формирования и отправления власти показывает, что реально правящими силами в обществе являются небольшие элитарные группировки, которые осуществляют власть либо в форме коллективного господства (например, в виде власти отдельной партии, военной хунты), либо в форме режима единовластия того или иного, в том числе харизматического, лидера. Причем персонализация правящего режима в облике того или иного правителя выступает наиболее часто встречающейся формой организации авторитарных порядков.

Но в любом случае главной социальной опорой авторитарного режима, как правило, являются группы военных («силовиков») и госбюрократия. Однако, эффективно действуя в целях усиления и монополизации власти, они плохо приспособлены для обеспечения функций интеграции государства и общества, обеспечения связи населения с властью. Образующаяся в результате дистанция между режимом и рядовыми гражданами имеет тенденцию к увеличению.

В настоящее время наиболее существенные предпосылки для возникновения авторитарных режимов сохраняют *переходные общества*. Как отмечает А. Пшеворский, «авторитарные соблазны» в обществах этого типа практически неискоренимы. Осознание повседневных трудностей вызывает искушение у многих политических сил «сделать все прямолинейно, одним броском, прекратить перебранку, заменить политику администрированием, анархию — дисциплиной, делать все рационально»¹. Например, в современном российском обществе склонность к

¹ Pzeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. N.Y., 1997. P. 94.

авторитарным методам правления постоянно подпитывается потерей управляемости общественными преобразованиями, фрагментарностью реформ, наличием резкой поляризации сил на политическом рынке, распространением радикальных форм протеста, являющихся угрозой целостности обществу, а также не сложившимся национальным единством, распространенными консервативными представлениями, массовым желанием быстрого достижения социальной эффективности.

Структурные особенности авторитаризма

Обобщая и систематизируя исторический опыт функционирования авторитарных систем и режимов, можно

выделить наиболее устойчивые структурные особенности организации этого типа власти. Так, в **институциональной** сфере авторитаризм отличается прежде всего организационным закреплением власти узкой элитарной группировки (или лидера). Соперничество конкурирующих элитарных группировок за власть, как правило, осуществляется в форме заговоров, путчей, переворотов. Стремление власть предержащих утвердить свое положение подкрепляется полным доминированием структур исполнительной власти над законодательной и судебной. Недооценка и игнорирование представительных органов, означающая разрыв государства с интересами широких социальных слоев, обуславливает низкий уровень гражданской самодеятельности и слабость горизонтальных связей внутри общества. Такое постоянное усечение механизмов представительства интересов населения сокращает социальные источники власти и способы ее легитимизации, в конечном счете предопределяя и слабость вертикальных «стволов» власти.

Политический плюрализм в политических системах авторитарного типа строго дозирован. Множественность политических сил иницируется властями и не способна вызвать угрозу сложившимся порядкам. В то же время концентрация в руках собственных прав и полномочий практически означает полное устранение оппозиции с политической арены. Жесткий стиль властвования не дает возможности институционализировать компромисс в политической жизни, наладить поиск консенсуса при принятии государственных решений.

С **нормативной** точки зрения авторитаризм отличается постоянным и преимущественным использованием силовых методов регулирования социальных и политических конфликтов. Как указывает Х. Линц, для этого типа власти характерна четко очерченная компетенция властей и их функций во вполне предсказуемых границах. Правила игры строго поддерживают господство одной группы. Концентрация власти предполагает систематическое использование по преимуществу закрытых от общественности способов принятия решений, стремлением поставить под контроль основные формы общественной самодеятельности, в том числе в эконо-

мической сфере. Ввиду того что в таких обществах, как правило, складываются политические отношения сверхбогатых и сверхбедных слоев населения, власть характеризуется высоким уровнем нестабильности.

В **информационно-коммуникативной** сфере для авторитаризма характерен низкий статус идеологических способов удержания и укрепления власти, засилие односторонних каналов в основном официального информирования общества. На информационном рынке полностью доминируют проправительственные СМИ, отсутствуют свобода слова, гарантии равной конкуренции. В общественном мнении, в силу осознания широко распространенной коррупции и продажности властей, складываются мощные настроения пассивности и разочарованности во власти.

Разновидности авторитаризма

Среди множества авторитарных порядков можно выделить следующие их основные типы: **партийные, корпоративные, военные, национальные** и режимы **личной** власти.

Особенность **партийных** режимов заключается в осуществлении монопольной власти какой-либо партией или политической группировкой, не обязательно формально представляющей институт партии. Чаще всего это однопартийные режимы, но к ним могут быть отнесены и формы правления аристократических (Марокко, Непал) или семейных (Батемала) групп, а также правление первых лиц государства с их сплоченными политическими «командами» (Белоруссия). Обычно такие режимы либо устанавливаются в результате революций, либо навязываются извне (как, например, в послевоенных условиях в странах Восточной Европы, где были установлены коммунистические режимы с помощью СССР). Но в отдельных случаях режимы этого типа могут представлять собой и результат эволюции легитимного режима.

Военные режимы, как правило, возникают в результате переворотов, заговоров и путчей. Наибольшее число примеров установления военных режимов дали страны Латинской Америки, Африки, а также Греция, Пакистан, Турция. Такие политические порядки отличаются подавлением значительной части политических и гражданских свобод, широким распространением коррупции и внутренней нестабильностью. Государственные ресурсы используются в основном для подавления сопротивления, снижения социальной активности граждан. Заданные правила игры поддерживаются угрозами и принуждением, не исключая использование физического насилия.

Модели **национального** авторитаризма возникают в результате доминирования в элитарной группировке национальной или этнической группы. В настоящее время такие системы характерны для ряда стран на постсоветском пространстве (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан). Они еще не обрели законченности, но уже явно демонстрируют стрем-

ление создать социальные и политические преимущества представителям одной группы населения, этнизировать органы государственной власти, представить активность инациональных групп населения как политическую оппозицию. В этих странах проводится негласная политика вытеснения инациональных групп. В то же время в ряде стран отдельные круги оппозиции (в основном конкуренты в этнически господствующей среде) скатываются к применению методов политического террора. Отсутствие многих механизмов, способствующих либо ужесточению власти правящего режима, либо, напротив, сохранению баланса политических сил, вызывает особую нестабильность, чреватую возможностью обвального развития событий.

Корпоративные режимы олицетворяют собой власть бюрократических, олигархических или теневых (неформальных, криминальных) группировок, совмещающих власть и собственность и на этой основе контролирующих процесс принятия решений. Государство становится прибежищем сил, которые используют прерогативы официальных органов для защиты своих узкогрупповых интересов. Экономическим основанием такой системы власти является разветвленная в госуправлении система квот, разрешительный порядок регистрации предприятий, отсутствие контроля за деятельностью государственных служащих.

Наиболее распространенной экономической предпосылкой корпоративного авторитаризма является госпредпринимательство, в результате которого чиновники получают огромные личные доходы. Государственные институты, обладающие формальными правами, не могут противостоять этим группам, контролирующим принятие решений и девальвирующим значение легитимных каналов участия населения во власти. Корпоративное перераспределение ресурсов, как правило, исключает политические партии и другие специализированные группы интересов из процесса принятия решений.

Режимы **личной** власти (Индия при И. Ганди, Испания при Франко, Румыния при Чаушеску) персонализируют все политические отношения в глазах общественного мнения. Жесткий характер правления в сочетании с определенными традициями некритического восприятия власти иногда дает экономический эффект, приводит к активизации населения и росту легитимности режима. Однако такая система власти нередко провоцирует политический террор со стороны оппозиции.

Относительно характера российской политической системы среди ученых не сложилось единого мнения. Одни аналитики предпочитают говорить о новой форме традиционного авторитаризма; другие — о «плебисцитарном авторитаризме»; третьи — о «мягкой деспотии», прикрываемой идеями «суверенной демократии»; четвертые — о корпоративной модели власти (где в качестве ведущих корпораций выступают представители госбюрократии и крупного капитала. При этом признается,

что во всех этих корпорациях существенное место принадлежит теневым и криминальным структурам, которые контролируют около половины экономического пространства); пятые — о становлении «медиа-кратии» (где правительственные СМИ становятся главным конструктором взаимоотношений государства и общества) и т. д. В то же время по сути все приверженцы различных позиций единодушно отмечают существенное понижение массовой политической активности и снижение внутриэлитарной конкуренции.

2. Тоталитарная политическая система

Формирование теории тоталитаризма

Качественным типологическим своеобразием обладает и тоталитарная политическая система. Создание описы-

вающей ее теории, прежде чем занять свое законное место в политической науке, претерпело немало трудностей.

Термин «тоталитаризм» (от лат. *totalitas* — целостность) появился в 20-х гг. XX столетия в Италии, в политическом словаре социалистов. Его широко использовал Муссолини, который придавал ему положительный смысл в своей теории «органистского государства» (*stato totalitario*), олицетворявшего мощь официальной власти и призванного обеспечить высокую степень сплочения государства и общества. В более широком смысле положенная в основу данной теории идея всесильной и всепоглощающей власти разрабатывалась теоретиками фашизма Дж. Джентиле и А. Розенбергом, встречалась в политических сочинениях «левых коммунистов», Л. Троцкого. Параллельно представители «евразийского» течения (Н. Трубецкой, П. Савицкий) выработали концепцию «идеи-правительницы», освещающую установление сильной и жестокой по отношению к врагам государства власти. Настойчивая апелляция к сильному и могучему государству способствовала вовлечению в теоретическую интерпретацию этих идеальных политических порядков и трудов этатистского содержания, в частности, Платона с его характеристикой «тирании» или произведений Гегеля, Т. Гоббса, Т. Мора, создавших модели сильного и совершенного государства. Но наиболее глубоко предлагавшаяся система власти описана в антиутопиях Дж. Оруэлла, О. Хаксли, Е. Замятина, которые в художественных произведениях дали точный образ общества, подвергнувшегося абсолютному насилию власти.

Однако самые серьезные теоретические попытки концептуальной интерпретации этого политического устройства общества были приняты уже в послевоенное время и основывались на описании сложившихся в действительности гитлеровского режима в Германии и сталинского в СССР. Так, в 1944 г. Ф. Хайек написал знаменитую «Дорогу к рабству», в 1951 г. вышла книга Х. Арендт «Происхождение тоталита-

ризма», а спустя четыре года американские ученые К. Фридрих и ЗБжезинский опубликовали свой труд «Тоталитарная диктатура и автократия». В этих работах впервые была сделана попытка систематизировать признаки тоталитарной власти, раскрыть взаимодействие социальных и политических структур в этих обществах, обозначить тенденции и перспективы развития данного типа политики.

Впоследствии на базе все более широкого включения в анализ тоталитаризма разнообразных исторических и политических источников в науке сложилось несколько подходов к его трактовке. Ряд ученых, занявших наиболее радикальные позиции, не относили тоталитаризм к научным категориям, усматривая в нем пусть и новую, но всего лишь метафору для отображения диктатур. Иными словами, они рассматривали тоталитаризм как средство художественного отражения хорошо известных в теории явлений. Другие ученые, как, например, Л. Г. Умилев, разделяя сходные представления, не считают тоталитаризм какой-то особой политической системой, и даже системой вообще, усматривая в нем «антисистемные» качества или свойства антигомеостатичности, т.е. наличие способности к сохранению своей внутренней целостности только под влиянием систематического насилия.

И все же большинство ученых полагало, что концепт тоталитаризма теоретически описывает реальные политические порядки. Однако ряд ученых видели в нем лишь разновидность авторитарной политической системы. Американский историк А. Янов представил тоталитаризм как проявление универсальных, общеродовых свойств государственной власти, которая постоянно пытается расширить свои полномочия за счет общества, навязывая ему своих «услуг» по руководству и управлению. Наиболее яркие исторические примеры такой экспансии государства, его стремления к всевластию выделялись в поползновениях персидской монархии на захват греческих республик, в наступлении Османской империи (XV–XVI вв.), в расширении абсолютизма в европейских монархиях XVIII столетия и т.д. Данный подход в целом позволял рассматривать гитлеровский и сталинский режимы как обычные формы проявления тенденции к перманентной тирании государства.

И все же, наряду с такими подходами, большинство ученых придерживается мнения, что тоталитаризм представляет собой весьма специфическую *систему организации политической власти*, соответствующую определенным социально-экономическим связям и отношениям. Как полагал М. Симон, использование самого термина «тоталитаризм» вообще имеет смысл только в том случае, если не подгонять под него все разновидности политических диктатур. Потому-то перед учеными и стоит задача вскрыть базовые, системные черты данного типа организации власти, уяснить те исторические условия, при которых возможно возникновение данных политических порядков.

**Предпосылки возникновения,
сущность и отличительные
свойства тоталитаризма**

Отдельные элементы тоталитарной системы исторически обнаруживаются во многих типах диктатур. Так, в восточных деспотиях можно было ви-

деть жесткость правления и абсолютный авторитет владыки, в средневековых государствах Европы требования церкви придерживаться одних и тех же верований от рождения до смерти и т. д. Однако в целостном виде все то, что органично присуще этому политическому порядку, проявилось только в определенный исторический период.

Как самостоятельные и качественно целостные тоталитарные политические системы исторически сформировались из соответствующих диктаторских режимов, которые *искусственно* выстроили однотипные юридические, социальные и экономические отношения. В целом тоталитаризм явился одной из тех альтернатив, которые были у стран, оказавшихся в условиях системного (модернизационного) кризиса. Общими отличительными чертами такого рода кризисов являются: депрессия и утрата населением социальных ориентиров, экономический упадок, резкое социальное расслоение, распространение нищеты, преступности и т.п. В сочетании с наличием мощных пластов патриархальной психологии, культом сильного государства; деятельностью хорошо организованных партий с их железной дисциплиной и крайне амбициозными лидерами, а также распространением остро конфронтационных идеологических доктрин и некоторых других факторов указанные характерные особенности кризисов способствовали тому, что эти общества и встали на путь создания тоталитарных систем.

В качестве основных социальных источников формирования тоталитарной системы власти выступали широкие слои маргиналов, численность которых в кризисное время была крайне высокой, а зависимость от политики властей исключительно сильной; и громадный управленческий аппарат государства, бюрократия, чиновничество, служившее своеобразным «приводным ремнем» политики правящих кругов. При этом именно маргинальные и люмпенизированные слои были главным источником массового распространения уравнилельно-распределительных отношений, настроений пренебрежения к богатству, разжигания социальной ненависти к зажиточным, более удачливым слоям населения. Свою роль в распространении подобных социальных стандартов и предрассудков сыграли и определенные слои интеллектуалов (интеллигенции), которые систематизировали эти народные чаяния, превратив их в морально-этическую систему, оправдывающую эти ментальные традиции и придавшую им дополнительный общественный резонанс и значение.

Особым фактором, способствовавшим ориентации обществ на построение тоталитарных порядков и обладавшим существенным значением именно в России, были традиции подпольной деятельности, тер-

рористических организаций, революционизировавших политическую активность населения и легитимизировавших в общественном мнении идеи насильственного передела власти и богатства, избавления от лиц, мешавших и прогрессу и установлению справедливости. Эти традиции, утверждавшие презрение к ценности человеческой жизни и авторитету закона, впоследствии послужили одним из самых мощных источников распространения повседневного «стукачества», бытового доноительства, оправдывавшего предательство людьми своих родных и близких во имя «идеалов», из страха и уважения к власти. Не случайно Павлик Морозов, предавший своих близких, на долгие десятилетия стал в нашей стране символом преданности идеям социализма и гражданского долга.

Первоначально системная характеристика тоталитарных политических порядков шла по пути выделения наиболее важных и принципиальных черт тоталитаризма. Так, Фридрих и Бжезинский в упоминавшейся работе выделили шесть его основных признаков: наличие «тоталистской» идеологии; существование единственной партии, возглавляемой сильным лидером; всеислие секретной полиции; монополию государства над массовыми коммуникациями, а также над средствами вооружения и над всеми организациями общества, включая экономические.

Известный теоретик К. Поппер усматривал черты тоталитарной организации власти и общества в строгом классовом делении последнего; в отождествлении судьбы государства с судьбой человека; в стремлении государства к автаркии, навязывании государством обществу ценностей и образа жизни господствующего класса; в присвоении государством права на конструирование идеального будущего для всего общества и т.д.

Как можно заметить, в этих первоначальных описаниях тоталитарных порядков главный упор делался на определенных характеристиках государства. Однако само по себе государство не может стать системой тотального контроля, поскольку в основе своей ориентировано на закон и установленную им систему регламентации поведения граждан. Тоталитаризм же делает ставку на власть, рождаемую волей «центра» как специфической структуры и института власти. При данном политическом устройстве в обществе формируется система власти, стремящаяся к *абсолютному* контролю над обществом и человеком и не связанная ни законом, ни традициями, ни верой. Диктатура становится здесь формой тотального господства над обществом этого «центра» власти, его всепоглощающего контроля за социальными отношениями и систематического применения насилия. Короче говоря, тоталитаризм — это политическая система *произвола власти*.

Установление тоталитарных политических порядков не является непосредственным продолжением деятельности предшествующего легитимного режима власти и связанных с ним общественных традиций.

Тоталитарные режимы, а впоследствии и системы рождались как воплощение определенных политических проектов, предусматривавших построение властью «нового» общества и отменявших при этом все то, что не соответствует или мешает реализации таких замыслов. Главным акцент в этой политике делался на отрицание старого порядка и утверждение «нового» общества и человека. Например, советский режим последовательно пытался полностью уничтожить во всех сферах общественной жизни любые проявления буржуазных отношений, образцы складывавшейся в обществе предпринимательской культуры, либерально-демократические идеи, не регламентированную властью гражданскую активность населения.

Наиболее важным механизмом формирования таких политических и социальных порядков, подлинным двигателем этого процесса являлись **идеологические** факторы. Именно идеология определяла социальные горизонты развития общества на пути утверждения того или иного политического идеала, формировала соответствующие институты и нормы, закладывала новые традиции, создавала пантеоны своих героев, ставила цели и задавала сроки их реализации. Только идеология оправдывала реальность, приносила смысл в действия властей, в социальные отношения, культуру. Все, что отрицалось идеологическим проектом, подлежало уничтожению, все, что предписывалось им, — непременно воплощению. Занимая центральное место в политических механизмах, идеология превращалась из *инструмента* власти в *саму власть*. В силу этого и тоталитарный политический режим, и тоталитарная система политической власти становились разновидностью **идеократии**, или, с учетом священного для властей характера этой доктрины, «обратной теократией» (Н. Бердяев).

Особенности тоталитарных идеологий

Несмотря на различия социальных целей, формулируемых в различных тоталитарных режимах, их идейные основания были по сути идентичными. Все тоталитарные идеологии предлагали обществу свой собственный вариант установления социального счастья, справедливости и общественного благополучия. Однако установление такого идеального строя жестко увязывалось и основывалось на утверждении **социальных привилегий** определенных групп, что оправдывало любое насилие по отношению к другим общностям граждан. Например, советские коммунисты связывали установление общества «светлого будущего» с определяющей ролью пролетариата, рабочего класса. В то же время немецкие нацисты вместо класса ставили в центр созидания нового общества нацию, германскую расу, которая должна была занимать центральное место в построении рейха. Идеология «чучхе» ставит вопрос об исключительности корейцев как осо-

бой национальной группы, находящейся под руководством «великого вождя» Ким Чен Ира — наследника Ким Ир Сена. Таким образом, независимо от занимаемого этими идеологиями места в идейно-политическом спектре, все они становились орудием обеспечения интересов социальных лидеров и, следовательно, средством оправдания репрессий и насилия над их противниками.

Тоталитарные идеологии относятся к типу **мифологических** идейных образований, поскольку делают акцент не на отображение реальности, а на популяризацию искусственно созданной картины мира, повествующей не столько о настоящем, сколько о будущем, о том, что необходимо построить и во что требуется свято верить. Конструируя образ будущей светлой жизни, идеологи тоталитаризма действуют по принципу «упрощения» реальности, т.е. схематизации живых социальных и политических связей и отношений и подгонки действительности под заранее созданные образы и цели.

Такие идеологемы оказываются чрезвычайно далекими от действительности, но одновременно и крайне привлекательными для нетребовательного или дезориентированного сознания масс. Учитывая, что тоталитарные идеологии выходят на политический рынок в годы тяжелейших общественных кризисов, их влияние, переориентирующее общественное мнение с реальных противоречий на будущие и потому легко решаемые чисто умозрительным путем, как правило, усиливается.

Непременным фактором роста влияния тоталитарных идеологов на общественное мнение является и их неразрывная связь с **авторитетом** сильного лидера, партии, которые «знают», что говорят, и уже у спели продемонстрировать обществу свою решительность в достижении намеченных целей, особенно в борьбе с врагами «народного счастья».

Мифологические идеологии чрезвычайно **конфронтационны**. Они беспартийно настаивают на своей правоте и бескомпромиссно настроены против идейных противников. Одна из их главных задач — развенчание идей противников и вытеснение конкурентов из политической жизни. Именно с этой интенцией, как правило, связываются идеи внешней экспансии соответствующих сил, их стремление «осчастливить» жизнь не только своему, но и другим народам. Исходя из понимания непримиримости тоталитарной идеологии с ее оппонентами и стремления сохранить идейную чистоту общества, власть видит в качестве своей основной задачи искоренение инакомыслия и уничтожение всех идейных конкурентов. Главный лозунг, которым она пользуется в этом случае, — «кто не с нами, тот против нас». Поэтому все тоталитарные режимы формировались как яростные борцы за чистоту идей, направляя острие политических репрессий прежде всего против идеологических противников.

Характерно, что интенсивность репрессий не менялась из-за признания «внешнего» или «внутреннего» врага. Т ак, для советских ком-

мунистов политическими противниками была не только «мировая буржуазия», но и представители целого ряда социальных кругов: сторонники царского режима (белогвардейцы), служители культа (священники), представители либеральной гуманитарной интеллигенции («прислужники буржуазии»), предприниматели, кулачество (воплощавшие непереносимый коммунистами дух частной собственности). Германские нацисты внутренними врагами объявляли евреев и других представителей «низших рас», которые якобы несли угрозу рейху.

Характерно, что, несмотря на различие в идеологических целях режимов, методы, применявшиеся ими для борьбы с идейными противниками, были практически одними и теми же: изгнание из страны, помещение в концентрационные лагеря, физическое уничтожение. Непрерывность идеологической борьбы за чистоту помыслов выражалась в систематическом применении репрессий против целых социальных и национальных слоев. В СССР с 1920–1930-х гг. постоянно проводились массовые процессы над «шпионами», «врагами народа», «предателями», отдельными национальностями, «вступившими в сговор с врагами», «врачами-вредителями», «диссидентами», «внутренними иммигрантами» и т.д. Уничтожив или подавив на время конкурентов в обществе, правящие партии неизменно переносили острие очистительной идейной борьбы внутрь своих рядов, преследуя недостаточно лояльных членов, добиваясь более полного соответствия их поведения и личной жизни провозглашаемым идеалам. Такая важнейшая для сохранения режимов политика сопровождалась кампаниями «по промыванию мозгов», поощрению доноительства, контролю над лояльностью.

В угоду укоренению новой системы ценностей тоталитарные режимы использовали собственную **семантику**, изобретали символы, создавали традиции и ритуалы, предполагавшие сохранение и упрочение неременной лояльности к власти, умножение уважения и даже страха перед нею. На основе идеологий не только проектировалось будущее, но и переосмыслилось, а точнее, переписывалось прошлое и даже настоящее. Как метко писал В. Гроссман, «...государственная мощь создавала новое прошлое, по-своему двигала конницу, наново назначала героев уже свершившихся событий, увольняла подлинных героев. Государство обладало достаточной мощью, чтобы наново переиграть то, что уже было однажды и на веки веков совершенно, преобразовать и перевоплотить гранит, бронзу, отзвучавшие речи, изменить расположение фигур на документальных фотографиях. Это была поистине новая история. Даже живые люди, сохранившиеся от тех времен, по-новому переживали свою уже прожитую жизнь, превращали самих себя из храбрецов в трусов, из революционеров в агентов заграницы»¹.

¹ Гроссман В. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. № 2. С. 43–44.

Однако, не имея возможности подкрепить пропагандируемые цели и идеалы устойчивым ростом народного благосостояния, раскрепостить гражданскую активность, утвердить атмосферу безопасности и доверительности к власти, тоталитаризм неизбежно «вымывал» собственно идейное, смысловое содержание своих высоких целей, стимулировал поверхностное и формальное восприятие этих идеалов, превращал идейные конструкции в разновидность некритически воспринимаемых вероучений. Так создаваемая солидарность государства и общества поощряла не сознательную заинтересованность населения в укреплении и поддержке режима, а бездумный фанатизм отдельных индивидов. И ни жесткая филътрация, ни контроль за информацией не приносили успеха. «Железный занавес» не спасал людей от их привычки к свободному мышлению.

Институциональные и нормативные свойства тоталитаризма

Необходимость сохранения идейной чистоты и целеустремленности в построении «нового» общества предполагала и совершенно особое построение

институциональной и нормативной сферы тоталитарной системы.

Потребность в жесткой идейной ориентации государственной политики, поддержании постоянного идеологического контроля за деятельностью всех органов власти предопределила *срастание* государства и правящей партии и образование того «центра» власти, который невозможно было идентифицировать ни с государством, ни с партией. Такой симбиоз государственных и партийных органов не давал возможности «развести» их функции, определить самостоятельные задачи и ответственность за их исполнение. СССР дал значительно более богатый исторический опыт тоталитарного правления, чем другие страны, показав образцы тех социальных и политических отношений, к которым вела логика развития тоталитаризма.

Именно на его примере хорошо видно, как партийные комитеты направляли деятельность практически всех государственных структур и органов власти. Закрепленная в конституции страны руководящая роль коммунистической партии означала полный приоритет идеологических подходов при решении любых общезначимых (государственных) экономических, хозяйственных, региональных, международных и прочих проблем.

Полное политическое господство этого государства-партии проявилось в безусловном и неоспоримом господстве централизованного контроля и планирования в экономической сфере. Полное господство крупных предприятий, недопущение частной собственности ставили государство в положение единственного работодателя, самостоятельно определявшего и условия труда, и критерии оценки его результатов, и потребности населения. Хозяйственная инициатива отдельных работ-

ников признавалась лишь в рамках укрепления этих отношений, а все виды индивидуального предпринимательства («спекуляции») причислялись к криминально наказуемым.

Монолитность политической власти предполагала не разделение, а практическое *срастание всех ветвей власти* — исполнительной, законодательной и судебной. Политическая оппозиция как публичный институт полностью отсутствовала. Механизмы самоуправления и самоорганизации утратили присущие им автономность и самостоятельность. Власть делала акцент только на коллективные формы и способы социальной и политической активности. Выборы целиком и полностью подвергались беззастенчивому режиссированию, выполняя таким образом сугубо декоративную функцию. Так, в течение долгих лет число участвовавших в голосовании постоянно зашкаливало за 99%, различаясь лишь сотыми долями процента. При этом результаты выборов нередко утверждались на заседаниях Политбюро ЦК КПСС еще до их окончания.

Для контроля за этим монопольным политическим порядком власти создавалась мощная секретная *политическая полиция* (в Германии — отряды СС, в СССР — ВЧК, НКВД, КГБ). Это был механизм жесткого всепроникающего контроля и управления, не имевший исключений и зачастую использовавшийся для решения конфликтов внутри правящего слоя. Одновременно это была и наиболее привилегированная область госслужбы, работники которой высоко оплачивались, а инфраструктура интенсивно развивалась, усваивая и воплощая самые передовые мировые технологии. В сочетании с усилением механизмов административного контроля потребность в постоянном контроле общества обусловила тенденцию к возрастанию и усилению массовости аппарата власти. Таким образом, в обществе все время присутствовала потребность в увеличении численности служащих. На этой основе в СССР сложился мощный слой номенклатуры, служебно-профессиональной касты, обладавшей колоссальными социальными привилегиями и возможностями.

В силу этих базисных свойств тоталитаризм функционировал как система, наиболее ярко противостоявшая плюрализму, множественности агентов и структур политической жизни, разнообразию их мнений и позиций. Самый страшный враг тоталитаризма — *конкуренция*, ориентированная на свободный выбор людьми своих идейных и политических позиций. Боязнь не только политического протеста, но и социального разнообразия, стремление к унификации всех социальных форм поведения не ограничивали только формы выражения поддержки властей, где, напротив, поощряли разнообразие и инициативу.

Универсальная и по сути единственная политико-идеологическая форма регулирования всех социальных процессов *стерла* при тоталитаризме *границу* и между государством и обществом. Власть получила неограниченный доступ во все сферы общественных отношений, вплоть

до личной жизни человека, активно используя для этого методы террора, агрессии, геноцида против собственного народа. Причем контроль не только со стороны официальных структур за социальной активностью человека, но и со стороны непосредственного социального окружения (друзей, родственников, сослуживцев) оставлял человека один на один с громадой репрессивной власти. Как писала Х. Арендт, «главная черта человека массы (при тоталитаризме. — А. С.) — не жесткость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений»¹. Создание захватившей все общество системы осведомительства, нравственно-этическое оправдание доноительства как высшего выражения гражданского долга атомизировали общество, разрушали скрепляющие социум связи и отношения.

Несмотря на постоянно провозглашаемый «народный» характер власти, система принятия решений в тоталитарных системах оказалась абсолютно *закрытой* для общественного мнения. Формально провозглашенные законы, нормы, конституционные положения не имели никакого значения по сравнению с целями и намерениями властей. Конституция 1936-й была одной из самых демократических в мире. Но именно она прикрывала массовые репрессии коммунистов против собственного народа. Наиболее же типичным и распространенным основанием реального регулирования общественных отношений служила ориентация институтов власти на мнение вождя и сакрализация их позиций.

Безусловным приоритетом в регулировании общественных отношений обладали *силовые* и *принудительные* методы и технологии. Но на достаточно высоком уровне зрелости это всепроникающее силовое регулирование социальных связей предопределило утрату тоталитарными системами их собственно *политического* характера, вырождение в систему власти, построенную на принципах административного принуждения и диктата.

Тоталитаризм и современность

При всем относительном разнообразии тоталитарных порядков в фашистской Германии, сталинском СССР, Албании, ряде африканских стран, постреволюционном Иране времен А. Хомейни, на Кубе, в Северной Корее и других странах мира история дала образцы трех основных типов тоталитаризма: **фашистского** (национал-социалистического, нацистского), **коммунистического** (советского) и **теократического**. Каждый из них отличается своеобразием институтов, степенью элитаризма, идейными постулатами, характером и масштабами репрессий и т. п. Причем самой исторически длительной явилась коммунистическая форма тоталитаризма, продемонстрировавшая этапы и фазы развития этих по-

¹ Цит. по: Тоталитаризм: что это такое? М., 1993. Ч. 2. С. 30.

литических порядков. В настоящее время тоталитарные страны уже не играют на мировой арене сколько-нибудь существенной роли. Но застрахован ли мир от рецидивов этой организации власти?

В упомянутой выше работе Фридриха и Бжезинского была высказана мысль о том, что с течением времени тоталитаризм будет эволюционировать в сторону большей рациональности, сохранив свои основополагающие конструкции для воспроизводства власти и общественных порядков. Иными словами, источник опасности для тоталитаризма они видели *вне* системы. Жизнь в основном подтвердила эту мысль, хотя продемонстрировала и внутренние факторы дестабилизации этого порядка.

Как показала история, система власти, построенная на главенстве моноидеологии и соответствующей ей структуре политических институтов и норм, не способна гибко приспосабливаться к интенсивной динамике сложносоставных обществ, с выявлением гаммы их разнообразных интересов. Это — внутренне закрытая система, построенная на принципах гомеостаза, борющаяся с внутренним вакуумом, которая движется по законам самоизоляции. Поэтому в современном мире тоталитаризм не может обеспечить политические предпосылки ни развития рыночных отношений, ни органичного сочетания форм собственности, ни поддержку предпринимательства и экономической инициативы граждан. Это политически неконкурентная система власти.

В условиях современного мира ее внутренние источники разложения связаны прежде всего с распадом экономических и социальных основ самовывживания. Социальная база тоталитарных режимов узка и не связана с повышением общественного положения наиболее инициативных и перспективных слоев общества. Действуя только мобилизационными методами, тоталитаризм не способен черпать необходимые для общественного прогресса человеческие ресурсы. Складывающаяся в этих обществах крайняя напряженность статусного соперничества, ненадежность повседневного существования личности, отсутствие безопасности перед лицом репрессивного аппарата ослабляют поддержку данного режима. У последнего же, как правило, отсутствует способность к критической саморефлексии, увеличивающей шансы для поиска более оптимальных ответов на вызовы времени.

Страх и террор не могут вечно преследовать людей. Малейшее ослабление репрессий активизирует в обществе оппозиционные настроения, равнодушие к официальной идеологии, кризис лояльности. Вначале, сохраняя ритуальную преданность господствующей идеологии, но и не в силах сопротивляться голосу рассудка, люди начинают жить по двойным стандартам, двоемыслие становится признаком рефлексирующего человека. Оппозиционность воплощается в появлении диссидентов, чьи идеи постепенно распространяются и подрывают идеологический монополизм правящей партии.

Но, видимо, главным источником разрушения и невозможности воспроизводства тоталитарных порядков является *отсутствие ресурсов* для поддержания *информационного режима моноидеологического господства*. И дело не только в социальных основаниях этого глобального для современного мира процесса, когда развитие личности и человечества неразрывно связано с конкуренцией мнений, постоянным переосмыслением индивидами Я-программ, духовным поиском. Существуют и чисто технические предпосылки нежизнеспособности тоталитарных систем. К ним относятся, в частности, современные процессы обмена сообщениями, нарастание интенсивности и технической оснащенности информационных потоков, развитие коммуникативных контактов различных стран, развитие технической инфраструктуры, связанное с появлением массовых электронных СМИ, развитием сети Интернет. Коротко говоря, качественное изменение информационного рынка не может не повлечь в новые порядки даже те страны, которые пытаются искусственно изолировать свое информационное пространство от проникновения «чуждых» идей. А разрушение системы единомыслия и есть основная предпосылка крушения тоталитаризма.

Таким образом, можно заключить, что тоталитарные политические системы характерны в основном для стран с пред- и раннеиндустриальными экономическими структурами, дающими возможность организовать монополизацию идейного пространства силовыми методами, но абсолютно не защищенных перед современными экономическими и особенно информационно-коммуникативными процессами. Поэтому тоталитаризм — это феномен только XX в., данный тип политических систем смог появиться лишь на узком пространстве, которое предоставила история некоторым странам.

Тем не менее и у тоталитаризма есть некоторые шансы на локальное возрождение. Ведь многие десятилетия террора сформировали у населения этих стран определенный тип куль турных ориентаций, который способен воспроизводить соответствующие нормы и стереотипы, независимо от сложившихся политических условий. Не удивительно, что на постсоветском пространстве сегодня нередко складываются своеобразные протототалитарные режимы, при которых не действуют оппозиционные СМИ, руководители оппозиции подвергаются репрессиям и даже физическому уничтожению, безраздельно властвует патриархальщина и откровенный страх перед властью. Поэтому окончательное уничтожение призрака тоталитаризма органически связано не только с наличием демократических институтов и вовлечением стран и народов в новые информационные отношения. Колоссальное значение имеют и понимание людьми ценностей демократии и самоуважение, осознание ими как гражданами своей чести и достоинства, рост их социальной ответственности и инициативы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТИПА

1. Основные теории демократии

Основные трактовки демократии

Цели и требования демократизации власти и социальных порядков являются в настоящее время едва ли ни уни-

версальными лозунгами любых политических движений. Но при этом каждая из провозглашающих данные цели партий понимает демократию по-своему. Причем на разнородность политических требований прежде всего накладывается семантическая многозначность термина «демократия» и ее составляющих (*demos* — народ и *kratos* — сила, способная победить соперника в борьбе). Но даже понимая под термином *demos* народ, можно было подразумевать как целостность этой группы (в которой индивид ничего не значит), так и приоритет большинства, который учитывал интерес меньшинства. Переплетаясь с реальными формами представительства гражданских интересов, все эти смысловые оттенки создали целый спектр трактовок демократии, под которой понималась и форма государственного устройства, и тип политической системы, и идеал политического устройства общества, и совокупность определенных процедур и технологий организации власти, и разновидность идеологии, и тип политической культуры и т.д.

На протяжении веков выявилась способность демократии существовать в обществах, существенно отличающихся по своим экономическим, культурным и иным параметрам. В силу такого разнообразия демократических порядков в политической мысли сложился не один десяток авторитетных теоретических представлений об этой форме организации власти, сущность которой связывается с правлением народа, осуществлением государством воспитательной миссии по отношению к гражданам, рациональной организацией общества и распределением ресурсов, активизацией гражданского участия, реализацией либеральных свобод и многими другими параметрами. Акцент на всеобщее участие граждан во власти определял демократию как форму *народовластия*; признание приоритета правящего класса обуславливало *олигархическую* версию демократии; групповой подход настаивал на *плюралистической* версии этой формы власти; избирательные подходы, предполагающие, что во власти могут участвовать не все, а многие, трактовали демократию как форму *полиархии*.

Характерно при этом, что отображение практического опыта тех или иных государств или же какая-либо теоретическая схема нередко обретают характер *нормативных* моделей демократического устройства. Таким образом, демократия выступает как заранее заданная модель общественных преобразований (требующая при этом совершенно определенных общественных условий для своего воплощения).

В то же время на практике рассматривается как многообразная, возникающая в результате применения определенных политических технологий форма общественных отношений. С этой точки зрения все теории демократии могут быть отнесены соответственно к **ценностно-нормативному** и **рационально-процедурному** подходам.

Так, сторонники **ценностного** подхода, при всех их идеологических разногласиях, рассматривают демократию как политическую конструкцию, призванную воплотить во власти совокупность заранее сконструированных идеалов и принципов, т.е. тех высших ценностей, которые и выражают ее социальный смысл и предназначение. К этой группе прежде всего относятся авторы трактовки демократии как системы народовластия, что вполне соответствует ее этимологии (греч. *demos* — народ, *cratos* — власть). Наиболее емко и кратко суть такого понимания демократии выразил А. Линкольн, обозначив ее как «власть народа, власть для народа, власть посредством самого народа». Исходя из идеи народного суверенитета, приверженцы такого подхода расценивали демократию как форму власти народа над самими собой, т.е. по сути дела сближали ее с понятием общественного самоуправления.

Еще в Древней Греции в качестве ценностных предустановок, обуславливающих понимание демократии, выступали идеи, отождествлявшие государство с обществом, отрицавшие понятие свободного индивида и признававшие равенство по отношению к власти только за частью общества («гражданами»). Иначе говоря, демократия рассматривалась в то время как форма правления неимущего большинства ради собственного блага. Такое понимание вызывало резко критическое отношение к демократической форме правления, проявившееся, впрочем, и на более поздних этапах истории политической мысли.

К сторонникам ценностного подхода относятся и приверженцы философии Ж.-Ж. Руссо, понимавшие демократию как форму выражения всевластия суверенного народа, который как политическое целое отрицает значение индивидуальных прав личности и предполагает исключительно прямые формы народного волеизъявления, так как любое представительство интересов и граждан уничтожает народный суверенитет. Марксисты также исповедовали ценности коллективистской демократии (идентитарной¹); они опирались на идею отчуждения прав индиви-

¹ Идентитарная теория трактует народ как некое целостное образование.

да в пользу коллектива, но при этом делали упор на классовых ценностях пролетариата, которые, по их мнению, выражали интересы всех трудящихся и обуславливали построение «социалистической» демократии.

Характерно, что такого рода идеи, приведшие на практике к установлению коллективистских диктатур, по своей природе не отличаются от образцов либеральной мысли, для которой главным условием формирования здания демократии также являются определенные ценности, но ценности, отражающие приоритет не народа (коллектива), а человека. Так, Д. Локк, Т. Гоббс, Т. Джефферсон и другие основоположники либерального учения, исходя из способности народа к рационально-нравственному «самоопределению и волеобразованию» (Кант), положили в основу интерпретации демократии идею индивида, обладающего внутренним миром, изначальным правом на свободу и защищенность своих прав. Таким образом, равенство на участие во власти они распространяли на всех людей без исключения. Государство же при таком понимании демократии рассматривалось как нейтральный институт, основные функции и полномочия которого определяются совместными решениями граждан и направлены на защиту индивидуальных прав и свобод.

Сторонникам такого предзаданного ценностями понимания демократии оппонируют приверженцы так называемого «рационально-процедурного» подхода. Философская база такой позиции основана на том, что демократия возможна лишь в условиях, когда распространение ресурсов власти в обществе приобретает столь широкий характер, что ни одна общественная группа не в состоянии подавить своих соперников или сохранить властную гегемонию. В таком случае наиболее рациональным выходом из ситуации является достижение компромисса и взаимное разделение функций и полномочий, обуславливающих чередование групп у власти. Эти-то процедуры и технологии установления подобного порядка и выражают существо демократической организации политики. Одним словом, как точно подметил С. Хантингтон, демократию делают возможной социальный прогресс и экономическое развитие, а вот в реальную форму организации власти ее превращает политическая элита. «Демократия, — писал он, — распространится настолько, насколько те, кто пользуется властью во всем мире и в отдельных странах, захотят ее распространять ...»¹. Поэтому, как показывает мировой опыт, в равной степени справедливо и то, что демократия не может развиваться в низкодоходных экономиках, и то, что введение ограничений в сфере общественной конкуренции свойственно диктаторским и авторитарным режимам.

Одним из первых такое понимание демократии закрепил М. Вебер в своей *плебисцитарно-вождистской* теории демократии. По его мне-

¹ *Huntington S. Democracy's Third Wave // Journal of Democracy. 1991. № 2. P. 34.*

нию, демократия представляет собой «средство» властвования, полностью обесценивающее все понятия «народного суверенитета», общей «воли народа» и т. п. Немецкий ученый полагал, что характерные для нее прямые формы политического волеизъявления возможны только в строго ограниченных пределах (например, в древнегреческих городах-государствах). Любая же организация представительства интересов граждан в сложных, больших обществах неразрывно связана с их вытеснением из политики и установлением контроля над властью со стороны бюрократии. Для защиты своих интересов граждане должны передать свое право контроля за властью и аппаратом управления все-народно избранному (харизматическому) лидеру. Имея такой независимый от бюрократии источник легитимной власти, люди и будут иметь возможность реализовывать свои интересы. Поэтому демократия, по Веберу, есть совокупность процедур и соглашений, «когда народ выбирает лидера, которому он доверяет».

Акцентируя процедурные и процессуальные аспекты демократии, Вебер практически полностью снимал идею участия масс в управлении. По сути дела, подобное устройство власти невольно оправдывало ослабление контроля за лидером со стороны общественности, его дистанцированность от населения и его интересов, предполагало утверждение цезаристского стиля управления, установление режима личной власти лидера. Однако Вебер считал такое развитие событий либо необязательным, либо сравнительно небольшой платой за подчинение обществу и власти пагубному влиянию бюрократии.

Итак, как можно видеть, для сторонников ценностного подхода демократия всегда представляет собой некий заранее заданный, определенный результат общественных преобразований. Однако условия и процедуры такого целедостижения в значительной степени носят неопределенный характер. Сторонники же процедурного подхода, напротив, рассматривают демократию как неопределенный результат при использовании определенных механизмов и технологий политической конкуренции.

Современные теории демократии

В современных условиях в политической науке сохранили свое место многие идеи, выработанные в рамках указанных подходов в более ранний исторический период (марксизм, либерализм). Но наряду с ними появился и ряд теорий, развивших основные идеи обозначенных нами концепций с учетом изменившихся реалий, динамикой демократических процессов. Так, в рамках ценностного подхода сформировались идеи **партиципаторной** (англ. *participation* — участвовать) демократии, согласно которым сущность ее политической организации заключается в обязательном исполнении всеми

гражданами тех или иных функций по управлению делами общества и государства на всех уровнях политической системы (например, при принятии решений в государстве, в общинах, на отдельных территориях). Однако такая универсальность требований, не связанная, как, например, в марксизме, с определенным историческим этапом (построением социализма и коммунизма), исключает право индивида на уклонение от политического участия, что подрывает базовые свободы демократии. При таком подходе фактически выравнивается и ответственность профессионалов и непрофессионалов в управлении государством, что снижает особую ответственность избираемых обществом элитарных слоев.

Однако в условиях практического расширения демократических порядков в мире наиболее активно развивались теоретические конструкции в рамках процедурного подхода. Так, американский ученый Й. Шумпетер в книге «Капитализм, социализм, демократия» (1942) сформулировал основные положения теории **эгалитарного элитизма**. В соответствии с ее основными положениями свободный и суверенный народ обладает в политике весьма ограниченными функциями. Рядовые граждане лишь избирают промежуточный институт, который впоследствии формирует правительство, а затем полностью отстраняются от управления. Поэтому демократия представляет собой не что иное, как сугубо институциональное мероприятие, обеспечивающее соревнование элит за поддержку и голоса избирателей.

Демократия — это форма правления при *посредстве* народа, форма осуществления власти профессиональными политиками. Это не процесс формирования «общей воли» народа, а конкурентная борьба групповых интересов, представляемых лидерами; механизм, позволяющий рядовым гражданам определять состав руководства социальной структурой, а руководству — легализовывать свою власть. В силу этого демократия понималась как институциональное мероприятие, важнейшими нормами которого признавались те, которые регулировали избирательное право, осуществление выборов, а также конкуренцию партий и элит.

Понимая демократию таким образом, Шумпетер видел ее главную проблему в отборе квалифицированных политиков. Сущностно важным для функционирования демократической формы правления он считал и стиль деятельности управляющих. В частности, по его мнению, правящие элиты должны принимать решения не только в понятных, но и в доступных для народа формах. Однако, учитывая профессиональный характер процесса управления, руководители не должны излишне вовлекать в разработку целей не готовых для этого людей. Политики должны обладать и определенными свойствами, в частности, обуславливающими самоограничение власти и препятствующими ее подчинению их корпоративным интересам. Для обеспечения такого характера деятельности властей и бюрократия должна строго придерживаться норм сво-

ей профессиональной деятельности, дорожа честью мундира и сохраняя приверженность интересам населения.

Данные идеи хоть и подчеркивают выдающуюся роль правящих кругов, но одновременно признают необходимость участия масс в процессе формирования демократического строя. В этом смысле они коренным образом отличаются от широко распространенных в XX столетии **элитистских** теорий, связывающих сущность демократии только с деятельностью управляющих. Так, П. Барах, Дж. Сартори, Х. Кене и ряд других ученых полагали, что самоуправляющийся демос — это миф, а его склонность к политическому насилию представляет угрозу общественным интересам. Поэтому, оценивая неуклонное возрастание роли элит в качестве предпосылки демократии, они расценивали расширение дистанции между управляющими и управляемыми как залог стабильности, а не порок этой системы власти.

Значительный вклад в развитие теории демократии внесли и сторонники **плюрализма**. Хотя впервые данный термин был введен в научный оборот еще Х. Вольфоном (1679–1754), для выработки демократической теории его стали использовать лишь в первой половине XX в. (Г. Ласки, Д. Трумэн, Р. Даль). В этой концепции демократия рассматривается как тип организации власти, формирующийся в условиях ее распыления (диффузии) между различными силами. В этом смысле демократия предполагает свободную игру, соревнование различных групп, являющихся основной движущей силой политики, а также связанных с их деятельностью институтов, идей, воззрений. Формирование и функционирование демократических порядков происходят по мере использования механизмов и процедур («сдержек и противовесов»), позволяющих конкурирующим за власть группам избегать монополизации какого-либо одного объединения за счет сплоченных действий ее оппонентов; достигать своих интересов благодаря заключению разнообразных компромиссов; поддерживать баланс отношений и таким путем снижать напряженность межгруппового противостояния. Следовательно, демократия как система поддержания динамического равновесия конкурирующих сил представляет собой власть постоянно изменяющего свои очертания большинства, включающего в себя различные группы с совпадающими позициями по тем или иным вопросам.

Практический опыт показал, что, при всех преимуществах такого понимания демократии, применение данной модели власти возможно только за счет распространения в обществе единых, базовых для всех групп идеалов и ценностей, отсутствие которых превращает межгрупповые различия в непреодолимое препятствие для принятия государственных решений. В рассматриваемой трактовке демократии слабо учитываются степень и характер влияния на власть различных групп, а также роль личности в политическом процессе.

Существенный вклад в развитие теории демократии внес А. Лейпхарт, предложивший идею **консоциальной** (*consociational*) демократии. Он также усматривал сущность демократии в процедурных мероприятиях и, исходя из этого, разработал оригинальную модель «разделения власти», предусматривающую обеспечение представительства интересов меньшинства, не способного получить доступ к рычагам государственного управления. В связи с этим Лейпхарт выделил четыре важнейших механизма, которые могут дать им доступ к власти.

Такая модель предполагает прежде всего создание коалиционного правительства с участием всех партий, представляющих основные слои общества. Крайне принципиальной является и роль технологий, обеспечивающих пропорциональное представительство разных групп населения при назначении на ключевые посты и распределении ресурсов (в виде сохранения определенных квот для представителей меньшинств). В качестве принципиально важного условия перераспределения власти рассматривается и обеспечение максимальной автономии группам в решении ими своих внутренних вопросов (например, в форме федерализма или культурной автономии). Исключительное значение для выработки этой модели демократии придается также предоставлению группам при выработке политических целей права вето, что предполагает при принятии окончательного решения не обычное, а квалифицированное большинство (в две трети или три четверти голосов), что давало бы представителям меньшинств дополнительные шансы на защиту своих интересов ¹.

Однако на практике такая модель демократического соучастия во власти, направленная против оттеснения меньшинств на политическую периферию и в оппозицию, применима лишь в том случае, если группы имеют свою политическую организацию и проводят относительно самостоятельную политику. При этом характерно, что решающая роль здесь также признается за элитами, которые должны получить большую свободу и независимость от давления рядовых членов для заключения соглашений и компромиссов, которые могут не вполне одобрять их приверженцы. Это дает возможность избежать обострения противоречий, даже если на низовом уровне существуют непонимание между людьми, разногласия, а то и враждебность. Однако и при данном подходе предполагается наличие минимального консенсуса относительно основных общественных ценностей (например, недопущения насилия или процветания государства). Потому-то особую важность такой автономный элитизм приобретает в глубоко разделенных обществах (например, в Северной Ирландии). В то же время особое положение элит провоцирует их эгоизм, ведет к неподотчетности руководителей членам груп-

¹ См.: *Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование.* М., 1997.

пы. Вследствие этого консоциация как практическая модель демократии может применяться в основном в тех странах, в которых действует высоко ответственная элита.

Существенное распространение в последние годы получили и теории **рыночной демократии**, представляющие организацию данной системы власти как аналог экономической системы, в которой происходит постоянный обмен «товарами», когда продавцы—носители власти меняют свои выгоды, статусы, привилегии на «поддержку» избирателей. Таким образом, под политическим действием понимается только электоральное поведение, в рамках которого акт подачи голоса трактуется как своего рода «покупка» или «инвестиция», а избиратели в основном рассматриваются как пассивные «потребители». Так что главная задача демократии состоит в применении избирательных стратегий, которые должны связывать кандидата во власть с позициями избирателей. И хотя это создает простор для манипулирования волей граждан, такая «сфабрикованная воля» не меняет сути этой «демократии напрокат» (У. Грайдер).

Современное видение процедурных основ демократии не может игнорировать техническое развитие современного общества. Появление и нарастание роли электронных систем в структуре массовых коммуникаций неизбежно вызвало к жизни идеи **теледемократии** (электронной демократии, кибердемократии, квантовой теории демократии и др.), предполагающей исключительное (или совместное с общепринятыми электоральными техниками) использование разнообразных средств электронного голосования и отбора мнений граждан для принятия решений. В данном случае наличие традиционных для демократии процедур неразрывно связывается с уровнем технической оснащенности власти и гражданских структур системами интерактивного взаимодействия (ТВ, Интернет) во время выборов, референдумов, плебисцитов и т.д. Эта виртуализация политики ставит новые проблемы в области обеспечения интеграции общества, налаживания отношений с новыми общностями граждан (имеющих или не имеющих такие технические средства), изменения форм контроля власти за общественностью и, наоборот, снятия ряда ограничений на политическое участие, оценки квалифицированности массового мнения, способов его учета и т.д.

Свое концептуальное отражение получил и факт усиления роли общественности в политической жизни развитых стран. Так, А. Этциони предложил концепцию «**восприимчивой**» общественной системы, при которой власть чутко реагирует на импульсы и табу, поступающие из недр общества. Именно такая восприимчивость, готовность к диалогу с гражданами и соответствует, по его мнению, демократической политике. Идеи Этциони, более высоко оценивающего роль общественности, нашли отражение и в концепции **рефлексирующей** (размышляющей)

демократии. Основной упор в ней делается на процедуры, обеспечивающие не выполнение функций властью, а включенность в политическое управление общественного мнения и полную подотчетность ему властных структур. Включение идущей в обществе дискуссии об устройстве общественной и частной жизни и, следовательно, возникающих при этом размышлений, неформальных рефлексий, оценок, убеждений, в которых риторика соединяется с разумом, в процесс принятия решений и формирует, по мысли сторонников данной идеи, те механизмы «народной автономии», которые и составляют суть демократии в политической сфере¹. В этой же группе теорий находятся и концепции, утверждающие **гражданско-ассоциативную** модель демократии. В этом варианте демократия предстает как сообщество людей, хоть и не обладающих четкими общественными приоритетами и целями, но тем не менее связанных общим языком и нормами гражданского взаимодействия, потребностью в публичном обсуждении социальных проблем, поддержании множественных коммуникаций с властью.

2. Особенности демократической политической системы

Сущность политической системы демократического типа

Если в области теории авторы разнообразных концепций, делая упор на тех или иных аспектах демократии, непрерывно полемизируют друг с другом,

то в практической области явственно обозначилось преимущество процедурных (минималистских) подходов. Ведь как свидетельствует реальный опыт, в процессе эволюции демократических порядков от античного города-полиса до современных государств, в которых действует множество экономических укладов, стилей социальной жизнедеятельности, а также сопутствующих им идеологий, верований и настроений, их утверждение неизменно осуществлялось путем использования таких универсальных процедур, как выборы органов власти, установление той или иной формы контроля за властными структурами и т.д. Эти универсальные процедуры постоянно развивались и обогащались, включая то разделение властей, то формирование института омбудсмана (государственного правозащитника), то становление международных институтов демократии (Лига Наций в 1920-х гг., ООН в 1950-х, Евросоюз в 1970-х), то оформление механизмов правового и социального государства и т.д.

Соотнесение вышеуказанных теоретических подходов с практикой показывает, что демократия как определенная система власти по существу представляет собой **форму организации политической жизни**,

¹ Bohman J., Rehg W. Deliberative Democracy. Essays on Reason and Politics. Cambridge, L., 1997.

отражающую свободный и конкурентный выбор населением той или иной альтернативы общественного развития. Причем речь в данном случае идет не о постоянном выяснении мнений населения относительно тех или иных общественных проблем, а о реальном отображении позиций граждан в принимаемых государством решениях. Именно за счет такого соучастия во власти всех слоев населения демократия открыта одновременно всем вариантам социального выбора. Как подчеркивает Х. Линц, «демократия... это законное право формулировать и отстаивать политические альтернативы, которым сопутствует право на свободу объединений, свободу слова и другие главные политические права личности; свободное и ненасильственное соревнование лидеров общества с периодической оценкой их претензий на управление обществом; включение в демократический процесс всех политических институтов; обеспечение условий политической активности для всех членов политического сообщества независимо от их политических предпочтений... Демократия не требует обязательной смены правящих партий, но возможность такой смены должна существовать, поскольку сам факт таких перемен является основным свидетельством демократического характера режима»¹.

Что касается нормативной базы, то демократия организует и упорядочивает конфликтное соперничество интересов, сохраняя право потерпевших поражение групп на продолжение участия в оспаривании власти. При демократии каждая группа имеет возможность самостоятельного выбора стратегии своего поведения, ведущей к самым разным и непрогнозируемым последствиям. Причем результаты применения подобных стратегий могут быть и разнонаправленными. Т аким образом, данная форма организации политического порядка, как очевидно, содержит и альтернативу себе самой, источник социального саморазрушения. Поэтому свободный выбор гражданами пути политического развития, исключающего саму идею соревновательности за власть (как это случилось в Веймарской республике, где Гитлер на законных основаниях стал главой государства), способен уничтожить даже воспоминания о демократической форме политической жизни.

Однако в целом постоянство применения различных политических стратегий, непрерывное соперничество групп исключает ситуации, в которых победу одерживает кто-то один раз и навсегда. Условием динамики, постоянства балансирования интересов групп является согласие участников конкуренции с правилами, ясными и доступными для всех желающих принять участие в этой «политической игре». Причем данные правила исключают постоянное использование силы для решения конфликтов в процессе конкуренции, а случаи ее применения, как правило, оговариваются специально.

¹ Linz J. J. The Breakdown of Democratic Regimes: Crisis, Breakdown and Reequilibration. Baltmor. L., 1978. P. 5–6.

По своей политической сути демократия несет в себе постоянное умножение разнообразия общественных позиций и потому в той или иной степени противостоит неизменности общественных отношений и стабильности. Реализация права на выбор той или иной позиции дает людям возможность рационально понять разделение общества на большинство и меньшинство, осознать временный характер такого разделения, увидеть приоритет законодательных правил и процедур, регулирующих эти отношения. Конкурируя между собой, люди осознают свои гражданские качества, превращаются в многообразное, но внутренне единое общество. При этом, по мнению ряда ученых, демократия представляет собой ненапряженную форму конкуренции, не превращающей пространство политики в ристалище. Однако демократические порядки непременно опираются на либеральные (уважающие права каждого индивида) ценности и потому зависят от уровня осознания этих принципов и в этом смысле — от характера политической культуры населения. Поэтому «привыкание к демократии» (Пшеворский) не является гарантией ее сохранения в новых исторических условиях, в лоне интересов новых политических поколений.

Универсальные свойства демократии

Специфика и уникальность демократического устройства власти выражаются в наличии у нее ряда черт и характеристик, раскрывающих присущие ей способы и механизмы организации политического порядка. Так, Р.Даль к параметрам «совершенного демократического процесса» относил эффективное участие (отражающее равные возможности граждан для выражения своих предпочтений), равенство в голосовании при принятии решений (свидетельствующее о равном весе предпочтений, высказываемых людьми), просвещенное понимание (предполагающее равные возможности всех граждан для определения и проверки правительственных решений), контроль над повесткой дня (означающий, что люди должны иметь исключительную возможность решать, какие вопросы пополняют перечень проблем, подлежащих решению в ходе демократического процесса). Соглашаясь с таким подходом, Сартори в свою очередь к непременным критериям демократии относил ограниченность правления большинства правами меньшинства. Ряд других ученых считал необходимым обратить внимание на доминирующую роль правовых институтов, регулирующих политическую конкуренцию; наличие делиберации (возобновляемую политическим процессом самокритику и самоочищение режима); ненапряженность конкуренции и ориентацию на сотрудничество граждан и т.д.

В своей институциональной форме основные параметры политической системы закрепляют: обеспечение права граждан на создание (п

нение) к политическим организациям; обеспечение равного права всех граждан на участие в управлении делами общества и государства; систематическую выборность основных органов власти; наличие механизмов, обеспечивающих относительное преимущество большинства и уважение прав меньшинства; абсолютный приоритет правовых методов отправления и смены власти (конституционализм); профессиональный характер правления элит; контроль общественности за принятием важнейших политических решений; идейный плюрализм и конкуренцию мнений; использование людьми альтернативных источников информации; непереносимое уважение прав меньшинства. При этом ценностным основанием таких институций является либеральная система ценностей и представлений, помещающая в центр системы правления права и свободы индивида, несущего ответственность за их воплощение перед всеми другими гражданами.

Действие таких всеобщих способов формирования власти предполагает наделение управляющих и управляемых особыми правами и полномочиями, важнейшие из которых связаны с действием механизмов **прямой, плебисцитарной и представительной** демократии. Так, *прямая* демократия предполагает непосредственное участие граждан в процессах подготовки, обсуждения, принятия и реализации решений. В основном такие формы участия используются тогда, когда от граждан не требуется какой-либо специальной подготовки. Например, такие формы участия во власти широко распространены при решении вопросов местного значения, проблем, возникающих в рамках самоуправления, урегулирования локальных конфликтов.

Близка по значению к данной форме власти *плебисцитарная* демократия, которая также предполагает открытое волеизъявление населения, но связана только с определенной фазой подготовки решений, например, одобрением (поддержкой) или отрицанием вынесенного руководителями государства или группой граждан проекта закона или какого-то конкретного решения. При этом результаты голосования не всегда имеют обязательные, правовые последствия для структур, принимающих решения, т.е. могут только учитываться правящими кругами, но отнюдь не предопределять их действия.

Представительная демократия является более сложной формой политического участия граждан. Она предполагает опосредованное включение граждан в процесс принятия решений через их представителей, выбираемых ими в законодательные или исполнительные органы власти, либо различные посреднические структуры (партии, профсоюзы, движения). Эти механизмы в основном и составляют структуру демократического правления. Однако главная проблема представительной демократии связана с обеспечением репрезентативности политического выбора, т.е. с созданием у условий, при которых выбор тех или иных

лиц соответствовал бы настроениям и интересам населения. Так, при мажоритарных системах голосования могут получать значительные преимущества партии, которые победили своих соперников с незначительным отрывом. Например, в России на думских выборах 1996 г. голоса около 40% избирателей, которые в совокупности были отданы объединениям, не преодолевшим 5%-ный барьер, были перераспределены в пользу партий, прошедших в парламент и получивших тем самым дополнительные голоса (в том числе за счет партий, придерживавшихся прямо противоположных позиций). Это и породило известную нерепрезентативность политического состава Государственной Думы, сказавшуюся в итоге на политическом характере парламента и, как следствие, на выработке государственной политики.

Универсальные свойства современной демократии относятся не только к ее важнейшим институтам и механизмам, но равно и к *идейным* основаниям власти. Современный опыт политического развития показывает, что единственным средством предотвращения перерастания демократии в ту или иную форму диктатуры является подчинение деятельности ее институтов власти ценностям, утверждающим приоритет прав и свобод индивида. В конечном счете, именно такая ориентация деятельности институтов власти предотвращает использование выборов и других демократических процедур для создания политических преимуществ отдельным (социальным, этническим и др.) группам населения или силам, заинтересованным в сломе демократических порядков. Наличие подобных идейных оснований функционирования государственных институтов цементирует все здание демократии, позволяет характеризовать ее как особый тип политической системы, обладающей качественными (в отличие от тоталитаризма и авторитаризма) отличиями в организации власти и выполнении необходимых общественных функций.

Политическая система, построенная на этих принципах, не несет никаких ограничений для многочисленных национальных моделей демократической организации власти, которые могут иметь многообразные различия, обусловленные цивилизационной спецификой, традициями народов, теми или иными историческими условиями и обстоятельствами. В этом смысле могут существовать образцы как западной (Великобритания, Германия, США), так и восточной демократии (Индия, Япония), в условиях которой в деятельности институтов власти сложилось различное соотношение между индивидуалистическими и коллективистскими ценностями. Однако данным странам присущи те идейные ориентиры, которые в конечном счете направляют деятельность государственных институтов на защиту прав и свобод отдельной личности, предохраняя общество от произвола власти и гарантируя всем гражданам и их объединениям свободу выражения их интересов. В то

же время, как показывает практический опыт, все попытки утверждения вроде бы гуманистических идеалов «социалистической» демократии с ее принципами «демократического централизма» или механизма обеспечения «морально-политического единства общества» были неразрывно связаны с массовым попранием гражданских прав населения и установлением диктаторских режимов. То же самое можно сказать и о стремлении некоторых стран утвердить особые образцы «исламской», «конфуцианской» и прочих разновидностей демократии, опирающихся на приоритет тех или иных коллективистских ценностей.

Гражданское общество

Важнейшей предпосылкой и одновременно фактором формирования политической системы демократического типа является наличие гражданского общества.

Гражданское общество характеризует всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения, не обусловленную деятельностью государственных органов и воплощающую реальный уровень самоорганизации социума.

Описываемое понятием «гражданское общество» состояние общественных связей и отношений является качественным показателем гражданской самодеятельности жителей той или иной страны, основным критерием разделения функций государства и общества в социальной сфере.

Гражданское общество представляет собой особую форму соединения частного и общественных интересов граждан, противостоящую государству как собственно «политическому телу» (Гегель). Как правило, оно формируется на основе развития *горизонтальной* активности населения и выступает в виде разного рода добровольных (экологических, женских, конфессиональных, профессиональных и др.) ассоциаций, объединений, комитетов граждан, по-своему структурирующих общество. При этом, по мысли Р. Дарендорфа, гражданское общество не может претендовать на совершенство, а временами даже оно бывает «не всегда законно»¹. Но даже включая в свой состав те или иные объединения, которые не вполне вписываются в формально-правовые рамки, гражданское общество выполняет абсолютно необходимую для демократического строя функцию саморегуляции социальных отношений, сдерживания интервенции государства в те отношения, которые люди способны регулировать, не прибегая к помощи политических институтов.

В авторитарных и тоталитарных системах власти гражданская активность имеет, как правило, мобилизованный характер, представляя собой насквозь идеологизированные и инициированные государством

¹ Дарендорф Р. Дорога к свободе: Демократия и ее проблемы в Восточной Европе // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 74.

формы проявления поддержки правящего режима. Допускаемая в этих системах активность граждан непосредственно определяется статусом, положением людей в иерархическом строении общества, позволяя одним то, чего не позволено другим. При этом люди действуют в основном в рамках коллективов, индивидуальная активность не поощряется. Все проявления активности осуществляются только в рамках формальных институтов и официального общественного мнения, руководящих установок правящих кругов. Все остальные проявления общественной самостоятельности относятся к девиантным (отклоняющимся от признанных норм), подвергающимся санкциям формам поведения либо вытесняются в сугубо бытовую область, сферу досуга.

Короче говоря, в недемократических системах и режимах власти государство устанавливает практически полный контроль над формами гражданской активности людей, действующих только в официальных рамках. В этом смысле государство *поглощает* общество как самостоятельного субъекта социальной деятельности, отбирая у него функции по самоорганизации и самоуправлению своей жизнедеятельностью. Более того, непосредственное ощущение людьми внутреннего единства общества, осознание ими друг друга как сограждан данного государства подменяются открытым давлением власти на общественное мнение с целью обеспечения собственной легитимности.

При демократии же картина совершенно другая. Гражданское общество фиксирует здесь тот минимально достаточный уровень политических ограничений, который, с одной стороны, не позволяет государству вмешиваться в тот круг вопросов, который граждане могут решать самостоятельно, без обращения к государственным институтам, а с другой — обозначают прерогативы и государственных органов, которые наделяются собственной компетенцией в решении социальных задач. Таким образом, демократия обеспечивает органическое сочетание механизмов власти и самостоятельности, управления и самоуправления, которые в совокупности создают должные предпосылки общественной стабильности и гармонии. Как писал А. де Токвиль, при таких условиях «сила власти становится менее непреодолимой и не столь опасной» для человека ¹.

Основной политической предпосылкой существования гражданского общества при демократии является правовое и законодательное обеспечение (ограничение) индивидуальных и коллективных свобод, защищающих права личности, но одновременно и утверждающих порядок, при котором реализация этих прав одним (индивидом) не нарушает прав другого. Такая система в конечном счете не ослабляет, а укрепляет власть, не допуская анархии при утверждении массовых свобод. Такой порядок воспитывает в людях не бездумную лояльность

¹ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М., 1992. С. 72.

правлящему режиму, а чувство личного достоинства, правовую сознательность индивида, его гражданскую ответственность за собственные поступки, поддерживает его социальное творчество и инициативность. В результате государство осознается не как безгрешный и обладающий всевластием институт социального господства, а как ограниченный в своих полномочиях институт управления, руководствующийся законом и поддерживающий конструктивные идеи граждан.

Как показала политическая история мировой демократии, активности общественных ассоциаций и росту их членов прежде всего способствуют следующие структурные факторы:

- повышение образовательного уровня населения;
- развитие общественных коммуникаций;
- периоды активизации политического протеста, привлекающие новых рекрутов в социальные объединения;
- реакция общественности на вновь выдвигаемые правительственные программы преобразований и т.д.

В то же время извечными *трудностями* становления и развития гражданского общества являются не только активность государства, стремление правящих элит к усилению своих позиций в социуме и даже превышению собственных полномочий. Серьезную опасность для формирования и существования гражданского общества представляет и деятельность различного рода корпоративно-бюрократических структур внутри государства, неизменно принижающих статус самостоятельной активности граждан и стремящихся усилить государственную опеку над нею. Самостоятельными и крайне важными причинами ослабления позиций гражданского общества служат и непроясненность для населения ценностей социальной самостоятельности, отсутствие приверженности общественного мнения ценностям идеологии прав человека. Поэтому гражданское общество не возникает там, где люди не борются за свои права и свободы, где отсутствуют традиции критического анализа общественностью деятельности властей и, наконец, где политические свободы воспринимаются людьми как своеволие и отсутствие ответственности за свои поступки.

На Западе вызревание гражданского общества традиционно осуществлялось по мере развития института частной собственности, укрепившего материальные основы гражданской самостоятельности и активности индивидов, всемерного расширения и юридического закрепления системы частного права. В России этот путь оказался несколько иным. Общественная самостоятельность и обретение людьми гражданских прав и свобод в нашей стране исторически осуществлялось путем ассоциирования индивидов на базе местного самоуправления, распространения на все общество регулятивных функций общины. Это не толь-

ко придало национальную специфику процессу становления гражданского общества, но и затормозило его развитие, обусловив его большую зависимость от государства. Существенными факторами, предопределившими российскую специфику этого процесса, были и низкая популярность либеральных ценностей в обществе, и то, что социальным лидером становления гражданского общества, причем как в начале складывания капиталистических порядков в XIX в., так и при аналогичных обстоятельствах в конце XX в., являлся не слой предпринимателей, как на Западе, а интеллигенция. Это не просто сузило экономические возможности укоренения гражданского общества, но и придало данному процессу несколько оторванный от социальной структуры характер. В то же время становление гражданского общества в России протекало и протекает при более высоком уровне межэтнической интеграции, что сглаживает многие конфликты, имевшие место на Западе. Преодоление трудностей на пути создания гражданского общества — залог укрепления российской демократии.

3. Формирование и развитие демократических политических систем

Механизмы формирования политической демократии

Обоснование предпосылок и механизмов построения политических порядков демократического типа, «расколдовывание» перехода к данному способу организации публичной власти в той или иной стране являются крайне сложными проблемами политической теории. В современных условиях их решение во многом связано с пониманием специфики развивающихся стран, переходящих к этому типу власти в рамках так называемой «третьей волны» демократии. Однако у этих проблем существуют и более общие основания.

В настоящее время в науке сложились два основных подхода, которые по-своему интерпретируют условия формирования демократических систем и режимов. Так, сторонники **структурного** направления исходят из того, что демократические порядки складываются под доминирующим влиянием макрофакторов, к которым относятся экономические и социальные структуры, правовые порядки в обществе, соответствующие традиции, обычаи и т. д. Например, марксисты основным фактором становления политических порядков считали отношения собственности, те качественные сдвиги, которые происходили в процессах производства, распределения, обмена и потребления в обществе. Согласно такому подходу, демократия должна быть подготовлена соответствующим социально-экономическим развитием общества, служить политическим оформлением тех базовых процессов, которые протекают в социальной сфере.

Оппонирующие подобным идеям приверженцы **процедурного** подхода хотя и полагают, что «не следует игнорировать предварительные условия для осуществления демократии»¹, тем не менее считают, что главными условиями перехода к демократии и утверждения ее являются характер правящих элит, их политические ценности и идеалы, важнейшие тактики и технологии властвования, используемые ими. В этом смысле, как утверждают, например, А. Пшеворский, Ф. Шмиттер, Д. Линц и др., демократия выступает в качестве своеобразного «политического проекта», который реализуется в уже сложившихся условиях той или иной страны. Степень же внутренней готовности страны к установлению демократического политического порядка рассматривается как сопутствующий фактор, способный либо ускорить, либо затормозить формирование такого рода системы власти.

Классическим примером процедурного утверждения демократии может служить становление соответствующих порядков в послевоенной Германии, когда, несмотря на определенную приверженность населения прежним ценностям, новому руководству страны удалось сознательно сформировать необходимые структуры и механизмы власти, установить соответствующие конституционно-правовые порядки, институционализировать демократические отношения между государством и обществом. В настоящее время эта система «конституционной демократии» является одним из лучших образцов данной системы власти в Европе и мире.

В то же время многочисленные факты, свидетельствующие о недостаточности одних только волевых усилий правящих кругов для утверждения демократических порядков, вызвали к жизни и некий компромиссный вариант, когда пытались синтезировать постулаты того и другого подходов. В частности, американский ученый Д. Кэмпбелл в работе «Американский избиратель» (1960) предложил методологию описания становления демократических порядков, образно названную им «воронкой причинности». Суть его идеи состояла в последовательном учете различных факторов, оказывающих влияние на данный процесс. Российский исследователь А. Ю. Мельвиль, используя данную идею, предложил учитывать позиции, сужающие факторный анализ с макро- до микрозначений. В частности, он выделил следующие семь уровней переменных, влияющих на становление демократии:

- внешняя международная среда (международная экономическая ситуация, межправительственные и неправительственные связи и отношения);

¹ Zakaria F. The Rise of Liberal Democracy // Foreign Affairs, November/December, 1997. Vol. 76. № 6. P. 35.

- государство- и нациеобразующие факторы (единая территория, единое государство, чувство национальной идентичности и т.д.);
- общий социально-экономический уровень развития страны;
- социально-классовые процессы и условия (степень социальной дифференциации и развития общества, отношения между классами и социальными группами);
- социокультурные и ценностные факторы, культурно-политические ценности и ориентации, доминирующие в обществе;
- политические факторы и процессы (взаимодействие партий, общественно-политических движений и организованных групп, их политические стратегии и тактики);
- индивидуальные, личностные и политико-психологические факторы (конкретные решения и действия ключевых акторов)¹.

Такая методология дает наиболее широкие возможности для учета самых разнообразных условий и факторов, влияющих на становление демократических политических порядков в различных странах.

Если же судить по сложившейся на сегодня практике, то можно сказать, что конкретными предпосылками становления демократии как относительно устойчивого политического порядка являются:

- достаточно высокий уровень экономического развития страны;
- наличие рыночных отношений и индустриальной экономики;
- урбанизация;
- развитость массовых коммуникаций;
- помощь уже воплотивших демократию зарубежных государств.

Демократия, как правило, невозможна и без довольно высокого уровня благосостояния граждан, наличия определенных духовных традиций, соответствующих политико-культурных оснований.

Последние два-три десятилетия выявили еще один мощный фактор демократизации, а именно **демонстрационный эффект** западных демократий, чьи экономические и социальные успехи не только вызывают уважение со стороны многих народов, но и воспринимаются во многих странах как прямое следствие демократического типа политических порядков.

Внутренние противоречия и опасности демократии

Все факторы, влияющие на становление демократии, так или иначе проявляются в волевом замысле элитарных кругов, ставящих целью создание в собственной стране демократических политических порядков. Это определяет центральную роль тех идеальных представлений, которые закладываются в основание практиче-

¹ См.: Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты. М., 1999. С. 41–42.

ской политики и являются источником созидания социальной реальности.

Однако, несмотря на различия в подходах к демократии или оценках первоочередных задач, любая создаваемая модель ее должна непременно учитывать наличие у нее внутренних противоречий. Игнорирование внутренних противоречий или неготовность к ним при практических преобразованиях способны поставить под сомнение проектируемые цели, вызвать истощение государственных ресурсов, спровоцировать разочарование масс или элит в идеалах демократического строя и даже создать условия для преобразования демократических режимов в тоталитарные и авторитарные.

Данные противоречия вызваны не только несовпадением формальных и реальных оснований демократии, но и теми внутренними конфликтами, которые заложены в самой природе публичной власти и которые не способна окончательно разрешить даже эта форма политического устройства (реальное неравенство людей и их способностей, преимущества статусов институтов власти перед статусом личности и т.д.). Итальянский теоретик Н. Боббио образно называл эти противоречия «невыполняемыми обещаниями» демократии, к наличию которых надо относиться как к неизбежным политическим трудностям.

Так, с точки зрения этого ученого, идеальная модель демократии, предполагая достижение баланса в принципиально асимметричных отношениях политического рынка, одновременно предполагает и сохранение гарантий четырех основных свобод: *свободы убеждений, их выражения, собраний и ассоциаций*. В идеале это может быть обеспечено за счет прямых связей индивида с институтами государственной власти, но в действительности политические контакты граждан опосредуются многочисленными структурами и ассоциациями (партиями, движениями и т. п.), которые зачастую видоизменяют их отношения, узурпируют права и свободы индивидов, оттесняют их от участия в политической жизни. Этому же нередко способствует и автономизация бюрократического аппарата, становящегося центром власти и стремящегося осуществлять ее без всякого учета мнений широких социальных кругов. В силу этого демократия может противиться открытости власти, сохраняя ореол секретности принятия решений, выработки государственной политики. Так что, даже предполагая осознанность выполнения гражданами своих прав и обязанностей, власть нередко сталкивается с отчуждением людей от политики и государства. А в ряде случаев демократические принципы не распространяются на социальную сферу, препятствуя формированию системных оснований демократического типа власти.

Призванная воплощать приоритет общественных интересов над частными, демократическая власть в то же время наполняется активностью многочисленных групп, действующих зачастую в прямо противо-

положном направлении и подчиняющих ее (власти) механизмы собственным замыслам и потребностям. К тому же общественные интересы способны служить пристанищем стихийных сил, охлократической волны, подминающей под себя рационализм институтов власти. Таким образом, демократия, добываясь сбалансированности политических отношений, таит в себе *двойную* опасность: она может либо стать исключительной формой предпочтения частных, корпоративных интересов (элит, бюрократии, отдельных групп граждан) над общественными, либо скатиться к охлократическим формам правления, предающим забвению любые частные интересы.

Но, возможно, одним из самых существенных противоречий демократии является несовпадение политических возможностей обладателей *формальных* прав и *реальных* ресурсов. Этот описанный еще Токвилем парадокс свободы и равенства означает, что, несмотря на провозглашение и даже законодательное закрепление равенства в распределении прав и полномочий граждан, демократия не в состоянии обеспечить это равноправие на деле. И не может по той причине, что разные группы и разные граждане реально обладают неравновесными для системы власти и управления ресурсами. В силу этого, к примеру, рядовой гражданин и медиамагнат в действительности обладают разным весом при демократическом принятии решений. Иными словами, демократия не может уничтожить преобладающего влияния на власть групп, объединений или отдельных граждан, владеющих важнейшими экономическими, информационными, силовыми и иными ресурсами, перераспределение которых так или иначе затрагивается государственными решениями. Вот почему сохранение демократии напрямую зависит от примирения интересов и позиций обладателей формальных прав и владельцев (даже *теневых*) реальных ресурсов. А это, в свою очередь, требует большого искусства от правящих кругов в создании разного рода балансирующих механизмов, согласительных комитетов, в проведении соответствующей информационной политики, в утверждении определенных образцов политической культуры в обществе.

Практическое решение внутренних конфликтов этого типа осложняется и рядом других, в частности, *функциональных* противоречий демократии. Скажем, при формировании демократических политических порядков, как правило, хорошо известны служебные задачи и роли правящих кругов (управляющих), но фактически никогда не бывает полной ясности относительно повседневных функций основной массы населения (управляемых). Такая неопределенность в понимании рутинных форм политического поведения рядовых граждан практически всегда сочетается с абсолютизацией роли институтов власти, снижением влияния на власть широких социальных слоев населения, а следовательно, и определенной невыеявленностью их политических интересов.

Существенные сложности для приверженцев демократических порядков создают и противоречия в *духовной* сфере общества. Так, необходимость проведения единой государственной политики неизбежно должна опираться на известную систему ценностей, совокупность идеалов и принципов, определяющих приоритеты государства в области экономических или иных общественных преобразований. В то же время такая явная или неявная опора на единство духовных ориентаций населения противоречит принципам идейного плюрализма, являющегося базовым элементом всего здания демократии. Иными словами, если, как предупреждал еще А. Хайек, духовная свобода неизбежно предполагает расширение информационного поля власти, то это неизбежно уменьшает возможности целенаправленного информационного регулирования поведения людей. Поэтому, постоянно порождая многомыслие, диверсифицируя (делая разнообразным) духовное пространство общества, демократия подрывает свои возможности к выстраиванию единой линии политического развития социума.

Серьезные трудности испытывает демократия и в области международных отношений, ставящих сегодня вопрос о выживаемости ее принципов в этой области политических отношений. Поэтому даже те колоссальные успехи, которых добились многие развитые страны в плане установления данных политических порядков, не способны решить данные проблемы. В частности, возникновение и обострение на рубеже II и III тысячелетий глобальных кризисов (экологического, а также угрозы перенаселения планеты, голода, распространения оружия массового поражения и т.д.), необходимость упорядочивания и регулирования мировых финансовых (в том числе криминальных) потоков в рамках складывающегося нового мирового разделения труда и ряд других аналогичных явлений настоятельно ставят вопрос о пересмотре государствами границ своего демократического контроля за внутренними и внешними политическими процессами. Как справедливо указывает известный американский исследователь Д. Хелд, «глобальные зависимости изменяют демократию»¹.

Поскольку эти процессы затрагивают практически все государства, мировое политическое сообщество вынуждено вырабатывать некие общие подходы, оценки и структуры, способствующие выходу из создавшегося положения. Но при этом наиболее обеспеченные ресурсами страны отнюдь не желают поступаться своими стандартами и подходами, реально доминирующим положением даже в рамках действующего международного права. Таким образом, в условиях такого складывающегося порядка отдельные демократические государства, нарушающие или отклоняющиеся от тех или иных международных стандартов (напри-

¹ Held D. Democracy and Global Order. Cambridge, 1995. P. 268, 271–272.

мер, соблюдения прав человека или применения силы для урегулирования своих внутренних конфликтов), начинают испытывать серьезное давление международных и региональных сил, не исключающее ограничение ими части своего внешнего суверенитета. В результате возникают острые противоречия между этими государствами и политическими структурами, которые обладают либо формальными полномочиями, позволяющими им выступать от лица мирового сообщества (ООН), либо мощными силовыми ресурсами (НАТО), берущими на себя миссию силового решения возникающих проблем (даже нередко нарушая при этом сложившуюся систему международного права).

В рамках такого рода процессов в современном мире фактически начинает формироваться никем не избранное «мировое правительство» (из руководителей наиболее развитых стран мира), появляются и реализуются на практике оправдывающие его действия концепции «ограничения суверенитета» или «транснациональной демократии». Такая политико-идеологическая линия воспринимается в мире неоднозначно. Если, к примеру, действия европейских стран, оказавших помощь Кувейту в отражении иракской агрессии, были поддержаны подавляющим большинством демократических государств, то военная операция НАТО по разрешению этнического конфликта в Косово вызвала многочисленные возражения и осуждения.

Тот факт, что многие национальные государства не желают ориентироваться на подобные космополитические модели демократии, подчиняться влиянию межгосударственных и транснациональных центров силы, показывает, что складывающийся новый международный порядок способствует формированию в мире *качественно* иного политического баланса, который потребует и *новых механизмов* примирения большинства и меньшинства, согласования интересов в области перераспределения суверенных прав государств и народов, степени их влияния на процессы разрешения международных конфликтов. Но в любом случае эти проблемы в настоящее время создают препятствия для укрепления демократических порядков не только в мире, но и в отдельных странах. Так что, еще не выработав единого отношения к урегулированию подобного рода конфликтов, человечество уже ставит под сомнение основополагающие принципы демократического порядка, право государств, опираясь на общественное мнение своих граждан, самостоятельно определять вектор собственного политического курса.

Противоречия и проблемы развития демократии показывают, что она представляет собой принципиально открытое различным альтернативам и вместе с тем весьма несовершенное устройство власти. Более того, она не является единственно возможной и тем более привлекательной для всех стран и народов формой правления. К тому же ущерб-

ная, несовершенная демократия может принести обществу не меньшие трудности, чем деспотические и тоталитарные режимы. И все же именно демократия является сегодня единственной и наиболее оптимальной формой политического согласования и обеспечения разнообразных интересов и гарантии основополагающих прав граждан в сложносоставных обществах. В тех странах, где элиты и рядовые граждане стремятся к соблюдению прав человека, где высок авторитет закона, где люди пытаются с пониманием относиться к интересам других народов, там демократия может буквально преобразить их повседневную жизнь, открыв дорогу к материальному и социальному благополучию.

Демократический аудит

Как в теории, так и на практике сложились определенные методы оценки демократического содержания правления в той или иной стране. В целом можно говорить о трех основных способах идентификации демократии в практической сфере.

Так, в рамках **институционального** подхода ряд авторов выделяет определенные структуры, которые свидетельствуют о наличии такого рода политических порядков. К примеру, Г. Липсет, формулируя так называемую «политическую формулу демократии», выделяет политические партии, свободные СМИ и политических лидеров, способных организовать те или иные массовые движения. В отличие от него Картрайт предлагает рейтинговый метод, оценивающий деятельность исполнительных и представительных органов. Так, наличие нижней палаты парламента, состоящей из представителей двух и более партий (и где представители меньшинства занимают не менее трети голосов), получает два балла; страна, где парламент существует, но в его состав входят представители более одной партии и не выполняется выше означенное требование к представительству меньшинств, получает один балл; там, где парламент упразднен или в нем существует только одна партия или же этот представительный орган подчинен военным или бюрократическим силам, политическая система оценивается нулевой отметкой. Для исполнительных структур ученый предлагает следующие подходы: если глава исполнительной власти избран или назначен на основе многопартийной конкуренции (а у парламента при этом два балла), то политическая система получает один балл; если глава государства избран, но при этом не соблюдаются условия деятельности представительной системы (соответствующие получению одного балла), то политическая система оценивается 0,5 балла; и если государство управляется традиционным или несменяемым правителем и вдобавок отсутствует парламента эта страна получает ноль баллов. Совокупность полученных баллов дает возможность судить о степени демократичности той или иной политической системы.

В рамках **процессуального** подхода применяются иные критерии оценки. В частности, Нейбауэр рассматривает следующие показатели демократичности системы власти: процент взрослого населения, реально участвующего в выборах; равенство представительства гражданских интересов (при этом негативно оценивается сверх- и недопредставленность интересов населения); информационное равенство граждан (при получении сведений, раскрывающих соотношение политических сил, их позиции и пр.); наличие политической (партийной) конкуренции (раскрывающей возможности оппозиции реально претендовать на власть, время нахождения у власти одной партии или отдельного политика, количество голосов и партии победительницы и т. д.).

На **практике** свои критерии демократичности предлагает ряд международных неправительственных организаций, в частности Freedom house. В частности, ею предлагается набор критериев двух типов, касающихся оценки в обществе *политических прав* (избирается ли глава государства на свободных и честных выборах, имеются ли в государстве честные законы и подсчет голосов, способны ли избиратели наделить своих представителей реальными полномочиями, насколько люди свободны для организации в партии и т. д.), а также *гражданских свобод* (имеются ли в обществе свободные и независимые СМИ, имеется ли в обществе свобода политической организации, все ли граждане равны перед законом и пр.).

Ряд североевропейских неправительственных организаций предлагает иные индикаторы демократичности: *народное правление* (контроль общества над правительственной «повесткой дня», просвещенное понимание политики, эффективное участие граждан, наличие свободных ассоциаций, гражданская терпимость и др.), *конституционное правление* (гарантия фундаментальных прав и свобод, господство права, разделение полномочий между центром и местным самоуправлением и пр.), *эффективное управление* (контроль над ресурсами, способность государства принимать согласованные решения, контроль над результатами государственной политики).

Ряд стран, только идущих по пути строительства демократии, но заинтересованных в сохранении легитимности правящих режимов, негативно относится к такого рода политическому аудиту, считая предлагаемые методы оценки орудием манипулирования и вмешательства во внутренние дела. Нередко такими государствами предлагаются собственные варианты: «китайской», «мусульманской» или «суверенной демократии», а также другие модели политического обустройства своих стран. С другой стороны, ряд стран пытается представить себя в качестве единственной силы, способной распространить в мире идеалы демократии.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

1. Сущность и типы политических процессов

Понятие политического процесса

Характеристика политики как процесса позволяет увидеть особые грани взаимодействия общественных акто-

ров по поводу завоевания и использования государственной власти. Ученые обратили внимание на этот аспект политического развития еще в древности. Так, во II в. до н.э. Полибий говорил о различных фазах перехода государства к расцвету и упадку. Однако трудности теоретической рефлексии относительно динамического образа политики до сих пор сохраняют высокую полемичность академического дискурса и не всегда позволяют адекватно раскрыть это измерение политики. Так, некоторые ученые отождествляют политический процесс с политикой в целом (Р. Доуз) или со всей совокупностью поведенческих акций субъектов власти, изменением их статусов и влияний (Ч. Мэрриам). Сторонники институционального подхода связывают это явление исключительно с функционированием и трансформацией норм и институтов власти (С. Хантингтон); Д. Истон понимает его как совокупность реакций политической системы на вызовы окружающей среды, а Р. Дарендорф делает акцент на динамике соперничества групп за статусы и ресурсы власти; Дж. Мангейм и Р. Рич трактуют политический процесс как сложный комплекс событий, определяющий характер деятельности государственных институтов и их влияние на общество.

Все эти подходы так или иначе характеризуют важнейшие источники, состояния и формы политического процесса. Однако принципиально важно видеть, что наиболее существенные отличия этой категории состоят в том, что они раскрывают постоянную *изменчивость* различных черт и характеристик политических явлений. Такой подход в понимании политического процесса был заложен российским исследователем П. Сорокиным, который в своем классическом труде «Социальная и культурная мобильность» (1927) интерпретировал его как любой вид качественных и количественных изменений объекта, совершаемых в конкретной точке пространственно-временного континуума.

Таким образом, как динамическая характеристика политики, **политический процесс** представляет собой совокупность всех изменений политических явлений, отражающих трансформацию их содержания, форм существования, способов и темпов движения, а также иных аналогичных характеристик, происходящих под влиянием внешних и внутренних факторов и в контексте определенного времени и пространства.

Следовательно, политический процесс охватывает не только деятельность институтов, но и формы поведения и отношения всех действующих политических акторов, описывает фактическое исполнение ими своих ролей и функций, воплощение замыслов и намерений. Категория «политический процесс» фиксирует и раскрывает ту реальную смену состояний политических явлений, которая складывается как в соответствии с сознательными намерениями акторов, так и в результате многообразных стихийных воздействий. В этом смысле политический процесс исключает какую-либо заданность или предопределенность в развитии событий и делает акцент на реальных видоизменениях явлений. Таким образом, политический процесс раскрывает *движение, динамику, эволюцию* политических явлений, конкретное изменение их состояний во времени и пространстве.

Как можно видеть, центральной характеристикой политического процесса выступает **изменение**, которое означает любые модификации структуры и функций, институтов и форм, постоянных и переменных черт темпов эволюции и других параметров политических явлений. Изменения означают как трансформацию свойств, которые не затрагивают основных структур и механизмов власти (например, могут меняться лидеры, правительства, отдельные институты, но ведущие ценности, нормы, способы отправления власти сохраняются в прежнем качестве), так и модификацию несущих, базовых элементов, которые в совокупности способствуют достижению политической системой нового качественного состояния.

Многообразие форм политических изменений отражает наличие трех основных типов их существования: **функционирования, развития и упадка**. Так, **функционирование** означает простое воспроизводство базовых черт и характеристик политических явлений. Например, на уровне общества в целом — это способ поддержания сложившейся политической системы, продуцирования основных функций структур и институтов, форм взаимодействия элиты и электората, политических партий и органов местного самоуправления и т. д. При таком способе изменений традиции и преемственность обладают неоспоримым приоритетом перед любыми инновациями.

Второй способ политических изменений — это **развитие**, характеризующее такие модификации черт и параметров политических явлений, которые предполагают их дальнейшую позитивную эволюцию. Например, развитие может означать такие изменения, при которых политика государства выводится на уровень, позволяющий властям адекватно отвечать на вызовы времени, эффективно управлять общественными отношениями, обеспечивать удовлетворение социальных требований населения с учетом усложнения интересов различных групп и граждан.

И наконец, третья разновидность изменений — это **упадок**, или «регрессивная метаморфоза» политики (П. Струве), характеризующий та-

кой способ трансформации политических форм и отношений, который предполагает негативную перспективу эволюции этих явлений. Упадок по существу означает распад сложившейся политической целостности (например, падение политического режима, роспуск партии, захват государства внешними силами и т.д.). В масштабах общества такие изменения могут свидетельствовать о том, что принимаемые режимом решения все меньше помогают ему эффективно управлять и регулировать социальные отношения, вследствие чего режим теряет достаточную для своего существования стабильность и легитимность. Так, Ф.Риггс рассматривал негативное развитие как форму эволюции, при которой развитие одной подсистемы не сопровождается развитием другой.

Основные черты и особенности политического процесса

Как правило, анализ политического процесса всегда связан с выделением его наиболее важных параметров и черт, которые помогают строить соот-

ветствующие теоретические модели, типологизировать те или иные изменения, прогнозировать предстоящие трансформации. К таким показателям политической динамики чаще всего относят **источники и факторы** изменений, характер **причинно-следственных связей, типов движения, «точек ветвления»** процесса (где концентрируются различные альтернативы дальнейших изменений) и другие показатели идущих трансформаций.

В частности, в науке сложилось множество представлений об источниках, механизмах и формах изменений. Например, К. Маркс видел основные причины политической динамики во влиянии экономических отношений, В. Парето связывал их с циркуляцией элит, М. Вебер — с деятельностью харизматического лидера, Т. Парсонс — с исполнением людьми различных ролей, А. Тойнби — с подражанием людей более успешным обществам («демонстрационным эффектом»), А. Пригожин — с механизмами преобразования хаоса в порядок (и наоборот) и т.д. Однако чаще всего в качестве основного источника политических изменений называют *конфликт*, свидетельствующий о неоднородности общества, различиях во взглядах и иных формах несовпадения позиций, постоянно провоцирующих неудовлетворенность людей своим положением и их политическую активность, оспаривание друг у друга властных ресурсов и полномочий.

Учитывая разнообразие политических конфликтов и различный характер их протекания, следует признать, что в политический процесс включаются не только конвенциональные (основанные на нормах) формы политической активности, но и такие акции и интеракции, которые не отвечают принятым в обществе правилам политической игры. К таким явлениям могут относиться формы поведения, свидетельствующие

о нарушении гражданами их ролевых функций, превышение чиновниками своих служебных полномочий, нарушение оппозиционерами общепринятых стандартов в отношениях с государственной властью и выход их деятельности за рамки закона, а также терроризм, криминальные деяния политиков в сфере власти и многое другое. Такого рода факты показывают, что политический процесс по природе своей обладает **ненормативным (неконвенциональным)** характером.

В этом смысле только деятельность основных политических институтов способна придать политическому процессу общую ориентацию на исполнение норм и поддержание порядка в отношениях власти, обеспечить некоторую последовательность идущих в обществе изменений. Однако не следует преувеличивать возможности институтов власти. Ибо каждый актор в политической сфере прежде всего ориентируется на значимые для него (макросоциальные, психологические и пр.) факторы, формируя таким образом собственную и относительно независимую от других траекторию своего поведения.

В конечном счете, многообразие персонально значимых для людей (групп, институтов) факторов порождает разнообразные типы движения (волнового, циклического, линейного, инверсионного — т.е. возвратного, турбулентного и др.), обуславливающие формы и способы трансформации политических явлений. К примеру, победившая на выборах партия демонстрирует линейно-восходящий тип движения, а оппозиционные силы в это же время оказываются в политическом потоке, обладающим нисходящим вектором эволюции. Понятно, что сочетание таких разнонаправленных типов движения закладывает в политический процесс определенные предпосылки дестабилизации и неопределенности.

Важно видеть и то, что дополнительные возможности для усиления разнообразия политических изменений создаются за счет использованием людьми разнообразных **технологий** и методов действий. В этом смысле политический процесс демонстрирует тот характер изменений, который связан с деятельностью конкретного субъекта, применяющего в то или иное время и в том или ином месте привычные для него способы и приемы деятельности. Поэтому применение разных технологий решения даже однородных задач предполагает различные по характеру изменения. Показательно, что в ряде случаев технологии могут не только повлиять на характер изменений, но и трансформировать самое качество политического явления. К примеру, широкое использование методов административного давления на граждан, избирательные комиссии и оппонентов правящих властей (использование так называемого «административного ресурса») способно полностью исказить природу избирательного процесса, превратив его из формы электорального выбора в реализацию стратегии правящего режима по сохранению своей власти.

Непременным фактором, влияющим на траектории политических изменений, выступают физико-географические и биологические параметры человеческого поведения. К примеру, в политической сфере можно наблюдать существенную зависимость качества государственных решений от самочувствия (возраста, гендерных особенностей) лидеров или же влияние территориальной протяженности местности на реализацию тех или иных правительственных (партийных) стратегий и т. д. На каждом уровне политической системы природные факторы действуют по-своему. Но в целом их влияние показывает, что политический процесс эволюционирует под воздействием сложносоставного детерминизма и представляет из себя форму **коэволюционных** (неразрывно связанных с развитием природы) изменений.

Постоянное сочетание различного рода факторов, типов движений, форм и темпов изменений показывает, что политический процесс — как результат всех видов изменений, связанных с деятельностью макро- и микроакторов — представляет собой *совокупность относительно самостоятельных, локальных трансформаций политической деятельности акторов*. Иными словами, политический процесс по преимуществу является **дискретным** явлением, своеобразным потоком изменений, в котором многие политические акции мало или вообще не связаны друг с другом. И чем выше уровень осуществления политики (например, на мировом уровне), тем выше внутренняя несвязанность компонентов политического процесса. «Рваный» ритм политического процесса хорошо аттестуют разнообразные протестные выступления, мятежи, военные перевороты, международные кризисы, стихийные бедствия и т. д. Такой характер политического процесса в значительной степени исключает возможность экстраполяции (перенесения значений современных фактов на будущее) тех или иных оценок политического процесса, затрудняет политическое прогнозирование политики будущего.

Но, даже констатируя дискретную природу политического процесса, отмечая сложности предвидения политических перспектив, было бы заблуждением преувеличивать значение этих характеристик. Во-первых, достижение динамического равновесия всех политических сил и обеспечение внутренней целостности (относительно единой направленности политических изменений) политического процесса возможно за счет высокой активности легитимных политических институтов, а также ориентации большинства акторов на единые ценности и нормы политической культуры общества.

Во-вторых, преимущественно рациональные формы взаимодействия людей в политической сфере дают возможность увидеть в мозаике быстро текущих изменений некие устойчивые формы, в частности, отдельные тенденции и даже разнообразные фазы и циклы осуществления политическими акторами своих функций. Другими словами, каждый тип

политических изменений обладает собственной ритмикой (циклическостью, повторяемостью), сочетанием стадий и взаимодействий субъектов, структур, институтов. Например, электоральный процесс формируется в связи с избирательными циклами, поэтому политическая активность населения развивается в соответствии с фазами выдвижения кандидатов в законодательные или исполнительные органы власти, обсуждения их кандидатур, избрания и контроля за их деятельностью. Собственный ритм политическим процессам могут задавать решения правящих партий. Все это, в свою очередь, дает основания и для более успешного прогнозирования изменений.

К примеру, в науке широко распространены исследования «жизненного цикла» принятия политических решений и электоральных циклов. Так, Ф.Клинберг, исследуя историю английской политики, выделил 4 крупных исторических фазы ее эволюции, свидетельствующие о последовательном переходе массовых политических ориентаций от прогрессивных к космополитическим, а затем к консервативным и изоляционистским воззрениям. Т.Барбер, изучая политику США с начала прошлого века, выделил 12-летний цикл, где каждые 4 года (под влиянием смены поколений вступающих в политику лиц) чередуются основные темы политического дискурса: конфликта, пробуждения совести, общественного примирения. Так что рациональное содержание политического взаимодействия дает возможность описывать политический процесс через теоретические модели, весьма адекватно отражающие разнообразные динамические изменения.

Типология политических процессов

Проявление указанных особенностей политического процесса в различных временных и прочих условиях предопределяет и возникновение его разнообразных типов. Так, с содержательной точки зрения выделяются **внутриполитические** и **внешнеполитические (международные)** процессы. Они различаются специфической предметной сферой, особыми способами взаимодействия субъектов, функционирования институтов, тенденциями и закономерностями развития.

С точки зрения значимости для общества тех или иных форм политического регулирования социальных отношений политические процессы можно подразделить на **базовые** и **периферийные**. Первые из них характеризуют те разнообразные изменения в различных областях политической жизни, которые касаются модификации ее базовых, системных свойств. К ним можно отнести, например, политическое участие, характеризующее способы включения широких социальных слоев в отношения с государством, формы преобразования интересов и требований населения в управленческие решения, типичные приемы формирования политических элит и т.п. В таком же смысле можно говорить и о процессе

государственного управления (принятии решений, законодательном процессе и др.), определяющем основные направления целенаправленного использования материальной силы государства. В то же время периферийные политические процессы выражают изменения в не столь значимых для общества областях. Например, они раскрывают динамику формирования отдельных политических ассоциаций (партий, групп давления и т.д.), развитие местного самоуправления, других связей и отношений в политической системе, не оказывающих принципиального влияния на доминирующие формы и способы отправления власти.

Политические процессы могут отражать изменения, протекающие в **явной** или **скрытой** форме. К примеру, явный политический процесс характеризуется тем, что интересы групп и граждан систематически выявляются в их публичных притязаниях к государственной власти, которая в свою очередь делает доступной для общественного контроля фазу подготовки и принятия управленческих решений. В противоположность открытому скрытый, теневой процесс базируется на деятельности публично не оформленных политических институтов и центров власти, а также на властных притязаниях граждан, не выраженных в форме обращения к официальным органам государственного управления.

Политические процессы разделяются также на **открытые** и **закрытые** (но надо иметь в виду, что эти категории являются подвижными и соотносительными). Так, закрытые политические процессы означают тот тип изменений, который может быть достаточно однозначно оценен в рамках критериев лучшее/худшее, желательное/нежелательное. Одновременно это будет означать, что людям в основном известны возможные варианты решения проблемы (т.е. перечень альтернатив является «закрытым» или конечным, но «открытым» с точки зрения ясности ситуации). Открытые же процессы демонстрируют такой тип изменений, который не позволяет предположить, какой — позитивный или негативный для субъекта — характер имеют сложившиеся трансформации или какая из возможных в будущем стратегий более предпочтительна. В этом смысле открытость будет означать наличие широкого, в значительной степени непознаваемого до конца круга возможных альтернатив будущего развития (это будет одновременно формой своеобразной «закрытости» будущего, т.е. показателем отсутствия ясных перспектив). Например, при развитии международных кризисов или реформировании переходных общественных отношений нередко в принципе невозможно понять, несут ли субъекту выгоду совершаемые им действия, как вообще оценить складывающуюся обстановку, какие в связи с этим предпочесть альтернативы и т.д. Иначе говоря, такой тип процессов характеризует изменения, совершающиеся в предельно неясных и неопределенных ситуациях, которые предполагают повышенную гипотетичность как свершаемых, так и планируемых действий.

Важным является и подразделение политических процессов на **стабильные и переходные**. Стабильные политические процессы выражают ярко очерченную направленность изменений, преобладание определенного типа властных отношений, форм организации власти, предполагающих устойчивое воспроизведение политических отношений даже при сопротивлении тех или иных сил и тенденций. Внешне они могут характеризоваться отсутствием войн, массовых протестов и других конфликтных ситуаций, грозящих свержением или изменением правящего режима. В нестабильных же процессах отсутствует четкое преобладание тех или иных базовых свойств организации власти, исключающих возможность качественной идентификации изменений. В этом смысле отправление власти осуществляется в условиях как неравновесности влияния основных (экономических, социальных, ценностных, правовых) предпосылок, так и несбалансированности политической активности основных субъектов в политическом пространстве.

В науке представлены и попытки типологизировать политические процессы на **цивилизационной** основе. Так, Л. Пай выделял «незападный» тип политического процесса, относя к его особенностям склонность политических партий претендовать на выражение мировоззрения и представление образа жизни; большую свободу политических руководителей в определении стратегии и тактики структур и институтов, наличие резких различий в политических ориентациях поколений; интенсивность политических дискуссий, слабо связанных с принятием решений, и т. д.¹

Переходные политические процессы

В зависимости от типов политического процесса меняются показатели их развития и упадка, т. е. те критерии, которые могут определить целевые стратегии политических режимов, качественно идентифицировать присущую этому государству форму организации власти. Так, в рамках стабильных политических процессов существует возможность применения моделей *линейного* развития. В этом случае качественная идентификация политической системы основывается здесь на хорошо известных моделях — социализма, либерализма, консерватизма и др., обладающих строго разработанной системой критериев развитости. Например, с точки зрения марксистов, о развитости системы власти позволяют говорить политические изменения, свидетельствующие о господстве коллективных форм собственности, гегемонии рабочего класса и лидирующей роли коммунистической партии в политической системе. Преобладание идеологии прав человека, защищенность личности в отношениях с государством, контроль гражданского общества над государством, плюрализм, духовная свобо-

¹ Pye L. The Non-Western Political Process // Journal of Politics. 1958. № 3. P. 469.

да свидетельствуют о развитии системы, с точки зрения либералов. Консерваторы при определении «развития» делают упор на преобладании моральных стимулов политического поведения, обеспечении преемственности с предыдущими формами правления, сохранении базовых норм и принципов организации власти и т.д. Словом, применение такого рода критериев дает возможность одним говорить о предпочтительности, к примеру, демократии над тоталитаризмом, другим — социализма над капитализмом.

Однако в переходных обществах в условиях незавершенности политических процессов использование данных критериев весьма затруднительно. К примеру, институционализация демократических процедур отправления власти, расширение плюрализма могут вести в этих условиях к установлению деспотических форм правления, потере управляемости обществом и другим, явно негативным для организации власти последствиям.

В силу неприменимости к переходным процессам идейно определенных критериев развития в науке сложилось немало подходов, предлагающих собственные критерии для такой оценки. Например, сторонники **«теории катастроф»** усматривают причины политической кризисности и неустойчивости переходных систем в наличии определенных «архетипов» (некритически усваиваемых людьми ценностей, отношений к действительности), провоцирующих массовые протесты и ведущих к неравновесности положения политических сил. Т аким образом, они связывают развитие с поиском «архетипов-антагонистов», способных стимулировать обратные по направленности поведенческие реакции населения и власти.

Приверженцы идеи **циклической** (социокультурной, цивилизационной) **динамики** (Т. Хемфри, О. Тоффлер, А. Пригожин), рассматривая переходные процессы в качестве необходимой составной части циклического чередования политических взлетов и падений, т.е. определенной фазы зарождения и упадка глобальных политических (социальных) сдвигов в истории общества, выдвинули иные критерии развитости. В соответствии с их воззрениями, различая длинные и короткие волны таких изменений, а также временные параметры их продолжения, необходимо вырабатывать соответствующие технологии приспособления к этим промежуточным этапам, искать «поворотные точки», способные усилить управление событиями и сократить время для наступления восходящей фазы развития.

Собственную версию трактовки развития в переходных условиях предложили Ф. Тённис, М. Вебер и Т. Парсонс, заложившие основы так называемой **социологии развития**. Сторонники этого направления рассматривали все модификации политических систем в рамках долговременного перехода от традиционного к современному обществу. При этом

первое понималось по преимуществу как аграрное, основанное на простом воспроизводстве и отличающееся закрытой социальной структурой, низким индивидуальным статусом гражданина, жестким патронажем государственного правления. Современное же общество трактовалось ими как индустриальное, базирующееся на открытости социальной структуры, плюральной организации власти.

С этой точки зрения политическое развитие достигается в той мере, в какой политические структуры, нормы и институты способны к оперативному, гибкому реагированию на новые социальные, экономические и прочие проблемы, к восприятию общественного мнения. Иными словами, политическая система, формируя механизмы с устойчивой обратной связью, рациональной организацией звеньев управления, способных к учету мнений населения и реализации решений, превращается в гибкий механизм для адресного регулирования конфликтов и выбора оптимальных вариантов применения власти. Этот процесс и выражает позитивную динамику данной системы власти, означает ее переход на качественно новый уровень ее существования. В таком случае не имеет значения, какую конкретную национально-государственную форму примут политические изменения (унитарную, федеративную или другую), какая партия получит статус правящей, какая идеология станет определять политику в будущем. В этом смысле политическое развитие интерпретируется как нарастание способности политической системы гибко приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям (требованиям групп, новому соотношению сил и ресурсов власти), сохраняя и увеличивая возможности для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в управлении обществом и государством.

Понимаемое таким образом развитие неразрывно связывается с наличием институциональных возможностей для артикуляции групповых интересов, нормативной (прежде всего законодательной) базы, способной обеспечить равенство политического участия традиционных и новых социальных групп, а также усилить влияние ценностей, предполагающих углубление интеграции социума. Это обуславливает высокие требования к компетентности политических (и правящих, и оппозиционных) элит, к их способности использовать консенсусные, правовые технологии властвования, исключать насилие и политический радикализм.

Одним из основных условий успешного эволюционного политического развития является своевременное выделение по преимуществу кратковременных задач в проведении реформ и преобразований, нацеленных на реальное, а не декларативное продвижение общества вперед. В противоположность этому проекты, сориентированные на длительную историческую перспективу, не могут учесть динамизм текущих изменений и при последовательном их воплощении превращаются в

фактор, усиливающий сопротивление реформам и ведущий к обвалному, неконтролируемому развитию событий. В результате государство, по мнению Э. Бёрка, не только лишается средств проведения реформ, но и прекращает свое существование.

Такого рода подходы, соединившись с некоторыми идеями Дж. Локка, А. Смита, легли в основу **теории модернизации**, представляющей собой **совокупность различных схем и моделей анализа, позволяющих описывать и раскрывать динамику преодоления отсталости традиционных государств**. Учитывая политическое противоборство с конкурирующими политическими силами, выдвинувшими для постколониальных стран теорию «социалистической ориентации» и «национально-освободительного движения», западные ученые сделали акцент на прикладные рекомендации.

2. Политическая модернизация

Понятие «первичной» («спонтанной») и «вторичной» («отраженной») модернизации

Теория модернизации сформировалась в процессе описания политических судеб стран, получивших освобождение от колониальной зависимости

в 50–60-х гг. XX столетия и поставивших в практическую плоскость вопрос о путях своей дальнейшей трансформации. Десятки появившихся в связи с этим конкретных теорий и моделей анализа основывались на признании неравномерности общественного развития, наличия до-современного периода в развитии государств, реальности существования современных сообществ, а также на понимании необходимости преобразования (модернизации) отсталых стран в индустриальные («современные»).

Рекомендации относительно «осовременивания» отсталых обществ опирались на опыт стран так называемой «спонтанной модернизации» (т.е. тех государств, которые достигли этого уровня развития естественным путем). Те же, которым еще предстояло пройти этот путь, воспринимались как государства модернизации «отраженной». Исторический опыт показывал, что эволюционировавшие к модерну страны прошли ряд этапов. Так, состояние «раннего модерна» отражало становление суверенного национального государства и гражданского общества; «средний модерн» предполагал дифференциацию их взаимоотношений, создание системы представительства гражданских интересов, конституции, образование институтов «второго порядка», закрепляющих республиканское устройство; «поздний модерн» продемонстрировал эволюцию механизмов соревновательности элит и контрэлит, процессы чередования и обновления власти, усложнения взаимоотношений государства и гражданского общества.

На начальных этапах формирования теории модернизации это историческое наследие оценивалось не вполне адекватно и в основном практиковались весьма упрощенные представления об этом процессе преобразований. Так, в 50–60 гг. прошлого века «модернизация» понималась как функция, предпосылка развития традиционных обществ. Это предполагало, что отсталым странам предварительно следовало укоренить основные черты организации общественной жизни западного типа, прежде чем претендовать на развитие. Эти нормативные представления о «модерне» предполагали копирование основных параметров «свободного» американского общества, бывшего в то время лидером и в экономической, и в финансовой, и во многих других сферах. Таким образом, модернизация понималась как *вестернизация*, а единственной ее формой признавалось «догоняющее развитие». При этом главным средством осуществления преобразований считалась экономическая помощь западных государств, якобы способная транслировать социальные технологии, ценности, демократические институты и тем самым победить низкие стандарты потребления, нарушение прав человека, деградацию культуры и т.д. Предполагалось, что достижение определенного уровня дохода на душу населения вызовет такие же, как на Западе, изменения в социальной и политической системах общества. Иначе говоря, основным модернизирующим фактором признавался капитал.

Однако взгляд на модернизацию как на линейное движение и последовательное освоение афро-азиатскими, латиноамериканскими и рядом других стран ценностей и институтов западной организации власти, отношений государства и гражданина не выдержал испытания жизнью. В реальности институционализация либеральных ценностей, установление парламентских систем, разделение властей и прочих стандартов западной организации власти обернулись не повышением эффективности государственного управления, а коррупцией и произволом бюрократии, катастрофическим расслоением населения и его политической отчужденностью, нарастанием конфликтности и напряженности в обществе. Многие ученые объясняли данные результаты модернизации неподготовленностью этих стран к демократическому пути развития. Но односторонность, искусственность подобных теоретических схем модернизации были очевидны.

Развитие теории политической модернизации в 70–80-х гг. XX в.

В результате в 1970–1980-х гг. связь между модернизацией и развитием была пересмотрена. Переходные процессы стали истолковываться как не-

кий самостоятельный этап развития этих стран с неоднозначными результатами. Считалось, что страны могут идти тремя путями: во-пер%

вых, воспроизводить свое состояние, не продвигаясь к целям современности; во-вторых, идти по пути модернизации и, в-третьих, начав с преобразований данного типа, впоследствии свернуть к установлению еще более жесткого политического режима.

В рамках модернизационного процесса любые позитивные изменения социальных, экономических, политических структур, которые проводились в направлении западной модели, стали признаваться формой развития этих государств. Причем сам факт существования традиционных институтов и ценностей политологи уже не рассматривали как препятствие к «модерну». При сохранении приоритета универсальных критериев и целей будущего развития главный упор ученые стали делать на *национальную* форму их реализации. В силу этого расширилось и число моделей модернизации. Кроме «догоняющей», стали говорить о модернизации «частичной», «форсированной», «рецидивирующей», «тупиковой» и т.д.

Главным фактором, определяющим характер и темпы переходных преобразований, был признан *социокультурный* фактор, а точнее, тип личности, ее национальный характер, обуславливающий степень восприятия универсальных норм и целей политического развития. Общепризнанно, что модернизация может осуществиться только при условии изменения ценностных ориентаций широких социальных слоев, преодоления кризисов политической культуры общества. Некоторые теоретики (М. Леви, Д. Рюшемейер) даже пытались вывести некий закон глобальной дисгармонии, раскрывающий несовпадение социокультурного характера общества и потребностей его преобразования на основании универсальных целей.

Обобщая условия модернизации различных стран и режимов, многие ученые настаивали на необходимости определенной последовательности преобразований, соблюдения известных правил при их осуществлении. Так, У. Мур и А. Экстайн полагали, что начинать реформирование необходимо с индустриализации общества; К. Гриффин — с реформ в сельском хозяйстве; М. Леви настаивал на интенсивной помощи развитых стран; С. Эйзенштадт — на развитии институтов, которые могли бы учитывать социальные перемены; У. Шрам считал, что главную роль в данных процессах играют политические коммуникации, транслирующие общие ценности; Б. Хиггинс утверждал, что главное звено модернизации — урбанизация поселений и т.д.

На этом этапе впервые проявились противоречия между сторонниками респектабельного модернизма (Т. Парсонс, С. Айзенштадт, Д. Белл) и его новых интерпретаторов (Н. Смелзер, Дж. Нетл, Р. Робертсон), предлагавших более сложную картину трансформаций и настаивавших на необходимости учета местных традиций, более сложных форм единения развивающихся стран с передовыми западными демократиями.

В более общем виде проблема выбора вариантов и путей модернизации решалась в теоретическом споре либералов и консерваторов. Так, ученые **либерального** направления (Р. Даль, Г. Алмонд, Л. Пай) полагают, что появление среднего класса и рост образованности населения приводят к серьезным изменениям в природе и организации управления. Это не только кладет предел вмешательству идеологии в регулирование социальных процессов, но и ставит под сомнение эффективность централизованных форм реализации решений, поскольку политически активное население способствует возникновению дополнительных центров властного влияния. В целом же характер и динамика модернизации зависят от открытой конкуренции свободных элит и от степени политической вовлеченности рядовых граждан. Соотношение этих форм, которые должны обязательно присутствовать в политической игре, и обуславливает варианты развития общества и системы власти в переходный период.

В принципе возможны четыре основных варианта развития событий при модернизации:

- при приоритете конкуренции элит над участием рядовых граждан складываются наиболее оптимальные предпосылки для последовательной демократизации общества и осуществления реформ;
- в условиях повышения роли конкуренции элит, но при низкой (и отрицательной) активности основной части населения формируются предпосылки установления авторитарных режимов правления и торможения преобразований;
- доминирование политического участия населения над соревнованием свободных элит (когда активность управляемых опережает профессиональную активность управляющих) способствует нарастанию охлократических тенденций, что может провоцировать ужесточение форм правления и замедление преобразований;
- одновременная минимизация соревновательности элит и политического участия масс ведет к хаосу, дезинтеграции социума и политической системы, что также может провоцировать приход третьей силы и установление диктатуры.

В русле либерального подхода американский политолог Р.Даль выдвинул теорию **полиархии**, обосновывающую необходимость движения к ограниченной, но демократической по сути форме организации политических порядков. С одной стороны, она отличалась от демократии некоторыми ограничениями в части свободы создания организаций, выражения гражданами своих мнений, избирательных прав, содержала сокращенный перечень альтернативных источников информации, не гарантировала проведения честных и свободных выборов, демонстрировала невысокую зависимость государственных институтов от голо-

сов избирателей. В то же время она выступала как более достижимая и реальная модель организации власти, которая, несмотря ни на что, обеспечивала открытое политическое соперничество лидеров и элит, высокую политическую активность населения, создавая тем самым политические условия и предпосылки для осуществления реформ.

Р. Даль выделял семь условий, влияющих на движение стран к полиархии: установление сильной исполнительной власти для проведения социально-экономических преобразований в обществе; последовательность в осуществлении политических реформ; достижение определенного уровня социально-экономического развития, позволяющего производить структурные преобразования в государстве; установление отношений равенства/неравенства, исключающих сильную поляризацию в обществе; наличие субкультурного разнообразия; интенсивная иностранная помощь (международный контроль); демократические убеждения политических активистов и лидеров. При этом Даль подчеркивал, что переход к полиархии должен быть постепенным, эволюционным, должен по возможности избегать резких, скачкообразных движений и создавать предпосылки для того, чтобы правящие элиты последовательно овладевали консенсусными технологиями.

В свою очередь, теоретики **консервативной** ориентации придерживались иной точки зрения на процесс модернизации. По их мнению, главным источником модернизации является конфликт между «мобилизацией» населения (включающегося в политическую жизнь в результате возникающих противоречий) и «институционализацией» (наличием структур и механизмов, предназначенных для артикуляции и агрегирования интересов граждан). Но коль скоро массы не подготовлены к должному использованию институтов власти, а государство не может оперативно продуцировать механизмы, способные конструктивно трансформировать их энергию, то неосуществимость ожиданий граждан от включения в политику ведет к дестабилизации режима и его коррумпированности. В силу этого модернизация, по словам С. Хантингтона, вызывает «не политическое развитие, а политический упадок»¹. Иначе говоря, в тех странах, где качественные преобразования экономической и социальной жизни не ложатся на почву демократических традиций, на приверженность населения праву, идею компромисса, любые попытки реформ будут иметь негативные для общества последствия.

Для политики главным показателем развития является *стабильность*, поэтому для модернизируемых государств необходим «крепкий» политический режим с легитимной правящей партией, способной сдерживать тенденцию к разбалансированию власти. Таким образом, в

¹ Huntington S. P. Political Development and Political Decay // World Politics. 1965. Vol. 17. № 3. P. 12.

противоположность идеям укрепления интеграции общества на основе культуры, образования, религии, философии и искусства (К. Дейч), консерваторы делали упор на организованность, порядок, авторитарные методы правления (С. Хантингтон). Именно эти средства приспособления политического режима к изменяющейся обстановке предполагали компетентное политическое руководство, сильную государственную бюрократию, возможность поэтапной структуризации реформ, своевременность начала преобразований и другие необходимые средства и действия, ведущие к позитивным результатам модернизации.

В силу того, что авторитарные режимы весьма неоднородны, консерваторы также указывали на наличие альтернативных вариантов модернизации. Так, американский ученый Х. Линдц полагал, что, во-первых, авторитарные режимы могут осуществлять частичную либерализацию, связанную с определенным перераспределением власти в пользу оппозиции (полусостязательный авторитаризм), дабы избежать дополнительного социального перенапряжения, но сохранить ведущие рычаги управления в своих руках; во-вторых, авторитарные режимы могут пойти на широкую либерализацию в силу ценностных привязанностей правящих элит; в-третьих, режим правления может развиваться по пути «тупиковой либерализации», при которой жесткое правление сначала заменяется политикой «декомпрессии» (предполагающей диалог с оппозицией, способный ввести недовольство в законное русло), а затем выливается в репрессии против оппозиции и заканчивается установлением еще более жесткой диктатуры, чем прежде. В принципе не исключался и четвертый вариант эволюции авторитарного режима, связанный с революционным развитием событий или военной агрессией других стран, приводящий к непредсказуемым результатам.

Несмотря на подтверждение в ряде стран целесообразности установления авторитарных режимов (например, в Южной Корее, Чили, на Тайване), отрицание демократизации несло в себе серьезную опасность произвола элит. Как показал опыт, в большинстве стран Тропической Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии авторитарное правление устанавливалось без широкого общественного консенсуса относительно целей развития, что сохраняло социальные предпосылки для перерастания переходных режимов в откровенные диктатуры.

В целом сложившийся в тот период опыт преобразований продемонстрировал наличие *универсальных* норм и требований модернизации, ориентирующие на их воплощение, страны были способны создать те политические, экономические и прочие структуры, которые позволяли им гибко реагировать на вызовы времени, достигать определенного прогресса в своем развитии. К таким целям относились: формирование рыночных и товарно-денежных отношений, увеличение затрат на образование, рост роли науки в рационализации экономических

отношений, формирование открытой социальной структуры с неограниченной мобильностью населения, плюралистическая организация власти, соблюдение прав человека, рост политических коммуникаций, консенсусные технологии реализации управленческих решений и т. п. Однако средства, темпы, характер осуществления данных преобразований целиком и полностью зависят от внутренних факторов, национальных и исторических способностей того или иного государства.

Опыт описания «перехода» сделал общепризнанным фактом признание *альтернативного* характера модернизации, ее острой *конфликтности*, *асинхронного* характера преобразований. Ярким показателем сложности переходных трансформаций явилось возникновение в ряде стран режимов «делегативной (нелиберальной) демократии» (Г. О’Доннел), где использование демократических институтов перестроено с прав личности на права лидера; снижена роль правовых норм и представительных органов власти; систематически игнорируются интересы широких слоев населения; выборы являются инструментом разрешения конфликтов между кланами внутри правящей элиты, а коррупция и криминал становятся едва ли не важнейшим механизмом властвования.

В целом обобщение процессов модернизации дало возможность выделить определенные типы «осовременивания» в переходных странах. В частности, в науке выделяются: **консервативная реформа** (предполагавшая сохранение господства прежнего режима путем его адаптации к новым условиям); **пактирование** (свидетельствовавшее о реформировании путем достижения компромисса между элитой и контрэлитой); **реформа снизу** (означавшая смену режима в результате давления масс или контрэлит, но без силовых стратегий); **социальная революция** (выражавшая смену режима при использовании контрэлитами и населением силовых стратегий); **навязанный переход** (означавший смену власти в результате конфронтации режима с контрэлитой, но при отсутствии мобилизации масс).

Развернутую этапизацию переходных преобразований дали Г. О’Доннел, Ф. Шмиттер, А. Пшеворский и некоторые другие ученые, обосновавшие наличие следующих этапов переходных преобразований:

- **либерализации** (характеризующийся обострением противоречий в авторитарных и тоталитарных режимах и началом размышления их политических основ, возникновением кризиса идентичности, падением авторитета теряющей эффективность власти, выявлением изъянов институциональной системы правящего режима, обострением разногласий между сторонниками демократии и правящими кругами, нарастанием активности общественных движений и усилением оппозиции и как следствие — установлением «дозированной демократии», началом широкой

дискуссии по вопросам демократизации, формированием новых правил «политической игры»);

- **демократизации** (отличающейся институциональными изменениями в сфере власти, вживлением демократических институтов (выборов, партий) и соответствующих ценностей в политическую систему, стимуляцией общественных инициатив и формированием основ гражданского общества. Это время поиска «политического синтеза», при котором традиционные институты власти сочетают свои действия с универсальными приемами и методами государственного управления. Для успешного реформирования государств необходимо достичь *трех* основных консенсусов между этими двумя группами: относительно прошлого развития общества (дабы избежать «охоты на ведьм»); по поводу установления первостепенных целей общественного развития; по определению правил «политической игры» правящего режима¹. Итоговым документом, ставящим черту под этим этапом, является демократическая конституция);
- **консолидации демократии** (в процессе которой осуществляются мероприятия, обеспечивающие необратимость демократических преобразований в стране. Это выражается в обеспечении лояльности основных акторов (оппозиции, армии, предпринимателей, широких слоев населения) по отношению к демократическим целям и ценностям, в процессе децентрализации власти, осуществлении муниципальной реформы. Как считает английский ученый М. Гарретон, критериями необратимости демократии являются: превращение государства в гаранта демократического обновления и его демилитаризация; автономность общественных движений и трансформация партийной системы; быстрый экономический рост повышение уровня жизни населения; рост политической активности граждан, приверженных целям демократии).

3. Современный этап развития теории модернизации

Основные тенденции развития «современных» государств

В 1980–1990-х гг. стали выявляться новые исторические факторы и тенденции в переходных преобразованиях, существенно повлиявшие на понимание путей и методов «поздней» модернизации и перехода к современности в условиях постиндустриального развития (постмодерна) и становящегося информационного общества.

¹ См.: Хенкин С. «Три консенсуса» на пути к демократии // Полис. 1993. № 3. С. 189.

С одной стороны, глобальный процесс движения мирового сообщества к индустриальной (постиндустриальной) фазе своей эволюции развивался в тесной связи с расширением экономического сотрудничества и торговли между странами, распространением научных достижений и передовых технологий, постоянным совершенствованием коммуникаций, ростом образования, урбанизацией. За счет режимов «молодых демократий» (или так называемой «третьей волны демократии», развертывающейся в мире с 1974 г. — года установления демократического режима в Португалии) усилилось влияние целей и ценностей либерализма. В полной мере проявился и потенциал «демонстрационного эффекта», символизирующего позитивное отношение элитарных и неэлитарных слоев населения во многих странах к опыту Запада, к существующим там стандартам жизни, сложившимся отношениям государства и личности. Во многом благодаря этому цели «модерна» стали восприниматься как сугубо западное явление.

С другой стороны, в странах первичной модернизации начался ряд процессов, качественно повлиявших на динамику критериев «модерна» и стандартов отношения к этому процессу. В частности, в западных странах значительно повысилась роль постматериальных (непотребительских) ориентаций, возникли устойчивые тенденции усиления идейного и культурного плюрализма, заявила о себе глобальная открытость этих обществ новым идеям и ценностям, информационная революция. Последствия данных процессов известны: крушение многих устоявшихся ценностных стандартов, нарастание стилевого и культурного разнообразия в образе жизни, ревизия былых форм рационального отношения к действительности.

Формирующиеся элементы культурной эклектики и атмосфера поощрения разнообразия наряду с позитивными последствиями преобразований стали провоцировать критику традиционных для западных обществ социальных и политических стандартов; пересмотр отношения к законам в сторону большей индивидуальной свободы; более критической оценки роли государства, якобы излишне формализующего человеческие отношения и стесняющего индивидуальные потребности. В конце концов все это привело к падению былого авторитета интеллектуалов и возрастанию значения чисто технических средств общения (компьютеров, сети Интернет, ТВ) и ориентации человека в социуме. В этих условиях политика в глазах общественного мнения стала все больше превращаться в элемент массовой культуры, разновидность стандартного развлечения, утрачивая в общественном мнении значение мощнейшего перераспределительного механизма.

Такие внутрисоциальные изменения дополнялись складыванием неких глобальных тенденций, свидетельствующих, по мнению Э. Г. Идденса, о возникновении в этой части мира постдефицитной экономики,

о возрастании политического участия непрофессионалов в делах управления обществом (через экологические, демократические, трудовые движения), о демилитаризации международных отношений и гуманизации технологии. Сочетание этих тенденций дало ученым основание сделать вывод, что входящие в фазу постмодерна общества отличаются высоким уровнем риска, включающим и возможность экономического коллапса, и рост тоталитарной власти, и возникновение ядерных конфликтов, и ухудшение экологической ситуации. Их будущее стало предельно открытым и недетерминированным. «И никакие силы Провидения, — писал Гидденс, — не вмешаются, чтобы спасти нас... Апокалипсис стал банальностью <...> нашей ежедневной жизни... подобно всем параметрам риска, он может стать реальностью»¹.

Эти признаки цивилизационного кризиса западного общества усложнили и изменили отношение к опыту модернизированных стран со стороны государств и обществ с еще сильными патриархальными позициями: не решив пока многих задач классического «модерна», эти страны оказались перед испытанием новыми целями и ценностями.

Такие изменения не могли не сказаться и на полемике относительно перспектив развития переходных обществ. Ввиду крайней противоречивости целей, ориентиров и альтернатив перехода в науке возобладали более сложные подходы к пониманию перспектив и динамики переходных обществ. Стали появляться оценки идущих преобразований как «модернизации в обход модернити» (А. Турен), множиться надежды на возможности использования транснациональных финансово-экономических центров — «ворот в глобальный мир», особые цивилизационные пути развития. В целом «переход» (транзит) к современности стал видится еще более противоречивым, неравновесным, эклектичным и локально организованным процессом, чем ранее. Понимание неосуществимости «линейной» версии модернизации предопределило ее трансформацию в положения **транзитологии** — отрасли знания, исключающей какие-либо ценностные и целевые критерии при описании реформирования переходных обществ и сделавшей акцент на описании **методов и средств** этих преобразований. Эта форма знаний стала формироваться с учетом идей постмодернистов, не деливших мир на современный и архаичный и настаивавших на наличии универсальных ценностей и технологически привлекательных образцов для подражания. Впрочем, в это же время в науке проявилась и неомодернистская тенденция (Э. Тирьякян, Дж. Александер), попытавшаяся связать переходные трансформации с глобализмом как новой версией демократизации мира и господства свободного рынка, требовавшей, по их мнению, признания универсальных тенденций общественного развития.

¹ Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990. P. 173.

В русле этих трендов и на основе сложившихся реалий — применительно к оценке внутренних механизмов и перспектив развития традиционных государств — снова разгорелся спор сторонников *демократии* и *авторитаризма*. Приверженцы либеральных позиций стали рассматривать демократию уже не как цель, а как непереносимое условие осуществления переходных преобразований. Обосновывая позитивность ориентации на демократию и ее последовательного развития, они ссылаются на тот факт, что в середине 1990-х гг. из 24 государств с наиболее высокими среднедушевыми доходами 20 были демократическими государствами. Факторами усиления демократических целей развития они считают и кризис легитимности авторитарных систем, беспрецедентный рост мировой экономики в 1960–1980-х гг., окончание «холодной войны» и проигрыш в ней тоталитарных государств, а также несомненный авторитет экономических достижений западных стран.

По мнению сторонников либеральных преобразований, в любых переходных условиях рост экономического развития формирует у людей новые ценности, которые в конечном счете так или иначе эволюционируют к демократическим принципам и идеалам. Эту же перспективу отражают и такие факты, как повышение уровня образования населения, развитие мирового рынка торговли, укрепление в обществе позиций средних слоев, политика международных институтов. Решение же тех проблем, которые возникают в связи с необходимостью конкретных структурных преобразований, относилось ими к качеству элитарных слоев, овладению ими консенсусными технологиями и к процессу формирования политической воли, т. е. тех проблем, которые решаются за счет отбора соответствующих руководителей.

В то же время, оставаясь реалистами, они признавали наличие не столько авторитарных тенденций, сколько «искушений», которые вызываются объективными обстоятельствами (но которые могут быть устранены чисто субъективными методами). Как пишет, например, А. Пшеворский, «шум несогласных голосов, задержки, вызываемые обязательствами следовать процедурам, ...неотвратимо порождают нетерпение и нетерпимость в среде сторонников реформ. Сомнения, противодействия, настаивание на процедурах кажутся им симптомами иррациональности». Поэтому они «...обнаруживают склонность вести дело вопреки народному сопротивлению: ...подавить гласность, чтобы продолжать перестройку. А с другой стороны, поскольку бедствия сохраняются, доверие исчезает, управление кажется все менее компетентным, постольку рождается соблазн... сделать все прямолинейно, одним броском, прекратить перебранку, заменить политику администрированием, анархию дисциплиной, делать все рационально...»¹.

¹ *Przeworski A. Democracy and the Market. Political and Economic Reform in Eastern Europe and Latin America. N.Y., 1997. P. 187, 194.*

В противоположность либералам консерваторы полагают, что произошедшие в мире изменения, напротив, усиливают перспективы авторитаризма. Это вызвано тем, что усиление влияния цивилизационных факторов в переходных преобразованиях способствует нарастанию политических форм защиты собственных ценностей и ведет к столкновению с Западом и его моделью модернизации. При этом реально большинство стран продолжает жить при авторитарных режимах, когда отсутствие сильных классов, способных задать демократические ориентиры, и социальная гетерогенность неизменно способствуют усилению роли авторитарного центра. Поэтому ни одно молодое государство не способно решить конфликт между укреплением демократии и экономическим ростом. Вынужденные вкладывать средства в структурную перестройку экономики, а не в потребление, демократические режимы проигрывают борьбу за симпатии населения и тем самым снижают свою легитимность. Поэтому, считают консерваторы, мир находится на границе эпохи отката демократий, когда оказывается возможным установление этнических, религиозно-фундаменталистских, популистских, коммунистических и прочих диктатур. Поэтому в современных условиях развивающимся государствам необходима «ориентация на устойчивое развитие», а не на демократию.

**Особенности модернизации
современного российского
общества**

Осуществляя переходные преобразования, российское общество по-своему решает возникающие проблемы, дает собственные ответы на вызовы

времени. Несмотря на существенные изменения в политическом курсе страны с начала нынешнего века, можно сказать, что характер и темпы проводимых в стране преобразований непосредственно зависят от решения обществом основных конфликтов и противоречий модернизации.

В настоящее время существует немало попыток дать обобщенную характеристику российским преобразованиям: одни ученые относят наше общество к разновидности «гибридной демократии», другие видят в нем очертания «плебисцитарного авторитаризма», третьи усматривают суть происходящего в реализации модели «суверенной демократии», четвертые вообще полагают, что страна миновала переходный этап своей эволюции, и т.д.

Оставаясь на почве реализма, следует видеть, что российское общество все еще пребывает в переходной стадии своей эволюции. Это доказывает наличие в отечественном социуме структурных факторов нестабильности (высокого уровня социального размежевания, неравенства прав и возможностей для претендующих на власть групп, серьезных деформаций в механизмах представительства гражданских интересов).

и т.д.), сохранение возможностей попятных движений в области реформирования страны, нерешенность ряда универсальных противоречий этого типа развития. Так, к **универсальным**, типичным для переходной стадии конфликтам относится **кризис идентичности**, свидетельствующий о непрекращающемся поиске широкими слоями населения базовых духовных ориентиров, определяющих осознание людьми своего места в обществе, связей с государством, других понятий, позиционирующих граждан в отечественной политике. Наличие протестных настроений в обществе, распространение националистических, а равно и конформистских представлений показывает незавершенность этого массового процесса.

Существенными последствиями для процесса преобразований обладает и решение **кризиса распределения культурных и материальных благ**, отражающего качественное изменение стандартов и способов потребления на фоне радикального расслоения общества, сохранения качественных разрывов в области материального благосостояния. Характерен для России и **кризис участия**, демонстрирующий неадекватность институциональных возможностей политической системы складывающемуся балансу политических сил, неспособность властей поддерживать справедливые правила политической конкуренции, применять правовые механизмы выхода из конфликтных ситуаций, неспособность выдвигания ценностей, способных интегрировать государство и общество.

Тесно связано с кризисом участия и противоречие между **дифференциацией ролей** в политической системе, **императивами равенства** граждан (на участие в политике, в перераспределении ресурсов) и **возможностями власти к интеграции социума**. Для решения данного круга проблем, отражающих нарушения прав групп и граждан в политической сфере, правящий режим должен акцентировать внимание на правовых способах решения (имущественных, национальных и пр.) конфликтов, соблюдении равенства всех граждан перед законом, пресечении коррупции в государственном аппарате, противодействии политической преступности.

Существенное значение для перспектив отечественного развития имеет и разрешение **кризиса «проникновения»**, свидетельствующего о невозможности правящих кругов (в том числе высших органов государственной власти) в полном объеме реализовывать свои решения в различных сферах общественной жизни. Выстроенная в последние годы так называемая «вертикаль власти» резко усилила административные методы влияния органов власти и управления, подорвав, однако, собственно политические технологии согласования (с регионами, общественным мнением) и принятия решений. Как показал опыт демократических стран, успех решения этого типа конфликтов предполагает исключение попыток со стороны государства решать общественные зада-

чи путем административно-принудительного, силового «продавливания» решений, размывания правовых границ политического дискурса с оппонентами, за счет сползания к массовому использованию манипулятивных и теневых технологий в управлении государством.

Непосредственное влияние на ход общественных преобразований оказывает и **кризис легитимности**, выражающийся в рассогласовании целей и ценностей правящего режима с представлениями различных категорий граждан о необходимых формах и средствах политического регулирования, нормах справедливого правления и с другими ценностями массового сознания. Основой позитивного решения связанных с этим кризисом проблем является строительство социально-экономических и политических отношений, отвечающих интересам всех сегментов сложноорганизованного общества, исключая дискриминацию людей по признакам пола, этнонациональной принадлежности, наличию оппозиционных политических представлений. Подлинная интеграция общества и власти должна исключать искусственное раздувание противоборства с внешним (или внутренним) противником, стимуляцию псевдопатриотических чувств, конформизма, гражданского самопожертвования.

Помимо урегулирования универсальных кризисов модернизации российское общество сталкивается и с решением проблем, имеющих специфически-национальный характер. В частности, речь идет о различных **контрмодернистских** тенденциях в виде распространения националистических, имперских, этатистских и некоторых иных моделей развития российского общества. Отсутствие должного сопротивления такого рода идеям ослабляет созидательный потенциал общественных преобразований, снижает возможности позиционирования России в мировом пространстве. Это особенно заметно при решении ряда противоречий **постиндустриального** характера, которые затрагивают механизмы применения современных информационных технологий, область трансграничных коммуникаций, отношений с зарубежными партнерами.

Коротко говоря, сохраняющаяся в обществе конфликтность, изъяны в области политической конкуренции и попытки монополизации власти, непоследовательность шагов в реформировании многих общественных секторов и существенное влияние на ход преобразований традиционалистской политической культуры сохраняют российское общество в поле переходных преобразований. Как свидетельствует мировой опыт, успешное решение задач этой исторической фазы находится на путях последовательной демократизации общества, справедливого распределения ресурсов, активизации гражданского самосознания, расширения прав людей на участие в общественном созидании.

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

1. Сущность и специфика мировой политики

Особенности мировых политических процессов

Политические отношения на мировом уровне обладают существенной спецификой. Будучи высшим уровнем функционирования политического пространства и сохраняя тем самым многие универсальные черты этой области жизни, мировая политика отличается набором весьма своеобразных характеристик.

Исторически особый облик мировой политики стал складываться по мере возникновения и развития государств (и межгосударственных отношений), которые не только оформили сложившиеся к тому времени контакты между различными этносами и народностями, но и стали постепенно формировать внешние отношения друг с другом. Действуя за рамками собственных границ, в которых они обладали полным внутренним суверенитетом, государства должны были решать и целый ряд дополнительных задач: установить и поддерживать контроль за деятельностью на своей территории иностранных сил и структур, усложнявших достижение стабильности; отражать угрозы своей целостности и безопасности; учиться согласовывать интересы с более сильными противниками; пополнять ресурсы, несмотря на сопротивление своим императивным стремлениям, и т.д. Безраздельные владыки в собственном государстве постепенно учились налаживать отношения с не менее коварными и грозными властителями в других державах.

Постепенно создавались и развивались такие механизмы взаимодействия государств на международной арене, как союзничество и конфронтация, протекторат (покровительство) и партнерство и т. п., которые выстраивали особую логику межгосударственных связей и отношений. Впоследствии на мировой арене стали активно проявлять себя и внесоциальные образования: бизнес-корпорации и ТНК, международные неправительственные организации, общественные движения и пр. В ходе длительной истории их взаимодействия и сформировалась специфическая конфигурация внешнеполитической сферы как *самостоятельной* области политики, по-своему преломляющей ее общие черты и свойства, демонстрирующей специфические источники своих изменений и развития.

В целом специфичность международных политических процессов проявляется прежде всего в том, что в этой области политики *не существует единого легитимного центра принуждения*, единого источника

власти, который обладал бы непререкаемым авторитетом для всех участников этих связей и отношений. Если в области внутренней политики государства в основном опираются на законы и нормы, то в сфере отношений с другими обладателями внутреннего суверенитета им приходится ориентироваться в основном на собственные интересы и находящиеся в их распоряжении механизмы локального принуждения, способствующие их реализации.

Как относительно самостоятельная область политических отношений международная сфера политики регулируется *различными* нормами. Главным ее собственно политическим регулятором является складывающийся баланс сил между государствами (блоками государств), подчиняющими свою деятельность по реализации национальных интересов на международной арене. В этом смысле стоящие перед государствами цели нередко влекут за собой одностороннюю трактовку ими норм международного права, провоцируют отклонения и нарушения от соответствующей системы требований. Даже в настоящее время, с учетом всего положительного опыта сотрудничества государств в рамках ООН и иных, региональных систем международного сотрудничества (ОБСЕ), можно говорить об ограниченных возможностях международного права в деле регулирования отношений государств, не только имеющих различные интересы, но и обладающих несоизмеримыми ресурсами для их обеспечения. Как показывает практический опыт, эффективность правовых регуляторов зависит не столько от политической поддержки институтов международного права, сколько от влияния обладающих мощными экономическими или военными ресурсами конкретных стран.

Однако, несмотря на приоритеты собственно политических структур и механизмов в регулировании международной сферы, здесь сохраняются *определенные* возможности как для правовых, так и для нравственных регуляторов. В середине 1970-х гг. в Хельсинки (Финляндия) в заключительном акте СБСЕ были сформулированы принципы современных международных отношений, которые включали в себя: признание суверенного равенства государств; нерушимость установленных границ; принцип неприменения силы или угрозы силы в межгосударственных отношениях; признание территориальной целостности государств; мирное урегулирование споров; невмешательство во внутренние дела других государств; уважение прав человека и основных свобод; равноправие и право народов распоряжаться собственной судьбой; необходимость сотрудничества между государствами и добросовестного выполнения обязательств по международному праву.

Выполнимость сформулированных принципов и их реальная поддержка европейскими государствами обусловлены их соответствием долгосрочным интересам всех государств, стремящихся к обеспечению

собственной безопасности. Прошедшее после подписания Хельсинкского акта время показало, что европейское сообщество в целом поддерживало и практически ориентировалось на данные принципы. Соответственно изменились и этические стандарты в сторону осуждения агрессии, территориальной экспансии, нарушения прав человека.

Однако изменение границ в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в связи с «бархатными революциями» в Восточной Европе, приведшими к власти новые политические силы, и распадом СССР существенно видоизменило баланс сил в мире. В результате западные государства, объединенные в блок НАТО, предложили миру критерии урегулирования международных политических отношений на основе собственных идеологических стандартов и приоритетов. Выступая от лица «мирового сообщества», эти государства оформили данные притязания в концепции *транснационализма*, предусматривающей и оправдывающей их вмешательство в дела суверенных государств не только в случае проведения ими экспансионистской политики, но и нарушения норм и принципов прав человека, применения вооруженной силы против мирного населения внутри страны.

Несмотря на стремление выдвинуть в качестве правовых оснований международной политики более гуманистические требования, способные остановить наиболее разрушительные для человека действия государств как на международной арене, так и по отношению к собственным народам, такие действия встретили решительное противодействие со стороны целой группы государств. Многие страны были не согласны не столько с содержательной стороной политико-правовых требований, сколько с тем, что право на соответствующие оценки государственной политики было явочным порядком присвоено совершенно определенной группой стран, проигнорировавших тем самым сложившиеся международные институты, способные более взвешенно проводить подобную политику. Однако, получив практическое выражение в попытках НАТО урегулировать этнический конфликт в Косово (а затем и обеспечить суверенитет этого края), такая линия поведения на мировой арене практически возвестила о сломе сложившейся системы международного права.

Плюрализм государственных суверенитетов и многообразие стратегий политических акторов делает межгосударственные отношения достаточно *непредсказуемыми*, а мировую политику явлением весьма *хаотичным*. В такой атмосфере ни одно государство не способно постоянно сохранять четко выраженные и неизменные позиции по отношению друг к другу, находясь, к примеру, с кем-либо в постоянной конфронтации или в столь же устойчивых союзнических отношениях. Не случайно в этой политической области бытует неписаное правило: «у государства нет друзей и врагов, а есть только неизменные интересы».

В то же время, благодаря наличию государств, не только различающихся, но и близких друг другу по своему политическому весу, строению экономических отношений или территориальному расположению, что так или иначе способствует установлению между ними более устойчивых связей, в сфере международной политики одновременно складываются системы международных отношений различного уровня. Например, в настоящее время в мире сложились тесные межгосударственные отношения между семью наиболее развитыми странами — США, Англией, Канадой, Германией, Японией, Италией и Францией, оказывающими наиболее существенное влияние на состояние мировых экономических связей. Кроме того, сформировались различные международные системы регионального характера в Юго-Восточной Азии, Африке и других районах мира. Как правило, в этих международных системах формируются различные конфигурации в отношениях между государствами, не исключающие установления временных иерархий, отношений доминирования или равноправия и т.д.

Наличие такого рода международных систем показывает и то, что взаимодействия разнообразных и разнорядковых субъектов международной политики всегда отличает различная плотность складывающихся отношений, неодинаковая насыщенность политических контактов и связей. Например, постоянные отношения союзников или стран, вовлеченных в устойчивые торгово-экономические связи друг с другом, соседствуют с непостоянными, спорадически возникающими отношениями между другими государствами, формирующими зону как бы разреженных международных контактов. Страны же, вообще не поддерживающие отношений друг с другом, и вовсе создают вакуум в зоне мировой политики. Таким образом, сфера международных отношений представляет собой область *неравновесных* и *неравномерных* политических взаимодействий.

Как показывает практика, в последние десятилетия несбалансированность отношений в лоне мировой политики возрастает в связи с тем, что на международную арену помимо государств вышли и иные *самостоятельные* субъекты: различные социальные (национальные, конфессиональные, демографические и пр.) группы интересов, налаживающие самостоятельные отношения со своими сторонниками за рубежом; международные организации, регулирующие те или иные отношения между политическими субъектами; транснациональные компании, ведущие экономическую деятельность в различных государствах; разнообразные корпоративные структуры (СМИ, неправительственные организации, туристические фирмы, террористические группировки и т.д.) и даже отдельные лица (в частности, бывшие политики, играющие посреднические роли в урегулировании конфликтов). Благодаря современной системе международного права даже рядовой гражданин может высту-

пить оппонентом своих властей, предъявить претензии другим государствам или международным организациям.

Сложность и неоднозначность отношений участников мировой политики обусловлены также тем, что их поведение в данной сфере инициируется самыми разными и неоднозначными причинами. Так, для отдельных государств такими источниками их поведения, как правило, всегда являются одновременно действующие: **внутриполитические** (обусловленные отношениями власти и общества), **локальные** (выражающие, к примеру, соображения региональной безопасности) и **глобальные** изменения (в частности, экологический кризис, распространение терроризма и др.). На уровне **отдельных организаций** (корпораций) или **индивидов** мотивация участия в мировой политике еще более усложняется.

Динамика мотивов и установок участия в мировых политических процессах сочетается с постоянным изменением действующих в них стандартов и ценностей безопасности, эволюцией норм международного права, морально-этических стереотипов, оправдывающих достижение государствами внешнеполитических целей, и т. д. Нередко меняется и соотношение внутри- и внешнеполитических приоритетов граждан. Например, в отдельных странах люди иногда боятся собственных правительств больше, чем иностранного вторжения, больше доверяют не собственным политикам, а международным организациям и структурам.

Теоретический дискурс о мировой политике

Теоретическое исследование международных политических процессов имеет богатую историю. В качестве первых попыток объяснения сложных взаимоотношений между государствами можно назвать «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида (V в. до н.э.), размышления Цицерона о «справедливых войнах», ведущихся против вторгшегося в страну врага, многочисленные хроники действий различных правителей и т. д. Долгое время в политической мысли центральное место занимали вопросы войны и мира, нередко рассматривавшиеся в качестве главных орудий революционной трансформации мира, построения нового мирового порядка, изменения баланса сил и т. д.

В XX — начале XXI в. теоретические дискуссии о природе и специфических характеристиках мировой политики велись и ведутся в основном между **реалистами** и **либералами (идеалистами)**, **традиционалистами** и **модернистами**, **государственниками** и **глобалистами**, **неомарксистами** и сторонниками **постмодернизма**. В чем же суть расхождений между ними и представляемыми ими школами и направлениями?

Реалисты (Дж. Кеннан, Дж. Болл, У. Ростоу, З. Бжезинский и др.) исходили из того, что основным и естественным стремлением всякого государства служит реализация национальных интересов, в свою очередь, подразумевающих применение силы для обеспечения суверенитета и безопасности. С этих позиций международная политика представляется как поле борьбы суверенных государств, ориентированных на национальные интересы и потому борющихся за достижение тех целей, которые постоянно находятся в сфере их внимания. К ним относится прежде всего достижение безопасности, поскольку из-за отсутствия верховного арбитра в международных отношениях каждое государство вынуждено главное внимание уделять собственной защите. Следовательно, каждое государство, соперничая с другим, обязано стремиться к созданию такого баланса сил, которое выступало бы в качестве сдерживающего механизма в условиях конкуренции, силового противостояния и при котором это государство может получить превосходство, гарантирующее ему безопасность. Логика такого взаимодействия требовала создания коалиций, блоков, союзов, которые способствовали бы умножению силы и, соответственно, решению входящими в них государствами своих задач.

По мнению реалистов, ориентируясь на защиту своих интересов, государства не могут руководствоваться альтруистическими принципами и пренебрегать своими потребностями ради той или иной жертвы агрессии. Любые морально-этические и даже нормативные установления для государства должны рассматриваться им не иначе, как средства ограничения его суверенитета. При этом признается, что любые средства достижения цели — убеждения, шантаж, сила, торговля, дипломатия и т. д. — изначально оправданы, если умножают могущество государства и создают возможность решения поставленных задач. В то же время главными ценностями поведения государств на международной арене должны быть осторожность и ответственность при принятии решений.

Иными словами, квинтэссенцией такой линии поведения государств на мировой арене выступала формула прусского генерала XIX в. К. фон Клаузевица «хочешь мира — готовься к войне». Правда, теоретическим отцом политического реализма принято считать американского ученого Г. Моргентау (1904–1980). В книге «Политические отношения между нациями: борьба за влияние и мир» (1948) он попытался обосновать идею о том, что власть, которую он связывал с неизменностью человеческой природы, является основой поведения государства на мировой арене. «Международная политика, — писал Моргентау, — подобно любой политике, есть борьба за власть. Какие бы конечные цели ни преследовались в международной политике, непосредственной целью всегда является власть»¹.

¹ *Morgenthau H. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. N.Y., 1978. P. 29.*

При таком подходе идея власти концентрировалась в понятии интереса, а «концепция интереса», определенного с помощью термина «сила», позволила выяснить сущность как внутренней, так и внешней политики государства. Поэтому, по мнению Моргентау, интерес всегда должен господствовать над любыми, даже самыми привлекательными абстрактными идеями. (Характерно, что он признавал и наличие неких всеобщих интересов в мировой политике, которые не могут достигаться какой-то одной нацией без ущерба для другой.) Так что только такая *рациональная* политика способна увеличить выгоды государства и минимизировать риск при их получении. Высшими добродетелями объявлялись способность правителей к учету последствий политических действий и благоразумие.

Либералы (идеалисты) (Д. Перкинс, В. Дин, У. Липпман, Т. Кук, Т. Мюррей и др.), напротив, рассматривали мировую политику с помощью правовых и этических категорий, ориентируясь на создание *нормативных* моделей мировых политических отношений. В основе их убеждений лежал отказ от признания силовых и военных средств как важнейших регуляторов межгосударственных отношений. Предпочтение же полностью отдавалось системе и институтам международного права. Вместо баланса сил идеалисты предлагали другой механизм урегулирования межгосударственных отношений, а именно — механизм коллективной безопасности, в свою очередь, предполагающей проведение государствами политики открытости, сотрудничества и демократизации межгосударственных связей. Эта идея базировалась на том соображении, что все государства имеют общую цель — мир и всеобщую безопасность, поскольку нестабильность силового баланса сил и войны причиняют государствам огромный ущерб, ведут к бессмысленной трате ресурсов. Агрессия же даже одного государства против другого приносит ущерб всем. (Интересно, что убежденность в такого рода подходах позволяла их сторонникам буквально за несколько месяцев до начала Первой мировой войны говорить о ее невозможности в силу сложившейся финансово-экономической зависимости государств.)

В 1918 г. американский президент В. Вильсон, сформулировав 14 пунктов послевоенного урегулирования, практически концептуализировал взгляды идеалистов. В частности, в качестве основных механизмов урегулирования мировых политических отношений он предложил: проведение открытых мирных переговоров; обеспечение гарантий свободы торговли в мирное и военное время; сокращение национальных вооружений до минимального достаточного уровня, совместимого с национальной безопасностью; свободное и основанное на принципе государственного суверенитета беспристрастное разрешение всех споров международными организациями.

Тогда практически впервые была озвучена идея создания системы коллективной безопасности в мире. Предполагалось, что арбитром межгосударственных споров станет международный политический орган, наделенный исключительным правом принимать решения о коллективном наказании агрессора. Однако сформированная тогда Лига Наций, олицетворявшая собой устремления людей к справедливости, порядку и миру, не смогла предотвратить агрессию СССР против Финляндии, Италии против Эфиопии и ряд других военных конфликтов. Бессильной оказалась она и в предотвращении Второй мировой войны.

**Теоретические дискуссии
о мировой политике
во второй половине XX —
начале XXI в.**

В послевоенное время в науке на первый план вышла дискуссия модернистов и традиционалистов. Те и другие пытались выработать более систематизированные представления о меж-

дународных политических отношениях. При этом **модернисты** (М. Кап-лан, Р. Норт, Р. Снайдер, Г. Алиссон и др.), которые рассматривали национальные государства в качестве самостоятельных властных систем, испытывающих влияние со стороны других субъектов, основное внимание уделяли моделированию их действий на мировой арене. В их исследованиях основной акцент делался на изучении процедур и механизмов принятия решений, на описании поведения различных сегментов правящих элит и правительств, разработке технологий бюрократических компромиссов и других компонентах выработки внешней политики государств. Учет влияния даже малейших акторов, принимавших участие в разработке внешнеполитического курса, позволял им моделировать конкретные системы международных отношений, составлять прогнозы взаимодействия государств на различных политических уровнях.

В свою очередь, **традиционалисты** (Р. Мейер и др.) акцентировали внимание на необходимости учета влияния тех действующих на внешнюю политику факторов, которые транслируют характерные для конкретных стран традиции и обычаи, выражают особенности личностного поведения политиков, роль массовых и групповых ценностей и т. д.

Дискуссия о значении различных компонентов внешнеполитической деятельности государств постепенно сменилась спором ученых о том, осталось ли государство центральным элементом в мировой политике или интеграционные процессы преобразовали эту сферу в качественно иное, взаимозависимое и взаимосвязанное мировое сообщество.

Так называемые **государственники** (К. Дойч, К. Уолтц и др.) полагали, что, несмотря на все перемены, государства остались центральными субъектами мировой политики, изменились лишь формы отношения между ними. Поэтому и природа сферы мировой политики оста-

лась той же: ее насыщают прежде всего внешнеполитические действия государств, руководствующихся принципом реализма, силового сдерживания конкурентов и достижения устраивающего их внешнюю политику баланса сил. К. Уолтц даже ставил под сомнение тезис о взаимозависимости государств в современном мире, которая, как он считал, возрастает лишь на уровне отдельных корпораций и фирм, но не государств. По его мнению, великие державы в настоящее время менее зависимы от партнеров, чем в начале XX в. При этом растет политическая роль финансовых и экономических центров в мире, влияние которых также не укладывается в формулу взаимозависимости государств. Их роль в мировой политике только затемняет неравенство стран, их реальные и будущие возможности. Поэтому разговоры о взаимозависимости мира только идеализируют перспективы международного сообщества, ориентируя его на абстрактные цели и идеи.

В противоположность государственным **глобалисты** (Э. Хаас, Д. Пучала, Л. Линдберг и др.), своеобразно продолжая линию идеализма, настаивали на снижении роли национальных государств в мире. По их мнению, современные изменения в сфере транспорта, связи, информации сделали национальное государство неэффективным орудием достижения собственной безопасности и обеспечения благосостояния своих граждан. Спрессованность мировых отношений, «сжатие мира» (О. Янг) явились наиболее адекватным отражением динамики современных международных отношений. Жизнь показала, что многие проблемы не имеют чисто национальных решений даже для крупных государств, предполагая тем самым кооперацию, сотрудничество и объединение ресурсов различных государств. К таким проблемам глобалисты относили многие проблемы охраны окружающей среды, формирования трудовых ресурсов, предотвращения гуманитарных катастроф, народонаселения, использования космоса, борьбу с терроризмом и др. Объективная потребность в кооперации действий сближает страны и народы. Свою роль в таком сближении играет и получившая общую признательность деятельность ООН, ОБСЕ и других организаций, которые внесли упорядоченность во многие международные процессы, приучили многие страны действовать в духе норм международного права, создали определенные традиции, привили элитарным кругам во многих странах мира определенные этические принципы и стандарты. Все это, по мысли глобалистов, способствовало созданию надежных предпосылок для формирования более управляемого мирового порядка, повышения контроля над проблемами безопасности, усиления интеграции.

Своеобразное видение мировой политики предлагают и **неомарксисты** (И. Валлерстайн, А. Франк и др.), которые оценивают ее содержание через призму экономического неравенства богатых («Север») и бедных («Юг») стран. Концептуальное изложение этого противоречия дает%

ся ими в *мир-системной* теории, предполагающей наличие государств с высоко развитой экономикой (составляющих *ядро* капиталистической мир-системы), а также менее развитых и потому находящихся на *полупериферии и периферии* мирового политико-экономического пространства. При таком положении государства, имеющие более высокий жизненный уровень своих граждан, доминируют над остальными и стремятся к установлению своей гегемонии, а последние пытаются улучшить свои позиции. Оценивая таким образом сущность межгосударственных взаимоотношений на мировой арене, неомарксисты не только рассматривают динамику мировых политических отношений как противоборство менее развитых стран экономическому принуждению новой формы капитализма, но и пытаются показать пути преодоления сложившегося неравенства и оптимизации мировых коммуникаций.

В отличие от столь определенного взгляда на мировую политику **постмодернисты** (Дж. Дерридан, К. Сёландер и др.) занимают менее очерченную позицию, прежде всего высказывая скепсис относительно рациональных методов познания этой сложной системы взаимоотношений. Тем самым они протестуют против неоправданных, по их мнению, теоретических упрощений и чрезмерной схематизации мировой политики. Пытаясь расширить исходные основания такого анализа и одновременно сблизить теоретические конструкции с практикой мирополитических отношений, сторонники этого направления включают в свой анализ философские категории («справедливости», «ценностей» и пр.), персональная трактовка которых должна, по их мнению, отразить реальные мотивации действующих в мировом пространстве акторов. Приоритет таких широких идейных оснований заставляет постмодернистов с сомнением относиться к наличию любых универсальных структур (в том числе к государству его национальным интересам). Опираясь на такие послышки, ряд ученых (А. Вендт) рассматривают мир как социальный конструкт, постоянно изменяющуюся совокупность явлений, воплощающих разнообразные смыслы действующих здесь акторов. Таким образом, конструируемый при помощи различных языков политический мир может быть отражен при исследовании множественных текстов, отражающих как замыслы его разнообразных авторов, так и их поведенческие формы.

В настоящее время сложность современных политических процессов на мировой арене, переплетение разнообразных тенденций и традиций постепенно привели многих ученых к убеждению в том, что в рамках того или иного теоретического направления очень трудно интегрировать достижения различных противоборствующих школ. Более того, практика постоянно обгоняет теоретическую рефлекссию. Такое положение заставило многих представителей политической науки обратиться к социологическим конструкциям, более «свободным от односторонних

теоретических предпочтений» и открывающим «более плодотворные пути к использованию накопленных знаний», всей совокупности методологических приемов, включая в себя традиционные и инновационные способы истолкования этой сложнейшей области мира политики¹. Постепенно у ученых формируется и общее представление о том, что угрозы и вызовы, с которыми сталкивается мир, могут быть устранены лишь на совместной основе, при условии объединения усилий разных стран и народов.

2. Геополитика

Возникновение и сущность геополитики

Существенный вклад в развитие теории мировой политики и международных отношений внесли сторонники

геополитических идей (которые по своей методологии относятся к разновидности рационалистических теорий). Геополитики предложили целый ряд соображений, раскрывающих зависимость внешней политики государств от факторов, позволяющих им контролировать определенные географические пространства. Ранее уже говорилось, что в истории политической мысли идеи о влиянии географической среды на общество развивались еще Гиппократом, Аристотелем, Платоном. Французские мыслители Ж. Боден (XVI в.) и Ш. Монтескье (XVIII в.) многие свои работы посвятили анализу влияния климата на политическое поведение людей, укрепив тем самым эту исследовательскую тенденцию. Однако как самостоятельное направление в теории международных отношений геополитика сложилась лишь в конце XIX — начале XX столетия. В 1900 г. шведский ученый Р. Челлен (1864–1922), попытавшийся рассмотреть государство в качестве особого географического организма, сформулировал и сам термин «геополитика», характеризовавший одно из направлений его политических действий. Однако от всей его теории, обозначившей круг специфических проблем, с которыми сталкивалось в этом отношении государство, остался только соответствующий термин, им стали обозначать ту область исследований, которая описывала государство в качестве «географического организма или феномена пространства».

В целом геополитика, показывавшая органическую взаимосвязь пространственных отношений и исторической причинности действий государств, хорошо вписывалась в сложившуюся к тому времени теорию международной политики, базировавшуюся на ценностях «суверенитета», «территории», «безопасности государств». И это неудивительно, ибо многочисленные факты действий Римской империи, Золотой

¹ Глобальные социальные и политические перемены в мире. М., 1997. С. 43–44.

Орды, Британской и других мировых империй, менявших по своему усмотрению облик целых континентов, убедительно демонстрировали приоритет ресурсов, позволявших им навязывать свой императив другим государствам и контролировать значительные территории («географические пространства»).

В то же время через геополитические построения в науку стало интенсивно проникать понятие «естественно-исторические законы», идеи социал-дарвинизма, органицизма и географического фатализма, вытеснявшие человека из объяснения причин политических изменений на международной арене и абсолютизовавшие влияние географической среды на силовые отношения в мировой политике.

В целом же под влиянием такого рода представлений ведущее место в теоретическом объяснении природы и тенденций развития международной политики стали занимать идеи сохранения и расширения границ, выхода государств к морю, контроля правительств над собственными территориями и навязывания воли соседним государствам. В интерпретациях межгосударственных отношений стали оперировать категориями «континентального могущества», нескончаемого противодействия сухопутных и морских держав, а смысловым ядром внешнеполитических связей стали ценности территориального расширения государств, обоснование средств и путей раздела и передела ими мирового пространства.

Классические геополитические теории

Наиболее заметный вклад в формирование и развитие геополитики в тот период внесли английские, немецкие и американские теоретики. Свой след в развитии этого научного направления оставили и россияне, в частности, Н. Данилевский («Россия и Европа», 1869), С. Трубецкой («Европа и человечество», 1921), Г. Трубецкой («Россия как великая держава», 1910), Е. Трубецкой («Война и мировая задача России», 1917) и ряд других ученых, исследовавших в своих работах соотношение исторического и географического начал в политическом процессе, раскрывших особенности отечественного стратегического мышления на международной арене, показавших связи национального и государственных интересов с ценностями русского народа.

Наиболее заметным событием в геополитических изысканиях явились идеи английского ученого Х. Макиндера (1869–1947), который в работах «Физические основы политической географии» (1890) и «Географическая ось истории» (1904) сформулировал концепцию «Хартленда», оказавшую существенное влияние на всю последующую историю геополитики. По его мнению, часть суши, искусственно разделенная на Азию, Африку и Европу, представляет собой «мировой остров», являющийся «естественным местоположением силы». Его сердцевину состав-

ляла в то время Российская империя с частью прилегающих территорий Казахстана, Узбекистана и некоторых других стран, которые были отделены от стран «внутреннего полумесяца» (куда входили государства Евразийского континента, не принадлежащие к его материковой части) и «внешнего полумесяца» (Австралия, Америка и ряд других государств). Эта «срединная земля», или Хартленд (Евразия), не проникаемая для влияния морских империй, и представляла собой «ось мировой политики». А тот, кто, согласно Макиндеру, контролировал Хартленд, контролировал и «мировой остров» и, следовательно, весь мир.

Подобные идеи закрепляли преимущество сухопутных держав в сложившемся мировом балансе сил по отношению к морским и приокеаническим государствам. Однако такое положение последних должно было побуждать их к ослаблению могущества стран, контролирующих Хартленд, препятствуя, в частности, их выходу к морю и объединению наиболее крупных государств на данной территории (в частности, Германии и России), способствуя дроблению государств на этом пространстве и созданию противостоящих им блоков и коалиций.

Помимо обоснования таких глобальных геополитических раскладов Макиндер сформулировал и положение о том, что в будущем расстановку политических сил в мире может существенно изменить развитие технологий, которые способны активно видоизменять физическую среду. Поэтому решающее мировое влияние должно сохраниться за теми странами, которые поощряют изобретательство и технический прогресс, а также способны наиболее оптимально организовать для этого и всю общественную систему.

Ряд немецких ученых, в частности Ф. Ратцель (1844–1901) и К. Хаусхофер (1868–1945), предложили собственное видение геополитических реалий той эпохи, существенно отличающееся от воззрений представителя Великобритании, мечтавшего о возвышении былого величия «владычицы морей». Так, Ратцель в работе «Политическая география» (1897) сформулировал ряд положений, легших впоследствии в обоснование экспансионистских стремлений Германии, превратившейся из аграрной в промышленную державу. Рассматривая государство как действующий по биологическим законам организм, чьи жизненно значимые компоненты определяются «положением страны, пространством и границей», он полагал, что условием сохранения его жизнестойкости является наращивание политической мощи, суть которой состоит в территориальной экспансии и расширении «жизненного пространства». Поэтому немецкие политики должны развивать у себя «дар колонизации» ради обретения страной былого могущества.

Взяв за основу идею расширения жизненного пространства, которая должна гарантировать государство от автаркии и зависимости от соседей, Хаусхофер попытался обосновать мысль, что завоевание

новых территорий и обретение таким путем свободы и есть показатель величия государства. Важнейшим же способом территориально-го распространения своего могущества он признавал поглощение мелких государств более крупными. Именно на этих идеях мюнхенского профессора руководство гитлеровской Германии разрабатывало свои «геополитические оси» наступления на соседние государства и создания Третьего рейха. Характерно, что, по мнению Хаусхофера, «ни континентальная, ни морская сила поодиночке не создадут мировую державу», поэтому ее «создание зависит от комбинации этих двух факторов»¹.

Существенной новацией в геополитических построениях Хаусхофера можно считать выдвинутое им положение, согласно которому доминирующее положение в мире могут занять только державы, способные продуцировать некие «панидеи», в частности, американскую, азиатскую, русскую, тихоокеанскую, исламистскую и европейскую. Именно такое духовное обрамление придает территориальным притязаниям государств должную силу и оправдывает их действия.

Геополитические идеи середины—конца XX в.

К середине XX столетия в условиях территориально поделенного мира акценты в геополитических доктринах в

основном сместились на обеспечение безопасности как для отдельных государств, так и для мира в целом. Собственный взгляд на геополитические перспективы «законченного мира» выдвинул американский ученый Н. Спайкман (1893–1944), который исходил из того, что глобальная безопасность в мире может быть обеспечена за счет контроля за «материковой каймой», т.е. прибрежными государствами Европы и Азии, расположенными между материковой сердцевиной и морями. Это пространство представляло, по его мнению, зону постоянного конфликта между континентальными и морскими державами. И тот, кто будет контролировать этот *римленд* (побережье), тот будет осуществлять и контроль над Евразией и всем миром.

Будучи ярким сторонником расширения американского влияния в мире, Спайкман развил концепцию доминирования на мировой арене «океанических» держав. Он утверждал, что потребность в построении системы глобальной безопасности в мире поставила эти страны, и в первую очередь США, перед необходимостью решения прежде всего технологических задач (например, создания военных баз наземного базирования на материковой части суши, всестороннего развития транспортных коммуникаций, дающих возможность своевременно перемещать людей и ресурсы), которые, как предполагалось, и позволят создавать

¹ Цит. по: Андрианова Т. В. Геополитические теории XX в. М., 1996. С. 65.

сдерживающий «обруч» вокруг материковой сердцевины в целях полноценного контроля за соответствующим пространством. По сути дела Спайкман старался не просто обосновать лидирующую роль США в послевоенном устройстве мира, но и стал первым теоретиком, сконструировавшим геополитическую концепцию поведения этой сверхдержавы на международной арене.

Однако развитие мира после Второй мировой войны внесло существенные коррективы в геополитические проекты. «Холодная война», развитие новых информационных технологий, транспортных коммуникаций, а главное — появление в арсеналах некоторых государств ядерного оружия (особенно космического базирования) по существу стерли разницу между сухопутными и морскими державами. В таких условиях уже не работал принцип уменьшения влияния военной и политической силы государства по мере удаления от его территории. Кроме того, стала ярко проявляться *регионализация* сотрудничества различных государств. В связи с этим некоторые ученые стали рассматривать международные отношения как многослойные геополитические процессы.

Так, С. Коэн выделял в послевоенном мире «геостратегические регионы» мирового масштаба (представленные морскими державами и странами евразийско-континентального мира), между которыми существовали «зыбкие пояса» (их составляли страны Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии), а также более мелкие «геополитические районы» (которые образовывали отдельные большие страны в совокупности с рядом более мелких государств). В этом ансамбле международных отношений различной сложности, по его мнению, и стали выкристаллизовываться глобальные политические системы — США, прибрежная Европа, СССР и Китай. Данные процессы отражали тенденции к формированию блоковых систем, государств и коалиций, способных к наиболее мощному влиянию в мировой политике.

Крупный вклад в развитие геополитических идей внес Дж. Розенау, выдвинувший концепцию о том, что мир глобальной политики стал складываться из двух взаимопересекающихся миров: во-первых, полицентричного мира «акторов вне суверенитета», в котором наряду с государствами стали действовать разнообразные корпоративные структуры и даже отдельные лица и который стал способствовать созданию новых связей и отношений в мировой политике; а во-вторых, традиционной структуры мирового сообщества, где главное положение занимают национальные государства. Пересечение этих двух миров демонстрирует рассредоточение властных ресурсов, возникновение противоборствующих тенденций, например: нарастание способностей индивида к анализу политического мира сочетается с крайним усложнением политиче-

ских взаимосвязей, эрозия традиционных авторитетов соседствует с усилением роли цивилизационных начал в обосновании политики государств, поиск идентичности идет наряду с постоянной переориентацией политических лояльностей и т. д. В то же время признанными, по мнению Розенау, факторами стали в этом мире децентрализация международных связей и отношений, а главное — размывание понятия «сила» и, как следствие, изменение содержания и смысла понятия «угроза безопасности».

В 60–80-х гг. XX столетия геополитические теории практически не использовались для обоснования и объяснения новых географических конфигураций, для расширения сфер влияния и экспансии представителей двух враждовавших блоков. «Политика железного кулака», проводившаяся США во Вьетнаме и других районах мира, или агрессия СССР в Афганистане обосновывались в основном идеологическими положениями. И только с середины 1980-х гг. (в основном в американской науке) стали вновь конструироваться геополитические обоснования внешнеполитических действий.

В современных условиях трактовки геополитических принципов получили новое развитие, они значительно обогатились. Так, С. Хантингтон рассматривает в качестве источника геополитических конфликтов спор цивилизаций. Концепция «золотого миллиарда», согласно которой блага цивилизации смогут достаться только ограниченному числу людей в силу нехватки мировых ресурсов, прогнозирует обострение межгосударственных конфликтов из-за ресурсов и территории, делая при этом акцент на необходимости создания благополучными государствами искусственных препятствий в отношениях с менее развитыми странами. Наряду с такими конфронтационными прогнозами ряд политиков и теоретиков предлагают «бесполярную» трактовку мира, основанного на всеобщей гармонии и сотрудничестве государств, выдвигают модели типа «общеευропейского дома», подразумевающие создание системы коллективной безопасности государств и народов, существующих во взаимосвязанном, безъядерном и взаимозависимом мире.

Существенные изменения происходят и в трактовке самих геополитических принципов, которые чем дальше, тем больше учитывают идеи экономического влияния государств, расширения роли межкультурных связей между народами. Таким образом, в своих современных вариантах геополитика включает в себя разнообразные *геоэкономические* и *геокультурные* модели, объясняющие динамику и перспективы межгосударственных и мирополитических отношений. Принципы геополитики стали также распространяться и за рамки международных отношений, используя свои объяснительные возможности для анализа

внутриполитических процессов. Тем самым в фокусе политических исследований попадают проблемы взаимоотношений Центра и периферии, влияния районирования населения на электоральные процессы, проблемы административно-государственного устройства нацменьшинств и др.

3. Современные тенденции развития мировой политики

Новейшие тенденции развития мировой политики

Исторический рубеж II и III тысячелетий знаменует собой ряд существенных изменений в развитии международных политических процессов. Окончание «холодной войны», расширение численности стран, развивающихся в рамках «третьей волны демократизации», повышение авторитета ООН и других международных организаций существенно изменили международный климат, сделав его более благоприятным для межгосударственного сотрудничества, расширения влияния норм и принципов гуманизма, упрочения культуры мира.

Однако произошедшие политические изменения сняли только часть противоречий между восточными и западными странами, ближневосточными государствами и некоторыми другими державами, длительное время находившимися в состоянии конфликта. Расширение числа стран, обладающих ядерным оружием и космическими средствами его доставки, превратило некоторые регионы в источник потенциальной угрозы для всего мира.

Современная мировая политика стала ареной обостряющейся борьбы *глобального* и *внутриполитических* начал. С одной стороны, на мировой арене последовательно уменьшается роль национальных государств. При этом не просто растет их зависимость от международного сообщества в плане решения проблем, требующих соединения усилий многих государств, или при решении крупных международных конфликтов, предполагающих выработку интегрированных позиций, но и от политики группы наиболее развитых и мощных в экономическом и военном отношениях стран и их военно-политических союзов.

Под влиянием интеграционных факторов в мире активно формируются предпосылки для дальнейшего сплочения национальных государств, создания более гуманистического мирового порядка, постепенного складывания глобального гражданского общества, утверждения норм и принципов культуры мира в отношениях между народами. Все больше государств переносят акценты сотрудничества из военной сферы в финансовую и экономическую области. Практическими резуль-

татами таких интеграционных связей уже сегодня можно назвать: подрыв монопольного положения великих держав как единоличных вершителей судеб мира; постепенно нарастающую демократизацию международного сотрудничества, подразумевающую увеличение доступа населения к информации и вовлечение в принятие касающихся их решений; реальное углубление сотрудничества стран в рамках объединенной Европы, ряд центростремительных тенденций внутри СНГ.

С другой стороны, расширение ресурсной базы отдельных государств, действие норм международного права, способствующих соблюдению их равноправия на мировой арене, усиление влияния цивилизационных факторов на внешнюю политику правительств и некоторые другие причины, напротив, обуславливают укрепление позиций национальных правительств в лоне мировой политики. Такие тенденции, укрепляющие роль различных политических и культурных центров влияния в международной сфере, усиление их самодостаточности, постепенное складывание глобального гражданского общества, в конечном счете ведут к формированию логики развития **многополярного** мира.

Вместе с тем под влиянием этих же тенденций отдельные государства (коалиции государств) стремятся заявить на мировой арене свои интересы и цели в авторитарной манере, пытаются диктовать другим странам свою волю и навязывать им свои интересы. Угрозы такой авторитарной политики возрождают *имперские, неототалитарные* тенденции в мировой политике, заставляя интерпретировать международные отношения в старой стилистике биполярного мира, действиях «мировых жандармов». В результате многополярность как принцип организации мирового порядка начинает подвергаться серьезным испытаниям, трансформируясь в ряде случаев в конфигурацию **монополярного** мира, основанного на диктате отдельных участников международных отношений.

В рамках этой тенденции развиваются идеи «глобального лидерства» и «демократического надзора» за деятельностью отдельных государств, контролируемого «выборочного вовлечения» стран в глобальную экономику, реализуются стратегии в отношении стран, произвольно отнесенных к «оси зла», совершаются агрессии против независимых стран (например, США в Ираке). Оценивая эти и иные подобные факты, ряд ученых даже говорит о создании «всемирной империи» (М. Хардт, А. Негри), обладающей «прерывистым суверенитетом» и распространяющей свое влияние на основные районы мира.

В то же время, как показывает опыт, тенденции формирования как многополярного, так и однополярного мира *одновременно* несут в себе и положительные последствия для мирового сообщества, и таят множественные угрозы. К примеру, даже привлекающая многих многополярность мирового сообщества не способна избавить мир от агрессивных устремлений не только крупных держав, но и стран «второго эшелона»

по отношению к своим соседям. Такого же рода последствия способно усилить и отсутствие мирового лидерства, призванного выполнять функции сдерживания агрессивных поползновений различных стран и нарушений норм международного права. Впрочем, та форма, в которой существует это лидерство сегодня (в виде стремления США к усилению своих позиций в мире в качестве единственной сверхдержавы), вызывает протесты большинства стран мира и не может служить оздоровлению мировых и региональных процессов. Одним словом, в мировой политике невозможно существование однозначно положительных и столь же определенных отрицательных тенденций.

По этой причине и модели единого «мирового правительства», и мирового порядка, организованного по типу «общеевропейского дома» (предполагающего равноуровневую специализацию и интеграцию стран и регионов), а равно и все иные теории способны отразить только отдельные аспекты и тенденции развития мировой политики. Всеобъемлющей же конструкции, которая была бы способна объяснить и связать воедино все процессы в лоне мировой политики, не существует. В целом можно сказать только то, что постоянно идущее изменение баланса мировых политических сил должно препятствовать усилению напряженности в мире, а естественное лидерство наиболее развитых государств должно сочетаться с усилением их ответственности перед мировым сообществом.

Как следствие такой противоречивости мировой политики в современном мире существенно изменилось понимание *силы* и *безопасности*. Причем не только в теоретическом, но и в прикладном смысле. В частности, усиление разносторонности межгосударственных отношений в сфере обмена технологиями, информационных обменов или транспорта, предусматривающих собственные правила игры и баланс ресурсов, превращает понятие силы в характеристику как преимуществ, так и уязвимости отдельных стран. В соответствии с этим и понятие безопасности стало выявлять не только большую зависимость от позиций иных государств, но и свою внутреннюю структурированность. В настоящее время ученые говорят о наличии следующих компонентов государственной безопасности на мировой арене:

- **политических**, предполагающих действия государства по сохранению национального суверенитета и недопущение ущемления другими странами своих жизненных интересов. Сегодня такие действия предусматривают меры, направленные на: повышение доверия к конкретному государству; обеспечение определенной прозрачности (транспарентности) своего поведения во внешней сфере (например, за счет взаимного информирования государств о перемещении своих войск вблизи их границ, приглашения на учения зарубежных наблюдателей, усиления гласности, откры-

тости в освещении внутренней политики и т.д.); на кооперацию и интеграцию усилий с другими государствами для решения международных (региональных) конфликтов на основе международного права; переход на принцип достаточности вооружений и исключение угроз применения средств массового поражения; активизацию миротворчества;

- **экономических**, направленных на усиление совместных межгосударственных действий, кооперацию и интеграцию с другими странами при реализации социально-экономических и гуманитарных программ. Это прежде всего предусматривает переход государства к мерам обеспечения устойчивого социально-экономического развития, ограничения ущерба среде рационального хозяйствования, более органичного встраивания в систему мирохозяйственных связей, соблюдения общих правил экономического сотрудничества;
- **гуманитарных**, предполагающих действия, направленные на объединение народов, наций и культур в единое сообщество. При этом предусматривается, что сообщество будет ориентироваться на гуманистические ценности, на соблюдение права человека жить в соответствии с тем пониманием свободы, которое принято в его конкретном обществе, на оказание гуманитарной помощи страждущим, борьбу с терроризмом и наркотиками;
- **экологических**, предусматривающих действия государства по сохранению окружающей среды как основы существования настоящих и будущих поколений, укреплению оснований жизни человека во всем их многообразии, закреплению отношения к природе как к объекту эстетического характера.

Сложный и многообразный мир международной политики качественно расширил *число политических субъектов* на мировой арене. Деятельность международных организаций, культурные и туристические обмены, механизмы народной дипломатии, укрепляющей отношения между народами, и другие формы деятельности придают международным политическим процессам новый, еще более содержательный характер, делают их многообразными. Конечно, не все из них пронизаны гуманистическим и демократическим началами. Многие современные международные процессы строятся на основе усиления лояльности людей к авторитарным государствам, стимулируют рост расизма и шовинизма, настроения превосходства и гегемонизма, опасности и уязвимости людей в политическом мире.

Неуклонное расширение субъектов международной политики влечет за собой и *разрастание мотиваций поведения* во внешнеполитической сфере. Сила, престиж, выживание, усиление контроля над ресурса-

ми, освобождение от действительной или мнимой гегемонии, мифы, цинизм и многое другое становятся источниками постоянных и прогнозируемых подвижек в мировой политике.

Складывающийся единый, пронизанный противоречиями глобальный мир сегодня — это еще далеко *не однородный* социум. В нем постоянно возрастает роль локальных источников напряженности, а как следствие, растет и цена региональных конфликтов. Опыт международных отношений показывает, что некоторые стандарты и клише традиционно понимаемой рациональной внешней политики государств становятся сегодня просто неприемлемыми. Об ограниченности ориентации государств и блоков преимущественно на собственные, прежде всего военные, ресурсы свидетельствовало применение атомного оружия в Хиросиме и Нагасаки, которое явилось «кульминацией традиционной рациональности в отношениях между нациями», показавшей, к каким разрушительным последствиям может привести «здравый смысл государственного могущества»¹.

Реальность современных международных отношений предполагает первостепенную ориентацию государств на *правовые* нормы и регуляторы внешнеполитических связей. Одновременно нуждается в качественном обновлении и система международного права, требуются изменения структуры ООН и других международных организаций в соответствии с произошедшими изменениями и целями гуманизации и демократизации мировой политики.

Особенности современной внешнеполитической стратегии России

Изменения в мировой политике после окончания «холодной войны», а равно и начавшаяся в стране демократизация поставили Россию в положение

страны, которая должна заново определить свое место в мировой политике, выявить те приоритеты своей внешнеполитической деятельности, которые определяют ее роль и влияние на мировой арене. Выработка же такой стратегии и тактики определяется не только перспективными планами обновления страны, она в полной мере испытывает на себе влияние политических традиций, массовых и элитарных стереотипов, современных внешнеполитических отношений.

В настоящее время можно говорить о трех основных направлениях (путях, вариантах) выработки Россией своей линии поведения на международной арене. **Первый вариант** выбора внешнеполитической стратегии связан с попытками сохранения статуса великой державы и продолжения прежней экспансионистской политики, направленной на

¹ Бус К. Вызов незнанию: Теория международных отношений перед лицом будущего // Международные отношения: Социологические подходы. М., 1998. С. 310.

расширение зоны политического влияния и контроля над другими государствами. Несмотря на несбыточность такого рода альтернативы, можно констатировать наличие в стране определенных ресурсов и политических сил для ее воплощения. Прежде всего такая политика возможна на основе угрозы использования государством своего военного, прежде всего атомного, потенциала, воплощения определенных амбиций части политического руководства, а также непреодоленных массовых стереотипов (антизападнических, шовинистических и др.).

Второй путь предполагает обретение Россией статуса региональной державы. В одном случае ее влияние может основываться по преимуществу на факторах силового давления на соседние государства и по сути дела повторять логику поведения «сверхдержавы» в локальном политическом пространстве. При другом варианте завоевание политического влияния страной может основываться на налаживании ею равноправных и взаимовыгодных отношений с соседями, отказе от военных и силовых угроз по отношению к ним и сознательным уходом от вовлечения в мировые конфликты и противоречия.

Третий путь предполагает, что Россия может занимать сугубо прагматическую внешнеполитическую позицию, основанную на принципиальной равноудаленности от тех или иных блоков сил и прагматическом сближении или отдалении от конкретных коалиций и государств. Тем самым ее общегосударственные интересы будут формироваться на внеидеологической основе, видоизменяясь в зависимости от конкретной складывающейся ситуации. При таком подходе к внешнеполитическим задачам страна сможет сделать упор на решение экономических и других внутренних проблем.

В реальной политической деятельности государства переплетаются элементы каждой из трех возможных стратегий, и каждая из них предполагает непереносимое решение задач, связанных с выработкой принципиальных отношений как минимум к трем группам своих внешнеполитических контрагентов: своим союзникам, Западу и странам «третьего мира».

При разработке внешнеполитической стратегии важно сохранить органическое единство принципов формирования внешней и внутренней политики государства. Иными словами, государство должно предусматривать наличие *единых* стандартов, регулирующих отношения со всеми этими группами стран. Поэтому, борясь с авторитарными тенденциями Запада, Россия не должна сама допускать такого рода действия по отношению к соседним странам; осуждая проявления национализма и фашизма в сфере международных отношений, столь же решительно бороться с ними внутри страны; требуя открытости от своих конкурентов, должна столь же гласно освещать свои действия в стране и на международной арене.

НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ПОЛИТИКИ

1. Понятие неинституциональной сферы политики

Природа и сущность неинституциональной сферы политики

Как известно, в сфере политики люди ориентируются не только на нормативные, предписанные институтами власти образцы мышления и поведения. Источником их активности выступает значительно более широкий круг идей и воззрений, чувств и стереотипов, а также иных духовных явлений, которые — наряду и вместе с политическими нормами — опосредуют все формы политического поведения.

Такая совокупность чувственных и теоретических, ценностных и нормативных, рациональных и подсознательных представлений человека, опосредующих взаимоотношения людей как в рамках институтов власти, так и за границами их предписаний, представляет собой **неинституциональную сферу политики**.

Иными словами, неинституциональная сфера политики включает в себя *все идеальные* (духовные) компоненты человеческого поведения, которые обеспечивают адаптацию людей к механизмам власти, выполнение ими политических функций, разнообразные поисковые и экспериментальные формы участия.

Идеальная природа неинституциональной сферы политики демонстрирует, что политика была и остается для человека открытым полем интерпретаций происходящих там событий, не сводимых к одним лишь разумным и рациональным формам отображения. С другой стороны, признание системообразующей роли идеального показывает, что все изменения в деятельности органов власти и управления, налаживании межпартийных отношений и других политических процессов так или иначе обусловлены субъективными позициями элитарных и неэлитарных слоев. Разнообразие подвижных и изменчивых человеческих взглядов формирует разнонаправленные политические процессы (в том числе и отклоняющиеся от принятых в обществе норм и правил взаимодействия с властью), ту стереологику политических взаимодействий, которая представляет многообразный поток человеческой жизни в публичной сфере. Эта генетическая зависимость политики от форм сознания превращает ее в непрерывный процесс опредмечивания идей и представлений (воплощения определенных взглядов и представлений в поступках человека, функциях институтов) и их распредмечивания (от-

ражения политических явлений в определенных оценках, доктринах, воззрениях).

В самом общем виде неинституциональные элементы выполняет три важнейших функции: **когнитивную** (отражающую потребности общества в постоянном обновлении знаний для выполнения и модификации политических субъектов); **коммуникативную** (обеспечивающую взаимодействие политических акторов) и **поведенческую** (способствующую формированию практических форм участия человека в публичной сфере).

Глубинным основанием всех задействованных в политике мотивов и стереотипов, чувств и воззрений человека является **символ**. Он представляет собой такой идейно-образный элемент человеческого сознания, который придает окружающим явлениям разнообразные значения и смыслы, способствующие его ориентации в мире власти, налаживанию коммуникаций с другими людьми, выработке определенных отношений к публичным нормам и целям. Таким образом, природа у неинституциональной сферы идеальная, а сущность — символическая.

Различные этапы исторической эволюции общества неразрывно связаны и с различными *способами* образования символической картины мира политики. Так, на начальных стадиях человеческой истории доминирующим способом образования символов был **миф**, представляющий собой наивную, основанную на вере и интуиции, дологическую форму олицетворения политической среды. В силу этого складывавшиеся у человека крайне упрощенные и одновременно фантазийные представления о политических событиях раскрывали их смысл как результат противостояния злых и добрых сил, героев и злодеев и т. д. По сути такой же алгоритм образования символической картины мира политики предлагала и **религия**. Однако эта форма символизации вводила в человеческое сознание еще и идейное противостояние верующих и еретиков, носителей истинных убеждений и заблудших, погрязших в ереси и грехах. Это признание идейно-ценностного разлома в политической жизни в дальнейшем переняла **идеологическая** форма символизации. Однако здесь это противостояние «наших» и «ненаших» опиралось на применение абстрактно-теоретических форм отражения действительности (а не на свойственную религиозно-мифологическому мышлению веру), что, в свою очередь, отражало противостояние позиций различных групп населения, каждая из которых обладала собственными интересами и, следовательно, особым видением власти. Идеологические символы формировались, как правило, специальными группами людей (идеологами), чей авторитет способствовал присоединению рядовых граждан к этим символическим конструкциям.

В современную эпоху, когда групповые интересы в меньшей степени влияют на восприятие индивидом политики, а транснационные ин-

формационные потоки создают исключительно богатую картину происходящего в этой сфере, в обществе становится все больше людей, ориентирующихся не на систематизированные, а на выборочные и индивидуальные представления о власти. В условиях же развития политического рынка, где кандидаты в депутаты, партии и другие политические явления представляют собой те или иные предназначенные «для продажи» товары, основным ориентиром такого восприятия публичных явлений становится *имидж* (искусственно создаваемая форма явлений). Таким образом, символические образы человека начинают формироваться на основе применения разнообразных методов политической рекламы, PR, информационного лоббизма и других, создающих публичные образы «продаваемых» на политическом рынке товаров. Такое положение дел позволяет в качестве современного метода образования символической картины мира политики называть **политическую рекламистику**, обобщенно отражающую особые приемы конструирования публичных имиджей власти.

В силу того что в современном мире сосуществуют различные формы политического взаимодействия, а разные категории и группы населения по-своему — с учетом собственного уровня развития и включенности в публичную сферу — встраиваются в политическую жизнь, следует подчеркнуть, что все формы образования политических символов существуют в обществе одновременно. Не существует и какой-то единой, например, восходящей — от примитивных к более развитым формам — логики символизации. В этом плане все зависит от состояния сознания конкретных личностей и групп.

Структура неинституциональной сферы

Неинституциональные компоненты, присутствуя в различных видах политической деятельности, внутренне структурируются, разделяясь на различные составляющие. Так, вся совокупность идеальных представлений может дифференцироваться с точки зрения достоверности отражения реальной действительности. Эта **гносеологическая** (когнитивная) структура представляет все неинституциональные компоненты как формы *политического сознания*, т.е. те воззрения, которые создают у людей либо истинные, либо ложные представления о действительности, свидетельствуют о заблуждениях политического интеллекта или силе его проникновения в глубины политики, соотношении утопического и научного типов мышления и т.д.

Отражая различные требования к формам политического отражения, в науке сложились две точки зрения на этот счет. Так, сторонники *бихевиорального* подхода рассматривают политическое сознание как форму рационального мышления человека, т.е. ту совокупность его

представлений, которую он использует при осуществлении своих ролей и функций в сфере власти. Иными словами, с этой точки зрения политическое сознание предстает как спроецированное на политику рациональное мышление человека. При таком подходе отсутствуют какие-либо специальные требования к выработке человеком своих позиций, оценок политических событий. А следовательно, снимается и проблема формирования политического сознания.

Второй, *аксиологический*, подход относится к политическому сознанию как к определенному уровню социального мышления. С этой точки зрения суть его состоит в способности людей вычленять свои групповые интересы, сопоставлять их с другими групповыми потребностями, а также видеть пути и способы использования государства для решения задач по их реализации. Таким образом, политическое сознание понимается как тот уровень представлений, на который человек может подняться для оптимизации своего политического участия и выполнения необходимых функций в сфере власти. При этом в рамках такого подхода можно выделить и *предполитическое* (потестарное, от лат. *potestas* — власть) сознание, представляющее собой разновидность моралистского и утопического мышления, которое не дает человеку возможности осознавать ограничения политических методов борьбы (аследовательно, провоцирует болезненные этнофобии, агрессивность, апатию и бунтарство), относить себя к сторонникам различных политических движений.

Учитывая качественные очертания политического сознания, обычно говорят и о специальных методах его формирования и развития. К ним чаще всего относятся методы, способствующие критическому осмыслению людьми социальной действительности, обобщению и постепенной рационализации чувственных представлений о власти; приемы осознания целей партийных и массовых политических движений, присоединения к уже сформированным оценкам и нормам политического процесса; способы эмоционального приобщения к вере в справедливость тех или иных политических идеалов.

При этом следует учитывать, что политическое сознание не может быть выработано исключительно «книжным путем», без вступления человека в реальные политические отношения. Политическое мышление — не логическая, не умозрительная форма мышления. Его развитие зависит не столько от приращения специальных знаний, сколько от разнообразия форм политического участия граждан в реальных процессах политической конкуренции. Поэтому сужение возможностей для участия граждан в отправлении власти омертвляет политическое сознание и одновременно способствует деградации механизмов власти.

Принципиальным показателем неинституциональной сферы является и ее **оценочная** структура, отражающая духовные явления с точки

зрения их приемлемости или неприемлемости для политического актора. Иначе говоря, в данной структуре политические представления интерпретируются как разнообразные суждения и оценки, которые воплощают те или иные ценностные приоритеты, предпочтениями, убеждения и идеалы людей. Поэтому одни и те же институты, нормы, процессы и другие политические явления одним человеком (например, представителем демократического мировоззрения) могут оцениваться положительно, а другим (исповедующим противоположные идеалы и принципы) отрицательно.

Наиболее важной, характеризующей неинституциональные элементы с точки зрения занимаемого ими места и роли в процессе практического поведения человека, является ее **социологическая** (функциональная) структура. В рамках данной структуры, с одной стороны, описываются разные формы индивидуального, группового или массового сознания, а с другой — процесс перемещения человеческого сознания в сферу практики (т.е. преобразования идеалов, принципов, доктрин и пр. в поведенческие нормы, установки, мотивы поведения). В качестве наиболее широких неинституциональных элементов обычно рассматриваются *политическая идеология* и *политическая психология*, каждая из которых играет в политической жизни важную, чрезвычайно сложную и специфическую роль.

2. Сущность и функции политической идеологии

Понятие политической идеологии

Политическая идеология представляет собой одну из наиболее влиятельных форм политического сознания, воздействующую на содержание властных отношений, то орудие «духовного княжения» (Макиавелли) определенной группы, которое задает направленность деятельности государства и других важнейших институтов власти.

Со времени появления термина «идеология» (его ввел французский философ эпохи позднего Просвещения Антуан Дестют де Трасси) в науке сложились различные взгляды на это явление. Так, В. Парето рассматривал общественные (политические) идеологии как интеллектуальные системы, которые являются «языками чувств» и лишь оформляют побудительные мотивы человеческого поведения. В этом смысле идеология суть лишь ловкий словесный покров, оболочка, которая придает теоретическую форму человеческим эмоциям. Основоположник теории идеологии К. Маркс видел в ней прежде всего форму иллюзорного сознания, вызванную противоречиями общественного бытия, и в первую очередь производственных отношений. Современник Маркса немецкий философ К. Манхейм понимал идеологию как систему «добровольной

мистификации», в шкале представлений которой содержатся приемы «от сознательной лжи до полуинстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана»¹. Однако большее внимание он уделял ее функциональным характеристикам и, в частности, способности к сплочению людей, аккумуляции их политической энергии. В противоположность таким идеям Д. Истон, А. Конноли и некоторые другие ученые делали упор на ее не эмоциональном, а ценностном содержании. Ряд современных ученых, в частности Т. Ван Дейк, рассматривают идеологию как совокупность убеждений, по которым в обществе достигнут консенсус, в соответствии с чем у людей складываются соответствующие ментальности; М.Фриден относится к идеологии как к спору конкурирующих между собой конструктов, раскрывающих базовые понятия «справедливость», «свобода» и пр.; К. Гирц связывает идеологию с символической структурой социального действия и т.д.

По-разному оценивается и *роль* политической идеологии в обществе, причем оценки располагаются в весьма широком диапазоне: от ее характеристики как замкнутой на себя «служанки власти», не имеющей связи с реальностью и потому не обладающей сколько-нибудь серьезным весом в политике, до признания ее открытой к изменениям, гибко адаптирующейся идейной системы, пронизывающей все политическое пространство. Так, если П. Рикерт вслед за неомаккиавеллистами гиперболизировал значение политической идеологии, рассматривая даже формы эстетического и религиозного сознания как специфические формы ее проявления, то У. Матц считает, что идеология выдвигается на политическую авансцену только во время серьезных политических кризисов². В то же время Ю. Хабермас полагает, что, в силу невозможности вычленения в настоящее время специфических «классовых миров», место идеологии занимает «массовая культура».

Американский теоретик Л. Саджент полагал, что идеология, вырабатывая определенные цели и ценности политического развития, в то же время огрубляет решение практических проблем. Его соотечественник Ф. Уоткинс утверждал, что идеология всегда противостоит статусу и является политическим фактором, сохраняющим значительный преобразующий потенциал. Более дифференцированное представление об идеологии предложил Г. Лассуэлл, рассматривавший ее как разновидность коммуникации, направленной на поддержание политического сообщества как такового. В этом смысле она, по его мнению, включает в себя следующие элементы, направленные на общественное сознание: политические доктрины, политическую формулу (перечень

¹ Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1996. С. 56.

² Матц У. Идеологии как детерминанты политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1–2. С. 134.

основных положений конституции) и политическую миранду (легенды, мифы, церемонии и т.д.).

Приведенные выше взгляды показывают явную перегруженность понятия «идеология» различными смыслами, попытками ее включения в самые разные связи и отношения, причем не только политического характера.

Однако, учитывая тот факт, что идеология призвана выполнять в политической сфере совершенно определенные функции, **политическую идеологию** можно было бы определить как совокупность относительно систематизированных представлений (доктринального типа), оправдывающих притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование), и направленную на подчинение собственным идеям и целям широких социальных аудиторий.

Иными словами, политическая идеология представляет собой разновидность корпоративного сознания, отражающего групповую точку зрения на ход политического и социального развития общества (и отличающегося предвзятостью оценок и даже склонностью к духовному экспансионизму). Идеология представляет строго определенную символическую картину мира, предлагающую людям собственную форму культурной идентификации и особый язык поддержания взаимной коммуникации.

Как средство идейного обеспечения групповых интересов политическая идеология является по преимуществу инструментом *элитарных* слоев, которые с ее помощью консолидируют групповые объединения граждан, обеспечивают связь с низами, выстраивают определенную последовательность действий в политическом пространстве. Именно от тактики и компетентности элит зависит степень идейного оформления тех или иных групповых интересов.

Выступая средством идейного воплощения интересов группы, идеология схематизирует и потому в определенной степени огрубляет действительность. Созданный таким способом образ групповых целей и ценностей может быть использован для примитивизации политических представлений граждан, манипулирования и даже обмана населения. Но в целом позитивная направленность такой схематизации состоит в том, чтобы зафиксировать определенные критерии оценки политической реальности, создать нормативно-символическую модель восприятия мира политики, превратив сложную ситуацию политической динамики в простую и понятную для обычного человека. Поэтому с помощью идеологий политические цели группы символизируются и получают индивидуальные значения, а политические действия приобретают конкретную направленность. В результате снижается стихийность восприятия политики и хаотичность политического взаимодействия в группе. Не случайно К. Дейч называл идеологию «картой действительности».

Таким образом, через идеологию канализируются массовые эмоции, чувства протеста или солидарности, негодования или поддержки. Сопровождая процесс агрегирования и артикуляции, идеология концептуализирует представления людей о политической ситуации, встраивает эти оценки в их общую картину мира, стремится сделать понятными политические изменения. Посредством идеологии люди обогащают свои индивидуальные воззрения общегрупповыми представлениями о «родине», «чувстве долга», других коллективных верованиях.

Без идеологии в общественном и индивидуальном сознании нарастают тенденции к упрощению и примитивизации политической действительности. Вместо игры интересов, сложной взаимосвязи сил и позиций люди видят карнавал, театр абсурда, в котором политики собирают друг на друга компроматы, говорят малопонятные слова, совершают бессмысленные поступки. В таком случае эмоции наполняют коллективные позиции, не дают людям возможности рационализировать ситуацию, понять свои предпочтения, возрастает импульсивность их поведения. Вне идеологии расширяется простор для прямой апелляции к психике человека, разрушения устойчивых позиций и нарастания отчуждения от политики.

Реальная роль политической идеологии в сфере власти зависит от характера овладения ею общественным сознанием. Исходя из этого, можно считать, что основными **функциями** политической идеологии являются: идейное овладение общественным сознанием; внедрение в него собственных критериев оценки прошлого, настоящего и будущего; создание позитивного образа в глазах общественного мнения предлагаемых партий, движением или другими силами программных целей и задач политического развития; стимулирование целенаправленных действий граждан во имя поддержки и исполнения поставленных задач; активное оппонирование конкурирующим доктринам и программам.

Наряду с этими задачами А. Гертц отмечает также необходимость выполнения идеологией задач по «выпусканию пара из котла» (т. е. ослаблению политической напряженности за счет перевода противоборства сторон в область идейной полемики), конструированию и поддержанию групповых ценностей, а также солидаризации, т. е. укреплению внутренней сплоченности группы.

С точки зрения своих специфических функций идеология стремится сплотить, интегрировать общество с целью реализации интересов какой-нибудь определенной социальной (национальной, религиозной и т.п.) группы либо для достижения целей, не опирающихся на конкретные слои населения (например, идеология анархизма, фашизма). При этом помимо рациональных, нередко теоретически обоснованных положений любая идеология предполагает некую дистанцированность от действительности, проповедуя те цели и идеалы, которые людям предлагается воспринять на веру. В меньшей степени таким налетом верований обладает официальная идеология, которая, будучи жестко связан-

ной с оправданием правительственного курса, обладает меньшими возможностями для распространения умозрительных предположений. Особой же предрасположенностью к утопизму обладают идеологии оппозиционных сил, как правило, ожидающие от власти значительно большего, чем она может дать, и стремящиеся с помощью красивого идеала привлечь к себе массы сторонников.

Уровни политической идеологии

Коль скоро политическая идеология представляет собой духовное образование, специально предназначенное

для целевой и идейной ориентации политического поведения граждан, то необходимо различать следующие уровни ее функционирования:

- **теоретико-концептуальный**, на котором формулируются основные положения, раскрывающие ценности и идеалы определенного класса (нации, государства) или приверженцев какой-то определенной цели политического развития. По сути дела это уровень политической философии группы, выражающей основные ценностно-смысловые ориентиры ее развития, те идеалы и принципы, во имя которых совершаются государственные перевороты, разрушаются политические системы и возрождаются общества. Наличие таких представлений свидетельствует об уровне интеллектуальной рефлексии данной группы, о ее способности предложить собственные принципы интерпретации мира политики, создать систематизированную, логически стройную и достоверную картину действительности. Поскольку многие группы по-разному интерпретируют одни и те же принципы, то здесь основное внимание уделяется *иерархизации* данных представлений. Например, как подчеркивает Э. Арблaster, «и либералы и социалисты... хотят свободы и равенства». Но при этом «их разделяет характер выбора между свободой и равенством в конфликтной ситуации, а также их соотношение с другими ценностями: справедливостью, безопасностью, собственностью...»¹;
- **программно-политический**, на котором социально-философские принципы и идеалы переводятся в программы, конкретные лозунги и требования политической элиты, формируя таким образом нормативную основу для принятия управленческих решений и стимулирования политического поведения граждан. И если политические принципы формируют приверженцев и предполагают дискуссии сторонников разных ценностей, то программы разрабатываются для ведения непосредственной поли-

¹ Arblaster A. The Rise and the Decline of Western Liberalism. Oxford, 1984. P. 12.

тической борьбы, предполагающей подавление (нейтрализацию) оппонентов. В таком случае осуществляется инструментальное оформление тех основополагающих идей, которые вырабатываются группой. По сути дела — это главный идейный источник политических преобразований, конструирования действительности с помощью власти. На данном уровне функционирования политической идеологии идеалы поверяются на свою жизнеспособность, поэтому к идеологии предъявляются особые требования: осознавать важное значение тех или иных проблем общественной жизни, артикулировать интересы граждан, воплощать их в политическую волю. Поскольку этот уровень содержит в себе оценки текущих политических событий, действий правительства, то здесь могут как сближаться представители разных политических идеалов, так и отдаляться сторонники одной и той же партии. При этом между концептуальным и программным уровнями могут существовать и определенные противоречия, в результате чего некоторые принципы, как писал Б. Чичерин, нельзя узнать в оформлении их «самых рьяных обожателей»;

- **актуализированный**, который характеризует степень освоения гражданами целей и принципов данной идеологии, меру их воплощения в своих практических делах и поступках. Данный уровень может отличаться довольно широким спектром вариантов усвоения людьми идеологических установок: от постоянной смены политических позиций, не затрагивающих гражданские убеждения, до восприятия людьми своих политических привязанностей как глубинных мировоззренческих ориентиров. Идеологии, обладающие способностью определять принципы социального мышления людей, упорядочивать в их сознании картины мира, являются «тотальными» (К. Манхейм). Те же системы политических требований и воззрений, в которых ставятся задачи частичного изменения форм правления, функций государства, систем выборов и другие, не способны повлиять на мировоззренческие представления граждан и представляют собой «частные» идеологии (Н. Пуланзас).

Тенденции эволюции политической идеологии

Оценка политической роли и влияния идеологии, понимания перспектив ее будущего развития уже несколько де-

сятилетий является актуальной и крайне дискуссионной проблемой. Как показывает мировой опыт, роль идеологии в мире политики меняется в зависимости от исторических условий, ситуации в конкретных странах, соотношения сил и эволюции самого человека политического. Так, в 60-х гг. XX в. французские ученые Д. Белл и Р. Арон, полагая, что в за-

падном мире достигнуто взаимопонимание основных политических сил по основополагающим вопросам (оценки роли «государства всеобщего благосостояния», децентрализации управления, политического плюрализма и смешанной экономики), а также в связи с возникновением «массового общества»¹, нарастанием иерархической бюрократизации и некоторых других показателей общественного развития, сделали вывод о «конце идеологии» и начале эпохи деидеологизации. Но буквально через десятилетие усиление роли факторов, нуждавшихся в идеологических оценках (расовые волнения, волна куль турного нонконформизма в Европе, безработица, инфляция, кризис общества всеобщего благосостояния и т.д.), заставило их говорить уже об «эпохе реидеологизации». Развивая эти подходы, некоторые ученые (А. Май) стали говорить о «волнах» идеологизации, т.е. непрерывном и синусоидальном развитии этой формы сознания под влиянием периодически сменяющейся «моды» на идеологию в тех или иных странах.

В то же время ряд современных мировых явлений и тенденций позволяет выделить и более определенные направления идеологической эволюции. Как показывает практика, постепенное формирование основ постиндустриального общества, усложнение общественных связей и качественное расширение трансграничных информационных потоков превратили обмен информацией в значительно более удобный способ ориентации человека в политике, нежели использование всевозможных теоретико-идеологических схем, претендующих, но зачастую неспособных объяснить мир во всем его богатстве и полноте. Качественное повышение сложности современного мира, стремление человека полагаться не столько на коллективные, сколько на индивидуальные потребности ослабили функциональные способности идеологии. Как заметил один из теоретиков, хаос не лучшее место для существования логически совершенных схем.

В силу этих причин стал сужаться круг тех людей, которые пытались за счет теоретических схем определить в политике свои позиции и интересы. Не случайно, как уже говорилось, основным механизмом включения человека в реальные политические коммуникации, средством образования символических значений в политике стал имидж, от качества и способности которого вовлечь людей в общение с властью и стали зависеть базовые политические процессы. Таким образом, существование самой публичной сферы политики и уж тем более ее каче-

¹ «Массовое общество» — тип идущего на смену гражданскому обществу «недифференцированного множества» людей, обладающих высоким дефицитом внутренней солидарности и разобщенности социума. Развитие этой идеи привело ряд ученых, в частности А. Негри и М. Хардта, к обоснованию общества «сингуляриев», т. е. полностью изолированных друг от друга и не сориентированных на общие интересы индивидов.

ство во многих странах сегодня прежде всего зависят от плотности коммуникаций, информационной насыщенности человеческих контактов с институтами власти. В этом плане идейное содержание коммуникаций явно проигрывает самому факту вступления граждан в контакт с институтами власти.

Все это привело к постепенному, но неуклонному падению возможностей идеологии к созданию у людей символических представлений и, следовательно, к сокращению ее ориентационных функций. Идеология стала уходить на периферию политической жизни, в основном обслуживая интересы тех групп (государств), которые включались в политику в качестве новых игроков или пытались изменить основы складывающегося политического порядка либо в своей стране, либо в том или ином регионе.

Формирующаяся тенденция **периферизации** идеологии (частичной деидеологизации политики) связана также со снижением роли мировоззренческих и теоретических составляющих идейных течений и образованием идеологических конструкций, которые обеспечивают только решение конкретной задачи или государственного проекта. И после завершения такой программной деятельности эти идеологические конструкции уходят из публичной сферы.

В то же время указанные тренды сочетается и с прямо противоположными явлениями. В частности, с насильственным внедрением рядом политических сил своих идеологий в массовое сознание. Особым рвением в этой части отличаются различные радикальные и экстремистские группировки. Причем в их исполнении такие процессы нередко осуществляются в форме **индоктринации** (влияния на сознание человека в обход его рациональных форм восприятия), формируя не столько идеологическую лояльность, сколько фанатизм. Все это усиливает политическую напряженность в обществе. Более того, она может привести к изменениям психики человека, поскольку, как пишет К. Лоренц, когда «доктрина становится всеохватывающей религией, все противоречащие ей факты игнорируются, отрицаются или вытесняются в подсознание. И человек, вытесняющий эти факты, оказывает маниакальное сопротивление всем попыткам вновь довести вытесненные факты до сознания»¹.

3. Основные идеологические течения в современном мире

Политическая история на протяжении столетий продемонстрировала зарождение и упадок многих идеологических доктрин. Религиозные и

¹ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Знание—сила. 1991. № 1. С. 27.

национальные идеологии, анархизм и тьер-мондиализм, экологизм и христианско-демократическая идеология направляли мощные политические движения, то завоевывая какую-то часть политического пространства, то отходя на вторые позиции. В последние годы идейным подспорьем международного терроризма стали фундаменталистские разновидности исламской идеологии. Мы кратко остановимся на характеристике лишь тех идейных конструкций, которые в последние полтора века столетия играют наиболее заметные роли на политической арене.

Либерализм и неолиберализм

Унаследовав ряд идей древнегреческих мыслителей Лукреция и Демокрита, либерализм как самостоятельное идеологическое течение сформировался на базе политической философии английских просветителей Дж. Локка, Т. Гоббса, Дж. Милля, А. Смита в конце XVII–XVIII в. Связав свободу личности с уважением основополагающих прав человека, а также с системой частного владения, либерализм заложил в основу своей концепции идеалы свободной конкуренции, рынка, предпринимательства. Основопологающим критерием оценки развития общества стала свобода личности.

В соответствии с этими приоритетами ведущими политическими идеями либерализма были и остаются правовое равенство граждан, договорная природа государства, а также в более позднее время сформировавшееся убеждение о равноправии соперничающих в политике «профессиональных, экономических, религиозных, политических ассоциаций, ни одна из которых» не может иметь «морального превосходства и практического преобладания над другими»¹. Причем, как подчеркивает И. Валлерстайн, если для социалистов главным в идеологических проектах была цель, а для консерваторов — торможение преобразований в соответствии с идеалами прошлого, то для либерализма, негативно относящегося к понятию «прогресс», наличию «общесоциальных» тенденций и «законов истории», важнейшим ориентиром было понимание ценности самого процесса жизни, убежденность в необходимости постепенности и рациональности изменений.

С момента своего возникновения либерализм отстаивал критическое отношение к государству, принципы высокой политической ответственности граждан, религиозную веротерпимость, плюрализм, идею конституционализма. Вместе с тем базовые ценности либерализма обусловили и его известную внутреннюю противоречивость. Так, на протяжении всей своей идейной эволюции либерализм на каждом повороте истории определял допустимую степень и характер государственного вмешательства в частную жизнь индивида. Постоянного уточнения и

¹ Coker F.-W. Pluralism // Encyclopedia of the Social Science. N.Y., 1934. Vol. 12. P. 171.

переосмысления требовали и вопросы совмещения преданности ценностям демократии и свободы с понятиями верности конкретному Отечеству. При этом, настаивая на незыблемой ценности прав человека, либеральная философия во многом игнорировала развитие его прав. Поэтому вместо реального, изменяющегося и зависимого от эволюции общества и культуры человека либерализм представлял его как носителя вечных и неизменных желаний. Пытаясь же освободить человека от пагубных страстей и влияния «прогресса» путем рационализации его жизни, делая рассудок главным инструментом человеческой жизни, либерализм превращался в излишне умозрительное учение.

Попытки решения этих вопросов привели к возникновению в либерализме многочисленных *внутренних* течений, в которых менялись представления о важнейших ориентирах и способах их реализации. Так, в XX в. наряду с традиционным либерализмом сформировались направления, пытавшиеся соединить его основные ценности с тотальной опорой на государство, либо с социально ориентированными идеями, утверждавшими большую ответственность общества за благосостояние людей, нежели отдельного индивида, либо с представлениями, напрочь отрицавшими социальную направленность деятельности государства («консервативный либерализм»), и т.д.

Наиболее ярким защитником основополагающих ценностей либерализма явился **либертализм**, отрицавший возможности его внутренних перемен. Наиболее яркие представители либертализма Ф. Хайек и Л. Мизес считали, что любое экономическое планирование ведет к политической диктатуре, а главную дилемму общественного развития следует видеть в отношениях между планированием (формой тирании) и конкуренцией (символом свободы). Коль скоро любой коллективизм, с их точки зрения, тоталитарен, то западное общество стоит перед противоречием свободного рынка и хаоса, ведущего к диктатуре. Кроме того, утверждалось, что плюрализм способен сформировать механизмы экспроприации большинством богатого меньшинства, а это также может поставить под угрозу основополагающие принципы либерализма. Поэтому наиболее конструктивным политическим выходом из столь опасной ситуации признавалось развитие индивидуализма, частной собственности и свободного рынка, создание ультратраминималистского государства.

В то же время усиление государственного управления экономикой и возрастание роли социальных целей породили и другую историческую форму — **неолиберализм**, адаптировавший традиционные ценности либерализма к экономическим и политическим реалиям второй половины XX в. Важнейшим достоинством политической системы в нем провозглашалась справедливость, а правительства — ориентация на

моральные принципы и ценности. В основу политической программы неоллибералов легли идеи консенсуса управляющих и управляемых, необходимости участия масс в политическом процессе, демократизации процедуры принятия управленческих решений. В отличие от прежней склонности механически определять демократичность политической жизни по большинству, неоллибералы стали отдавать предпочтение плюралистическим формам организации и осуществления государственной власти. Причем Р. Даль, Ч. Линдблум и другие неоплюралисты считают, что чем слабее правление большинства, тем оно больше соответствует принципам либерализма. Известный теоретик Дж. Роулс в книге «Теория справедливости» поставил в центр либеральной доктрины проблему равенства, причем не столько политического, сколько социального, что сблизило эту идеологию с базовыми философскими установками социал-демократии.

Неолиберализм, с одной стороны, закрепил выдающееся положение этой идеологии в мире. Либерализм как система политических целей уже воплощен в западных странах. Он все больше приобретает характер не столько четкой программы, сколько *мироощущения*, мировоззрения, смысловых ориентаций более общего характера, в котором на первый план выходят его наиболее общие идеалы и культурные принципы. Эти основные ценности обусловили коренное изменение в массовых политических воззрениях во многих странах мира, легли в основу многих национальных идеологий, ориентиров неоконсерватизма и христианско-демократической идеологии. На либеральной основе развились многообразные теории политического участия, демократического элитизма и т.д. И видимо, эти грандиозные исторические изменения, вызванные влиянием либерально-демократических ценностей, позволили ряду зарубежных теоретиков (в частности, Ф. Фукуяме) предположить, что мировое сообщество уверенно движется к «концу истории», т.е. к универсализации государств, воплощающих принципы свободы и равенства граждан и потому способных решить все фундаментальные проблемы человеческого сообщества.

Однако, с другой стороны, в неолиберализме сохранились многие основополагающие идеи, которые со временем продемонстрировали серьезную ограниченность данной идеологии в изменяющихся условиях. К числу таких положений следует отнести: ориентацию по преимуществу на публичные виды человеческой жизнедеятельности (политическую активность, предприимчивость, свободу от предрассудков и тп.), традиционное отношение к морали как к частному делу человека и негативное отношение к вере (что сужает отношения индивида и общества, провоцирует нарастание одиночества человека), враждебное отношение к интересам различных общностей (народу, нации, государ-

ству, партии и др.) как к «фикциям» (что способствует атомизации социума), определенную изоляцию от природы и других людей, эгоизм потребностей, автономию воли и разума и др. Такого рода идеи и положения не смогли дать ответы на вызовы времени, не позволили точно спрогнозировать ведущие тенденции развития позднеиндустриальных обществ. Более приспособленными для выработки таких ответов на вызовы современности оказались ценности консерватизма.

Консерватизм и неоконсерватизм

Консерватизм (термин впервые употребил Ф. Шатобриан в конце XVIII в.) представляет собой двоякое духовное

явление. С одной стороны, это психологическая установка, *стиль мышления*, связанный с доминированием инерции и привычки, определенный жизненный темперамент, система охранительного сознания, предпочитающая прежнюю систему правления (независимо от ее целей и содержания). С другой стороны, консерватизм — это и соответствующая *модель поведения* в политике и жизни вообще, и особая *идеологическая* позиция со своим философским основанием, содержащим известные ориентиры и принципы политического участия, отношения к государству, социальному порядку, ассоциирующаяся с определенными политическими действиями, партиями, союзами. Как идеология, консерватизм эволюционировал от защиты крупных феодально-аристократических слоев до защиты класса предпринимателей и ряда основополагающих принципов либерализма (частной собственности, невмешательства государства в дела общества и т. д.).

Предпосылкой возникновения этих базовых представлений стали попытки либералов радикально переустроить общество после Великой Французской революции 1789 г. Потрясенные сопровождавшим этот процесс насилием, духовные отцы консерватизма — Ж. де Местр, Л. де Бональд, Э. Бёрк, а впоследствии Х. Кортес, Р. Пиль, О. Бисмарк и другие пытались утвердить мысль о противоестественности сознательного преобразования социальных порядков.

Консерваторы исходили из полного приоритета общества над человеком: «люди проходят, как тени, но вечно общее благо» (Бёрк). По их мнению, свобода человека определяется его обязанностями перед обществом, возможностью приспособиться к его требованиям. Политические же проблемы они рассматривали как религиозные и моральные, а главный вопрос преобразований видели в духовном преображении человека, органически связанном с его способностью поддерживать ценности семьи, церкви и нравственности. Сохранение же прошлого в настоящем способно, как они полагали, снять все напряжение и потому должно рассматриваться в качестве морального долга перед будущими поколениями. Понятно, что такие принципы, как индивидуализм, ра-

венство, атеизм, моральный релятивизм, культ рассудка, представляли для них антиценности, разрушающие целостность человеческого сообщества. Таким образом, система воззрений консерваторов базировалась на приоритете преемственности перед инновациями, на признании неизблемости естественным образом сложившегося порядка вещей, предустановленной свыше иерархичности человеческого сообщества, стало быть, и привилегий известных слоев населения, а также соответствующих моральных принципов, лежащих в основе *семьи, религии и собственности*.

На основе этих фундаментальных подходов сформировались и окрепли характерные для консервативной идеологии политические ориентиры, в частности: отношение к конституции как к проявлению высших принципов, которые воплощают неписаное божественное право и не могут произвольно изменяться человеком; убежденность в необходимости правления закона и обязательности моральных оснований в деятельности независимого суда; понимание гражданского законопослушания как формы индивидуальной свободы и т. д.

В основе политического порядка, по мнению консервативных идеологов, лежит *постепенный* реформизм, основывающийся на поиске *компромисса*. Компромисс как единственная гарантия сохранения относительного порядка и пусть несовершенной, но все же социальной гармонии предопределял баланс, адаптацию, приспособление, подстраивание как нормы консервативной идеологии. Современный английский консерватор Ж. Гилмор писал по этому поводу: «Последовательность никогда не была достоинством тори, впрочем, нет ее ни у одной политической партии. Но другие партии считают, что они должны быть последовательными. Мы убеждены в обратном. Мы защищали сначала протекционизм, потом свободное предпринимательство, потом снова протекционизм и снова свободное предпринимательство — в зависимости от экономических обстоятельств. Мы поддерживали то индивида, то государство, потому что государство и индивид меняются, и когда нам говорят, что мы “вдруг” стали врагами государства, мы отвечаем, что того государства, которое мы защищали сто лет назад, уже не существует»¹.

В первой половине 70-х гг. XX в. консерватизм в основном стал выступать в облике **неоконсерватизма**. Его наиболее известные представители И. Кристалл, Н. Подгорец, Д. Белл, З. Бжезинский и другие сформировали ряд идей, ставших ответом на экономический кризис того времени, на расширение кейнсианства, массовые молодежные протесты, отразившие определенный кризис западного общества. Данная форма консерватизма удачно приспособила традиционные ценности к ре а-

¹ Gilmor J. Inside Right: A Study of Conservatism. L., 1977. P. 38.

лиям позднеиндустриального этапа развития западного общества. Многообразие стилей жизни и усиление всесторонней зависимости человека от технической среды, ускоренный темп жизни, экологический кризис, нарастание культурного разнообразия и снижение авторитета традиционных для Запада ориентаций — все это породило серьезный *ориентационный* кризис в общественном мнении, поставило под сомнение многие первичные ценности европейской цивилизации.

В этих условиях **неоконсерватизм** предложил обществу духовные приоритеты семьи и религии, социальной стабильности, базирующейся на моральной взаимответственности гражданина и государства и их взаимопомощи, на уважении права и недоверии к чрезмерной демократии, крепком государственном порядке. Сохраняя внешнюю приверженность рыночному хозяйствованию, привилегированности отдельных страт и слоев, неоконсерваторы четко ориентировались на сохранение в обществе и гражданине чисто человеческих качеств, универсальных нравственных законов, без которых никакое экономическое и техническое развитие общества не может заполнить образовавшийся в человеческих сердцах духовный вакуум.

Основная ответственность за сохранение в этих условиях человеческого начала возлагалась на самого индивида, который должен был прежде всего рассчитывать на собственные силы и локальную солидарность семьи, ближнего окружения. Такая позиция должна была поддерживать в индивиде жизнестойкость, инициативу и одновременно препятствовать превращению государства в «дойную корову», в силу , возвращающую своей помощью человека. В то же время государство, по мысли неоконсерваторов, должно стремиться к сохранению целостности общества, к обеспечению необходимых индивиду жизненных условий на основе законности и правопорядка, предоставляя гражданам возможность образовывать политические ассоциации, к развитию институтов гражданского общества, сохранению сбалансированных отношений природы и человека. И хотя предпочтительным политическим устройством такой модели взаимоотношений государства и гражданина считалась демократия, все же теоретики неоконсерватизма настаивали на усилении управления обществом, на совершенствовании механизмов урегулирования конфликтов, снижении уровня эгалитаризма.

Конечно, неоконсерваторы не могли решить всех проблем. Предлагавшиеся ими программы стабилизации и роста не смогли найти адекватных механизмов решения проблем, связанных с инфляцией, вовлечением в жизнь уклоняющихся от труда слоев общества, урегулировать отношения богатых и бедных стран и тд. Тем не менее эта доктрина представляла человеку целостную картину мира, показала главные причины кризиса общества и способы выхода из него, согласовала моральные

принципы с рациональным отношением к кризисному социуму, дала людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством. Неоконсерватизм служил защитой человека на новом технологическом витке развития индустриальной системы, определяя приоритеты его деятельности, курс государства, способный вывести общество из кризиса. На этой идейной основе стали синтезироваться многие гуманистические идеи либерализма, социализма и некоторых других учений.

Коммунистическая и социалистическая идеология

Идеи **социализма** известны в мире с древнейших времен, однако теоретическое обоснование и идеологическое оформление они получили только в

XIX столетии. Большое значение для их концептуализации имели эгалитаристские идеи Ж. Ж. Руссо и воззрения его соотечественника Ф. Бабефа о классовой принадлежности граждан и необходимости насильственной борьбы за общественное переустройство.

Первые попытки очертить идеал этого общественного устройства предпринимались мыслителями Нового времени Т. Мором и Т. Кампанеллой, а в конце XVIII — начале XIX столетия — утопическими социалистами Сен-Симоном, Фурье и Оуэном. В середине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс дали теоретическое обоснование социализма, интерпретируя его как определенную фазу исторического становления более отдаленного этапа развития общества — коммунизма, представлявшего, по их мнению, подлинную цель развития человечества. Обосновывая неизбежность становления «социально справедливого общества», немецкие ученые весьма противоречиво истолковали способы достижения этого социального идеала, сохранив возможность различного понимания места социализма в данном процессе, возможность применения как эволюционных, так и революционных путей его утверждения в обществе. В дальнейшем внутренняя противоречивость марксистского учения обусловила различные варианты его политико-идеологической эволюции.

Так, В. И. Ленин, развивая революционную традицию марксизма, взяв в этом учении его наиболее агрессивные черты, разработал учение об этапах социалистической революции, о сломе «буржуазной государственной машины», «диктатуре пролетариата», партии «нового типа», ведущей общество к «высотам коммунизма». Впоследствии ленинский фундаментализм послужил основой для возникновения сталинского режима, теории которого, выдвинув идею об усилении классовой борьбы по мере социалистического строительства, создали идейную основу для обеспечения общественных преобразований (обобществления производства, индустриализации народного хозяйства, коллекти-

визации села и т.д.) средствами террора и геноцида гражданского населения.

Попытка реализовать эти идеи социализма в послевоенном Китае породила еще одну прикладную разновидность социализма — *маоизм* (по имени генерального секретаря КПК Мао Цзэдуна). Отрицая священные для марксистов «общие закономерности» социалистического строительства, Мао взял за основу сталинскую идею о необходимости борьбы с внешними и внутренними врагами, раскрасив ее теорией «партизанской борьбы», сделавшей маоизм весьма популярным в ряде стран Индокитая, Африки и Латинской Америки. При этом главной исторической силой движения к социализму стало крестьянство, призванное «перевоспитывать» интеллигенцию и другие слои населения в революционном духе. Понятно, что эти пути продвижения к «светлому будущему» были оплачены массовыми жертвами китайского населения, особенно во времена «культурной революции».

Другая, эволюционистская (или в терминологии российских большевиков — ревизионистская) линия марксизма связана с деятельностью немецких теоретиков К. Каутского, А. Бебеля, Э. Бернштейна, которые, напротив, позитивно трактовали роль государства (демократической республики) в становлении социально справедливого общества, утверждали приоритет мирных средств достижения целей, классового примирения. Такой характер интерпретации буржуазного строя больше соответствовал основным тенденциям его эволюции, пониманию социализма как определенной формы политики индустриального общества, применяемой на поздних стадиях его развития.

Эти основные идеи и подходы реализовались со временем не только в политическом движении социал-демократии, но и в политике ряда государств, в частности, в бывшей Югославии, стремившейся укрепить социалистический строй без присутствия иностранных войск (как это было в Восточной Европе), ориентировавшейся на мирное сосуществование с капиталистическими государствами, признание внутренних конфликтов и противоречий социалистического строительства, на необходимость ведения борьбы с главным внутренним врагом — бюрократией, на установление рыночных отношений и ограничение роли коммунистической партии.

В целом история XX в. наряду с *общегуманистическим* содержанием лозунгов социалистов выявила и органические пороки этой идеологии, воспрепятствовавшие в конечном счете ее воплощению в современном мире. Так, для индустриального этапа развития общества неприемлемым оказалось негативное отношение социалистов к экономическому неравенству индивидов, к конкуренции и принципам неодинакового вознаграждения за труд, обусловленных различиями в способностях,

образовании и других характеристиках индивидов. Желая исправить «несправедливость» общества, социалисты пытались заменить их механизмами нетрудового распределения доходов, политическим регулированием экономических процессов, признавали необходимым сознательное установление государством принципов и норм социального равенства. Поэтому в идеологии социализма государство всегда возвышалось над индивидом, сознательное управление — над эволюционным ходом развития общества, политика — над экономикой.

В то же время XX век продемонстрировал не только непрекращающиеся попытки практического воплощения ортодоксальных версий социализма, но и стремление многих мыслителей модернизировать теоретическую основу социалистической идеологии. Так, австромарксисты М. Адлер и О. Бауэр пытались создать «интегративную» концепцию социализма, объединяющую идеи коммунизма и социал-демократии; А. Шафф и Г. Петрович обосновывали доктрину «гуманистического» марксизма. Кроме того, разрабатывались теории «экологического» и «христианского» социализма и т.д. Однако при всей привлекательности идеи социальной справедливости расхождение предписаний теории социализма с реальными тенденциями мирового развития в XX в., а самое главное, явная склонность к силовым средствам управления, неразрывная связь с имиджем тоталитарных режимов Сталина, Кастро, Чаушеску значительно ослабили политическое влияние этой идеологии в современном мире.

Социал-демократия

Наибольшее влияние на общественное сознание в XX в. (в основном в европейских странах) оказала **социал-демократическая идеология**, явившаяся ветвью социалистической идеологии, отколовшейся в начале века в связи с собственными оценками Первой мировой войны и большевистской революции в России. На протяжении всего своего существования она отстаивала приоритеты социального и межгосударственного мира и связывала идеалы справедливого общественного устройства с принципами свободы и трудовой солидарности. Представления о постепенном реформировании буржуазного общества неразрывно соотносились в ее доктрине с отказом от классовой борьбы, с принципами народовластия, социальной защищенности тружеников и поощрением рабочего самоуправления. Проповедуемая социал-демократией концепция «социального партнерства» (заменившая и усовершенствовавшая концепцию классовой борьбы на принципах «свободы, солидарности и справедливости») в условиях стабильного политического развития стала весьма привлекательной программой политического движения. В доктрине социал-демократии большое место уделялось нравственно-этиче-

ским факторам общественного развития. Однако неосуществленность выдвигавшихся ими моделей «демократического социализма», трудности, связанные с реализацией идеи «государства всеобщего благоденствия», смена общественного строя в большинстве стран «реального социализма» и другие факторы негативно сказались на восприятии доктрины социал-демократии в мире.

Фашизм и терроризм

Фашистская идеология, возникшая в 20-х гг. XIX в., стала одним из знаковых явлений XX столетия. Ее эволюция, способы влияния на политические отношения в разных странах также создали неоднозначное отношение к ней в политической науке.

Сегодня в политологии сложилось *двойное* понимание фашизма. Одни ученые понимают под ним **конкретные разновидности политических идеологий**, сформировавшихся в Италии, Германии и Испании в 20–30-х гг. XX столетия и служивших популистским средством выхода этих стран из послевоенного кризиса. Родоначальником фашизма был лидер левого крыла итальянских социалистов в те годы Б. Муссолини. Его теория, базировавшаяся на элитарных идеях Платона, Гегеля и на концепции «органистского государства» (оправдывающей агрессивные действия властей во имя блага преданного ему населения), проповедовала крайний национализм, «безграничную волю» государства и элитарность его политических правителей, прославляла войну и экспансию.

Характерной разновидностью фашизма был и *национал-социализм* Гитлера (А. Шикльгрубера). Немецкая версия фашизма отличалась большей долей реакционного иррационализма («германский миф»), более высоким уровнем тоталитарной организации власти и откровенным расизмом. Используя идеи расового превосходства А. Гобино, а также ряд положений философии И. Фихте, Г. Трейчке, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, теоретики германского фашизма построили свою идеологию на приоритете социальных и политических прав некоего мифического народа, который они называли «арии». В соответствии с признанием его привилегированности была провозглашена политика поддержки государств «культуро-созидающих рас» (к «настоящим ариям» были отнесены немцы, англичане и ряд северных европейских народов), ограничения жизненного пространства для этносов, «поддерживающих культуру» (к ним причисляли славян и жителей некоторых государств Востока и Латинской Америки), и беспощадного уничтожения «культуро-разрушающих» народов (негров, евреев, цыган). Здесь государству отводилась уже второстепенная роль, а главное место занимала раса, защита целостности которой предполагала и оправдывала политику экспансионизма, дискриминации и террора.

Конкретно-исторические трактовки фашизма позволяют увидеть его политические очертания помимо названных государств также во франкистской Испании, Японии 1930–1940-х гг., Португалии при А. Салазаре, Аргентине при президенте Пероне (1943–1955), Греции конца 1960-х, в отдельные периоды правления в Южной Африке, Уганде, Бразилии, Чили. Его наиболее характерные черты зримо проявляются в таких идеях разновидностях этой человеконенавистнической идеологии, как *неонацизм* (базирующийся на принципах расовой чистоты и идеале сверхчеловека); *национал-либерализм* (сохраняющий те же идеи расистской богоизбранности и этнического гегемонизма, но более терпимо относящийся к индивидуализму и ряду других буржуазных ценностей) и *неофашизм* (в котором отсутствуют представления об этническом мессианстве, но вместе с тем отрицается и философия индивидуализма; главное значение придается здесь идеям «почвы», народа, патриотизма, лежащим в основе «естественного государства» с «беспощадным правительством»).

В рамках такого подхода характеристика фашизма непосредственно связывается с описанием разного рода националистических и особенно тоталитарных режимов. Так, французский теоретик С. Пэйн описывает фашизм как «форму революционного ультра национализма», а немецкий историк А. Меллер исследует его как «персоналистскую форму тоталитаризма». Другой французский ученый П. Милза предложил даже учитывать несколько этапов в развитии и эволюции фашизма: I — фашизм существует как форма кризиса экстремистских движений, захвативших часть мелкой буржуазии, которая выступала против капитализма и крайне левых сил; II — фашизм приобретает форму союза между крупной частной собственностью и мелкой буржуазией для захвата власти; III — фашизм становится специфическим политическим режимом; IV — стадия полного тоталитаризма¹.

Такая картина эволюции фашизма дает возможность более четко видеть угрозы, которые исходят от него особенно в переходных обществах. В них *предпосылки* фашизма непосредственно определяются отсутствием законов, направленных на борьбу с политическим радикализмом и экстремизмом (особенно в националистической форме), отсутствием целенаправленной, поддерживаемой государством пропаганды против крайних форм политического участия, благожелательным отношением к историческим фактам сотрудничества с преступными режимами или политическими деятелями, распространением мессианских идей и концепций.

С *другой* точки зрения фашизм интерпретируется как идеология, **не имеющая определенного идейного содержания** и формирующаяся там и тогда, где и когда в идейных и практических устремлениях полити-

¹ Милза П. Что такое фашизм? // Полис. 1995. № 2. С. 156–163.

ческих сил на первый план выступают цели подавления демократии, а жажда насилия и террора подчас заслоняет задачи захвата и использования власти. Политическая линия такого движения неразрывно связана с утопическими идеями превосходства тех или иных расовых, этнических, классовых, земляческих и иных групп общества, агрессивностью политических требований, чертами национального милитаризма, апелляцией к низменным человеческим чувствам и предрассудкам. Политическое оформление подобных идеологических учений и доктрин сопровождается отвержением демократии как системы власти, полным приоритетом национального кодекса нравственности над общечеловеческими ценностями, безудержной демагогией в формировании общественного мнения, насаждением культа вождя. В этом смысле фашизм предстает как ультрареакционная, антигуманистическая идеология, на основе которой складываются политические движения мобилизационного типа, ориентированные на реализацию мифических идей и целей и прокламирующие непрерывную борьбу с врагами.

Таким образом, у всех идеологий, относящихся к такому «без цвета и запаха» фашизму, цели и задачи имеют антигуманистический характер, их роднит и сходство используемого в борьбе за власть политического *инструментария*. Поэтому от фашистского перерождения не застрахованы ни национальные, ни социальные, ни религиозные, ни другие идеологии, утверждающие привилегированное положение «коренного населения», приверженцев «подлинной веры» и т. д. и предлагающие радикальные средства для обеспечения этим группам требуемого общественного статуса.

Понимая фашизм таким образом, общество должно крайне внимательно относиться к появлению на политическом рынке идей, авторы которых стремятся закрепить чье-либо социальное, национальное, политическое, идеологическое и т. п. превосходство в ущерб другим гражданам и не желающие останавливаться ни перед какой социальной ценой для достижения поставленных целей. Акцептация таких черт фашизма несколько драматизирует авторитарные методы управления в демократических режимах, однако она позволяет своевременно увидеть опасность нарастания насилия, национального милитаризма, вождизма и других черт этой агрессивной идеологии, чреватой разрушением цивилизованного облика общества.

Будучи проявлением правоэкстремистской идеологии, фашизм выступает формой современного **терроризма**.

Терроризм в самом общем виде можно определить как способ достижения политических целей под угрозой нанесения обществу и социальным структурам существенного ущерба, путем нагнетания опасностей по отношению к политическим институтам и жизни отдельных групп и людей, а также систематического использования насилия.

Несмотря на то что терроризм был известен еще в древние времена (а сам термин появился более двухсот лет назад), в настоящее время он обрел совершенно иные масштабы и проявления. По сравнению с террористами времен Великой Французской революции и их последователями (бабувистами, бланкистами, анархистами, революционными народниками в России и др.), рассматривавшими насилие как единственный метод политического противоборства и действовавшими в основном против отдельных политических деятелей, современный терроризм обращается к более массовым и значительно более жестоким методам достижения своих целей. Изменились и его экономические и тактические основы. В частности, террористы широко используют возможности интернет-коммуникаций и СМИ для популяризации своих целей, аккумулируют существенные финансовые ресурсы для своей деятельности, координируют действия своих структур в трансграничном масштабе, тесно сотрудничают с криминальными группировками в области торговли наркотиками, вооружениями, захвата заложников и т. д. Но, пожалуй, самым опасным проявлением их деятельности выступает то, что террористы обладают возможностями использования самых современных видов оружия массового поражения: химического, биологического и даже ядерного.

Существенные изменения происходят и в структуре терроризма. Если ранее, в XX в. его ведущими формами выступали национальный (в Италии, на Балканах, в России) и правый терроризм (представленный американским Ку-клус-кланом, черносотенцами в России, фашистскими и некоторыми другими организациями, использовавшимися для сохранения или реставрации отживших социальных порядков), то сегодня на мировой арене тон задают этнический (бакская ЭТ А, ирландская ИРА и др.) и религиозный терроризм (Тигры освобождения Тамил Илама, Аль-Каида, Исламский джихад, Хамас, Хезболлах и др.).

Меняются сегодня направленность и методы террора. Теперь его объектами становятся не только государственные деятели, но и обычные люди, технологическая инфраструктура, разрушение которой способно нанести громадный ущерб обществу и жизни людей. Все чаще террористы проводят массовые акции, связанные с использованием масштабного насилия. Вспомним в этой связи взрывы жилых домов в Москве и Волгодонске в 1999 г., офисных зданий в Нью-Йорке в 2001 г. и др. И сегодня во многих точках мира террористы угрожают жизни людей, срывают крупные мероприятия, нарушают общественную стабильность и разрушают бизнес-процессы, провоцируют осложнения в международных отношениях.

Источником терроризма являются не только социально-экономические условия в ряде районов мира, провоцирующие людей на столь

противоправные методы борьбы за существование, но и фанатичная преданность отдельных людей пагубным идеям и традициям, психологические комплексы индивидов, ценности локальной культуры, примитивные реакции на проявления силы со стороны соперников и неединоверцев.

В настоящее время борьба с терроризмом и его причинами может быть результативной только в мировом масштабе. Только совместные действия правительств разных стран, общественных организаций и спецслужб могут отрезать террористов от их финансовой базы, разрушить инфраструктуру, пресечь деятельность их лидеров и главарей. В то же время такая борьба непременно должна вестись правовыми методами, не допуская произвола и неоправданного ответного насилия.

Идеологический дискурс

Взаимодействие идеологий в политическом пространстве обозначается в науке понятием «идеологический дискурс». Причем идейные контакты разнообразных доктрин и программ, как правило, развиваются в двух направлениях. С одной стороны, идеологии прежде всего пытаются очертить отношения со своими наиболее ярыми противниками, контакты с которыми формируются на принципах дистанцирования, взаимной закрытости друг от друга и острой полемики. В конечном счете такой «диалоговый» режим дискурса ведет к усилению политической напряженности. С другой стороны, идейные контакты сторонников тех или иных идеологий с более приемлемыми по политическим соображениям конкурентами и партнерами предполагают возможность сближения и даже заимствования ими друг у друга тех или иных программных, теоретических положений, требований, лозунгов и т. д. Такие связи обогащают содержание идейных систем и в конечном счете предполагают синтезирование, объединение родственных или близких по духу доктрин, что не может не укреплять политическую стабильность и порядок в обществе.

Идеологический дискурс — явление многоуровневое. Так, в нем всегда присутствует полемика, выражающая наиболее общие тенденции борьбы тех или иных идей в духовной атмосфере всего человечества. Например, в XVII в. это был спор носителей суверенитетов (народа и короля); во второй половине XIX в., проходившей под знаком интенсивного формирования и развития индустриального общества, дискурс нес на себе явный отпечаток идейной конкуренции социалистической и либеральной идеологий. В настоящее время борьба традиционных и модернизируемых государств «укрупнила» акценты идейной дискуссии. Наряду с поощрением самых разнообразных идеологических споров главный водораздел время провело между идейными течениями, защи-

щающими идеалы *гуманизма*, человечности и демократии, с одной стороны, и доктринами, оправдывающими *насилие*, физическое принуждение и террор как приоритетные методы достижения своих политических целей, — с другой.

Такое положение предопределило и соответствующую эволюцию идеологических систем: с одной стороны, сближаются политические доктрины либерализма, неоконсерватизма, социал-демократии, христианско-демократической идеологии и некоторых других, а с другой — одновременно нравственно и идейно объединяются фашистские, экстремистские, шовинистические, фундаменталистские, расистские и аналогичные учения. Таким образом, выравнивание понятий у приверженцев «гуманистических» идеологий в отношении прав человека, демократии, защиты моральных и семейных ценностей и ряда политических ценностей сочетается с распространением и оправданием терроризма и насилия как главных способов захвата и использования власти сторонниками иных политических идеалов.

В то же время характер идейного спора на глобальном уровне дискурса все большее влияние оказывает заметно усиливающий свои позиции *технократизм*, в принципе отрицающий способность социальных доктрин менять что-либо существенное в политическом мире. В качестве единственной силы он признает технику. Как считает, например, Х. Шельски, демократия в обществе становится ненужной из-за увеличивающегося могущества техники, не нуждающейся в узаконении власти.

Наряду с такими глобальными измерениями дискурса для него характерны и особенности идейной полемики, ведущейся на *региональном* уровне. Например, в группе устойчивых, стабильных государств демократической ориентации идеологические споры в основном касаются частичных разногласий по вопросам текущей политики. Поэтому острота дискурса здесь невелика, а роль идеологий минимизируется. В странах же, в которых только еще идет процесс национальной консолидации или определяются пути дальнейшего развития государства, дискурс наполнен острыми спорами национальных идеологий, либеральных и социалистических воззрений.

И наконец, третьим уровнем дискурса являются споры между ведущими доктринами в рамках *одной страны*. Здесь проявляется вся специфика политической палитры властных отношений. Например, в России такое страновое наполнение дискурса обеспечивает полемика представителей трех основных доктрин: социалистической, националистической и либерально-демократической. От характера этого идеологического соперничества непосредственно зависят и темпы реформирования, и определение будущего нашей страны.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

1. Сущность и особенности политической психологии

Понятие и значение психологии

Роль духовных факторов в политике отнюдь не ограничивается воздействием на людей идеологических доктрин и программ. Не менее, а нередко и более существенное значение для политики имеет другая форма политического сознания — политическая психология.

Политическая психология представляет собой совокупность по преимуществу эмоционально-чувственных ощущений и представлений людей о политических явлениях, складывающихся в процессе их (людей) политического поведения и непосредственного взаимодействия с институтами.

Признание такого духовного образования ориентирует научные исследования на переход от рассмотрения человека как носителя определенных политических функций, статусов, прав и доктрин к анализу его конкретных чувств и психологических механизмов, которые управляют поведением индивидов, групп и массовых общностей. В этом отношении учитываются уже не свойства абстрактного «человека политического», а конкретные способности индивидуальных или групповых субъектов к межличностному (межгрупповому) общению и сплоченности, особенности их восприятия (перцепции) политических явлений, интенсивность ожиданий, особенности темперамента (общительность, чуткость, тревожность сознания), механизмы привлечения внимания (аттракции) и внушения (суггестии), подражания и заражения, структура предпочтений (социометрическая структура) и другие психические реакции.

О принципиальном значении политических чувств и эмоций в политике говорили многие ученые. Например, Аристотель, полагая политику как форму общения государства и гражданина, писал, что правителям «...нужно знать настроения лиц, поднимающих восстания, ...чем собственно начинаются политические смуты и распри»¹; Декарт писал о шести чувствах, которые движут человеком в мире и власти; Макиавелли, утверждавший, что «править — значит заставлять людей верить», специально указывал, что различия в настроениях выступают основной причиной «всех неурядиц, происходящих в государстве»². Многие уче%

¹ Аристотель. Политика. М., 1911. С. 208.

² Макиавелли Н. История Флоренции. Л., 1973. С. 99.

ные были уверены в существовании «души народа» (В. Вунд, Г. Лебон), описывали «психические эпидемии» (например, во время революций), приступы народного самосуда, опьянение людей свободой или жадной мести, массовые психозы и т. д.

Политическая психология обобщенно характеризует подобные (от индивидуальных до массовых) аффекты. При этом она включает в себя как универсальные чувства и эмоции человека, специфически проявляющиеся в политической жизни (например, гнев, любовь, ненависть и др.), так и те ощущения, которые встречаются только в политической жизни (чувства симпатии и антипатии к определенным идеологиям или лидерам, чувства подвластности государству и т. п.). Однако различная роль этих чувств и эмоций предопределяет *двойное* значение психологии в политической жизни.

С одной стороны, она выступает тем духовным явлением, которое опосредует все разновидности политического мышления и поведения человека, придает форму всем субъективным проявлениям его мыслительной и практической активности. В этом отношении политическая психология представляет собой тот внутренний **механизм** преобразования человеческих представлений, который органически вплетен в политический процесс, но при этом может и не играть никакой самостоятельной роли в поведении человека.

Неустранимость из политической деятельности универсальных психических способов взаимодействия и общения людей превращает психологию в своеобразный универсальный измеритель всей политики в целом. Иными словами, власть, государство, партии, разнообразные политические поступки субъектов, а также другие явления политики представляются как те или иные формы психологического взаимодействия людей. В связи с этим в политологии сложилось целое направление, представители которого абсолютизируют роль психологических факторов. Они однозначно сводят все причины возникновения революций и тираний, демократизации или реформирования государства и общества к психологическим основам политического поведения людей. Даже массовые политические процессы объясняются психологическими качествами индивида или малой группы (Э. Фромм, Голпорт, Е. Богарус и др.). В этом случае «человек политический» понимается как продукт личностных психологических мотивов, перенесенных в публичную сферу (Г. Лассуэлл). Сама же политика практикуется как «явление психологическое в первую очередь, а потом уже идеологическое, экономическое, военное и др.»¹.

С другой стороны, политическая психология представляет собой генетически первичную, эмоционально-оценочную реакцию полити-

¹ Юрьев А. И. Введение в психологию. Л., 1992. С. 16.

ческого сознания и тот специфический духовный **фактор**, который оказывает самостоятельное воздействие на выработку мотивов и политическое поведение человека, отличаясь при этом от влияния, например, его рациональных или ценностных побуждений. Как писал Й. Хейзинга, «непосредственные проявления страсти», создавая внезапные эффекты, способны «вторгаться в политическую жизнь в таких масштабах, что польза и расчет... отодвигаются в сторону»¹. Общеизвестно, что спокойствие чувств, эмоциональное привыкание людей к складывающейся в государстве ситуации являются главным фактором устойчивости режимов. Не случайно, как отмечает ряд российских ученых, «власть интересуют не мнения общества... а настроения», которые «могут охватывать миллионы. ...Настроения, охватившего массу достаточно, чтобы все изменилось»².

Но особенно ярко влияние психологических факторов проявляется в переломные для государства периоды. Например, в условиях революционных изменений на политическую арену приходит множество людей с повышенным эмоционально-чувственным фоном, а то и просто неуравновешенных и даже психически больных. Как писал С. Сигеле, «...число сумасшедших всегда велико во время революций или возмущений не только потому, что сумасшедшие принимают в них участие, но и потому, что общество делает сумасшедшими тех, кто только был предрасположен к сумасшествию»³. История дала немало убедительных примеров и того, как в эти периоды психически эволюционировали многие политические лидеры-революционеры. Например, Робеспьер и ряд других известных его соратников по мере развития революционных процессов превращались из радостных, многоречивых романтиков в подозрительных, неприязненно относящихся к несогласным с ними людей, а затем и вовсе эволюционировали в личностей, не терпящих возражений, замыкавшихся в себе, мнящих повсюду заговоры и предательства. В результате, как писал Г. Лебон, «трогательный гуманизм» Французской революции, «начав идиллией и речами философов, кончил гильотиной»⁴.

Рассмотрение политической психологии как специфического фактора политического процесса позволяет раскрыть ее особые отличительные свойства, продемонстрировать политические чувства и эмоции как наиболее *подвижный* и *динамичный* элемент политического сознания, который организует и определяет субъективные образы лидеров, государства, власти, складывающиеся у человека. Именно чувства застав-

¹ Цит. по: *Ольшанский Д. В.* Массовые настроения в политике. М., 1995. С. 11.

² Философская и социологическая мысль. 1990. № 2. С. 86–87.

³ *Сигеле С.* Преступная толпа: Опыт коллективной психологии. М., 1893. С. 64.

⁴ *Лебон Г.* Психология социализма. СПб., 1908. С. 365.

ляют человека оценивать политические явления в зависимости от того, какими они отражаются в его сознании, а не от их реального содержания. Например, недоверие к той или иной партии, к режиму в целом формируется у человека по преимуществу не в результате анализа их программы и действий, а за счет отношения, скажем, к неэтичному поступку их лидера или просто на основе неведомым образом возникшей антипатии или симпатии. Таким образом, человек воспринимает политическую реальность чаще всего такой, какой она представляется его чувствам и эмоциям, которые, действуя по собственным законам, вполне могут и неадекватно отражать окружающий мир.

Зная законы формирования психологических образов, можно определять их структуру и направленность, тем самым успешно влияя на отношения граждан к государству и на их индивидуальное поведение. В истории немало примеров того, как отдельные правители, создавая очаги временного психологического возбуждения у населения, подавляли структуры его рационального мышления или, используя приемы манипулирования сознанием, заставляли людей испытывать чувства единения с государством и ненависти к его врагам, объединяться вокруг лидера и переживать при этом массовое воодушевление, утрачивать ощущение реальности или понижать внимание к тем проблемам, которые невыгодны власти имущим.

Роль политической психологии в политическом процессе

Роль и характер влияния политической психологии на политическое поведение раскрывают способы устойчивого *преобладания* эмоциональных представлений в мотивации человеческого поведения. Так, показательным фактом влияния психологических факторов служат многочисленные формы и механизмы искажения восприятия действительности человеком в результате снижения рациональности самооценки, проявляемой нетерпимости к противоречиям, склонности к проектированию фантастических целей и т.д. Например, многие люди, выстраивая свою деятельность, несмотря ни на какие факты, уверяют себя в том, что они поступили правильно, выбрали лучшее из возможных решений. К таким же фактам психического искажения относится и восприятие человеком реальности на основе умозрительной схемы (прототипа). В силу такого запрограммированного восприятия вся новая информация интерпретируется им уже на основе заранее сконструированного подхода. Поэтому, например, убедив себя в том, каким должен быть президент, он требует тем меньше информации о его деятельности, чем его облик соответствует прототипу, или же приписывает реально действующему лицу те черты, которыми тот не обладает. Столь схематическое мышление может существенно отличаться от реальности, игнорируя факты, не вписывающиеся в схему.

Американский ученый Р. Мертон попытался более систематизированно представить формы психологического влияния на политические процессы. По его мнению, доминирование эмоциональных установок над всеми иными соображениями может выражаться в следующем:

- в стремлении человека придавать своим ролевым и функционально безличным связям в политике сугубо персональный характер (например, выполняя функцию избирателя, человек может усмотреть в факте неизбрания президентом своего кандидата личную трагедию или личную заслугу);
- в отождествлении человеком своей личности с партией или профессией (когда, например, партийные цели начинают доминировать над жизненными целями человека);
- в проявлении чрезмерной солидарности с политическими ассоциациями (в результате чего такой корпоративизм подменяет у человека семейные или иные базовые для жизни ценности);
- в повышенном эмоциональном отношении к авторитету лидера, а также в ряде других случаев.

Показателем влияния политической психологии на политические процессы является и формирование в сфере власти особых психологических *укладов* (типов), предопределяющих характер выполнения людьми своих ролей и функций. Например, опыт показал, что по-разному осуществляют свои политические роли экстраверт (общительный и энергичный человек, чьи чувства устремлены к внешнему миру) и интроверт (замкнутый на себя человек), сенсорик (рационально мыслящая личность, знающая, чего она хочет, и стремящаяся к порядку) и интуит (ориентирующийся на спонтанные чувства и более склонный к анархии), романтик (творческая личность, склонная к меланхолии) и перфекционист (критически мыслящий и рационально действующий человек).

По-разному действуют в политике люди, склонные к насилию или человеколюбию, экзальтации или рационализму, конформисты и нонконформисты, те, кто стремится жестко (ригидно) придерживаться установленных правил или обладает подвижной (лабильной), пластично изменяющейся в соответствии с обстановкой системой чувств и другими психологическими свойствами. Классическим примером внутреннего соответствия психологических и властных структур в жестких режимах правления стала характеристика американским ученым Т. Адорно личности «авторитарного» типа, поддерживающей систему власти своим догматизмом, ригидностью, агрессивностью, некритическим восприятием групповых ценностей и шаблонным мышлением.

Как доказано многочисленными исследованиями, политический экстремизм базируется на гипертрофированных иррациональных мо-

тивациях человека, которые в свою очередь чаще всего являются следствием некой психической уязвимости человека, тормозящей его рациональный выбор и заставляющей обращаться к подобным видам деятельности. Так, по данным некоторых социологических исследований, у правых и левых экстремистов обнаружено, что, по сравнению со сторонниками других политических течений, они значительно чаще испытывают чувства социальной изолированности, одиночества, бессмысленности жизни, тревоги за свое будущее¹. Такие психологические основания предопределяют главным образом прямое, непосредственное реагирование людей на политические события, заставляют их отвечать на вызов вызовом, стремиться достичь цели любым способом.

В противоположность такому психотипу люди, способные «экранировать» (гасить) отрицательные и преобразовывать разрушительные эмоции в созидательные, демонстрирующие смешанный тип реагирования на вызовы среды и сочетающие при этом сильную волю с отзывчивостью, а импульсивность — с ответственностью, выражают противоположный, центристский тип личности, который способствует сбалансированию политических сил и снятию напряженности в обществе.

Особую роль играют типы лидеров, чьи психические доминанты стиля деятельности могут существенно повлиять на характер принимаемых в государстве решений и даже изменить некоторые параметры политической системы в целом. Так, Г. Лассуэлл считал, что история политики — это история психопатологии личностей, занятых управлением обществом, а их действия в свою очередь определяются внутренней «борьбой мотивов». Не случайно в современной науке большое распространение получило психобиографическое направление, т. е. исследование биографий выдающихся политиков XX в. — Линкольна, Мао Цзэдуна, Лютера, Ганди и др. «Сила психоистории, — писал Э. Эрикссон, — состоит во внимательном исследовании смещения рационального и иррационального в политических событиях и в интригующем и тревожном сочетании устойчивого и неустойчивого, функционального и дисфункционального в политических лидерах...»².

Авторы исследовательской модели индивидуальной психопатологии рассматривают индивидуальные особенности лидерского поведения, заглядывая в детские переживания и фантазии, отыскивая примечательные факты, способные отражаться на протяжении всей их жизни. Не удивительно, что многие исследователи связывали причины построения в Германии и СССР тоталитарных обществ с рядом схожих признаков в психологических портретах двух тиранов (такие ученые считают, что в силу близости их «первичных групп» — неполных семей,

¹ См.: Дилигенский Г. Социально-политическая психология. М., 1994. С. 278.

² Political Psychology Contemporary Problems and Issues. San Francisco, 1986. P. 141.

а также узурпаторских условий венских ночлежек и тифлисской семинарии, оказавших решающее влияние на формирование характеров Итлера и Сталина, оба приобрели предрасположенность к садизму и некрофилии).

Определенная склонность к редукционизму (сведению причин политических событий к мотивам индивидуальной деятельности лидеров или истории — к психоистории) не умаляет значимости такого рода подходов и исследований. Многочисленные современные исследования убедительно показывают зависимость политических процессов от характера деятельности лидеров, заданного их психологическим типажом. Например, лидеры *компульсивного* типа устремлены к идеалам и, пытаясь все сделать наилучшим образом, не могут гибко подходить к использованию внештатных ситуаций; «актеры» видят смысл своей политической деятельности в том, чтобы привлечь внимание общественности к собственной персоне; политики *депрессивного* типа ориентируются на защищенность своего статуса и присоединение к более сильному действующему в политике лицу и т.д.

Особенности политической психологии

Отражая и интерпретируя политику в эмоционально-чувственной форме, политическая психология представля-

ет собой «**практический**» тип политического сознания. Если, к примеру, идеология является продуктом специализированного сознания, плодом теоретической деятельности группы людей, то политическая психология формируется на основе практического взаимодействия людей друг с другом и с институтами власти. И в этом смысле она характеризует те ощущения и воззрения людей, которыми они пользуются в повседневной жизни. К их отличительным чертам относят прежде всего отображение людьми политических объектов сквозь призму своих непосредственных интересов и доступного им политического опыта. Повинуясь чувствам, люди подчиняют получаемую ими информацию собственным задачам, логике своих индивидуальных действий. Поэтому политическая психология тем больше влияет на ориентацию людей во власти, чем сильнее политика включается в круг их непосредственных интересов.

С чисто познавательной точки зрения политическая психология является ограниченной формой мышления, которая не в состоянии отразить скрытые от непосредственного наблюдения черты политических явлений. Используя выборочную, избирательную информацию о политических процессах, она отображает лишь те внешние формы и фрагменты действительности, которые доступны эмоционально-чувственному восприятию. Поэтому политическая психология по природе своей не приспособлена для анализа сложных причинно-следственных

связей и отношений в политике, хотя в отдельных случаях может угадать суть каких-то политических взаимоотношений.

В силу «приземленности», «наивности» своего взгляда на действительность политическая психология демонстрирует и специфические способы интерпретации понятий, зачастую отождествляя последние с формой непосредственного восприятия действительности, например, понятие «государство» отождествляется с конкретным государством, в котором живет человек, «власть» — с реальными формами господства, «рынок» — с конкретными отношениями экономического обмена, которые он наблюдает, и т.д. Такое конкретизированное освоение действительности упрощает картину политики, лишает научные категории и понятия мотивационного значения и силы.

Познавательная ограниченность политической психологии проявляется и в *притисывании* непосредственно воспринимаемым ею явлениям разнообразных причин, устраняя таким образом имеющийся у нее дефицит информации. В науке такое явление получило название «каузальной атрибуции» (Ф. Хайдер), отражающей свойство политической психологии умозрительно достраивать политическую реальность, домысливать, искусственно конструировать мир, придумывать недостающие ему звенья. В массовых формах такая черта политической психологии стимулирует возникновение разнообразных слухов и мифов, которые охватывают целые слои населения. Особенно часто это касается принимаемых в государстве решений, кадровых перемещений, отношений в правящей элите и других наиболее закрытых от общественности вопросов.

Политическая психология — *внутренне противоречивое* явление. В отличие от идеологии, стремящейся подвести политические взгляды людей под некий общий знаменатель, политическая психология отражает политическую реальность во всем ее многообразии, допуская одновременное сосуществование самых разноречивых и даже противоположных эмоций. Поэтому в психологии всегда присутствуют различные и подчас противоречивые чувства: долга и желания освободиться от обязательств, потребность в самоуважении и жажда подчинения более сильному, общительность и чувство одиночества, осуждение власти и желание быть к ней поближе и т.д.

Сосуществование разнонаправленных чувств и эмоций обуславливает неравномерный и даже скачкообразный характер развития реальных политических процессов. Благодаря этому свойству политической психологии в политику привносится элемент стихийности, непрогнозируемости событий. Способность же психологии побуждать человека в кратчайшие сроки менять свои оценки придает особую силу ее воздействию на его поведение.

Еще одной причиной, обуславливающей внутреннюю противоречивость, а равным образом и особенность политической психологии, является *сочетание* в ней социальных и физиологических механизмов воспроизводства чувств и эмоций. В самом общем виде можно сказать, что политическая психология включает в себя:

- *социально-психологические* чувства и эмоции, характеризующие специфику отображения человеком своих интересов и формирования мотивов политической деятельности в группе (обществе);
- *индивидуально-психические* элементы, отражающие личностно-персональные черты психики — волю, память, характер, способности к мышлению и др.;
- *функционально-физиологические* элементы сознания, характеризующие психически врожденные черты и задатки человека, регулирующие адаптацию человеческого организма к внешней среде;
- *психофизические* свойства, регулирующие наследственность и темперамент, демографические и половозрастные черты, здоровье и прочие аналогичные характеристики.

Таким образом, в политической психологии содержатся как осознанно-рациональные, так и бессознательно-иррациональные духовные элементы. Благодаря этому психология соединяет в себе импульсы социального взаимодействия с логикой инстинктов, сплавляет воедино рефлексивность и рефлекторность, осмысленность и бессознательность мышления. Такой симбиоз показывает, что политическая психология синтезирует инстинкты с рационально-смысловыми подходами к жизни, в результате чего в политической жизни человек может адаптироваться к действительности и исполнять там специфические функции, используя не только приобретенные социально-психологические свойства, но и первичные чувственные механизмы (отличающиеся алогизмом, слабой подверженностью контролю и рядом других черт).

Роль иррациональных механизмов тем больше, чем меньше человек понимает суть и причины политических событий. Более того, в определенных условиях физиологические чувства способны вообще вытеснить все другие формы оценки и регуляции поведения. Например, голод или страх могут стать такими психологическими доминантами, которые способны вызвать мятежи, бунты или революции. Но в ряде случаев социальные чувства способны преодолеть влияние иррациональных влечений. Так, актуализированная потребность в порядке, дисциплине, сплочении в жестко управляемую общность может помочь преодолеть людям неуверенность в себе и разочарование во власти.

Из истории известно, что многие правители специально возбуждали в людях иррациональные чувства, используя их для усиления при-

верженности властям и идеологическим доктринам. Нацисты, в частности, использовали для этих целей разнообразные театрализованные собрания, ночные факельные шествия, сложную политическую символику — все это своей таинственностью и величием должно было помочь им сформировать безотчетное поклонение обывателей фюреру и рейху. Целям активизации подсознательных чувств и эмоций может служить и чрезмерное насаждение в обществе монументальной скульптуры, приоритет величественной архитектуры государственных учреждений, устройство пышных политических церемоний и ритуалов, а также другие действия властей, добивающихся такими методами повышения политической лояльности граждан.

Феномен толпы

Важнейшей особенностью политической психологии является и ее способ-

ность *формировать* различные политические субъекты, прежде всего «массы» и «толпы», осуществляющие такие акции, как бунты, революции, митинги, шествия, восстания, захват зданий и т. д. Так, известный ученый Э. Канетти связывает возникновение массы с растущими у людей чувствами солидарности и страха, «втягивающими в себя вся и всех»¹. Сугубо психическими основами обладает и толпа, в которую превращается группа людей в силу совместно испытываемого ими какого-то эмоционального, резко переживаемого фактора (вызывающего массовое состояние гнева, радости, агрессии и т.д.). И это внутреннее единство толпы, которую Г. Тард называл самой «старинной» социальной группой после семьи, постоянно укрепляется за счет многократного взаимного усиления коллективных чувств и эмоций. Известный русский ученый В. М. Бехтерев подчеркивал, что взаимовнушение и самовозбуждение людей гораздо в большей степени движут поведением толпы, нежели какие-либо провозглашаемые ею идеи.

Толпы не возникают для уравнивающих действий, они импульсивны, изменчивы и раздражительны, нетерпимы к сторонним воззрениям, управляются бессознательным началом, податливы внушению и лежковерны, односторонни и склонны к преувеличению оценок событий. Постоянно поддерживаемый наплыв эмоций, как правило, обуславливает одномерность мышления и действий толпы. Если в жизни человек может принадлежать к разным группам, то к толпе — только к одной, поскольку в ней человек не имеет противовесов, он увлечен силой объединения. Поэтому в толпе люди не воспринимают иных позиций или точек зрения, демонстрируя единый волевой настрой.

Толпа не терпит ни размышлений, ни возражений. Нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, — это ярость. Не случай-

¹ Канетти Э. Массы // Психология масс: Хрестоматия. Самара, 1998. С. 317.

но Г. Лебон в работе «Психология народов и масс» писал, что толпа никогда не дорожит своей жизнью во время возмущения. Потому-то в ней всегда можно найти преступников и героев, людей, способных устраивать мятежи и погромы или требовать от тиранов прав и свобод. В то же время тот или иной фактор (внезапное событие, выступление яркого оратора на митинге) способен изменить состояние толпы новым внушением, заразить ее свежими эмоциями, вновь придающими ей горячность и импульсивность. Предоставленная же сама себе, она быстро утомляется, сникает и стремится к подчинению любым призывам.

Пусть кратковременное, но мощное доминирование коллективных чувств и настроений приводит индивидов к потере критичности политических воззрений и утрате контроля за своими поступками. Заразительность массовых настроений заставляет людей испытывать сильную потребность в подчинении, поступаться личными интересами и оценками. В толпе человек понимает лишь «волевой язык коллективной воли» и подчиняется ее приказам, «следуя архаичным правилам... воли толпы»¹. В толпе и массе индивид приобретает сознание непреодолимой силы, которая «дозволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, так как толпа анонимна и потому не несет на себе ответственности»².

Как показали специалисты, эволюция толпы имеет *двойкий* характер: она осуществляется через развитие духовных связей между людьми и путем возникновения внутренних структур на основе иерархичности. Наполнение человеческих отношений в толпе различными идеями делает ее то «выжидающей, внимающей, манифестирующей», то «действующей» (Г. Тард), то агрессивной (обладающей целью и реализующей ее на основании порыва), то «танцующей» (превращающейся в бесцельное собрание) (Г. Блумер). В то же время организация и иерархизация толпы, выстраивание в ней определенных внутренних связей превращают ее в разновидность корпорации (например, группу добровольцев, самоорганизующихся для отпора захватчикам, партизанское движение, мафию, террористическую структуру и т.д.).

2. Структура и функции политической психологии

Структура политической психологии

Участвуя во всех реально существующих политических процессах, политическая психология обладает разнообразной и разветвленной внутренней структурой. В силу ее включеннос-

¹ Чалидзе В. Иерархический человек. М., 1991. С. 39.

² Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896. С. 168.

ти в разнообразные стороны политической жизни ее структурные компоненты могут характеризовать содержание политического поведения различных субъектов, разные (биофизические, индивидуально-психологические и социально-психологические) уровни их психологических потребностей, национально-цивилизационные черты «человека политического» (характеризующие особенности российской, американской, китайской и прочих разновидностей психологии) и другие политические явления.

Один структурный срез политической психологии составляют **индивидуальные** и **групповые** формы сознания, обуславливающие содержание политических чувств и эмоций. Так, к индивидуальным психологическим образованиям, порожденным межличностными связями человека с другими субъектами и институтами власти, относятся:

- персональный опыт;
- специфические эмоциональные реакции на внешние вызовы среды;
- определенная способность к самоанализу;
- особенности индивидуальной воли и памяти.

Эти элементы придают неповторимый оттенок любым формам политического поведения индивидов.

Эмоционально-чувственные образования, формирующиеся в групповых объединениях, через которые человек реально включается в политические отношения, отличаются собственной эмоциональной реакцией на политические события, своим психологическим темпераментом, памятью и традициями, которые образуют некую психологическую ауру, атмосферу соучастия в общих политических делах. В рамках групповой психологии обычно выделяют психический *склад* определенной группы (здоровый смысл и групповое мышление, смелость, решительность, целеустремленность, душевность, раздвоенность, цельность и т.д.); привычные для большинства психические *реакции* на политические явления, дополняющие групповой характер (устойчивые нравы, привычки, вкусы, настроения, иллюзии и т.п.), а также такие *внутригрупповые явления*, как коллективные страхи, слухи, паника, мода на групповые стандарты поведения и мышления и другие аналогичные явления.

Структурные компоненты политической психологии различаются оформленностью эмоционально-чувственных реакций и выражают понимание человеком соотношения общих, коллективных и индивидуальных интересов, подчиненность его сознания сформировавшемуся в группе психологическому климату, действующим там привычкам и стереотипам в отношении политических явлений (групповой конформизм и

лояльность), склонность к лозунговому мышлению, способность к разделению ответственности в группе, характер критичности и согласия с мнением лидеров и аутсайдеров, степень восприятия информации и способность к творческим решениям и т.д.

В плане уточнения данных характеристик принято учитывать специфику **больших** (или дистантных, с формально опосредованным общением индивидов) групп, к которым можно отнести классы, слои, территориальные образования, нации и т.д., а также **малых** (с непосредственным общением индивидов) групп, в частности, микросоциальных объединений людей, неформальных образований, отдельных политических ассоциаций и т.д. Каждая из этих групп отличается временным или постоянным характером существования, преобладанием организованных или стихийных связей, специализированным или мультифункциональным назначением и т.д.

Устойчивые элементы политической психологии

Психологические типы личности, лидера или психологический склад группы являются результатом длительно-

го формирования стандартных реакций этих субъектов на постоянные и типичные вызовы политической среды. Индивиды или группы соответственно особенностям своего темперамента, характера, некритически усвоенным коллективным воззрениям и верованиям (архетипам), ролевым назначениям, привычкам и традициям на протяжении достаточно длительного времени вырабатывают свойственные им психологические ответы на политические раздражители в виде устойчивых эмоциональных стандартов и стереотипов мышления и поведения. Некоторые специалисты даже утверждают, что вообще существуют некие универсальные чувства (например, агрессии, альтруизма и др.) и психологические типы, которые в каждую эпоху лишь проявляются по-разному на новом историческом материале. Именно они, воплощая устойчивые эмоциональные оценки и стереотипы чувствования, предопределяют характер политических процессов, электоральный выбор людей ¹.

Очень отчетливо устойчивость психологических черт и механизмов просматривается на уровне различных групп. Например, молодежи, как особой социальной группе, присущи, это доказано многочисленными исследованиями, эмоциональная неустойчивость, максимализм, повышенная возбудимость и подверженность неосознанным психическим реакциям, незавершенность системы функций контроля и самооценки. Такие психологические особенности превращают ее в наиболее «трудного» политического субъекта, чье поведение или партийно-политиче-

¹ См.: Юрьев А. Введение в политическую психологию. СПб., 1992.

ская идентификация обладают крайней подвижностью и непредсказуемостью. Молодые люди легко поддаются внушению, становятся жертвами политических спекуляций и манипулирования. Правда, наиболее интеллектуально развитая и социально чуткая часть — студенчество — практически всегда одной из первых принимает участие в акциях политического протеста за идеалы свободы и справедливости.

Весьма устойчивы черты психологического склада и у наций. При этом характер этих чувственных механизмов и черт непосредственно зависит от того, какую роль в социальном самовыражении человека играет национальная идентификация. Ведь главный психологический механизм образования облика нации — межнациональное сравнение, поэтому люди, не испытывавшие серьезных ущемлений в области изучения родного языка, вероисповедания, приобщения к культурным ценностям, а также участвовавшие в широких инонациональных контактах, редко преувеличивают факт национальной принадлежности и страдают национальными предрассудками по отношению к другим народам. В основе их психологического склада лежит усвоенное с детства нейтрально-естественное отношение к ведущим национально-культурным ценностям, к людям других национальностей. Такие черты не являются психологически доминирующими в поведении человека и их довольно трудно политизировать и уж тем более придать им ярко выраженную агрессивную форму.

Напротив, появившаяся по тем или иным причинам гиперболизация национальной идентичности, привлечение национальных чувств для выполнения защитных, компенсаторных функций ведут к преувеличению несходства различных наций, а впоследствии — к чрезмерному приукрашиванию собственной нации и преуменьшению достоинств других. В таком случае у людей начинают действовать устойчивые психологические механизмы, которые, к примеру, настраивают их на уклонение от информации, способной внести диссонанс в их воззрения. Устойчивость таких чувственных стандартов столь высока, что даже при очевидном несоответствии взглядов и действительности люди продолжают верить в их справедливость.

Психологическое доминирование национальной идентичности нередко приводит к тому, что раздражение, вызванное самыми разными социальными причинами, автоматически переносится на сферу национального восприятия. Такой механизм психологического переноса (трансфер) заставляет даже собственные ошибки перекладывать на плечи других («врагов нации»). А чаще всего побуждает человека жить по законам двух стандартов: все, что задевает его национальные чувства, наделять негативным смыслом, а на собственные действия, способные обидеть другого, не обращать внимания.

Политические настроения

У политической психологии помимо устойчивых есть и более или менее динамичные элементы, одними из которых являются **политические настроения**. По сути дела они выступают как **эмоционально-чувственная оценка населением степени удовлетворения (неудовлетворенности) своих ожиданий и притязаний в рамках существующего режима и господства определенных ценностей**. Иными словами, будучи показателем нервно-психического напряжения, настроения представляют собой сигнальную реакцию, выражающую ту или иную степень несовпадения человеческих потребностей с конкретными возможностями людей и условиями их жизни и деятельности. Такая форма переживания своих потребностей предваряет осмысление людьми проблем, является непосредственной предпосылкой возникновения, формирования умонастроений, мнений, политических позиций.

Благодаря своему характеру, настроения целиком и полностью зависят как от **внешних условий** (когда, например, человеческие притязания резко спадают в результате изменения ситуации, не полностью удовлетворившей их или заставившей людей понять всю беспочвенность притязаний), так и от **состояния самого субъекта**. В последнем случае люди могут не снижать интенсивность своих надежд даже в результате множественных неудач. Они могут отрицать даже явные причины неуспеха, продолжая верить и добиваться своих целей. Политические настроения в таком случае становятся мощным источником политической воли, которая стремится достичь определенных целей даже вопреки реальному положению вещей. Причем интенсивность настроений значительно увеличивается, если люди преследуют цели, соответствующие их внутренним убеждениям и характеризующие позиции, которыми они никогда не поступятся.

Выражая определенное эмоционально-психологическое состояние людей, настроения могут порождать самые разнообразные, в том числе противоположные по направленности, политические движения, усиливать спонтанность и импульсивность действий субъектов, изменять психологическую сплоченность групп и населения в целом. Однако чувства массового протеста, отрицательная для государства экзальтация населения или паника только частично характеризуют роль настроений в политике. Помимо негативных последствий настроения могут обладать и нейтральным (например, состояние апатии, свидетельствующей о снижении притязаний граждан к власти), и положительным значением (люди могут испытывать энтузиазм в результате призывов властей, предвкушения своей близкой победы на выборах, героизировать свои чувства, сопротивляясь врагу, и т.д.).

К структурным компонентам политических настроений специалисты чаще всего относят: *бессознательные* ощущения и эмоции, *чувства*

ожидания, оценку своих возможностей влияния на власть. Последовательность их возникновения или преобладание друг над другом зависит от ситуации и состояния конкретного субъекта. В целом же настроения могут формироваться спонтанно, в отдельных слоях населения и инициироваться сознательно извне путем выдвижения партиями или государством таких программ и целей, которые провоцируют новые, более высокие ожидания граждан. При этом каждая партия, как правило, всегда пытается превзойти соперника, нередко выдвигая все более привлекательные, но все менее осуществимые цели.

Различают настроения, выражающие *идеальные* требования людей к власти (например, демонстрирующие, как должен вести себя лидер или режим в целом), и настроения как *реально складывающиеся психологические состояния*, характеризующие то или иное отношение людей к различным аспектам политики. При этом и те, и другие могут создавать некий фон в политической системе, а могут и определять те или иные действия разнообразных субъектов.

Обычно формируются настроения в рамках определенного цикла, который, по мнению российского ученого Д. Олышанского, включает следующие стадии: зарождения, поворота, подъема и отлива. На стадии **зарождения** фиксируется появление брожения, смутного и до поры до времени скрытого недовольства людей, вызывающего у них неприятный осадок, ощущение дискомфорта. В этих условиях люди взаимно «заводят» друг друга, выражают свои притязания, выискивая виноватых и приписывая им отрицательные свойства, что ведет к нарастанию силы протеста. На стадии **поворота** смутные чувства кристаллизуются и рационализируются в определенных политических образах и требованиях, ведут к пониманию причин своего недовольства. На стадии **подъема** выделяются доминантные настроения, которые, распространяясь вширь, формируют массу людей, достигших такой степени усиления чувств, которая требует немедленного действия, реализации настроений. Стадия **отлива** выражает эмоциональный спад, возникающий в результате подлинного или мнимого удовлетворения настроений. При этом пассивность иногда становится не только следствием удовлетворения, разрешения настроений, но и понимания безысходности. Повторяясь, этот цикл придает динамике настроений вид синусоиды: за подъемом ожиданий следует разочарование, затем упадок снова сменяется подъемом и т.д.

Понимая важность настроений, политические режимы пытаются не только прогнозировать их динамику, но и управлять ими. Инициирование нужных властям настроений чаще всего осуществляется при помощи сложных манипуляций, специфического информирования и дезинформации населения. Например, власти нередко создают «климат завышенных ожиданий», демонстрируя искренность взаимоотношений с населением, или поощряют распространение мифов, создающих у об-

щественности нужные им политические образы. Особенно ярко стремление использовать настроения в своих политических целях наблюдается во время выборов, когда обещания партий и лидеров нередко переходят все рамки реально возможного. Еще более разнообразны и противоречивы настроения в переходных условиях, когда в них объединяются не только надежды на лучшее будущее, но и негативизм, ностальгия по прошлому и другие разноречивые чувства и эмоции.

3. Политическое поведение

Сущность политического поведения

Политическое поведение является важнейшей внешней формой выражения места и роли политической психологии в сфере политики. Именно здесь психология выступает и как механизм, и как специфический фактор человеческой активности в политической жизни. Причем прежде всего в мотивации поведения политических субъектов психология выявляет свой преобразующий потенциал, способствует изменениям процессов и институтов.

Подобно любой другой основополагающей категории политической науки, политическое поведение подвергается различным теоретическим интерпретациям и характеристикам. В настоящее время в науке сформировалось несколько точек зрения на его природу и сущность. Так, значительная часть ученых исходит из того, что политическое поведение — это **совокупность всех действий** (акций и интеракций), осуществляющихся в политической сфере и различающихся по степени своего влияния на власть. Например, в рамках данного подхода действия рассматриваются как способы реализации статусов или, как считает П. Блау, как результаты выгодных актору рациональных решений.

Весьма распространена и **ситуационная** трактовка политического поведения, авторы которой акцентируют внимание на внешних по отношению к человеку факторах, влияющих на содержание его действий. Как правило, речь в таком случае идет о физической, органической и социальной среде. В связи с таким пониманием Р. Мертон ставит вопрос о различных способах адаптации к внешней среде: *конформизме*, означающем принятие человеком сложившегося порядка вещей, *инновации*, предполагающей сохранение активности и самостоятельности позиции человека по отношению к окружающей среде, и *ритуале*, выражающем символическую и некритическую позицию человека по отношению к внешним условиям деятельности.

Наиболее часто встречающаяся конформная адаптированность лишает поведение человека остроты, четко выраженной ответной реакции на политическую обстановку. Активность конформистски настроенного субъекта не позволяет ему замечать промахи властей, и нередко он прощает ей

даже преступления, особенно в тех случаях, когда они непосредственно не затрагивают его интересов. Такой тип поведения в наибольшей степени придает политическому порядку искомую властями стабильность и потому приветствуется и поощряется ими. Ритуальный же характер поведения также практически безопасен для господствующего режима в силу воспроизведения им доминирующих норм и образцов взаимоотношений с властью. И только инициативный характер поведения способен, в том случае, если он не направлен на поддержку властей, стимулировать изменения, чреватые дестабилизацией общественного положения.

Ряд ученых при характеристике политического поведения делают акцент на **субъективных** намерениях человека, проявляющихся в его действиях. Так, М. Вебер выделял в связи с этим целерациональные, ценностно-рациональные, аффективные и традиционные действия, имеющие место в политической сфере. Характеризуя особые источники и формы политического поведения, эти способы деятельности обладают собственной спецификой производства действий.

Указанные подходы дают возможность определить **политическое поведение** как всю совокупность субъективно мотивированных действий разнообразных субъектов (акторов), реализующих свои статусные позиции и внутренние установки.

Помимо акцента на действенное, активное проявление позиций актора, политическое поведение несет на себе отпечаток субъективности, персональности понимания каждым действующим лицом целей и средств их достижения, собственных позиций, оценок прошлого и настоящего.

Конечно, политическое поведение может быть вызвано к жизни внешними причинами или спровоцировано подсознательными мотивами и стимулами. Однако в большинстве своем поведение актуализирует различные формы осознания людьми своих потребностей и интересов. В этом смысле З. Фрейд считал, что людьми движет удовольствие, Т. Адорно — могущество, А. Унгерсма — смысл, а Д. Доллард и В. Миллер — фрустрации (досада и разочарование, возникающие в результате обнаруживающихся препятствий для удовлетворения интересов). Известный американский ученый А. Маслоу в 1950-х гг. сформулировал классический перечень иерархизированных потребностей человека, которые, по его мнению, лежат в основании его практических действий. К ним он относил: физиологические потребности, потребность в безопасности (уверенность, стабильность, свобода от страха), в любви, признании и самоутверждении, а также самореализации¹.

Сторонники *конфликтной* теории предложили несколько иной подход. Они считают, что политическое поведение человека формируется

¹ Maslow A. Motivation and Personality. N.Y., 1972. P. 326.

на основании трех типов мотивации: *кооперативной*, при которой субъект заинтересован в благосостоянии партнера и рассматривает его интересы в качестве составной части собственных устремлений; *индивидуалистической*, которая игнорирует все соображения целесообразности, за исключением своей собственной выгоды; и *конкурентной*, которая означает неизбежность резкого противопоставления позиций и интересов соперничающих сторон и игру на выигрыш, при которой нанесение ущерба конкуренту является одним из позитивно оцениваемых итогов деятельности.

Представители системного анализа считают, что решающим мотивом политического поведения является расположенность *кавторитетным* лидерам, копирование их стиля и наклонностей. А. Даунс, Р. Кари, Л. Хуад и другие приверженцы теории *рационального* выбора, игнорируя эти привнесенные мотивы, настаивают на ведущем значении в поведении индивида его стремления к выгоде, поиску удовольствия и минимизации потерь.

В то же время А. Г. Орц, О. Дебарль и другие ученые, разделяющие принципы идеи «*автономного человека*», утверждающей неуклонное нарастание индивидуализации социального поведения и исключительную сложность мотивов, которыми руководствуются граждане в современных условиях, не только предлагают как можно более детально исследовать их установки, но зачастую доходят до признания принципиальной неспособности анализировать субъективные мотивации.

Теоретическая разногласия относительно определения важнейших мотивов демонстрирует очень сложный характер политического поведения, его многогранность и даже известную неопределенность. Поэтому теоретический спор вряд ли в скором времени придет к какому-то общему знаменателю. Вместе с тем уже полученные наработки в целом позволили сформировать перечень основных элементов поведенческой активности человека. К ним относятся: учет внешних факторов; интересов и потребностей субъектов; истинных или ложных форм их осознания (в виде установок, мотивов, убеждений); особенностей функций и ролевых нагрузок субъектов; конкретных действий; обратной связи между поведением и условиями его осуществления.

На базе таких универсальных принципов в науке разрабатываются разнообразные модели электорального, кризисного поведения граждан, принятия решений лидерами и др.

Типы политического поведения

Разнообразие областей политической жизни, множественность ролей и функций индивидов и групп в сфере отношений с государственной властью породили множество типов по-

литического поведения. Так, идейно сориентированные поступки граждан, как правило, относятся к **автономному** типу политического поведения, отражающему относительно свободный выбор людьми политических целей и средств их достижения. Этот тип поведения противостоит **мобилизованным** формам активности, характеризующим вынужденность совершаемых человеком поступков под давлением внешних обстоятельств (силовых структур, партийных органов, силы общественного мнения).

Там, где воздействие идеологии стимулирует рутинные, постоянно повторяющиеся мотивы и действия граждан, принято выделять **традиционные** формы политического поведения и противостоящие им **инновационные** способы практического достижения политических целей (в них преобладают творческие формы политической активности).

Но наибольшим практическим значением для организации политических порядков обладают формы поведения, которые соответствуют общепринятым в политической системе ценностям и нормам «политической игры» и поддерживают, таким образом, правящий режим, т. е. **нормативные** формы политического поведения. В то же время самым проблематичным является урегулирование и контроль за отклоняющимися от принципов и норм политических отношений политическими действиями, или **девиантного** поведения.

В политической науке наибольшее внимание уделяется поиску причин такого отклоняющегося поведения. Так, еще со времен А. де Токвиля его причины связывались с противоречием между интенсивным ростом ожиданий и притязаний граждан, с одной стороны, суженностью путей их реализации (так называемая депривация) — с другой. Р. Мертон усматривал причины девиации в разрыве между целями, которые выдвигаются и поощряются обществом, и возможными в социуме средствами их достижения. С его точки зрения, понимание людьми того, что устоявшиеся средства и методы деятельности не приводят к намеченным результатам, осознание устойчивого дисбаланса целей и средств неизбежно побуждают граждан нарушать табу применять иные, не санкционированные обществом способы решения задач.

Популярными и распространенными точками зрения на причины ненормативной активности граждан являются представления о конфликтах как главных стимуляторах всех возможных отклонений. В качестве причин девиации отдельные ученые рассматривают и факторы, имеющие более частный характер и объясняющие, к примеру, такие явления наследственной дегенерацией групп граждан, распространением пороков, временным помутнением рассудка и т. п.

Политическая культура

1. Понятие политической культуры

Сущность и понятие политической культуры

Многое из того, что в настоящее время относится к политической культуре, содержалось еще в Священном Писании, анализировалось и описывалось мыслителями древности Конфуцием, Платоном, Аристотелем. Однако сам термин появился много позже — в XVIII в. в трудах немецкого философа-просветителя И. Гердера. Первые попытки теоретического описания политической культуры предпринимались русским исследователем Д. Койгиным в первом-втором десятилетии XX в.; однако полновесная концептуализация этого явления произошла только в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого века в русле западной политологической традиции.

Американский теоретик Г. Алмонд, исследуя политическую систему, выделил два уровня ее анализа: **институциональный**, характеризовавший институты и их функции, нормы и механизмы формирования государственной политики, и **ориентационный**, выражающий особые формы ориентации населения на политические объекты. Эти ориентации содержали в себе «*познавательные*» (представая как знания о строении политической системы, ее основных институтах, механизмах организации власти), «*эмоциональные*» (выражающие чувства людей к тем, кто обеспечивал функционирование властных институтов и олицетворял власть в глазах населения), а также «*оценочные*» (выступающие как суждения, опирающиеся на ценностные критерии и стандарты оценки политических явлений) аспекты. В совокупности эти ориентации и характеризуют, по мнению Алмонда, такое специфическое явление, как политическая культура.

Анализ этих сторон отношения человека к политической системе, сосредоточивая внимание на разделяемых людьми ценностях, локальных мифологиях, символах, ментальных стереотипах и прочих аналогичных явлениях, давал возможность понять, почему, например, одинаковые по форме институты государственной власти в разных странах действуют порой совершенно по-разному. Таким образом, идея политической культуры позволяла глубже исследовать мотивацию политического поведения граждан и институтов, выявить причины множества конфликтов, которые невозможно было объяснить, опираясь на традиционные для политики причины: борьбу за власть, перераспределение ресурсов и т.д.

Впоследствии американцы С. Верба, Л. Пай, В. Розенбаум, англичане Р. Роуз и Д. Каванах, немецкий теоретик К. фон Бойме, французы М. Дюверже и Р. Ж. Шварценберг, голландец И. Инглхарт и другие ученые существенно дополнили и развили учение о политической культуре. Причем, несмотря на то что практически всеми учеными политическая культура связывалась с наличием ценностной мотивации, верований, присущих национальному характеру идеалов и убеждений, вовлекающих человека в политическую жизнь, тем не менее для многих из них данное понятие стало символом обобщенной характеристики всего субъективного контекста политики. Как, в частности, писал С. Верба, «политическая культура — это то, что задает форму проявления связи между событиями в политике и поведением индивидов как реакции на эти события; дело в том, что, хотя политическое поведение индивидов и групп... является ответом на действия официальных лиц из правительства, войны, избирательные кампании и тому подобное, оно еще в большей степени определяется тем (символическим) значением, которое придается каждому из этих событий людьми, их наблюдающими. Можно сказать, что это не более чем проявление того, как люди воспринимают политику и как они интерпретируют то, что видят»¹. Неудивительно, что в русле такого подхода политическая культура расценивается некоторыми теоретиками как не более чем «новый термин для старой идеи»².

Некоторые другие ученые (Ю. Пивоваров), даже признавая наличие и значение политической культуры, полагают, что соответствующая теория способна объяснить политические процессы и катаклизмы только в рамках тех западных стран, на эмпирическом материале которых Г. Алмонд и создавал свою концепцию. Впрочем, время не только продемонстрировало реальное значение политико-культурных явлений, обладающих собственным местом и ролью в объяснении политического процесса, но и выявило методологическое значение соответствующей категории, ее способность объяснять любые национальные, цивилизационные и иные особенности политического развития.

В настоящее время в политической науке принято говорить о двух крупных направлениях в развитии теории политической культуры. Первое (развивающее взгляды основоположников данной теории) — **классическое** — направление, отождествляет политическую культуру со всем субъективным содержанием политики и подразумевает под ней всю совокупность *духовных* явлений (Г. Алмонд, С. Верба, Д. Дивайн, Ю. Крас-

¹ Verba S. Conclusions: Comparative Political Culture // Pye L., Verba S. Political Culture and Political Development. Princeton, 1965. P. 516.

² Kavanagh D. Political Science and Political Behaviour. L., 1983. P. 48.

нов и др.). Другое — **интерпретационное** — направление вбирает в себя широкий круг концептуальных истолкований политической культуры, связывающих ее природу не только с идеальными компонентами. Так, одна группа ученых видит в этом явлении совокупность *нормативных* требований, как бы подтягивающих действия людей к сложившимся стандартам и формам взаимодействия с властью (С. Вайт); другая рассматривает политическую культуру как совокупность *типичных образцов поведения* человека в политике (Дж. Плейно); третья интерпретирует ее как некую *матрицу активности*, формирующую рамки истолкования человеком политических явлений и накладывающую ограничения на его мыслительные и поведенческие реакции (М. Даглас) и т.д.

В рамках данного направления развивается и понимание политической культуры как *способа, стиля политической деятельности человека*, предполагающего воплощение его ценностных ориентаций в практическом поведении (И. Шапиро, П. Шаран, В. Розенбаум). Такое понимание раскрывает практические формы взаимодействия человека с государством как выражение им своих наиболее глубинных представлений о власти, политических целей и приоритетов, предпочтительных и индивидуально освоенных норм и правил практической деятельности. Характеризуя неразрывную связь практических действий человека в сфере власти с поиском своих политических идеалов и ценностей, политическая культура интерпретируется как некая постоянно воспроизводимая на практике духовная программа, модель поведения людей, отражающая самые устойчивые индивидуальные черты поведения и мышления, не подверженные мгновенным изменениям под влиянием конъюнктуры или эмоциональных переживаний.

В этом смысле стиль политической деятельности человека раскрывает политическую культуру как совокупность устойчивых «духовных кодов» его политических действий, свидетельствующих о степени свободного присвоения им тех или иных норм и традиций политической жизни, сочетании в его повседневной активности творческих и стандартных приемов реализации своих прав и свобод и т.д. В этом смысле политическая культура представляет собой форму освоения человеком и наследия, оставленного предшествующими поколениями, и переосмысления актуального для него политического опыта. Поскольку же у человека всегда сохраняется определенный разрыв между освоенными и неосвоенными им нормами и традициями политической игры (а также между прошлым и актуальным опытом), то у него сохраняется мощный источник переоценки и уточнения своих ориентиров и принципов, а следовательно, и развития своей политической культуры.

В настоящее время понятие политической культуры все больше обогащается смыслами, производными от «культуры» как особого явления,

противопоставляемого природе и выражающего целостность жизненных проявлений общества. В силу этого и политическая культура все больше рассматривается как *политическое измерение культурной среды* в конкретном обществе, как характеристика поведения конкретного народа, отличительная черта его цивилизационного развития. В этом смысле политическая культура выражает движение присущих народу традиций в сфере государственной власти, их воплощение и развитие в современном контексте, влияние на условия формирования политики будущего. Выражая этот «генетический код» народа, его дух в символах и атрибутах государственности (флаге, гербе, гимне), политическая культура по-своему интегрирует общество, обеспечивает в привычных для людей формах взаимоотношения элитарных и неэлитарных слоев, государства и общества.

Понимаемые таким образом политические культуры различных обществ относятся друг к другу не как «низшая/высшая», а как самобытные ориентационные системы массовой активности этих народов, обладающие определенной способностью к усвоению сторонних ценностей (инкультурации) и возможностями распространения своих собственных идеалов (аккультурации). По этой причине нельзя считать, что политическая культура США выше политической культуры Сербии. Просто это разные системы ориентации политического поведения тех сообществ, которые руководствуются не только современными представлениями о правах человека (нормах политической конкуренции, стандартах ответственности элит и пр.), но и собственными традициями, раскрывающими характерные для данного социума отношения государства и общества.

Несмотря на невозможность применения критериев одной культуры для оценки другой, политико-культурные явления все же обладают неким универсальным характером, которые отражает *гуманистическое* содержание идей и ценностей. В то же время если человек руководствуется представлениями, пренебрегающими ценностью человеческой жизни, чувствами неприязни и ненависти, ориентируется на насилие и физическое уничтожение другого, то в таком случае эти формы воплощения ценностей невозможно отнести к явлениям культуры как таковой. По этой причине фашистские, расистские, шовинистические движения, геноцид и терроризм, охлократические формы протеста и тоталитарный диктат властей не способны поддерживать и расширять культурное пространство в политической жизни.

Сказанное показывает, что во многих обществах не все формы политического участия граждан строятся на образцах культуры. Таким образом, можно видеть, что политико-культурные способы поведения граждан способны сужать или же расширять зону своего реального существования. Вследствие этого политическая культура не может быть

признана универсальным явлением, пронизывающим все фазы политического процесса и существующим во всех точках пространства власти. Развиваясь по собственным законам, она оказывает различное влияние на формы организации политической власти, строение ее институтов, характер межгосударственных отношений.

Обобщая наиболее значимые теоретические подходы, **политическую культуру** можно определить как совокупность типичных для конкретной группы лиц (общества) образов и форм поведения в публичной сфере, воплощающих их ценностные представления о содержании и целях развития мира политики и закрепляющих приоритетные для них нормы и традиции взаимоотношений государства и общества.

Вмещающая в себя чрезвычайно широкий круг гуманистически ориентированных ценностей (и обусловленных ими форм поведения), политическая культура демонстрирует разнообразие жизни конкретных обществ, слоев населения, их обычаев и традиций. Применительно к отдельному обществу это означает, что его политическая культура содержит разнообразные **субкультуры**, т.е. локальные, относительно самостоятельные группы ценностей, норм, стереотипов и приемов политического общения и поведения, поддерживаемых отдельными группами населения.

Функции политической культуры

Воплощая целостно-смысловую детерминацию активности человека в сфере власти, политическая культура характеризует его способность понимать специфику своих властно значимых интересов, действовать при достижении целей не только в соответствии правилами политической игры, но и творчески перестраивая приемы и способы деятельности при изменении потребностей и внешних обстоятельств. Сочетая ценностную мотивацию с чувственными и рациональными побуждениями человеческих действий, политическая культура не просто содержит в себе элементы, позволяющие человеку одновременно выглядеть «логичным», «нелогичным» и «внелогичным» (В. Парето), но и проявляется в самых разнообразных формах. В частности, она может существовать в виде духовных побуждений и ориентаций человека, в опредмеченных формах его практической деятельности, а также в институализированном виде, т.е. закреплённой в строении органов политического и государственного управления, их функциях. Поскольку не все ценности одновременно воплощаются практически и уж тем более институционально, постольку между названными формами проявления политической культуры всегда существуют определенные противоречия.

Политической культуре свойственны определенные функции в политической жизни. К важнейшим из них можно отнести следующие функции:

- **идентификации**, раскрывающей постоянную потребность человека в понимании своей групповой принадлежности и определении приемлемых для себя способов участия в выражении и отстаивании интересов данной общности;
- **ориентации**, характеризующей стремление человека к смысловому отображению политических явлений, пониманию собственных возможностей при реализации прав и свобод в конкретной политической системе;
- **предписания (программирования)**, выражающей приоритетность определенных ориентаций, норм и представлений, задающих и обуславливающих определенную направленность и границы конструирования поведения человека;
- **адаптации**, выражающей потребность человека в приспособлении к изменяющейся политической среде, условиям осуществления его прав и властных полномочий;
- **социализации**, характеризующей приобретение человеком определенных навыков и свойств, позволяющих ему реализовывать в той или иной системе власти свои гражданские права, политические функции и интересы;
- **интеграции (дезинтеграции)**, обеспечивающей различным группам возможность сосуществования в рамках определенной политической системы, сохранения целостности государства и его взаимоотношений с обществом в целом;
- **коммуникации**, обеспечивающей взаимодействие всех субъектов и институтов власти на базе использования общепринятых терминов, символов, стереотипов и других средств информации и языка общения.

В процессе реализации своих функций политическая культура способна оказывать тройственное влияние на политические процессы и институты. Во-первых, под ее воздействием могут **воспроизводиться** традиционные для общества формы политической жизни. Причем в силу устойчивости ценностных ориентаций в сознании человека такая возможность сохраняется даже в случае изменения внешних обстоятельств и характера правящего режима. Поэтому и в периоды проводимых государством реформ целые слои населения могут поддерживать прежние политические порядки, противодействуя новым целям и ценностям. Такая способность политической культуры хорошо объясняет то, что большинство революций нередко заканчивается либо определенным возвратом к прежним порядкам (означающим невозможность населения внутренне освоить новые для себя цели и ценности), либо террором (только и способным принудить людей к реализации новых для них принципов политического развития).

Во-вторых, политическая культура способна **порождать новые**, нетрадиционные для общества формы социальной и политической жизни, а в-третьих, **комбинировать** элементы прежнего и перспективного политического устройства.

В зависимости от выполнения тех или иных функций политическая культура обладает различным влиянием на деятельность режима правления, формы участия, межгосударственные отношения и т. д. В различных исторических условиях, а чаще в нестабильных политических процессах некоторые функции политической культуры могут затухать и даже прекращать свое действие. В частности, может значительно снижаться коммуникативная способность политических норм и традиций государственной жизни, в результате чего неизбежно обостряется полемика между различными общественными группами, и особенно теми из них, которые придерживаются противоположных позиций относительно правительственного курса. Вместе с тем в переходных процессах нередко возрастает способность политической культуры к дезинтеграции систем правления, основанных на непривычных для населения целях и ценностях.

Структура политической культуры

Политическая культура — явление полиструктурное, многоуровневое. Многообразные связи политической

культуры с различными социальными и политическими процессами определяют ее сложное строение и организацию. Разнообразные внутренне структуры политической культуры отражают процесс формирования политического поведения субъектов, этапы становления политических ориентиров, наличие и особенности участия разнообразных субъектов (элит, электората, жителей отдельных стран и регионов), эволюцию традиций и ценностей.

Так, к примеру, В. Розенбаум считает, что ориентации людей относительно политической системы есть «базовые компоненты политической культуры»¹. В частности, он предлагает дифференцировать ориентации на следующие блоки:

- ориентации относительно *институтов* государственного управления; в этот блок входят ориентации относительно режима (государственных институтов, норм, символов, официальных лиц) и относительно «входов» и «выходов» политической системы, выражающих оценку различных требований к государственной власти, ее решений, эффективности их реализации;
- ориентации относительно «*других*» в политической системе, включающие политическую идентификацию (осознание при-

¹ *Rosenbaum W. A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. N.Y., Praeger publ. 1975. P. 6.*

надлежности к нациям, государствам, жителям определенных районов и др.), политическую веру (означающую убежденность человека в позитивных или негативных последствиях действий взаимодействующих с ним людей) и выработку субъективных предпочтений относительно «правил игры» и господствующего правопорядка;

- ориентации относительно *собственной* политической деятельности, включающие оценку своей политической компетентности (при участии в политической жизни, использовании при этом определенных ресурсов), веру в свою способность оказывать реальное воздействие на институты власти.

Политические ориентиры и ценности могут структурировать политическую культуру и с учетом их различного значения для формирования политической деятельности человека. В этом смысле могут выделяться **мировоззренческие, гражданские и собственно политические ценности.**

Так, ценностная ориентация человека на **мировоззренческом** уровне отражает роль представлений о политике в его индивидуальной картине мира, глубоко личностном восприятии жизни. Это заставляет его соотносить свои нравственно-этические представления (о добре, смысле жизни) с особенностями политической сферы, формировать представления о роли политики в достижении им своих главных жизненных целей. В рамках **гражданских** ориентиров человек осознает свои возможности как участника публичных отношений, в которых действуют особые органы и институты власти (органы государственного управления, суд и др.), обладающие по отношению к нему принудительными способностями и оказывающими влияние на реализацию им его прав и свобод. С точки зрения **собственно политических** представлений человек вырабатывает свое отношение к практическим формам деятельности режима правления, правящих и оппозиционных партий, лидеров и т. д.

На каждом из этих уровней у человека могут складываться довольно противоречивые представления. Причем отношение к конкретным политическим событиям изменяется, как правило, значительно быстрее, нежели мировоззренческие принципы, в силу чего восприятие новых целей и ценностей, переосмысление истории и т. д. осуществляются крайне неравномерно. Все это придает процессам формирования и развития политической культуры дополнительную сложность и противоречивость. А степень соответствия уровней ценностной ориентации непосредственно определяет характер целостности и внутренней неравномерности политической культуры.

Типичный ряд структурных компонентов политической культуры отражает различия ценностных ориентаций и способов политического поведения в зависимости от принадлежности людей к социальным, на-

циональным, демографическим, территориальным, конфессиональным, ролевым (элита и электорат) и другим общественным группам. Тем самым политическая культура предстает как совокупность *субкультурных* образований, характеризующих наличие у их носителей существенных (и несущественных) различий в отношении к власти и государству, правящим партиям, в способах политического участия и т. д.

Такой подход позволяет увидеть, что в конкретных странах и государствах наибольшим политическим влиянием могут обладать, например, религиозные (в Северной Ирландии и Ливане), этнические (в Азербайджане) или элитарные (в переходных обществах) субкультуры. В этом смысле наиболее важными элементами субкультурной дифференциации политической культуры являются личностные особенности лидеров и элиты, характеризующие их способности к выражению интересов рядовых граждан и эффективному управлению и росту легитимации власти.

2. Типы политической культуры

Критерии типологизации политической культуры

На протяжении развития разнообразных государств и народов выработано множество типов политической культуры, выражающих преобладание в стиле политического поведения граждан определенных ценностей и стандартов, форм взаимоотношений с властями, а также иных элементов, сложившихся под доминирующим воздействием географических, духовных, экономических и прочих факторов.

В основании типологии политических культур могут лежать достаточно приземленные факторы, отражающие, к примеру, специфику разнообразных политических систем (Х. Экстайн), стран и регионов (Г. Алмонд, С. Верба), типов ориентации граждан в политической игре (в частности, моралистских, индивидуальных или традиционных — Д. Элазар), открытость (дискурсивность) или закрытость политических ценностей к инокультурным контактам (Р. Шварценберг), внутреннюю целостность культурных компонентов (Д. Каванах), идеологические различия (Е. Вятр) и др.

Особую известность в науке получила классификация политической культуры, предложенная Г. Алмондом и С. Вербой в книге «Гражданская культура» (Нью-Йорк, 1963). Анализируя и сопоставляя основные компоненты и формы функционирования политических систем Англии, Италии, ФРГ, США и Мексики, они выделили три «чистых» типа политической культуры: **парохиальный** (приходской, «местечковый», патриархальный), для которого характерно отсутствие интереса граждан к политической жизни, знаний о политической системе и значимых для людей ожиданий от ее деятельности; **подданнический** с силь-

ной ориентацией на политические институты и невысоким уровнем индивидуальной активности граждан; **партиципаторный** (от англ. *participation* — участие), свидетельствующий о заинтересованности граждан в политическом участии и о проявлении ими такой активности. Авторы подчеркивали, что на практике данные типы политической культуры взаимодействуют между собой, образуя смешанные формы с преобладанием тех или иных компонентов. Причем самой массовой и одновременно оптимальной, с точки зрения обеспечения стабильности политического режима, является синтетическая «*культура гражданственности*», в которой преобладают подданнические установки и соответствующие формы участия людей в политике.

Учитывая различную степень освоения гражданами различных ценностей, норм, стандартов, характерных для разных стран, в науке выделяют **консенсуальный** и **поляризованный** типы политической культуры. В политической культуре консенсуального типа отмечается наличие весьма высокой сплоченности населения на базе относительно ведущих ценностей, целей, которые стоят перед государством и обществом. Поэтому здесь, как правило, высока и лояльность граждан к правящим кругам и целям режима.

В поляризованной политической культуре сложившиеся в обществе субкультуры отличаются резким несовпадением базовых ценностей и ориентиров политической деятельности населения (разрывом горизонтальных субкультур), элиты и электората (разрывом вертикальных субкультур). В странах с фрагментированной политической культурой у населения чаще всего отсутствует прочное согласие относительно целей общественного развития, основных методов реформирования страны, моделей будущего.

Степень и глубина взаимонепонимания обычно не совпадают, поэтому в рамках этого типа политической культуры выделяются и своеобразные подтипы. Например, можно говорить о **фрагментированных** (сегментированных) политических культурах, в рамках которых, в отличие от отношений внутри поляризованной политической культуры, существует определенный общественный консенсус по поводу самых основных — национальных — ценностей. В то же время, как подчеркивает В. Розенбаум, здесь местная лояльность нередко превалирует над национальной, слаба действенность правовых, легитимных процедур, распространено острое недоверие социальных групп друг к другу, и поэтому приходящие к власти правительства нестабильны и недолговечны.

Наличие сегментированных политических культур весьма типично для переходных обществ или тех, в которых идет процесс формирования титульной нации. В этих условиях велика доля апатичных и отчужденных от власти слоев населения, ведутся острые политические дискуссии относительно целей и способов общественных преобразований.

Учитывая особую роль государства и других политических институтов в воспроизводстве образцов политического мышления и поведения, в науке различают также **официальную**, поддерживаемую институтами государства, и **реальную** политическую культуру, воплощающую ценности и соответствующие им формы практического поведения большинства или значительной части населения. Так, в ряде стран Восточной Европы, где идеи социализма в значительной мере внедрялись под давлением государства, при первых же демократических преобразованиях («бархатных революциях») они уступили место официальным показателям приверженности этих стран марксизму-ленинизму реальным ориентирам и ценностям граждан.

В то же время типы политической культуры могут определяться и на более общих основаниях, способных обнажить самые универсальные черты разнообразных стилей политического поведения граждан в тех или иных странах. Например, можно говорить о **рыночной** политической культуре, в которой политика понимается людьми как разновидность бизнеса и рассматривается в качестве акта свободного обмена деятельностью граждан, и об **этатистской**, которая характеризуется главенствующей ролью государственных институтов в организации политической жизни и определении условий политического участия индивида (Э. Баталов).

Особенности политических культур западного и восточного типов

В содержательном отношении существуют и более общие критерии типологизации политической культуры, заданные, в частности, спецификой цивилизационного устройства особых полумиров — Востока и Запада, Юга и Севера, ценности и традиции которых являются фундаментом практически всех существующих в мире типов политической культуры.

Идеалы политической культуры **западного** типа восходят к полисной (городской) организации власти в Древней Греции, предполагавшей обязательность участия граждан в решении общих вопросов, а также к римскому праву, утвердившему гражданский суверенитет личности. В целом ценности и стандарты западной политической культуры формировались по мере и на основе последовательного повышения роли и значения личности в политической жизни общества, установления контроля гражданского общества над государством. Огромное влияние на содержание этих ценностей и стандартов оказали и религиозные ценности христианства, прежде всего его протестантской и католической ветвей, а также особая роль философии, выступавшей в качестве автономной духовной силы и воплощавшей критическое отношение как к социальной действительности, так и к религиозной картине мира.

Экономическим фундаментом западного образа жизни, в лоне которого формировались основные идеи, институты и отношения политической жизни, стал индустриальный тип производственных отношений, который в сочетании с духовным влиянием католицизма, и особенно протестантизма, утвердил важнейшие принципы социального и политического взаимодействия. Для человека греко-римской цивилизации базовым принципом его отношения к действительности было отношение к труду как к залогоу жизненного преуспевания. Рациональное отношение к жизни, идеи состязательности, стремление к прогрессу: «трудись и преуспеешь», «соревнуйся и прославишься» — вот те этические максимы, которые господствовали в отношениях государства и общества, двигали развитие западной цивилизации, заставляли Запад постоянно совершать рывки в развитии производства, вели к неуклонному росту благосостояния его населения.

В силу такого типа цивилизационного развития основные ценности и ориентиры политической культуры Запада прежде всего отражали понимание самодостаточности человека для осуществления власти и отношение к политике как разновидности конфликтной, но вполне рационально организованной деятельности, в которой люди выполняют различные роли и функции. Государство воспринималось как институт, защищающий права и свободы человека, поддерживающий его социальные инициативы. При этом не существовало никаких ценностных ограничений, закрывавших для обычного человека возможности исполнения управленческих функций. Статус важнейшего регулятора политической игры утвердился за правом и законом. Ориентация на главенство законов и конституции сформировала преобладание консенсусных технологий властвования, центристский тип государственной политики.

Такая ценностная мотивация политических действий элитарных и неэлитарных слоев обусловила развитие демократической формы организации власти, закрепилась в разделении властей, создании системы сдержек и противовесов, направленных на систематический контроль общественности за правящими кругами. В настоящее время устойчивые демократические традиции позволяют западным странам гибко адаптироваться ко многим изменениям в мире, решать конфликты в духе целостности и интеграции своих сообществ.

Специфика же **восточных** норм и традиций политической культуры коренится в особенностях жизнедеятельности общинных структур аграрного азиатского общества, складывавшихся под воздействием ценностей арабо-мусульманской, конфуцианской и индо-буддийской культур. Базовые ценности данного мира формировались при постоянном доминировании в жизни общества властвующих структур, господстве коллективистских форм организации частной жизни, подавлении централизованными структурами условий для индивидуальной предпринимательской

деятельности, возникновения и развития частной собственности. Безраздельное господство религиозных идей, воплощавших в себе не только сакральные идеи, но и мораль, право, эстетику, социальные учения, привело к тому, что религиозные доктрины практически поглотили критическую функцию светской философской науки в этих странах.

Разрешение конфликтов в таких условиях предусматривало не поощрение юридических норм, а апелляцию к моральному авторитету старших начальников. Поэтому этической максимой политической культуры восточного типа стал не закон, а обычай, не конституция, а мнение руководства. В целом длительное господство патриархально-клановой структуры общества привело к крайней слабости индивида перед лицом общины и особенно государства. Статус человека определялся его полезностью для конкретной общности, а потому власть, политика всегда воспринимались как сфера деятельности героев и выдающихся лиц.

Такого рода условия способствовали укоренению в качестве базовой ценности этого типа политической культуры убеждения в необходимости обязательного посредника между рядовым человеком и властью (гуру, учителя, старшего). Человек рассматривал политическую власть как область божественного правления. Состязательность, плюрализм, свобода исключались из атрибутов этой области жизни, а признание главенствующей роли элит дополнялось отсутствием потребности в контроле за ее деятельностью. Основным уделом человека признавались исполнительские функции, поддержание идей справедливости, порядка, гармонии верхов и низов. Не удивительно, что такие нормы постоянно порождали тенденции к изоляции верхов и низов, авторитарные тенденции, упрощение форм организации власти и политических отношений.

Противоположность базовых ориентиров западного и восточного типов имеет крайне устойчивый характер, который не могут поколебать даже серьезные политические реформы. К примеру, в Индии, где в наследство от колониального владычества Великобритании страна получила достаточно развитую партийную систему, парламентские институты и т.д., по-прежнему доминируют архетипы восточного менталитета. И поэтому на выборах главную роль играют не партийные программы, а мнения деревенских старост, князей (глав аристократических родов), руководителей религиозных общин и т.д. В свою очередь, и в ряде западноевропейских стран даже повышенный интерес к восточным религиям и образу жизни тоже никак не сказывается на параметрах политической культуры, не ведет к изменению ее.

Правда, в некоторых государствах все-таки сформировался некий *синтез* ценностей западного и восточного типов. Так, например, технологический рывок Японии в клуб ведущих индустриальных держав, а также политические последствия послевоенной оккупации этой стра-

ны позволили усилить в ее политической культуре значительный заряд либерально-демократических ценностей и образцов политического поведения граждан. Весьма интенсивное взаимодействие Запада и Востока происходит и в политической жизни стран, занимающих *срединное* геополитическое положение (Россия, Казахстан и др.), — там формируется определенный симбиоз ценностных ориентаций и способов политического участия граждан. И все же качественные особенности названных мировых цивилизаций, как правило, обуславливают взаимно не преобразуемые основания политических культур, сближение которых произойдет, очевидно, в далеком будущем.

Особенности современной российской политической культуры

Политическая культура отдельной страны обычно формируется в процессе переплетения различных ценностных ориентаций и способов полити-

ческого участия граждан, национальных традиций, обычаев, способов общественного признания человека, доминирующих форм общения элиты и электората, а также других обстоятельств, выражающих устойчивые черты цивилизационного развития общества и государства.

Базовые ценности российской политической культуры сложились под воздействием наиболее мощных, не утративших своего влияния и в настоящее время факторов. Прежде всего к ним можно отнести **геополитические** причины, выражающиеся, в частности, в особенностях ее лесостепного ландшафта, в наличии на большей части территории резко континентального климата, в больших размерах освоенных человеком территорий и т.д. Влияя на жизнь многих и многих поколений, эти факторы (причины) определили для значительных, в основном сельских, слоев населения основной ритм жизнедеятельности, установки и отношение к жизни. К примеру, зимне-летние циклы способствовали сочетанию в русском человеке степенности, обломовской созерцательности и долготерпения (вызванных длительной пассивностью в зимний период) с повышенной активностью и даже взрывным характером деятельности (предполагающих необходимость переделать множество дел за короткое лето).

Собственное влияние на доминирующие черты российской политической культуры оказали и **общецивилизационные** факторы, отразившие самые показательные формы организации совместной жизни россиян, их базовые ценности и ориентиры. Например, к ним можно отнести социокультурную срединность между ареалами Востока и Запада; постоянную ориентацию государства на чрезвычайные методы управления; мощное влияние византийских традиций, выразившееся, к примеру, в доминировании коллективных форм социальной жизни; отсутствие традиций правовой государственности и низкую роль механизмов самоуправления и самоорганизации населения и т.д. В XX в.

уничтожение тоталитарными режимами целых социальных слоев (купечества, гуманитарной интеллигенции, офицерства) и народностей, отказ от рыночных регуляторов развития экономики, насильственное внедрение коммунистической идеологии существенно трансформировали многие тенденции в развитии российской цивилизации, нарушили естественные механизмы воспроизводства российских традиций, разорвали преемственность поколений и развитие ценностей плюралистического образа жизни, деформировали межкультурные связи и отношения России с мировым сообществом.

Длительное и противоречивое влияние различных факторов в настоящее время привело к формированию политической культуры российского общества, которую можно охарактеризовать как **внутренне расколотую, горизонтально и вертикально поляризованную** культуру, где ее ведущие сегменты противоречат друг другу по своим базовым и второстепенным ориентирам. Основные слои населения тяготеют в большей степени к культурной программатике либо рациональной, либо традиционалистской субкультур, опирающихся на основные ценности западного и восточного типов. Во многом эти неравноценные по своим масштабам и влиянию субкультуры пронизаны и различными идеологическими положениями и подходами.

В основании доминирующей традиционалистской субкультуры российского общества лежат ценности коммунитаризма (восходящие к общинному коллективизму и обуславливающие не только приоритет групповой справедливости перед принципами индивидуальной свободы личности, но и в конечном счете — ведущую роль государства в регулировании политической и социальной жизни), а также персонализированного восприятия власти, постоянно провоцирующего поиск «спасителя отечества», способного вывести страну из кризиса. Ведущей политической идеей является и «социальная справедливость», обуславливающая по преимуществу морализаторские оценки межгрупповой политической конкуренции. Характерно для таких культурных ориентаций и недопонимание роли представительных органов власти, тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью, незаинтересованность в систематическом контроле за властями, отрицание значения кодифицированной законности и предпочтение ей своей, «калужской» и «рязанской законности» (Ленин). Этот тип политической культуры отличает еще и склонность к несанкционированным формам политического протеста, предрасположенность к силовым методам разрешения конфликтных ситуаций, невысокая заинтересованность граждан в использовании консенсусных технологий властвования.

В противоположность этим ориентирам у представителей более рационализированных и либерально ориентированных ценностей система культурных норм и воззрений включает многие из тех стандартов, которые характерны для политической культуры западного типа. Од-

нако большинство этих ценностей еще не прочно укоренено в их сознании и имеет несколько книжный, умозрительный характер.

Как уже отмечалось, практически все политические культуры той или иной страны представляют собой *сочетание* различных субкультур. Например, даже в достаточно интегрированной американской политической культуре Д. Элазар выделяет *индивидуалистскую, моралистскую и традиционалистскую* субкультуры. Две весьма различные политические культуры сложились в современном Китае (КНР и Гонконг). Однако в российском обществе уровень различий и противостояния между субкультурами крайне высок. Если, к примеру, традиционалисты мифологизируют особые черты российского общества, то сторонники либеральных ценностей — ее отставание, первые критикуют западный либерализм, вторые — косную российскую действительность. При этом и тех, и других отличают неколебимая уверенность в правоте «своих» принципов (обычаев, традиций, лидеров и т.д.), отношение к компромиссу с оппонентами как к недопустимому нарушению принципов и даже предательству.

По сути дела такая форма взаимного противостояния политических субкультур есть современная редакция того культурного **раскола**, который сложился в нашем обществе еще в годы крещения Руси и ведет свой путь через противостояние сторонников язычества и христианства, приверженцев соборности и авторитаризма, славянофилов и западников, белых и красных, демократов и коммунистов. В силу этого взаимно оппонирующие субкультуры не дают возможности выработать единые ценности политического устройства России, совместить ее культурное многообразие с политическим единством, обеспечить внутреннюю целостность государства и общества.

Как показывает опыт развития российского общества, его культурная самоидентификация возможна на пути преодоления раскола и обеспечения органического синтеза цивилизационного своеобразия развития страны и мировых тенденций к демократизации обществ и расширению инкультурных контактов между ними. Трансформировать в этом направлении политико-культурные качества российского общества можно прежде всего путем реального изменения гражданского статуса личности, создания властных механизмов, передающих властные полномочия при принятии решений законно избранным и надежно контролируемым представителям народа.

Нашему обществу необходимы не подавление господствовавших прежде идеологий и не изобретение новых «демократических» доктрин, а последовательное укрепление духовной свободы, реальное расширение социально-экономического и политического пространства для проявления гражданской активности людей, вовлечение их в перераспределение общественных материальных ресурсов, контроль за управляющими. Политика властей должна обеспечивать мирное сосуществование даже противоположных идеологий и стилей гражданского поведения,

способствуя образованию политических ориентаций, объединяющих, а не противопоставляющих позиции социалистов и либералов, консерваторов и демократов, но при этом радикально ограничивающих идейное влияние политических экстремистов. Только на такой основе в обществе могут сложиться массовые идеалы гражданского достоинства, самоуважение, демократические формы взаимодействия человека и власти.

3. Политическая социализация

Сущность политической социализации

Включение человека в мир политики предполагает усвоение и поддержание им ее норм, образцов и стандартов поведения, традиций.

Процесс усвоения человеком статусно-ролевых требований, норм и культурных ценностей, способствующих формированию у него свойств и умений, позволяющих адаптироваться к конкретной политической системе и выполнять в ней определенные функции, называется **политической социализацией**.

В силу своей сложности и противоречивости политическая социализация по-разному трактуется в науке, предоставляя ученым возможность акцентировать внимание на ее разных сторонах и гранях. Вот почему, несмотря на то что систематическое изучение этого процесса ведется еще с 20-х гг. XX столетия, единого подхода к пониманию процесса политической социализации пока не выработано. Например, представители чикагской школы (Л. Коэн, Р. Липтон, Т. Парсонс) рассматривают ее как процесс ролевой тренировки человека; К. Луман и А. Гелен интерпретируют ее как аккультурацию, т.е. освоение человеком новых для себя ценностей, выдвигая, таким образом, на первый план психологические механизмы формирования политического сознания и поведения человека. Ученые, работающие в русле психоанализа (Э. Эриксон, Э. Фромм), главное внимание уделили исследованию бессознательных мотивов политической деятельности (формам политического протеста, контркультурного поведения), понимая политическую социализацию как скрытый процесс политизации человеческих чувств и представлений. Ряд других ученых, разделяющих установки когнитивной школы, усматривают ее суть в накоплении человеком нового комплекса знаний, обретении политической идентичности и т.д.

В целом же большинство ученых согласно с тем, что отсутствие свойств, приобретаемых человеком в процессе социализации, не только затрудняет, но нередко и лишает его возможности адаптироваться в политической сфере общества, а следовательно, и использовать ее механизмы для защиты и эффективного отстаивания своих интересов. Сходятся ученые и в том, что важнейшими функциями политической социализации

являются достижение личностью умений ориентироваться в политическом пространстве и выполнять там определенные властные функции.

Основные способы и механизмы политической социализации

Политические ценности, традиции, образцы поведения и прочие элементы политической культуры осваиваются человеком непрерывно, и про-

цесс этот может быть ограничен только продолжительностью его жизни. Воспринимая одни идеи и навыки, человек в то же время может поступаться другими ориентирами, избирать новые для себя способы общения с властью.

В целом политическая социализация представляет собой **двуетадный** процесс: с одной стороны, она фиксирует **усвоение** личностью определенных норм, ценностей, ролевых ожиданий и прочих требований политической системы, с другой — демонстрирует, как личность избирательно осваивает эти традиции и представления, **закрепляя** их в тех или иных формах политического поведения и влияния на власть. Таким образом, влияние общества на политические качества личности неизбежно ограничивается внутренними убеждениями и верованиями человека. Не случайно Х. Г. Гадамер подчеркивал, что «традиция всегда является точкой пересечения свободы и истории», подразумевая сознательный выбор ее человеком. Так что, благодаря способности человека осознанно как приобретать, так и утрачивать те или иные ориентиры, ценности, нормы, политическая социализация существует как **двусторонний** процесс усвоения им одних и отказа от других стандартов и ценностей.

В то же время чуткость человека к внешнему влиянию, его способность воспринимать и усваивать предлагаемые социумом те или иные ценности, стандарты поведения зависят прежде всего от набора политических знаний, умений и навыков человека, и в первую очередь — от его субъективного состояния и выполняемых в политике ролей, поскольку, к примеру, лидер и рядовой избиратель не могут руководствоваться одними и теми же образцами политического поведения. Вместе с тем сам процесс усвоения культурных образцов осуществляется на основе восприятия примеров деятельности, распространенных и типичных образцов мышления и поведения, включения человека во взаимодействие с определенными институтами, приобщения к авторитетным в обществе ценностям и т.д.

В этом смысле постоянными спутниками человека, в значительной мере предопределяющими его возможности к усвоению и эффективность воплощения культурных стандартов, являются **агенты социализации**, через деятельность которых преломляется влияние всех внешних факторов. К ним относятся: семья, система образования, общественные и политические институты (организации), церковь, СМИ и отдельные политические события (такие, как революции, репрессии властей, го-

лод и т.п.), обладающие способностью кардинально влиять на систему убеждений и верований человека.

Авторитет и эффективность влияния каждого из этих агентов зависят от многих причин, но прежде всего — от возраста и внутреннего состояния человека, интенсивности его включения в социальные и политические процессы, характера выполняемых им там функций, а также цивилизационных и исторических условий их осуществления. Например, в традиционных обществах более сильным влиянием обладает семья и вообще ближайшее окружение человека, а также церковь. В государствах современного типа сильнее проявляется авторитет образовательных и коммуникативных структур, которые шире включают массовый опыт в выработку индивидуальной картины мира политики, в большей степени формируя элементы надличностного видения человеком политической жизни. На более поздних этапах «модерна» и расширения влияния постмодернистских тенденций люди острее ощущают воздействие «симулятивных моделей» политического участия, т.е. тех норм и ориентаций, которые порождают эффект гиперреального мира (в виде образов, задаваемых рекламой, ТВ, образцами экспериментального моделирования мира средствами искусства).

В то же время приоритет воздействия тех или иных агентов социализации, сочетание их друг с другом, характер целенаправленного влияния на человека существенно разнятся в зависимости от того, что оказывает на человека преимущественное влияние — государство или общество.

Государство организует взаимодействие всех агентов в рамках так называемого **генерализированного потока социализации**, направленного на формирование лояльности правящему режиму, на усвоение людьми ценностей господствующей политической культуры и идеологии, поддержание доминирующих стандартов политической игры. В целом такое воздействие неминуемо связано с распространением конформистских настроений, с поощрением политической пассивности, консервативных убеждений.

Характер воздействия агентов социализации кардинально меняется при организации их действий обществом. Множество социальных групп, обладающих собственными взглядами на политические реалии, той или иной мерой оппозиционности правящим кругам, различной степенью активности на политической арене и многими другими чертами, определяющими их возможность влияния на сознание индивида, по своему выстраивают взаимодействие различных агентов, придают им специфическую направленность, стремясь в духе собственных воззрений и убеждений повлиять на личность и способы ее включения в политическую жизнь. Такого рода активность разнообразных социальных групп и стоящих за ними институтов, объединений, субкультурных норм и идеалов способствует возникновению в обществе многообразных **со-
стоятельных потоков социализации**. Независимо от того, что каждый

из них несет собственные нормы, ценности и программу научения индивида политическим ролям, все они конкурируют не только друг с другом, но и с государственными структурами.

Таким образом, индивид формирует свои взгляды, предпочтения, отношение к политике на *пересечении* всех этих конкурирующих друг с другом процессов, для которых характерны собственные приоритеты в толковании политических ценностей и поведенческих стандартов. Это показывает, что политическая социализация всегда существует как совокупность *конкретных* механизмов научения индивида способам политического участия, формирующихся на основе совершенно определенных культурных ценностей и стандартов.

Открытые контакты человека с разными групповыми культурными нормами и стандартами неизбежно определяют его те или иные предпочтения, расположенность и восприимчивость к совершенно конкретным ориентирам и способам политического участия. В силу этого менее значимые, менее престижные или по другим причинам неприемлемые для человека ценности политической культуры выражают тенденцию десоциализации.

Конкурентный характер усвоения различных ценностей и стандартов политической культуры определяет и процесс формирования разнообразных **типов** политической социализации. В частности, в обществе может сложиться *гармонический* тип политической социализации, отражающий психологически нормальное взаимодействие человека и институтов власти, рациональное и уважительное отношение индивида к правопорядку, государству, осознание им своих гражданских обязанностей. Человек, негативно относящийся ко всем социальным и политическим нормам (кроме «своей» группы), представляет *гегемонистский* тип политической социализации. Тот, кто в результате конкурентного усвоения разнообразных норм и ценностей будет признавать принципы равноправия с другими гражданами, правомочность их ориентации на предпочтительные для них идеи и свободы, а также выработает в себе способность менять свои политические пристрастия и переходить к новым ценностям ориентирам, будет представлять *плюралистический* тип политической социализации. Человек же, усматривающий цель своего политического участия в сохранении лояльности своей группе и поддержке ее в борьбе с политическими противниками, будет представлять *тип конфликтный*¹.

Этапы политической социализации

Поскольку политическая социализация всегда выражает тот или иной уровень обретенных человеком представлений о своем месте в политической системе, характеризует его привер-

¹ Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. V ol. 19. San Francisco, 1986.

женность определенным нормам, солидарность с теми или иными ценностями, она непременно свидетельствует и об уровне его *политической идентификации*. Идентичность демонстрирует, «кто мы и откуда», что уважаем и чем пренебрегаем, к чему стремимся и как к нам относятся другие люди (С. Холл). Поскольку уровень и характер политической социализированности человека не могут оставаться неизменными на протяжении всей его жизни, постольку относительно являются и уровни его идентификации. Ряд ученых (Э. Балибар), желая подчеркнуть непрерывность и изменчивость этого процесса, утверждает, что существуют не идентичности (т.е. устойчивые представления и ценностные ориентации человека), а лишь идентификация (т.е. непрерывный поиск человеком основополагающих для себя представлений).

И все же, несмотря на относительность политических идентификаций (меняющихся в зависимости от осознания человеком тех или иных интересов, понимания приоритетности или незначительности политических целей, его культурной динамики и т.д.), можно говорить о некоторых определенных стадиях обретения и политической идентичности и политической социализации. В частности, рассмотрение политической социализации в соотнесении с продолжительностью жизни человека позволяет выделить ее **первичный** и **вторичный** этапы.

Первичная политическая социализация характеризует первоначальное (обычно с 3–5 лет) восприятие человеком политических категорий, которые постепенно формируют у него избирательно-индивидуальное отношение к явлениям политической жизни. По мнению американских ученых Д. Истона и И. Дениса, необходимо различать четыре аспекта процесса социализации:

- непосредственное «восприятие» ребенком политической жизни, информацию о которой он черпает в оценках родителей, их отношениях, реакциях и чувствах;
- «персонализация» политики, в ходе которой те или иные фигуры, принадлежащие к сфере власти (например, президент, полицейский, которых он часто видит по телевизору или возле своего дома), становятся для него образцами контакта с политической системой;
- «идеализация» этих политических образов, т.е. образование на их основе устойчивых эмоциональных отношений к политике;
- «институционализация» обретенных свойств, свидетельствующая об усложнении политической картины мира ребенка и его переходе к самостоятельному, надличностному видению политики.

В целом особенности первичного этапа политической социализации состоят в том, что человеку приходится адаптироваться к политической системе и нормам культуры, еще не понимая их сущности и значения. Поэтому политическая идентификация не выступает здесь в каче-

стве самостоятельного и значимого аспекта этого процесса. В то же время для исключения в будущем аномальных форм идентификации и предупреждения асоциальных форм поведения необходимо соблюдать определенную последовательность в применении механизмов передачи ребенку политических норм и прошлого опыта. В частности, для сохранения естественного характера включения его в политический мир предпочтительны те социальные формы, в которых политическая информация неразрывно соединена с авторитетом учителя, примером деятельности старших и ни в коем случае не содержит жестких идеологизированных образов и понятий. Только на этой основе развивающееся детское сознание можно подкреплять императивными суждениями и оценками, а впоследствии и аксиологическими нормами и представлениями (ценностями, идеалами, принципами).

Вторичная политическая социализация характеризует тот этап деятельности человека, когда он, освоивший приемы переработки информации и осуществления ролей, способен противостоять групповому давлению и в индивидуальном порядке пересматривать идеологические позиции, производить переоценку культурных норм и традиций. Таким образом, главную роль здесь играет так называемая **обратная социализация (ресоциализация)**, отражающая влияние самого человека на отбор и усвоение знаний, норм, приемов взаимодействия с властью. В силу этого вторичная социализация выражает непрерывную коррекцию человеком своих ценностных представлений, предпочтительных способов политического поведения и идеологических позиций. В таких условиях поиск идентичностей действительно обретает повышенную динамику и свидетельствует о возможности человека переходить от одной к другой системе норм и ценностей.

В целом, несмотря на повышение роли самостоятельного выбора ценностей и ориентиров, основное значение на данном этапе имеют цели адаптации, приспособления человека к сложившейся политической системе. Человек не способен самостоятельно сформировать все условия своего политического участия, и потому, как заметил Ф. Хайек, он приспособляется даже к тем переменам и сторонам жизни, смысл которых не понимает. И все же элемент осознанной ориентации на определенные политические стандарты имеет место. В частности, он выражен в механизме «предварительной социализации» и идентификации, который, по мысли Р. Мертона и К. Росси, характеризует первичную ориентацию личности на предпочтительные для него нормы и стандарты той или иной группы. Это как бы «заблаговременная социализация», обуславливающая целенаправленные действия индивида, его сознательную устремленность к значимым для него стандартам и ценностям. Таким образом, человек как бы искусственно «подтягивает» себя к этим групповым стандартам, несмотря на внешнее воздействие системы.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

1. Сущность и особенности коммуникативных процессов в политической сфере

Сущность политических коммуникаций

Как говорилось выше, взаимодействие в публичной сфере разнообразных идеологий, чувств, ценностей, символов и прочих идеальных (духовных, неинституциональных) компонентов выражается в политическом дискурсе. Однако это только одна грань функционирования этих компонентов политики. Другая не менее — и даже более — значимая их характеристика состоит в том, что, будучи определенной формой знаний, они дают политическим акторам возможность устанавливать друг с другом целенаправленные контакты, обеспечивающие выполнение теми своих политических ролей. Одновременно за счет такого общения соединяются различные уровни политической системы, поддерживаются ее внутренние и внешние связи с обществом.

Как показывает опыт, чем больше объем передаваемых знаний и сообщений, тем богаче и разностороннее политическая жизнь общества. Верна и другая зависимость: рост и усложнение политических связей и отношений, демократизация общества непременно вызывают увеличение потребляемых людьми знаний и сведений. В будущем, если верить предсказаниям О. Тоффлера, возрастание роли знаний и интеллектуальных технологий в жизни социума самым радикальным образом изменит не только способы создания общественных богатств, но и качественно обновит методы политического взаимодействия людей, а также способы управления обществом.

Однако в политике не все обращающиеся сведения равноценны для людей. В частности, те знания, которые выбираются ими из потока разнообразных сообщений для подготовки и принятия решений, исполнения функций или же совершения сопутствующих действий, называются **политической информацией**. В этом смысле информация выступает и как *предпосылка* действий политических акторов, и как важнейший *ресурс*, позволяющий людям эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижения своих целей.

Информация является для политических явлений таким же базовым свойством, как вещество и энергия. В результате обладания должной информацией человек может обрести власть и расширить влияние,

способствовать реализации своих интересов в политической сфере и тд. Напротив, дефицит знаний, усвоение недостоверных сведений или же манипулятивное использование информации увеличивают издержки при принятии решений, расширяют зону рисков в деятельности институтов власти, качественно снижают возможности актора в политической сфере. К примеру, замалчивание деятельности той или иной партии в СМИ и тем самым минимизация ее участия в информационном процессе по сути означает и ее вытеснение из политического процесса в целом. К столь же негативным последствиям приводит и ситуация, при которой нужная информация не находит выхода в практических действиях людей (например, когда решения принимаются не в соответствии с экспертной информацией, а вопреки полученным рекомендациям). Таким образом, получение нужной информации становится специфической, а участие в информационном обмене неременной целью любых политических акторов, заинтересованных во влиянии на власть.

Однако, как уже говорилось, информация представляет собой лишь предпосылку деятельности и установления контактов между акторами. Ведь воспринимая сведения в соответствии с собственными представлениями (а не только общественными нормами), привычками, наконец, своим внутренним состоянием, человек обретает различную готовность и к ее осмысленной интерпретации, и к установлению контактов с источником информации. Например, информация, идущая от политических неприемлемых для людей СМИ или политических партий, приводит не к налаживанию, а к разрушению общения и контактов с ними.

Таким образом, информационный обмен способен вызывать как положительные (порождающие общение между источником информации и реципиентом), так и отрицательные (разрушающие человеческие контакты) эффекты. В этом смысле практическая политика всегда представляет собой реально установленные и постоянно поддерживаемые контакты (разного уровня) всех конкурирующих за власть акторов.

С этой точки зрения вся сфера политики является формой существования **политических коммуникаций**, представляющих собой форму целенаправленного общения конкурирующих за власть акторов, обладающих специфическими возможностями (способностями) в получении, смысловой интерпретации и практическом воплощении разнообразных информационных сообщений.

В структурном отношении вся сеть политических коммуникаций формируется в результате взаимодействия трех агентов: *коммуникаторов* (тех, кто отправляет информацию), *коммуникантов* (тех, кто перерабатывает и интерпретирует информацию для ее дальнейшего распространения, например, редакторы СМИ) и *реципиентов* (тех, кто получает информацию). Как мы увидим чуть позже, в обществе в целях

управления информационными потоками и коммуникативными процессами используются различные — *маркетинговые, немаркетинговые и смешанные* — методы и средства. От эффективности использования этих инструментов, а также от способностей самих реципиентов к своевременной обработке соответствующих сведений напрямую зависят возможности различных акторов в деле завоевания и использования власти.

В зависимости от используемых средств и механизмов политические коммуникации могут носить как устойчивый (институализированный), так и, условно говоря, мерцающий характер, свидетельствующий о поисковых, только складывающихся формах общения между разными акторами. В современном мире особая сложность формирования политических коммуникаций возникает в связи с трансграничным характером информационных потоков, несущих с собой самые разнообразные сведения, многие из которых слабо или совсем не связаны с интересами национального государства и его традициями, противоречат культурным нормам и ментальным особенностям большинства населения. В любом случае ни одно государство мира не может избежать противоречий, возникающих с поддержанием коммуникаций, инициированных в других политических и культурных мирах.

Имея в виду специализированный характер информационной деятельности, надо отметить, что государство, а также любые другие институциональные и групповые акторы обладают особыми информационно-организационными структурами, от деятельности которых зависит их реальная конкурентоспособность и положение на политическом рынке. Например, в государстве у каждого министерства существуют свои информационные ПР-отделы (пресс-службы и пр.), которые распространяют их официальные заявления, освещают позиции руководства по тем или иным вопросам, взаимодействуют со СМИ. Чаще всего в информационном пространстве та или иная госструктура, партия или неправительственная организация присутствует либо в виде мнений лидеров, отраженных в СМИ и Интернете, либо официальных заявлений этих организаций, распространяемых их информационными службами.

Как можно видеть, поддержание политических коммуникаций предполагает использование как социальных, так и организационно-технических (связанных с обработкой информации) инструментов. В этой связи в науке принято выделять в рамках политической элиты так называемую *дейтократию* (информационные элиты), *технобюрократию* (служащих, контролирующих служебную информацию) и другие слои, непосредственно работающие с информационными потоками.

Наличие социальных и технико-организационных составляющих политических коммуникаций по-разному отображается в научной мыс-

ли. Так, Ю. Хабермас и его последователи делают акцент на коммуникативных действиях и соответствующих элементах политики (ценностях, нормах, обучающих действиях), представляя их в качестве основы социального и политического порядка. В противоположность этому немецкий ученый Г. Шельски сформулировал идею «технического государства» (1965), выдвинув на первый план не социальные, а технические аспекты информационно-политической организации власти.

В соответствии с этим подходом государство должно лишь в малой степени следовать воле и интересам отдельных граждан и групп. В качестве же одновременно и ориентира, и средства деятельности предлагалась логика развития современной техники, ее требования, имеющие императивный характер. С этой точки зрения «власть аппаратуры», повышение эффективности использования техники превращают государство и всю политику в целом в инструмент рационального и безошибочного регулирования всех социальных отношений. Впоследствии в развитие этих взглядов и в обоснование возникновения «информационного общества» ряд ученых (Д. Мичн, Р. Джонсон) предложили гиперрационалистские трактовки политических коммуникаций, отводя компьютерной технике решающую роль в победе над социальными болезнями (голодом, страхом, политическими распрями).

Современный опыт развития политических систем действительно продемонстрировал определенные тенденции к возрастанию роли технико-информационных средств в организации политической жизни, прежде всего в индустриально и демократически развитых государствах. Особенно это касается появления дополнительных технических возможностей для проведения голосований (в частности, электронных систем интерактивной связи), повышения роли и значения СМИ в политическом процессе, разрушения многих иерархических связей в государственном управлении, усиления автономности низовых структур управления в государстве и т.д. Однако, как показал опыт, эти предпосылки, расширяющие возможности институтов и субъектов власти для маневра, на деле не устраняют ведущей роли политических интересов групп, конфликтов и не снимают противоречия между ними.

Сегодня политические коммуникации трактуются в науке в основном как базовый **связующий** процесс, обеспечивающий взаимодействие и интеграцию всех уровней и сегментов политической системы и выполнение ею (и ее институтами) своих функций. Коммуникации—это своеобразная соединительная ткань, придающая политической системе антиэнтропийные свойства (способности к сохранению целостности) и отражающая наличие у акторов свойств самоорганизации, навыков общения в публичной сфере, способностей к сохранению устойчивых контактов с властью и своими конкурентами. Однако в настоящее время коммуникации меняют свое место в политической

сфере. Если в до- и индустриальную эпоху они в основном сопровождали политическую конкуренцию, придавая реализации интересов ту или иную форму общения, то в условиях становления информационного общества (резко увеличившего значение не групповых, а индивидуальных потребностей человека, ведущего к неуклонному сужению публичной сферы власти) коммуникации превращаются в *системообразующий* фактор, *эпицентр* всей политической жизни. Проще говоря, сегодняшнее время показывает, что для правящих режимов главной задачей является сам факт вовлечения людей в контакты с властью, организация такого общения, поддержание заинтересованности людей в политическом участии.

Структура политической коммуникации

Политические коммуникации обладают множественным характером. Так, например, политическая информация и соответствующие коммуникации могут формироваться в связи с принятием решений в государстве, проведением избирательной кампании, урегулированием того или иного политического кризиса и т. д. В силу этого для каждой такой ситуации создается соответствующая база данных, выдвигаются критерии оценки достоверности и полноты (необходимой для решения задачи) информации, определяются формы контактов и структура общения акторов, в рамках которых, к примеру, будут обмениваться информацией федеральные и региональные органы власти, осуществляться целенаправленная передача сведений, обращаться политические символы и т. д.

Наличие разнообразных целей и методов, структур и участников политических процессов, а также других параметров решения конкретных задач в сфере государственной власти обуславливает сложную, многомерную структуру политических коммуникаций. Разные школы и направления делают разные акценты при их описании. Так, сторонники кибернетических взглядов дифференцируют политические коммуникации в зависимости от стадий перемещения информации от системы А к системе В. По мнению Г. Лассуэлла, выделение основополагающих компонентов их структуры предполагает ответ на вопросы: кто говорит? что говорит? по какому каналу? кому? с каким эффектом?

Еще один подход предложил канадский ученый Дж. Томсон, различающий **семантический, технический и инфлуентальный** (от англ. *influence* — влияние) уровни информационно-коммуникативных связей. Данные уровни позволяют вычлениить наиболее существенные и качественно отличающиеся компоненты информационно-коммуникативных процессов, которые, с одной стороны, обеспечивают самое их существование, а с другой — определяют условия эффективного взаимодействия политических субъектов с их информационными партнерами.

Так, **семантический** уровень раскрывает зависимость процессов передачи информации и возникновения коммуникации между субъектами от употребляемых знаково-языковых форм. Иными словами, с этой точки зрения во внимание принимается способность используемых людьми языковых средств (знаков, символов, изображений) сохранять или препятствовать сохранению смысла при передаче сообщений и обеспечивать их адекватную интерпретацию реципиентами. В этом отношении в расчет принимаются как вербальные (словесные), так и невербальные (жесты, мимика, движение тела, диапазон речи, смех, язык этикета и т.д.) средства передачи информации, используемые политическими (официальными и неофициальными, формальными и неформальными) акторами в различных условиях. Одновременно любая политически значимая информация расценивается как *текст*, в свою очередь, обладающий различными параметрами, влияющими на его восприятие людьми (сложность, наличие подтекстов и т.д.).

По сути дела, выделение семантических структур показывает значение тех языковых форм, при помощи которых может либо состояться, либо не состояться коммуникация при взаимном обмене информацией. Например, государственные органы нередко формируют политические тексты в излишне теоретизированном виде, что затрудняет их понимание рядовыми гражданами и снижает мобилизационные возможности власти. Отдельные газеты, журналы и телеканалы чрезмерно широко употребляют иностранные или специальные термины, которые существенно затрудняют смысловое прочтение информации обычными людьми. Таким образом, несоответствие семантических структур возможностям восприятия акторов, а также изъяны самих текстов способны вместо связующих эффектов породить коммуникационный вакуум в отношениях власти и населения, что может иметь далеко идущие негативные политические последствия. В связи с этим можно, к примеру, вспомнить, как в годы перестройки (вторая половина 80-х гг. XX в.) коммунистический режим проиграл информационную войну демократическим силам во многом из-за использования «нового партийного языка» («партиновояза»), оперировал не соответствовавшими действительности и вызывавшими у населения аллергию терминами «гуманный демократический социализм», «социалистический плюрализм мнений» и др.

Следовательно, государство, его официальные структуры должны использовать такие языковые формы, которые сглаживали бы противоречия между специализированными и неспециализированными потребителями правительственной информации. Эти формализованные тексты должны содержать в себе языковые формы, облегчающие точное усвоение их смысла населением. Так, в своих выступлениях руководители обязаны использовать определенные просторечия, сленговые и дру-

гие формы, усиливающие семантическую близость языка управляющих и управляемых. Поэтому государственная информация должна быть многоязычной, лингвистически многообразной и при этом семантически целостной.

Важную роль при осуществлении информационных отношений в политике играют и находящиеся в распоряжении субъектов технические средства, что заставляет говорить о **техническом** уровне информационно-коммуникационных процессов. С данной точки зрения информационная деятельность политических субъектов рассматривается как функционирование специальных организационных структур, кадровых центров, банков данных, сетей и технологий хранения и передачи информации. Значение и роль всех этих технических инструментов коммуникации определяется тем, насколько они способны без каких-либо изменений, своевременно и в нужное место передать то или иное сообщение.

Передача сообщений в любом государстве неизбежно предполагает использование определенных технических средств (от гусиных перьев до новейших носителей электронной информации), поэтому информационные процессы неизбежно включают в себя соответствующие структурные компоненты. К ним прежде всего относятся технические каналы, по которым распространяется (транслируется) информация, а также те структуры, которые позволяют не только передавать и изымать (с искажениями или без искажений), но и накапливать, контролировать, сохранять и беречь (охранять) информацию.

Выделение такого организационно-технологического, несоциально-го пласта информационно-коммуникативных процессов помогает акцентировать внимание на устранении различных помех (шумов), которые препятствуют своевременной и бесперебойной информации в политической системе. К подобным помехам могут относиться различия в носителях информации (бумажных и электронных), дефицит времени на получение субъектом нужной ему информации, маломощность и перегрузка проводящих каналов, низкая квалификация кадров, собирающих информацию, и т.д.

Важность наличия технических каналов для организации информационных контактов показывает, что государство как важнейший институт власти должно обладать необходимым количеством каналов для распространения официальной информации, в частности, как речевыми (брифингов, интервью руководителей и др.) или связанными с бумажными (бюллетени правительства, публикации в газетах и журналах), так и визуальными и электронными (каналы государственного телевидения, федеральные и региональные системы связи и т.д.), позволяющими осуществлять бесперебойную коммуникацию со своими гражданами. Государ-

ство должно иметь возможность выбирать каналы (центральные или местные органы печати, радио или телеканалы и т. д.), наиболее эффективные для установления прямых связей с населением для распространения важных сообщений. При этом каналы информации должны уверенно работать как в обычном режиме, так и в условиях перегрузки, специфические средства связи необходимо использовать максимально гибко. В то же время технические возможности государства должны обязательно соответствовать средствам приема сообщений, которыми обладает население. В противном случае технико-информационные стандарты могут исключить определенную часть населения из диалога с государством. Вместе с тем государство должно постоянно совершенствовать средства защиты своих информационных сетей в целях охраны конфиденциальных сообщений от противников и конкурентов.

Третий, **инфлуентальный** уровень информационно-коммуникативной деятельности государства раскрывает степень влияния информации на человеческое сознание. Именно компоненты данного уровня информационно-коммуникативных связей и отношений характеризуют те условия, от которых зависит сила идейного воздействия на граждан предлагаемых государством или партиями целей, ценностей и идеологий. По сути дела на этом структурном уровне определяются источники, предпосылки и факторы эффективности вращающихся на информационном рынке идей и представлений.

Для повышения эффективности своей деятельности в этом направлении политические субъекты должны руководствоваться соображениями *адресности* подачи информации, учитывать особенности аудитории, которая имеет дело с теми или иными сообщениями. Формулируемые лозунги и призывы должны соответствовать условиям социальной среды, ориентироваться на действующие в групповом и массовом сознании традиции и обычаи, доминирующие стереотипы и привычки.

Исключительно важное значение приобретает и обеспечение *единства* смыслового и временного параметров информационных сообщений. Такое единство предполагает, что восприятие любых идей должно соотноситься людьми с физическим временем их (людей) существования. Например, одной из причин потери былого идейного влияния коммунистической идеологии в СССР была официальная пропаганда, утверждавшая, что в 1970–1980-х гг. в стране было построено общество «развитого социализма», якобы разрешившее все основные социальные конфликты. Люди, сталкивавшиеся в жизни с многочисленными проблемами и противоречиями, видя попытки за счет директивной информации заменить реальные отношения выдуманными политическими образами, утратили уважение к данной идеологии и режиму. Аналогичные последствия вызывает и концепт «суверенной демократии», вы-

двинутый нынешними российскими властями для легитимации складывающихся политических порядков.

2. Массовые политические коммуникации

Сущность и особенности массовых политических коммуникаций

Различные уровни информационно-коммуникативных связей имеют свои особенности воплощения в зависимости от того, осуществляется они в про-

цессе **межличностного** общения, **групповой** или **массовой** коммуникации. В каждом из этих процессов действующие субъекты по-особому формируют и выявляют свои позиции, организуют технические каналы и структуры обмена сообщениями, создают факторы, повышающие идейную эффективность распространяемых позиций.

Первостепенное значение для политики имеют **массовые** информационно-коммуникационные процессы. На этом уровне организации информационных отношений прежде всего действуют политические агенты, специально подготовленные для взаимодействия с общественным мнением. Как правило, к ним относят: официальные институты государства (представленные их лидерами и руководителями, а также информационными отделами по связям с общественностью); государственные (национальные) средства массовой информации (СМИ); независимые и оппозиционные СМИ; корпоративные структуры (органы партий, общественных объединений, профессиональные политические рекламные агентства и др.); зарубежные СМИ.

Взаимодействие данных агентов в основном и формирует информационный рынок, на котором каждый из них осуществляет собственные политические стратегии, подчиненные достижению своих интересов в сфере власти. Все это разнообразие используемых политическими агентами приемов и способов информирования и налаживания коммуникаций со своими контрагентами можно в основном свести к двум типам действий в информационном пространстве: **немаркетинговым** (мобилизационным), включающим агитацию и пропаганду; **маркетинговым**, представленным методами ПР (паблик рилейнз), а также политической рекламой, информационным лоббизмом и рядом других методов.

Эти способы информационного взаимодействия характеризуют крайние противоположные методы поведения субъектов в информационном пространстве.

Агитация и пропаганда представляют собой способы одностороннего информирования, контроля за людьми и придания их политическим действиям строгой социальной направленности.

Бельгийский ученый Г. Товерон считает, что пропаганда не предлагает людям возможности выбора, навязывает им определенные изменения мыслей, веры, поведения. По мысли Г. Тоббелса, пропагандистское воздействие является инструментом «социального контроля», подразумевающим не переубеждение людей, а привлечение сторонников и строгое обеспечение подчинения их действий. Схема такого информационного взаимодействия: «коммуникатор сказал — реципиент сделал». Классические примеры использования подобных методов информирования общественности дали тоталитарные режимы, следовавшие по пути обезличивания человека и огосударствления его сознания.

В принципе без использования агитационно-пропагандистских способов воздействия на общественное мнение не может обойтись ни одно государство, ни один политический субъект, заинтересованный в расширении социальной поддержки своих целей. Однако абсолютизация данных форм поведения на информационном рынке неизменно несет в себе угрозу качественного видоизменения коммуникативных процессов. Так, стремление к систематическому контролю за сознанием и поведением граждан неразрывно связано с постоянным манипулированием массовым сознанием, использованием нечестных трюков и прямым обманом населения, дезинформацией. И если, к примеру, умолчание и пристрастное комментирование событий, рассчитанных на обыгрыш политических соперников, имеют для большинства государств частичный характер, то в деятельности авторитарных и тоталитарных режимов массовое распространение дезинформации ведет к качественному перерождению информационного пространства. По сути дела за счет использования подобных приемов эти режимы полностью игнорируют ответную реакцию населения, рассматривая свои информационные отношения с ним в качестве дополнения к политике силового давления на общество и полному сокрытию истинных целей своего правления.

Такие же качественные изменения происходят и при налаживании коммуникаций власти с общественностью. Агитация и пропаганда нередко переходят границы свободной конкуренции за сознание человека, подменяя способы его идейного завоевания методами насильственного навязывания ему запрограммированных оценок и отношений, психологического давления на его сознание, рассчитанного на неосознанное восприятие и усвоение им определенных целей и ценностей. Вследствие использования такого рода приемов информирования человека коммуникации вырождаются в **индоктринацию**, т.е. стиль общения, полностью игнорирующий свободу человека и его право на выработку собственных политических убеждений.

В противоположность таким приемам завоевания сознания человека, **маркетинговые стратегии** формируются в соответствии с отношениями спроса и предложения на информацию и направлены на то, чтобы необходи-

мая субъекту информация в нужное время, в нужном месте и в удобной для использования форме оказалась в его распоряжении.

Эти маркетинговые методы убеждают, искушают, подталкивают, склоняют, но не предписывают человеку те или иные идеи и формы поведения. Исторически сформировавшись в сфере бизнеса, где достоверность сведений и уважение партнеров становятся все более неотъемлемым условием поддержания деловых отношений и получения прибыли, данные методы ориентированы на поддержание **обратной связи, диалога, взаимоуважительного** информирования политических субъектов и их контрагентов о своих целях и задачах.

Такая линия поведения на информационном рынке неразрывно связана с предварительным уяснением информационных потребностей человека и его доверительным информированием, что в конечном счете направлено на осознанный выбор им линии своего политического поведения. Подобные приемы используются преимущественно в странах с хорошо развитыми демократическими традициями или, к примеру, в странах, где к власти только-только пришли оппозиционные силы, вынужденные поначалу в большей степени опираться на моральные стимулы социального поведения населения и проводить более открытую политику, чем их предшественники.

СМИ в системе массовой коммуникации

Важнейшим инструментом реализации политических стратегий на информационном рынке являются средства массовой информации. Еще в 1840 г., видимо, предчувствуя их будущее политическое влияние, О. де Бальзак впервые назвал прессу «четвертой властью». А уже через столетие, с превращением электронных СМИ, и прежде всего телевидения, в неотъемлемый элемент политического дискурса, главный инструмент проведения избирательных кампаний, этот социальный механизм превратился в мощнейший политический институт, буквально преобразивший системные параметры публичной власти.

Исторически СМИ проникали на политический рынок как органы партийной печати, а вместе с тем и как постоянно расширяющие свою читательскую аудиторию газетные издания. По мере развития этого процесса СМИ не только налаживали связи с населением, завоевывали должный общественный авторитет, но и приучали рядового гражданина чувствовать себя участником общесоциальных процессов, осознавать свою принадлежность к государству и миру политики. Отсутствие политического нейтралитета, систематическое и непосредственное общение СМИ с рядовыми гражданами сделало их таким же первичным институтом политической социализации, какими являются семья, церковь,

система образования. Обозреватели популярных изданий, телекомментаторы, ведущие репортеры и специалисты по рекламе стали видными выразителями общественного мнения, войдя тем самым в круг интеллектуальной политической элиты, обслуживавшей интересы «средне-го» европейца, американца, австралийца. Политические журналисты взяли на себя в значительной степени и функции творцов политических мифов и идей, вдохновлявших граждан на политическое участие.

В целом, по мысли Г. Лассуэлла, деятельность СМИ была направлена на усиление политического просвещения населения, на осознание им своих интересов в сфере власти. Массовая пресса и телевидение (массмедиа) первыми сигнализировали обществу о социальных и политических конфликтах, предупреждая людей о необходимости выработки соответствующих форм защиты от угроз, обращения за помощью к властям.

Основной причиной завоевания СМИ столь высокого места в политической жизни современных обществ является то, что с их помощью государство и другие политические субъекты могут не только информировать население о целях и ценностях своей политики, но и **моделировать** отношения с общественностью, касающиеся формирования представительных органов власти и правящих элит, поддержания авторитета соответствующих целей, традиций и стереотипов. Иначе говоря, СМИ стали мощнейшим инструментом **целенаправленного конструирования политических порядков**, средством выстраивания необходимых власти связей и отношений с общественностью.

В этом плане одной из наиболее острых форм политической борьбы стало соперничество правящих элит с оппозицией за контроль над важнейшими, в основном электронными, СМИ. Как показывает опыт, особенно в тех странах, где результаты выборов могут существенно сказаться на направленности политического курса или даже изменить государственный строй, правящие круги используют все свои возможности и преимущества для того, чтобы не допустить лидеров оппозиции на ведущие телеканалы, запретить их печатные органы, ограничить доступ к массовым газетным изданиям.

Наряду с ростом значения СМИ для политически правящего класса и официальных институтов власти они стали также одним из самых привлекательных механизмов политического участия и для рядовых граждан. По сути дела СМИ превратились в одного из наиболее эффективных в настоящее время посредников в отношениях населения с властью. Вследствие определенной открытости, оперативности в формулировании оценок и позиций, благодаря своим возможностям в отбраковывании интересов и чаяний самых разнообразных групп и слоев населения, СМИ стали едва ли не ведущим инструментом в системе со-

циального представительства интересов граждан. В этом смысле они могут существенно влиять на правила политической игры и даже модифицировать их, формировать новые отношения между «верхами» и «низами».

Присущая СМИ оперативность публикаций, формулировка звучащих в теленовостях оценок неизбежно предполагают повышение активности центров власти. Ведь публичность высказанных позиций, свидетельствующих о степени терпимости населения к тем или иным проблемам и о приемлемости соответствующих действий властей, требует уточнения или корректировки этих действий. В ряде случаев скоординированные действия СМИ могут привлечь власти к суду общественным мнением, сформировать атмосферу нетерпимости к тому или иному режиму. Не случайно перед лицом столь мощного оппонента государство стремится решать задачи согласования интересов таким образом, чтобы так или иначе отреагировать на мнение общественности. В этом смысле официальные органы власти вынуждены действовать оперативно, стремясь опередить оценки общественного мнения, пропагандируя собственную версию происходящих событий.

Органическая взаимообусловленность отношений власти и общества деятельностью СМИ превращает последние в обоюдоострую систему контроля над поведением и сознанием этих субъектов. Строго говоря, информационная деятельность СМИ может не только предотвращать развитие конфликтов, делая доступной для общества определенную информацию. Одновременно, будучи и главным «подогревателем» общественного мнения, стимулирующим его активность по общественно значимым вопросам политического развития, СМИ могут и спровоцировать массовый протест или политический скандал, чреватые кризисом в отношениях власти и общества. В этом смысле английский публицист Дж. Рит считает, что опубликование острого и даже сенсационного материала не может быть главной целью политической журналистики. Важнейшей целью, ориентирующей ее активность, должно служить такое воздействие на аудиторию, которое побуждало бы рост ее политической компетенции, направленный в свою очередь на поддержание сбалансированности и равновесия отношений между государством и обществом.

Благодаря своим коммуникативным свойствам СМИ существенно изменили не только стиль, но и процедуры формирования государственных органов, отбора правящей элиты, проведения основных политических кампаний в государстве. Например, на выборах люди зачастую ориентируются не на программы кандидатов и их партийную принадлежность, а на то, что и как расскажет и покажет телевидение об их жизни и деятельности, какие сведения, характеризующие этих людей, опубликуют газеты.

Появление массовых электронных СМИ, а также технических возможностей для обеспечения постоянных двусторонних (интерактивных) связей между коммуникатором и реципиентом, мировой информационной сети (Интернет) существенно повлияло на способы выявления общественного мнения, процедуры принятия политических решений, например, за счет уменьшения промежуточных институтов в системе государственного управления, расширения автономности нижних уровней управления, повышения динамизма в вертикальных и горизонтальных структурах власти и т.д. Так, возможности участия рядовых граждан в теледебатах политиков, электронного голосования при проведении выборов и референдумов, самостоятельного сбора широкой политической информации и т.д. в конечном счете создали предпосылки для возникновения системы *теледемократии* как нового способа участия граждан во власти.

В последние полтора-два десятилетия довольно ярко выявились и новые политические последствия действий СМИ на информационном рынке. Так, пытаясь вызвать как можно более широкое внимание читателей (слушателей, зрителей) к распространяемым ими сведениям, они постоянно используют приемы, направленные на привлечение и развлечение людей. Ориентируясь, таким образом, на массовое внимание, СМИ убирают одни, якобы «скучные», факты и придают сенсационный характер другим, стремятся сделать свои материалы оригинальными, своеобразно подают те или иные сообщения. В таком оформлении сообщения о политических процессах неизбежно приобретают характер развлечения, а сама политика преобразуется в некое шоу, театрализованное представление, карнавал. Конфликты в поле власти предстают в глазах обывателя не как групповая борьба, связанная с определенными структурами и доктринами, изобилующая явными и скрытыми намерениями, жесткой конкуренцией, а как жизненная драма или спортивное состязание, наполненные эпизодами из биографий своих героев, их моральными переживаниями, внешними атрибутами жизни и т.п. Вольно или невольно при таком характере информирования о политических процессах вымывается социальный смысл действий институтов власти и публичных политиков, а политика приобретает *неполитическую* форму функционирования.

Структура СМИ и проблемы их функционирования

государственные, оппозиционные и независимые. Выделение этих категорий СМИ показывает наличие разных, в том числе противоположных задач, которые постоянно присутствуют на информационном рынке. В самом общем плане такая структура показывает, что никакие, в

С политической точки зрения наиболее важной дифференциацией СМИ является их подразделение на **прави-**

том числе правительственные, постановления не обладают монополией в информационном пространстве, предполагая наличие сил, намеренно действующих в целях дискредитации и ослабления влияния официальных властей. При этом независимые СМИ могут усиливать как про-, так и антиправительственные позиции или занимать самостоятельную позицию, критически оценивая деятельность и тех, и других сил. Но в любом случае общественное мнение сталкивается не с односторонними, а с разнонаправленными информационными потоками, вырабатывая свои оценки и подходы в идейно конкурентной среде.

Специфический оттенок этой идейной конкуренции придает деятельность центральных и периферийных СМИ. В частности, во многих демократических государствах на местах власть могут контролировать оппозиционные силы и соответствующие СМИ, что нередко выражается в создании информационных барьеров для телетрансляций центральных каналов и препятствий для центральной прессы. Возможны ситуации, когда в структуре местных СМИ отсутствуют свои телеканалы, печатный рынок заполняется только местными изданиями и т. д.

Английский исследователь Дж. Курран наряду с названными предлагает выделять также **коммерческие** СМИ, представляющие частный сектор; **гражданские**, отражающие интересы коллективных аудиторий или всего электората в целом; **профессиональные**, прежде всего представляющие мнения профсоюзов; **общественно-рыночные**, выражающие интересы групп потребителей; а также **СМИ, представляющие общие интересы социума** и охватывающие при этом огромную аудиторию, обеспечивающие возможность обсуждения общезначимых социальных проблем и позволяющие личности соотносить свои позиции с точкой зрения большинства.

Выделение такого рода СМИ отражает наличие ряда проблем, с которыми сталкиваются современные государства на информационно-политическом рынке. Так, деятельность коммерческих СМИ показывает, что влияние «большого бизнеса» нередко приносит в жертву его интересам социальные и политические цели. Иначе говоря, финансовый контроль, скрытое или явное влияние рекламодателей и владельцев снижают важность общественно значимых проблем, если их освещение препятствует получению прибыли. Более того, образующиеся крупные коммерческие медиакланы пытаются монополизировать информационное пространство, диктуя властям свои требования.

В более широком контексте деятельность этой категории СМИ высвечивает проблему обеспечения экономической самостоятельности СМИ. Как показала практика, не только капитал, но и само государство может создавать экономические условия, побуждающие СМИ к большей политической лояльности, поощряющие и даже принуждающие их к проведению конформистского курса на информационном рынке. Взяв

под свой контроль основные источники экономической поддержки СМИ, особенно в условиях острого политического размежевания в переходных обществах, государство и капитал практически уничтожают категорию независимых, нейтральных СМИ на информационном рынке, лишая людей возможности свободного и неангажированного выбора политических позиций.

Отношения капитала и государства, с одной стороны, и общества — с другой, свидетельствуют и о более глубоком противоречии, складывающемся между теми, кто владеет СМИ и потому имеет возможность что-то сказать обществу, и теми, кто хочет слушать радио или смотреть телевизор, но слышать и видеть нечто другое. Такая коллизия показывает, что свобода выбора информации для тех, кто ею владеет, не тождественна свободе ее выбора для тех, кто ее потребляет.

Повышение роли СМИ гражданского сектора есть показатель усиления *развлекательных* установок, поверхностности информационной политики данных СМИ, отсутствия в их работе аналитических подходов. В результате люди смотрят политику больше, но понимают в ней меньше. И еще меньше критических оценок формируется в их сознании. Такое нарастание конформизма неразрывно связано со стремлением отдельных СМИ к монополизации формирования вкусов, осознания людьми своих интересов. В немалой степени этому способствует так называемый *новостной* тип информирования, в котором эклектическая подача новостей формирует дискретность и мозаичность восприятия политического мира, предопределяет отсутствие необходимых социальных приоритетов. В результате такой информационной политики сужаются возможности для обогащения культурного мира человека, интенсификации его социальных и политических контактов.

Серьезной политической проблемой сегодня является и *цензурирование* материалов СМИ. С одной стороны, в конституциях демократических государств цензура запрещается как средство контроля за информацией, орудие политического произвола, используемое для оправдания репрессий в отношении политических соперников. С другой стороны, существуют проблемы обеспечения государственной безопасности, предполагающие исключение определенных дебатов из общественного дискурса, селекцию, отбор информационных сообщений, повышение ответственности СМИ.

Существенной политической проблемой современного этапа развития является и то, что деятельность многих СМИ, в основном предпочитающих «разоблачительную» журналистику и доводящих до общественного мнения сведения об аферах, теневой жизни политиков, зачастую торпедирует общественную мораль. Практикуемый ими стиль критики оппонентов нередко переходит принятые в общественном мнении приличия, а иногда и правовые ограничения. Для того чтобы снять

такого рода конфликты и предотвратить в обществе социальные трения, не допустить разжигания национальной розни и прочих негативных последствий безответственных действий журналистов, в демократических государствах действуют законы о СМИ, регламентирующие их деятельность и устанавливающие строгие ограничения на распространение ими публичного слова.

Серьезные проблемы в ряде стран создает сегодня и деятельность *зарубежных* СМИ. В настоящее время основные информационные потоки в мире контролируются интернациональными центрами (13 стран-доноров дают 90% информационного продукта). В результате сформировались информационные центры и зависимые от них периферии («электронные деревни», по М. Маклюэну), отличающиеся слабостью собственных информационных центров и соответствующей индустрии. Получаемый из-за рубежа массовый информационный продукт зачастую противоречит некоторым отечественным традициям и отношениям. А бывает и так, что даже крушение архаичных традиций отдельные политические силы нередко интерпретируют как фактор культурной и политической агрессии, «засилия Запада», иностранного проникновения, увеличивающего зависимость правящего политического режима.

Если оставить в стороне различного рода политические спекуляции, то можно увидеть реально существующую проблему распространения массовой культуры, буквально захлестывающей многие не готовые к ее стандартам общества. Наряду с усилением и даже повышением некоторых культурных стандартов (особенно в сфере потребления), благодаря масскульту «человек политический» становится «человеком толпы», поступающим по принципу «как все», стремящимся не понимать, а действовать. Все это свидетельствует в пользу того, что политические силы должны найти способы адаптироваться к интернационализации массовых коммуникаций, сохранив при этом культурную специфику своего общества.

Возникающие сегодня политические проблемы показывают, что свобода СМИ не абсолютна. Да, СМИ — это и передатчики общественных интересов, и творцы политики. Но высшим критерием их деятельности, высшим благом, которое они должны защищать независимо от своих политических предпочтений, должны быть интересы всего социума в целом, причем последний должен восприниматься как неразрывная часть мирового сообщества. Именно защите этих интересов должны быть подчинены информационные тактики и стратегии любых СМИ, и с этих позиций они должны воспринимать любые интересы и мнения. В этом смысле в их деятельность может и должно вмешиваться правительство, чтобы сохранить данные приоритеты и ценности, предотвратить политику от разрушительных последствий деятельности массмедиа, пытающихся монополизировать информационное и политическое пространство.

3. Общественное мнение

Понятие общественного мнения

Общественное мнение — важнейший партнер государства, СМИ и других политических субъектов, заинтересованных в расширении своей политической поддержки. С социальной точки зрения общественное мнение есть важнейший источник информации об интересах граждан, механизм выражения их отношения к власти и ее конкретным действиям. Например, опросы общественного мнения являются важнейшим инструментом выявления политических предпочтений населения (представленных в виде рейтингов лидеров или партий), их отношения к действиям правительства в условиях кризисов и т.д.

Значение общественного мнения как важнейшего контрагента власти проявилось еще в древности. Так, Протагор говорил о «публичном мнении» всего общества, которое, по его мнению, было способно отличить истину от лжи. В силу этого в гражданской общине он видел не только источник нравственно-правовых сил, но и возможность установления социальной меры. В то же время Сократ также придававший большое значение мнению общества, делал акцент на «мнение мудрых», которое истиннее «мнения большинства». Такой же по существу позиции придерживался и Платон, рассматривавший в качестве основного субъекта мнения общества аристократию. Гегель связывал общественное мнение с «совместимостью» единичных суждений, которые, благодаря наличию в обществе «формальной субъективной свободы», могли подавать власти соответствующие советы ¹. В XII в. английский писатель и государственный деятель Д. Солсбери ввел специальный термин «public opinion», характеризовавший моральную поддержку парламента со стороны населения.

Относительно систематизированная теория общественного мнения сложилась к 50–60-м гг. XX в. Несмотря на постоянное стремление к детальному описанию взаимодействия общественного мнения с различными политическими институтами, ученые не пришли к единому мнению относительно данного феномена. В теории в основном превалирует его понимание либо как социально-психологического состояния общества, либо как совокупности нравственно-этических параметров последнего, либо как оценочной структуры. Неоднозначно решается и вопрос о субъекте общественного мнения.

Так, Ю. Хабермас понимает под общественным мнением совокупность позиций людей, обладающих образованностью и владеющих соб-

¹ Гегель. Соч. М.; Л., 1934. Т. 7. С. 336.

ственностью, и людей, чье групповое мнение претендует на общезначимость политических позиций. Н. Луман полагает, что у общественного мнения не существует особых субъектов, а выраженные мнения фиксируют лидирующую тему, приковывающую внимание людей, чьи взгляды при этом могут быть весьма различными. Немецкая исследовательница Э. Ноэль-Нойман рассматривает общественное мнение как совокупность оценок, в которую входят не только взгляды, поддерживающие правительственную точку зрения, но и позиции, не высказываемые людьми в силу либо их пассивности, либо оппозиционности, либо нежелания оказаться в изоляции («спираль молчания»).

Если рационально обобщить сложившиеся в науке подходы, то можно сказать, что **общественное мнение** представляет собой совокупность суждений и оценок, характеризующих состояние массового (группового) сознания, оказывающих влияние на содержание и характер разнообразных политических процессов (изменений в сфере государственной власти).

С этой точки зрения оно является элементом представления центрам власти интересов населения, механизмом презентации наиболее острых и значимых для граждан проблем. С содержательной точки зрения общественное мнение — это не все массовое сознание, а лишь его верхушка, та совокупность оценок и представлений, которая объединяет какую-либо группу (в том числе большинство людей). Формируя духовный климат, влияя на политическую атмосферу в обществе, эти оценки неизбежно обладают политическим смыслом и значением для власть предержащих.

Отличительные черты, структура и функции общественного мнения

В целом возникновение общественно-го мнения как устойчивого политического механизма презентации социальных интересов является резуль та-

том развития демократии и институтов гражданского общества. В структуре общественного мнения могут складываться как **массовые**, так и **локальные** точки зрения. Их возникновение и соотношение зависят от уровня конкурентности в обществе, от наличия механизмов политической презентации, имеющих в обществе, от заявляемых людьми претензий на всеобщность собственной позиции.

В качестве **объекта** общественного мнения могут выступать любые факты и явления социальной жизни, в том числе высказывания отдельных политиков, чья оценка вызывает политически значимую реакцию населения. Таким образом, общественное мнение всегда концентрируется вокруг определенных идей и явлений. При этом люди могут многократно видоизменять свои взгляды и суждения, переинтерпретировать одни и те же явления, меняя свои позиции и выводы. Понятно, что

высказываемые общественным мнением оценки могут и не быть адекватным отражением событий, происходящих в обществе (У. Липман).

В общественном мнении велика роль **предрассудков, стереотипов, заблуждений**. В силу своего во многом эмоционального характера оно может быть весьма односторонним, предвзятым. Поэтому, наряду с позитивным по своей сути воздействием на власть, стремлением заставить государство прислушаться к голосу граждан, общественное мнение нередко бывает опасным в силу своей некомпетентности.

В структуру общественного мнения, как правило, входят **массовые (групповые) настроения, эмоции, чувства**, а также **формализованные оценки и суждения**. Эти элементы общественного мнения показывают определенную динамику развития: от абстрактных представлений, неясных и неопределившихся эмоций к более строгим и рациональным понятиям и оценкам. В то же время в условиях кризиса общества эта динамика отличается крайней противоречивостью, многократным возвращением от более-менее сформулированных оценок к неясным предчувствиям.

Для каждого из доминирующих в обществе политических образов существуют особые каналы коммуницирования с властью. Так, чувственные мнения выражаются на митингах, стихийных сходках, собраниях. Формализованные же оценки, как правило, транслируются в ходе выступлений от лица общественности независимых экспертов, лидеров, а также в виде газетных статей, комментариев и т. д.

К наиболее существенным **функциям** общественного мнения можно отнести следующие:

- репрезентацию текущей политики в глазах общественности;
- обеспечение обратной связи в системе государственного управления, предполагающей коррекцию проводимого режимом курса;
- повышение степени легитимности правящего режима;
- социализацию граждан, включающихся в сферу политических отношений.

У общественного мнения нет однозначной направленности на преобразование действительности. Высказанные общественностью позиции и оценки власти могут как учитывать (целиком и полностью), так и не учитывать при принятии решений. Однако власти непременно должны *отреагировать* на высказанные мнения, зафиксировать свое отношение к ним.

Учитывая реалии политической борьбы, нельзя сбрасывать со счетов и того, что сама власть может брать на себя функции выражения общественного мнения. В частности, используя близкие к режиму СМИ, правящие круги могут выдвигать своих «лидеров общественного мне-

ния»; распространять материалы и комментарии событий, которые будут по-своему оформлять общественные чувства; высказывать публичные оценки от имени тех или иных групп, на которые впоследствии уже могут реагировать власти в собственных интересах.

Политическая практика дала примеры многообразных типов общественного мнения, обладающих собственными специфическими параметрами. Так, мнения общественности можно различать по характеру их влияния на власть; по степени иллюзорности, отражающей господствующие в них заблуждения и предрассудки; по уровню конструктивности; степени директивности в отношении власти. Специалисты выделяют также **гомогенные** типы общественного мнения, в которых те или иные идеи и позиции жестко цементируют его, и **негомогенные** типы, в которых конкурируют друг с другом разнообразные оценки и позиции. В зависимости от формы выражения и степени близости к позициям властей, общественное мнение может иметь **официальный** или **неофициальный** характер. Например, в СССР были широко распространены формы «единодушной» (вызванной как работой парторганов, так и пассивностью населения) поддержки населением любых политических действий властей (в просторечии — «одобрямс»).

К универсальным, постоянно проявляемым свойствам общественного мнения можно отнести:

- внутреннюю противоречивость и несбалансированность, которые создают возможность переориентации общественного мнения с одной точки зрения на другую;
- ситуативность, зависимость от динамики политических изменений;
- относительную устойчивость сформулированных позиций, дающую возможность их тиражирования и распространения быстрее, чем они поменяют значения;
- упрощенность и поверхностность оценок.

Формирование общественного мнения

Механизмы формирования общественного мнения весьма разнообразны и существенно зависят от способов

коммуницирования гражданского общества с властью, уровня институционализации демократии, организованности общественности. В самом общем виде различают: **эмоциональные, стихийные и рационально-сознательные** способы формирования общественного мнения.

Эмоциональные, чувственные способы и механизмы складываются главным образом на основе межличностной коммуникации. Должно пройти немало времени, чтобы через такого рода каналы выкристаллизовалось групповое и тем более массовое мнение. На этот про-

цесс большое влияние оказывают механизмы психологического внушения, заражения.

Стихийные способы формирования чаще всего предполагают использование мнения лидера либо выступления СМИ. В первом случае в высказанных авторитетным лидером позициях оформляются уже неявно существующие мнения граждан по тому или иному вопросу. Люди присоединяются к высказанным позициям, усиливая их звучание и расширяя их политические возможности.

В рамках данного способа формирования общественного мнения, концентрации общественности вокруг определенных явлений и идей СМИ стремятся избавиться от противоречивости в изображении событий, добиться однозначного понимания происходящего. При этом культивируются совершенно конкретные отношения, эмоциональные состояния, шаблоны и стереотипы. В таком случае они нередко используют методы подсознательного стимулирования, когда, внедряя в поток новостей стандартизированные и упрощенные представления, содержащие определенные оценочные ассоциации, стереотипы или стандарты, СМИ вызывают автоматическую положительную или отрицательную реакцию общественности на то или иное событие. Например, к таким закрепленным на подсознательном уровне ассоциациям относятся этнические или социальные предрассудки, провоцирующие ценностное отношение к проблеме «свой—чужие». При этом способе формирования общественного мнения высока роль не только лидеров мнений, но и интеллектуальной элиты, но нет гарантий того, что власть будет специально реагировать на высказанные мнения и оценки.

В 1940 г. американские ученые П. Лазарсфельд, Б. Берельски и Г. Гудз выдвинули идею «двухступенчатого порога коммуникации», согласно которой, по их мнению, распространение информации и ее распространение на общественное мнение происходит в два этапа: сначала от СМИ оценки транслируются к неформальным лидерам мнений, а уже от них— к их последователям. При этом авторы идеи выделяли роль «инновационных групп», которые первыми усваивают новые ориентиры и продуцируют их в политической жизни.

Общественное мнение формируется и за счет действия специальных структур, которые практически на профессиональной основе вырабатывают и транслируют определенные оценки от лица общественности. К числу таких структур относятся, например, партии, движения, аналитические группы и т. д. Профессионализация здесь неразрывно связана с **рациональными** процедурами подготовки общественных позиций, формированием каналов, отслеживанием распространяемой информации и ее доведения до властных структур.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

1. Сущность и отличительные особенности политических технологий

Понятие политических технологий

Реальные политические процессы в любом сложноорганизованном обществе и государстве исключительно

многообразны. С одной стороны, на них можно смотреть как на проявление специфической общественной сферы, обладающей социальными границами, внутренними и внешними взаимозависимостями, набором акторов, собственными институтами и механизмами развития. С другой стороны, властные взаимосвязи выступают и как совокупность конкретных проблем, требующих решения со стороны государства и других политических акторов, а следовательно, и применения ими конкретных средств распределения соответствующих ресурсов, налаживания контактов с контрагентами, методов урегулирования конфликтов и т.д. В таком случае проблемная ситуация будет демонстрировать, как межгрупповые отношения в сфере власти преобразуются во взаимозависимость конкретных институтов, отражаются в механизмах согласования позиций, проявляются в чувствах и мотивах отдельных лиц и т.д. Таким образом, межгрупповая конкуренция в сфере власти предстает в качестве практических способов и процедур управления, принятия решений, урегулирования конфликтов, установления коммуникаций и других процессов, выявляющих особый **уровень** политических зависимостей и связей. В этом смысле все политические процессы будут представлять собой сложное переплетение самых разнородных — психологических, материальных, финансовых, правовых и прочих — явлений, реально воздействующих на ход событий.

Таким образом, решение конкретной проблемы означает не только понимание человеком целей и средств их достижения, но и выработку конкретных способов их воплощения на практике, т.е. применение определенных **технологий** решения задачи. Поэтому технологическое измерение проблемы означает не стремление понять ее сущность или основные параметры, а умение применить такие средства и методы ее решения, которые позволят достичь поставленных целей. В силу этого с помощью технологий выявляется новый смысл политических явлений. Технологии по-новому ставят проблему их измерения, закладывают основу для специализированной деятельности по урегулированию (контролю) различных политических процессов. При этом технологии пока-

зывают, что от применяемых способов решения той или иной задачи может измениться сущность этого явления. Например, массовая клевета, распространение дезинформации, отказ в предоставлении телеэфира представителям оппозиционных партий могут превратить процесс формирования представительных органов власти из свободного выбора гражданами своих представителей в навязывание им интересов и воли кругов, контролирующих СМИ.

Политические технологии представляют собой совокупность последовательно применяемых процедур, приемов и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач конкретного актора при решении той или иной политической проблемы.

Применительно к различным областям политической сферы специфические наборы политических технологий, обеспечивающих решения субъектом своеобразных задач в сфере власти, могут быть представлены в форме **политического маркетинга** (выражающего способы продвижения товаров на политическом рынке), **политического менеджмента** (характеризующего приемы управленческо-регулятивной деятельности при принятии политических решений), **политического имиджмейкинга** (раскрывающего средства целенаправленного создания облика того или иного политического актора) и т.д.

Как правило, потребность в формировании политических технологий проявляется там и тогда, где и когда возникает потребность в урегулировании постоянно складывающихся ситуаций и где наличествуют вполне определенные требования к условиям и результатам данного типа деятельности (например, в проведении выборов, принятии решений, урегулировании конфликтов и т.д.). Конкретнее к причинам их появления можно отнести:

- необходимость более рационального, простого и эффективного способа реализации практических целей, постоянно встающих перед различными участниками политического процесса, применения власти и осуществления управления политическими институтами;
- снижение непредсказуемости взаимодействий различных акторов и неопределенности ситуации в области перераспределения государственных ресурсов, регулирования протестной социальной активности, а также других кризисных и форс-мажорных обстоятельств;
- потребность в применении экономичных и ресурсосберегающих способов управления государственным (корпоративным) имуществом, кадровыми и техническими структурами;
- необходимость придания устойчивости взаимоотношениям участников того или иного процесса, ускоряющего обучение пер-

сонала передовым методикам действия и, в конечном счете, расширяющего возможности достижения целей большим числом субъектов в различных, но схожих условиях;

- необходимость эффективного управления объектами человеческих притязаний;
- возможность более четкого определения критических, пороговых значений того или иного процесса, за рамками которого акторы утрачивают возможность управления ситуацией.

Иными словами, основной пафос применения политических технологий заключается в оптимизации выполнения разнообразными субъектами своих прав и обязанностей. Технологии функционально направлены на достижение целей в соответствии с интересами, функциями и целями субъектов, которые могут состоять в привлечении и экономии ресурсов, стабилизации или дестабилизации положения в государстве, организации выборных кампаний, оперативном информационном обеспечении принятия решений, согласовании интересов при выработке государственных программ и т.д.

Политические технологии как совокупность приемов и процедур целенаправленной деятельности не только упорядочивают средства достижения цели, но и закрепляют **очередность, последовательность действий**, выработку определенных **алгоритмов поведения субъекта**. Именно алгоритмы вычлениют и закрепляют наиболее оптимальные и эффективные способы решения той или иной задачи, а также дают возможность передавать и тиражировать обретенный опыт.

По сути дела алгоритмы представляют собой определенный «сухой остаток» целевой активности актора, результатов рационализации, упрощения и стандартизации применяемых им приемов и процедур. Практически технологии выкристаллизовываются из многообразного числа способов и механизмов взаимоотношений субъектов и объектов, взаимодействий контрагентов, внешних и внутренних факторов. Иначе говоря, технология вырабатывается лишь тогда, когда в процессе достижения цели складывается (и определенным образом закрепляется) известная последовательность операций, фиксирующая очередность применения определенных приемов и средств достижения конкретной цели.

Таким образом, технологии нельзя смешивать с *отдельными* техниками или приемами взаимодействия. Технологии — это и *процесс* применения техник, направленных на достижение конкретной цели реально действующим субъектом, и *результат* этой деятельности. Можно сказать, что технологии есть итог определенного применения различных приемов деятельности, появляющийся тогда, когда неоднократные действия по достижению поставленной цели продемонстрировали более оптимальные и экономичные способы решения вопроса.

Конечно, некоторые виды целенаправленной деятельности людей в силу своей сложности могут быть технологизированы не целиком и полностью, а лишь в отдельных точках процесса достижения цели. Итак, в процессе деятельности субъект может использовать только локальные технологии, способные лишь частично рационализировать и упорядочить те или иные участки взаимодействия. Например, в сфере принятия политических решений, где, как правило, решаются мало структурированные задачи (отличающиеся крайне низкой информативностью относительно условий и альтернатив решения проблемы), политические технологии обычно представляют собой набор действий, обслуживающих в основном лишь отдельные фазы разработки и реализации целей (например, согласование действий законодательных и исполнительных органов власти). В целом же они не способны рационализировать и оптимизировать весь данный процесс.

Таким образом, политические технологии могут действовать как в режиме полного цикла осуществления того или иного процесса, так и быть связаны с оптимизацией только отдельных его фаз и этапов. Еще более сложные комплексы властно-управленческих взаимоотношений (например, отношения внутри неформальных, теневых группировок, интегрированных в процесс принятия государственных решений) в принципе не способны сформировать технологические цепочки даже для своих отдельных фрагментов.

Технологии как определенные алгоритмы действий представляют собой форму *политической инженерии*, обусловленную как свойствами действующего *актора* (его знаниями, опытом, настроением на реализацию и т.д.), так и используемыми в его деятельности материальными (духовными) *ресурсами* и *техническими* компонентами. По этой причине формирование и применение технологий, а также ритм (темп) их осуществления жестко связаны с квалификацией и компетентностью актора, его практическими знаниями и умениями использования определенных технических ресурсов. Как правило, низкая обеспеченность техническими или кадровыми ресурсами снижает эффективность применения технологий. Поэтому даже не эффективность применения, а подчас само существование политических технологий непосредственным образом зависит от состояния действующего субъекта, от его умения использовать накопленный опыт, реализовывать имеющиеся возможности в конкретной ситуации. Ошибки и некомпетентность актора (тем более наделенного полномочиями и ответственностью), от которых не спасают никакие статусы и титулы, могут не только снизить функциональное значение технологий, но и полностью изменить направленность их действий. Так что использование политических технологий (прежде всего в наиважнейших для государства и общества сферах) предполагает отбор действующих лиц с точки зрения квалификации, наличия практи-

ческого опыта, психологической устойчивости, способности действовать в нестандартной обстановке и др.

Найденные алгоритмы действий могут выступать и в качестве средства *инициации*, источника побуждения внутренних механизмов регуляции как политической системы, так и ее отдельных элементов. Иными словами, став элементом деятельности того или иного индивида (группы лиц), постоянно занятого принятием решений, урегулированием конфликтов или выполнением иных определенных функций, технологии становятся одним из механизмов *самонастройки* и *самоорганизации* этой области деятельности человека. В данном смысле технологии могут быть не просто перечнем оптимальных и эффективных действий, но и выступать способом усиления контроля за процессом достижения целей, формой управления этой деятельностью. Но в любом случае высшим критерием эффективности применения технологий является реальное достижение намеченного результата.

В то же время оценка эффективности технологий представляет собой чрезвычайно рисковую деятельность, ибо она нацелена на получение достоверной информации о реальных механизмах власти и управления. Учитывая же, что в сфере политической власти перераспределяются очень важные и значительные ресурсы, деятельность многих вовлеченных в этот процесс людей (структур, институтов) принципиально направлена на сокрытие необходимой информации о принятии соответствующих решений и применяемых технологиях. Поэтому цена такой информации может быть предельно высокой.

Однако важность оценки технологических процедур связана не только с опасностью контроля за реальными процессами властвования. Ее значение обуславливается и тем, что в сфере политической власти (например, в области государственного управления) постоянно появляются различного рода попытки создания таких способов взаимодействия структур и институтов власти, которые, обладая формальными признаками технологического усовершенствования процесса (скажем, согласования отраслевых интересов), на самом деле являются средством достижения совсем других целей (в частности, прикрытия частного предпринимательства тех или иных чиновников). Так что политические технологии нередко сознательно имитируются, скрывая за своими внешними формами совершенно иные цели и интересы действующих субъектов.

Политические технологии распространяются *на все* поле политической власти и государственного управления. В силу этого они включаются как в конвенциональные (легальные) процессы применения политической власти и соответствующего распределения ресурсов государства, так и в неконвенциональные, предполагающие использование приемов и процедур, прямо запрещенных законом или противоречащих политическим традициям и нормам (например, технологии подрывных

акций, терроризма, проведения режиссируемых выборов, манипулирования общественным мнением и т.п.).

Технологии *ограничены* по месту и времени их применения. У конкретного сочетания техник, способов и приемов деятельности как определенной ее системы существует свое «внутреннее время» (И. Пригожин). Но при всей своей определенности, фиксированности действий, привязанных к пространственно-временным параметрам ситуации, технологии имеют и механизмы преодоления такой зависимости. И прежде всего эта зависимость преодолевается за счет присутствия в них «гена самонастройки», адаптируемости к ситуации.

Иными словами, в технологиях всегда есть место творчеству субъекта, импровизации, нестандартным действиям. Усиление такого импровизационного начала служит своеобразным сигналом для перехода к новым типам взаимодействий с контрагентами, совершенствования структуры и выработки оригинальных приемов деятельности. В то же время технологии — враг произвола. Они по природе своей противостоят интуиции и прецеденту как ведущим способам реализации человеческих целей. Технологии направлены на рационализацию и упрощение действий во имя достижения цели и именно поэтому склонны к известной формализации и нормативному закреплению.

В силу этого у технологий существуют некие верхние пределы, которые они не должны переступать, чтобы не превратиться в форму откровенного субъективизма. Но они не должны и застывать, чтобы не нарушить соответствие процесса целедостижения динамично развивающейся ситуации. Вращаясь между этими полюсами формализации и субъективации, технологии постоянно подвергаются опасности перерождения либо в набор догм, либо в сплошную импровизацию субъектов.

В зависимости от характера и масштаба действующего субъекта технологии существенно отличаются по своим параметрам: ресурсам, оценкам их эффективности и т.д. Так, технологии, рассчитанные на оптимизацию деятельности массовых политических субъектов, как правило, являются более прерывистыми, а потому и менее надежными. Поэтому, чтобы уверенно управлять поведением крупных социальных слоев, регулировать динамику общественных настроений и т.п., необходимо использовать более строгие и жесткие регуляторы, нужны большие вложения, ресурсное обеспечение и т.д.

Структура политических технологий

В структуру политических технологий, как правило, входят три наиболее значимых компонента: специфические **знания**; конкретные **приемы**, процедуры и методики действий; а также различные **техничко-ресурсные** компоненты.

Принципиальная роль **знаний** обусловлена тем, что политические технологии по сути своей есть воплощение особых форм отражения действительности, которые направлены на нахождение средств и способов практического решения проблем, возникающих в сфере власти и управления государством. В этом смысле технологический уровень познания действительности не только представляет собой форму *научно-прикладного* знания, но и одновременно выражает оценку политических проблем с точки зрения заинтересованных в их решении субъектов.

Таким образом, технологическое знание является познавательно-проективной, идеально-преобразующей деятельностью, которая включает в себя приемы не только обыденного, но и научного познания действительности, как бы синтезируя их подходы для решения конкретной задачи. Это задает технологическому знанию собственную логику отражения и объяснения явлений, которая не присуща ни научным формам отражения, ни обыденным подходам в отдельности.

В отличие от теории, которая напрямую не связана с практикой и опосредует свои отношения с ней некими идеальными конструкциями, не исключающими разнообразных трактовок реальных явлений, технологическое знание непосредственно и вполне однозначно воспринимает действительность, внутренне организуясь на основе отражения реальности, конкретных событий. Технологическое знание отличается тем, что оно является не «идеально сконструированной абстракцией, которая... привязана к конкретному трехмерному пространству с определенной точкой отсчета»¹, а работает с конкретной проблемой, ситуацией, существующей в масштабе реального времени и обладающей такими топологическими (глубиной, шириной и другими метрическими характеристиками) и темпоральными (временными) параметрами событий, которые исключают саму возможность умозрительного достраивания происходящих событий логически выводимыми свойствами.

Если научное знание идеализирует событие (ситуацию), то технологическое знание конкретизирует логические объекты; если научное знание обращено к практике-универсуму, то технологическое отображение — к отдельному фрагменту действительности, отражаемому столь же конкретным актором. Поэтому с точки зрения технологического отношения к миру данный фрагмент практической реальности требует не логического осмысления, а практического ответа. Такой ответ должен формироваться в рамках принципиальной ограниченности конкретной ситуации и не предполагать теоретического расширения конкретного события до класса однотипных явлений. Вследствие этого все истины технологического знания принципиально подвижны (релятивны), исключительны и уникальны.

¹ Подшивалкина В. И. Социальные технологии: Проблемы методологии и практики. Кишинев, 1997. С. 42.

Технологическое знание рассматривает любое событие как некий фрагмент действительности, обладающий собственной логикой движения, источниками развития, пределами роста и т. д. и предполагающий выдвижение некой требующей решения проблемы. Таким образом, содержание технологического знания формируется на основе позиций того, кто отражает событие (**эксперт, аналитик**); того, кто задает конкретные цели решения связанной с данной ситуацией проблемы (**заказчик**), а также того, кто действует на стадии решения задачи (**исполнитель**). Следовательно, каждый из этих акторов способен изменить содержание и форму технологической информации.

Такое *утроение субъекта* технологического знания свидетельствует о том, что вся его познавательная стратегия строится на сведении объективных условий к субъективно интерпретируемой ситуации как на стадии диагностики, так и на стадии актуализации решений. Включение представлений этих акторов в оценку ситуации показывает, что целевых ориентаций в рамках технологического знания об одной и той же проблеме может быть сколько угодно. Поэтому конкретные проблемы технологически могут быть интерпретированы и «встроены» в самые разнообразные политические процессы.

При технологическом подходе на первый план выступает проблема выработки такой системы координат, которая способна привести к пониманию состава, структуры, формы, характера изменений тех или иных событий (ситуаций). Это предполагает включение в базу технологических данных не только выводов и оценок специального характера (оценок соотношения политических сил, их идеологических программ и др.), но и той информации, которая раскрывает данную ситуацию с экономической, бытовой, экологической и других точек зрения.

В зависимости от характера решения практических задач технологическое знание может занимать самые различные позиции относительно тех теоретических выводов, которые сделаны академической наукой по поводу данного типа объектов. Если перефразировать О. Конта, то можно сказать, что технологии — это такие представления, которые установку на «знание» опосредуют установкой на «действие». Поэтому в ряде случаев носитель технологического знания может, выполняя свою задачу, не обращать внимания на те или иные теоретические выводы. Таким образом, научно-теоретические результаты исследований могут быть абсолютно индифферентными к решению конкретной практической задачи. Причем выводы фундаментальной науки могут быть проигнорированы даже тогда, когда они объективно необходимы для решения конкретной задачи. И такой выбор может быть продиктован не только целями или особенностями подхода аналитика, заказчика или исполнителя, но и их ресурсными возможностями, а также другими практически значимыми факторами.

Технологическая оценка ситуации формирует и собственные знаковые (семантические) структуры. Так, если язык науки всегда предполагает хотя и разнообразную, но все же строгую категориально-понятийную форму, то технологическое знание основывается на значительно более свободном порядке образования семантических структур. В его аналитической лексике строгие понятия соседствуют с чувственными образами, определенные в смысловом значении термины — с многозначными. Здесь присутствуют не только языковые формы, отображающие сложные смысловые оттенки, но и неспециализированные структуры общения (просторечия, бытовая лексика, аббревиатуры живого языка, слоганы, фольклор и т.д.). Так что технологическое знание базируется на более подвижном языке, знаковых структурах, подчеркивающих субъективность, индивидуальность исследователя и ориентированных на инструментальные цели, эмпирическую коммуникацию и расширение информации о событиях.

**Процедурные и технические
компоненты политических
технологий**

Технологическое знание в конечном счете представляют собой субъективную основу политической инженерии, которая занимается политическим

проектированием (прогнозированием, планированием и программированием) и организацией практической деятельности институтов власти. Поэтому основной ценностью для технологий является даже не самое знание о том, как можно нечто сделать, совершить, а конкретное *умение*, навыки свершения действий и достижения целей.

Содержание таких конкретных навыков и умений, которые выражаются в применении определенных приемов, процедур, техник и методик действий, непосредственно задается конкретными целями или, в конечном счете, особенностями той или иной предметной сферы политики. Например, в сфере принятия решений это могут быть приемы согласования и соизмерения интересов сторон при выработке тех или иных целей государственной политики; в рамках разрешения международных конфликтов — способы поиска компромиссов между конфликтующими сторонами или воздействия на них со стороны примиряющих (арбитражных) структур; в информационной сфере политической власти — приемы дезинформирования общественности или, напротив, борьбы против клеветнических измышлений соперников и т.д.

Использование тех или иных приемов и процедур непосредственно зависит и от состояния действующих субъектов, и от конкретных условий, в которых решается задача. Так, не знакомый с современными методами организации и ведения избирательных кампаний технолог не может применить приемы и техники, способные обеспечить победу на выборах его заказчику. В условиях же жесткого контроля государства

за проведением выборов, как правило, не удастся использовать многие «черные» и незаконные технологии борьбы с конкурентами и т. д.

Конкретные приемы и способы деятельности непосредственно зависят и от наличия тех или иных кадровых структур, технического оснащения действующих лиц, наличия тех или иных (финансовых и пр.) ресурсов, влияющих на содержание политических технологий. Например, применение технологий информационного обеспечения государственной политики (особенно если дело касается целей, имеющих стратегическое или существенное коммерческое значение) невозможно без технических структур, призванных защищать государственную тайну; стесненный в материальных средствах избирательный штаб того или иного кандидата, как правило, вынужден отказываться, к примеру, от организации его выступлений на телевидении или применения других эффективных, но дорогостоящих технологий соперничества, которые необходимы для достижения победы на выборах; использование управленческих технологий в условиях кризисов невозможно без структур, дублирующих принятие решений, без дополнительных ресурсов, кадрового резерва и т. д. Таким образом, наличие данных компонентов политических технологий накладывает самые существенные ограничения на способы решения задач, применение тех или иных приемов деятельности или, напротив, может существенно увеличить эффективность последних.

2. Типы политических технологий

Разнообразие политических технологий

Технологии встроены в самые разнообразные процессы, обеспечивающие формирование и использование политической власти на различных уровнях организации государства и социума, способствуя таким образом формированию не только универсальных, но и типических свойств политических технологий.

Самые распространенные из них — **функциональные** типы политических технологий, предполагающие рационализацию и алгоритмизацию ролевых нагрузок различных субъектов управления и власти (например, принятия решений, согласования интересов, ведения переговоров, коммуницирования с общественностью и т. д.) и, в конечном счете, направленные на управление и контроль за этими процессами. **Инструментальные** разновидности политических технологий имитируют применение техник, направленных на рационализацию конкретной деятельности, а на самом деле имеют совершенно иные цели и прикрывают их.

С точки зрения областей, в которых применяются те или иные приемы достижения целей, можно говорить о так называемых **предметных** технологиях (например, электоральных, техниках лоббирования, компьютерных и информационных технологиях, переговорных приемах и

процедурах, используемых в дипломатической или военной сфере, и т.д.). Понятно, что такой подход к оценке специфических свойств технологий не только позволяет зафиксировать области властного взаимодействия, которые технологизированы в наибольшей (в частности, выборы в органы власти) или в наименьшей степени. В этом смысле можно даже констатировать наличие таких политических взаимодействий, которые в принципе не могут быть подвержены какой-либо технологизации, как, например, процесс неформального согласования интересов в процессе выработки решений на государственном уровне. Этот подход помогает увидеть зоны пересечения различных технических приемов, их взаимозаменяемость при решении задач в тех или иных областях политики и государственного управления.

С названным типом технологий тесно связаны так называемые **уровневые** технологии, отражающие степень социальной организации предметных областей. К ним можно отнести: *глобальные*, связанные, к примеру, с решением общемировых проблем — охраной природы, поддержанием международной безопасности и т.д., *континентально-региональные*, раскрывающие специфические действия государств, а также международных организаций и институтов по решению проблем в ближневосточном, европейском или каком-либо ином регионе, *национально-государственные*, характеризующие процесс осуществления власти и государственного управления в рамках одной страны, *корпоративные*, отражающие властно-управленческие отношения в рамках отдельной организации, *локальные*, фиксирующие специфику деятельности отношений субъектов в ограниченных точках политического пространства, а также *межличностные*.

С точки зрения характера продолжительности использования определенных способов деятельности имеет смысл выделять также следующие технологии: **стратегические**, нацеленные на отдаленный результат деятельности акторов; **тактические**, предполагающие реализацию краткосрочных целей; **спорадические**, применяемые единовременно, и **циклические**, постоянно воспроизводящиеся в структуре деятельности субъекта.

Учитывая нацеленность технологий на расширение круга субъектов, способных применять сложившиеся алгоритмы деятельности при решении однотипных задач, можно говорить о **тиражируемых**, т.е. рассчитанных на повсеместное применение в аналогичных условиях, технологиях, которые, собственно, и удовлетворяют данным требованиям, а также о противоположных им — **уникальных** технологиях, представляющих собой перечень действий, применимых только в определенных, строго фиксированных условиях и не воспроизводимых даже в схожих условиях. Первые из указанных технологий меньше зависят от свойств реализующих их акторов и потому максимально экономят временные и материальные ресурсы при осуществлении однотипных видов деятель-

ности. Уникальные же технологии применимы лишь для однократного обеспечения тех или иных целей, а нередко и лишь для строго очерченного круга акторов. Они, как правило, обходятся значительно дороже и практически полностью теряют свою эффективность при попытках перенесения даже в сходные обстоятельства.

Так, например, отдельные «дипломатические» технологии могут многократно использоваться в процессе ведения межгосударственных переговоров, а наиболее важные приемы и техники избирательной кампании без каких-либо ограничений применяться в выборах различного уровня, независимо от страны, где они проводятся, уровня (федерального или местного) социальной организации или времени проведения. Вместе с тем при урегулировании каких-либо межнациональных противоречий с исключительно своеобразным набором сторон, причин, поводов, времени протекания и др. параметров конфликта могут применяться такие способы и приемы, с помощью которых можно добиться требуемого эффекта лишь в определенном месте и в известное время.

Принимая во внимание разнообразие условий деятельности, динамических изменений, свойств и способностей субъектов, можно выделить **жесткие** и **мягкие** технологии. Первые свидетельствуют о заданности и одновременно неизменности основных параметров применяемых субъектами приемов и способов деятельности. Очень часто такие технологии обеспечивают правовой и процедурный порядок согласования интересов между ведомствами и институтами власти, например, сохранение иерархичности в согласовании правительственных программ, визировании документов и т.п. Противоположные же технологии демонстрируют способы деятельности в менее институционализированных условиях, те ее способы и приемы, позволяющие осуществлять гибкую адаптацию целей и ресурсов, имеющихся в распоряжении субъекта, к изменяющимся условиям.

Иначе говоря, это как бы самонастраивающиеся технологии, ситуативно изменяющиеся алгоритмы действий, которые в конечном счете расширяют опыт, необходимый для совершенствования процесса достижения целей в той или иной сфере. И если первые можно расценивать как способы деятельности, в основном воспроизводящие структуры, функции и отношения власти, то вторые — как формирующие, достраивающие политическую систему и систему управления государством до уровня актуальных требований. Последние по сути дела фиксируют процесс обновления и даже перерождения технологий, их перехода к вновь формирующимся алгоритмам.

Нормативные и девиантные технологии

С точки зрения степени и характера регламентации деятельности (что обладает особой ценностью для анализа переходных процессов) различают **нормативные** и **девиантные** технологии. Нормативные технологии — это способы деятельности,

С точки зрения степени и характера регламентации деятельности (что обладает особой ценностью для анали-

жестко обусловленные существующими в обществе (организации) законами, нормами, традициями или обычаями. Девиантные технологии противоположны им, это отклоняющиеся от такого рода требований и стандартов способы деятельности. К их числу относится, например, целый спектр противоречащих закону или нормам общественной морали «серых» и «черных» технологий. Как показала практика, в критических точках политического процесса, а именно во время выборов в органы высшей государственной власти, внешне- и внутривнутриполитических кризисов, наблюдается небывалый расцвет подобного рода технологий. Субъекты влияния и власти нередко переходят к «сливу компромата», шантажу, утечкам информации, клевете, а в ряде случаев даже к террору, организации заговоров, путчей и т. д. Очень часто такие формы деятельности становятся источниками не только скандалов, но и кризисов, меняющих течение политического процесса, расстановку сил в обществе, влияющих на соблюдение странами международных обязательств и т. д.

Обществу и государству важно понять способы предотвращения использования таких технологий борьбы за власть, выработать соответствующие политические противоядия. Однако уже сегодня становится ясно, что в современном (и не только российском) обществе с некоторыми приемами подобного рода бороться практически невозможно. Например, учитывая распространение современных средств связи, чисто технически не удастся предотвратить электронный шпионаж и иные аналогичные приемы деятельности.

Близки к рассматриваемым типам технологий также **явные и теневые** способы достижения властно-политических и государственно-административных целей. Первый из этих типов, выраженный, к примеру, в формах диалога власти с общественностью, олицетворяя публичный характер власти, по сути дела играет роль своеобразной визитной карточки политического режима и сложившейся системы управления государством. Однако такого рода приемы, техники управления и власти зачастую имеют сугубо демонстрационный, «выставочный» характер, ориентируются на коммуницирование с общественным мнением и создание у него образа активной и эффективной власти. При этом практическая связь с реальным процессом выработки государственных решений у них может быть очень слабой, а то и отсутствовать вовсе.

Теневые технологии управления и власти, будучи с практической точки зрения подчас важнейшими и определяющими процесс применения власти и распределения государственных ресурсов, вместе с тем отличаются очень слабым уровнем технологичности, представляя собой скорее уникальные (спонтанные, ситуационные), нежели стандартизированные и алгоритмизированные способы и приемы деятельности.

3. Формирование политических технологий

Субъективный способ формирования технологий

Разработка и применение политических технологий суть процессы постепенной рационализации и оптимизации

(и в этом смысле сознательного конструирования) целенаправленной деятельности субъектов в рамках выполнения ими определенных задач. В конечном счете они расширяют возможности этих субъектов в плане контроля и управления той или иной областью политических изменений. Процесс формирования и функционирования технологий можно рассматривать со **структурной, пространственно-временной и процессуальной** точек зрения. Первый подход предполагает выявление знаний о проблеме, поиск оптимальных техник ее решения и технического обеспечения. Второй выражает необходимость согласования применяемых средств с конкретными условиями места и времени, в которых решается проблема. Третий раскрывает значение и условия формирования отдельных параметров достижения целей. В последнем случае логика действий по формированию технологий выстраивается вокруг цепочки «анализ — диагностирование и оценка ситуации — прогнозно-проектные операции — выработка целей — определение последовательности действий — формулировка рекомендаций».

В целом технологии могут разрабатываться как применительно к ограниченному числу ситуаций (классу объектов), и прежде всего ситуациям уникальным, так и к более распространенным. При формировании их параметров, как правило, учитываются не только задачи, но и тип и характеристики действующих субъектов, временные и иные важнейшие параметры условий деятельности. При этом технологии могут задаваться «сверху», правящими структурами, а могут формироваться и в результате обобщения и рационализации живого опыта субъектов, постоянно действующих в подобных условиях. Но чаще всего технологии возникают комбинированным способом, когда нормативно-целевые задачи сочетаются с наблюдениями и опытом участвующих в практическом решении задачи лиц. Одни технологии могут устаревать, утрачивать (частично или полностью) свою эффективность; может сужаться диапазон их применения. Другие же технологии могут постоянно совершенствоваться, увеличивать свои «управленческие» способности.

Существуют два способа формирования технологий — **субъективный** и **аналитический**. Первый основан на преимущественно (а нередко и исключительно) субъективном (волюнтаристском) подходе, закладывающем в основу конструирования оптимальной последовательности действий стандарты здравого смысла, практический опыт субъекта и его интуицию, симпатии, культурные стереотипы, привычки и прочие индивидуальные особенности его мировосприятия. Собственно без таких компонентов прак-

тически никогда не дается оценка целей, не определяются пути формирования ресурсов их достижения. Однако в данном случае эти компоненты не столько сами преобладают, сколько блокируют и ограничивают применение других, в частности, более строгих аналитических подходов. И хотя в целом они нередко бывают оправданы и даже дают положительный результат (например, при использовании в кризисных ситуациях), однако при прочих равных условиях этот метод алгоритмизирования целевой деятельности можно расценить как ограниченный и не обеспечивающий решения задач, стоящих перед технологиями.

Аналитический способ формирования технологий

Второй, аналитический, способ формирования технологий связан с использованием (и доминированием)

специальных **аналитических** методов и процедур, определяющих основные параметры и условия целедостижения. Данные приемы не столько кладут предел субъективному произволу акторов при оценке целей и параметров деятельности, сколько определяют ему соответствующее место, позволяя наиболее эффективно использовать возможности и резервы интуитивно-опытной, прецедентной диагностики при определении целей и средств их достижения. В этом случае актор получает возможность рационализировать видение ситуации, осознанно отнестись к категориям «цели» и «условия» деятельности благодаря пониманию неизбежных ограничений, накладываемых на его деятельность факторами краткосрочного и долгосрочного действия (природой, соотношением политических сил и т. д.), точнее осознать последствия предпринимаемых им действий в рамках существующего социального (политического) порядка.

С содержательной точки зрения аналитический тип формирования технологий предполагает оценку и характеристику: конкретных акторов, характера их функционально-ролевых и межличностных взаимоотношений; действующих норм и регламентов деятельности; расстановки политических сил («разведение» акторов по идеологическим позициям или блокам в зависимости от понимания и решения ими разных политических вопросов); конкретных акций и интеракций в контексте воздействия внутренних (прежде всего мотивационных) и внешних факторов; параметров пространственного (глубины, ширины, длины местосвершения политического события) и временного характера деятельности; специфики окружающей среды; ресурсов и потенциала действующих лиц. При решении этих задач используется все богатство методов, способных максимально точно описать реальные отношения акторов и сформулировать соответствующие рекомендации.

Коротко говоря, ситуативно-аналитический способ представляет собой последовательное применение ряда критериев и измерительных

систем, которые в совокупности дают наиболее адекватные представления о структуре и тенденциях развития ситуации и тем самым способствуют оптимизации деятельности субъекта по достижению своих целей. Содержательное применение данного подхода предполагает дифференциацию и структурализацию целенаправленной деятельности, выделение ее наиболее важных фаз и этапов, а также параметров, характеризующих ритм (темп) и цикличность ее осуществления в масштабе реального времени. На его основе субъект осознает характер взаимоотношений акторов, временных и пространственных показателей, факторов внешней среды, уточняет состояние и вероятные варианты развития данной ситуации, поворотные точки («точки ветвления») процесса и другие его важнейшие показатели, от которых зависят его действия.

В то же время, учитывая своеобразие каждого отдельно взятого политического процесса, неизбежно отличающегося разнообразными и уникальными внешними и внутренними аспектами, аналитическая разработка в ряде случаев представляет собой *поисковое* знание, которое не способно до конца раскрыть внутренние причины активности тех или иных акторов, вычислить иные параметры ситуации. Так что в ряде случаев разработка политических технологий в известной степени способна девальвировать не только общетеоретические, но и аналитические выводы, отводя им вторичную, подчиненную роль по сравнению с опытным знанием.

Таким образом, аналитически выявленная картина ситуации и динамика ее развития могут существенно расходиться с субъективной логикой составления практического технологического сценария, т.е. предполагаемой последовательности действий как заказчика, так и исполнителем. Вследствие этого аналитический образ ситуации нередко является лишь предпосылкой конструирования поведения субъекта, «монтажа» и поддержания им параметров своей деятельности в соответствии с поставленными целями. Вот почему при формировании очередности действий субъекта по решению проблемы целесообразно различать собственно аналитический и практически-технологический результаты описания ситуации.

Однако массив практического опыта не может ограничиваться сведениями, почерпнутыми из локально ограниченной ситуации. Значение, а иногда и приоритет опытного знания в деле формирования политических технологий предполагает учет универсального передового отечественного и зарубежного опыта в решении аналогичных задач в соответствующих областях политической жизни.

Для более полного раскрытия механизма формирования политических технологий необходимо подробнее рассмотреть особенности политического анализа, лежащего в основе формирования политических технологий.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

1. Сущность и особенности политического анализа

Место и роль политического анализа в исследовании политики

Необходимость решения конкретных задач в сфере политики, поиска наиболее приемлемых для людей способов и технологий достижения целей

предполагает и особый подход к пониманию и изучению политических явлений. В отличие от подходов, свойственных теоретической политологии, стремящейся выявить сущностные черты и характеристики политических явлений, вскрыть их наиболее принципиальные связи и отношения, обосновать тенденции и закономерности развития, этот подход нацелен на решение практических вопросов и имеет свою специфику

В самом общем плане «технологически» ориентированные формы и разновидности политических представлений направлены не на создание теорий или производство знаний, систематизирующих представления о сходстве и различиях политических явлений, а на **прикладное** использование имеющегося научно-теоретического потенциала при решении практических и вполне конкретных задач в политическом пространстве. Не менее важным компонентом оценки и понимания последних, наряду с теоретическими идеями, являются также накопленный людьми практический опыт, навыки и умения решать аналогичные задачи, интуиция и иные дологические представления человека. Строго говоря, свои выводы прикладные дисциплины могут делать и на базе сложившегося практического опыта, не прибегая к использованию каких-либо широких теоретических обобщений. Имея в виду такую сугубо практическую ориентацию прикладного политологического знания, можно сказать, что именно оно задает тот особый ракурс в понимании политической жизни, который заставляет относиться к осуществляемой в ней деятельности человека как к разновидности «искусства».

Применяемые в прикладном знании приемы и методы исследования политических явлений формируют *особую отрасль политической науки*, которая направлена на изучение реального политического процесса, поведения различных субъектов, их действий и взаимоотношений. По сути дела весь круг прикладных политологических дисциплин описывает разнообразные стороны и грани политической деятельности людей, обладающих разными навыками, умениями, технологической

оснащенностью и стремящихся достичь разных практически значимых целей. В этом смысле их предметная область уже, чем у теоретической, фундаментальной науки, поскольку прикладные дисциплины интересуют, к примеру, не сущность власти или государства, а их конкретные проявления и влияние на поведение людей в той или иной ситуации. И тем не менее результаты такого «приземленного» анализа данных явлений становятся неременной предпосылкой обогащения фундаментальных теорий, создания новых гипотез, парадигм, подходов.

Прикладные исследования политики затрагивают не все ее пространство, а лишь те ее области, которые имеют важнейшее практическое значение для всего процесса функционирования государственной власти. В настоящее время к числу подобных областей относятся процессы урегулирования и разрешения конфликтов, принятия решений, ведения переговоров, организации избирательных и информационных кампаний и некоторые другие. Вокруг ряда таких областей исторически сформировались и субдисциплины, освещающие проблемы принятия решений (*policy making*), формирования и реализации политических проектов (*policy management*), разрешения и урегулирования политических конфликтов (*conflict management*), ведения переговоров и некоторые другие. Среди них выделяется политический анализ (*policy analysis*), который описывает способы и процедуры исследования конкретных политических проблем.

Политический анализ является особой прикладной дисциплиной со своим предметным полем и иными особенностями. Вместе с тем он выступает и *единой* исследовательской основой всех прикладных субдисциплин. Таким образом, если в широком смысле это словосочетание может использоваться для обозначения *всех* научных исследований политики, то в узком, специальном значении политический анализ рассматривается как прикладная дисциплина, которая формулирует основные, препятствующие субъективизму и произволу требования изучения конкретных проблем, поиска их наиболее приемлемых решений и определения необходимых для этого технологических средств и приемов деятельности.

Разработкой политического анализа как прикладной области научных знаний занимается особая группа специалистов: технологи, аналитики, эксперты, консультанты, пиармены (специалисты в области налаживания информационных связей политических структур с общественностью), работники партийных аппаратов, помощники публичных политиков — словом, все те, кто занимается разнообразными видами обслуживания профессиональной деятельности публичных политиков, корпоративных политических структур (например, консультативных агентств), органов государственного управления. Итогом деятельности этой группы лиц являются разнообразные советы и рекомендации, прогнозы, планы и программы деятельности государственных и партийных

органов, аналитические справки для совершенствования деятельности органов управления и другие материалы, направленные на оптимизацию решения конкретных политических проблем.

Особенности политического анализа

Особенности политического анализа как специфического уровня исследования политических явлений определяются целым рядом причин и обстоятельств. Как разновидность прикладного знания он прежде всего ориентируется на описание и изучение конкретной, стоящей перед субъектом **проблемы**.

Так, теоретическая политология формируется по **предметному** признаку, предполагая логическое выделение какой-то отграниченной от других области политического пространства и группы однородных явлений. Решая стоящие перед ней задачи, она организует свой корпус знаний путем выделения свойств и признаков определенного круга (класса) явлений, их логической взаимосвязи, дающей возможность объединять рассматриваемые объекты в некую социальную целостность с характерными для нее специфическими границами, масштабами распространения и другими признаками идеально сконструированной сферы. В противоположность этому политический анализ сосредоточен на исследовании конкретных **проблем**, т.е. тех элементов действительности, которые затрагивают различные области политического пространства и не имеют строго определенных, однотипных источников, связей и иных аналогичных параметров.

В отличие от науки, которой движет логоцентризм и которая изначально направлена на приращение истинных знаний об объекте, на поиск закономерных взаимосвязей и взаимозависимостей в исследуемой области общественных отношений, политический анализ вырабатывает рационально-упрощенное понимание объекта и потому требует минимально достаточные сведения для реализации конкретной цели субъекта. Если фундаментальная наука производит знание, направленное на понимание объекта, глубинное и систематизированное проникновение в его тайны, то прикладной политический анализ формирует свои представления на основе практических запросов субъекта, которые не простираются дальше конкретной задачи. Иными словами, если наука формирует логический слепок объекта, то политический анализ — практический, т.е. такой его образ, который достаточен для включения субъекта в схему реализации конкретной цели. Если у науки, придерживающейся каузального (причинно-следственного) подхода, элементы явления рассматриваются диахронно (т.е. одновременно и внеисторично), то политический анализ базируется на телеологическом (целесоориентированном) подходе, оценивающем реально функционирующие

элементы (и их свойства) как предпосылки или составные части целенаправленной деятельности субъекта.

Вместе с тем в качестве проблем, подлежащих политическому анализу, могут выступать не любые социальные конфликты и противоречия, влияющие на осуществление людьми их ролей и функций в сфере власти, а только те из них, которые обладают существенным для общества значением, затрагивают интересы широких слоев населения, общественные верования и ценности, прямо или косвенно влияют на деятельность органов управления, т.е. имеют публичный характер и обладают определенной степенью важности.

Ориентация на подобные проблемы предопределяет и **структурные** особенности прикладного политического анализа. В частности, в силу конкурентной природы политической сферы и, как следствие, неизбежности различного видения той или иной ситуации представителями соперничающих сил интерпретация одних и тех же событий приобретает неоднозначный характер. То есть оценка конкретной ситуации задается не только аналитиком или экспертом, но и тем лицом, которое должно решить указанную коллизию в соответствии со своим местом и ролью в политическом процессе. Именно он, исходя из своих интересов с точки зрения статуса, позиции и других существенных черт собственного отношения к действительности, оценивает, интерпретирует происходящие события и тем самым задает видение фактов, совокупность которых и образует проблемную ситуацию. В этом смысле он выступает как «заказчик» решения той проблемы, которую он обнаруживает в сложившейся ситуации.

Иными словами, структура и содержание политического анализа изначально формируются не только в результате аналитического описания субъектом-исследователем каких-либо событий, но и под влиянием явно или неявно присутствующей фигуры «заказчика», т.е. субъекта, задающего **цель** разрешения данной ситуации. Интерес «заказчика» обуславливает процесс формирования стратегии действия аналитиков, которые пытаются в русле поставленных задач увидеть в ситуации возможности для ее целенаправленного видоизменения, доведения ее до необходимых параметров, способных удовлетворить требования «заказчика». При этом информация, получаемая технологом, нередко становится его собственностью, и он может быть заинтересован либо в ее обнаружении, либо в сокрытии, либо в каком-то другом варианте использования.

Так что «заказчик» — это по сути дела символ целенаправленного разрешения ситуации или выделения в реальных событиях тех фактов, которые образуются в соответствии с заявленной позицией участника борьбы за ресурсы государственной власти. В частных случаях толкования ситуации «заказчиком» и аналитиком, стремящимся воссоздать

предельно объективную, не зависящую от частных воззрений картину, могут совпадать. Однако чаще всего в сфере политической власти трактовка тех или иных событий, придание конфликтам определенной направленности и соответствующие целевые установки, исходящие от заинтересованных лиц, определяют не только характер использования получаемых результатов аналитической работы, но и важнейшие у становки самого исследования.

Следовательно, технолог-аналитик чаще выступает в роли специалиста, интерпретирующего ситуацию (событие) и формирующего практические рекомендации в соответствии с потребностью отдельного лица или группы лиц, заинтересованных в целенаправленном воздействии на нее. Особенно сильно эта зависимость технологического знания от социального заказа проявляется на стадиях диагностирования и формулировки рекомендаций.

Например, в качестве «заказчиков» могут выступать представители правящей и оппозиционной партий, которые хотя и одинаково мечтают победить на выборах, но тем не менее обладают для этого разными материальными и информационными ресурсами, положением в регионах и другими позициями, заставляющими их по-разному трактовать складывающуюся ситуацию. Так же по-разному могут относиться к политическому кризису представители органов государственного управления (правлящего режима) и общественных движений, выражающих интересы наиболее страдающих слоев населения. Поэтому для одних кризис — это ситуация, в рамках которой первостепенными проблемами являются укрепление власти, повышение ее легитимности, а для других — положение, из которого необходимо выйти, сохранив или повысив уровень своей жизни и другие важнейшие параметры своего социального положения.

Таким образом, анализ *одной и той же* политической ситуации может выявлять *разные* проблемы. В связи с этим и аналитики могут рассматривать ситуацию с разных точек зрения, ставить в связи с этим неоднозначные задачи, а следовательно, и предлагать разные решения тех или иных вопросов. Как бы то ни было, но в структуре политического анализа неизбежно присутствует позиция и интересы «заказчика» (клиента), которые органически включаются в оценочную базу ситуации и в известной степени предопределяют направленность действий экспертов.

По существу такая зависимость от интереса клиента свидетельствует не о конъюнктурности политического анализа, а о его сложности и многогранности, которые задаются неоднозначностью самой политической ситуации, сочетающей интересы конкурирующих групп. И именно аналитик должен беспристрастно соединить научность оценки и интерес клиента. В то же время в моменте соединения научных критериев и исходящих от клиента ориентиров заключена возможность отхода анали-

тика от своих профессиональных целей и полного подчинения интересам клиента. В предвыборных кампаниях нередко случаи, когда эксперты и аналитики, обслуживавшие интересы соперничающих сил, давали прямо противоположные прогнозы, обосновывая победу своих «заказчиков».

Ориентация на вычленение проблем в рамках реально сложившихся обстоятельств по сути дела превращает политический анализ в форму **ситуационного** научного исследования. Иначе говоря, именно конкретная политическая ситуация во всем богатстве составляющих ее связей и явлений выступает главным предметом прикладного политического анализа. Поэтому только в контексте наличной сложившейся ситуации прикладной политический анализ и призван раскрыть причины возникновения конкретной проблемы, объяснить ее симптомы и содержание соответствующих фактов, обосновать степень их распространенности, определить динамику и перспективы развития.

В рамках политического анализа сама ситуация (событие) рассматривается как некая *целостность*, обладающая собственной логикой, источниками движения, пределами роста и прочими параметрами. В этом смысле политический анализ должен если не объяснить или понять, то, как минимум, рационализировать и описать эту неповторимую, стихийную логику повседневности. Характерно, что именно конкретная ситуация (событие) будет определять и соотношение гипотетического, оценочного, теоретического, опытного, интуитивного и прочих видов знания, требующихся для решения поставленной задачи.

В отличие от фундаментальной науки, формирующей собственные выводы, опираясь на анализ массовидных социальных практик, политический анализ принципиально сориентирован на отражение уникальных, единичных событий и ситуаций. И поскольку его знания не всегда обладают универсальной достоверностью и в принципе не претендуют на обобщенный характер, то в чисто содержательном плане они могут частично выходить *за рамки* науки.

Прикладная ориентация политического анализа предполагает решение некоторых универсальных задач при исследовании ситуации: разделение условий, внешнего контекста и локализованных в их границах событий; выявление пространственно-временных параметров ситуации, показывающих основные ограничения действующих акторов; вычленение всех действующих в данных обстоятельствах субъектов; оценку соотношения сил этих субъектов; важнейших акций и интеракций; конкретных предпосылок, причин и факторов, влияющих на поведение субъектов; следствий происходящих событий.

В силу чрезвычайной сложности любой конкретной ситуации, складывающейся в политическом пространстве, наличия в ней разноплановых связей и отношений применяемые для ее изучения методы, как пра-

вило, имеют *междисциплинарный* характер. В связи с этим собственно политическая оценка ситуации обычно дополняется применением психологических, социологических, антропологических, культурных и иных способов анализа различных аспектов поведения субъектов, выработки и осуществления ими своих позиций, основных взаимодействий. Поэтому прикладное исследование ситуации осуществляется на основе применения **системной аналитики**, формирующейся вокруг решения конкретной задачи. Ввиду этого основные трудности применения политического анализа связаны с умением взаимоувязывать различные подходы и техники исследования ситуации, «состыковывать» выводы и информацию, полученную в результате применения качественно различных методик. И кроме того, необходимо придерживаться определенных критериев трактовки исследуемой проблемы.

Особые трудности исследования проблемы возникают в связи с тем, что прикладной анализ, осуществляемый в рамках реального физического времени, нередко испытывает на себе жесткие временные ограничения решения конкретной проблемы и выбора оптимальных технологий для управления ситуацией. Например, экспертам зачастую приходится принимать решение в чрезвычайных, форс-мажорных условиях, оперативно формулировать адекватные ответы на вызовы противника и т.д. Поэтому скорость аналитического овладения проблемой становится иногда решающим фактором ее решения.

Структура политического анализа

Возможность адекватной оценки конкретной ситуации определяется прежде всего правильностью выбора аналитиком соответствующих проблеме средств и приемов познания. А сделать это тем более важно, что в содержании политического анализа имеют место *три* основных уровня исследовательских подходов.

Первый отражает наличие основополагающих теоретических установок, на базе которых формулируются исследовательские гипотезы или, иными словами, определяются наиболее широкие рамки постановки конкретных задач и целей, выявляются принципиальные ограничения в определении необходимых для этого средств, методов и ресурсов. Такие подходы позволяют выявить наиболее общие параметры ситуации, понять связь конкретных политических явлений с природной и социальной средой, «встроить» представления о политически значимой проблеме в картину мира, окружающего аналитика.

Такие макротеоретические подходы могут основываться на принципах формулировки идеальных типов явлений, на признании устойчивых тенденций и закономерностей политического развития, на основополагающих идеях теории рационального выбора и т.д. Однако, несмотря на свое принципиальное значение для политического анализа

текущей ситуации, такие теоретические подходы, как правило, специально не рефлексированы, существуют как бы латентно, исподволь предопределяя основные методы анализа конкретной проблемы.

В логическом разрезе макротеоретические модели, концептуальная основа видения ситуации последовательно дополняются критериями **второго** уровня, которые фиксируют уровень и тип той области властных (управленческих) отношений, в рамках которой и формируется данная ситуация. Например, она может относиться к сфере межнациональных или социальных конфликтов и при этом быть фрагментом процесса регионального или, скажем, локального уровня. В этом же контексте оцениваются и некоторые другие показатели и свойства ситуации: стабильна она или нестабильна, включена в среднесрочные или долгосрочные планы субъекта и т.д. Такой ракурс видения ситуации предполагает наличие у исследователя воззрений, характеризующих его приверженность тем или иным подходам к оценке понятий «изменение» и «развитие», раскрывающих понимание им источников и механизмов политической динамики. Как правило, такая модель политической динамики формируется на основе синтеза различных теоретических концептов среднего уровня.

В целом речь на данном этапе анализа идет об определении как бы *отраслевой* специфики политического процесса, предусматривающей выработку соответствующих технологий. Учет этого уровня показателей политического процесса дает возможность лучше понять специфику изменений в его определенной сфере (например, связанной с особенностями протекания межнациональных или конфессиональных конфликтов), а следовательно, и более конкретно определить такие задачи, которые более предметно ориентируют деятельность актора. Скажем, при организации избирательных кампаний разработка политических технологий может касаться установления очередности таких действий в политической сфере, как формирование рабочих команд, проведение предварительного маркетинга политического рынка с целью установления политических пристрастий электората, выдвижение кандидатуры депутата, опубликование его программы, проведение рекламных мероприятий и т.д. Но даже в этом случае политические технологии могут разрабатываться применительно к *каждой* из поставленных конкретных задач, переходя, к примеру, на уровень детализации действий по сбору средств на избирательную кампанию или определения тех или иных технических процедур и приемов, способствующих формированию в общественном мнении публичного облика кандидата.

В дальнейшем на данной теоретической основе осуществляется и **микроприкладной ситуационный** анализ, являющийся основным средством «расколдовывания» ситуации. Именно он обладает самым высоким удельным весом при осуществлении исследовательских операций, отводя макротеоретическим и отраслевым конструкциям роль предпо-

сылочного знания. Микроаналитическое исследование окончательно локализует ситуацию и при этом синхронизирует ее оценку с видением политического процесса в целом. На уровне микроанализа решается и одна из самых трудных задач в формировании технологий — обеспечение адекватного перехода от общетеоретических конструкций к их операционализации и выражению в практических рекомендациях.

Данный уровень анализа связан уже с непосредственным отражением сложившихся реалий в рамках конкретной ситуации. Независимо от применяемых на этом уровне конкретных методик, анализ политических событий основан на использовании *дискретного* подхода, предполагающего рассмотрение ситуации как определенного фрагмента в цепи политических событий и изменений. При этом акцент делается на анализе (мыслительных и практических) действий конкретного (индивидуального, группового) субъекта, на изучении мотивов, установок, форм его поведения. Поскольку основное внимание уделяется раскрытию психологических мотивов деятельности человека, постольку политический анализ рассматривается в качестве разновидности поведенческих исследований.

Применяемые исследовательские подходы, как правило, несут на себе печать определенных фаз и этапов политического анализа.

Процесс политического анализа

Рассматривая политический анализ как специфический исследовательский процесс, можно выделить его

внутренние логические этапы, которые предопределяют успешность познавательно-прикладных действий. С точки зрения американских ученых Дж. Б. Мангейма и Р. К. Рича, к основным этапам этого политического процесса можно отнести следующие¹: этап концептуализации проблемы, этап ее моделирования, этап составления программы исследования конкретной проблемы, этап выбора методов ее исследования.

Смыслом начального этапа политического анализа является **концептуализация проблемы**. Это предполагает рассмотрение конкретной ситуации с точки зрения ее влияния на реализацию интересов важнейших политических субъектов, на деятельность органов государственного управления, их взаимодействия с зарубежными партнерами и вообще существенное изменение политического контекста. Выявление такой проблемы предполагает тщательный сбор информации, формулировку проблемы с характеристикой ее наиболее отличительных черт и структурных компонентов, отличий от иных проблемных ситуаций.

На втором этапе осуществляется **моделирование** проблемы, т.е. выработка представлений, несколько упрощающих, но одновременно пред%

¹ См.: Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология: Методы исследования. М., 1997.

полагающих целостное восприятие ее наиболее значимых элементов, структуры, внешней и внутренней формы. Как правило, такая модель строится на основе определенной исследовательской гипотезы, в рамках которой выявляются и уточняются важнейшие параметры проблемы. Уточнение характеристик проблемы осуществляется за счет последовательной *операционализации*, т.е. трансформации абстрактных, качественных оценок, характеризующих понятие этой проблемы, в визуально наблюдаемые показатели, способные дать количественное описание ее изменений. Уточнение шагов и действий при проведении такого рода наблюдений составляет содержание процедуры *инструментализации*. А завершающим эти действия шагом является *измерение* проблемы, т.е. выделение соответствующих индикаторов (объективно измеряемых показателей состояния ситуации с известными предельными значениями), которые раскрывают причинно-следственные связи, вырабатывают критерии успешных и неудачных действий, определяют постоянные и переменные показатели как позитивных, так и негативных изменений ситуации и т.д.

В принципе эти действия упрощают содержание ситуации до ее основных значений и формализуют их. В идеале моделирование стремится к максимальной формализации, предполагающей использование математического аппарата для описания данных политических явлений. С этой точки зрения моделирование представляет собой процесс рационализации представлений исследователя, в результате которого на основе уточнений параметров ситуации и перехода от качественных оценок к количественным проблема предстает как вполне измеряемое явление, изменение параметров которого можно проверить. В целом процесс моделирования должен быть логически непротиворечивым, подчиненным задачам верификации выводов.

Следующий, третий, этап — это этап **составления программы исследования**, обоснования и формулировки логики исследования конкретной проблемы. В рамках данного этапа формулируются конкретные цели исследования (с учетом того, что должно быть достигнуто в результате изучения проблемы), уточняются значения переменных показателей в рамках различных альтернатив решения поставленной задачи, детально описываются организация и проведение наблюдений. Таким образом, на этом этапе специально обозначаются формы влияния наиболее важных (структурных) факторов, последствия их позитивного и негативного воздействия на решение проблемы, формулируются различные альтернативы, прогнозы относительно предположительной динамики ситуации, вырабатывается стратегия действий субъекта и т.д.

Задача такой программы — упорядочение эмпирических данных. Но в результате ее решения по сути дела формируется многоуровневая ис-

следовательская конструкция, которая связывает воедино все имеющиеся и получаемые знания и предполагает постепенное развертывание исследований в направлении решения конкретной практической задачи. Поэтому разработку такой программы можно расценивать как образование самокорректирующегося способа овладения ситуацией.

В зависимости от того, ситуация какого характера анализируется и, соответственно, какой тип целей превалирует, могут формироваться различные программы политического анализа: *прогностические*, направленные на исследование будущей гипотетической ситуации; *актуальные*, связанные с анализом текущей ситуации, и *ретроспективные*, ориентированные на поиск новых подходов к прочтению уже произошедших событий.

Принципиальное значение имеет и четвертый этап — этап **выбора методов** исследования проблемы и решения конкретной задачи. Как уже отмечалось, применяемые на данном этапе методики имеют междисциплинарный характер. Тем не менее решение любой конкретной задачи всегда предполагает выбор приоритетных средств и приемов исследования, который определяется характером самой проблемы, подготовленностью аналитиков, условиями, в которых осуществляется анализ. При всех вариантах такой выбор непременно требует сочетания качественных и количественных, теоретических и эмпирических подходов и т.д. Применяемые методы также могут различаться и по своей форме («мозговой штурм», индивидуальная или групповая экспертиза и т.д.).

Наряду с отбором методов исследования неотъемлемой составной частью этого этапа является определение правил, процедур, уточнение последовательности операций, упорядочивающих применение разнообразных техник и методик познания. Такие правила применения методов основаны на логически последовательных методических и организационных процедурах, которые объединены целями получения достоверных данных о явлении и использования этих результатов на практике.

В результате применения политического анализа формируется знание, выраженное в форме либо окончательной или промежуточной рекомендации, совета, либо установки на действие, которое в дальнейшем необходимо донести до «заказчика». Иногда же, при крайней неясности ситуации, это может быть не только готовая рекомендация, но даже сама формулировка проблемы, лишь в малой степени снижающая неопределенность знаний об исследуемой ситуации и проясняющая позицию «заказчика».

Принципиальное значение для политического анализа имеют сбор и постоянное уточнение поступающей информации. Для выработки профессионального совета, выбора соответствующих технологий решения задачи информация должна отвечать требованиям: **необходимости** (что означает прежде всего ее соответствие характеру решаемой проблемы), **минимальной достаточности** для полноценного рассмотрения про-

блемы, **надежности** (она должна быть достоверной) и **своевременности** (т.е. представленной в нужное время и в нужном месте). При этом необходимо стремиться к тому, чтобы она могла исчерпать потребности аналитика в сведениях о конкретной ситуации. Должна она предполагать и воспроизводимость результатов анализа, возможность их проверки.

2. Методы политического анализа

Структура и отличительные черты общих методов политического анализа

Основания методологического разнообразия политического анализа во многом предопределены, с одной стороны, его особенностями как приклад-

ной дисциплины; а с другой — спецификой политической проблематики как предмета анализа. Успешность применения тех или иных способов отображения ситуации в политическом анализе во многом зависит от их способности сохранять оперативность и инновационность; предлагать сравнительно простые действия, не требующие значительных временных, организационных и прочих затрат; быть достаточно гибкими, легко адаптируемыми к различным проблемным ситуациям; сочетать преимущества неформальной качественной аргументации с достоинствами формализованных количественных выкладок¹.

В целом можно выделить две группы методов политического анализа — общие и частные. **Общие** методы предопределяют направленность, ракурс и методологическое обеспечение всех этапов политического анализа. К ним можно отнести *ивент-анализ* (англ. *event* — событие), *ситуационный* анализ и некоторые другие.

К **частным** относятся стандартные методы, заимствованные из статистики, социологии, экономики и других дисциплин; их применение в различных комбинациях на отдельных стадиях (этапах) политического анализа определяется конкретной целесообразностью, например, характером проблемы, ракурсом исследования, доступностью данных, обеспеченностью организационными и иными ресурсами и др. К данной группе методов можно отнести *выборочный* метод, метод *экспертной* оценки, *корреляционный* и *факторный* анализ, *контент-анализ*, *математическое моделирование*, *анализ выгод и издержек* и др.

Среди общих методов, помогающих формированию наиболее важных оценок и способов интерпретации ситуации, важнейшее значение имеет **ивент-анализ**, в рамках которого политический процесс представляется как событийный ряд, представленный, например, в виде выступлений политических лидеров, массовых демонстраций, выборов, принятия нор-

¹ Patton C. V., Sawicki D. S. Basic Methods of Policy Analysis and Planning. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1983. P. 14.

мативных актов, политических убийств и т. д., каждое из которых оказывает то или иное воздействие на ситуацию в целом и за каждым из которых стоят конкретные действующие лица со своими интересами. Тем самым данный метод позволяет упорядочить поток политических событий (в противоположность наложению готовой концептуальной схемы на ситуацию, что часто приводит к неадекватным результатам), предлагая методологический инструментарий, помогающий структурировать их таким образом, чтобы сквозь череду явлений проявились объективные тенденции, скрытые порой от самих действующих лиц этого процесса. В результате появляется возможность выработать объективную оценку, сформулировать и обосновать прогноз развития событий.

Типовая схема этого метода анализа, в частности, предполагает:

- выявление участников политического процесса и неполитических субъектов, стоящих за каждым из участников или оказывающих влияние на процесс в целом;
- оценку уровней политического влияния и других ресурсов каждого из участников событий и поддерживающих его сил;
- установление стратегических целей и тактических задач участников политического процесса, оценку расстановки политических сил и конфигурации интересов;
- выяснение возможных стратегических союзов и тактических коалиций, формирование сценариев развития событий и оценку характера реакции участников и субъектов политического процесса на те или иные сценарии развития политической ситуации;
- формулирование альтернативных действий и оценку вероятности их успеха;
- формирование целостной стратегии на основе оптимальных вариантов действий с учетом прогноза развития политической ситуации, а также средств и ресурсов для их реализации ¹.

Таким образом, метод инвент-анализа предполагает последовательное описание следующей схемы: политическая ситуация — события — среда — участники (их ресурсы, интересы, взаимосвязи) — ограничения деятельности — цели и задачи (критерии успеха/неуспеха) — альтернативные решения — сценарии и прогнозы — стратегия действий.

В качестве примера прикладного применения инвент-анализа можно упомянуть разработку, осуществленную Институтом анализа и управления конфликтами и стабильностью (ИАУКС) в рамках проекта «Система управления конфликтами и стабильностью» (САУКС-Россия). Далее (в сокращенном и адаптированном виде) приведена базовая схема рубрикации для пособытийного ввода данных в систему.

¹ См.: Яковлев И. Г. Информационно-аналитические технологии и политическое консультирование // Полис. 1998. № 2. С. 131.

СТРУКТУРА ВВОДА ИНФОРМАЦИИ
В ФЕДЕРАЛЬНУЮ СИСТЕМУ МОНИТОРИНГА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИИ

1. Территориально-временные рамки дестабилизирующих событий:

1.1 Продолжительность события

1.1.1 Начало события

1.1.2 Окончание события

1.2 Географическая локализация события

1.2.1 Регион события

1.2.1.1 город

1.2.1.2 район

1.2.2 Межрегиональное событие

2. Форма дестабилизирующих событий

2.1 Протест

2.1.1 Демонстрации протеста

2.1.1.1 санкционированные

2.1.1.2 несанкционированные

2.1.1.2.1 марши

2.1.1.2.2 голодовки

2.1.1.2.3 отказ от платежей

2.1.1.3 Демонстрации, подавленные силами правопорядка

2.1.1.4 Демонстрации, перешедшие в массовые беспорядки

2.1.2 Массовые беспорядки

2.1.2.1 погромы

2.1.2.2 блокирование объектов

2.1.2.3 волнения в тюрьмах

2.1.2.4 волнения в воинских частях

2.1.3 Забастовки

2.1.3.1 санкционированные

2.1.3.2 несанкционированные

2.2 Внутренний политический конфликт

2.2.1 Вооруженные нападения

2.2.1.1 со стороны восставших

2.2.1.2 со стороны сил правопорядка

2.2.1.3 обоюдные столкновения

2.2.2 Террористические акты

2.2.2.1 политические покушения

2.2.2.2 захват заложников

2.2.2.3 диверсии

2.2.2.3.1 против гражданских объектов

2.2.2.3.2 против военных объектов

2.2.2.3.3 против объектов государственной власти

3. Субъекты дестабилизирующих событий

3.1 Неструктурированная масса

3.2 Групповые субъекты

3.2.1 Этнические группы

3.2.2 Религиозные группы

3.2.3 Социальные группы

3.3 Организованные субъекты

3.3.1 Объединения

3.3.1.1 этнокультурные объединения

3.3.1.2 общественные объединения

3.3.1.3 религиозные объединения

3.3.1.4 политические партии

3.3.2 Властные структуры

3.3.2.1 местные власти

3.3.2.2 региональные власти

3.3.2.3 администрации организаций и предприятий

3.4 Восставшие

4. Характер дестабилизирующих событий

4.1 Требования участников

4.1.1 Социально-экономические требования

4.1.1.1 изменение режима собственности

4.1.1.2 повышение (выплата) заработной платы

4.1.1.3 изменение социального статуса

4.1.1.4 другие

4.1.2 Политические требования

4.1.2.1 в отношении политических властей

4.1.2.1.1 политического лидера

4.1.2.1.2 состава органа власти

4.1.2.2 в отношении политического режима

4.1.2.2.1 внутренней политики

4.1.2.2.2 политического участия и представительства

4.1.2.2.3 законодательных норм

4.1.2.3 в отношении политической общности

4.1.2.3.1 межобщинных отношений

4.1.2.3.2 административно-территориального устройства

4.1.2.3.3 национально-государственного устройства

4.1.3 Экологические требования

Внесение в базу данных записей в соответствии с приведенной рубрикацией позволяет построить гибкую систему индексов, которые отражали бы динамику событий и позволяли сделать обоснованные за-

лючения относительно обозначившихся тенденций, отражающих общее состояние политической стабильности в том или ином регионе, а также их пороговые значения.

Системы ситуационного анализа, подобные описанной, позволяют решать комплексные прикладные задачи, связанные с информационным обеспечением процесса принятия политических решений. Задачa-минимум — это мониторинг политической ситуации, отслеживание изменений ключевых параметров ситуации. Задача более высокого уровня — осуществление прогноза ее развития, построение и апробирование сценариев. Наконец, задача-максимум — на основе мониторинга данных обеспечить автоматизированное генерирование комплексных стратегий управления политическим процессом как в его отдельных сегментах, так и в целом. И хотя сегодня удовлетворительных прикладных решений на уровне задачи-максимум еще не предложено, можно ожидать, что ускоряющийся с каждым днем прогресс в области компьютерных и нейронных технологий, искусственного интеллекта, математического моделирования и системного анализа позволит в обозримом будущем выйти на уровень решения и этих сложнейших задач.

Частные методы политического анализа

Специфика частных методов политического анализа проявляется в их соответствии со структурой процесса политического анализа, в учете условий и ограничений их применения на важнейших этапах изучения ситуации, а также в аналитических и прикладных возможностях их применения.

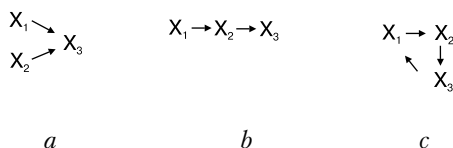
Так, формулировка и концептуализация проблемы предполагают применение методов *выборочного* исследования, *контент-анализа*, *интервьюирования*, *тестирования*, *экспериментальных* методов, позволяющих расширить информационную базу политического анализа. При этом широко используются и описательные, качественные и иные методы — *исторический*, *нормативный*, *структурно-функциональный*, *системный*, *институциональный* и другие, позволяющие «встроить» представление о проблеме в широкий исторический контекст.

Существенное усложнение методов связано с процедурами операционализации, за счет которых разнообразным переменным присваиваются определенные значения. Грамотно осуществленная операционализация помогает повысить уровень измерения показателей, что позволяет в дальнейшем использовать математические методы высокого уровня сложности¹.

Так, корреляционный анализ, включающий методы линейной и множественной регрессии, позволяет измерять связь между зависимыми и независимыми переменными. Оставаясь стандартным и необходимым

¹ См.: Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология: Методы исследования. М., 1997.

Модели взаимосвязи зависимых и независимых переменных

условием решения более сложных задач с применением методов более высокого порядка, регрессионный метод не позволяет тем не менее, отобразить реальные причинно-следственные связи между переменными. Типичная модель взаимосвязей, полученная в результате стандартного регрессионного анализа, показана на схеме 2 *a*.

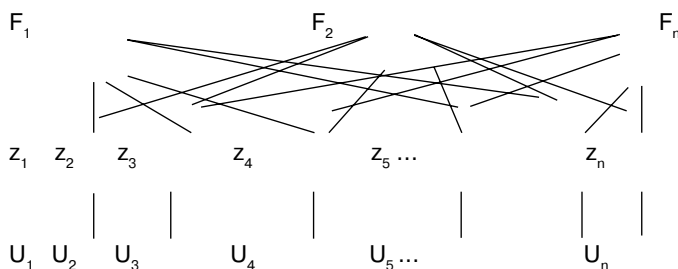
В реальной ситуации, однако, независимые переменные (X_1 , X_2) могут оказывать влияние друг на друга, а также на зависимую переменную (X_3), причем это влияние может быть как прямым, так и обратным 2 *b*, *c*.

Примером многомерного статистического анализа, позволяющего оценить точность таких моделей путем эмпирической оценки прямых и непрямых воздействий одной переменной на другую, является **пат-анализ**. В нем различаются эндогенные (частично определенные внутренними переменными данной модели) и экзогенные (полностью обусловленные внешними по отношению к данной модели факторами) переменные. Здесь оперируют понятием рекурсивной модели, которая означает, что все взаимосвязи между переменными имеют односторонний характер (схема 2 *b*), а также нерекурсивной модели, в которой существует обратная связь (схема 2 *c*) между любыми переменными. За счет этого создаются возможности для применения различных методик расчета вариантов статистической взаимосвязи между переменными.

Важным преимуществом пат-анализа является то, что он позволяет судить не только о том, связаны ли переменные в нашей модели именно так, как мы предполагали, но и о том, каково относительное влияние каждой переменной на другие переменные в данной модели. Зная это, мы можем выработать рекомендации, помогающие направить практические усилия на изменение именно той переменной, которая имеет наибольшее влияние и тем самым обеспечивает наиболее эффективное и результативное применение наших усилий.

Важное место среди частных методов занимает и **факторный анализ**, или метод многомерной математической статистики, с помощью которого на основе измерения парных корреляций между признаками ситуации можно получить набор новых, укрупненных переменных, которые не могут быть измерены напрямую; эти укрупненные переменные и называют факторами (схема 3).

Соотношения между наблюдаемыми признаками и латентными факторами: общими (F) и специфическими (U)

Например, данная схема дает возможность объяснить корреляции между наблюдаемыми признаками (z) на основании предположения о влиянии на них нескольких «латентных» (скрытых) факторов (F — общие, U — специфические). При этом данные факторы оказывают разное влияние (факторную нагрузку) на изменение того или иного наблюдаемого признака. Значения факторных нагрузок обычно являются результатом вычислительной процедуры, предметом интерпретации.

При моделировании проблемной ситуации, как правило, используются методы **математической и компьютерной имитации**, благодаря которым аналитик может взять на вооружение многие из методов, разработанных в логике, статистике, физике, экономике и других отраслях знаний, и применить их к изучению политического поведения. Математические модели ясны и эксплицитны по форме и не оставляют недоговоренностей относительно предполагаемых связей между явлениями; они позволяют воспроизводить события прошлого, настоящего, а также вероятного будущего, и при этом проверять действие сил в тех процессах, реальное протекание которых осуществить в современных условиях и обстановке трудно или вообще невозможно (например, глобальный термоядерный конфликт). Модели, применяемые в этой разновидности политического анализа, можно подразделить на три основные группы:

- 1) **детерминированные** (каузальные) модели, в которых математически описываются причинно-следственные связи изучаемой системы;
- 2) **вероятностные** модели, основанные на методологии рационального выбора (т.е. на предположении, что субъект принимает решение исходя из соотношения ожидаемых выгод и издержек, помноженных на вероятность их наступления);
- 3) модели **оптимизации**, построенные на предположении, что некоторые переменные или ситуации в исследуемом процессе должны быть максимизированы или минимизированы.

Важный этап аналитического процесса — постановка целей, которые, по мнению одного из классиков политического анализа А. Вилдавски, «множественны, противоречивы и расплывчаты»¹. При этом используются методы перевода общих абстрактных целей в более конкретные задачи, формулируются условия и конкретные способы их достижения. Вместе с тем сами задачи в основном понимаются как условия, которые должны быть удовлетворены, либо как ресурсы, необходимые для достижения цели. В то же время конкретные измерители степени достижения той или иной цели служат критериями оценки альтернативных решений. Формализованной методикой, применяемой на этом этапе, часто выступает экспертная оценка (такое ее прикладное приложение, как построение **дерева целей**).

Решение этих задач неразрывно связано с формулированием **прогнозов** и выбором наиболее адекватных **альтернатив**. Стандартизованный метод оценки политических альтернатив, получивший широкое применение в практике политического анализа за рубежом, — это **анализ выгод и издержек** (АВИ). Данный метод может быть основным тогда, когда эффективность представляется единственной значимой целью. Концептуально АВИ сравнительно прост: он сводит *все* возможные альтернативы к денежной форме, предполагая выбор той из них, которая генерирует наибольшие выгоды. Таким образом, в рамках АВИ, даже если мы имеем различные цели в обыденном понимании этого слова, они могут быть сведены к выгодам и издержкам, которые, в свою очередь, могут быть выражены в денежной форме.

В случае когда приходится выбирать решения на основе нескольких критериев, задача состоит в том, чтобы найти компромисс между ними, чтобы «заказчик» мог оценить, в какой мере он разделяет предпочтения аналитика. Один из таких методов, **метод удовлетворительных альтернатив**, предполагает определение допустимых пороговых значений. При достижении целей после определения допустимых пороговых значений для нескольких критериев производится отсев тех альтернатив, которые не соответствуют им (знакомая студентам формула «зачет—незачет»). Проблема возникает в случае, если ни одна из альтернатив не соответствует пороговым значениям — тогда надо либо выработать лучшие альтернативы, либо понизить уровень пороговых значений (что, как правило, и происходит).

Этим же целям служит и **метод доминантных альтернатив**, который, в свою очередь, предполагает порядковое ранжирование каждой альтернативы по каждому из критериев (т.е. это уже «экзамен» с «оценками»). Альтернатива признается оптимальной, если она превосходит, по меньшей мере, одну альтернативу и не уступает всем остальным. Ме-

¹ Nienaber J., Wildavsky A. The Budgeting and Evaluation of Federal Recreation Programs. N.Y., 1973. P. 10.

тодом исключения можно определить одну или несколько таких альтернатив, в равной мере удовлетворяющих нашим критериям.

Этот метод доминантных альтернатив не всегда может служить способом выявления оптимального решения. Однако он весьма полезен в следующих ситуациях: а) если мы имеем дело с большим количеством альтернатив, значительную часть которых следует отсеять для дальнейшей работы; б) если предпочтения могут быть упорядочены, но не могут быть выражены в интервальной шкале; в) если альтернативы подлежат сравнению как по количественным, так и по качественным критериям; г) если мы ограничены во времени.

Методом эквивалентных альтернатив выбирается один из критериев, выраженный в количественной шкале (как правило, в денежном выражении), и для каждой альтернативы производится процедура конвертации, исходя из того, каким количеством выбранного критерия мы могли бы «пожертвовать» для компенсации разницы по остальным критериям. Например, мы имеем два альтернативных решения (а) и (б), которые оцениваем по двум критериям: бюджетные поступления и экологический ущерб. Если выбрать первый критерий как базовый, то процедура конвертации сводится к тому, чтобы в денежной форме оценить разницу в экологическом ущербе, заложенном в каждой из альтернатив, а затем вычесть полученное значение из величины бюджетных поступлений, ожидаемых от альтернативы с наибольшим вероятным ущербом, после чего сравнить оставшиеся значения и сделать выбор между (а) и (б). Альтернатива с наибольшим совокупным значением признается лучшей.

В рамках политического анализа разработаны различные математические методики, в том числе компьютерные программы, развивающие данный метод в направлении большей формальной строгости. Как правило, эти развитые методики предполагают определение целевой функции лица, принимающего решение: функции, которая содержит математическое описание весовых коэффициентов, выражающих относительную значимость каждого из критериев, и позволяет максимизировать или минимизировать различные комбинации их значений.

Ограниченность этих методик заключается в том, что во многих случаях в процесс принятия решений прямо или косвенно вовлекаются несколько субъектов, имеющих разные представления о приоритетности того или иного критерия. По ряду причин легче достичь коллективного согласия по конкретной альтернативе, чем по весовым значениям отдельных критериев.

В силу этого широкое применение в политическом анализе нашли менее формализованные методы сравнения альтернатив, например: **матрица Геллера**, в которой каждый столбец представляет одну альтернативу, каждая строка — оценочный критерий. Воздействия альтернатив по каждому из критериев выражаются в «натуральной» форме: в количественных (часы, тонны, кубометры, человеко-дни) и качественных

значениях («возможны проблемы с профсоюзом» или «неизбежны внешнеполитические осложнения»). Степень, с которой каждая альтернатива удовлетворяет данному критерию, обозначается разным цветом, обрамлением, штриховкой или иным визуальным способом, в соответствии со схемой «лучшее решение — второе (третье и т.д.) лучшее решение — худшее решение». Такая матрица позволяет выявить различные последствия альтернатив — и количественные, и качественные. Она предоставляет клиенту или лицам, принимающим решения, возможность вынести решение самостоятельно, приписав каждому критерию собственные весовые предпочтения.

Итак, если в целом систематизировать основной методологический аппарат политического анализа в соответствии с основными задачами, возникающими на важнейших этапах аналитического процесса, то можно получить следующую картину:

Методы / Фазы	S	A	B	C	D	E	F	G	H	I
Политологические методы ¹	+	+			+	+	+		+	
Социологические методы ² +							+			
Статистические методы ³ +			+	+			+			
Экономические методы ⁴	+	+				+	+			
Математические методы ⁵			+	+			+			
Экспертная оценка ⁶		+				+	+	+	+	
Экспериментальные методы ⁷							+			

Обозначения:

A — формулировка проблемы, B — концептуализация проблемы, C — операционализация, D — моделирование, E — определение целей и задач, F — определение альтернативных решений, G — прогнозирование и оценка, H — сравнение альтернатив, I — формулирование рекомендаций, S — сбор информации.

1 — исторический, нормативный, институциональный, системный, структурно-функциональный и др.; 2 — опрос, интервью, тестирование, шкалирование и др.; 3 — корреляционный анализ, факторный анализ, анализ временных рядов и др.; 4 — анализ выгод и издержек, анализ эффективности издержек, макро- и микроэкономические теории; 5 — математическое моделирование; 6 — метод Делфи, «мозговой штурм», методы прогнозирования и построения сценариев; 7 — лабораторные и полевые эксперименты, квазиэкспериментальные методы.

Свое конкретное воплощение и выражение политический анализ имеет в процессе политического консультирования.

3. Политическое консультирование

Причины возникновения и задачи политического консультирования

Политическое консультирование сравнительно недавно обрело статус неотъемлемого технологического звена и механизма обеспечения ряда полити-

ческих процессов. Например, и в сфере принятия решений, и в электоральном процессе согласование интересов или избрание депутатов длительное время осуществлялось непосредственными участниками этих действий, не предусматривая никаких дополнительных специальных функций при реализации этих целей. Однако со временем ситуация стала существенно меняться. Особенно в таких базовых политических процессах, как выборы и государственное управление, где наиболее ярко выявилась потребность в высококвалифицированных действиях.

Так, усиление конкуренции на выборах, повышение требований избирателей к кандидатам и усложнение мотиваций электорального участия выявили потребность в более тщательном планировании и управлении поведением избирателей. Это предполагало хорошее знание электоральной психологии, запросов граждан, их типичных реакций на стандартные и критические ситуации, а также многие другие параметры их поведения, способные оказать влияние на их политические предпочтения и выбор. В свою очередь такая ситуация требовала проведения специальных исследований электорального рынка, обобщения опыта предыдущих кампаний, планирования и прогнозирования действий в целях наиболее эффективного вложения средств и финансирования действий того или иного избирательного объединения. Учитывая специальный характер такого рода функций, которые не мог выполнить сам кандидат или его ближайшие помощники, их выполнение потребовало и подбора соответствующих исполнителей-специалистов.

Аналогичные процессы происходили и в других областях политики, в частности в сфере принятия решений. Так, крайнее усложнение объектов политического управления и регулирования, интенсивная динамика изменений в сфере власти, а равно и постоянное возрастание социальной цены за допущенные ошибки побуждали руководителей обращаться к специалистам в экономической, финансовой и других областях жизни. Длительное время потребность в специализированных знаниях удовлетворяли работники аппарата управления. Однако со временем выявилась недостаточность их усилий вследствие их корпоративных интересов, личной заинтересованности в том или ином решении. При этом по мере развития рыночных отношений возрастала и конкуренция государственных органов с организациями частного сектора по вопросам обслуживания населения, что повлекло за собой перераспределение денежных потоков.

В то же время деятельность ряда корпораций давала примеры эффективной деятельности специальных, но независимых консультантов, привлекавшихся для экспертизы корпоративных проектов. Так, в 1914 г. в Чикаго возникла первая фирма современного типа, специализировавшаяся на предоставлении консультационных услуг. Сеть таких структур все время расширялась, превращая консультантов в постоянных участников процесса разработки целей, принятия решений. В СССР переход к массовому использованию института консультантов начался в 1960-х гг. в связи с резким усложнением отчетности для промышленных предприятий, с постепенным возникновением заинтересованности руководителей в новом стиле управления.

Таким образом, консультант превращался в носителя современных научных знаний и передового опыта, готового сформулировать объективную оценку интересующего клиента состояния дел (ситуации) и на этой основе удовлетворить его потребности в тех или иных областях его управленческой деятельности.

Итак, на протяжении XX столетия *институт консультирования* постепенно утверждался в качестве *неотъемлемого механизма совершенствования управленческой деятельности* в различных областях политической жизни. Он стал таким же постоянным участником взаимодействий политических акторов, как «партнер» или «конкурент». К настоящему времени он превратился в институт специализированного анализа социальных и политических процессов, предоставляющий свои результаты определенному (персональному, групповому) «заказчику» (клиенту). Он не покрывает всех потребностей в совершенствовании управления, но является неотъемлемой частью этого процесса.

Сегодня **политическое консультирование** — это разновидность профессиональной помощи руководителям и персоналу политических организаций (клиенту) в решении их специализированных задач на основе снижения рисков их деловой деятельности.

По сути дела он стал механизмом совершенствования практики управления и руководства политическими процессами и организациями, рационализации их структуры, последовательности действий и т. п.

Задачами консультирования в политической сфере являются:

- формулировка верной рекомендации руководству организации по интересующему его вопросу на основе объективной и беспристрастной оценки ситуации и учета современного отечественного и международного опыта;
- предоставление данной рекомендации нужному лицу в соответствующей форме, в необходимое для него время и в удобном месте;
- снижение деловых рисков в управленческой деятельности клиентов, повышение надежности принимаемых решений;

- помощь руководству и персоналу организации в освоении современных методов эффективного управления, в результате чего повышается творческий потенциал коллектива и его руководства, растёт их способность к принятию эффективных и своевременных решений в соответствии с поставленными целями.

Основные формы и типы политического консультирования

Несмотря на богатство управленческих ситуаций, обстоятельств и запросов клиентов, политическое консультирование, как правило, осуществляется в

двух основных формах: рефлексивного и игрового консультирования.

Рефлексивное консультирование предусматривает как формулировку самим консультантом тех или иных рекомендаций, так и стимуляцию саморефлексии руководителя под влиянием этих советов и рекомендаций. В данном случае консультант играет роль подсказчика, не только направляющего деятельность руководителя и корректирующего его представления и действия, но и побуждающего своими советами его собственные размышления о разнообразных аспектах своей профессиональной деятельности.

При этом консультант может оказывать такое целенаправленное воздействие за счет демонстрации своих знаний и одновременно выказывая уважение к знаниям со стороны клиента, доверительного общения, использования своих личностных свойств и характеристик (настойчивости, убедительности и т.д.), пробуждая у руководителя чувство тревоги за судьбы его дела и т.д.

Второй способ — это **игровое** консультирование, которое используется в тех случаях, когда консультант либо сомневается, что его рекомендации будут использованы на деле, либо когда он сам не может до конца четко и ясно составить свои рекомендации и ему требуется дополнительная информация, имеющая конфиденциальный межличностный или частный характер. В таком случае консультант использует две игровые формы: либо «учебную», которая имитирует абстрактную ситуацию, внешне похожую на ситуацию в организации (стране, регионе и т.д.), либо «практическую», моделирующую именно те обстоятельства, которые имеют место в данной организации и обладают проблемным характером.

Во втором случае консультант предлагает либо «инновационную» модель игры, рассчитанную на получение новой информации от участников игры, сведений, способных привести к принятию или уточнению решений; либо «организационно-деятельностную», которая предполагает моделирование и уточнение ролевых позиций и мотиваций основных игроков из расчета на то, что разыгрываемые действия заставят людей посмотреть на ситуацию глазами консультанта и стимулируют их повторить то же самое в реальных условиях.

Игровые формы представляют собой более сложную, как бы **живую** методологию исследования ситуации, построенную на использовании частично программируемых действий для уточнения оценок и прогнозов развития событий. Как правило, все они включают в себя три основные стадии: **диагностики ситуации, выработки решения и реализации поставленных целей.**

В процессе взаимодействия с клиентом консультанты могут играть разные **роли**, лежащие в основании типологии их действий. В целом спектр типов консультантов довольно разнообразен. Так, выделяют **внешних** консультантов, привлекаемых из конкретной организации, **внутренних**, т.е. специалистов, работающих в данной организации и способных выполнить экспертные функции; **групповых** и **индивидуальных**, **отечественных** и **международных** и т.д.

Весьма распространена типология консультантов по уровню их специальных знаний. В частности, в этом контексте выделяют: «**ученого**», «**исследователя**» и «**эксперта**». Консультант-«ученый» выполняет задачи носителя научных воззрений либо в широкой сфере (например, в области конфликтологии), либо в более узкой предметной области (специалист по этническим конфликтам). В силу своей сугубо научной приверженности контакты таких консультантов с клиентом, как правило, имеют эпизодический характер, а результаты его исследований могут применяться на практике только частично. Деятельность таких специалистов обычно бывает направлена на формулировку долгосрочных прогнозов или оценок, качественно снижающих неопределенность представлений о сложившейся ситуации в целом. Особенно ценна роль такого рода консультантов в нестабильных условиях, переходных процессах.

Консультант-«исследователь» — это тоже человек, занимающийся в основном научными изысканиями. Однако он является специалистом в узкой проблематике, востребованной клиентом. Если это тот же конфликтолог, то это — консультант-«исследователь», который, как правило, углубленно занимается противоречиями между конкретными странами, этносами, жителями определенных территорий и т.п. Учитывая, что и в этом случае главным ориентиром его профессиональной деятельности является теоретическое знание, потребность в нем со стороны клиента бывает невысокой.

Третий тип — это консультант-«эксперт», представляющий собой в основном специалиста-практика в узкой области политических отношений: по работе избирательного штаба со СМИ, по согласованию интересов в избирательных структурах, по политическому прогнозированию ит.д.

Сама по себе **экспертиза** — это суждения высококвалифицированных специалистов-профессионалов, высказанные в виде содержательной, качественной или количественной оценки объекта, предназначенной для использования при принятии решений.

Профессиональный статус политического аналитика не предполагает обладание им фундаментальными, специальными знаниями во всех проблемных областях, представляющих интерес для его клиента — лица, принимающего решение.

Экспертизы бывают **индивидуальные и коллективные, однотуровые и многотуровые, с обменом информацией** между экспертами и **без такого обмена, анонимные и открытые**. Многообразие областей применения экспертного оценивания делает достаточно многообразным и гибким используемый им на практике аппарат анализа.

В этой своей роли консуль тант-«эксперт» может исполнять функции «оценивающего советчика», «преподавателя-тренера» (обучающего персонал тем или иным навыкам) и «ревизора» (осуществляющего по заданию руководства независимый контроль за теми или иными участками деятельности организации).

Некоторые специалисты в области консуль тирования — в частности М. Кубр — выделяют **«консультантов по ресурсам»** и **«консультантов по процессу»**. Смысл такого разделения состоит в том, что деятельность первого типа консуль тантов в основном связана с поставлением специализированной информации, диагностикой ситуации, выдвижением предложений и замечаний к плану руководства и т .д. Такой тип консуль тирования применяется тогда, когда руководитель хочет воспользоваться знаниями специалиста, но не желает , чтобы тот касался организационных изменений в его подразделении. В то же время «консультант по процессу» не только поставляет специализированную информацию, но и сам пытается осуществить в жизни те или иные структурные изменения в этой организации, т .е. выступает в качестве определенного субъективного фактора внутренних изменений.

Критерии эффективности процесса политического консуль тирования

В конечном счете эффективность политического консуль тирования всегда определяется степенью решенности поставленных задач, уровнем соответствия намеченных и полученных результатов. В то же время консуль тирование как особый процесс взаимодействия клиента и специалиста предполагает и выделение более частных критериев их взаимодействия, определяющих достижение общей цели. В данном случае большое влияние на решение задач оказывают нравственно-этические факторы, соблюдение ими моральных норм во взаимоотношениях.

Центральное значение в этом вопросе имеет *характер* взаимодействия клиента и консультанта. Успешность их взаимоотношений складывается уже ожиданиями клиента от будущей встречи со специалистом. Как показала практика, клиенты нередко руководствуются совершенно определенными стереотипами, как бы программирующими их

дальнейшее сотрудничество. Так, клиент может находиться под влиянием стереотипов «консультанта-врача» (предполагающего, что пришедший специалист обязательно поставит верный диагноз и «вылечит» ситуацию), «учителя» (характеризующего образ консультанта как мудрого и знающего человека, способного научить правильным подходам любого желающего), «консультанта в кармане» (формирующего образ специалиста как человека, способного сделать что угодно по желанию клиента), «консультанта-ревизора» (вызывающего в основном негативное отношение к специалисту как к человеку, пришедшему специально для «снятия» нужной ему информации), «консультанта-профана» (предвосхищающего отношение к нему как к человеку, не обладающему более высокими знаниями, чем сам клиент) и т. д.

В свою очередь и консультант испытывает влияние стереотипов по отношению к клиенту, представляя его то «денежным мешком», которому можно продать какую угодно информацию; то «надсмотрщиком», который будет отслеживать каждый его шаг и мешать работе; то «приятелем», с которым можно договориться о чем угодно, используя свои способности к дружескому общению, и т. д. Опасность влияния такого рода образов, предвосхищающих первую встречу клиента и консультанта, заключается в том, что они могут задать жесткие и неадекватные рамки для их дальнейшего взаимодействия, помешать налаживанию конструктивного сотрудничества. Поэтому первостепенным требованием к процессу консультирования должно стать подавление образов стереотипизированного мышления. Между клиентом и консультантом должен быть заключен своеобразный «психологический» контракт, способствующий созданию благожелательной атмосферы сотрудничества.

Клиент и консультант должны воспринимать процесс консультирования как неизбежное *взаимодействие*. Будучи специалистами и носителями профессиональной информации, они могут по-разному смотреть на проблему, но определять ее характер и выработать пути решения должны совместно. При этом клиент не должен вмешиваться и тем более контролировать профессиональные аспекты деятельности консультанта, но и консультант не должен расширять свое информационное поле за счет сведений, которые не относятся к решаемой задаче.

В процессе взаимодействия консультант должен неукоснительно руководствоваться интересами дела, не подлаживаться под стремления клиента и не создавать видимость благополучия, не стараться получить заранее запрограммированные результаты. Получив же те или иные выводы и рекомендации, он ни в коем случае не должен давить на клиента, настаивать на внедрении предлагаемых им новшеств. Он не должен забывать, что его рекомендации — только часть управленческой информации, существующей в контексте стратегических (долгосрочных) замыслов клиента, что именно клиент несет ответственность за принятие решений.

Консультанты зачастую имеют доступ к конфиденциальной и эксклюзивной информации, затрагивающей репутацию организации или отдельных лиц и которая может иметь коммерческую ценность, поэтому они должны особенно щепетильно относиться к ее использованию и обработке, не допуская утечки информации и тем более не превращая ее в орудие получения прибыли. Консультант должен всемерно беречь честь и достоинство своего клиента. Но при этом консультанты не должны ради сохранения определенной лояльности клиенту переходить нормы общественной морали, переступать принципы профессионального кодекса, запрещающего их участие в фальсификации данных, использование методов информационного террора, психологического давления на граждан.

В зависимости от ситуации консультант может применять методы взаимодействия с клиентом в следующих рамках: от отношений типа «адвокат клиента» (предполагающих сохранение лояльности «заказчику» согласно требованиям договора) до отношений типа «адвокат позиции» (выражающих приверженность собственным деловым критериям профессиональной деятельности). Консультант не должен активизировать вопросы идеологической лояльности, воздерживаться от публичной критики клиента во время работы по проекту. В случае конфликтов он может позволить себе критические выступления, возможны также отставка или отказ его от дальнейшего выполнения обязательств по контракту.

Консультант может воздействовать на клиента за счет своих личных, человеческих качеств: путем демонстрации специальных знаний, превосходящих компетенцию клиента; путем проявления профессиональной честности и принципиальности; благодаря настойчивости при убеждении в правоте своей позиции; за счет выработки общих подходов и взглядов на проблему; путем доверительного общения; путем использования либо скрытых угроз, возбуждения чувства тревоги и переживаний за перспективы дела, либо поощрительных приемов стимуляции поведения клиента и санкции за неверное истолкование и использование рекомендаций (в виде отказа от дальнейшего сотрудничества).

4. Стадии и способы консультирования

Подготовительная и начальная стадии политического консультирования

При всем разнообразии политических процессов и управленческих задач, в которых приходится принимать участие консультантам, процесс консультирования обладает некой общей логикой, наличием *универсальных фаз и этапов* взаимодействия с заказчиком, отличающихся спецификой их задач и целей. Особенно показательным в этом отношении является

консультирование отдельных политических и государственных организаций в процессе принятия решений.

Так, первые контакты «заказчика» и консуль танта, следующие за приглашением последнего для выполнения работ , соответствуют **подготовительному** этапу консультирования. По существу на этом этапе раскрывается тот круг задач, который должен решаться консуль тантом при первичном знакомстве с организацией.

В данном случае консуль тант прежде всего должен выяснить подлинные причины обращения к нему «заказчика», поскольку нередки случаи, когда приглашение сторонних специалистов преследует иные цели, например, списание средств, использование фигуры эксперта для разрешения каких-либо личных проблем руководства, создания видимости в глазах вышестоящих руководителей о «научном» обеспечении последующих решений и т.д. Но наиболее распространены случаи, когда консультант приглашается для решения одной проблемы (например, снижения эффективности труда госслужащих), а в действительности в организации существует иная проблема (ухудшение отношений персонала организации и руководства).

Для выяснения этого круга проблем консуль тант на данном этапе должен провести *первичную диагностику* проблемы, направленную на выяснение проблемной ситуации, определение наиболее явных сильных и слабых сторон в деятельности пригласившей его структуры. Для этого консультант проводит серию интервью с отдельными членами коллектива, руководства организации, групповые микроопросы, возможно, даже анкетирование служащих, а впоследствии обобщает итоги своих предварительных наблюдений. Составной частью такой работы является ознакомление консультанта с имеющимся и доступным аналогичным опытом. В данном случае «заказчик», заинтересованный в успехе работы консультанта, должен руководствоваться соображениями как можно более полного информирования его о положении дел в проблемной области. От консуль танта нельзя скрывать ничего существенного, что могло бы повлиять на постановку целей и их будущее достижение. Поэтому скрытность поведения «заказчика» является симптомом неквалифицированного отношения к работе консуль танта.

По мере прояснения проблемной ситуации консуль тант одновременно готовит поле для своей будущей деятельности. В частности, выясняются *критерии* того, что можно считать полным или частичным успехом в решении ситуации, а следовательно, и как измерять его профессиональную деятельность. В случае групповых форм консультирования осуществляется подбор специалистов нужного профиля (например, при обеспечении предвыборных кампаний подбираются специалисты на позицию менеджера по работе со СМИ, аналитика, руководителя предвыборного штаба и т.д.).

Важной задачей, решаемой на подготовительном этапе, является и *техническая* подготовка консультирования. Сюда входит выяснение потребностей консультанта в специальном оборудовании (средствах связи, компьютерной технике и т.п.), обеспечении условий его работы (готовности соответствующих помещений, транспорта и т.п.). Иначе говоря, это процесс мобилизации ресурсов консультирования. В итоге же, по завершении данного процесса, заключается Договор консультанта с «заказчиком», определяющий порядок работы.

После завершения подобных формальностей наступает этап, важнейшим содержанием которого является **текущая диагностика** проблемной ситуации. По сути дела консультант проводит вторичный, более углубленный анализ первоначально выявленной проблемы, направленный на выяснение ее внутренних и внешних связей, выработку определенных индикаторов, упорядочивающих событий. В результате не только уточняется понимание цели, но и проясняются возможности консультанта при ее достижении. Выявляя ранее не замеченные, но существенные аспекты проблемы, консультант может внести соответствующие изменения в Договор с «заказчиком».

Эта вторичная диагностика предполагает сбор разносторонних данных, применение качественных и количественных методов исследования задачи, использование существующих баз данных, анализ структурных факторов, текущих событий и изменений (в расстановке сил на избирательном рынке, мотивов поведения участников, утраты и приобретения ресурсов и т.п.). На этой основе выясняются причины проблемной ситуации, а также группы факторов, оказывающих на нее как положительное, так и отрицательное влияние; состав акторов, с необходимостью обязанных принимать участие в разрешении конфликта; основные акции и интеракции в данной области.

Результатом этих диагностически-исследовательских этапов консультирования становится «Отчет о диагностике», который составляется и предъявляется консультантом «заказчику» и в котором должны быть указаны причины неэффективной деятельности организации.

Завершающие этапы консультирования

На основе установленных причин проблемной ситуации и выявления круга лиц, принимающих участие в ее урегулировании, консультант приступает к этапу **разработки предложений** по разрешению сложившегося противоречия.

Центральным звеном на этом этапе является уточнение информационной базы консультирования, для чего консультант согласовывает свою экспертную информацию с информацией, имеющейся у «заказчика». В данном случае консультант должен познакомиться с конфиденциальной информацией, которой руководствуется «заказчик». Это мо-

жет помочь понять самые общие ограничения, в рамках которых «заказчик» может предпринимать действия по выходу из ситуации. Например, в избирательных кампаниях игра, имеющая целью обыграть соперника, может предполагать не только нарушение этических норм (например, в деятельности обслуживающих «заказчика» СМИ), но и определенные нарушения инструкций ЦИКа и даже законов. В силу этого консультант должен понять предельные образцы действий, на которые может пойти «заказчик». Иными словами, усилия консультантов должны сконцентрироваться на совершенствовании приемлемых для «заказчика» действий.

Формулировка предложений на основе этой более широкой информации предполагает моделирование ситуаций, создание определенных сценариев развития событий, выработку правил и норм деятельности. Консультант должен предложить «заказчику» определение последствий принятия и непринятия его предложений с точки зрения каждой из моделей, прогноза развития событий. В итоге консультант документально оформляет свои предложения.

Следующий этап реализации, **внедрения предложений** предполагает двоякое участие консультанта, определяемое Договором. Если в нем предусмотрено участие консультанта в реализации проекта, то он занимает определенную позицию в практической деятельности организации, выполняя конкретные функции. Если Договор ограничивает деятельность консультанта только формулировкой предложений, то на этом этапе он выключается из процесса совершенствования деятельности. Иногда характер участия консультанта заново оговаривается и документально оформляется особым Договором с «заказчиком».

В том случае, если консультант принимает участие в реализации предложений, начинают формироваться его связи и отношения с различными лицами, группами как внутри, так и вне организации. При этом могут возникнуть трения. Эффективность сотрудничества на предыдущих этапах может смениться достаточно напряженными отношениями с «заказчиком», и наоборот. Опыт показал, что включенное консультирование (участие в реализации предложений) более целесообразно, поскольку практика может порождать новые факты, нуждающиеся в осмыслении и влекущие необходимые корректировки деятельности. За счет этого более оптимально решается и задача обеспечения консенсуса между всеми действующими и вовлеченными в этот процесс субъектами.

Завершающий этап взаимодействия консультанта и «заказчика» предполагает **подведение итогов** сотрудничества, когда дается общая оценка консультирования, производится окончательный расчет по обязательствам сторон, определяются планы на будущее сотрудничество.

ТЕХНОЛОГИИ КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ

1. Структура и содержание конфликтов

Структура и основные формы политических конфликтов

Конфликты, как отмечалось ранее, являются наиболее распространенным источником и формой политических изменений, в связи с чем разработка технологий управления и контроля за ними, позволяющих снизить издержки конкуренции за власть и уменьшить собственные потери на этом поприще, становятся задачей первостепенной важности для любого участника политических отношений и тем более для правящего режима.

В принципе конфликт представляет собой *один из возможных* вариантов взаимодействия политических субъектов. Однако из-за неоднородности общества, непрерывно порождающего неудовлетворенность людей своим положением, различий во взглядах и иных формах несоответствия позиций чаще всего именно конфликт лежит в основе изменений поведения групп и индивидов, трансформации властных структур, развития политических процессов.

Как технологически измеряемая величина **политический конфликт** есть разновидность (и результат) конкурентного взаимодействия двух и более сторон (групп, государств, индивидов), оспаривающих друг у друга властные полномочия или ресурсы.

Практически повсеместное желание различных субъектов управлять или контролировать течение политических конфликтов предполагает выявление их основополагающих структурных элементов и параметров, воздействие на которые и может позволить достичь намеченных целей. Данные элементы по-особому структурируют целенаправленную деятельность субъекта в политической сфере, придают ей специфическую форму и содержание. Несмотря на определенные разногласия, специалисты-конфликтологи, как правило, в качестве основополагающих элементов конфликта выделяют следующие:

- **источник** (предмет) конфликта, выражающий существо разногласий между участниками спора;
- **повод**, характеризующий конкретные события, которые послужили началом активных действий сторон по отстаиванию своих интересов, целей, позиций в отношениях с конкурентом;

- **стороны** конфликта, подразумевающие численность субъектов, непосредственно и косвенно участвующих в оспаривании властных статусов и ресурсов в сфере политики;
- **восприятие и позиции** субъектов, раскрывающие их цели в конкурентном взаимодействии, отношение к контрагентам, восприятие конфликта и иные субъективные характеристики поведения сторон;
- **средства** конфликта, характеризующие типичные применяемые сторонами ресурсы, способы, приемы во взаимодействии друг с другом;
- **характер** конфликта, раскрывающий наиболее типичные отношения конкурирующих сторон, жесткость или пластичность занимаемых ими позиций, способность к модификации предмета спора, вовлечение посредников и т.д.

Выделение основных структурных элементов конфликта обуславливает и определенное понимание его процессуальных свойств или наиболее общих особенностей протекания конкурентного спора сторон. В частности, практически все исследователи сходятся в понимании конфликта как такого конкурентного взаимодействия сторон, которое обладает разной степенью своего *внешнего проявления* и *интенсивности*. В связи с этим выделяются его различные состояния (фазы) и, в частности, **скрытое** (латентное) протекание конфликта, при котором противоречия между теми или иными субъектами не выражаются в их активных политических действиях, формах открытого противостояния, наносящих или направленных на нанесение ущерба сопернику. Конфликт в данном состоянии протекает в основном за счет изменения внутренних состояний субъектов, так или иначе оценивающих характер сложившихся противоречий, выдвигающих те или иные гипотетические предположения о возможных путях развития отношений с контрагентом и т.д. При этом латентное состояние противостояния сторон показывает, что конфликт является определенной фазой в развертывании противоречий между ними и поэтому не каждое расхождение интересов или несовпадение взглядов субъектов на ту или иную политическую проблему может заканчиваться конфликтом.

Такое потенциальное по сути содержание конфликта качественно меняется при его переходе в **открытое** состояние, воплощенное уже в конкретных действиях сторон, т.е. разнообразных акциях, направленных в конечном счете на преобладание над соперником. В зависимости от влияния тех или иных внешних и внутренних условий явное противоборство сторон может изменять свое содержание и интенсивность. Так, спор двух соперников может затронуть интересы иных политических субъектов, втянув их в ведущийся спор и увеличив тем самым число конфликтующих сторон. По мере развертывания конфликта в его уре-

гулирование могут быть вовлечены и разнообразные посредники (арбитры), которые могут не только увеличить число участников спора, но и усложнить содержание конкурентных связей и отношений. В то же время изменение позиций сторон или истощение ресурсной базы конфликта может снять напряженность и сократить число участников спора. Возможны и другие варианты развития событий.

Для того чтобы отразить вариативность развития конфликта в открытой форме, в науке используются понятия «расширение» (сужение) конфликта (свидетельствующее о динамике отношений сторон, ведущей к изменению состава последних, трансформации предмета спора, модификации средств и методов ведения конкуренции в сфере власти) и «эскалация» конфликта (характеризующая степень интенсивности ведущегося спора).

Для выработки и применения технологий, направленных на управление и контроль за ходом конфликта, важное значение имеют и тот, и другой его показатели. Например, ученые подметили, что интенсивность конфликта нарастает тогда, когда растут конкурирующие группы; спор касается ценностей (идеалов) и личностей; разрешение конфликта создает значимый для общества прецедент; когда сам конфликт оценивается сторонами только в рамках «выигрыша/проигрыша» или стороны пытаются решить вопрос лишь путем достижения превосходства над соперником и угроз конкуренту; предмет спора расплывчат и потому не дает возможности рационализировать конфликт и к тому же постоянно задевает иные зоны противоречий сторон и т. д.

При перерастании конкуренции в состояние, сопровождающееся крайним ухудшением отношений соперничающих сторон, нарастанием возможностей резкого ухудшения положения и увеличением непредсказуемости развития ситуации, а также качественным снижением возможностей управлять ею и даже утратой ее управляемости, конфликт достигает высшей точки своего развития, а именно — **кризиса**. Кризисы чреваты самыми тяжелыми и непредсказуемыми последствиями для участвующих в конфликте сторон. Зачастую они ведут к нарастанию напряженности, вооруженным столкновениям, провоцируют новые источники противоречий и конфликтов. В рамках международных отношений даже региональные или внутригосударственные кризисы способны стать источником более масштабных и даже глобальных потрясений (например, Карибский кризис 1962 г., проведение антитеррористической акции в Чечне в конце 1990-х гг. и т.д.).

Источники политических конфликтов

и **комбинированные**. К первым относятся те многочисленные источни-

Источники политических конфликтов в самом широком плане подразделяются на **внесоциальные, социальные**

ки политической напряженности, которые базируются на определенных чертах агрессивности человека, чувствах страха, паники, голода и других инстинктивных мотивациях его поведения. Обусловленные такими факторами политические конфликты выступают в виде народных самосудов, голодных бунтов, террористических акций фанатиков, иных нерациональных и внешне мало или вовсе не мотивированных акций.

Специфическим источником политических конфликтов являются и противоречия **промежуточного** характера, отражающие взаимосвязи человека и природы, где обе стороны вносят свой вклад в развитие конфликта. В частности, это конфликты, вызванные политическими последствиями экологических катастроф, авариями на атомных станциях (в Чернобыле) или крупных предприятиях (Бхопале, где находился крупнейший химический комбинат в Индии в 1980-е гг.). Такие масштабные конфликты связаны с урегулированием социальных последствий, вызванных не только стихийными бедствиями, но и самим человеком, усугубляющим эти события (к примеру, после Чернобыльской аварии власти определенное время сознательно не информировали население о случившемся, что только увеличило жертвы и усугубило последствия произошедшего).

Но значительно более широкий круг источников конфликта содержится в его **социальных** факторах и основаниях. Данные детерминанты крайне разнообразны и могут быть связаны со спецификой тех или иных сфер политики (внутригосударственной и международной), с характером субъектов (индивидуальных, групповых, массовых), а также с иными аспектами.

Чаще всего выделяют **три** основные причины, лежащие в основе политической конфронтации. Прежде всего, это разнообразные формы и аспекты общественных отношений, определяющие **несовпадение статусов субъектов политики, их ролевых назначений и функций, интересов и потребностей во власти, а также недостаток ресурсов** и т.д. Таковы, условно говоря, объективные источники противоречий, которые имеют высокие шансы стать политическими конфликтами. Они, к примеру, фиксируют расхождения статусов между правящей элитой и контрэлитой, различными группами интересов, теми или иными государствами, регионами и т.д.

Как правило, внешнюю напряженность такого рода конфликтов удается погасить достаточно легко. Однако искоренить источники конфликтной диспозиции сторон, различным образом включенных в политическую игру, можно только путем преобразований, либо меняющих саму организацию власти в обществе, либо реформирующих социально-экономические (культурные) основания политической деятельности конкурирующих субъектов. Например, ряд ученых предлагают сегодня концепции сглаживания противоречий между богатыми (Севе-

ром) и бедными (Югом) странами на основе утверждения их непреодолимости (теории «островов развития» и «золотого миллиарда», утверждающие право жить в достатке только для населения высокоразвитых стран).

Следует учитывать и постоянное видоизменение такого рода источников конфликтов. Например, в современных условиях можно наблюдать обострение отношений между индустриальными и сырьевыми странами, миграционными потоками и процессами урбанизации в развивающихся регионах. В то же время с международной арены уходят «классические» конфликты между национальными государствами, уступая место разнообразным региональным, локальным, цивилизационным противоречиям.

Еще одним важным социальным источником политических конфликтов являются **расхождения людей (их групп и объединений) относительно ценностей и политических идеалов, культурных традиций, оценок тех или иных событий, а также другие субъективно значимых представлений о политических явлениях.** Такие конфликты чаще всего возникают в тех странах, в которых сталкиваются качественно различные мнения о путях реформирования государственности, закладываются основы нового политического устройства общества, ищутся пути выхода из социального кризиса. Например, применительно к системе мировых политических отношений американский ученый Р. Инглхарт указывает, что в настоящее время многие концепции исламского, конфуцианского, буддистского и иных моделей мирового порядка построены не на учете сложившегося и изменяющегося баланса сил в мире, а на апелляции к собственным идеалам и ценностям; по сути дела они призывают к переоценке самых глубоких социокультурных основ современных реалий и философии политики.

В разрешении таких конфликтов найти компромисс порой весьма трудно. Если же, как, к примеру, в современной России, идейные расхождения касаются основополагающих ценностей и приоритетов политического развития, то достижения согласия между конфликтующими сторонами (например приверженцами коммунистических и либерально-демократических идей) приходится добиваться в течение весьма и весьма длительного времени.

В последние годы ряд западных теоретиков (Дж. Бертон, К. Ледерер, Дж. Дэвис и др.) выдвинули теорию «человеческих потребностей», в которой утверждается, что конфликты возникают в результате **ущемления или неадекватного удовлетворения потребностей**, выражающих основу человеческой личности. Сторонники этой теории относят к базовым источникам конфликтов разные **ценности**: О. Надлер — идентичность, экономический рост, трансценденцию (внутреннее самораскрытие); Р. Инглхарт — безопасность, общественное признание, нрав-

ственное совершенствование и т.п. Удовлетворение подобных потребностей и стремлений не может быть предметом купли-продажи, торга с властью, которая должна лишь видоизменять и совершенствовать политические структуры в целях наиболее полного и адекватного удовлетворения этих универсальных человеческих потребностей.

В связи с неизбежностью осознания людьми своих потребностей ряд ученых указывают еще один весьма типичный источник конфликтов, который вызван **неадекватным восприятием как собственных интересов, так и позиций соперников**. Иными словами, такими источниками могут выступать не только ошибочные представления людей о собственных интересах, но и их склонность к определенной драматизации разделяющих их с другими людьми статусов, ресурсов и т.д. В последнем случае люди нередко обесчеловечивают противника, приписывая ему только отрицательные свойства, злобные намерения, неискренность и прочие подобные черты, как бы заранее усугубляющие отношения с ним и провоцирующие конфликт даже в тех случаях, когда он далеко не очевиден. В результате стороны, взаимно приписывающие друг другу негативные намерения, порождают так называемые «зеркальные» образы противоречий, выражающие диаметрально противоположные оценки одних и тех же явлений, что также усиливает вероятность развития конфликта.

И наконец, еще одним социальным источником политических конфликтов являются **процессы идентификации граждан**, выражающие характер осознания ими своей принадлежности к социальным, этническим, религиозным и прочим общностям и объединениям, что определяет понимание ими своего места в социальной и политической системе. Конфликты на этой основе характерны прежде всего для переходных обществ, в которых людям приходится как бы заново искать свое место в меняющемся мире, привыкать к нетрадиционным для себя нормам взаимоотношений с государственной властью. Подобные противоречия возникают и в тех странах, где напряженность в отношениях с правящими структурами вызывает стремление людей защитить куль турную целостность своей национальной, религиозной и т.п. группы, повысить ее властный статус (например, это свойственно католикам Северной Ирландии, франкоязычному населению Канады и т.п.).

Типология политических конфликтов

Определение управляющих течением конфликтов технологий непосредственно зависит от определения их

типа. В самом общем виде в политической науке принято классифицировать конфликты следующим образом.

С точки зрения **зон и областей** их проявления выделяются *внешне%* и *внутриполитические* конфликты, которые, в свою очередь, подразделяются на целый спектр разнообразных кризисов и противоречий. Так,

среди международных конфликтов могут выделяться кризисы типа «*балансирования на грани войны*» (Д. Даллес), отражающие выдвижение одним государством требований и притязаний к другому в надежде, что противник скорее уступит, чем будет бороться; «*оправдания враждебности*» (Р. Лебоу), характеризующие провокационную деятельность государства против потенциального противника с тем, чтобы использовать сложившуюся ситуацию для выдвижения ему неприемлемых требований (так, к примеру, действовал Гитлер, инсценировав нападение на радиостанцию в Гляйвице для оправдания развязывания войны против Польши) и т.д. Внутриполитические конфликты также подразделяются на кризисы и противоречия, раскрывающие взаимодействие между различными субъектами власти (правлящей и оппозиционной элитами, конкурирующими партиями и группами интересов, центральной и местной властью и т.д.), отражающие характер политических процессов, по которым разгорается спор групп и индивидов (в сфере государственного управления или массового участия граждан в политике), и т.д.

По степени и характеру **нормативной регуляции** конфликты разделяются на (целиком или частично) *институционализированные* и *неинституционализированные* (Л. Козер), характеризующие способность или неспособность людей (институтов) подчиняться действующим правилам политической игры.

Классификация конфликтов проводится и по их **качественным** характеристикам, отражающим различную степень вовлеченности людей в разрешение спора, интенсивность кризисов и противоречий, их значение для динамики политических процессов и т.п. Среди конфликтов данного типа можно выделить «*глубоко*» и «*неглубоко укорененные*» (в сознании людей) конфликты (Дж. Бертон); *конфликты «с нулевой суммой»* (когда позиции сторон противоположны, и потому победа одной из них оборачивается поражением другой) и *конфликты «с ненулевой суммой»* (в которых существует хотя бы один способ нахождения взаимного согласия — П. Шаран); «*конфликты с отрицательной суммой*» (в которых все участники оказываются в проигрыше); *антагонистические* и *неантагонистические конфликты* (К. Маркс), разрешение которых связывается с уничтожением одной из противоборствующих сторон или соответственно со сохранением противоборствующих субъектов, и т.д.

По степени **интенсивности** принято выделять *эскалированные* конфликты (выраженные, например, в столкновениях сторон с применением вооруженной силы) и *конфликты низкой интенсивности* (характеризующиеся затяжным и менее ярко выраженным уровнем противостояния сторон, исключаяющим возможность и стремление «играть на выигрыш» и вообще применять формы прямого воздействия на соперника).

С точки зрения **публичности** конкуренции сторон имеет смысл говорить об *открытых* (выраженных в явных, внешне фиксируемых фор-

мах взаимодействия конфликтующих субъектов) и *закрытых* (латентных) *конфликтах*, в которых доминируют теневые способы оспаривания субъектами своих властных полномочий. Первый тип подобных конфликтов хорошо различим в разнообразных формах массового участия граждан в политической жизни (например, в форме манифестаций, забастовок, участия в выборах и т.д.), второй более характерен для скрытых от глаз обывателя процессов принятия решений (в частности, взаимодействий внутри правящей элиты, отношений между различными ветвями власти).

По **временным** (темпоральным) характеристикам конкурентного взаимодействия сторон разделяются *долговременные* и *кратковременные конфликты*. Так, процессы возникновения и разрешения отдельных конфликтов в политической жизни могут завершиться в течение предельно короткого времени (например, отставка министра в связи с публикацией сведений о его предосудительных действиях), но могут протекать на протяжении жизни целых поколений (противоборство диссидентов с коммунистическими режимами в странах Восточной Европы и СССР, военно-политические конфликты между Израилем и рядом арабских государств и т.д.).

Принимая во внимание **строение** и **организацию** режима правления, как правило, выделяют конфликты *вертикальные* (характеризующие взаимоотношения субъектов, принадлежащих к различным уровням власти: это конфликты между центральными и местными элитами, органами федерального и местного самоуправления и т.д.) и *горизонтальные* (т.е. между субъектами и носителями власти: внутри правящей элиты, между неправящими партиями, членами одной политической ассоциации и т.д.).

Конфликты любого из указанных типов, обладая теми или иными свойствами и характеристиками, способны играть разнообразные роли в конкретных политических процессах, стимулируя отношения соревновательности и сотрудничества, противодействия и согласования, примирения и непримиримости.

2. Технологии контроля и управления политическими конфликтами

Сущность управления и контроля за конфликтами

Как показывает практический опыт, различные субъекты, либо участвующие в конфликте, либо вовлеченные в

его течение в качестве посредника, чаще всего стремятся к управлению конфликтом или к установлению (в той или иной форме) контроля за ним. В частности, **контроль** как форма сознательного воздействия на политический конфликт предполагает трехступенчатую программу действий:

- осуществление превентивных мер в виде выявления основных элементов в поле конфликта (причин, состава не всегда очевидных участников спора, позиций и т.д.), анализа взаимодействия сторон и мониторинга событий;
- выявление факторов, как способствующих усилению интенсивности конфликта (конфликтогенных факторов), так и препятствующих его эскалации, в результате чего проясняются основные направления действий субъектов контроля;
- предупреждение перехода конфликтов из стадии спора к стадиям, на которых возможны насилие и рост политической напряженности; минимизация степени социального возбуждения, вызываемого течением политического конфликта в смежных областях политической (общественной) жизни, чтобы не спровоцировать более широкие, дополнительные потрясения, на регулирование которых будет необходимо тратить дополнительные ресурсы и энергию. В результате формируются определенные ограничения деятельности контролирующих субъектов, в рамках которых развитие конфликта избегает трансформации в кризисы и катастрофы.

В отличие от контроля **управление конфликтами** представляет собой форму целенаправленного влияния на различные компоненты конкурентного взаимодействия сторон, предполагающего повышение соответствия их состояния сознательным намерениям того или иного субъекта.

В этом смысле управление — это не просто более сложный тип сознательного конструирования действительности, но и более затратный тип деятельности, требующий большего применения сил, энергии и ресурсов для достижения цели.

Более того, осуществление управленческого воздействия на развитие конфликта непосредственно зависит от той модели соперничества, которой придерживается воздействующий на него субъект. В частности, в научной литературе выделяется несколько таких моделей, среди которых присутствует так называемый «инженерный подход», авторы которого трактуют конфликт как определенное изменение ситуации, требующее известной «достройки» либо в области структуры, либо поведения той или иной стороны, либо иных компонентов. В том случае, если удастся верно определить этот критический для всей конструкции элемент и добиться его сознательной модификации в нужную сторону, то можно уверенно управлять течением событий.

Сторонники «гуманистического» подхода отстаивают иную модель действий, согласно которой управление конфликтом возможно только на основании постоянного сближения позиций сторон при помощи проведения консультаций, экспертиз, деятельности посредников и арбитров. В «управленческой» модели упор делается на формулировке субъек-

том управления таких выдвигаемых перед сторонами конфликта задач, решение которых позволит им сблизить свои позиции и свои цели и примирить интересы.

На практике, как правило, используют те или иные сочетания подобных установочных моделей, на базе которых вырабатываются соответствующие технологии контроля и управления конфликтами.

Основные стратегии управления конфликтами

Следует заметить, что различные модели управления конфликтами, ориентирующиеся на организацию созна-

тельного воздействия на течение конфликтов и подчинение их интересам управляющих субъектов, предполагают разные стратегии с отличающимися, а порой и противоположными целями. В качестве наиболее значимых стратегий, в рамках которых формируются собственные технологии по сознательному воздействию на конфликт, можно выделить следующие характеризующие их цели:

- **инициация** конфликта, подразумевающая перманентное обострение имеющихся в обществе противоречий, усиление эскалации конфликтов и консервацию остроконкурентных отношений с целью порождения ситуации, которую можно было бы использовать более эффективно, чем это мог бы сделать противник (например, правящий режим может выдвигать неприемлемые условия для сотрудничества с оппозицией, надеясь на истощение ее сил или на компрометацию ее в глазах общественно-го мнения как не стремящуюся к общественному согласию);
- **рутинизация** конфликта, означающая сознательное поддержание возникшей напряженности в отношениях сторон, с целью использования ее в собственных интересах;
- **предупреждение** конфликта, нацеленное на недопущение перехода противоречий в открытую фазу противоборства и нарастания политической напряженности;
- **урегулирование** конфликта, ориентированное на (полное или частичное) снятие остроты противоборства сторон, а также на то, чтобы избежать его наиболее негативных последствий (для себя, государства, общества в целом);
- **разрешение** конфликта, предусматривающее либо устранение причин конфликта, исчерпание самого предмета спора, либо такое изменение ситуации и обстоятельств, которое породило бы бесконфликтные отношения сторон, исключило опасность рецидива разногласий, сняло вероятность нового обострения уже урегулированных отношений;
- **вытеснение** конфликта, предполагающее перенесение ответственности за различные способы завершения конфликта на

иной уровень политической системы (например, с федерального на региональный, или наоборот).

Наиболее распространенными (целями) в сфере политики являются урегулирование и разрешение конфликтов. Используемые в рамках соответствующих стратегий технологии контроля и управления неизбежно опираются на необходимость выведения всех теневых, латентных конфликтов в открытую форму, на уменьшение неконтролируемых процессов и следствий данного взаимодействия, на сокращение возможности внезапных, обвальных потрясений, на которые нельзя будет правильно и оперативно отреагировать. Базовыми принципами этих стратегий являются также постепенность, предполагающая исключение скоропалительных мер, к которым стороны не готовы. Необходимо также придерживаться требований последовательного снижения уровня противостояния сторон, расширения системы коммуникаций между ними, выполнения сторонами своих взаимных обязательств.

Р. Даль указывал на неизбежность обязательного при урегулировании конфликтов формирования институциональных образований, обеспечивающих процесс непрерывного консультирования и ведения переговоров; расширения ресурсного (экономического) потенциала примирения; усиления осведомленности сторон о планах своих контрагентов; кроме того, он отметил необходимость использования кадров, способных к ведению мирного диалога, и т.д.

Еще одним достаточно универсальным требованием к формированию технологий урегулирования и разрешения конфликтов можно отнести необходимый учет наиболее принципиальных внешних и внутренних факторов их возникновения и протекания. В частности, как показал опыт, факторами, влияющими на формы и методы деятельности субъекта управления конфликтом, являются:

- степень открытости политической системы (отражающей, к примеру, наличие или отсутствие в ней «предохранительных клапанов», способных защитить правящие структуры от наиболее агрессивных форм политического протеста);
- уровень сплоченности конфликтующих групп и интенсивность внутренних взаимоотношений их членов;
- характер вовлеченности широких социальных слоев в спорные взаимоотношения;
- эмоциональная насыщенность политического поведения групп и граждан и их способность к самоограничению своих властных притязаний и т.д.

Что касается стратегии разрешения конфликта, то ее технологии, как правило, всегда подразумевают не односторонние, а *двусторонние* действия партнеров. Это означает, что достигнутое в результате их при-

менения соглашения между сторонами расценивается всеми участниками как справедливое и честное, они добровольно принимают условия соглашения без давления извне, конфликт исчезает из «повестки дня», а между бывшими участниками спора устанавливаются позитивные отношения (К. Митчелл).

3. Этапы урегулирования и разрешения конфликтов

Критерии этапизации процесса управления конфликтами

Для выработки технологий управления и контроля за конфликтами принципиально важно знание особых **эта-**

пов их развертывания и развития, каждый из которых предполагает решение строго определенных задач и достижение абсолютно конкретных целей.

Несмотря на общее признание ценности выделения этапов протекания и развития конфликтов, у ученых нет единого мнения относительно количественной и качественной определенности этих этапов. Обычно конфликты разделяются на этапы в зависимости от учета позиций каждой из его сторон, типа и характера, временных или иных параметров данных противоречий.

Так, например, Ч. Осгуд связывает наличие этапов с действиями того из участников конфликта, который в одностороннем порядке выдвигает определенные инициативы, направленные на снижение напряженности, и ожидает, что его партнер ответит тем же. Российская же исследовательница М. М. Лебедева применительно к вооруженным конфликтам пишет об этапах: прекращения насильственных действий (имеющего целью снижение уровня противостояния сторон); установления диалога и подготовки к проведению переговоров (предполагающего стимулирование обсуждения проблемы между участниками конфликта); об этапе, знаменующем начало переговорного процесса (ведущего к расширению возможностей разъяснения сторонами своих позиций, обсуждению перспектив урегулирования и т. д.), и об этапе выполнения достигнутых договоренностей¹. Совокупность данных этапов характеризует перечень условий, позволяющих осуществить постепенный переход от стабилизации конфликта и появления возможности контролировать дальнейшее течение событий к расширению коммуникаций между сторонами и примирению их позиций.

Другие ученые, рассматривая течение конфликта, выделяют универсальные этапы *институализации* конфликта, *легитимации*, *структурирования* групп и *редукции* (А. Чумиков). Суть первого этапа состоит в том, что на нем предполагается заключение действий сторон в рам-

¹ См.: Лебедева М. М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1997. С. 88–90.

ках определенных норм, ориентация и воспроизведение которых обеспечивает достаточно предсказуемое развитие конфликта в определенных границах. Второй этап направлен на оправдание данных норм в глазах правящего режима и общества. Третий означает выделение тех конкретных лиц (групп), которые выступают в споре от имени сообщества и позиции которых предопределяют содержание конфликта, а следовательно, и сознательное воздействие на эти позиции с целью их необходимого изменения. Завершающий же этап предполагает дальнейшее последовательное ослабление интенсивности (уже смягченного) конфликта и его перевод на менее значимый политический уровень.

Однако эти подходы хотя и акцентируют внимание на важных аспектах управления конфликтами, тем не менее они слишком нормативны для управления поведением конфликтующих сторон, которые могут придерживаться противоположных взглядов на правила взаимодействия и не способны выделить своих постоянных представителей.

Пошаговая этапизация конфликта

Учитывая разнообразие встречающихся в политике конфликтов, а также то, что действия по налаживанию контро-

ля и управления ими нередко встречают сопротивление сторон (что не позволяет, к примеру, начинать управление конфликтом с установления норм, которые могут не признаваться его отдельными участниками), более оптимальным является выделение этапов с точки зрения обозначения универсальных задач, решение которых будет последовательно увеличивать возможности *сознательного воздействия* на весь этот процесс. Тем самым и технологии контроля и управления конфликтами приобретут более специализированный и предметный характер, будут определяться постановкой комплексных задач, учитывающих как специфику каждого этапа в целом, так и более узкие, специализированные цели, которые ставятся отдельными субъектами на каждом этапе в отдельности. Поэтому в науке могут разрабатываться технологические модели поведения лидеров, правительств, государств и прочих субъектов управления конфликтами не только применительно ко всем (или отдельным) этапам их протекания (например, предложенная М. Брегером «трехпериодная модель» деятельности правительств в условиях международного кризиса), но касающиеся и отдельных сторон или аспектов их деятельности внутри каждого из этапов (в частности, тактика переговорного процесса).

С этой точки зрения можно выделить **этапы возникновения, развития и окончания** политических конфликтов. При таком понимании этапов протекания последних они предполагают согласование действий субъекта управления конфликтом со спецификой политических процессов, учет времени и обстоятельств, в которых протекают конфлик-

ты, отражение культурно-исторических и цивилизационных особенностей политического развития страны (региона, субъекта), корреляцию с психическими чертами действующих лиц.

На этапе **возникновения** конфликта о зарождении конкурентных отношений свидетельствует формирование атмосферы напряженности между оппозиционными сторонами, которая подтверждает наличие определенного предмета спора и несовпадение позиций политических субъектов. На этом этапе пружина конфликтного взаимодействия еще сжата и контуры будущего развития противоречия могут только угадываться.

Таким образом, главная задача субъекта, стремящегося контролировать или управлять течением этого конфликта, — вскрыть его подлинные *причины* (и истинные цели, преследуемые его участниками). Сложность такого анализа в значительной степени усугубляется частым стремлением сторон скрыть, замаскировать настоящие причины противоречия с оппонентом (нередко это вызывается желанием использовать не вполне законные методы для реализации своих интересов или опасением, что обнародование причин спора вызовет негативную реакцию общественности).

Отыскивая подлинные причины конфликтных отношений, субъект управления конфликтом должен уметь отличать их от *повода*, толчка к началу событий (например, недовольство социально-экономическим курсом властей со стороны оппозиции и начало проведения ею акций протеста в ответ на конкретные действия правительства, воспринятые как угроза своему существованию). Правильный анализ позволяет не только выявить источник политического напряжения, но и предотвратить возможный «отрыв» конфликта от его первоначальных причин и переключение активности сторон на новые политические цели, консервирующие прежние поводы для конкуренции и тем самым переводящие противостояние в закрытую форму существования, чреватую внешне запными социальными потрясениями. Так, например, длительное нежелание властей видеть в ряде районов СССР национальную подоплеку некоторых экономических, культурных и прочих противоречий в значительной степени спровоцировало там серьезнейший кризис международных отношений и лишило государственные органы многих средств и возможностей эффективно влиять на развитие событий.

Таким образом, чем строже определен предмет спора, тем у субъекта управления конфликтом больше шансов локализовать его развитие, направить конкуренцию сторон в выгодное для себя русло. Если же в качестве такого субъекта выступают правящие структуры, то поиск ими причин напряженности и выработка технологии ее урегулирования должны неизбежно дополняться определением своей ответственности за возможное развитие событий.

В этом смысле, как подчеркивал французский конфликтолог Ж. Фаве, власти могут выбрать одну из трех моделей поведения: игнорировать возникновение конфликта, давая ему возможность тлеть, самовоспламениться и перемещаться в другие сферы властных отношений; избегать четкой публичной оценки его природы, стараясь таким образом «понравиться» разным слоям населения, высказывающим различные точки зрения на данную проблему (попытки взять под контроль развитие ситуации будут в таком случае весьма робкими и непоследовательными); активно участвовать в урегулировании или разрешении конфликта.

В последнем случае стремление управлять развитием конфликта должно опираться на точный анализ сложившейся «социально-политической конфигурации» в обществе (регионе), предусматривающий оценку установившегося соотношения сил, накала противостояния сторон и прогнозирование их возможных действий. В этом смысле субъекту управления необходимо проработать различные сценарии развития конфликта и своих действий, определить возможные ходы в ответ на акции противников, очертить проблематику потенциальных переговоров и круг явно неприемлемых действий в любых ситуациях.

От первоначальных оценок ситуации будет непосредственно зависеть, станет ли субъект управления стремиться сохранить паритет конфликтующих сторон или поддержит одну из них, будет способствовать уменьшению или повышению напряженности отношений и т.д. Однако при любом варианте этот субъект обязан установить определенные *нормы и правила* взаимодействия конфликтующих сторон. В масштабе общества в целом власти, стремящиеся управлять развитием конфликта, должны прежде всего постараться ввести спор соперников в русло правовых норм, что должно с самого начала способствовать институализации конфликта, введению его в рамки, позволяющие контролировать его ход и развитие. Институализация конфликта не только увеличивает защищенность общества и безопасность государства в этой ситуации, но и нередко переводит состязательность сторон в такие формы, которые создают предпосылки для самозатухания конфликта.

Несмотря на стремление субъекта управления нормировать поведение конфликтующих сторон, такая регламентация должна быть предельно широкой и учитывать возможность различных стратегий их деятельности, например, стремление одной стороны одержать победу, а другой — не оказывать сопротивления; нежелание одной стороны действовать в правовом поле, а другой — вообще игнорировать противоречия и т.д.

На уровне всей политической системы неотъемлемой стороной деятельности властей, стремящихся поставить конфликт под свой контроль, является «*конструирование социального окружения*» данного спора. Эти меры подразумевают соответствующую ориентацию и мобилизацию общественного мнения, что позволяет создать в государстве

атмосферу осуждения или поощрения одной или всех конфликтующих сторон, сужает поле для маневров противников правящего режима, способствуя повышению стабильности государственной власти.

Определяя стратегические и тактические цели регулирования конфликта, власти должны подготовиться *«технически»*: убедиться в компетентности привлекаемых экспертов и аналитиков, специалистов в соответствующей сфере государственного управления (т.е. в специфической области политики, где возник конфликт, — социальной или налоговой политики, управления наукой и т.п.); проверить надежность коммуникаций, центров обработки информации о текущих событиях, их материальной обеспеченности; улучшить взаимосвязь различных уровней и звеньев власти, вовлеченных в регулирование конфликта; приспособить структуру институтов власти для осуществления эффективного контроля за событиями; проверить готовность механизмов власти для решительного применения силы. Вся совокупность этих мер должна полностью соответствовать ресурсам, имеющимся в распоряжении «верхов», а также способствовать поддержанию имиджа властей, т.е. формировать у населения убежденность в том, что власти не боятся развития конфликта и способны держать его под контролем.

На этапе **развития** конфликта круг деятельности субъекта управления расширяется. На данном этапе более отчетливо проявляются силы, поддерживающие каждую из конфликтующих сторон или противостоящие им; становится очевидным, расширяется или сужается предметная область спора, увеличивается или сокращается численность участников спора, какова степень его интенсивности, нуждается ли он в привлечении посредника и т.д. Таким образом, возрастает число факторов, которые необходимо отслеживать для сохранения контроля над развитием конкурентных отношений.

В целом субъект управления должен определиться по такому вопросу: будет течение конфликта пущено на самотек или будут предприняты сознательные действия по его урегулированию. В последнем случае задача управления конфликтом должна быть связана с действиями, предусматривающими объединение усилий всех участвующих сторон или с привлечением посредничающих структур.

Принимая такое решение, субъект управления конфликтом должен опираться на более широкую информацию — не только о «видимом» поведении сторон, но и об их скрытых, а порой и тщательно маскируемых замыслах и намерениях. Особое значение в таких ситуациях приобретает борьба с дезинформацией, так как стремление той или иной стороны исказить сведения о своих целях, по мнению французских ученых Фюстье и Амिरала, нередко провоцирует субъект управления конфликтом на весьма безрассудные действия.

Расширяя информационное поле контроля, власти, как правило, уточняют образы конфликтующих сторон (динамику позиций, склонность или отрицание компромиссов, допустимые возможности изменения целей и т.д.) и собственные оценки, выработанные ранее. Специалисты в области международных отношений американцы Г. Шнайдер и П. Дизинг в связи с этим различают изменения, происходящие в так называемых «фоновых» образах (отражающих оценку базовых целей и ценностей конфликтующих сторон), а также «текущих» образах (выражающих изменения во взглядах на их актуальные, сиюминутные позиции).

Уточняя такого рода оценки, субъекты управления конфликтом должны непрерывно сопоставлять изменяющиеся позиции сторон, стараться точно понять тактику их поведения, нащупать точки соприкосновения оппонентов. В конечном счете оценка различного рода макро- и микрофакторов, обуславливающих протекание конфликта, должна дать четкое представление о его интенсивности: обладает он тенденцией к спаду или к нарастанию. В соответствии с выводами должна быть скорректирована и тактика действий управляющего субъекта. Однако ни при каких условиях он не должен прибегать к запугиванию или силовому давлению на конфликтующие стороны, памятуя о том, что расширение насильственных средств прямо пропорционально увеличению времени урегулирования спора. И напротив, субъекты управления должны стимулировать сближение сторон на основе увеличения их ожиданий посредством обещаний и положительных прогнозов, расширения переговорного пространства между ними, недопущения крайних, разрушительных форм конкурентного взаимодействия, поддержания конвенционального стиля политического диалога.

Как показывает опыт, противоречия в развитии конфликта нарастают с увеличением численности конфликтующих групп и повышением эмоциональной вовлеченности людей в эти взаимоотношения. Особенно высоко напряжение в конфликтах, ведущихся на уровне ценностей, и прежде всего тех, которые касаются нравственной самооценки сторон, представлений о чести и достоинстве. В этом случае стороны воспринимают предположительное окончание конфликта как персонально значимый выигрыш или проигрыш и потому зачастую отказываются даже рассматривать варианты соглашения, дабы «не поступить с принципами».

Для направления интенсивного конфликта в нужное русло на данном этапе субъект управления должен:

- использовать те технологические приемы, которые он применял на предыдущем этапе;
- постоянно «конструировать социальное окружение» (информировать общественность о выработанных оценках поведения сто-

рон, об изменении их позиций, обнаружить точки зрения на развитие ситуации и т.д.);

- целенаправленно искать выигрышную тактику, изменяя структуру и способы собственных действий; развивать коммуникации;
- поддерживать нормы и правила политического взаимодействия, способствующие повышению сплоченности общества. От характера предпринимаемых действий зависит заново складывающийся баланс политических сил.

На базе предпринимаемых действий на этапе **завершения** конфликта возможны два основных варианта его окончания: либо достижение примирения сторон, либо укрепление их непримиримости (т.е. создание тупиковой ситуации, неразрешимости конфликта). Между этими полюсами пролегает целый ряд вариантов эволюции конфликта, отражающих его рутинизацию (сохранение прежней интенсивности), снижение или, наоборот, нарастание взаимооппозиционности сторон. Конфликт может оказаться неразрешимым, и тогда создается ситуация, которая ведет не к его окончанию, а как бы к «круговому движению». Это требует от субъекта управления конфликтом пересмотра и повторения своих действий и операций, соответствующих двум первым этапам конфликтного взаимодействия. Иными словами, такая ситуация предполагает совершенствование или поиск новой стратегии и тактики контролирования, управления конфликтом.

Примирение же участвующих в конфликте сторон, как уже говорилось, может иметь характер *полного* или *частичного урегулирования* (т.е. изменения поведения одной или нескольких сторон конфликта без исчерпания предмета споров) либо разрешения конфликта (уничтожающего сам повод для конфликтного взаимодействия сторон). При этом нельзя сбрасывать со счетов и то, что конфликт может разрешиться сам собой, без попыток его сознательного регулирования (например, ввиду утраты актуальности предмета спора, усталости политических субъектов, истощения ресурсов и т.п.).

Для достижения примирения субъекту управления конфликтом необходимо найти *средства*, способные обеспечить такое развитие событий. Уже упоминавшийся Ж. Фаве считает, что добиваться примирения необходимо через соглашение, компромисс, подчинение, уступку и разрыв (с прошлым). Из числа принципов урегулирования, о которых говорит Е. Нордлингер, можно отметить создание стабильной коалиции сил, соблюдение пропорциональности усилий, обеспечение взаимного права вето. Р. Даль (исключая тупиковый путь развития событий) предпочитает говорить о принудительных и мирных средствах примирения сторон.

Завершение конфликта может быть выражено в достижении *соглашения* конфликтовавших сторон о временном или окончательном, пол-

ном или частичном перемирии, о различных формах урегулирования конфликта (его составных частей), а также всеобъемлющего соглашения, свидетельствующего о разрешении конфликта.

Такие результаты могут быть достигнуты двумя наиболее общими способами примирения сторон:

- мирное урегулирование конфликта в результате: достижения компромисса на основе сохранения исходных позиций; (асимметричного) соглашения, достигнутого за счет взаимных и неравных уступок; истощения ресурсов одной или нескольких сторон, что делает невозможным продолжение соперничества; а также за счет приобретенного в ходе спора взаимоуважения сторон, понимания прав и интересов соперника; соглашения на базе найденного принципиально нового решения, снимающего противоречия сторон;
- примирение на основе принуждения или, другими словами, использования «командного стиля» (П. Шаран) взаимоотношений, позволяющего одной из сторон игнорировать аргументы соперника. В основе этого навязываемого одной из сторон (или третьей силой всем сторонам) характера взаимодействия может лежать: явное превосходство (сохраненных, приобретенных) сил и ресурсов у одной стороны и их дефицит у другой; изоляция одной стороны конфликта, понижение ее статуса, а также другие состояния, свидетельствующие об ослаблении ее позиций, о поражении, нанесенном ей в соответствии с «правилами игры»; уничтожение, «тотальное истребление противника» (Х. Шпейер), в результате чего мир устанавливается в отсутствие «врага».

Характер и степень продолжительности найденных форм примирения различны. Так, асимметричное соглашение (порой допускающее полное игнорирование интересов одной из сторон), даже несмотря на подписание документов, не останавливает оказавшуюся в проигрыше сторону либо от невыполнения договоренностей (что подразумевает «урегулирование после урегулирования» — Г. Райффе), либо от продолжения борьбы за свои интересы. Мир, заключенный в условиях полного поражения одной из сторон, может сохраняться достаточно долго, исключая воспроизведение старых или появление новых конфликтов.

Техники переговорного процесса

Наиболее распространенным средством достижения примирения сторон в технологиях управления конфлик-

том являются **переговоры**.

Переговоры представляют собой прямое или косвенное общение сторон, направленное на такое согласование взаимных интересов и целей, которое может привести к снижению интенсивности или завершению конфликта.

В процессе переговоров, применяемых как на этапе развития, так и на этапе завершения конфликта, стороны обмениваются обещаниями, мнениями, что, как правило, снижает остроту противостояния, помогает понять аргументы оппонента и, следовательно, более адекватно оценить истинное соотношение сил, характер и условия примирения.

Обычно специалисты сходятся во мнении, что приемы и техники, используемые при переговорах, зависят от содержания последних, от условий, в которых они происходят, а также от состояния и готовности самих сторон к ведению диалога.

Переговорный процесс чаще всего осуществляется в рамках взаимоотношений «уступки—сближение», предполагающих применение технологий торга, использование тех специфических приемов, которые позволяют рассмотреть альтернативные ситуации и в соответствии со своими целями сохранить исходные позиции или достичь преимуществ, добиться взаимопонимания оппонентов или, напротив, завести их в тупиковое русло, обеспечив односторонние преимущества или взаимное удовлетворение сторон. Именно при проведении переговоров у сторон появляется больше возможностей найти так называемую «серединную точку» конфликта, обозначающую суть взаимных претензий, а следовательно, выяснить пределы возможных уступок (допустимость провала переговоров) или собственную «цену вопроса». Нередко переговоры дают возможность уравнивать уступки, продемонстрировать открытость позиций, ослабить эффективность «нечестных трюков» соперника.

В целом успех применения тех или иных переговорных техник зависит от *стратегии* и тактики сторон. Однако, как показал опыт, существует ряд достаточно универсальных принципов и требований к успешному завершению переговоров. Так, американские специалисты М. Дейч и С. Шикман отмечают, что эффективность переговоров, а равно и взаимное удовлетворение сторон повышаются при последовательном отделении существующих проблем от субъективной заинтересованности участвующих в споре людей; при акцентировании внимания не на принципах, а на реальных противоречиях; при выработке нескольких возможных вариантов решений; при учете преимущественно объективных критериев соотношения сил, а не партийных или идеологических позиций¹. Обещание уступок, внимательность к партнеру значительно увеличивают шансы прийти к соглашению. Угрозы же, давление на оппонента с позиций силы такую возможность снижают, нередко переводя переговорный процесс в «замороженное» состояние.

К положительным для позитивного завершения переговоров последствиям приводит и определенная диверсификация целей, дающая сто-

¹ Deutch M., Shicman S. Conflict in Social Psychological Perspective // Political Psychology: Contemporary Problems and Issues. San Francisco, 1986. P. 241–243.

ронам возможность увеличить рассмотрение вариантов решения проблемы; предварительная регламентация переговорного процесса, при которой каждая из сторон планирует наиболее соответствующее для диалога место и время проведения встреч, формат предстоящих бесед, состав представителей делегации и другие параметры переговоров. Как правило, способствует достижению успеха на переговорах и ориентация на принцип «дистрибутивной справедливости», предполагающий распределение успеха в соответствии с затраченными усилиями и ресурсами сторон. Способствуют успеху и продуманные рекламные акции, заинтересовывающие третью сторону в пропаганде своей позиции, или акции, «отвлекающие» соперников от истинных целей переговоров. В то же время, как показывает практика многих конфликтов, широкое привлечение или использование СМИ в качестве посредника на переговорах увеличивает напряженность диалога и не способствует успеху общения конфликтующих сторон, особенно при решении щепетильных и острых вопросов.

В зависимости от мастерства переговорщиков успешному для них результату может способствовать и использование таких приемов, как «увязка» («пакетирование») вопроса, предполагающая взаимосвязанное рассмотрение различных, иногда не относящихся к делу, проблем; «уход» от дискуссии путем игнорирования вопросов, нежелательных для обсуждения той или иной стороне, и т.д.

По окончании конфликта важно так представить результаты переговоров — компромиссов, соглашений, силового давления, чтобы население восприняло их адекватно, не посчитав, к примеру, это унижением миром, проигрышем и т.п. Таким способом будут исключены реакции, которые могли бы поставить под вопрос принятые решения.

В этом смысле особую роль играет умение субъекта управления конфликтом использовать типичные для общественного сознания политические символы, стереотипы, стандарты мышления, олицетворяющие победу, поражение или другие оценки, стимулирующие массовую активность людей. Например, в военных действиях неудачу чаще всего символизирует падение столицы или пленение лидера. Только найдя нужный образ, символ примирения и соответствующую тональность диалога с согражданами, можно обеспечить сохранение результатов переговоров и воспрепятствовать обострению постконфликтных отношений.

Овладение технологиями переговорного процесса повышает возможность эффективного управления конфликтами, позволяет ставить под контроль сложные процессы конкуренции в сфере распределения политической власти.

ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

1. Принятие решений в политической сфере

Понятие и основные подходы к принятию решений

Принятие политических решений представляет собой **совокупность действий разнообразных акторов по постановке и достижению целей, воплощающих в сфере государственной власти интересы элитарных и неэлитарных групп**. Политические решения могут приниматься любыми акторами, действующими в сфере завоевания и распределения власти. Однако наиболее значимыми и сложными по своему содержанию являются решения, принимаемые государством в публичной сфере.

Впервые термин «принятие решений» появился в 30-х гг. XX столетия для характеристики децентрализации социальных и организационных процессов в трудах Ч. Бернарда, Э. Стина и других, в основном американских, ученых. Подлинный ренессанс эта теория пережила в 60-х гг. XX столетия (Г. Саймон, Д. Марч). В настоящее время наблюдается весьма интенсивная разработка ее различных направлений на стыке теорий организации, экономики, социологии, политологии, кибернетики и ряда других социальных и естественных наук.

В силу разносторонности социальных процессов, в которых осуществляется целеполагание, в науке, как правило, не ставится вопрос о разработке универсальной теории и единого алгоритма принятия решений. Такой подход обусловлен и неоднозначной интерпретацией самого процесса принятия решений, которое понимают то, как определенную технологическую цепочку действий, связанную с получением особого интеллектуального и организационного «продукта»; то как способ реализации интересов конкретных субъектов; то как форму искусства управления, то как метод урегулирования конфликтов, предполагающий коррекцию стратегии и тактики целедостижения, и т. д. В основе своей все эти трактовки базируются на двух способах понимания природы принятия решений: **нормативном и поведенческом**.

Авторы, придерживающиеся **нормативного** подхода, рассматривают принятие решений как совокупность рационально обусловленных действий и процедур, последовательное применение которых способствует выдвижению оптимальных целей и средств их реализации (Р. Абельсон, А. Леви и др.). Такая исследовательская установка, тесно

¹ См.: Политическая наука: Новые направления. М., 1999. С. 284.

связанная с основными постулатами теории «рационального выбора», исходит из понимания человека как рационального существа, самодостаточного для выработки устраивающих его оптимальных и в конечном счете эффективных решений. С процессуальной точки зрения таким образом понимаемое принятие решений представляет собой совокупность действий, жестко связывающих рациональное оценивание проблемы, выбор решения и планируемый позитивный результат. Важнейшими же методами обеспечения такого процесса являются разнообразные математические модели, исследование операций (Б. Ланге, В. Садовский). И даже ученые, в частности Г. Саймон, понимавшие ограниченные возможности человека в этой ситуации, считают, что с этими трудностями можно справиться, используя разнообразные аналитические конструкции, помогающие структурировать проблему и определять наиболее удачные подходы к ее решению.

Поведенческий подход к трактовке принятия решений основывается на том, что реальные, стоящие перед человеком цели слишком сложны, чтобы их можно было адекватно описать с помощью рациональных методов и на основе имеющейся у человека информации. Дефицит необходимых сведений не дает возможности рассчитать все, даже необходимые альтернативы решения задачи, способы ее реализации. Поскольку же при принятии решений человек в основном ориентируется на достижение своего интереса (а не только на рациональное отображение ситуации), целеполагание принципиально зависит от его персональных характеристик. Поэтому, как полагают Л. Планкетт и Г. Хейл, принятие решений — это ситуационный процесс, в котором цели, методы и прочие его компоненты постоянно варьируются в зависимости от изменения всего комплекса условий существования конкретной проблемы¹. А Ч. Линдблом, развивающий эти методологические установки, подчеркивал, что в реальности существуют не «эффективные», а лишь «приемлемые» решения, демонстрирующие господство компромиссов (которые дают возможность совместно действовать различным группам политиков и администраторов), а не рациональных подходов к управленческой проблеме.

На практике, как правило, используется *комплексный* подход, сочетающий в себе преимущества обеих моделей, предполагающий использование не только методик качественного описания ситуации, но и средств количественного анализа. Однако и в этом случае сочетание элементов нормативного и поведенческого подходов настолько своеобразно в каждом конкретном случае, что по сути дела опять-таки исключает возможности универсализации и алгоритмизации процесса принятия решений в целом. Таким образом, применяемые в принятии решений

¹ См.: Планкетт Л., Хейл Г. Выработка и принятие управленческих решений. М., 1984.

технологии и механизмы непосредственно зависят от качества социальных процессов, сферы их действия, типа действующих акторов, обстоятельств и ряда других параметров. В этом смысле даже некоторые универсальные черты целеполагания по-своему проявляются в деятельности любых политических акторов, порождая наиболее сложные очертания этого процесса в деятельности государства, чьи политические решения обладают громадным значением для судеб миллионов людей. При этом политические решения государство принимает в сфере управления обществом (государственного управления).

Особенности государства как субъекта принятия решений

Сфера государственного управления и специфика государства как института принятия решений создают особые

условия для постановки и реализации политических целей. Специфику принятия государственных решений прежде всего отличает деятельность этого института в *публичной* сфере, ее *легальный* (основанный на законах) характер, а следовательно, использование государственными институтами средств и методов, рассчитанных на правовые последствия. В силу масштабности деятельности и *общесоциальной* природы этого института принятие решений представляет собой взаимодействие государства с различными партнерами и контрагентами, обладающими той или иной долей влияния на выработку целей и процесс их реализации. Иными словами, в выработке общеколлективных целей принимают участие не только наделенные полномочиями профессионалы, но и обладающие определенными правами представители общественности (и общественное мнение в целом), бизнеса, международного сообщества, экспертно-академических структур и т.д.

Поэтому принятие политических решений в государстве всегда имеет форму *соучастия* управляющих (политиков и администраторов) и управляемых (различных корпусов граждан). При этом определение «лица, принимающего решение» от имени государства (т.е. определяющего цели и берущего на себя ответственность за проектируемые действия, что обозначается термином «идентификация ЛПР»), отражает постоянную конкуренцию представителей различных групп: **административных** (различных слоев бюрократии, в том числе и ее коррумпированных группировок) и **политических** структур (представителей различных слоев правящей политической элиты), **общественности** (представленной в виде групп интересов, партий, СМИ, общественного мнения и т.д.), корпусов **экспертов**, а также разнообразных **международных** организаций и «**мирового общественного мнения**».

Острота процесса идентификации ЛПР выражает соперничество не только интересов, но и человеческих амбиций, чувств, настроений, заблуждений и т.д. Многообразие лиц, претендующих на роль ЛПР, соче-

тание ролей и статусов, формальных влияний и неформального давления на эту управленческую позицию превращают принятие решений в процесс непрерывного согласования интересов, соизмерения статусов и ресурсов каждой из сторон. Причем в этом многосложном взаимодействии официальные полномочия и позиции нередко не дают никаких особых преимуществ. Несмотря на наличие официальных публичных центров власти и управления, решения зачастую принимаются в узких комиссиях (на собраниях) должностных лиц, советами крупных промышленных концернов, партийными комитетами, группами, лоббирующими свои интересы. Процесс этот крайне сложен, и, как полагают, например, американские ученые Б. Хогвуд и Л. Ганн, постоянное участие в нем множества индивидуальных и групповых фигурантов в принципе делает маловероятным рациональный подход к оценке и решению социальных проблем¹. Небезынтересно, что бывший госсекретарь США Г. Кисинджер как-то заметил, что ему в бытность работы советником Кеннеди казалось, что процесс принятия решений имеет в основном умственный характер и человеку достаточно зайти в кабинет к президенту, чтобы убедить его в правоте своих взглядов. Но такой подход, как он вскоре понял, является настолько же распространенным, насколько и опасно несовершенным.

На выработку государственных решений наиболее активно влияют многочисленные группы давления (лобби), которые представляют интересы людей, реально контролирующих экономические, финансовые, информационные и другие общественные ресурсы. Как правило, они не претендуют на разработку политических приоритетов и решений, предпочитая ограничивать сферу своих интересов в основном хозяйственными проблемами, но при этом государство зачастую оказывается в подчиненном положении. При таких вариантах цели лоббистских объединений принимают форму государственных решений, а институты власти только озвучивают эти решения, придавая им надлежащую публичность и легитимность. Устойчивые связи государственных органов с теми или иными внешними партнерами (в том числе и в форме контактов «заинтересованных» чиновников с частным и даже криминальным бизнесом) порождают многочисленные «треугольники» (государство, предприниматели, профсоюзы) и «многоугольники власти», т. е. композиции властно-управленческих структур, предопределяющих содержание принимаемых решений.

Государство как институт принятия решений отличается также наличие сложной *организационно-иерархической структуры* (подразумевающей наличие законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, центральных и местных уровней их организации и т. д.), *территориальной и функциональной диверсификации* его органов и структур

¹ Hogwood B. W., Gunn L. Policy Analysis for the Real World. Oxford, 1984.

(связанной с дублированием и даже перехватом чужих функций со стороны отдельных звеньев, а также раздробленностью и даже враждебностью взаимных отношений различных структур и организаций), отсутствие органической зависимости *функций (затрат) и эффективности (результатов)* действий госструктур, *непостоянство механизмов обратной связи* и т.д.

Важной чертой государства как субъекта принятия решений является и *многоуровневый характер целеполагания*. Как показывает практика, в государстве выделяются **политический, макроэкономический и организационно-административный** уровни принятия решений.

На политическом уровне происходит первичное соединение интересов групп со спецификой государства и системой целеполагания. Политика отражает включение системы социального представительства гражданских интересов в реальный процесс управления государством. Тем самым влияние партий, групп интересов, общественного мнения оценивается государством с точки зрения транслируемых ими интересов и их включения в систему целеполагания. В этом смысле только политическими методами государство может агрегировать разнородные интересы населения, выработать некую общую логику синтеза этих потребностей. Впрочем, сложность такого синтеза нередко заставляет не выработывать некие общие цели, а *подменять* общесоциальные потребности узкогрупповыми политическими целями элит (политических лидеров, команд и пр.).

Интерпретация всех этих групповых интересов на политическом уровне, определение их веса и содержания ведутся в соответствии с соотношением сил соответствующих акторов в конкретном обществе. Другими словами, это показывает, что выбор приоритетов, определение направленности действий различных госорганов прежде всего зависят от оценки реального влияния на власть тех или иных социальных групп, обладающих более или менее значимыми для государства финансовыми, информационными, кадровыми и прочими ресурсами.

Все встающие в государстве задачи непременно опосредуются наличием ряда *универсальных целей*, которые задают пределы и границы для управленческой деятельности государства. К этим целям относятся: сохранение власти правящего режима, обеспечение безопасности и территориальной целостности страны, поддержание конституционного порядка, определение основных принципов социально-экономического развития страны и отношений режима с оппозиционными структурами. Таким образом, все текущие и перспективные задачи развития конкретной страны решаются в рамках безусловного приоритета этих исходных установок.

Формой соединения разнообразных гражданских интересов и их сочетания с потребностями всего общества служит выработка тех или

иных *идеологических* приоритетов, определяющих общий вектор развития страны. Тем самым на политическом уровне вырабатываются некие качественно очерченные целевые установки, на основе которых в дальнейшем формируются различные стратегии, правительственные программы и другие целевые решения. Чаще всего такие установки выражаются в Доктринах, Концепциях развития общества (или отдельных отраслей), озвучиваются в выступлениях политических лидеров и глав государств. Утверждая данную ориентацию действий, государственные структуры осуществляют анализ общественных проблем и соответствующую постановку задач как бы на основе внеэкономических критериев, т.е. оценивают хозяйственные и даже международные проблемы в координатах своего политического выбора.

Идеологические подходы и приоритеты, отражающие в конечном счете направленность использования высшей политической власти, закладываются и в отношении со всеми *контрагентами* государства (обществом, группами интересов, международным сообществом и др.). Строя с ними отношения, власти могут отклоняться от законодательных норм и пренебрегать интересами различных слоев населения. Тем самым политические цели (отражающие понимание политической целесообразности) могут расходиться и с критериями экономической эффективности, социальной справедливости, рационального расходования ресурсов, конституционности и т.д. Поэтому зависимость государственной администрации от политических центров в ряде случаев может серьезно ограничивать рациональность принимаемых государственными структурами решений. Однако во всех случаях политическая постановка целей опирается на ту или иную поддержку населения, обладает определенной легитимностью. Это означает и то, что на политическом уровне государство делит свое политическое влияние с влиянием других политических центров — партий, других государства, авторитетных лидеров и т.д.

Таким образом, политический уровень принятия решений может быть понят в качестве особой управляющей *подсистемы*, формирующей широкие, идеологические цели общественного развития, где при выборе целей ориентируются на общественную поддержку и интересы наиболее ресурсно оснащенных групп. В то же время его управленческие возможности *ограничиваются* воздействием иных центров политического влияния, а также сложившимися в обществе морально-этическими традициями и обычаями, судебной властью, воздействием структур общественного мнения.

В противоположность указанным способам формирования целей государство включается в процесс принятия решений и в качестве органа **макроэкономического** регулирования и управления. В этом случае главной целью для него является уже не власть, а сохранение социаль-

но-экономической *целостности* общества, его интеграция как социального целого, а основной социальной диспозицией в принятии решений здесь выступают отношения управляющих и управляемых. По сути макроэкономический уровень принятия решений отражает деятельность *исполнительных органов* государства.

На данном уровне главным субъектом, осуществляющим власть, служат не политические, а исполнительные структуры, и прежде всего *правительство*, выступающее в качестве высшего хозяйственно-распорядительного органа. Его задача состоит в том, чтобы согласовать политические приоритеты и ценности с правовыми регуляторами и ориентирами на рациональное и экономное хозяйствование. Важнейшими ориентирами в принятии решений правительством становятся закон, рациональность и экономическая эффективность. То есть на этом уровне государственное управление ориентируется на постановку рационализированных целей и задач, определяемых необходимостью получения максимально возможных результатов при минимальном использовании средств налогоплательщиков. Такая ориентация на сугубо управленческие критерии своей деятельности предполагает заинтересованность государственных структур в сохранении стабильности, соответствии принимаемых решений действующему законодательству, в росте компетенции своего аппарата, а также решении других задач, направленных на повышение эффективности управления.

Наблюдаемый сегодня практически во всех индустриально развитых странах рост сферы государственного регулирования объективно способствует повышению роли правительственных структур. Государственная администрация не просто становится все более полноправным участником процесса выработки общезначимых решений, но и неуклонно повышает свою автономность и самостоятельность. Если раньше, к примеру, госслужащие лишь эпизодически могли корректировать и даже изменять политические решения, принимая узковедомственные решения, то теперь государственная администрация обладает несравненно большими возможностями проведения собственной линии влияния на политических лидеров. Сегодня правительство может даже «делать политику», не привлекая к этому публичных политических деятелей.

Сегодня государственная администрация неуклонно набирает политический вес и укрепляет свои позиции в механизмах принятия решений в качестве самостоятельного субъекта. Особенно ярко эта тенденция проявляется в стабильных политических условиях, когда политические приоритеты определены, власть легитимна, законы применяются неукоснительно. В то же время возможности госадминистраторов снижают трудности оценки хозяйственной ситуации, политическая неопределенность, низкий уровень квалификации управляющих кадров и другие аналогичные факторы.

Специфические особенности принятия решений существуют и на **организационно-административном** уровне, где государство предстает как совокупность иерархизированных структур, обеспечивающих выполнение основных функций данного института (т. е. предоставление гражданам специальных услуг в области здравоохранения, образования и т.д.) и организационно поддерживающих достижение поставленных на политическом и макроэкономическом уровнях целей. С этой целью государственные органы преобразуют политические и экономические цели в аппаратные инструкции, приводят организационные структуры в соответствие с решаемыми задачами и формируют кадровые команды, способные на деле осуществить намеченное. При исполнении этих задач государственные структуры руководствуются прежде всего служебными инструкциями, деловыми технологиями, системой профессиональных знаний и внутренними кодексами.

Иначе говоря, эта собственно «административная фаза» (Б. Гурней) государственного управления характеризует особенности внутри- и межорганизационных взаимоотношений исполнительных и законодательных структур, вовлеченных в процесс подготовки конкретного решения, во внутриведомственные процессы подготовки, обсуждения и согласования проектов, определяющих порядок прохождения документов по различным управленческим инстанциям, и другие аспекты управленческих отношений подобного типа. Данные процессы в административной среде демонстрируют, условно говоря, технологии микротехнологического уровня принятия решений, на котором доминируют особые аппаратные законы и процедуры, действуют специфические аппаратные субъекты, складывается собственная логика служебных и человеческих отношений, весьма существенно влияющая на характер работы и реализации государственных целей (к примеру, начальник отдела министерства из чувства соперничества с коллегами может затянуть подготовку проекта важнейшего государственного закона; командир воинской части вопреки указаниям политического руководства может, ориентируясь на внутриармейские стереотипы, провоцировать продолжение военного конфликта с сопредельным государством и т.д.).

Выделенные уровни государственного управления демонстрируют, что принятие государственных решений представляет собой сложный кооперативный процесс, в котором участвует множество акторов со своими мотивами и интересами и где *сходятся сразу несколько логик и мотиваций выдвижения* и реализации *целей*. По любому вопросу, включенному в зону ответственности государства, процесс принятия решений осуществляется одновременно с учетом разнородных и подчас противоречащих друг другу подходов и механизмов, каждый из которых поддерживает особый баланс отношений государства с обществом, предполагая наличие специфических критериев эффективности приня-

тия решений, демонстрации компетенции и силы управленческих органов. И хотя чаще всего оценки и подходы к анализу тех или иных проблем на каждом из уровней национального государства совпадают, тем не менее никогда априори нельзя сказать, где в каждом конкретном случае находится подлинный центр выработки государственных целей.

Между этими уровнями существуют и известные противоречия. Например, американский исследователь Г. Миттсбург отмечает, что политические структуры могут задавать такие условия и степень централизации управления обществом, которые не отвечают ни возможностям переработки деловой информации, ни возможностям управления в целом. Тем не менее было бы ошибкой абсолютизировать степень этой внутренней противоречивости, ибо в целом в конкретной стране все же проводится относительно единая государственная политика, формируется и существует хоть и функционально разнородная, но все же единая профессиональная группа управляющих, занятая разработкой и выполнением государственных решений.

2. Технологии формирования государственной политики

Политическое прогнозирование

Политические решения могут выражаться в форме отдельных акций государства, а также в виде **государственной политики**.

Государственная политика представляет собой взаимосвязанные и скоординированные действия институтов и органов власти по реализации целей, воплощающих приоритеты и ценности правящего режима применительно к решению социально значимых задач в различных сферах общества.

Таким образом, государственная политика означает реализацию стратегических намерений властей, предлагающих обществу курс на изменение существенных условий жизнедеятельности граждан. Американский теоретик Дж. Андерсон характеризовал разработку политического курса государства как «последовательную схему деятельности», предполагающую «определение исходных позиций, насущных проблем, выработку политической линии, ее утверждение, применение и оценку»¹.

Технологии формирования и реализации государственной политики определяются в зависимости от выбора объекта государственного регулирования, финансовых возможностей государства, имеющихся обязательств, уровня подготовки кадров и ряда иных существенных факторов. К приемам разработки и реализации решений относятся процедуры оценивания, согласования позиций, расчета альтернатив, опреде-

¹ Anderson J. E. Public Policymaking. Boston. Houghton Mifflin, 1990. P. 35.

ления эффективности реализации целей и ряд других. Учитывая проективный характер решений, следует особо выделить ряд технологий, связанных с *гипотетическими* формами разработки целей, к которым относятся политическое **прогнозирование, планирование и программирование**.

Политическое **прогнозирование** представляет собой форму вероятностного предвосхищения будущих условий и возможностей решения тех задач, в которых в данный момент заинтересованы различные органы и институты государства. Другими словами, прогнозы чаще всего вырабатываются относительно тех проблем, которые решаются в актуальном контексте (или предполагаются быть решенными в будущем). Тем самым в прогнозах всегда присутствует *поисковое* (выражающее попытку определения влияющих на решение задачи тенденций, формируясь таким образом по логике «от настоящего к будущему») и *нормативное* (отражающее основное содержание поставленной задачи и формирующееся по логике «от будущего к настоящему») начала. Такое «заглядывание» в будущее основывается на учете интерперсонального (научного) опыта, практических прецедентов в той или иной области жизни конкретного государства, а также данных о «человеческом материале», т. е. тех людях, которые будут участвовать в реализации данных целей.

Прогнозирование как умозрительное предвосхищение будущего прежде всего стремится раскрыть характер причинно-следственных связей в развитии событий, зафиксировать пороговые возможности для управленческих действий, понять так называемые «точки ветвления» (т. е. умножения возможных альтернатив развития событий), предсказать возможные трансформации внешней среды, определить общие показатели деятельности контрагентов государства, увидеть локально-территориальные последствия, которые может повлечь за собой политика государственного вмешательства (невмешательства) в данном вопросе и т. д.

Трудность прогнозирования как идеально-гипотетической деятельности состоит в уравнивании объективных факторов (например, показателей уровня жизни населения) и субъективных намерений (способных трансформировать все эти параметры). Прогнозирование чаще всего носит комплексный, *межотраслевой* характер, соединяет *ретроспективные* и *перспективные* оценки событий.

При прогнозировании используются разнообразные методы (мозговые штурмы, метод Дельфи и пр.), наиболее важным из которых является построение *сценариев* развития ситуации. По сути дела сценариотехника представляет собой технологический инструментарий, предполагающий пошаговое описание гипотетического развития событий. Она включает в себя (наряду с формированием общих представлений о параметрах будущего) и поиск альтернативных вариантов движения, и поворотных точек в развитии процесса, а также ряда других характери-

стик. В зависимости от типа задач, масштаба и времени их рассмотрения сценарии могут иметь форму **эссе**, т.е. свободного, публицистического отражения развития событий с учетом особенностей драматических, сугубо человеческих реакций на события; **аналитического** исследования или краткого описания основных структурных параметров ситуаций и тенденций их развития, в также **формализованного** сообщения, сделанного на основе обобщения количественно обоснованных суждений. Общая логика построения прогноза предполагает последовательный переход от уточнения характера и масштабов целей и построения рабочих гипотез к построению базовой гипотетической модели, включающей поэтапный анализ процесса с учетом его иерархических уровней и функций, сбор фоновых данных и построение динамических рядов показателей и, наконец, оценку достоверности и точности прогноза.

Цели и характер государственной политики определяют **масштабы** прогнозов. По этому признаку различают: макро(экономический), региональный, прогноз, осуществляемый на уровне отдельной организации (учреждения), по производству отдельного вида услуг и т.д. Кроме того, прогнозы дифференцируются на *долго-, средне-, краткосрочные и оперативные*, каждый из которых способствует формированию соответствующей государственной политики.

Планирование и программирование

В отличие от прогнозирования, **планирование** представляет собой разновидность гипотетического предвидения,

отражающего конкретные параметры активности и обязательства субъектов, действующих в определенных условиях и временных рамках для достижения формализованных целей. Это как бы проектно-конструкторская деятельность, цель которой — обрисовать целевую перспективу, предполагая не предвосхищение будущих решений, а учет воздействия принимаемых сегодня решений на ситуацию в будущем.

Управленческие технологии, сопряженные с этой формой предвидения, неразрывно связаны с выработкой конкретных параметров организационной структуры государственных учреждений, поведения отдельных лиц (кадров), определением используемых ресурсов, норм контроля, соотносенных с пространственно-временными показателями. Такой способ разработки политики государства рассчитан на максимально возможное снижение неопределенности ситуации, хорошо заметной в прогнозировании. Уделяя основное внимание постановке целей и задач, планирование органично связано с механизмами так называемой *рециклизации*, т.е. изменения первичных параметров выдвижения целей на основе информации, поступающей по мере ее реализации.

Содержание технологий и процедур планирования конкретизируется в зависимости от его **стратегического** или **тактического** характера. Так, для стратегического планирования в большей мере свойственна ориентация на долгосрочные способы действий, на уникальные и более неопределенные задачи, на учет множества факторов и противоречивых критериев их оценки, на предвидение последствий и т.д. Это объясняет, почему в масштабах государства более эффективным оказывается среднесрочное и краткосрочное планирование.

Еще одним типом технологических приемов формирования государственной политики является **программирование**. Эта форма отражения будущего еще больше сближает проектную деятельность с практикой, с конкретными условиями достижения цели. Программирование представляет собой совокупность мер, направленных на решение конкретной проблемы и жестко связывающих целевые задания и параметры деятельности по их достижению. Это значительно менее комплексная процедура, чем планирование. Она увязывает процесс достижения конкретной цели с процедурами организации и бюджетного финансирования, координирует действия различных партнеров, процесс информационного обеспечения и т.д. В конечном счете программирование ориентировано на выявление и измерение фактически достигнутых результатов.

Главная проблема, определяющая характер применяемых в программировании технологий, состоит в создании *единых* оснований, способных обеспечить функционально-структурную целостность государственных органов и охватить весь цикл целеполагания, соединив таким образом деятельность различных участников программы и определив формы надлежащего контроля за их деятельностью. В связи с этим важной проблемой является создание ресурсной и единой нормативной базы, а главное — обеспечение бесперебойного финансирования процесса решения конкретных задач. Вообще, как показывает практика, связь процесса бюджетирования и организации коллективных действий является основополагающей для этого типа технологического обеспечения государственной политики.

Содержание технологий и процедур формирования государственной политики определяется конкретными государственными программами, которые могут быть связаны с решением межведомственной проблемы или задачи, решаемой одним ведомством. В зависимости от этого применяемые техники и методики определения программных целей будут в большей или меньшей степени связаны с координацией, с механизмами согласования действий различных структур государства или с такими типами контроля, как непосредственное государственное финансирование, госзаказ, квотирование, лицензирование, государственное предпринимательство, или с формами косвенного обеспечения про-

грамм: налоговой, таможенной, амортизационной или кредитно-денежной политикой. Как показывает мировой опыт, правительственные программы на сегодня являются самым эффективным инструментом государственного управления.

Технологии управления рисками

Содержание ведущих технологий формирования государственной политики неразрывно связано с предотвра-

щением **риска**, представляющего собой универсальное свойство любой деятельности по управлению и руководству социальными процессами. По своей сути риск — это либо отклонение действий субъектов (или развитие ситуации) от поставленных целей, либо увеличение возможности неблагоприятных последствий для управляющей системы. По мнению У.Бека, сегодняшний мир — это пространство рисков, органически включенных в жизнь современного общества.

Причины риска многообразны. В значительной мере они объясняются невозможностью составления точных гипотетических моделей — особенно групповой — деятельности и прогнозирования вызванных их реализацией последствий в социальной среде. На таком объяснении в принципе сходятся многие ученые. Неизбежность «непредвиденных последствий социальных действий» (Р. Мертон) во многом обусловлена тем, что «при многовариантности любой причинно-следственной связи любые политические переменные неизбежно будут давать противоречивые результаты»¹. Помимо этого к причинам риска относятся и творческий характер деятельности управляющих, и свойственная им ограниченность знаний (и даже самообман, при котором рациональные действия принимаются ими за нерациональные, и наоборот), и непонимание общественностью замыслов и целей правительства, и недостаточная проработка решения, и чрезмерное усердие управляющих и т.д. Так что оценка и прогнозирование рисков являются относительно самостоятельными операциями при принятии решений, предполагающих использование определенных технологий, которые призваны снизить и сам риск, и его влияние на разработку и реализацию целей.

Конструирование технологий, защищающих решения от чрезмерных рисков, зависит от типа и характера последних (от глобального до локального). Например, для отдельных стран принято составлять рейтинги, отражающие степень риска для иностранного бизнеса, возможность возникновения технологических или экологических катастроф и т.д. Однако применяемые в государстве технологии призваны прежде всего защитить управляющие системы от рисков, возникающих из-за

¹ Lipset S. M. The Social Requisites of Democracy Revisited // American Sociological Review. 1994. Vol. 59. P. 14.

неожиданных перебоев, возникновения форс-мажорных обстоятельств, субъективных просчетов управляющих.

Так, на этапах оценивания и диагностирования проблемной ситуации наиболее значительные резервы предотвращения рисков связаны с применением гуманитарных, или **интеллектуальных**, технологий. Они представляют собой аналитические системы, позволяющие различить **факторы** и **симптомы** риска. **Факторы** риска — это те переменные, которые непосредственно влияют на степень, рост или снижение риска; в таком качестве могут рассматриваться экономические показатели уровня жизни, социальное неравенство, межрелигиозная и этническая рознь и т.п. **Симптомы** же риска — это явные или неявные признаки возможного ухудшения ситуации: нарастание протестного участия, снижение безопасности, рост нестабильности и т.д., которые могут предшествовать или сопровождать развитие ситуации.

Такого рода технологии умножают число вероятностных моделей, увеличивая объем рассматриваемых альтернатив, дифференциацию расчетных показателей, расширяя специализированный поиск «поворотных точек», сохраняя в планировании деятельности место для процессов саморегуляции и самоорганизации. Следовательно, они позволяют получить более достоверную информацию о динамике, тенденциях, характере взаимосвязей того или иного явления. Полученная оценка возможных вариантов действий помогает вычислить наиболее уязвимые стороны процесса целедостижения, понять «безопасные альтернативы», предотвратить крайности, выработать критерии оценки вероятного количественного и качественного ущерба для конкретных акторов (определить цену риска), увидеть возможность (невозможность) оперативной компенсации потерь.

Построение вероятностных моделей оценки риска осуществляется на основе применения различных методик и техник. Например, могут использоваться сценарная техника, разнообразные формы независимой и государственной экспертизы. Свою роль играют дескриптивные и оценочные модели, в частности BERI, WPRF (World Political Risk Forecasting), включающие описание разнообразных, наиболее важных показателей — переменных процесса, для каждого из которых выявляется собственная степень вероятности, проводится анализ динамики в рамках краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного прогнозирования. Например, для оценки риска на уровне общества в целом (макроуровень) в качестве таких переменных рассматривается целый ряд факторов — от политической стабильности до местного самоуправления. Широко используются и математические методы, применяемые как к факторам снижения риска в целом по стране, так и привязанные к оценкам отдельных процессов. В качестве примера можно привести подсчет динамики явки избирателей на выборах, предложенный А. Даунсом:

$$T = (P \times S \times I \times S \times B) + C - D,$$

где T — показатель явки избирателей, P — степень приближения к выборам, I — степень важности выборов, B — степень различия между кандидатами, C — затраты на явку на выборы, D — неинструментальные факторы, которые могут определить мотивацию участия в избирательной кампании¹.

В свою очередь, на этапах реализации решений и корректировки целей помимо аналитических процедур широко применяются и **социальные** технологии, предполагающие проведение определенных организационных мер по снижению рисков. К их числу можно отнести, например, увеличение независимости оценивающих риски экспертов от исполнительных структур или расширение круга заинтересованных в решении вопроса лиц, предполагающее в ряде случаев и усиление публичности оценивания проблемы, а также координации действий структур и институтов, связанных с реализацией проекта, подготовкой резервных систем управления и оперативного перемещения ресурсов.

Существенным резервом в борьбе с рисками следует считать и целенаправленное разъяснение общественному мнению идеи неизбежности рисков, приучение людей к неизбежности издержек макроуправления, что дает возможность снизить негативный эффект от просчетов руководства. Эффективны и приемы, способствующие минимизации распространения таких снижающих рациональное отношение к проблемам мотиваций массового поведения, как страх и голод. Важным резервом в этом смысле являются и институционализация решений, усиление действия авторитета принципов и норм, способных надежно ориентировать деятельность населения в условиях кризиса, поскольку именно эта система ориентации деятельности сохраняет свои мобилизационные качества по сравнению с плохо просчитанными конкретными целями.

Антикризисные технологии

Нарастание рисков и создание кризисных для государства ситуаций предпо-

лагает применение особых технологий при формировании и осуществлении целей государственного управления. Как же государство может создать свою «стратегию неуязвимости» и при этом сделать так, чтобы чрезвычайные методы не переросли в обычную практику управления?

В условиях кризиса основные задачи государственного управления основательно сужаются, поскольку здесь невозможно обеспечить все параметры деятельности управляющей системы. Однако установки на сохранение общей управляемости обществом и его отдельными процессами, предотвращение выхода управляющей и управляемой систем за рамки критических для них значений, сохранение гибкости и адаптивности средств воздействия к вызовам внешней среды сохраняют свое

¹ См.: Политическая наука: Новые направления. М., 1999. С. 676.

значение и в кризисных условиях. В то же время их решение предполагает применение специфических способов и техник управления.

В целом органы государственного управления отвечают на кризисы за счет конструирования технологий **упреждающего** характера. Практически это говорит о том, что государство не только должно стремиться адекватно отреагировать на всевозможные кризисы, но и вести *постоянную* подготовку к действиям такого рода. Последняя задача неразрывно связана с созданием резервной системы государственного управления: формированием кадровых, технических, информационных и других структур, позволяющих полностью продублировать процесс принятия решений в случае выхода из строя основных центров управления и власти.

Кроме того, это означает последовательное осуществление *превентивных* мер в различных областях жизни. Прежде всего упреждающие действия управляющей системы должны осуществляться в политико-правовой сфере в виде принятия соответствующих законов, открытых и закрытых постановлений правительства, регламентирующих деятельность структур управления в кризисных и чрезвычайных обстоятельствах. Главными задачами разработки такой нормативной системы должны стать физическое сбережение населения и сохранение управленческих центров. В силу этого неотъемлемой частью данного процесса должна рассматриваться и чисто техническая подготовка к кризисам за счет перераспределения материальных ресурсов и создания запасов, способных гарантировать жизнеспособность граждан и деятельность необходимых структур управления в Центре и регионах.

Упреждающая деятельность должна быть связана и с формированием соответствующих *кадровых* структур: обучением управленческого резерва, соответствующей переподготовкой кадров и их размещением с учетом возможной регионализации конфликта. Особым значением обладает и превентивная деятельность государства в сфере информационно-коммуникативных отношений, предполагающая специальные акции в отношении СМИ (укрепление их технического и кадрового потенциала, обеспечение защиты каналов информирования и т.д.), организацию системы надежного оповещения на местах, расширение возможностей мобилизации информационных каналов.

В свою очередь, конструирование разнообразных техник и методов управленческого воздействия **оперативного** типа имеет несколько иной характер. С логической точки зрения оно предполагает прежде всего последовательный учет признаков конкретных общественных кризисов. Иными словами, в основе выработки кризисных технологий лежат *методика последовательной спецификации кризисов и оценка их динамики на всех стадиях принятия решений.*

Конструирование кризисных технологий в большей степени связано с управлением, *приспосабливающимся* к динамике внешних вызовов. В этом смысле в их структуре реже встречаются техники и способы инновационной деятельности, рассчитанные на сознательную перестройку внешней среды, на изменение параметров кризиса — соотношения и перегруппировки сил, структуры, организации, направленности кризиса и т.д. Кризисные технологии в большей степени имеют персонализированный характер и ориентированы на применение их конкретным политиком или элитарной микрогруппой, в силу чего нарастает зависимость применений технологий от стиля лидерства, типа правящей элиты, активности ее различных сегментов.

Антикризисная деятельность государства, как правило, неразрывно связана с корректировкой его отношений с контрагентами — партиями, оппозицией, зарубежными партнерами и т.д., чьи действия могут существенно ограничить средства и методы государственного регулирования кризисов. Например, оппозиция, как правило, чаще всего негативно воспринимает установление режима чрезвычайного положения и ограничения конституционных свобод, что сужает ее возможности воздействия и контроля за властью. Поэтому неадекватный учет ее ответной реакции может способствовать не ослаблению, а усугублению кризиса.

Логика формирования кризисных технологий *оперативного* характера подразумевает: определение типа кризиса — военного, финансового, социально-экономического и др., а также степени его интенсивности, непосредственно стимулирующей деятельность управляющей системы (УС). Характер влияния внешних угроз УС (так или иначе провоцирующих ту или иную степень ее обратной реакции) может быть весьма различным. В частности, такое влияние может выражаться в росте дискомфорта УС или напряженности осуществления ее профессиональной деятельности; в нарастании издержек деятельности УС; в угрозе для функционирования ее отдельных структур или для жизненно важных функций УС; в угрозе целостности УС; в опасности взаимоотношений управляющей системы с обществом или другими (международными) организациями, ставящей под вопрос существование данного режима власти.

В зависимости от установления одного только характера кризисных угроз управляющая система (с учетом дефицита времени) может формировать действия, отвечающие требованиям не столько адекватности, сколько оперативности. Такая ситуация в значительной степени стимулирует управляющую систему к использованию самых разных средств воздействия: от «минимальных» акций, предоставляющих приоритет естественным механизмам саморазвития ситуации, до мер принудитель-

ного (физического и административного) воздействия, предельно сокращающих возможности (особенно легальные) объекта управления угрожать положению и интересам УС, а следовательно, обеспечивающих минимальную страховку от неточно просчитанных последствий решения.

В дальнейшем содержание кризисных технологий увязывается с определением факторов, оказывающих неблагоприятное, конфликтогенное и экстремальное воздействие на ситуацию. Лишь определив их характер, направленность и интенсивность, можно уточнять содержание практических действий УС как на стадиях диагностирования и определения целей, так и на стадии их конкретной реализации.

В этом смысле решающее значение для определения конкретных техник и типов реакций УС на различные виды и фазы развития кризисных ситуаций имеет *целевая* ориентация органов государственного управления. Это означает, что разработка и применение тех или иных приемов и техник будут зависеть от того, что является целью государства: сохранение стабильности в обществе или сокращение издержек управления, сохранение управляемости ситуаций или формирование положительного имиджа в глазах общественного мнения и т. д. На разработку такого рода целей в немалой степени будет влиять и ресурсная обеспеченность управления в конкретной сфере социальных, экономических, международных и прочих отношений.

Кризисный менеджмент в государстве предполагает также известные трансформации, связанные с сокращением времени осуществления действий на различных стадиях и этапах принятия решений в целом. Например, сокращение фазы диагностирования и рассмотрения вариантов действий; выбор альтернативы, более жестко связанный с имеющимися у государства возможностями и ресурсами обеспеченности целей, и т.д.

3. Этапы принятия решений

Подготовительный этап принятия решений

Рациональная трактовка жизненного цикла принятия политических решений дает возможность выделить раз-

личные стадии и этапы процесса целеполагания (хотя на практике стадии формирования государственной политики постоянно пересекаются и накладываются друг на друга, создавая множественные параллельные процессы, в которых не существует четко выделенных причин и следствий, конца и начала действий разных групп управляющих). Однако с *логической* точки зрения любые используемые государством технологии принятия решений строго привязаны к определенным **этапам** дан-

ного процесса, на которых предпринимаются конкретные сущностно значимые управленческие действия, устанавливается соотношение официальных и неофициальных (формальных и неформальных, явных и теневых) механизмов согласования интересов, допускаются те или иные способы административного поведения управляющих¹ и тем самым задается последовательность использования определенных техник и процедур государственного управления.

Обычно в теории процесс принятия решений пытаются дифференцировать с разных точек зрения. Но наиболее простая из них проводится путем выделения четырех основных этапов, позволяющих последовательно снижать неопределенность знаний при выработке целей государственного управления: **подготовительного** этапа, этапа **постановки целей**, этапа **реализации** и **завершающего** этапа.

На подготовительном этапе процесса принятия решений на основе анализа ситуации производится первичная идентификация проблем, вырабатывается так называемая «повестка дня» (перечень наиболее важных вопросов), формулируется содержание проблем, определяются критерии измерения успеха в ее решении и т.д. Анализируя текущую ситуацию, органы власти и управления могут не только признавать наличие проблем и предпринимать дальнейшие действия по их решению, но могут и останавливаться на стадии выработки отношения к ней и затягивания действий по ее реализации. При этом государство может передавать решение проблем с федерального на региональный уровень или даже органам общественности; может заложить в решение задачи общесоциальные или же корпоративные критерии и т.д.

Рассмотрение проблемы, как правило, происходит в рамках *различных* концептуальных и теоретических подходов, позволяющих более многогранно взглянуть на содержание вопроса, уточнить содержание масштабных задач, учесть межгрупповой характер государственных интересов. Ведь, как подчеркивают Л. Планкетт, Г. Хейл, если поменять значения и ценности, то проблема может попросту исчезнуть из поля зрения государства. Такое мультиконцептуальное рассмотрение проблемы позволяет компенсировать характерные для государства издержки диагностики, связанные, к примеру, с дефицитом информации, наличием у управляющих собственных политических убеждений, наконец, просто с элементарными ошибками. Однако при всех вариантах оценки проблемы ее формулировка должна иметь обязательные юридические последствия, быть однозначно понятой, прояснять побочные следствия.

¹ См.: Саймон Г. Административное поведение: Исследование процесса принятия решений в административных органах. М., 1945.

Этап постановки целей

Второй этап, на котором осуществляется выбор решения, концентрирует усилия госорганов вокруг процесса выработки конкретных целей деятельности в рамках ранее сформулированных оценок. При заинтересованности государства в принятии решений по той или иной проблеме оно должно выработать и рассмотреть различные альтернативы, имея в виду возможность «смены тем», т.е. переключения своего внимания на иные (более актуальные и злободневные) проблемы. Выбор цели предполагает сведение проблемной ситуации к определенным, имеющим количественное выражение параметрам деятельности различных государственных структур и институтов.

Формируя цели государственной политики, управленческие органы анализируют и сопоставляют различные альтернативы решения проблемы, моделируя развитие событий по каждому из выбранных вариантов. Как минимум, рассматриваются три альтернативы: *максималистская, безопасная* (нейтральная) и *минимально* возможная. Каждая из них обладает своими «высшими» (выражающими зависимость деятельности государства от ресурсов, информации, времени действий, прошлых обязательств и т.п.) и «низшими» (обусловленными наличием факторов, позволяющих существовать самой проблеме) границами, определение которых и является главной аналитической задачей на данном этапе (Г. Стерлинг).

В сфере государственного управления явно прослеживаются **три типа** проблемных ситуаций и соответствующих задач, в связи с которыми рассматриваются различные альтернативы действий и принимаются решения. Во-первых, это **хорошо структурированные** (стандартные) задачи, которые государственные органы периодически решают, например, в связи с появлением определенных условий (скажем, в связи с подготовкой коммунальных служб к зиме, навигационными мероприятиями, сбором урожая и т.д.). В подобных случаях уже имеются отработанные алгоритмы решения, подкрепляемые богатым прошлым опытом, известными сроками, применяемыми обычно средствами и т.д. Как правило, задачи этого типа достаточно быстро формулируются в цели, содержат разветвленную систему подотчетных действий, компонентов сформулированных и готовых к реализации целей.

К другому типу задач относятся задачи **слабо структурируемые**, отражающие высокую степень неопределенности и страдающие серьезным дефицитом информации. И наконец, задачи третьего типа — это **неструктурируемые** задачи, которые обладают информационной закрытостью для управляющих и при оценке которых зачастую вообще отсутствуют критерии осуществления каких-либо позитивно окрашенных действий. Необходимые компоненты решения плохо описываются количественно и проявляются лишь по мере развития ситуации. Таким

образом, решение этих задач требует творческих подходов, предполагающих разрушение существующих стереотипов и пересмотр ранее известных приемов целеполагания. В результате эффективность принимаемых в связи с такими ситуациями решений может быть основательно снижена.

Важнейшим средством решения неструктурированных задач является применение разнообразных аналитических методик, помогающих вычленив цели, определить критерии успеха, нащупать связи между переменными, дать качественную и количественную характеристику ситуации. Как полагает Э. Квейд, подобные методики за счет определения элементов проблемы, о которых существует достаточная информация, могут уменьшить сложность проблемы до управляемых пропорций, а также исключить из анализа наиболее слабые альтернативы и даже рекомендовать варианты действий, приемлемые для всех заинтересованных сторон, даже если они не полностью удовлетворяют их интересам ¹.

Способом уточнения возможностей государства в решении задач всех указанных типов является формулировка *подцелей*, призванных дифференцировать программу действий государства в связи с конкретными групповыми и индивидуальными исполнителями, снять противоречия между краткосрочными и долгосрочными установками и заложить основы для формирования соответствующих организационных структур.

В конечном счете на этапе постановки целей необходимо выбрать наиболее предпочтительную модель будущих действий путем сопоставления ее основных параметров с параметрами других моделей, оценки ожидаемого эффекта от предполагаемых действий. Выбор одной альтернативы позволяет сформулировать конечные цели, а также выявить главные (прогнозируемые и непрогнозируемые, управляемые и неуправляемые) факторы, способные повлиять на динамику событий как извне, так и внутри государства.

При этом государственные органы вынуждены ориентироваться на конечный результат, а потому ставить не столько оптимальные, сколько реально достижимые цели, ориентироваться на осуществимые в действительности программы. Лица, управляющие государством, просто вынуждены чураться бесплодных фантазий, учитывать реалии дня, стремиться рационально расходовать ограниченные ресурсы и при всем том принимать во внимание возможность возникновения непредвиденных ситуаций. Важным критерием формулировки целей является предотвращение дополнительных проблем и противоречий, которые могут проистекать из принятого решения. Управляющие должны действовать так, чтобы удачное в той или иной сфере решение не вызвало разрастания

¹ Quade E. S. Analysis for Public Decision. N.Y., 1982. P. 5.

конфликтов в смежных областях и не увеличило груз проблем, лежащих на плечах государства.

Достижение подобных целей в немалой степени зависит от доминирующих при выборе решений *методов*. Спектр применяемых в государственном управлении методов весьма широк: от интуитивных до формально-рационализированных, основанных на применении математических моделей. Их выбор и использование зависят: от состояния ЛПР, от ситуации, от стратегических приоритетов и ряда других условий. Например, сориентированные на удержание власти лидеры могут предпочитать инкрементальные (см. далее) методы достижения цели и предполагающие сравнительно небольшие изменения в проблемной ситуации. Так, элиты, борющиеся за власть, могут исходить из принципа «чем хуже — тем лучше» и провоцировать применение авантюрных способов, увеличивающих риски развития. В то же время эксперты могут ограничиваться сугубо технократическими подходами, противоречащими интуиции и опыту политического руководства.

В целом же все многообразие методов, используемых при принятии решений, можно было бы свести к шести классам:

- интуитивные, выражающие доминирование неотрефлексированных, чувственных, гипотетических соображений субъекта;
- методы прецедента, ориентирующие субъекта на механическое воспроизведение приемов (и средств) прошлой деятельности, осуществленной в подобной или внешне схожей ситуации;
- рациональные (научные), математические методы, основанные на применении норм «правильного» (идеализированно интерпретирующего действительность) мышления для анализа ситуации. В данном случае можно говорить о широкой совокупности стоимостных методов «затрат и выгод», «затрат и результативности», «опережающего исследования», «исследования рынка и настроений» и т.д.;
- инкрементальные методы, предполагающие незначительные изменения ситуации, не затрагивающие ее системных и фундаментальных черт;
- смешанные (смешанно-сканирующие методы), использующие общетеоретические подходы социального (политического) анализа в качестве основы для детального эмпирического исследования конкретной проблемной ситуации;
- экспериментальные методы, предполагающие искусственное моделирование проблемной ситуации и соответствующих ей методов деятельности.

К факторам, ограничивающим возможности государства формировать адекватную ситуации систему целей, можно отнести: недоверие

ность и недостаточность информации о проблемной ситуации; ценностные, психологические и другие субъективные противоречивые свойства ЛПР (нелегитимность, нежелание рисковать или, напротив, авантюрный стиль руководства и т.д.); ситуационные условия (дефицит времени для принятия решений или ресурсов, ограничивающий возможности субъектов, непросчитываемость обстоятельств, отсутствие очевидных факторов, влияющих на динамику ситуации, и т.п.); организационные условия (узость ведомственных правил, неготовность организационных структур к принятию решений, формально-бюрократическое отношение аппарата к поставленным целям и т.д.).

Этап реализации целей и завершающий этап

Принятое решение — это лишь *возможность* успешного достижения цели, поэтому выбор целей является

предпосылкой для существования третьего этапа, сущность которого и составляет реализация государством соответствующих решений. Ключевая особенность данного этапа заключается в расширении числа участников управленческого цикла за счет привлечения управляемых и включения механизмов обратной связи. Ведь в государстве, как правило, выполнение решений осуществляется не только и даже не столько теми людьми, которые принимают решение. Следовательно, и уровень заинтересованности и ответственности у людей относительно реализации целей весьма и весьма различен. Более того, в государстве нередко действуют силы, стремящиеся специально подорвать реализацию принятых решений. Поэтому реализация решений одновременно представляет собой и *продвижение* решений в конкретной социально-политической среде.

Содержание технологий целеполагания на данном этапе, как правило, определяется действием *принципов* директивности (предполагающим облечение решений в повелительно-рекомендательную форму), адресности (обращенностью решений к определенным слоям, структурам и организациям), законности, институционализации контроля за процессом реализации принятых решений, непротиворечивости требований со стороны власти, бесперебойной информированности центров принятия решений о следствиях и характере реализации целей и т.д. Все это дает возможность государству оперативно производить оценку сведений на основе выработанных критериев ожидаемого успеха, с точки зрения интересов государственной власти в целом (или же организации, ведомства), путем сопоставления целей и результатов своей деятельности, за счет корректировки (по необходимости) собственных действий.

Усложнение технологических приемов зависит и от *характера контр-агентов* государства, в качестве которых могут выступать как все обще-

ство (население страны), так и отдельные государственные структуры, другие государства и организации. Связь государства с такими объектами управления может быть весьма различной, а потому применяемые технологии должны быть предельно гибкими, ориентироваться на институты, дающие преимущества в реализации целей, избегать использования явно дисфункциональных методов, применения полумер и т. д. В целом же они могут быть построены на использовании насилия (и даже террора), средств правового урегулирования, техник логроллинга (торга, компромиссов, сделок), манипулирования, убеждения и т. д.

Многообразие стоящих перед государством задач обуславливает выделение внутри данного этапа *двух* внутренних подэтапов, каждый из которых предполагает использование специфических технологий: подэтап *подготовки реализации целей*, который включает в себя анализ плана действий, поиск и нахождение ресурсов для реализации задач и ряд других мероприятий; и подэтап *оперативного управления реализацией целей*, предусматривающий мотивацию субъектов, принятие так называемых «вторичных решений» (т.е. решений, уточненных в связи с развитием ситуации), коррекцию данного процесса, контроль за использованием ресурсов и поведением чиновников и т. п.

В силу того что усиление директивных подсистем государственно-го управления увеличивает роль и влияние исполнительных органов, возрастает и значение технологий, обеспечивающих правовое и законодательное регулирование деятельности. При этом особую сложность составляет контроль за их применением в тех областях общественной жизни, где государство обладает монополией на предоставляемые населению услуги. В то же время структуры отдельных министерств и ведомств не дают возможности установить индивидуальную ответственность за реализацию принятых решений. Существенное значение имеют и организационные условия повышения эффективности реализации решений: для того чтобы решение состоялось (т.е. чтобы были в срок выполнены запланированные действия), необходимо максимально приблизить органы управляющего Центра к месту событий, предельно децентрализовать систему управления, одновременно повысив самостоятельность ее низовых структур, и т. д.

Завершающий этап включает в себя три задачи: определение эффективности достигнутых результатов (например, на основании сравнения результатов с планами, предыдущими состояниями объекта, затраченных ресурсов и т. д.); комплексную оценку действий управленческих органов по решению той или иной задачи; распространение положительного и отрицательного опыта деятельности конкретных органов власти и управления.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

1. Информационные технологии в принятии политических решений

Информационно-коммуникативные субсистемы

Информационные технологии занимают особое место в политике. Означая различные способы передачи знаний, необходимых для осуществления многообразных ролей и функций политических акторов, они обретают специфическую роль во всех базовых политических процессах. Причем на фоне становления информационного общества роль и значение этого типа технологий неизменно повышаются.

Основанием для характеристики информационных технологий выступает тот факт, что все политические процессы неразрывно связаны с формированием особых информационных потоков, специфическими способами общения акторов (выступающих в роли коммуникаторов и реципиентов), а также другими параметрами их информационного поведения. Обретая устойчивость и закрепляясь в институциональных формах, все эти формы общения образуют так называемые *информационно-коммуникативные субсистемы*, складывающиеся в различных уголках политической сферы. В качестве таких информационных субсистем чаще всего выделяются: принятие решений, проведение избирательных кампаний, урегулирование политических конфликтов и кризисов, формирование политических коммуникаций.

Как отмечалось ранее, принятие решений является одним из базовых политических процессов. В то же время все это широчайшее поле политического взаимодействия можно условно разделить на функциональные зоны, которые предполагают использование специфических информационных технологий. В этой связи можно говорить об информационных технологиях, обеспечивающих **внутренние** и **внешние для государства** механизмы принятия и реализации решений. Другими словами, если в первом случае речь идет о технологиях обработки (перемещения, хранения, защиты) информации и поддержания контактов, связанных с обеспечением деятельности политико-административных структур внутри аппарата госуправления, то во втором случае следует говорить о тех способах информационного взаимодействия, которые используются на **внешнем** для государства информационном рынке и где властные институты обладают значительно меньшими возможностями для продвижения своих решений.

Коротко говоря, выделение «внутренней» и «внешней» информационно-коммуникативных подсистем показывает специфику информационно-коммуникативных связей, возникающих с целью решения государством двух разного типа задач — выработки и реализации решений. Одновременно оно демонстрирует те специфические приемы и способы информирования и коммуницирования, которые присущи отдельным субъектам, фазам и этапам развертывания этого процесса.

Информационные технологии выработки и принятия решений

«Внутренняя» информационно-коммуникативная подсистема раскрывает ту модель государственного управления, которая предполагает формиро-

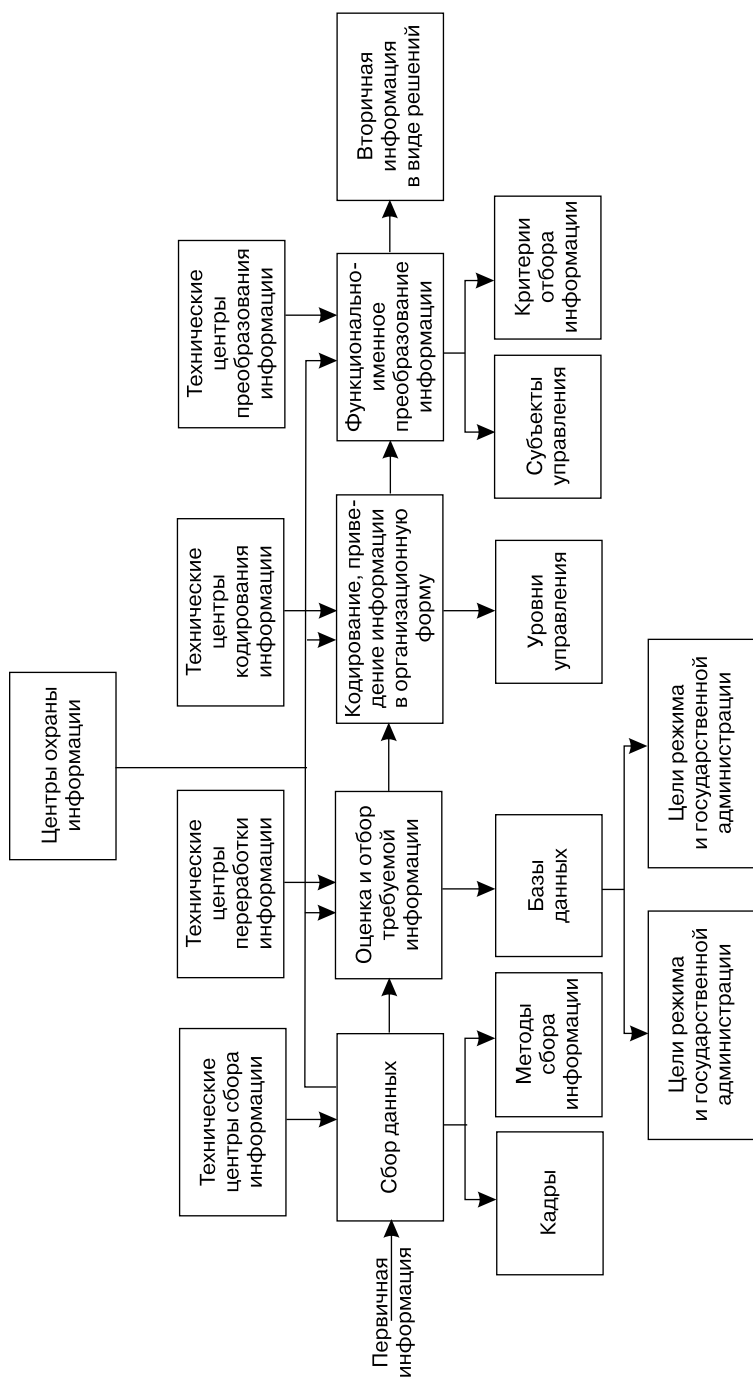
вание и обращение специализированной, функционально направленной информации. Используемые здесь информационные технологии непосредственно определяются соответствующими этапами информационно-управленческого цикла, каждый из которых задает соответствующим акторам свои специфические задачи. В целом эти взаимодействия можно представить следующим образом (схема 4).

В целом на этой схеме показана последовательность действий коммуникаторов и реципиентов от момента возникновения информации до ее воплощения в управленческом решении (т. е. возникновения вновь созданной, «вторичной» информации), что позволяет учитывать динамику различных параметров информационных сообщений (полноты знаний, их адекватности, доступности и др.). Каждый из выделенных этапов предъявляет собственные требования к содержанию и характеру обращения информации, а также качеству коммуникаций между субъектами управления.

Так, на начальном **этапе ввода первичной информации**, которая может поступать как извне, так и изнутри системы управления, применяемые информационные технологии связаны в основном с **регистрацией** сведений, мнений, сообщений и иных сигналов о сложившейся или только еще складывающейся проблемной ситуации. Данные технологии предполагают максимизацию сбора (формальных и неформальных, массовых и специальных, использованных ранее или вновь получаемых) данных о разнообразных социальных проблемах. Это объясняется тем, что после сбора сведений сохраняется возможность либо для выработки оперативных решений, либо для дальнейшего осмысления проблемы (в таком случае собранные данные сохраняются для использования их в другое время).

Учитывая возможность непрогнозируемого развития событий, а следовательно, и появления потребности в самой неординарной информации, которой ранее не придавалось значения, все используемые здесь технологии направлены на механический «забор» сообщений, насыще-

Информационно-коммуникативная система принятия решений

ние управленческой системы сведениями «про запас». И это не случайно, ибо ограниченность информационного поля прямо пропорциональна нарастанию гипотетичности управления. Как показал автор теории ошибок Дж. фон Нейман, возможность существования надежной управляющей системы из ненадежных компонентов появляется только в том случае, если будет обеспечен необходимый избыток информации. Поэтому политические акторы (в виде институтов государства) должны избегать такой централизации сбора информации, которая ограничила бы источники сбора сведений или при которой избыточность информации снизила бы ее достоверность (К. Минтсберг).

Для увеличения сбора информации государство обладает весьма широкими возможностями. Как правило, политико-управленческие структуры имеют возможность получать сведения о той или иной проблеме из различных источников: органов государственной статистики, по линии спецслужб, из специализированных академических центров и др. Этот информационный плюрализм характеризует особый статус органов государственного управления. Благодаря привлечению различных групп экспертов (в том числе связанных даже с нетрадиционными средствами изъятия информации, например, парапсихологами, экстрасенсами и т.п.), органы управления могут постоянно пересматривать ситуацию под разными углами зрения, получая таким образом возможность разработки самых неординарных подходов к выработке решения. Наиболее существенной проблемой, стоящей на этом этапе, является борьба с *дезинформацией*. Отсечение ложных данных, суждений, оценок и иных сообщений должно оберегать управленческие органы от негативных последствий неверно оцениваемых проблем.

Принципиально важным фактором, влияющим на содержание информационных технологий, является качество *кадров*, занятых сбором сведений. Ведь идеологическая ангажированность, субъективизм или попросту служебная невнимательность (например, неумение проверять и сопоставлять полученные сведения) могут иметь весьма тяжкие последствия для структур принятия решений. Причем это касается как технических служащих, так и политиков и высших администраторов, чьи пристрастия могут существенно повлиять на сбор данных, сделать его односторонним, игнорирующим хотя и очевидные, но не вписывающиеся в их цели и предпочтения факты.

Весьма значительными факторами, прежде всего с точки зрения правовых последствий для государственных органов, являются поиск и дальнейшее использование информации, полученной либо из конфиденциальных источников, либо незаконным путем. Ведь даже имея самое существенное значение, такая информация в ряде случаев не может быть использована для принятия решений, предполагающих правовые последствия.

На качество информационных технологий серьезное влияние оказывают и методики сбора данных, например, конкретные социологические исследования, социальные эксперименты, вероятностно-статистические процедуры и т.п., а также технические средства, в частности методы ручного, автоматизированного учета, электронные средства и т.д. В немалой степени именно от этих факторов зависит возможность семантической (знаково-языковой) унификации сведений, а также взаимосвязь качественной обработки данных с максимальной экономией времени на их получение.

На следующем этапе — **оценки и отбора информации** — информационные технологии определяются задачами преобразования сведений, направленными на их упорядочивание, усиление достоверности и снижение неопределенности полученных знаний. По своей сути — это способы и процедуры **свертывания** информации, т.е. избирательного вычленения каких-то определенных сведений и специфического анализа.

В основном критерии оценки и отбора информации регулируются здесь двумя факторами: *идеологическими и стратегическими* установками субъектов управления (по-своему интерпретирующими общегосударственные задачи), а также неформальными пристрастиями лиц, участвующих в процессе принятия решений. Используемые здесь информационные технологии формируются не только в связи с функциональными задачами, но и под давлением разнообразных групп интересов и иных субъектов, не институализированных в государственно-административной сфере, но тем не менее стремящихся принять участие в оценке и переоценке управленческой информации. Эта внешняя, внесистемная «интервенция» социальных акторов способна существенно трансформировать официальные оценки общественных процессов, определить содержание проблемы, требующей вмешательства со стороны государства.

Как показывает практика, на данном этапе информационные технологии испытывают влияние различных неписаных законов, стереотипов, традиций, предрассудков и иных стандартов мышления, сложившихся как в аппарате власти и управления, так и в обществе. Особенно сильно их влияние на сознание тех работников управления, которые пытаются сохранить или упрочить свое положение в данной системе.

Под воздействием формальных и неформальных позиций политические лидеры или административные служащие могут не только сознательно подбирать, но и уничтожать определенные данные, свидетельствующие о наличии той или иной социальной проблемы государственного масштаба. Известно, например, что В. И. Ленин в своих записках наркому юстиции Д. И. Курскому в 1918 г. ставил вопрос о тайном, без всякой общественной огласки и принятия правительством официального решения, уничтожении правовой базы рыночной экономики, т.е.

тех бумаг, которые юридически удостоверяли частную собственность граждан на землю, предприятия, недвижимость.

Таким образом, информационные технологии формируются в зоне противоречий между потребностью в повышении достоверности информации и нарастанием факторов ее субъективного прочтения. В этом смысле коммуникативное содержание технологий как бы начинает доминировать над информационным.

Технологии функционального преобразования информации и принятия решений

Дальнейший этап усложнения информационно-коммуникативных связей предполагает использование информационных технологий, придающих сооб-

щениям организационную форму, соответствующую профилю деятельности различных органов государственного управления и характеру их взаимодействия с другими политическими субъектами. Иначе говоря, на данном этапе повышается уровень специализации информационных технологий, за счет которых осуществляется **кодирование** сообщений, т.е. такое их преобразование, которое дает возможность структурам госуправления не только осуществлять собственные функции, но и соответственно мотивировать действия своих контрагентов и потребителей информации. Прежде всего, применение таких технологий позволяет формировать базы данных, которые необходимы для функционирования различных структур государственного управления (тех или иных министерств, ведомств, подразделений) и не создают дефицита их делового общения.

Существенной особенностью применения информационных технологий на данном этапе служит возникновение различий между базами данных, используемых разными государственными органами, например, спецслужбами, министерствами, курирующими секретные производства, и органами управления гражданскими отраслями. В связи с повышением уровня конкуренции между потребителями информации существенное значение приобретает и проблема охраны ведомственных сведений, в том числе защиты сведений, составляющих государственную или служебную тайну.

Одной из проблем применения информационных технологий является состыковка вновь поступающей информации с прежними системами хранения сведений, скажем, информации, собранной на электронных и бумажных носителях. Например, в нашей стране действуют различные системы классификации и кодирования служебной информации: единая система классификации и кодирования (ЕСКК), в которой обозначены главные правила и порядок переработки экономико-технической информации; локальные (территориальные; местные) и межгосударственные системы типа Совета руководителей государственных информационных агентств СНГ, системы управления выборами в государ-

ственные органы власти или управления отдельными отраслями народного хозяйства. Используя в основном электронные носители информации, они испытывают определенные трудности из-за разницы в технической оснащенности информационных сетей, используемых на нижних этажах государственного управления и в Центре.

Логическим продолжением данного этапа является *согласование* организационно упорядоченной информации с позициями акторов (политиками, руководителями министерств, отделов, управлений и т. п.), решающих разные управленческие задачи. В этом случае информационные технологии должны обеспечивать содержательное соответствие информации и коммуникаций структуре конкретной организации — ее звеньев и отдельных членов, выполняющих те или иные функции в системе управления государством. В силу этого для технологий резко возрастает значение адресности, достоверности и доступности сообщений, согласованности сроков подачи информации с временем выполнения субъектом служебных обязанностей, специализированного характера сведений, поступающих к актору, их практической полезности. Применение неверно выбранных приемов информирования ведет к путанице адресов служебной информации, смешению каналов ее распространения и в конечном счете к дезинтеграции системы управления.

На этом этапе разработка технологий связана с еще одной селекцией информации. Имеются в виду решения чиновников, самостоятельно выбирающих, какая информация будет использована ими лично, а какая передана начальству, будет ли что-то «положено в ящик» или послано дальше, пойдет ли информация по неофициальным или официальным каналам. Кроме того, эти соединения связаны с многократными переходами от субъекта к субъекту уровня на уровень, по вертикали и горизонтали, с изменением смысловых оттенков и семантической формы (докладные записки, проекты, законы, устные жалобы и т. п.).

Применение информационных технологий на этом этапе серьезно ставит и собственно коммуникативные проблемы. Например, насколько адекватно субъект трактует служебную информацию; как без смысловых потерь передать сведения с верхнего уровня управления на нижний или в противоположном направлении; насколько плотно можно осуществлять запись служебной информации на бумажных или электронных носителях и т. д. Для высших государственных деятелей большой проблемой являются также их информационные перегрузки. Чаще всего селекцию направляемой им информации осуществляет не само ответственное лицо, а его помощники. Это, в свою очередь, может приводить к дезинформации и даже манипулированию руководителем, а в известной степени и органом государства.

Из-за сложного организационного строения органов государственного управления серьезно стоит и проблема устранения *шумов* (иска-

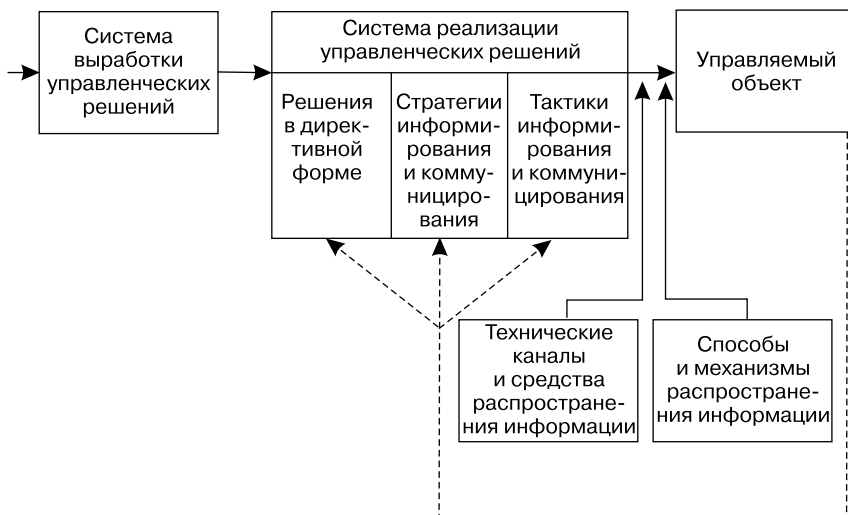
жений информации), возникающих, как правило, при контактах структур разного уровня. Электронные средства нередко позволяют сгладить различия структурных звеньев, перейти на прямые контакты руководителей и служащих. Однако процедуры согласования, регламент, статусные противоречия затрудняют такое движение информации. И даже взаимная заинтересованность различных акторов в информации часто не упрощает такие информационные обмены (к примеру, не создает узаконенной возможности использования одним министерством банка данных другого органа государства; не может до конца легализовать справочную электронную информацию, используемую официальными органами, и т.д.).

Важно видеть и то, что на данном этапе информационные технологии преодолевают различные — географические, ведомственные, иерархические, языковые, статусные и др. — барьеры. Тем самым при их применении необходимо учитывать специфику не только социальных сфер государственного урегулирования и характер решаемой проблемы (глобальный, общесоциальный, ведомственный и т.п.), но и пространственные аспекты отношений начальников—подчиненных, взаимодействие формальных и неформальных отношений служащих, а также многие другие моменты, препятствующие адекватной трансляции сообщений. Кроме того, крайне важна в данном случае скорость передачи и формализации сообщений. Речь, прежде всего, идет о своевременном или запоздалом получении сообщений ответственными руководителями. Вместе с тем чрезмерно быстрая формализация сведений может иногда исключать таких лиц из процесса принятия решений.

Завершающим и одновременно центральным этапом информационно-управленческого цикла является этап **придания информации формы государственного решения**. Применяемые на данном этапе информационные технологии должны обеспечить официальной информации свойства директивности, правомочности или, говоря иначе, создать новую информацию, венчающую процесс обращения исходных сведений.

Перед окончательным принятием решения, когда резко возрастает значение каждого слова, попавшего в итоговые документы государственных органов, на первый план выступают технологии процедурного свойства. Именно они помогают отсеивать и формализовать итоговую информацию на основе сведения воедино экспертных оценок, мнений министров, особых совещаний, комитетов, позиций лидеров и высших администраторов, а также других лиц и структур, участвовавших в подготовке официальных документов. Эти процедуры, предусматривающие многократные согласования интересов, визирования и т.д., определяют роль и меру ответственности различных структур и органов, одним из которых предстоит озвучивать сформулированные цели от лица государства, другим — исполнять и соисполнять принятые решения.

Информационно-коммуникативная система реализации реше ний

Именно на этой стадии, по мысли Р.Дентона и Дж. Вудворта, технологии ярко проявляют наиболее существенные, но нередко скрывающиеся фазами управления свойства и цели информации, а именно — влияние на аудиторию. Технологии информационного менеджмента призваны корректировать, но не определять содержание выдвигаемых государством целей.

Особенности информационных технологий, применяемых на политическом рынке

Информационные технологии, применяемые для того, чтобы обеспечить выполнение уже сформированных решений, определяются в связи с другими задачами. В целом их содержание обуславливается теми этапами, которые изображены на схеме 5.

Сложность применяемых здесь информационных технологий определяется тем, что государство, будучи *одним* из агентов информационного рынка, не обладает исключительными правами ни в вопросах выработки отношения общественности к поставленным целям, ни в деле формирования собственного имиджа в общественном мнении, ни в контроле за распространением собственных сообщений. Информационные технологии усложняются одновременно и за счет возникновения обратных связей, в которых коммуникатор и реципиент начинают меняться местами. Такое положение побуждает к формированию интерактивных

коммуникативных сетей и доминированию уже не монологических, а диалогических информационных связей. Это означает, что государство, выходя на внешний информационный рынок, должно постоянно совершенствовать свои действия, учитывать особенности своих контрагентов и состояние культурной среды, уметь адекватно и оперативно реагировать на изменение духовной ситуации. При этом надо учитывать, что у государства могут меняться его контрагенты, в качестве которых могут выступать **общественное мнение** (когда правительство, например, ставит задачу проинформировать общественность о своем отношении к той или иной социальной проблеме); **управленческие структуры** (при распределении необходимых для госучреждений ресурсов, назначении руководителей); **зарубежное общественное мнение; международные организации** и т.д. Вот почему «проблема с большей частью правительственной информации, — пишут Г. Саймон, Д. Смитбург и В. Томсон, — заключается в том, чтобы она попала по назначению и не была использована нежелательным образом»¹.

Однако при любом из вариантов государство, вырабатывая свои информационные технологии, каждый раз должно отыскивать наиболее эффективные способы распространения информации (в том числе и соответствующие технические средства), конкурировать с информационными потоками, специально организованными — например оппозицией — для снижения эффективности его решений, вести борьбу за сохранение своих преимуществ в политическом рекламировании, способствовать распространению специализированной информации. Однако если выбранная линия информационного поведения властей постоянно сужает уровень политической информированности населения или же направлена на снижение качества такой информации, то эти меры будут последовательно снижать демократический потенциал политической системы.

Стратегии поведения государства на информационном рынке

Первостепенным фактором, от которого зависит содержание информационных технологий, являются стратегии и тактики поведения государства

на информационном рынке. В качестве основных можно было бы назвать следующие установки, накладывающие качественные ограничения на его информационное поведение и направляющие деятельность всех его органов и звеньев управления:

- инициация массовой поддержки населением поставленных государством целей и мобилизация широких социальных слоев на их реализацию (стратегия «побуждения»);

¹ Саймон Г., Смитбург Д., Томсон В. Менеджмент в организациях. М., 1995. С. 192.

- информирование общества о собственной позиции, принятом по тому или иному вопросу решении, но без активизации усилий по его выполнению (стратегия «поддержания коммуникации с общественностью»);
- распространение указаний подчиненным низовым структурам и органам управления для реализации решений, имеющих служебный характер («ролевая» стратегия);
- контроль за реализацией принятых и уже осуществляемых решений (стратегия «контроля»);
- координация активности государственных, политических и общественных организаций и объединений при обсуждении тех или иных социальных проблем (стратегия «поддержания баланса сил»);
- создание положительного имиджа политического режима и типа правления (включающая критику оппозиции стратегия «конструирования имиджа»);
- отвлечение общественного мнения от обсуждения невыгодных режиму социальных проблем («отвлекающая стратегия»).

На практике в деятельности государства информационные стратегии сами по себе и связанные с ними технические задачи могут в тех или иных сочетаниях накладываться друг на друга, усложняя проблемы, стоящие перед органами управления. В нестабильных же, критических для режима условиях, как правило, формируются иные стратегические намерения (например, предполагающие информационное обеспечение борьбы с внешним врагом и т. д.).

Другими, не менее важными факторами, определяющими содержание информационных технологий, являются те типы информационно-коммуникативных действий, которые раскрывают характер отношений государства и общественности. Такого рода типы информирования и коммуницирования выходят за рамки системы принятия решений и носят более общий для политической сферы характер. По этой причине рассмотрим их несколько подробнее.

2. Технологии агитационно-пропагандистского и маркетингового типа

Информационные технологии агитационно-пропагандистского типа

Информационные технологии агитационно-пропагандистского типа носят **односторонний** характер (без расчета на отклик реципиента) и в целом направлены **на контроль** за сознанием и поведением людей. Применяемые при этом приемы и техники информирования и коммуницирова-

Информационные технологии агитационно-пропагандистского типа носят **односторонний** характер (без расчета на отклик реципиента) и в целом направлены **на контроль** за сознанием и поведением людей. Применяемые при этом приемы и техники информирования и коммуницирова-

ния с общественным мнением в конечном счете ориентированы на сознательное конструирование как политических реакций, так и запросов населения. В этом смысле наиболее типичными способами и приемами информирования, соответствующими таким целям и характеру агитации и пропаганды, являются **дезинформация** и **фальсификация сведений**, а также **манипулирование сознанием реципиентов**.

Термин «дезинформация» был введен высшим командованием немецкой армии в годы Первой мировой войны для обозначения той части полевой тактики работы с противником, целью которой было введение его в заблуждение. Эта тактика подразумевала прямой обман противника, использование лжи, клеветы, полуправды, скрывающих подчас не только подлинное содержание явлений и фактов, но и само их существование.

Политическая история дала множественные примеры использования дезинформации не только как частичной технологии, но и как масштабного информационного курса государства, обеспечивающего осуществление крупных политических целей. Например, система сознательно сфабрикованных и целенаправленно распространяемых ложных сообщений прикрывала начало военных действий нацистов против СССР способствовала разгрому высшего военного командования в нашей стране перед Второй мировой войной и т. д. В настоящее время подобные приемы широко используются не только в сфере межгосударственных отношений (в частности, для прикрытия подлинных целей тех или иных стран), но и на внутреннем политическом рынке (в виде лживых сообщений о намерениях и целях конкурентов, в том числе и несуществующих; в форме сокрытия сведений о свершившихся событиях; в виде тенденциозной оценки и пристрастного комментирования фактов, скрывающего их суть, и т. д.). В этом смысле самой изощренной технологией дезинформирования является частичное, дозированное использование правдивой информации, позволяющее представить событие в нужном, но искаженном свете.

Дезинформация может выступать составной частью **манипулятивных** технологий как особого вида информационного воздействия, направленного на сокрытие коммуникатором собственных целей, но при этом возбуждающего у реципиента намерения, совпадающего не с его собственными желаниями, а с интересами данного коммуникатора. Иными словами, манипулирование — это тип скрытого, неявного информирования и программирования намерений реципиента, построенный на игнорировании его воли и относящийся к нему как к средству, орудию исполнения чуждых ему интересов.

В зависимости от целей тщательно скрываемого управления мышлением и поведением контрагента выбираются и соответствующие информационные приемы. Например, это отрывочное и выборочное информирование (когда реципиенту дается неполная информация о событиях) или же так называемый «вал информации», не позволяющий

человеку под воздействием массы сведений, «сминающих» его ориентиры и ввергающих его в состояние растерянности, отличить существенное от несущественного. К наиболее показательным приемам манипулирования можно отнести и клиширование информации, т. е. использование готовых образов, значений и стереотипов, не требующих смысловой обработки и потому вызывающих однозначно программируемую реакцию человека, снижающую порог критически воспринимаемой информации. Например, в советское время негативным значением обладали образы капитализма, частной собственности, а позитивными — социализм, с которым ассоциировался целый набор положительных качеств и моментов: мир, стабильность, ясность мировоззрения и т. д. Такие клишированные образы, тяготеющие к черно-белому изображению мира политики, часто используют для разжигания социальной, национальной и религиозной розни между людьми.

Наиболее характерными и широко используемыми приемами и техниками манипулятивного типа являются «навешивание ярлыков», т. е. присваивание отдельным лицам или их действиям однозначно позитивных или негативных оценок; использование «двойных стандартов» при оценке действий союзников и противников; «ложная аналогия», когда сравниваются два по сути разных, но внешне похожих явления, и др. Для манипулятивных технологий характерны также отказ от развернутой аргументации и подмена ее техникой психологического внушения. В этот информационный арсенал входят акции, воздействующие на болевые социальные точки, например, традиции конфронтации между различными группами населения, подозрения в искренности властей или союзников и т. д. Такие акции произвольно вызывают у людей страх, тревогу, ненависть. Весьма распространена и диффамация, т. е. предание гласности порочащих кого-либо сведений; «игра цифрами», предполагающая комбинирование статистических данных и способная «обосновать» выводы, прямо противоречащие существующим реалиям.

Агитационно-пропагандистские формы и технологии информирования и коммуницирования, как правило, неразрывно связаны с провоцированием политических скандалов, проведением информационных и психологических войн, осуществлением информационного террора, направленных на нанесение непоправимого ущерба интересам и общественной репутации конкурентов, а также на их полную дискредитацию и вытеснение с политического рынка.

Технологии паблик рилейшнз (ПР)

Технологии паблик рилейшнз (ПР) представляют собой систему информационно-аналитических действий, принципом которых является обеспечение реализации политических целей на основе честного и уважительного отношения к реципиенту.

Поэтому, несмотря на то что в рамках ПР могут частично использоваться отдельные приемы, более характерные для агитации и пропаганды, в целом эти технологии нацелены на принципиальный отказ от обмана и фальсификации фактов и предполагают наличие обратных связей реципиента с коммуникатором.

Благодаря такой принципиальной направленности, технологии ПР нацелены на всестороннее разъяснение реципиентам существующих политических проблем, на создание положительного в их глазах образа коммуникатора, на обеспечение благоприятной общественной атмосферы для реализации предусмотренных действий, а также на завоевание и сохранение высокого авторитета Центра принятия решений. В конечном счете, такая линия поведения на информационном рынке ведет к формированию у людей устойчивой заинтересованности в политических знаниях, побуждает их к сознательным действиям. Таким образом, между коммуникаторами и реципиентами устраняются многие преграды, в результате рядовые граждане активно и последовательно приобщаются к политическому процессу, вовлекаются в принятие и осуществление решений.

Эти основополагающие задачи предопределяют и соответствующие принципы ПР, к которым относятся:

- открытость информации;
- взаимная выгода коммуникатора и реципиента;
- опора на общественное мнение; уважительное отношение к общественности.

Такая ориентация информационной деятельности показывает, что разделяющие данные принципы коммуникаторы по сути дела обращаются не просто к потребителю информации, а к личности, обладающей собственным взглядом на мир и политику. В силу такой установки все действующие в рамках ПР политические субъекты не жалеют времени на выяснение позиций общественности, постоянно ведут анализ своей деловой активности. Это предполагает четкую дифференциацию ролей и позиций лиц, планирующих информационные действия государства, партий или движений и направленных на учет коммуникативных особенностей различных сегментов общественности, интересов партнеров, конкурентов, клиентов и др.

Применяемые сегодня на политическом рынке технологии исторически выкристаллизовывались в сфере действия крупного бизнеса. Отцом-основателем ПР как специфической линии поведения на информационном рынке можно считать американца А. Ли, который в начале XX в., будучи независимым экспертом по коммуникациям, указывал на необходимость учета интересов общественности и правдивой информации как условия успешного функционирования бизнеса. В то же время массовый переход к такому типу построения коммуникативных отноше-

ний с потребителями информации стал складываться только после Второй мировой войны и прежде всего касался выстраивания новых отношений с прессой. В 1950-х гг. руководители корпораций и государственных органов стали уделять больше внимания объяснению своих замыслов потребителям и населению, стремиться давать людям ответы на поставленные ими вопросы, обосновывать свои стремления и встраивать их в определенную систему философских и культурных значений. В 1970-х гг. ПР-технологии начали вносить новые элементы в развитие мировой экономической ситуации и проведение межгосударственной политики. В 1990-х гг. ПР стала интенсивно перестраиваться в связи с интенсивным техническим развитием СМИ, компьютеризацией, расширением мировой сети (Интернет). За счет этого массовая информация превратилась в важнейшее «стратегическое и политическое сырье» общества (К. Матрикон), универсальный источник его энергии и развития.

Историческая эволюция ПР выявила ряд относительно самостоятельных направлений, каждое из которых обладает собственным технологическим обеспечением. В частности, ПР-технологии различаются в зависимости от того, какие задачи они выполняют. Эти задачи весьма разнообразны: обслуживание связей коммуникатора с государственными и общественными организациями (*public affairs*), создание благоприятного образа личности (*image making*), построение отношений со СМИ (*media relations*), управление процессом восприятия аудиторией и сообщениями (*message management*), работа с кадрами, персоналом информационных центров (*employee communications*), общественная экспертиза (*public involvement*), поддержание взаимоотношений с инвесторами (*investor relations*), проведение презентационных мероприятий: конкурсов, лотерей и др. (*special events*), управление кризисными ситуациями (*crisis management*) и т.д.¹

Каждое из этих направлений ПР представляет собой определенную систему управления информацией, связанную с теми или иными способами производства новостей, привлечения внимания аудитории, интерпретации кризисов, с рассмотрением каждого информационного проекта с учетом его специфических черт, с трансформацией шаблонных технологий в нестандартные и творческие и т.д. Эти направления ориентируются на конструирование духовной и политической среды коммуникации. В целом такая коммуникативная инженерия выражает стремление политических коммуникаторов не навязывать людям те или иные позиции, а завоевывать, покорять их сознание идейными методами. В таком случае информационные технологии превращаются в инструмент демократизации общества, с помощью которого должно достигаться согласие, устанавливаться консенсус между властью и обществом.

¹ См.: Чумиков А. Н. Креативные технологии публик рилейнз. М., 1998. С. 10.

Несмотря на различия подсистем и направлений ПР, связанные с ними технологии предполагают наличие у участвующих в их акциях людей идейной лояльности к прокламируемым целям; сопряжение информационных потоков с организационными изменениями; минимизацию нечестных приемов информирования; ориентацию на консесуальные технологии; обязательную информационную подготовку политических действий; отслеживание действий контрагентов; уточнение и корректировку действий; исключение акций, травмирующих общественное мнение; и ряд других универсальных приемов и ориентиров деятельности.

Информационные технологии создания имиджа

Одной из важнейших, концептуализирующих ПР-технологий является создание положительных образов

(имиджей) политических объектов. Такими объектами могут быть как отдельные личности, так и корпоративные структуры (партии, движения) и даже государства в целом или межгосударственные организации.

Создание имиджа — это сознательное конструирование свойств и качеств субъекта, повышающих его привлекательность для общественности и позволяющих решить с его участием конкретную политическую задачу (победить на выборах, повысить легитимность власти и т.д.).

В этом смысле имидж представляет собой важнейшее основание политической коммуникации, при помощи которого властвующие субъекты поддерживают связи с населением, пытаются оказывать на общественное мнение целенаправленное воздействие. Тем самым имидж представляет собой и важнейшую форму политического капитала акторов, и механизм его приумножения. Он является и средством налаживания диалога с населением, и формой управления его настроениями, и способом проецирования социальных проблем на политику. Имидж формируется в определенное время и для решения конкретных задач: победы реципиента на выборах, повышения рейтинга популярности политического деятеля при кризисе легитимности и т.д.

Особое значение имеет формирование имиджа лидера, в котором в основном концентрируются требования общества к режиму и стилю властвования. По выраженным в имидже признакам люди не только определяют характер режима правления, но и осуществляют собственную идентификацию. В этом смысле имидж является показателем, при помощи которого население, не обладающее специальными знаниями или особой квалификацией, делает осознанный выбор в пользу не столько конкретной личности, сколько того или иного политического курса.

Имиджу всегда присущи определенные искусственность, убеждающая сила, устойчивость (инертность) выстраиваемых черт, их яркость и реалистичность, простота и даже некоторая гибкость (Дж. Бурстин).

Однако, растиражированные СМИ и ставшие привычным ориентиром общественного мнения, черты и свойства имиджа задают политику весьма жесткие границы поведения. Впоследствии этот укрепившийся в сознании людей образ лидера можно лишь корректировать и очень трудно изменить.

Имея в виду столь существенные последствия влияния имиджа, политики обычно предоставляют его формирование специалистам — психологам, консультантам, профессиональным аналитикам. Они не в состоянии кардинально переделать в человеке что-то изначально ему присущее (прообраз), но тем не менее именно они придают его образу те черты, которые воспринимаются и положительно оцениваются населением. При этом следует иметь в виду, что созданный имидж способен частично разрушаться под влиянием оппозиционных сил и настроений, его несоответствия реальному политическому процессу и ряду других факторов.

Для предотвращения таких явлений имидж должен сохранять свое соответствие запросам и ценностям массового (группового) сознания. В таком случае имидж можно интерпретировать как своеобразное *упрощение* массовых предпочтений, индивидуальную форму их политического существования. Не случайно, как писал Н. Макиавелли, государю крайне важно «*являться* (выделено мной. — А. С.) в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым»¹, т.е. *не быть, а казаться* тем, кем его хочет видеть население. Благодаря удачно сложившемуся имиджу некоторые политики, как, например, Дж. Вашингтон, могут стать символом нации еще при их жизни.

В основе технологий формирования имиджа лежит то или иное политическое действие или событие в жизни политика, которые могут послужить предпосылкой формирования благосклонного расположения общественности (например, благородные публичные поступки лидера, положительные черты биографии, его высказывания, нашедшие позитивный отклик в общественном мнении, и т.д.). Формирование имиджа обычно осуществляется на основе выбранного типа политического деятеля: «борца с коррупцией», «борца за правду», «жертвы политических интриг и притеснений», «спасителя отечества», «интеллигента-интеллектуала» и т.д. Причем данный тип должен соответствовать психологическому типу самого лидера, его профессиональным качествам, уже проявившимся на политической арене свойствам, а также непременно соответствовать типу той группы, с которой взаимодействует и на поддержку которой надеется лидер. С целью формирования такого имиджа зачастую используются некие универсальные внешние стандарты, ассоциирующиеся с данным типом: волевой профиль — для «спасителя отечества», очки — для «интеллигента» и т.д.

¹ Макиавелли Н. Государь. М., 1990. С. 53.

В силу многогранности имиджа конкретного политического деятеля, используемые технологии в основном касаются проектирования его важнейших параметров, в частности: стиля общения (формальный, товарищеский, неофициальный); поведения в нестандартных обстоятельствах; реакций на кризисы; внешнего вида (одежда, прическа); жестикulations, артикуляции, мимики. Таким образом в процессе формирования имиджа выделяется ряд направлений и техник: *бодибилдинг* (техники выстраивания жестикulations, мышечных реакций), *фейсбилдинг* (техники коррекции артикуляции, мимики, внешнего вида), *риторика* (методы и приемы построения публичной речи) и др.

Процесс формирования имиджа предполагает использование разнообразных информационных технологий, предполагающих изучение: политического (электорального) рынка и его сегментации (выделение и описание особенностей запросов, ценностей и других характеристик определенных групп избирателей); производства заданных параметров имиджа; коррекции и возвышения имиджа; предложений и динамики продаж имиджа на рынке (путем рекламы); «отстройки» конкурентов (отслеживание действий конкурентов и выработку соответствующих действий) и т.д. Построение и поддержание имиджа выступают как постоянный процесс, время которого равно времени пребывания на политическом рынке данного актора. В этом смысле в основном изменяются только тактические приемы, зависящие от изменения условий (при переходе от выборов к работе политика в выборном органе). При частой демонстрации и повторении тех или иных приемов, пропагандирующих различные грани имиджа, растет запоминаемость образа политика, его образ как бы уплотняется и оседает в общественном мнении, ориентируя граждан на определенные проявления поддержки и солидарности по отношению к данному политику.

Политическая реклама

Важнейшим корпусом информационных технологий, направленных на формирование коммуникаций, является **политическая реклама**.

Политическая реклама представляет собой форму аргументированного обращения к покупателям политического товара, предназначенную для популяризации его преимуществ и создания активного спроса на данную продукцию в условиях конкуренции.

Коротко говоря, конечная цель политической рекламы состоит в том, чтобы в эмоциональной и лаконичной форме не только сформировать позитивное отношение к политической платформе партии или представить образ кандидата, но и исподволь подтолкнуть людей к их политической поддержке, заставить их предпочесть («купить») этот политический товар другому.

Как разновидность информационных технологий маркетингового типа политическая реклама воплощает в себе постоянную заинтересованность рекламодателя не столько в информировании граждан, сколько в их *позиции*. Выводя на информационный рынок те или иные товары, реклама стимулирует свободный и осознанный политический выбор, поддерживает в обществе климат, характеризующийся внутренней расположенностью человека к политике. Накладываясь как бы поверх официальных связей человека и власти, рекламные технологии стремятся преодолеть формально-статусные отношения государства с гражданами, побуждая последних к направленной политической активности.

Формируя положительные образы тех или иных институтов, лидеров или доктрин, реклама последовательно продвигает на информационном рынке определенные политические цели и ценности. В этом смысле степень распространения таких политических товаров, их узнаваемости и популярности, а равно и степень их поддержки населением являются главными показателями ее эффективности.

Одной из существенных особенностей применения рекламных технологий служит передача соответствующих сообщений по преимуществу на *платной* основе. В таком случае содержание рекламных материалов максимально контролируется распространяющими ее субъектами и не может произвольно изменяться сторонними лицами (редакторами журналов, телепрограмм и др.). В то же время, в отличие от коммерческой рекламы, она, как правило, всегда содержит критику оппонентов, жесткие регламентации в идейных позициях и акцентах, допускает преувеличения, упрощает и драматизирует действительность, нередко эксплуатирует специфику остроконфликтного восприятия людьми социальной действительности. В рекламе часто используются и элементы юмористического отображения мира политики.

Активизируя политическое внимание и активность человека, реклама в то же время не рассчитана на качественное повышение его компетентности, сознательности, зрелости. Ее технологии воздействуют не столько на глубинные или смысловые элементы политического сознания, сколько на *эмоционально-чувственные, ситуативные* элементы, способные изменить отношение человека к политическим объектам в режиме реального времени. С этой точки зрения цель рекламы — добиться конкретной поддержки той или иной политической цели за счет усиления восприимчивости человека к политической сфере жизни и выявления его определенной позиции.

Содержание и формы рекламных технологий крайне многообразны. Они зависят от адресата, времени распространения рекламных сообщений, характера рекламной кампании, места и прочих географических условий, а также от ряда иных факторов. В самом общем виде рекламные технологии можно классифицировать следующим образом:

- аудио- (радиорепортажи, рекламные обращения, беседы) и визуальные (видеоролики, телезаставки, теледебаты и др.) способы рекламирования;
- печатные способы передачи рекламных сообщений (публикации статей, составление обзоров, интервью и др.);
- методы наружной рекламы (рекламные щиты, афиши, транспаранты, листовки, надписи на стенах — так называемое «политическое граффити»);
- приемы печатной рекламы (плакаты, открытки, письма, обращения, брошюры, календари, визитные карточки и др.);
- методика прямой почтовой рекламы (рассылка почтовых сообщений конкретным избирателям);
- методы распространения рекламных сувениров (значков, маек, бейсболок, деловых подарков);
- компьютеризованные формы рекламистики (Интернет, специальные информационные программы);
- проведение мероприятий по связям с общественностью (личные встречи кандидата с населением, презентации, выступления на митингах и конференциях и др.).

Соотношение указанных средств и способов политического рекламирования прежде всего зависит от того, на какую часть населения направлена реклама. В частности, теледебаты могут быть рассчитаны на всех избирателей, а отдельные печатные публикации — на часть электората. При дифференцированном рекламировании одни технологии могут использоваться в расчете на определившихся в своем выборе избирателей, а другие — на еще колеблющихся. В соответствии с этим и стиль рекламирования может быть либо поддерживающим, либо завоевательным.

Содержание и характер рекламных технологий могут существенно меняться и в зависимости от ситуации, этапов политического процесса. Например, на этапе «раскрутки кандидатов» в избирательных кампаниях широко применяются наступательные и даже агрессивные методы, направленные на достаточно быстрое и широкое ознакомление населения с личностью политического деятеля, что предполагает многократное повторение определенных биографических данных; формирование «мифа» или «легенды» о кандидате; распространение «атакующих» материалов, повествующих о негативных сторонах позиции конкурентов; проблемных материалов, цель которых — убедить избирателей, и т.д. В то же время в послевыборный период акценты в рекламировании избранного кандидата смещаются на освещение его деловых характеристик, на комплиментарное подведение итогов, оценочный анализ прошедшей кампании с целью сохранения положительного образа данного деятеля.

Каждый конкретный способ рекламирования предварительно тщательно продумывается, определяются главные цели и средства распространения сообщений, выбираются место и время проведения акции, планируются источники финансирования и формы оплаты и т.д. При этом принципиально важна централизация рекламных действий, т.е. согласование планируемых действий с другими проводимыми мероприятиями. Например, во всех рекламных материалах и акциях данной партии (лидера) используется определенный *слоган* (краткая словесная формула-символ, как бы маркирующая данный политический товар); мероприятия разворачиваются в соответствии с выработанным медиапланом, фиксирующим взаимодействия с важнейшими информационными контрагентами, и т.д.

Наряду с общественно признанными, этически выдержанными методами рекламистики в ее политическом арсенале существуют и так называемые «серые» и «черные» («грязные») технологии, нарушающие общепризнанные нормы морали, правила игры и частично допускающие нарушения даже правового характера. Например, помимо откровенной лжи и дезинформации отдельные политические силы распространяют материалы, подрывающие традиции и господствующие ценности населения; публикуют сведения от лица конкурента, которые компрометируют его в глазах аудитории; регистрируют на выборах «двойников» для кандидатов-конкурентов, дезориентирующих избирателей и отнимающих реальные голоса на выборах; в желании скомпрометировать конкурентов переходят от политических оценок к оскорблениям, затрагивающим личное достоинство соперника, его семейные связи; устраивают провокации и т.д.

Характерно, что склонность к использованию таких технологий проявляют и некоторые государственные органы, которые в угоду политической целесообразности нередко нарушают избирательные законы, вмешиваясь в предвыборную борьбу на стороне, как правило, правящих сил и используя свое положение для создания им определенных преимуществ. В таких случаях «грязные» рекламные технологии вступают в конфликт с законом и служат предпосылкой для подрыва оснований демократического строя.

В принципе государство призвано стоять на страже информационного рынка и распространения политической рекламы. Как правило, информационные отношения регулируются законодательным образом. Однако сложность информационно-рекламных отношений, трудности в определении рекламных текстов затрудняют этот процесс. В мире только в Буркина Фасо действует особый закон о политической рекламе.

В нашей стране также существует ряд законодательных положений, регламентирующих обращение рекламной информации в политической

сфере. Так, из перечня субъектов политической рекламы исключаются организации, «цели и/или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни»¹. Запрещается и распространение материалов, относящихся к государственной тайне, клевета, оскорбления, использование в рекламных сообщениях скрытых вставок, воздействующих на сознание и психику людей. Устанавливаются и ограничения на политическое рекламирование в неустановленные сроки (скажем, до объявления выборной кампании). В ряде нормативных документов сформулировано понятие «ненадлежащая реклама», к которой относятся сообщения анонимных материалов, используются чужие имена без согласия их владельцев, присутствует чрезмерное для аудитории наступательное рекламирование.

В то же время практика политических отношений показала, что одни только законодательные установления не способны надежно урегулировать политическую рекламику и особенно распространение «грязных» технологий. В силу этого присутствующие на информационном рынке государственные и корпоративные структуры должны руководствоваться в своей рекламной деятельности и определенными этическими стандартами, профессиональными моральными кодексами. И такой опыт уже имеется в мире. Например, в США действует Американская ассоциация рекламных агентств (АААА), которая объединяет до 80% политико-рекламных агентств в стране. Эта организация распространяет и популяризирует общие стандарты профессионализма и компетентности в рекламной сфере, сотрудничает с государственными органами, финансирует образовательные программы по рекламе, издает ежегодное «Пособие по этике в ходе рекламирования избирательных кампаний». Ею разработаны Кодекс этики, Стандарт услуг, регламентирующие отношения агентств с рекламоделами, СМИ и другими участниками рекламного процесса. Есть такие объединения и на международном уровне, например, Европейская ассоциация рекламных агентств (ЕААА), Международная ассоциация рекламы (ИАА) и др.

Большую роль в регламентировании методов политической рекламы и особенно в исключении из ее арсенала «грязных» способов информирования играет само общественное мнение. В демократических странах принципы и нормы гражданского общества существенно затрудняют использование неприемлемых для общественной морали политических технологий на информационном рынке.

¹ Федеральный закон об общественных объединениях. Ч. 1, ст. 16.

3. Компьютерные технологии на информационном политическом рынке

Информационная революция и политика

Во второй половине XX в. развитые демократические страны пережили две революции в области доступа граждан к информации, результатом которых явились массовое образование и массовое телевидение. Выдающуюся роль в преобразовании политического пространства сыграли: появление на информационном политическом рынке электронных СМИ, возникновение диалоговых способов политической коммуникации, резкое увеличение скорости передачи сообщений, формирование «электронных общностей» (например, пользователей сети Интернет) и др. Эти и связанные с ними явления и факты качественно изменили условия и возможности конкуренции за государственную власть.

Конечно, как справедливо утверждает У. Липпманн, информационные средства были не способны «транслировать весь объем общественной жизни человечества, так чтобы каждый индивид мог вынести компетентное мнение по каждому вопросу»¹. Более того, информационные технологии внесли свой вклад и в упадок «общественного капитала», поскольку теле-видео-аудио-мультимедиа развлечения позволяли людям удовлетворять свои потребности в эмоциях и адреналине, не выходя из дома, способствуя пассивному восприятию людьми информации, сокращению ресурсов обратной связи и т. д.

Тем не менее, активно внедряясь в сферу политики, новые информационные и коммуникативные технологии не только качественно видоизменили, но и сломали многие старые представления, установки, стереотипы, формы поведения, модели взаимоотношений между индивидами и группами, политическими институтами и структурами.

Оценивая политические последствия таких информационных новаций, Р. Даль отмечал, что телекоммуникационные технологии стали играть ключевую роль в создании предпосылок «передового демократического общества», в котором политические решения опираются на мнения и суждения народа. А. Этциони сформулировал концепцию «теледемократии» в качестве пути достижения общественного блага с помощью коммуникативных технологий. В то же время Л. Гроссман считает, что с развитием новых коммуникативных технологий наступает новая, третья великая эпоха демократии. Но самую грандиозную перспективу увидел Н. Негропonte, который ожидает, что национальное государство исчезнет под воздействием глобальных коммуникаций. Причем Э. Коррадо и Ч. Фаерстон обращают внимание на то, что именно Интернет может обес-

¹ Lippmann W. Public Opinion. N.Y., 1934. P. 362.

печить «неопосредованное» общение между гражданами и властью, свести к минимуму зависимость граждан от избираемых представителей, партийных организаций и организованных групп интересов.

Последняя точка зрения не удивительна, ибо именно Интернет является наиболее ярким выразителем информационной революции. И хотя политические последствия появления глобальной Сети неоднозначны, она бросает самый настоящий вызов традиционным институтам и механизмам политического процесса. Как полагает большинство современных ученых, видимо, под его воздействием наиболее вероятным социально-политическим последствием развития новых коммуникативных технологий будет повышение **динамизма** и одновременно **фрагментация** политического процесса, **атомизация** плюралистической политики групповых интересов.

Интернет как средство коммуникации

Интернет — это мировая компьютерная Сеть, объединяющая сотни тысяч локальных государственных, корпора-

тивных, общественных, образовательных и домашних сетей на основе стандартных соглашений о способах обмена информацией и единой системы адресации. Он зародился в начале 60-х гг. XX в. благодаря исследованиям в области информатики и компьютеризации в рамках одного из крупнейших проектов, субсидируемых Агентством передовых исследовательских проектов (Advanced Research Projects Agency — ARP A) при Министерстве обороны США. Примерно 10 лет спустя после рождения ARPAnet появились Локальные Вычислительные Сети (LAN), которые продемонстрировали выгоду интеграции локальных сетей для каждого пользователя, если бы он мог связываться с пользователями других сетей. В связи с этим интернетовские технологии стали быстро развиваться в рамках региональных связей, университетских сообществ, школ и других организаций, которые осознали, что перед ними открылось новое измерение — «киберпространство», потенциально обладающее неисчерпаемыми информационными ресурсами и способное объединить миллионы пользователей. Так Интернет вырвался из стен секретных военных лабораторий и стал глобальным средством коммуникации.

Место и роль Интернета связаны с тем, что он одновременно предоставляет людям возможность выступать не только потребителями, приемниками и реципиентами информации, но и ее автономными источниками (генераторами). Широковещательные медиа — радио, телевидение — способны достигать большой аудитории, но все-таки их возможности вещания очень ограничены экономическими, политическими и технологическими обстоятельствами. Интернет же снимает географические ограничения и создает возможность увеличения аудито-

рии (в отличие, скажем, от телефона, потенциально способного соединить всех и каждого, однако не способного увеличить количество реципиентов в расчете на одно послание).

Интернет-коммуникации позволяют преодолевать расовые, возрастные, половые и физические преграды, открывает качественно новый способ асинхронных коммуникаций, снимая, в свою очередь, ограничения временных поясов и распорядка дня. Интернет-коммуникации имеют также более выраженный «эффект запоминания» благодаря возможности записи сообщений. Компьютерные технологии снимают и противоречие между образной и структурированной (цифровой) информацией. В результате изобретения мультимедийности в одном пакете данных, путешествующих по компьютерным сетям, можно передавать все, что человек может воспринять, а машина обработать — текст, высококачественный звук, цветные изображения высокого разрешения, видеофрагменты, компьютерные программы.

Возможности и преимущества Интернета хорошо видны в таблице на с. 540, где в качественной форме представлены результаты сравнения наиболее распространенных коммуникативных технологий по пятизначным измерениям. Таблица отражает субъективную меру способности каждой из данных технологий обеспечивать «простому» индивиду получение и отправление конкретного сообщения.

Данные свидетельствуют о том, что цифровые интернетовские технологии превосходят все имеющиеся способы доставки информационных сообщений по скорости и надежности. По сути дела Интернет является единственным средством коммуникации, соединяющим в себе скорость спутниковой связи с терпением мальчика-рассыльного, ожидающего у двери появления адресата.

Интернет показывает, что возможности распространения, сбора и интерпретации информации более не являются исключительной прерогативой государства. Компьютерные сети способствуют расширению форм контроля и власти. При этом технологии производства компьютерных компонентов снижают предельные издержки информации и коммуникации. И хотя производственные мощности компьютерной индустрии достаточно дороги, однако низкие предельные издержки и экономия от масштабов производства электронных компонентов делают персональные компьютеры, факсы, спутниковые принимающие (а в ближайшей перспективе и передающие) устройства доступными широкой публике по цене.

Сотовые телефоны, спутниковые системы, видеокамеры и другие новейшие коммуникативные достижения идут в ногу со временем, однако в отношении географической независимости они все еще несопоставимы с глобальными компьютерными сетями. Обмен информации в Интернете осуществляется таким образом, что географическое положение и национально-государственная принадлежность как источника, так

Таблица

Разно- видности средств связи	Парамет- ры коммуни- каций	Тип коммуникации			Содержа- ние		Границы (свобода от)		Издержки (ниже)		Ско- рость (выше)
		Одно- сторон- ний	Дву- сторон- ний	Много- сторон- ний	Изоб- раже- ние	Дан- ные	Гос- инсти- туты	Гео- граф- ия	Обору- дова- ние	Пере- дача	Ско- рость
	Газеты										
	Почта										
	Телеграф										
	Радио										
	Телефон										
	ТВ										
	Факс										
	Интернет										

Больше

Меньше

и адресата послания перестает быть сколько-нибудь значимым фактором. В отличие от традиционного почтового ящика, электронный почтовый ящик доступен его владельцу, в какой бы точке планеты он ни находился.

Традиционные средства коммуникации зависят от пропускной способности «критических узлов»; это дает государству возможность контролировать поток информации и вмешиваться в него. В противоположность этому Интернет изначально был спроектирован таким образом, чтобы исключить зависимость от централизованного контроля, обеспечить функционирование информационного обмена даже в ситуации целенаправленных внешних атак и искусственных помех. Благодаря своим технологиям, Интернет интерпретирует цензуру в том или ином узле как помеху (повреждение) и обходит данный узел.

Сети решают проблему временных ограничений благодаря асинхронной природе сетевых коммуникаций: пользователи могут в удобное для них время задать вопросы и получить ответы, скажем, от депутатов или сотрудников городских и муниципальных органов власти. Организация таких «виртуальных форумов», на которых граждане могут общаться с избираемыми должностными лицами и друг с другом в реальном времени, снижает традиционные издержки общения элитарных и неэлитарных кругов.

Благодаря информационным возможностям Интернета с начала 1990-х гг. наблюдается лавинообразный рост числа его пользователей. В начале нынешнего столетия население глобальной «виртуальной общины» оценивалось более чем в 327 млн. При этом изменяется языковой состав аудитории Интернета: если в начале 1990-х гг. подавляющее большинство в Сети составляли англоязычные пользователи, то сегодня больше половины аудитории относится к иным языковым группам. В последние годы принципиальные изменения претерпел и качественный состав аудитории Интернета. Превращение Сети в средство **массовой** коммуникации способствовало резкому снижению образовательного, возрастного, профессионального, материального и культурного уровня аудитории Интернета. Общедоступный характер Сети делает ее объективным **зеркалом** общества, отражающим порой даже самые низменные стороны человеческой природы.

Содержание и технологии Интернета

Заложенная в Сети система адресации обеспечивает уникальными координатами связи каждый компьютер (точнее, практически каждый ресурс компьютера) и каждого ее пользователя. В качестве наиболее известных форм связи выступают:

WWW — «Всемирная паутина», обеспечивающая представление и передачу миллиардов документов, включающих текст, графику, звук и видео, расположенных на различных «сайтах» и «WEB-страницах» по всему миру и связанных между собой посредством «ссылок» в документах;

E-MAIL — электронная почта, с помощью которой можно обмениваться личными или деловыми сообщениями между адресатами, имеющими электронный почтовый адрес, являющийся аналогом арендованного абонентского ящика в почтовом отделении;

USENET — всемирный дискуссионный клуб, состоящий из набора конференций («newsgroups»), которые позволяют просматривать заголовки сообщений с помощью программы чтения новостей, сортировать сообщения по темам, добавлять свои сообщения с комментариями и задавать вопросы;

FTP — служба пересылки файлов между компьютерами;

TELNET — удаленный доступ, позволяющий выполнять программы на удаленном от пользователя компьютере, т.е. использовать его ресурсы фактически как свои собственные;

PROXY-СЕРВЕР, предназначенный для накопления на локальной системе информации, к которой часто обращаются пользователи.

Благодаря своим техническим возможностям информационного обмена Интернет в последние годы активно используется для проведе-

ния избирательных кампаний. Так, создавая веб-сайты (страницы) той или иной партии или лидера движения, организаторы избирательных кампаний получают дополнительные возможности для мобилизации добровольцев, готовых оказать поддержку тем или иным депутатам, для ответов лидеров на вопросы избирателей, для инструктирования помощников избирательного штаба, сбора финансовой помощи партиям и движениям, проведения маркетинговых операций на электоральном рынке. В то же время, как показал опыт последних лет, электронные страницы нередко используются для анонимного сброса компрометирующих сведений о кандидатах в депутаты, для дезинформации и распространения других сведений, способных снизить поддержку конкурентов и дезорганизовать работу их штабов.

В настоящее время пользователи Сети получают доступ к широкому кругу сервисов, количество и возможности которых неуклонно растут по мере совершенствования технологий коммуникации. К традиционным сервисам принято относить:

FTP (*file transfer protocol*) — протокол передачи файлов между пользователями Сети. В последние годы широкое распространение получили бесплатные файловые хранилища, где каждый желающий может разместить любые программы, текстовые, аудио- и видеофайлы, которыми он хотел бы поделиться с другими пользователями;

HTTP (*hypertext transfer protocol*) — протокол передачи гипертекста, основное средство организации и представления веб-страниц, позволяющее объединить в едином документе текстовые, графические, звуковые и иные элементы мультимедийного богатства, без которых невозможно представить современный Интернет, а также E-mail и TELNET.

Сочетание возможностей различных сетевых сервисов позволяет создавать комплексные интерактивные ресурсы, пользующиеся растущей популярностью. Так, наравне с уже достаточно традиционными **форумами** и **чатами** в последние годы большим успехом пользуются виртуальные дневники (**блоги**) и **социальные сети** (как правило, объединяющие в себе возможности всех перечисленных форм коммуникации). Развитие комплексной социальной сети обеспечивается, например, автоматизацией распространения объявлений/оповещений вдоль установленных связей между людьми, интересующимися деятельностью друг друга. Образованию новых связей помогают всевозможные базы личных данных и службы знакомств в сочетании с обязательной регистрацией и ведением учетных записей, что позволяет систематически накапливать личные данные о пользователях, о круге их общения и т.д. В России широкую известность получили сети «Одноклассники» и «В контакте».

Распространение широкополосного доступа в Интернет, в свою очередь, открывает возможности для насыщения коммуникативных каналов «тяжелым» контентом (потокковое видео, голосовая связь и т.д.), ранее мало эффективным в силу низких скоростей связи и пропускной способности каналов. Благодаря этому получил широкое развитие ряд услуг. Например, **IP-телефония** — технология, позволяющая использовать Интернет или любую другую IP-сеть в качестве средства организации и ведения международных и междугородных телефонных переговоров без использования услуг коммерческих операторов телефонной связи. **Интернет-вещание** — передача в реальном времени видео- и аудиоматериала, обеспечивающая возможность прослушивания/просмотра радио- и телепередач не отходя от компьютера.

Бурные дискуссии на уровне политических институтов вызывают такие явления, как **пиринговые сети (*peer-to-peer, P2P*)**, позволяющие анонимным пользователям по всему миру свободно обмениваться файлами, хранящимися в их компьютерах, что, как правило, входит в противоречие с законодательством, охраняющим права интеллектуальной собственности (музыкальные записи, кино- и видеопродукция, программы). Наиболее известные сети — KaZaA, eDonkey, BitTorrent. Представители киноиндустрии, телевидения, фирм звукозаписи и производители программного обеспечения долгие годы ведут борьбу против такой практики в глобальном масштабе, однако без заметных успехов.

Любительские файл-обменные и социальные сети нередко оказываются в центре политических скандалов в силу того, что через них получают распространение сенсационные материалы, появление которых на каналах традиционных СМИ блокируется политической цензурой. Так, скандальные кадры казни Саддама Хусейна впервые появились на одном из таких любительских ресурсов — широко известном в последние годы сайте **YouTube**. Не менее шокирующие свидетельства хаоса, наступившего в затопленном Новом Орлеане после удара урагана Катрина (факт которого власти США пытались скрыть), были обнародованы блоггерами, разнесшими эту информацию по всему миру.

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

1. Избирательный процесс и избирательная кампания

Типы избирательных систем и избирательного процесса

Выборы являются неотъемлемой составной частью политического процесса в современных демократических

обществах. Они предоставляют человеку, идущему в большую политику, возможность стать депутатом парламента, губернатором или даже президентом страны. Вместе с тем во время выборов в активную политическую жизнь вовлекаются простые граждане, они начинают ощущать свою значимость, возможность оказывать влияние на персональный состав высших государственных органов.

В то же время используемые на выборах технологии самым непосредственным образом зависят от порядка проведения выборов и способа подсчета голосов в каждой стране, действующих в государстве и регламентирующих данный процесс правовых норм, правил и традиций. В *правовых* нормах формулируются основные требования к кандидатам в представительные органы власти и на выборные государственные должности; регулируется деятельность органов власти, осуществляющих проведение выборов; определяется статус избирателей и избирательных объединений; устанавливаются процедуры предвыборной агитации и голосования, порядок определения результатов голосования и способы обжалования их.

Совокупность этих норм задает определенную логику действиям всех участников предвыборной борьбы, побуждает их действовать в рамках единого электорального порядка. Избирательная система — это не только набор правовых норм, регламентирующих порядок голосования и способ распределения мандатов. Каждая избирательная система диктует участникам предвыборной борьбы особые правила «политической игры», влияет на процессы заключения предвыборных соглашений и союзов. Несмотря на то что в каждой стране избирательные нормы имеют свою специфику, обусловленную историческими, культурными, политическими, социальными особенностями развития этих стран, существуют некоторые общие принципы, позволяющие говорить о четырех типах избирательных систем, каждая из которых обладает собственной спецификой, касающейся применения тех или иных избирательных технологий. Обычно выделяют **пропорциональную, мажоритарную** (с абсолютным и относительным большинством), **смешанную** и **преференциальную**.

Пропорциональная избирательная система предполагает проведение выборов только в многомандатных общегосударственных округах. Каждое избирательное объединение или партия предлагает избирателям голосовать не за одного кандидата в представительные органы власти, а за их список, утверждаемый, как правило, на съезде данного избирательного объединения или партии. Распределение мест в соответствующем органе власти в данном случае осуществляется пропорционально полученным голосам каждым избирательным объединением или партией по всей стране. Отсюда и название избирательной системы — пропорциональная.

При пропорциональной системе есть возможность вхождения в представительные органы власти представителей мелких избирательных блоков. Как показывает практика, это ведет к излишнему дроблению политических сил в парламенте, что может парализовать его работу. Для того чтобы предотвратить подобное дробление, вводится так называемый «заградительный барьер», т.е. законодательно оговаривается минимальное число голосов, которое должно набрать избирательное объединение, чтобы быть представленным в парламенте страны. В нашей стране таким барьером является 5% полученных партиями или объединениями голосов. Те из них, которые не преодолели «заградительный барьер», лишаются возможности провести своих кандидатов в парламент, а их мандаты передаются тем партиям и объединениям, которые преодолели этот барьер пропорционально собранным ими голосам.

Избиратель при пропорциональной системе голосует не за отдельного кандидата, а за список выбранной им партии или избирательного объединения, который обычно превышает получаемое число мандатов. Кто из списка кандидатов в конечном счете войдет в парламент, решается либо на основе одного из двух принципов: принципа *очередности*, согласно которому мандат вручается стоящим на первых местах в списке, либо принципа *преференциальности*, по которому избирателю предоставляется право отдать предпочтение какой-либо кандидатуре в списке. Пропорциональная система применяется только при выборах коллегияльных органов, например парламента.

В основе **мажоритарной** (франц. *majorite* — большинство) **избирательной системы** лежит принцип большинства. Выборы в данном случае, как правило, проводятся по одномандатным округам, и победившим считается тот кандидат, который получает большинство голосов. Наиболее распространенными видами мажоритарной системы являются системы относительного и абсолютного большинства. В первом случае кандидату для получения мандата достаточно собрать голосов больше, чем наберет любой его соперник по предвыборной борьбе. Во втором случае необходимо получить более 50% голосов (минимум 50% плюс

один голос). Если ни один из кандидатов не набирает нужного числа голосов, то проводится второй тур голосования, в который выходят два кандидата, набравшие наибольшее число голосов в первом туре.

Мажоритарная система по сравнению с пропорциональной является универсальной. Ее можно применять не только при избрании парламента, но и высших государственных должностных лиц, например президента. Главный недостаток мажоритарной системы заключается в том, что она резко сужает возможности небольших партий и объединений провести своих представителей в государственные органы.

Смешанная избирательная система предполагает комбинирование пропорциональной и мажоритарной систем с целью минимизации тех недостатков, которыми обладают каждая из них в отдельности. Такое комбинирование может состоять, например, в том, что одна часть парламента страны избирается по пропорциональной системе, а вторая — по мажоритарной.

Преференциальная избирательная система предполагает выбор гражданами своих представителей на основании рейтинговой системы, когда каждый из участников избирательной гонки становится обладателем суммы голосов, набранных им по балльной системе. Например, один претендент из списка кандидатов получает от гражданина высший балл, от другого — средний, от третьего — низший, от четвертого — опять средний и в результате набирает совершенно определенную сумму баллов. Сумма таких преференций и позволяет ему занять более высокое или же низкое место в соперничестве с другими кандидатами. Сложность проведения выборов по такой системе сохраняет ее только в очень ограниченном числе государств.

Характеристику избирательных систем дополняет типология выборов как *электоральных процессов*, раскрывающая характер реализации гражданами и структурами власти своих прав и обязанностей в рамках той или иной избирательной системы и национального государства. В рамках таких типологий — а ученые говорят об альтернативных и безальтернативных, партийных и непартийных, управляемых и неуправляемых, предсказуемых и непредсказуемых и прочих выборах — в основном акцент делается на оценку степени *конкурентности* электорального процесса, влияющих на него факторов и условий, конфигурацию игроков, результаты произошедших политических сдвигов и т. д.

Так, В. О. Кей-младший — применительно к выборам в США — выделяет «критические» (которые фиксируют резкий сдвиг в настроениях избирателей), «продолжающиеся» (при которых не происходит значительных изменений в предпочтениях электората), «отклоняющиеся» (где политические симпатии граждан корректируются, но не настолько, чтобы привести к долговременной смене политических тенденций)

и «восстанавливающие» выборы (означающие возврат к исходной ситуации после «отклоняющихся» выборов). Д. Кирпатрик в основание своей классификации кладет наличие конкурентности, периодичность проведения выборов, представительность игроков и окончательность результатов выборов. В. Маккензи при классификации выборов подчеркивает, что их свободный характер определяется наличием четырех условий: независимой и компетентной электоральной администрации, независимого суда, альтернативных политических партий и согласия участников выборов относительно правил игры. По мнению У. Миллера, ограничителями конкурентности выборов может выступать количество крупных партий, возможность выставления ими своих кандидатов в каждом из избирательных округов.

Отечественный исследователь В. Гельман предложил обобщенную классификацию, которая описывает выборы с точки зрения уровня электоральной конкуренции¹.

Тип выборов	Уровень электоральной конкуренции	Основные характеристики электоральной конкуренции
«Выборы без выбора»	Полная монополия властей	Электоральная конкуренция запрещена
Несвободные и несправедливые выборы	Ограниченная конкуренция	Электоральная конкуренция фактически не допускается
Свободные, но несправедливые выборы с «мягкими» ограничениями конкуренции	Ограниченная конкуренция	Заведомо неравные условия электоральной конкуренции, систематическое создание преимуществ в пользу проправительственных партий и кандидатов за счет ресурсов государства
Свободные, но несправедливые выборы с «жесткими» ограничениями конкуренции	Ограниченная конкуренция	Из электоральной конкуренции систематически исключаются отдельные партии и кандидаты, систематические фальсификации итогов голосования
Свободные и справедливые выборы	Совершенная конкуренция	Равноправная электоральная конкуренция различных партий и кандидатов

¹ См.: Гельман В. Я. Эволюция электоральной политики в России: На пути к недемократической консолидации? // Политическая наука. 2005. № 2.

Избирательный процесс и избирательная кампания

Проведение выборов в органы государственной власти всегда связано с нарастанием особого вида политической

деятельности, когда претенденты вступают в конкурентную борьбу и предпринимают различные шаги, чтобы привлечь на свою сторону потенциальных избирателей. На политической сцене начинают разворачиваться разнообразные события: проходят митинги, собрания, встречи кандидатов с населением, политические лидеры выступают с критическими заявлениями и позитивными программами в средствах массовой информации, на улицах появляются рекламные плакаты, распространяются листовки и т.д.

Все многообразие событий, инициируемых и создаваемых людьми в преддверии и во время выборов в государственные органы, можно обозначить **понятием «избирательный процесс»**.

«Избирательный процесс» — это интегральная категория, при помощи которой дается общая характеристика всего комплекса разворачивающихся в стране политических событий, связанных с выборами. В ходе избирательного процесса реализуются нормы электорального законодательства, политические структуры и культурные ценности, политическое поведение групп и индивидов, пытающихся удовлетворить свои потребности во власти, установки, принципы, идеалы и т.д.

Вместе с тем каждый кандидат или избирательный блок, вступая в предвыборную борьбу, стремится решать собственные задачи и принимает для этого определенные усилия.

Таким образом, **избирательную кампанию** можно определить как всю совокупность действий, предпринимаемых партиями, избирательными объединениями или кандидатами и их командами для достижения их предвыборных целей.

Избирательная кампания тоже предстает в виде событий, связанных с принятием ее участниками определенных решений, с проведением ими оценки ситуации и последующей организацией различных акций. Однако она является лишь частью единого избирательного процесса, разворачивающегося в стране.

Избирательная кампания представляет собой особый вид политического управления. В качестве субъекта управления в ней выступает *команда* (совокупность экспертов, советников, помощников, волонтеров и единомышленников, выполняющих непосредственные задачи по управлению избирательным процессом) во главе с кандидатом, а объектом являются потенциальные избиратели. Цель управления определяется теми задачами, которые ставит перед собой кандидат. Как показывает практика, далеко не все кандидаты, вступая в предвыборную борьбу ориентируются на победу. Некоторые из них рассматривают избиратель-

ную кампанию как возможность привлечь к себе внимание, пройти предварительную «раскрутку» с целью участия в следующих выборах либо просто пытаются оттянуть на себя часть голосов сильных соперников какого-либо кандидата и т.д.

Каждая избирательная кампания ведется ее инициаторами в условиях жесткой борьбы с политическими соперниками. Ведь избирательный процесс по своей сути является конкурентным процессом, в ходе которого идет острое соперничество между его участниками за право обладать престижными позициями в политической иерархии, за возможность влиять на массы, за доступ к значимым ресурсам. Для того чтобы это соперничество не выливалось в острое противостояние и кризисы, в каждой стране создаются законодательные нормы, регламентирующие ход избирательного процесса. Конечно, законодательство не может регламентировать всю деятельность участников избирательного процесса, но тем не менее оно создает для них определенные правовые рамки, выход за которые влечет применение к нарушителю различных санкций.

Избирательные технологии

Рассматривая избирательную кампанию как разновидность политического процесса, следует учесть, что, во-первых, инициаторы избирательной кампании, выступающие в роли субъекта управления, лишены права диктовать «правила игры», т.е. создавать нормы, обязательные для объекта своего воздействия. Ни один кандидат или избирательное объединение не может издать распоряжение или указ, предписывающие массам модели электорального поведения. Во-вторых, субъект управления лишен возможности опереться на право легитимного насилия, на применение санкций и иных мер воздействия на потенциальных избирателей. В демократическом обществе нельзя заставить человека отдать свой голос за того или иного кандидата. Следовательно, способы влияния субъекта на управляемый объект должны быть весьма специфическими, связанными с особыми формами воздействия на мотивационную структуру личности, а главным содержанием избирательной кампании становится борьба за умонастроения, предпочтения населения.

Совокупность способов воздействия на массы с целью повлиять на их электоральное поведение и побудить их отдать свои голоса за определенного кандидата называется **избирательными технологиями**.

Главная особенность избирательных технологий — нацеленность их на включение социально-психологических механизмов, регулирующих поведение избирателей, обращение к убеждениям граждан, их ценностным ориентациям, интересам, настроениям, устремлениям и чаяниям.

Вплоть до середины XX в. избирательные кампании проводились главным образом силами партийных активистов, друзей кандидатов,

сочувствующих граждан, которые хотели бы помочь действующим политикам. В основе действий таких помощников кандидатов лежали личный энтузиазм, преданность идее или делу партии, чувство ответственности, желание сделать все возможное для победы на выборах. Среди таких людей появлялись неплохие организаторы политических кампаний, но действовали они, опираясь скорее на интуицию, опыт, чем на научное знание особенностей электорального поведения и избирательных технологий.

Современный подход к избирательным технологиям отличается осознанием необходимости органического соединения практического опыта политической борьбы и научного знания. Важно не только знать хорошо зарекомендовавшие себя приемы предвыборной борьбы, но и понимать глубинные причины успеха или неудачи конкретных технологий. Но такое понимание становится возможным лишь в том случае, если организаторы избирательной кампании владеют необходимыми теоретическими знаниями, способны адекватно оценить ситуацию, выявить тенденции развития массовых настроений, определить те «болевые точки» в сознании и мотивации людей, воздействие на которые может привести к изменению их поведения в нужном для организаторов направлении. Данное обстоятельство вынуждает организаторов избирательных кампаний обращаться к помощи профессионалов — людей, специализирующихся в области политических технологий, обладающих соответствующими знаниями, умениями и навыками.

В настоящее время во многих странах появились люди, чьей профессией стала организация предвыборных кампаний, сформировались агентства, специализирующиеся в этой области. В 1968 гв Париже была создана Международная ассоциация советников по политическим кампаниям. В нашей стране политические консалтинговые фирмы впервые громко заявили о себе в период предвыборных кампаний 1995–1996 гг. Победу на выборах, как правило, одерживали не те кандидаты и партии, которые по старинке опирались на «своих людей», на партийный или административный аппарат, а те, кто нанимал политических консультантов. Яркую страницу в историю развития политического консультирования в нашей стране вписали различные агентства, работавшие в ходе избирательных кампаний 1996–2000 гг., готовившие поездки кандидатов, предоставлявшие избирательным штабам не только данные о текущих рейтингах, но и информацию о предпочтениях, взглядах и установках населения, дифференцированную по регионам, по типам поселений, по профессиям, по возрастным группам, взаимодействовавшие со средствами массовой информации и т.д.

Избирательные технологии в руках профессионалов становятся достаточно сильным оружием, позволяющим привлекать на сторону обслуживаемого этими профессионалами кандидата значительные слои

населения, изменять их электоральные предпочтения. Однако это становится возможным только в том случае, если избирательные технологии используются комплексно, в соответствии с научно обоснованной стратегией избирательной кампании, если они учитывают поведение политических соперников, а также реальные процессы, происходящие в массовом сознании.

2. Структурные звенья избирательной кампании

Анализ предвыборной ситуации

Любая избирательная кампания уникальна и не может быть с точностью воспроизведена через какое-то время.

Даже если спустя, к примеру, четыре года баллотируется тот же кандидат в том же избирательном округе, он уже не может использовать старые лозунги, прежнюю рекламную продукцию и повторять ранее написанные речи. Под воздействием различных обстоятельств настроения, ориентации, интересы людей меняются, и каждый раз избирательную кампанию приходится начинать заново.

Серьезные политики приступают к подготовке избирательной кампании задолго до официального объявления сроков выборов и официального старта предвыборной агитации. Их первый шаг — анализ ситуации в округе. Проводя исследования, организаторы избирательной кампании получают тот необходимый минимум знаний, который позволяет им строить избирательную стратегию не вслепую, полагаясь исключительно на свою интуицию, а рационально, опираясь на объективные данные, используя технологические приемы, адекватные сложившейся ситуации. Осуществляется так называемое **информационно-аналитическое обеспечение избирательной кампании**.

Предвыборные исследования имеют прикладной характер, т.е. их направленность определяется целями организаторов избирательной кампании и прежде всего необходимостью привлечь на свою сторону максимальное число избирателей. Например, при формировании позитивного имиджа кандидата необходимо знать мнения, суждения жителей избирательного округа о том, какими качествами должен обладать кандидат, за которого они стали бы голосовать, какие идеи отстаивать; для составления предвыборной программы надо располагать информацией о насущных заботах избирателей, их ценностных ориентациях, интересах и предпочтениях; для проведения агитации важно знать, какие мифы, стереотипы, убеждения существуют в массовом сознании.

Каковы же основные направления предвыборных исследований? Первое направление предполагает **всесторонний анализ ситуации в округе накануне выборов**. К решению этой задачи приступают (в зависимости от масштаба кампании) за 3–6 месяцев до выборов. Некоторые

специалисты увеличивают этот срок до года и более. За это время собирается всевозможная информация об округе (численность населения, его социальная и этническая структура; основные религиозные общины; структура промышленного и сельскохозяйственного производства; крупнейшие предприятия и финансовые учреждения; образовательные учреждения, средний и мелкий бизнес и т.д.), а также о его жителях (интересы, ценностные ориентации, запросы, электоральные предпочтения, установки и т.д.). Собранный массив информации анализируется, и на его основе предлагаются конкретные рекомендации по выработке стратегии избирательной кампании. Если эта задача решается своевременно и профессионально, то эффективность избирательной кампании резко возрастает, так как действия ее организаторов начинают строиться с учетом реальных ожиданий конкретных людей.

Второе направление — это **обеспечение информационно-аналитической поддержки начавшейся избирательной кампании**. Результативность любого управленческого процесса зависит от того, насколько полную и достоверную информацию получает субъект управления о ходе реализации управленческих решений. В данном случае речь идет о создании устойчивой обратной связи между организаторами избирательной кампании, с одной стороны, и избирателями — с другой. Эффективная обратная связь позволяет субъекту управления корректировать свои действия, вовремя замечать возникающие проблемы, адекватно реагировать на выпады соперников. Эта задача реализуется в виде мониторинговых исследований, позволяющих отслеживать колебания общественного мнения и изменение отношения избирателей к кандидату, а также путем наблюдения за действиями конкурентов и других политических акторов, вовлеченных в избирательный процесс.

Необходимая организаторам избирательной кампании информация может быть получена различными способами и методами: во-первых, путем изучения статистических данных об экономическом развитии округа, о демографическом составе населения, об уровне жизни, об итогах выборов в предшествующие годы и т.д.; во-вторых, благодаря различным опросам населения (анкетирование, интервью), позволяющим выявить субъективные предпочтения людей; в-третьих, за счет работы с фокус-группами, в которых обсуждаются варианты лозунгов, рекламных роликов, последствия возможных шагов кандидата, тексты его выступлений и, таким образом, выясняется непосредственная, в том числе проявляющаяся на бессознательном уровне, реакция людей на те или иные действия организаторов избирательной кампании; в-четвертых, путем отслеживания действий конкурентов при помощи наблюдений, а также с применением метода контент-анализа, т.е. количественного анализа печатной продукции и выступлений лидеров.

Информационно-аналитическое обеспечение избирательной кампании — дело трудоемкое, требующее профессиональных знаний и навыков. Любая профанация, дилетантизм в этом деле чреваты серьезными просчетами как при выработке стратегии избирательной кампании, так и в ходе предвыборной борьбы за голоса избирателей.

Стратегия избирательной кампании

Нельзя приступать к ведению избирательной кампании, если отсутствует стратегическое видение путей дости-

жения поставленной цели. Если у кандидата и его команды нет стратегии, то их действия неизбежно становятся хаотичными, противоречивыми и в итоге сводят к нулю затраченные усилия.

Стратегия вырабатывается с учетом того, что избиратель свободен в своем выборе, что его нельзя заставить проголосовать за того или иного кандидата, а надо побудить к такому шагу. Реальной возможностью сделать это является информационное воздействие на массовое сознание путем создания привлекательного образа кандидата или избирательного объединения. Выбор основных параметров этого образа и будет определять содержание стратегии избирательной кампании.

Избирательная стратегия — это совокупность информационных тем, раскрытию содержания которых будет подчинена вся избирательная кампания. Выработать стратегию — значит определить такие ключевые темы.

Выработка стратегии начинается с поиска ответа на вопрос: какая информация может повлиять на мотивацию людей и изменить их электоральное поведение в соответствии с целями организаторов избирательной кампании? Например, что должно быть в действиях, облике, программе кандидата такого, что заставило бы избирателей проникнуться к нему доверием и отдать за него свои голоса? Сформулированные ответы на этот вопрос фактически превращаются в главные темы избирательной кампании, составляют ее стратегию. И, как нетрудно догадаться, темы могут быть либо сформулированы на основе знания о реальных взглядах, суждениях и мнениях избирателей, либо предложены стратегами избирательной кампании на основе собственной интуиции или своего практического опыта. Во втором случае возможны серьезные просчеты в определении стратегии, так как массовые настроения очень подвижны, а любой практический опыт имеет ограниченный характер.

Предположим, что в ходе предварительного анализа ситуации в избирательном округе удалось выяснить, что жителей данного округа больше всего волнует проблема безработицы и низкого уровня жизни, а среди качеств, которыми должен обладать государственный деятель, наиболее ценными они считают честность, профессионализм и связь с

народом. Следовательно, в стратегии избирательной кампании эти проблемы должны занять центральное место.

Обычно в избирательной кампании выбирается какая-то центральная тема, например, обеспечение политической стабильности, защита от внешнего врага, экономический рост и т. д. Главное, чтобы она отвечала ожиданиям тех людей, которые будут готовы терпеть социальные, экономические тяготы, если увлекутся данной программой действий.

Различия в стратегии избирательных кампаний конкурирующих участников предвыборной борьбы, как правило, определяются тем, какое место эти участники занимали в политическом пространстве, какую роль играли в политической жизни общества и на какие социальные слои хотели бы опереться. Многообразие ценностных ориентаций, интересов, ожиданий населения позволяет участникам предвыборной борьбы выстраивать различные электоральные стратегии.

Стратегические темы в ходе избирательной кампании должны получить информационное подкрепление в виде соответствующих аргументов, фактов, распространяемых по различным коммуникационным каналам. Этот процесс можно сравнить с разветвлением растущего дерева, когда от ствола (тема) начинают отрастать многочисленные ветви (сюжеты). Например, если одна из тем предвыборной кампании — честность кандидата, то разработка сюжетной линии означает поиск или создание конкретных примеров, подтверждающих указанное качество кандидата. Такими примерами могут быть: отказ кандидата от участия в акции, подготовленной лицами с сомнительной репутацией; разоблачение им взяточника; публикация сведений о его доходах, его отказ от участия в незаконной приватизации и т. п.

При разработке сюжетных линий может оказаться, что ствол лишен жизненной силы, он не дает побегов, т. е. нет реальных фактов, подтверждающих выбранную тему информационной экспансии, скажем, нет достаточно убедительных фактов, подтверждающих честность кандидата. В этом случае целесообразно сменить тему, так как создание искусственных примеров, имеющих мало общего с реальностью, может в конечном счете, как говорят, выйти боком. Конкуренты обязательно воспользуются данным фактом для дискредитации образа кандидата в глазах населения, для обвинения его в попытках ввести общественность в заблуждение или попросту во лжи.

Адресные группы

В любом округе избиратели никогда не представляют собой некой аморфной массы, из которой, как из пластилина, можно лепить любую заданную фигуру. Это — реальные люди со своими индивидуальными и групповыми ценностными ориентациями, интересами, они занимают разные позиции в социальном пространстве, имеют собственные убеждения

и предпочтения, многие из них состоят в разных социальных и политических организациях и группах. По отношению к тому или иному кандидату (избирательному объединению) весь электорат округа можно представить в виде пяти основных слоев (групп):

1) **активно поддерживающие**, т.е. люди, которые в силу ряда причин (совпадение ценностных ориентаций, интересов, высокая идентификация) готовы осознанно и направленно сотрудничать с кандидатом и его командой, поддерживать их действия, посильно помогать в реализации поставленных целей. Это, так сказать, твердый электорат, который при любых условиях проголосует за своего кандидата или за свою партию и будет агитировать окружающих поступить так же;

2) **пассивно поддерживающие** — это люди, которые выражают сочувствие кандидату или избирательному блоку, но воздерживаются от активных самостоятельных действий в его поддержку. На выборах они с большой долей вероятности проголосуют за своего кандидата, но на их действия могут оказать воздействие любые, на первый взгляд, не имеющие никакого отношения к политике, факторы (занятость на работе, семейные обстоятельства и т.п.);

3) **занимающие нейтральную позицию**, т.е. люди, чаще всего не имеющие четко выраженной политической позиции, не проявляющие определенных симпатий к каким-либо политическим лидерам или партиям, слабо информированные как о самих субъектах политики, так и об их целях, программах. Они полностью погружены в свои личные проблемы, их мало интересует предвыборная борьба; они не могут определиться в том, за кого будут голосовать и вообще придут ли на выборы;

4) **настроенные недоверчиво**. Обычно этот слой составляет люди, симпатизирующие другим политическим партиям и политическим лидерам, или люди с сформировавшимся предубеждением ко всем политикам, разочаровавшиеся, не верящие в возможности представленных на политической арене государственных и политических деятелей конструктивно решать проблемы страны или региона. С уверенностью можно сказать, что они не будут голосовать за данного кандидата или избирательное объединение, потому что уже сделали другой выбор и готовы либо отдать свои голоса другому претенденту, либо принципиально не участвовать в голосовании;

5) **настроенные решительно против**. К ним относятся члены других политических партий и их активные сторонники. Сделанный представителями данного слоя политический выбор будет подталкивать их к поддержке «своего» кандидата или партии и тем самым вступать в противостояние и конфронтацию со всеми другими участниками избирательного процесса, противодействовать прохождению их кандидатов.

Организаторы избирательной кампании должны стремиться к тому, чтобы удержать в поле своего влияния две первых группы, вовлечь в

него третью и по возможности нейтрализовать действия тех, кто принадлежит к четвертой и пятой группам. Как правило, люди, не определившиеся со своими электоральными предпочтениями, составляют самый многочисленный массив избирателей. Именно за него и разворачивается ожесточенная конкурентная борьба.

В этой борьбе кандидат и его команда должны отдавать себе отчет в том, что перед ними — не одноликая масса, а множество индивидов, различающихся своими интересами, жизненными планами и т.п. Следовательно, реакции каждого из избирателей на программные заявления кандидата, на выдвигаемые лозунги, на рекламные плакаты могут оказаться различными, если не диаметрально противоположными. Как учесть в реальной практике данные особенности электорального поведения? Как удержать в поле своего влияния людей, принадлежащих к разным социальным группам?

В избирательных технологиях эта задача решается путем сегментирования электората, т.е. **разбивки его на группы (сегменты), объективная принадлежность к которым обуславливает появление у людей ряда общих признаков**. Например, в качестве таких сегментов могут рассматриваться студенты, учителя, матери военнослужащих, ветераны и т.п. Объективная принадлежность к этим группам влияет на интересы людей, их оценки политических событий, на отношение к кандидату и его программе.

В современных избирательных технологиях необходимость учета фактора социальной дифференциации населения признается всеми профессионалами. Как признает один из видных английских политических консультантов Ф. Гоулд, «мы все совершаем... ошибку, пытаясь обратиться ко всем и каждому. Однако суть ведущей к успеху политической стратегии заключается в том, чтобы делать выбор, и часто жесткий выбор. Необходимо признать, что вы не можете адресовать свой политический призыв всем — вам придется выбирать»¹.

Социальные группы, выделяемые в ходе избирательной кампании для узко направленного воздействия, называются адресными группами.

Необходимость сегментирования электората и выделения адресных групп обусловлена не только социальной дифференциацией населения. Выбирая адресные группы, организаторы кампании переходят от тактики «недифференцированного политического маркетинга», когда ко всем примеряются одни и те же методы воздействия, к тактике «снайперской стрельбы». Эта тактика позволяет не тратить значительные средства на массовое производство однотипной рекламной продукции,

¹ Гоулд Ф. Стратегическое планирование избирательной кампании // Полис. 1993. № 4. С. 136.

которая вряд ли будет востребована, а применять приемы, которые могут найти отклик только у представителей специфической группы.

Наиболее распространенными критериями сегментирования электората являются следующие: демографические (молодые и пожилые, мужчины и женщины), социoproфессиональные (шахтеры, учителя, студенты и т.д.), территориально-поселенческие (городские, сельские жители, жители больших или малых городов), этнические (особенно важны в многонациональных округах), имущественное расслоение (богатые, бедные, средний класс) и др. Главная причина обращения к этим основаниям сегментирования заключается в том, что сведения о численном составе каждой такой группы можно получить относительно легко, достаточно лишь изучить собранные ранее статистические данные по интересующему округу.

Однако острая конкурентная борьба вынуждает соперников по выборам искать свои ниши в социальном пространстве и ориентироваться не на большие социальные группы, а на более мелкие сегменты в них. Например, КПРФ стремится ориентироваться на ту часть студенчества, которая находится в наиболее бедственном материальном положении, а Демократический выбор России — на ту часть пожилых людей, которые пострадали от советского режима и не хотят возврата к прошлому.

Сегментирование электората — не самоцель избирательной кампании, а способ дойти до как можно большего числа людей, предложить им решение именно тех проблем, которые их волнуют, адаптировать политическую рекламную продукцию к особенностям восприятия этих людей, к их пониманию происходящих событий. Выбор адресных групп в каждой избирательной кампании — необычайно сложное дело. Он должен основываться на знании различных нюансов образа жизни, миропонимания различных социальных групп. И здесь нельзя ошибиться, иначе все потраченные усилия пропадут даром.

Имидж кандидата

Центральное место в избирательной кампании занимает кандидат. Даже если выборы осуществляются по пропорциональной системе и население голосует за партийный список, то все равно ключевыми фигурами в предвыборной гонке остаются те, кто возглавляет этот список. От того, какие у избирателей сложатся представления, оценки, мнения о кандидате, зависит в конечном счете успех или провал избирательной кампании. Вот почему имидж лидера становится главной заботой всей его команды.

Имидж формируется целенаправленно путем контроля над содержанием распространяемой информации и коммуникационными потоками. Политический лидер заинтересован в направленном конструировании своего имиджа, так как в этом случае имиджу можно придать те черты, которые позволят вызвать позитивное отношение населения к

нему. При подготовке и проведении избирательной кампании данное направление деятельности команды кандидата становится ключевым.

Каковы основные принципы конструирования имиджа кандидата? Прежде всего определяется типаж кандидата, т. е. совокупность наиболее важных его черт, создающих впечатление целостности его натуры. Выбор типажа осуществляется с учетом:

- ранее сложившихся в массовом сознании представлений о кандидате (в ходе избирательной кампании невозможно коренным образом изменить образ известного политика);
- ожиданий избирателей (какие качества кандидата могут быть востребованы в данной ситуации, чего ждут от него массы);
- выбранной стратегии избирательной кампании (основные идеи, темы избирательной кампании должны работать на имидж кандидата, помогать его раскрытию и, наоборот, избранный типаж должен реализовываться в программе и лозунгах).

Так, на политическом рынке России в конце 1990-х гг. — как, впрочем, и в начале нынешнего столетия — основными типажам были следующие: **гуманитарий** (ученый, преподаватель, экономист, например, Г. Явлинский); **хозяйственник** (например, Ю. Лужков); **борец** (например, В. Жириновский); **человек власти** (вождь нации, государственный человек, крупный чиновник, например, ранее Б. Ельцин, а сегодня В. Путин); **силовик** (например, генерал А. Лебедь); **технократ** (менеджер западного типа, например, А. Чубайс); **бизнесмен** (например, Р. Абрамович); **экзотик** (полярники, звезды эстрады, спорта и т. п., например, И. Кобзон, А. Чилингаров)¹.

После выбора типажа имиджмейкеры приступают к детальной разработке имиджа кандидата. Она начинается, как правило, с «создания биографии», когда продумывается содержание и форма подачи реальных событий из жизни кандидата с тем, чтобы сделать его образ более привлекательным в глазах избирателей, чтобы подчеркнуть те черты характера, которые делают обоснованными его притязания на высокий государственный пост. С этой целью акцентируется внимание на тех фактах его биографии и личностных качествах, которые работают на выбранный типаж. Если речь идет об известных и далеко не однозначно воспринимаемых широкой публикой фактах биографии политика, то следует постараться убедить общественность, что проявленные в ходе тех событий черты характера кандидата в наибольшей степени соответствовали требованиям сложившейся ситуации и не противоречат ее (общественности) сегодняшней позиции.

¹ См.: Максимов А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов (российский опыт). М., 1999. С. 42.

Раскрытию имиджа кандидата должна быть подчинена вся пропагандистская и агитационная работа избирательного штаба. Тексты выступлений, программные заявления, рекламная продукция, массовые акции — все это должно работать на избранный типаж кандидата. Если разрабатывается образ «борца», то выступления кандидата должны быть напористыми, обличительными, его программные заявления — критичными и ориентирующими на серьезные изменения, на митингах он должен призывать людей к активным действиям, борьбе и т. д.

Одновременно идет серьезная работа психологов с самим кандидатом. Последний своим внешним обликом, манерами общения с людьми, речью должен соответствовать избранному типуажу. При этом учитывается, что люди воспринимают не столько вербальный, сколько визуальный образ кандидата. Они оценивают его внешность, состояние здоровья, эмоциональную напряженность, и их оценка, сложившаяся и действующая на уровне подсознания, часто оказывается сильнее, чем рациональное отношение к его программе. С целью приведения в соответствие внешних проявлений активности кандидата с избранным типажом проводятся психотренинги, т.е. специальные упражнения, исполняемые под наблюдением и контролем опытных психологов. Особо ответственные выступления, например по телевидению, репетируются. Во время репетиций отрабатывается все до мельчайших подробностей: текст выступления, манера говорить, где следует изменить тембр голоса, какой надеть костюм, галстук и т.п.

В процессе конструирования имиджа кандидата нет мелочей. Любая оплошность, малейший промах могут быть использованы конкурентами для его дискредитации. Вхождение в образ и его поддержание на публике требуют от кандидата больших внутренних усилий. Далеко не каждый человек может выдержать подобное психологическое напряжение.

3. Тактика избирательной кампании

Тактические технологии в избирательных кампаниях

Стратегический замысел избирательной кампании может быть реализован только в конкретных делах самого кандидата, его команды и их добровольных помощников. Именно в их действиях избирательная кампания приобретает знакомые очертания: распространяется рекламная продукция, организуются публичные выступления кандидата, на улицах появляются агитаторы. Как правило, выбор тех или иных технологических приемов непосредственно зависит от избранной тактики, т.е. совокупности приемов и способов деятельности, непосредственно определяемых развитием ситуации и намерениями действующих лиц.

Назначение тактики — проинформировать население о кандидате, основных целях его программы, сформировать у избирателей мнения, суждения, убеждения, оценки, установки, ориентирующие их на поддержку именно этого кандидата. Разнообразные тактические приемы можно рассматривать как конкретные способы воздействия на сознание, мотивацию избирателей в соответствии с целями организаторов избирательной кампании. Если стратегия избирательной кампании выстраивается как поиск ответа на вопрос, **что** надо делать, то тактика — **как** надо действовать, чтобы достичь поставленной цели.

Тактическое искусство есть умение сделать так, как никто еще не делал, это постоянное творчество. Ведь каждая избирательная кампания предполагает применение новых приемов борьбы за голоса избирателей. Вместе с тем, несмотря на многообразие тактических приемов, используемых в предвыборной борьбе, можно выделить некоторые **стержневые направления**, которые с большим или меньшим успехом реализуются всеми участниками избирательного процесса.

Первое такое направление — **создание лозунга**, т.е. краткого обращения к избирателям, которое становится лейтмотивом всей избирательной кампании и тиражируется практически во всей рекламной продукции кандидата или избирательного объединения. Так, предвыборная кампания в Государственную Думу в 2007 г. проводилась партией «Единая Россия» под лозунгом «Реализации плана Путина», ЛДПР — «Не врать и не бояться», КППРФ — «За достойную жизнь» и т.д. Назначение слогана — помочь избирателю понять и запомнить главную программную цель кандидата или партии (объединения). Вот почему слоган тиражируется во всей рекламной продукции избирательного объединения, его повторение не только способствует запоминанию, но и облегчает идентификацию избирателей с кандидатом. Однако для решения этой задачи слоган должен, во-первых, выражать главную идею избирательной кампании кандидата или объединения, а во-вторых — иметь яркую, запоминающуюся форму.

Второе стержневое направление — **создание информационных поводов**. В современном обществе на население обрушивается лавина различной информации. И каждый раз более свежая информация вытесняет ту, которая распространялась прежде. Если кандидат или избирательное объединение хотят, чтобы о них знали и помнили избиратели, они должны постоянно создавать различные информационные поводы, чтобы телевидение, радио, печать постоянно распространяли о них нужную информацию. Б. Брюс, работавший политическим консультантом М. Тэтчер, рассказывал, как в ходе одной из избирательных кампаний он и его группа разработали серию ежедневных событий, которые высвечивали определенные черты ее характера, и старались подстроить эти события так, чтобы те попадали в вечерние

телевизионные выпуски новостей. В итоге телезрителям каждый вечер показывали М. Тэтчер, которая то проверяла свое сердце с помощью новейшей аппаратуры, то ласкала родившегося теленка, то помогала женщинам шить платья и т. д.¹ Среди отечественных политиков мастером создания информационных поводов можно назвать В. Жириновского, чьи манеры поведения, неожиданные заявления всегда находятся в центре внимания журналистов.

Третье стержневое тактическое направление — **подготовка и распространение политической рекламы**. Часто рекламой называют всю деятельность организаторов избирательной кампании по продвижению имиджа их кандидата. Однако среди всего многообразия пропагандистских акций всегда есть акции, связанные с изготовлением и распространением печатной и визуальной продукции за счет средств избирательного фонда. Строго говоря, именно эта продукция и представляет собой рекламу. Это — телевизионные рекламные ролики, плакаты, листовки, буклеты, календари, прямая почтовая корреспонденция, реклама в Интернете, а также в газетах и журналах.

Организаторы избирательной кампании полностью контролируют процессы создания и распространения собственной рекламной продукции, поэтому от их способностей, умений и навыков зависит то, насколько она окажется эффективной, действенной. Назовем некоторые основные требования к рекламе в избирательной кампании. Во-первых, любая рекламная продукция должна способствовать раскрытию главной, стратегической идеи избирательной кампании. Должен быть установлен строгий контроль за ее производством, так как нужен не просто хороший в полиграфическом и художественном отношении плакат именно тот, который будет способствовать продвижению имиджа кандидата. Во-вторых, реклама должна привлекать к себе внимание, чтобы человек, для которого она предназначена, задержал свой взгляд на рекламном щите, захотел прочитать листовку, досмотреть до конца рекламный ролик и т. д. В-третьих, реклама должна быть информативной и мобилизующей, т.е. ориентировать избирателей на определенный тип электорального поведения. В-четвертых, рекламируемый образ должен запоминаться, вызывать нужные ассоциации, формировать соответствующее эмоциональное отношение. Только в этом случае реклама сможет оказать определенное воздействие на мотивацию избирателя.

Для повышения действенности рекламы используются различные технологии ее изготовления. Например, при создании плаката важны и цвета, и размер шрифта, и расположение портрета кандидата или эмблемы партии; при создании рекламного ролика — темп и характер действия, фон изображения, сопутствующая мелодия.

¹ См.: Почепцов Г. Паблик рилейшнз. М., 1998. С. 269.

Четвертое стержневое тактическое направление — **организация выступлений кандидата перед избирателями**. При умелой организации таких встреч непосредственное общение с кандидатом оказывает самое сильное воздействие на избирателей. Такие встречи помогают кандидату устанавливать положительный эмоциональный контакт со своими избирателями, тем самым облегчая себе решение задачи оказания направленного воздействия на мотивацию их электорального поведения. Однако для возникновения такого эмоционального контакта необходимо не только кандидату продемонстрировать свои лидерские качества, но и его команде провести предварительную работу с населением. Суть этой работы заключается в сборе объективной информации о настроениях, интересах, ценностных ориентациях избирателей, в подготовке лиц, задающих «удобные» вопросы. При проведении массовых акций предпринимаются меры, направленные на создание особого эмоционального настроя людей. Для этого подбирается соответствующая музыка, создаются группы скандирования, которые поддерживают ключевые тезисы оратора и как бы задают нужный ритм толпе, делая ее таким образом более восприимчивой, внушаемой, открытой к принятию вербального и визуального образа кандидата.

Многообразие тактических приемов, используемых в рамках одной избирательной кампании, требует их координации. Вот почему тактика избирательной кампании всегда планируется, т. е. составляется план-график работы кандидата, членов его команды, отвечающих за разные направления работы (рекламу, связь со средствами массовой информации, проведение массовых мероприятий, сбор информации о действиях соперников и т.д.).

Конкурентная борьба в избирательном процессе

В современном обществе кандидату и его команде приходится вести избирательную кампанию в острой конкур-

рентной борьбе за голоса избирателей. Эта борьба идет по трем направлениям:

- продвижение позитивного имиджа кандидата и его программы;
- критика, разоблачение недостатков соперников;
- защита уязвимых сторон кандидата и его программы от критики со стороны соперников.

В ходе любой избирательной кампании приходится решать вопрос о соотношении этих трех направлений. Можно построить предвыборную борьбу на пропаганде своей программы. Обычно этот путь выбирают партии и кандидаты, находящиеся у власти и добившиеся значительных позитивных результатов. Можно выбрать в качестве главного направления критику, разоблачение конкурентов. Как правило, этот путь

выбирают оппозиционные силы либо кандидаты, которые, находясь у власти, не смогли добиться позитивных результатов. Если в предвыборной борьбе приоритетным становится третье направление — защита имиджа, программы, то это говорит о слабости кандидата и его команды. Участник предвыборной гонки, перешедший в оборону, обречен на поражение, так как против него начинает работать стереотип массового сознания: «если оправдывается, значит — виноват».

Борьба с конкурентами нередко обретает необычайно жесткие формы, выходит за рамки конструктивной критики предвыборных программ и выливается в соревнование «компроматов». Такое жесткое ведение борьбы преследует цель не только дискредитировать в глазах избирателей своего соперника, но и вывести последнего из психологического равновесия, чтобы он начал совершать ошибки, занял оборонительную позицию и в конечном итоге проиграл свою избирательную кампанию. Вот почему, готовясь к избирательной кампании, кандидат и его команда обязательно должны знать свои уязвимые позиции, заранее готовиться к защите, а также собирать информацию о конкурентах, отслеживать их действия, предупреждать возможные провокации.

Борьба с конкурентами продумывается и планируется не менее тщательно, чем позитивная реклама собственной программы. Например, один из избирательных штабов в ходе президентских выборов в России намечал провести следующие мероприятия: после обнародования кандидатом своей предвыборной программы дать специальный блок статей о том, что программа вызвала недовольство в партийном руководстве и региональных отделениях партии; продолжить серию статей, в которых предполагалось рассказать о том, что в этой партии нет единства и идет постоянная борьба; продолжить в СМИ тему о том, что данная партия играет деструктивную роль в нынешней Государственной Думе; провести тщательный анализ списка доверенных лиц кандидата и подготовить материалы по выявленным нарушениям ими закона или норм морали; обеспечить ближе к выборам публичный отказ одного-двух доверенных лиц от представления интересов кандидата в связи с тем, что он «неконструктивен и обманывает общество».

Обычным делом в практике предвыборной борьбы является выброс в средства массовой информации материалов, компрометирующих соперника. Такие материалы готовятся заранее: изучается биография конкурента, выявляются его сомнительные связи и неблагоприятные поступки, его слабости и недостатки. В избирательной кампании бывает важно точно рассчитать время выброса компромата: если это сделать рано, то люди под влиянием новой информации просто забудут о нем, а если ближе ко дню выборов, то можно не успеть «раскрутить» его в средствах массовой информации. Если не удастся собрать компрометирующие материалы, в антирекламе могут обыгрываться любые осо-

бенности поведения кандидата. Его могут показывать по телевидению то запинаящимся, то заикающимся, комментаторы могут акцентировать внимание зрителей на его возрасте, состоянии здоровья, манере поведения и т.д.

Зачастую в борьбе с соперниками нередко применяются так называемые «грязные технологии». В этом случае речь уже идет не о сборе компрометирующих материалов, имевших место на самом деле, а о сознательной подтасовке или искажении фактов. К «грязным технологиям» также относятся: подкуп избирателей; выставление в избирательном округе однофамильцев кандидатов-соперников с целью дезориентации избирателей; распространение листовок от имени конкурирующего избирательного объединения в день, когда агитация запрещена законом; распространение анонимной антирекламы, порочащей честь и достоинство конкурентов, и т.д.

Конкуренция в избирательном процессе делает неизбежной агитацию «за» и «против» любого кандидата. Законодательство в демократических странах не запрещает контррекламу, но определяет ту грань, через которую не может переходить ни один кандидат и его команда в их борьбе с соперниками. Эта борьба не может основываться на ложных фактах, на сознательных провокациях, на нарушении закона. Только при таких условиях конкурентная борьба может выполнить свою главную задачу — помочь выдвинуться тем, кто не запятнал себя грязными делами, кто не замешен в различных авантюрах, кто завоевал симпатии большинства избирателей.

Итак, избирательные технологии — это способы организации и проведения избирательной кампании, включающие разнообразные направления действий кандидата и его команды, ориентированных на достижение определенных политических целей. Эффективность этих действий зависит, во-первых, от того, насколько глубоко инициаторы избирательной кампании смогли проанализировать ситуацию в избирательном округе и выстроить адекватную этой ситуации стратегию избирательной кампании, и, во-вторых, от того, насколько творчески они подошли к ее проведению, смогли ли предложить массам нечто оригинальное и одновременно отвечающее их интересам и чаяниям.

СЛОВАРЬ

абсентеизм — уклонение от участия в выборах

автаркия — политика замкнутости, самоизоляции, отказа от внешнего общения

автохтонные нации — сформированные в рамках территории данного государства

агрегирование — технология согласования различных микрогрупповых позиций в рамках выработки единых политических требований той или иной группы

актор — практически действующий субъект

аномия — распад ведущих ценностей и установок

антиэнтропийность — способность системы к сохранению своей целостности

апологетика — предвзятая защита и оправдание идей, норм, институтов

артефакт — явление, формирующееся в результате воплощения определенных идей и представлений

артикуляция — технология преобразования чувств протеста в четкую субъективированную форму выражения интересов

архетип — некритически воспринимаемые человеком стандарты и стереотипы группового мышления

ассимиляция — поглощение

венчурность — рисковый характер (того или иного процесса)

верификация — процедура соотнесения теоретических гипотез и практических данных

вестернизация — механическое копирование западного опыта

гегемонизм — абсолютное превосходство

гиперреальность — мир образов, создаваемых в политическом пространстве телевидением и другими СМИ

гомеостаз — единая целостность

девиация — отклонение от норм

дефиниция — определение явления в понятийной форме

диверсификация — процесс внутреннего разделения, усиления разнообразия явления

дискретность — прерывистость, раздельность

дискурс — процесс взаимодействия идей (идеологий), их обсуждения

идентификация — понимание субъектом своей принадлежности к той или иной групповой общности

имидж — сознательно сконструированный образ (индивида, партии, государства)

инверсия — обращение в противоположность

индоктринация — технология насильственного внедрения в общественное сознание тех или иных идей и ценностей

инклюзивность — свойство проникновения политики в иные сферы общественной жизни

интеракция — динамическое взаимодействие двух и более субъектов (акторов)

интериорное — внутренне присущее

ирредентизм — политика объединения людей одной национальности, на одной территории, в рамках одного государства

каузальность — причинность

квантификация — количественное измерение явлений

коммуникация — осмысленное восприятие информации, сообщений

коммунитаризм — система общинных воззрений

компаративистика — сравнительные исследования

конвенционализм — приверженность единым подходам (оценкам, идеям), свидетельствующая об их однозначном использовании договаривающимися сторонами

концептуализация — выработка целостной и непротиворечивой интерпретации явления

криптоправление — форма теневой власти

ксенофобия — страх, враждебность по отношению к чужим (иностранцам)

кумулятивность — свойство внутреннего стремления субъекта к расширению своего влияния или полномочий

латентное — скрытое, явно не выраженное

легитимность — оправдание правомерности и поддержка власти со стороны конкретного актора

логроллинг — обобщенная трактовка технологий торгового и заключенного сделок между партнерами

маркетинг политический — совокупность знаний и технологий решения политических проблем в рыночных условиях

менталитет — совокупность наиболее устойчивых представлений, верований, стандартов и стереотипов сознания человека, его духовный склад

меритократия — форма властвования лучших людей

мониторинг — процедура отслеживания ситуации

омбудсмен — государственный правозащитник

парадигма — наиболее общая логическая модель постановки и решения познавательной задачи

партиология — наука о партиях

партогенез — (исторический и функциональный) процесс возникновения и развития партий

парциальность — принцип действия «здесь и сейчас»

плюрализм — множественность

постсовременность (постмодерн) — историческая стадия развития социума, отражающая доминирование в общественных отношениях укладов и структур, обусловленных нематериальными интересами людей, качественным возрастанием роли частной сферы и персонифицированным типом восприятия мира, использованием передовых информационных технологий

потестарность — пред-, протополитичность

презентация — публичное представление актором своих интересов и мнений

провиденциализм — учение, объясняющее развитие общества (политики, власти) в качестве предопределенного Божественным провидением

протекторат — политика государственного покровительства

рефлексия — размышление

реципиент — получатель информации

сегментация электорального рынка — разбивка электората на группы, обладающие различными предпочтениями

семантика — смысловая характеристика знаков, используемых при общении

страта — единица социальных измерений, отражающая ту или иную группу или постоянно складывающуюся общность

субкультуры — совокупность однородных ценностей и образцов поведения, присущих отдельным группам и отличающихся от культурных явлений всего общества

субстанция — устойчивая основа явления

телеологичность — целенаправленность

темпоральность — временная характеристика явления

толерантность — терпимость к чужим мнениям и чувствам

топологичность — пространственная характеристика явления

транзит — синоним процесса «перехода» традиционных государств к современному уровню развития

транзитология — отрасль знания, изучающая переходные отношения на основе исключения ценностных и целевых критериев идущих в различных обществах трансформаций

транспорентность — открытость, прозрачность явлений и процессов для стороннего наблюдателя

трансфер — механизм переноса значений одного объекта на другой

фобия — страх

фрустрация — досада, разочарование

шовинизм — признание превосходства нации над другими нациями и правами человека, дискриминация меньшинств

эгалитаризм — теория, оправдывающая равенство граждан

эксплицитность — внешнее выражение чего-либо

электорат — граждане, исполняющие роль избирателей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ	5
1. Процесс формирования политической науки	5
<i>Структура политического знания (5). Функции политической науки (7). Этапы развития научно-теоретического знания (9)</i>	
2. Особенности и структура политической науки	12
<i>Особенности политической науки (12). Проблема предмета политической науки (13). Статус политической науки (15). Объект и предмет политической науки (15)</i>	
3. Методы политических исследований	19
<i>Сущность и основные этапы эволюции методов изучения политики (19). Противоречивость методов изучения политики (20). Бихевиоризм (21). Основные современные методы изучения политики (22). Особенности современного этапа исследования политики (24). Роль традиций в изучении политики (26)</i>	
Глава 2. ПОЛИТИКА	29
1. Теоретические подходы к изучению и трактовки политики	29
<i>Основные парадигмы политологии (29)</i>	
2. Сущность и отличительные черты политики как общественного явления	35
<i>Принципы и факторы спецификации политики (35). Функции политики (38). Структура политики (39). Уровни организации политики (41). Свойства политики (41)</i>	
3. Взаимоотношения политики с другими сферами общества	42
<i>Характер отношений политики с другими сферами общественной жизни (42). Политика и экономика (45). Политика и право (46). Политика и мораль (49)</i>	
4. Основные тенденции эволюции современной политики	55
<i>Предпосылки и тренды современной политики (55). Современный дискурс о роли политики в обществе (59)</i>	
Глава 3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ	61
1. Природа и сущность политической власти	61
<i>Власть и ее исторические формы (61). Современные теоретические трактовки политической власти (63). Сущность политической власти (66). Процесс властвования (68)</i>	
2. Свойства политической власти	70
<i>Универсальные черты политической власти (70). Специфические свойства политической власти (72)</i>	

3. Легитимность политической власти	75
<i>Понятие легитимности политической власти (75). Источники легитимности (76). Типы легитимности (78). Кризисы легитимности и способы их урегулирования (79)</i>	
Глава 4. ИНДИВИД КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР	82
1. Человек и власть	82
<i>Понятие и структура основных политических акторов (82). Особенности индивида как политического актора (83). Исторические модели взаимоотношений власти и человека (84)</i>	
2. Права человека	87
<i>Понятие прав человека (87). Основные теоретические трактовки прав человека (90). Типология прав человека (92). Основные нарушения прав человека (94)</i>	
3. Политическое участие	96
<i>Понятие политического участия (96). Основные подходы к трактовке политического участия (98). Факторы политического участия (100). Формы и типы политического участия (102). Политический протест (103)</i>	
Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ И ЛИДЕРЫ	105
1. Возникновение и развитие элитистских подходов	105
<i>Формирование элитистских представлений (105). Учение В. Парето и Г. Моски (106). Современные элитистские теории (109)</i>	
2. Сущность, структура и функции политической элиты	111
<i>Место и роль элит в политическом процессе (111). Основные функции политической элиты (112). Структура политической элиты (114). Способы определения состава правящей политической элиты (116). Государственная бюрократия как составная часть политической элиты (117)</i>	
3. Политическое лидерство	119
<i>Основные трактовки политического лидерства (119). Сущность политического лидерства как института власти (121). Функции политического лидерства (123). Типология политического лидерства (125). Способы рекрутирования политических лидеров и элит (126)</i>	
Глава 6. СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЕ АКТОРЫ	128
1. Система социального представительства	128
<i>Понятие системы социального представительства (128). Социальная стратификация: сущность и отличительные особенности (129). Источники политической активности групп (133)</i>	
2. Самоорганизация группы как политического актора	137
<i>Артикуляция групповых интересов (137). Процесс агрегирования групповых интересов (139). Формирование представительных структур (141). Типология систем представительства гражданских интересов (142)</i>	

3. Динамика социальной структуры в современном мире	144
<i>Социальные источники политических изменений в стабильных и переходных обществах (144). Роль среднего класса в индустриально развитых странах (146). Основные социальные факторы политических изменений в переходных обществах (148). Особенности социальной стратификации в современном российском обществе (149)</i>	
Глава 7. НАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ АКТОР	152
1. Нации в политическом измерении	152
<i>Основные подходы в трактовке наций (152). Конструктивистское понимание нации (154). Примордиалистские трактовки нации (155)</i>	
2. Национализм	160
<i>Сущность национализма (160). Место национализма в политике (161). Структура национализма (163). Понятие национальных интересов (167). Типы и механизмы урегулирования национальных конфликтов (169)</i>	
3. Национальные движения в современном мире	172
<i>Типы национализма (172). Национализм и демократия (173)</i>	
Глава 8. ГОСУДАРСТВО КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ	176
1. Понятие политического института	176
<i>Сущность и структура политических институтов (176)</i>	
2. Природа и сущность государства	178
<i>Понятие и теории происхождения государства (178). Причины возникновения государства (181). Основные признаки государства (183)</i>	
3. Внутреннее устройство государства	185
<i>Формы территориального устройства государства (185). Формы государственного правления (188)</i>	
4. Типы современных государств	189
<i>Правовое государство (189). Разделение властей в правовом государстве (192). Социальное государство (194). Тенденции и проблемы развития государства (196)</i>	
Глава 9. ГРУППЫ ИНТЕРЕСОВ И ПАРТИИ	199
1. Группы интересов	199
<i>Понятие группы интересов (199). Типология групп интересов (201). Место и роль групп давления в политическом процессе (203)</i>	
2. Политические партии	206
<i>Понятие политической партии (206). Функции политических партий (208). Основные этапы партогенеза (210)</i>	
3. Типы партий и партийных систем	215
<i>Типология партий (215). Сущность и разновидности партийных систем (218)</i>	
Глава 10. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА	222
1. Принципы системного описания политики	222
<i>Зарождение и развитие системного анализа политики (222). Основные теории политических систем (224). Постсистемные трактовки политики (228). Сущность, структура и функции политической системы (230)</i>	

2. Политический режим	233
<i>Сущность и особенности политического режима (233). Понятие политической стабильности (235). Политическая оппозиция (236)</i>	
3. Типология политических систем	239
<i>Основные типологии политических систем (239). Интегративная типология политических систем (241)</i>	

Глава 11. АВТОРИТАРНАЯ И ТОТАЛИТАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

1. Авторитарная политическая система	243
<i>Сущность и особенности авторитарной политической системы (243). Структурные особенности авторитаризма (246). Разновидности авторитаризма (247)</i>	
2. Тоталитарная политическая система	249
<i>Формирование теории тоталитаризма (249). Предпосылки возникновения, сущность и отличительные свойства тоталитаризма (251). Особенности тоталитарных идеологий (253). Институциональные и нормативные свойства тоталитаризма (256). Тоталитаризм и современность (258)</i>	

Глава 12. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТИПА

1. Основные теории демократии	261
<i>Основные трактовки демократии (261). Современные теории демократии (264)</i>	
2. Особенности демократической политической системы	269
<i>Сущность политической системы демократического типа (269). Универсальные свойства демократии (271). Гражданское общество (274)</i>	
3. Формирование и развитие демократических политических систем	277
<i>Механизмы формирования политической демократии (277). Внутренние противоречия и опасности демократии (279). Демократический аудит (284)</i>	

Глава 13. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

1. Сущность и типы политических процессов	286
<i>Понятие политического процесса (286). Основные черты и особенности политического процесса (288). Типология политических процессов (291). Переходные политические процессы (293)</i>	
2. Политическая модернизация	296
<i>Понятие «первичной» («спонтанной») и «вторичной» (отраженной) модернизации (296). Развитие теории политической модернизации в 70–80-х гг. XX в. (297)</i>	
3. Современный этап развития теории модернизации	303
<i>Основные тенденции развития «современных» государств (303). Особенности модернизации современного российского общества (307)</i>	

Глава 14. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА	310
1. Сущность и специфика мировой политики	310
<i>Особенности мировых политических процессов (310). Теоретический дискурс о мировой политике (314). Теоретические дискуссии о мировой политике во второй половине XX — начале XXI в. (317)</i>	
2. Геополитика	320
<i>Возникновение и сущность геополитики (320). Классические геополитические теории (321). Геополитические идеи середины—конца XX в. (323)</i>	
3. Современные тенденции развития мировой политики	326
<i>Новейшие тенденции развития мировой политики (326). Особенности современной внешнеполитической стратегии России (330)</i>	
Глава 15. НЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СФЕРА ПОЛИТИКИ	332
1. Понятие неинституциональной сферы политики	332
<i>Природа и сущность неинституциональной сферы политики (332). Структура неинституциональной сферы (334)</i>	
2. Сущность и функции политической идеологии	336
<i>Понятие политической идеологии (336). Уровни политической идеологии (340). Тенденции эволюции политической идеологии (341)</i>	
3. Основные идеологические течения в современном мире	343
<i>Либерализм и неолиберализм (344). Консерватизм и неоконсерватизм (347). Коммунистическая и социалистическая идеология (350). Социал-демократия (352). Фашизм и терроризм (353). Идеологический дискурс (357)</i>	
Глава 16. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	359
1. Сущность и особенности политической психологии	359
<i>Понятие и значение психологии (359). Роль политической психологии в политическом процессе (362). Особенности политической психологии (365). Феномен толпы (368)</i>	
2. Структура и функции политической психологии	369
<i>Структура политической психологии (369). Устойчивые элементы политической психологии (371). Политические настроения (373)</i>	
3. Политическое поведение	375
<i>Сущность политического поведения (375). Типы политического поведения (377)</i>	
Глава 17. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА	379
1. Понятие политической культуры	379
<i>Сущность и понятие политической культуры (379). Функции политической культуры (383). Структура политической культуры (385)</i>	
2. Типы политической культуры	387
<i>Критерии типологизации политической культуры (387). Особенности политических культур западного и восточного типов (389). Особенности современной российской политической культуры (392)</i>	

3. Политическая социализация	395
<i>Сущность политической социализации (395). Основные способы и механизмы политической социализации (396). Этапы политической социализации (398)</i>	
Глава 18. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ	401
1. Сущность и особенности коммуникативных процессов в политической сфере	401
<i>Сущность политических коммуникаций (401). Структура политической коммуникации (405).</i>	
2. Массовые политические коммуникации	409
<i>Сущность и особенности массовых политических коммуникаций (409). СМИ в системе массовой коммуникации (411). Структура СМИ и проблемы их функционирования (414)</i>	
3. Общественное мнение	418
<i>Понятие общественного мнения (418). Отличительные черты, структура и функции общественного мнения (419). Формирование общественного мнения (421)</i>	
Глава 19. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ	423
1. Сущность и отличительные особенности политических технологий	423
<i>Понятие политических технологий (423). Структура политических технологий (428). Процедурные и технические компоненты политических технологий (431)</i>	
2. Типы политических технологий	432
<i>Разнообразие политических технологий (432). Нормативные и девиантные технологии (434)</i>	
3. Формирование политических технологий	436
<i>Субъективный способ формирования технологий (436). Аналитический способ формирования технологий (437)</i>	
Глава 20. ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ	439
1. Сущность и особенности политического анализа	439
<i>Место и роль политического анализа в исследовании политики (439). Особенности политического анализа (441). Структура политического анализа (445). Процесс политического анализа (447)</i>	
2. Методы политического анализа	450
<i>Структура и отличительные черты общих методов политического анализа (450). Частные методы политического анализа (454)</i>	
3. Политическое консультирование	460
<i>Причины возникновения и задачи политического консультирования (460). Основные формы и типы политического консультирования (462). Критерии эффективности процесса политического консультирования (464)</i>	

4. Стадии и способы консультирования	466
<i>Подготовительная и начальная стадии политического консультирования (466). Завершающие этапы консультирования (468)</i>	

Глава 21. ТЕХНОЛОГИИ КОНТРОЛЯ И УПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ

1. Структура и содержание конфликтов	470
<i>Структура и основные формы политических конфликтов (470). Источники политических конфликтов (472). Типология политических конфликтов (475)</i>	
2. Технологии контроля и управления политическими конфликтами	477
<i>Сущность управления и контроля за конфликтами (477). Основные стратегии управления конфликтами (479)</i>	
3. Этапы урегулирования и разрешения конфликтов	481
<i>Критерии этапизации процесса управления конфликтами (481). Пошаговая этапизация конфликта (482). Техники переговорного процесса (488)</i>	

Глава 22. ПРИНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

1. Принятие решений в политической сфере	491
<i>Понятие и основные подходы к принятию решений (491). Особенности государства как субъекта принятия решений (493)</i>	
2. Технологии формирования государственной политики	499
<i>Политическое прогнозирование (499). Планирование и программирование (501). Технологии управления рисками (503). Антикризисные технологии (505)</i>	
3. Этапы принятия решений	508
<i>Подготовительный этап принятия решений (508). Этап постановки целей (510). Этап реализации целей и завершающий этап (513)</i>	

Глава 23. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

1. Информационные технологии в принятии политических решений	515
<i>Информационно-коммуникативные подсистемы (515). Информационные технологии выработки и принятия решений (516). Технологии функционального преобразования информации и принятия решений (520). Особенности информационных технологий, применяемых на политическом рынке (523). Стратегии поведения государства на информационном рынке (524)</i>	
2. Технологии агитационно-пропагандистского и маркетингового типа	525
<i>Информационные технологии агитационно-пропагандистского типа (525). Технологии публичных релейинз (ПР) (527). Информационные технологии создания имиджа (530). Политическая реклама (532)</i>	
3. Компьютерные технологии на информационном политическом рынке	537
<i>Информационная революция и политика (537). Интернет как средство коммуникации (538). Содержание и технологии Интернета (541)</i>	

Глава 24. ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ	544
1. Избирательный процесс и избирательная кампания	544
<i>Типы избирательных систем и избирательного процесса (544). Избирательный процесс и избирательная кампания (548). Избирательные технологии (549)</i>	
2. Структурные звенья избирательной кампании	551
<i>Анализ предвыборной ситуации (551). Стратегия избирательной кампании (553). Адресные группы (554). Имидж кандидата (557)</i>	
3. Тактика избирательной кампании	559
<i>Тактические технологии в избирательных кампаниях (559). Конкурентная борьба в избирательном процессе (562)</i>	
Словарь	565

Учебное издание

Соловьев Александр Иванович

ПОЛИТОЛОГИЯ

Политическая теория. Политические технологии

Учебник

Ведущий редактор *Л. Н. Шипова*

Корректор *А. А. Барина*

Художник *Д. А. Сенчагов*

Компьютерная верстка *С. А. Артемьевой*

Подписано в печать 16.07.09. Формат 60×90¹/₁₆.

Усл.-печ. л. 36. Тираж 3000 экз. Заказ №

ЗАО Издательство «Аспект Пресс»

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 8.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел. (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.